

Турецкие Народные сказки •

Турецкие
Народные
сказки

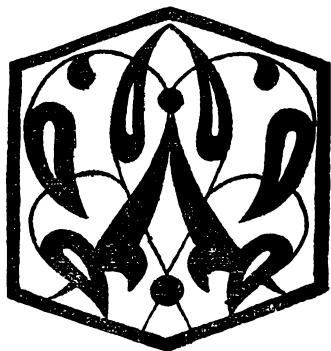

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»**

»⊕» **С** Қазқи и мифы
Ғародов Востоқа

Турец-
кие
Народ-
ные
сказ-
ки

ПЕРЕВОД С ТУРЕЦКОГО
Н.А.ЦВЕТИНОВИЧ-ГРЮНБЕРГ
РЕДАКЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ, КОММЕНТАРИИ
Н.К.ДМИТРИЕВА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1967

Второе издание

*Редакционная коллегия серии
«Сказки и мифы народов Востока»:*

**И. С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТинский,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ**

**Типологический анализ сюжетов
и библиография**

ИСИДОРА ЛЕВИНА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборник «Турецкие народные сказки», предлагаемый вниманию читателей, полностью повторяет издание 1939 г., которое вышло в свет в Ленинграде небольшим тиражом.

С тех пор прошла четверть века, но до этого времени на русском языке не было издано другого сборника турецких сказок, который отличался бы такой тщательностью подготовки и продуманностью принципов перевода. В этом заделуга как переводчицы Н. А. Цветинович-Грюнберг, так и ныне покойного редактора книги, выдающегося ученого-тюрколога Н. К. Дмитриева. Принципы перевода подробно изложены в его предисловии «Турецкие сказки», которое публикуется нами без всяких изменений и дополнений. При этом мы исходили из того, что статья Н. К. Дмитриева полностью отражает уровень изучения турецких сказок того времени, когда она была написана.

Тексты сказок вновь просмотрены переводчицей Н. А. Цветинович-Грюнберг, которая внесла в них лишь несколько незначительных редакционных уточнений. Книга содержит также подготовленное ленинградским фольклористом И. Г. Левиным приложение — типологический анализ сюжетов сказок, отсутствовавший в первом издании, и подробную библиографию.

Выпуская в свет эту хорошо зарекомендовавшую себя книгу, мы не исключаем, однако, возможности издания в будущем новых сборников турецких сказок, основанных на более поздних записях и публикациях.

*Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»*

ТУРЕЦКИЕ СКАЗКИ

I

В истории собирания¹ и изучения² турецкого фольклора, в частности турецкой сказки, совершенно особое место принадлежит венгерскому востоковеду И. Куношу. Можно сказать, что без Куноша мы бы не имели настоящего представления о турецкой сказке. Для своего же времени (80-е годы) первое издание турецких сказок, сделанное Куношем (*Oszmán török népköltési gyűjtemény*), представлялось совершенно исключительным событием. Материалы по турецким сказкам, собранные помимо Куноша, коли-

¹ Основные сборники турецких сказок на турецком языке: а) Kúnos, Ignác, *Oszmán török népköltési gyűjtemény*, Budapest, I, 1887; II, 1889 (д-р Игнатий Кунош, *Сборник османско-турецкого фольклора*, Будапешт, том I, 1887; том II, 1889); б) *Türkische Volksmärchen aus Adakale*. Gesammelt, in Transkription herausgegeben und mit Einleitung versehen von D-г Ignác Kúnos, Leipzig — New York, 1907 (*Турецкие сказки из Ада-кале*. Собрал, издал в транскрипции и снабдил введением д-р Игнатий Кунош, Лейпциг — Нью-Йорк, 1907); в) Турецкий сборник *Биллур кёшк хикайэси*, Стамбул, 1339 г. хиджры (в оригинале турецкий шрифт). Эти источники и легли в основу настоящего издания.

² Основные пособия по турецкой сказке на русском языке: 1) В. А. Гордлевский, *Обзор турецких сказок по сборнику Игн. Куноша*, — «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», М., 1900, стр. 185—219 (далее — *Обзор*); 2) В. А. Гордлевский, *Указатель литературы османской сказки*, — «Живая Старина», СПб., 1912, вып. II—IV, стр. 538—551 (далее — *Указатель*).

Основные пособия по турецкой сказке на иностранных языках: 1) И. Кунош, Введение к I тому «*Oszmán török népköltési gyűjtemény*» (1887); 2) И. Кунош, Введение к II тому того же издания (1889); 3) Предисловие Куноша к адакалийскому сборнику «*Türkische Volksmärchen aus Adakale*» (1907); 4) Работа немецкого востоковеда Якоба *Die türkische Volksliteratur*, 1901 (*Турецкий фольклор*); 5) Работа того же Якоба *Quellen und Parallelen zu einigen Stoffen der türkischen Volksliteratur* (*Источники и параллели к некоторым сюжетам турецкого фольклора*), опубликованная в венгерском журнале «*Keleti Szemle*».

чественно весьма невелики. Для собирателей этих материалов турецкие сказки не являлись непосредственной целью: на первом плане у них стояли вопросы языка и турецких диалектов (Ковальский и, в значительной степени, Гизе),— фольклор для них был только средством. При этом наибольшее внимание уделялось ими отнюдь не сказкам, а главным образом песням.

Кунош принадлежит к собирателям старой школы. Отдавая большое почти полувековой продуктивнейшей работе его в области турецкого фольклора, мы тем не менее должны указать, что некоторые приемы Куноша теперь нас уже не удивляют. В сборнике его фактически отсутствует документация записи. Излишне было бы искать у собирателя каких-либо данных по истории, экономике деревни и социальной принадлежности того, от кого производилась запись. Сказки записывались Куношем не прямо от рассказчика, а через посредника³. Посредники записывали сказки в своих харамах и после доставляли их Куношу. Большинство сказок записано под диктовку некоего Хюсни-эфенди. В распоряжении последнего была «целая армия старых женщин», которые старались припоминать сказки и в числе которых особенно выделялась столетняя Фатьма⁴. Другим источником были записи от отуреченных армянских женщин Стамбула; записи эти вел сам Кунош, но и они перерабатывались им совместно с Хюсни-эфенди. Вторую партию сказок, собранных на острове Ада-кале на Дунае, Кунош записал в 1890—1895 гг. с помощью некоего Мехмеда Фетхи⁵. Хуже всего то, что эти посредники, без которых в те времена собирать фольклор среди женщин было действительно невозможно, имели решающий голос в деле обработки текста. Да и сам Кунош отнюдь не относился к своим записям как к документу; ср. его фразу из введения к первому тому издания 1887 г.: «Сначала я заставлял его (Хюсни-эфенди.— Н. Д.) мне рассказывать, потом редактировал по содержанию и форме и записывал под его диктовку». Сравни также характерную фразу отсюда же: «Шуточное вступление, которым обыкновенно начинается сказка, так называемое тэкэрлемэ, я распределил (sic!) между различными сказками». Таким образом, язык сказок в записях Куноша подправлен, как подправляли его когда-то у сербов Вук Караджич (см. его введение к сказкам) и у нас ранние собиратели XVIII и начала XIX в.

В этом отношении, впрочем, адакалийский сборник (*Türkische Volksmärchen aus Adakale*) стоит выше: народная речь сохранена там непосредственнее, стиль сказок богаче идиомами, пословицами и поговорками, которые в первом сборнике встречаются, пожалуй, реже.

II

Итоги собирания и изучения турецкой сказки в самой Турции подведены В. А. Гордлевским в его «Указателе литературы османской сказки». Итоги эти скудны, и причины этого выясняются достаточно легко. В силу определенных исторических условий разобщение между правящими классами и крестьянской массой достигло в султанской Турции максимальных

³ И. Кунош, Введение к I тому «Сборника османско-турецкого фольклора», 1887.

⁴ Там же, стр. XLIV.

⁵ И. Кунош, Введение к «Турецким сказкам из Ада-кале», 1907, стр. XXVIII.

размеров. Между языком эфенди⁶, беев и духовенства, воспитанных на арабско-персидский манер и ориентирующихся на султанский двор, и языком народных масс не было почти ничего общего. Положение не изменилось, когда с начала XIX в. (кризис средневековой арабско-мусульманской культуры в Турции) верхи турецкого общества повернулись лицом к Европе и турецкая аристократия вместо арабского начала совершенствоваться во французском языке. Итак, «образованные» классы турецкого общества выработали себе особый тип языка и литературы и кичились этим полутурецким языком и полутурецкой литературой, отвергая все другое из этих областей, что могло претендовать на название турецкого. А этим другим могли быть только язык и фольклор, которыми жили широкие массы, неграмотные по-арабски и по-турецки. А так как широкие массы в своем быту, языке и фольклоре хранили следы доисламской культуры турок, то не удивительно, что в борьбе против всего народного (в частности, фольклора) не последнюю роль играло мусульманское духовенство. Фигура анатолийского крестьянина, «неотесанного тюрка», как его тогда называли, трактовалась как карикатура, а крестьянский фольклор рассматривался как такие бредни, на которые просто не стоит обращать внимания. Турецкие беи и эфенди стыдились подлинного турецкого фольклора, третировали и высмеивали его. Все показание источников, в частности сообщения И. Куноша, в этом отношении вполне единогласны⁷. Хранителей сказочной традиции Кунош видит в женщинах harema, в семейном кругу женщин и детей, которые проводят долгие зимние вечера в слушании сказок из уст какой-нибудь столетней сказительницы, уютно рассевшись вокруг особой вделанной в землю печки — *тандыра*. Недаром сказки (турецкий термин *масъл*) называются не иначе, как «сказки старой бабушки»⁸.

Но сказка сказке рознь. И старая Турция знала другие сказки, не только отвергаемые, но и «рекомендованные» для семей эфенди и даже султанского двора. Как известно, фольклор и книжная литература никогда не бывают абсолютно изолированы друг от друга. Их взаимное влияние обыкновенно порождает лубочную литературу, особый продукт словесного творчества, причем в каждом конкретном произведении такого рода, в зависимости от социальной среды его возникновения, будут преобладать либо элементы письменной литературы, либо элементы устного фольклора. Хотя в старой Турции книжная литература была очень резко отделена от фольклора и сферы его распространения, тем не менее диффузия происходила и здесь. Быть может, создание лубочной литературы входило в интересы правящих кругов, поскольку, таким образом, с одной стороны, создавался буфер против собственно фольклора («старушечьих рассказов»), а с другой стороны, отчасти были используемы все те художественные приемы стиля, которыми полнокровный фольклор отличается от анемичной, подражательной литературы. Мы не

⁶ Значение восточных слов, не объясненных примечаниями, см. в Указателе.

⁷ И. Кунош, Введение к I тому «Сборника османско-турецкого фольклора», 1887, стр. XLIII; В. Д. Смирнов, *Очерк истории турецкой литературы*, стр. 425 (далее — *Очерк*); В. А. Гордлевский, *Из истории османской пословицы и поговорки*. — *Живая Старина*, вып. II—III, СПб., 1909, стр. 108.

⁸ В самом названии чувствуется доля презрения. В. А. Гордлевский так и переводил этот термин: «сказки, старушечьи рассказы» (*Указатель*, стр. 540, прим. 2).

имеем данных, чтобы определить хронологию этого процесса; твердо известно только одно: к началу деятельности Куноша и Смирнова отдельные жанры собственно фольклора были уже почти вытеснены соответствующими жанрами лубочной литературы⁹. Лубочная литература отличалась от фольклора по композиции, метру, стилю и словарю: процент арабских и персидских заимствований в ней был много выше. По словам Куноша¹⁰, существует резкое разграничение между «сказками старой бабушки», носителями которых являются неграмотные женщины, и сказками лубочной литературы, которые рассказывает в кофейнях (иногда при дворе) *меддах* — «квалифицированный» рассказчик-профессионал. «Масал старой бабушки» — это подлинное произведение народного фольклора, сказка же *меддах* — плод позднейшего подражания арабской литературе.

Прежние исследователи полагали, что различие между сказками той и другой категорий сводится к различию сюжетов: сказки *масал* — волшебные сказки, тогда как сказки *меддахов* — реалистически-бытовые. Дело, очевидно, не в этом: *масал* — это сказки крестьянской среды, которые в городах (а Кунош работал в Стамбуле, Смирне, Анкаре, Брусе, Айдыне) были «загнаны в хarem» и сосредоточились «вокруг няnek», а сказки *меддахов* — это репертуар городского мещанства. Естественно и то, что в период деятельности Куноша репертуар *меддахов* в условиях турецкого города явно преобладал над «сказками старой бабушки».

Если говорить об издании турецких сказок в самой Турции, то речь, разумеется, может идти только о репертуаре *меддахов*, которые в противоположность «старой бабушке» в известных случаях прибегали к помощи печатного станка¹¹. Самый интересный и, пожалуй, самый распространенный из подобных образцов лубочной литературы — это сборник под заглавием «Биалюр кешк хикьяйеси» («Рассказ о хрустальном замке»). Для того чтобы дать представление об этом типе сказок, в наш русский перевод включены из названного сборника три сказки (№ 22, 46, 54).

Первые попытки изучения турецкой сказки — и фольклора вообще — в самой же Турции связаны с именем писателя XIX в. Мехмеда Тевфика. Это не был ученый исследователь или квалифицированный фольклорист. Но это был человек, который не разделял общего презрения к фольклору, характерного для той эпохи, а кроме того, усердно собирал сказки и анекдоты и литературно оформлял полученные им материалы на фоне реалий старого быта, знатоком которых он являлся. Поэтому его произведения (особенно «Год в Стамбуле») совершенно необходимы для занятий турецким фольклором в научной плоскости¹², и недаром они в значительной степени уже переведены с турецкого языка издателями «Türkische Bibliothek» Якобом и Менделем.

Как же обстоит дело с положением и изучением сказки в современной нам новой Турции?

⁹ И. Кунош, Введение к I тому «Сборника османско-турецкого фольклора», 1887, стр. XLIII.

¹⁰ Там же, стр. XLII.

¹¹ Книгопечатание в Турции введено в 1784 г. О любопытных обстоятельствах этого события см.: В. Д. Смирнов, *Очерк*, стр. 517—518.

¹² Достаточный интерес представляет уже одно то, что сказка, лежащая в основе его рассказа «Тандыр башы» («Вокруг тандыра»), является одним из вариантов пушкинской «Сказки о царе Салтане».

Быстрая перестройка жизни, начатая при кемалистах, радикально изменила быт: средневековая фигура *меддаха* с его репертуаром решительно уходит со сцены новой Турции. Сказка того типа, о которой говорил Кунош, ныне отошла в историю и в самой Турции. О сборании сказок методами научной фольклористики не раз говорилось в турецких учреждениях, ведающих языковым строительством и ныне объединенных в «Общество по изучению турецкого языка». Писались проекты и примерные программы для такого собрания. Запись сказок, очевидно, производилась, и, может быть, собран большой материал, но до научного издания дело, по-видимому, не дошло.

III

Что же представляет собою турецкая сказка? Так как вопросу об ее формальных особенностях и в связи с этим вопросу о методике ее перевода мы посвятим особую главу,— остановимся сперва на внутренней стороне турецкой сказки. Элементы, из которых складается содержание турецкой сказки, двоякого рода: элементы, свойственные всякой сказке вообще, и специфически турецкие, которые, переплетаясь с первыми, и делают ее национальной, турецкой сказкой.

Сказка есть определенный фольклорный жанр специфического содержания и специфической формы. Сказка, по общему правилу, не считает для себя обязательными нормы реальной действительности во всех ее проявлениях: сказочный рассказ строится в расчете на то, что герон (разного типа и калибра) в нужное время как бы выходят за пределы обычных, человеческих норм поведения и добиваются своих целей различными волшебными средствами, явно противоречащими реальности. Но, с другой стороны, сказка и жизнь вовсе не являются прямыми антитепами: всегда, даже при самой безудержной фантазии, сказка (если только она художественна) в какой-то мере считается с нормами реальной жизни. Иначе говоря, сказка — это проекция реальной жизни на какой-то особой («волшебной») плоскости, своего рода карта жизни, снятая с птичьего полета фантазии. Это сплетение фантастических и реалистических элементов в ткани самой сказки не везде и всюду одинаково. Все разнообразие сказок, все их типы стоят в прямой зависимости от соотношения этих двух основных элементов сказки.

Именно с этой точки зрения можно и должно говорить о классификации турецких сказок. Волшебная сказка имеет своих героев, свои приемы, свои цели — так же как и сказка реально-бытовая. Едва ли можно найти такую сказку, которая безоговорочно подходила бы или под рубрику волшебных, или под рубрику бытовых: речь может идти только об относительном преобладании того или иного элемента. И вот, говоря о волшебных и бытовых сказках в подобном условном понимании терминов, мы должны указать на следующий принцип, которого мы придерживались при классификации помещенных в сборнике турецких сказок. Сперва идут волшебные сказки, после них — бытовые, а между этими двумя категориями расположены всякого рода переходные типы. Таким образом чисто турецкая специфика содержания и бытовые реалии постепенно усиливаются от начала к концу сборника. Поэтому, для того чтобы составить себе представление о социально-бытовых особенностях старой Турции по материалу сказок, необходимо прочесть весь наш сборник до конца. Сказки, близкие по сюжетам и отдельным мотивам, следуют у нас одна за другой: так, например, при отсутствии внешних рубрик в сборнике легко

выдслить цикл сказок о мачехе и падчерице, цикл сказок «хитрая наука» и т. д. и т. д. При внимательном прочтении эти циклы будут установлены читателем без всякого труда.

Переходя к вопросу о волшебных сказках, остановимся прежде всего на характеристике их основных элементов. Попытка охарактеризовать турецкий сказочный мир в его целом сделана еще В. Д. Смирновым («Очерк», стр. 435—436). «Анатомический» анализ отдельных сказочных фигур не раз давался Куношем.

Типичной фигурой турецких сказок являются *дэвы* (в адакалийских сказках — *дивы*, как и по-сербски)¹³. Слово и образ — иранского происхождения. *Дэвы* — чудовища колоссальных размеров, иногда выступающие в облике людей, иногда — в облике полулюдей-полуживотных. Все *дэвы* — людоеды и принципиально относятся враждебно к миру людей. Они летают по воздуху, владеют чудесными талисманами, в которых иногда заключается и самая «душа» *дэва*, хранят несметные сокровища и похищенных красавиц, спят по сорок дней, съедают по несколько баранов зараз и т. д. Кроме *дэвов* мужского пола различается «самка-*дэв*», или «женщина-*дэв*», и «мать *дэвов*», у которой находится в подчинении множество сыновей. *Дэвы* выступают и самостоятельно и как второстепенные фигуры: в последнем случае они всегда охраняют волшебные предметы, стоя на службе у других волшебных существ высшего порядка. Женщину-*дэва* или мать *дэвов* сказочному герою легче привлечь на свою сторону: стоит только поцеловать ей груди и назвать ее матерью, как чудовище делается верным другом и помощником героя. Особенно интересно изображен *дэв* Рюзгяр (сказка 3): он обладает способностью обращаться в ветер, так что ни одно живое существо не может предугадать его молниеносного и губительного приближения. Живут *дэвы* в роскошных дворцах, ход в которые идет через темные колодцы, мрачные пещеры или просто через отверстия под камнем.

В противоположность *дэвам* другой разряд волшебных существ — *пэри* (слово и образ иранского происхождения) — относится к человеку скорее благожелательно. Кунош и немецкие переводчики приравнивают *пэри* к добрым феям европейского сказочного мира. *Пэри* бывают женского и реже мужского пола. Путем превращения, которым *пэри* мастерски владеют сами, они могут завлечь в свою среду и человека, и тогда попытки последнего освободиться от чар и вернуться «в мир людей» наказываются смертью. Сказкам известен особый мир духов, целое царство *пэри* со своим падишахом. Известна группа из трех, семи и сорока *пэри*.

Реже упоминается в сказках ведьма (*джады* — слово иранское), функции которой сводятся к превращению одних существ в другие существа или предметы. Таким образом, ведьма в турецких сказках выступает чаще всего как колдунья. Иногда сказка так и называет ее *бююддю* — ворожея.

Более страшное существо, чем *дэвы*, несомненно дракон (*эждэхá*, а также *эждерхá* — слово и образ иранского происхождения), который относится к людям неизменно враждебно. Особенность дракона та, что он может иметь несколько голов (три, семь и т. д.), которые и приходится отрубать сказочному герою.

Занимающиеся из арабской мифологии духи *джинны* или *эджинны* всегда выступают несметными полчищами и к людям относятся скорее враждебно, чем доброжелательно. Но самое ужасное существо — это *ифрит*, или

¹³ В переводе всюду принята единая форма *дэв*.

демон, неожиданно появляющийся прямо из-под земли и несущий катастрофические бедствия.

Волшебная птица Сумуранка, или птица Изумруд, восходит к иранскому Симургу. Она выносит героя из подземного мира «на лицо земли» или помогает ему одолеть злое чудовище — *дэва*.

К числу волшебных персонажей принадлежит также таинственный дервиш, который является людям во сне или встречается им по дороге и неизменно дает благие советы. Иногда он называется *пир'ом* (слово иранское), т. е. как бы «старцем-наставником» дервишских орденов, как это название и понималось в действительности.

Совершенно исключительную роль играет в турецких сказках фигура араба. Чаще всего араб выступает как исполнитель всякого рода волшебных заданий. Выполняя свои характерные частные функции, араб тем самым выступает в роли помощника для сказочного героя, реже — в роли прислужника волшебных существ высшего порядка. Наиболее типичной внешней чертой араба следует признать то, что, по описанию сказок, у араба «одна губа на небе, а другая на земле».

Особое место занимает араб по имени Ох. Он неизменно выскакивает из-под земли, из колодца и т. д., как только измученный непосильной ношей герой сказки — чаще всего бедняк — в изнеможении опускается на землю и тяжело вздыхает: «ох!». Дальше идет этеротипная сцена, построенная на внешнем комизме: при виде араба герой пугается и начинает уверять, что не звал его, а тот упорно повторяет: «Как же не звал, когда произнес мое имя!». Функции араба Ох и состоят в том, чтобы помогать подобного рода беднякам.

Переходное положение между собственно волшебными существами и людьми занимают такие персонажи, как старуха-волшебница (сказка 21) или бабка-повитуха, мастерица обделывать всякие темные дела (сказка 43 и др.). Сюда же относится и упоминаемая ниже фигура безбородого или пешака, который по своей виртуозной изворотливости и изобретательности превосходит простых людей.

Все волшебные существа турецкой сказки владеют искусством превращения как в отношении себя лично, так и в отношении своих врагов и (реже) друзей (последнее — с целью защиты их от чудовища). Превращение производится или посредством какого-нибудь волшебного предмета — игла, которую втыкают во что-нибудь (сказка 25), печать, которую кладут в рот (сказка 21), — или же непосредственно. В последнем случае перед актом превращения необходимо нанести пощечину или удар превращаемому существу или предмету; превращенное существо для принятия своего нормального вида должно отряхнуться или сбросить свою «маску»: звериную шкуру, птичье оперение и т. д. Если эту «маску» сжечь в огне, то носящее ее существо потеряет способность превращения и останется в естественном для него образе. Часто упоминаются «превращения в целях самозащиты» при преследовании; в отличие от превращений первого типа (постоянных) они всегда носят временный характер и устраняются по мере надобности. Особенно часты они, когда «любящая пара» спасается от преследования чудовища. Один из этой пары всегда знаком с волшебством и превращает своего другого спутника (или спутницу) в кувшин, печь, озеро, яблоню, баню и т. д. Мать *дэвов*, желая сохранить усыновленного ею человека от злобы прилетающих вечером настоящих ее сыновей, превращает первого в метлу; но последних не проведешь, и они неизменно кричат: «Человечьим мясом пахнет», — на что у их матери тоже есть готовый ответ. Специальный отдел сказок трактует о том,

что можно было бы назвать своего рода «искусством превращения»: это — то, что в русских сказках носит название «хитрой науки»¹⁴. Мальчик, научившийся этому искусству у какого-нибудь дервиша-людоеда или *дэва*, ускользает из рук чудовища и начинает применять свои способности среди людей. «Мастер», не желая, чтобы его ремесло сделалось известным, пускается преследовать бывшего ученика, и они проходят через целую серию превращений (конь, роза, заяц, сокол, петух, просо), пока наконец ученик по известному шаблону не приканчивает своего бывшего «мастера».

Если превращение есть, в основном, одна из функций «живого инвентаря» волшебной сказки (чудовища, люди), то волшебные предметы, которыми также очень богата турецкая сказка, имеют каждый свои особые функции. К этим предметам относятся всевозможные талисманы различных типов, — чаще всего два типа: талисман, в котором заключена душа чудовища, и талисман, который управляет миром джинов. Сюда же относится волшебная коробка, в которую влюбленный (или влюбленная) кладет «предмет своей любви», сперва превратив его в мелкую вещь, для того чтобы хранить его вместе с коробкой у себя на груди. Кроме общеизвестных по другим сказкам волшебных предметов, как то: шапки (русск. «шапка-невидимка»), коврика («ковер-самолет»), плетки и дубинки (которые по сигналу избивают кого придется до полусмерти), скатерти («скатерть-самобранка»), ослика, марающегося золотом, и головы чудесной птицы, съев которую герой сказки становится падшахом, — турецкая сказка упоминает и о более редких вещах. Это плачущий гранат и смеющаяся айва (сказка 22); кисть гранатов, поющая дивную мелодию (сказка 44); чудесный терновник Дильрукеш, поющий на голоса всех птиц (сказка 43), и ее же волшебное зеркало, отражающее весь мир; ведра, которые сами по себе наполняются водой, нацепляющие на коромысло и едут домой (сказка 63), и, наконец, желтый «камень терпенья» (*сабур-ташиби* или *сарби-сабур*), вместилище людского горя, который, слушая грустный рассказ неповинно гонимой девушки, раздувается, трещит и готов разлететься на куски под действием ее ужасного рассказа (сказки 48 и 49). Какой-то волшебной силой обладает непонятное слово *чанга*, открывающее камень, который ведет в царство сокровищ, и слово *чунга*, которое запирает этот камень (сказка 41). Однако если *чанга* и *чунга* — какие-то непонятные слова, то *шап* (квасцы) и *шекер* (сахар) — обычные турецкие слова, но каково же их волшебное действие! (сказка 77).

С каким-то суеверным благоговением относится турецкая сказка к волшебному слову. Из седых времен донесла до нас сказка культ магического слова: достаточно одного «доброго» или «злого» слова, чтобы нормы жизни были сразу нарушены, чтобы реальная действительность мгновенно подчинилась этой властной и неотвратимой силе. Здесь, как и в старинном русском быту, достаточно «знать слово», чтобы вмешиваться по своему усмотрению в обыкновенную жизнь стихий и людей. Если формула «по велению аллаха, по соизволению рыбы»¹⁵ которая производит такое потрясающее действие в сказке 63, подправлена исламом, то сказки знают и более древние формулы заклятий и проклятий. По одному слову *ходжи*, мать девочки превращается в черную корову (сказка 39), проклятие *дэвов* превращает девушку в мужчину (сказка 22). Только одну фразу сказала старуха — и мальчик уже сохнет от любви к трем померанцам, которые становятся главной целью его

¹⁴ По-турецки это называется *аллем-каллём*.

¹⁵ Ср. русское сказочное «по щучьему веленью».

жизни (сказка 18). В другой сказке старуха произносит заклятие с тем, чтобы мальчика охватила страсть к Джейлен-ханым.

Слово и способность говорить, по представлению турецких сказок, свойственны всей природе вообще, а не только человеку. В сказках говорит и волшебный конь, и змея, и обезьяна,— говорит даже печень, которую *дэв* вырвал из человеческого трупa (сказка 33). В этом же плане трактует турецкая сказка и широко известный в фольклоре многих народов «язык животных». Этот язык знает Искендер, главное действующее лицо сказки 24; на этой именно почве наживает он себе смертельных врагов в лице своей собственной матери и позднее *везира*. «Птичий язык» знает девушка, героиня сказки 33,— только это обстоятельство и спасает бедняжку от *дэва*, который уже приготовился ее съестъ.

При всей своей фантастичности турецкие сказки очень часто прямо-таки поражают знанием жизни, знанием человеческого сердца. Вот только два примера. В полном отчаянии делает измученный сын йеменского падишаха первую и последнюю попытку проникнуть в заколдованный сад за белой розой, которая приблизит его к недостигаемой возлюбленной (сказка 9). И вот в этот решительный для него момент ему преграждает путь страшная кошка: как оказалось, это была старшая дочь ведьмы. Какой же тут выход? Сказка средней глубины нашла бы его не задумываясь: герой мог бы, воспрянув духом, убить эту кошку (на то он и герой!) или усыпить ее каким-нибудь талисманом, и, с точки зрения сказочной логики, все было бы очень хорошо. Но наша сказка прибегла к другому выходу, отказавшись от шаблонного, внешнего решения: «А та, хоть и была в образе кошки, но, увидев молодца, своей девичьей душой его полюбила¹⁶ и показывает ему путь». Разве это не более художественно, чем все хухульные приемы, которыми обычная сказка расчищает путь своим героям?

Могучий *дэв* Рюзгар, нелетающий, как вихрь, невидимый для всего живого, страшный, неотразимый (сказка 3). Но есть одна сила, перед которой бессильно и это ужасное существо. Сила эта — женская любовь: когда девушка, которую *дэв* похитил и держал взаперти, гневалась на него, то «сколько он ни приходил, умолял, упрасивал,— она только показывала ему свое лицо через двери». И *дэв* боится ее, которую он мог бы стереть в порошок. Он счастлив, если, переложив гнев на милость, она удостоит его своей беседы: в эту минуту он готов выболтать даже свою заветную тайну о том, «какой у него талисман», т. е., иначе говоря, как его можно погубить. Только один штрих. Но если отнять его, от живого образа останется бледная схема, неинтересная даже для самой сказки, ибо какой же интерес следить за борьбой этого *дэва*, если он, уже по своей природе, не может иметь соперника на земле!

IV

Рисую свой волшебный мир, турецкая сказка все же остается при этом турецкой. Все эти *дэвы*, перси, арабы и пр. действуют в такой обстановке, что перед читателем развертывается старая средневековая Турция во всей ее широте.

Существует любопытная пословица, характеризующая социальный поря-

¹⁶ Подчеркнуто нами.— Н. Д.

док старой Турции¹⁷: «дворец — это для падишаха, конак — это для эфенди, мечеть — это для суфия, баня — это для кюльхан-бея (бездомного. — Н. Д.)». И в сказках действительно представлена вся Турция: от дворца до бани, в которой находили себе ночлег бездомные и нищие.

Дворцы, конаки и кёшки (зámки) с роскошными бассейнами, в которых купаются падишахские харемы, «собственные падишахские» тенистые сады, розовая вода, лукум и шербет, золотые кувшины для воды, падишахская охота, придворные, стоящие перед падишахом «в почитательной позе» (по этикету), или люди, припавшие «к полю» падишаха, чтобы вымолить себе милость, а иногда жизнь, — вот одна сторона этой сказочной жизни. Но есть и другая: бедняки, дровосеки, земледельцы — словом, все те, кому падишахи так часто говорят: «А не то несусь тебе голову!» Или же те, которые не знают, как им прожить на скудный подневный заработок в несколько *пара́*. Ислам, как бы пронизывающий всю Турцию, старинная духовная школа (своего рода бурса) с учителем (*ходжб́й*), старшим учеником (*калфб́й*), с Кораном в качестве учебника (*мусха́ф*). Базары, крытые (*чаршб́й*) и открытые (*пазар*), где царствуют деньги: *гурб́ши*, *акч́е*, а то и просто *пара́*, где всё вешают на *окка́* и куда сваливают караваны свои пришедшие «малой скоростью» тюки заморских товаров. Здесь купцы совершают торговые сделки и отдают на хранение (*эманёт*) товары; здесь же и ремесленники (*эсна́ф*) со своими мастерскими. Здесь собираются по кофейням и слушают сказочника; здесь же, как и по улицам, кричат глашатаи (*телля́ли*), передавая «правительственные распоряжения» или просто выполняя комиссионные поручения от частных лиц. И всюду пестрая палитра красок: яркие одежды, красные фески мужчин и женские *фередж́е*. Песни, говор и целая толпа вокруг гадала по песку (*ремма́ля*). В другом конце бойко работает уличный писарь: пишут «прошения падишаху», что было делом далеко не легким при почти полной неграмотности массы и при изощренных канцелярских требованиях к бумагам со стороны султанского двора.

Богата фантазия сказочника: он переносит слушателей в заморские страны: Чин, Чинмачин, Хиндистан, в близкий и одновременно далекий Арабистан, в реально существующий Йемен, а то и прямо «в края, близкие к тем местам, где обитают *дэвы*»¹⁸. Но это только в сказке, а в жизни редкий из слушателей бывал дальше своего «уездного» города: большинство жило и умирало в своей деревне, и только в качестве исключительного подвига представлялось рядовому мусульманину паломничество в Мекку на поклонение черному камню Каабы.

Таков общий фон, на котором происходит действие сказки. Этот фон, земной и реальный, противопоставляется другой половине сказочного мира — волшебному царству, о котором мы говорили в главе III.

Остановимся подробнее на тех персонажах реальной жизни, которые изображает сказка.

Начнем опять-таки с «верхов». Падишах (он же султан) изображается, как и во всякой сказке, довольно шаблонно. Сказка, пожалуй, нигде не под-

¹⁷ Записана В. А. Гордлевским и опубликована в его «Образцах» (М., 1916).

¹⁸ Знакомые из непосредственной практики места не упоминаются. Характерно, что Стамбул в нашем сборнике не упомянут ни разу. В адакалийских сказках упоминаются: Дунай (сказка 21), Белград (сказка 27) и само Ада-кале (там же).

черкивает, что у него большая склонность именно к государственным делам. Он больше занят охотой или семейными делами: как бы найти подходящую невесту для сына (*шахзадэ*) или жениха для дочери. Особенно активен падишах, когда дело идет о неудачливых претендентах на руку его дочери: эти неудачники, по общему правилу, должны поплатиться жизнью. Падишах турецких сказок, как и арабский Харун ар-Рашид, любит в сопровождении своего *везира* инкогнито обходить свою страну (город), интересуется тем, что говорят его подданные, и особенно ревниво следит, чтобы они не смели закигить в доме огня, если он, падишах, перед этим издал такое распоряжение. Падишах задает эпические задачи герою, которые последний всегда беспрекословно выполняет — сам или при посредстве «волшебного помощника». Иногда падишах созывает *меджлис* и советуется с ним, как поступить в трудную минуту (ср. сказки 64 и 77). В последней сказке эти «заседания *меджлиса*» даны в комическом плане: виртуозный вор так ловко одурачивает падишаха и его советников, что падишаху ничего не остается, как публично объявить о прощении вора (ср. также конец сказки 76).

Везир — чаще всего именно «лукавый царедворец» и тайный злодей, чем «верный советник» падишаха. Своя особая линия, которую иногда ведет в сказках *везир*, и контакт его с главным врачом (*хеким башы*), иногда выступающим в роли отравителя (сказка 73), — все это, очевидно, намеки на те дворцовые интриги и перевороты, которыми полна история султанской Турции. И еще одна характерная деталь из тех же придворных нравов: «в те времена, когда кому-нибудь давали новую должность, падишах одновременно приказывал назначенному снести голову какому-нибудь человеку» (сказка 69).

Бледнее представлены другие «придворные чины»: главный мясник (*касаб-башы*), главный маринадщик (*тушуджу-башы*), главный привратник (*капыджы-башы*) и пр. Воспитатель султанских детей — *лалэ*, тоже яркая фигура эпохи дворцовых переворотов, в турецкой сказке по существу не отличается от *везира*. Особняком стоит типичный облик главного звездочета (*мюнеджим-башы*), профессия эта высмеивается в сказке 74.

Войска и военачальники в сказках обрисованы в самых общих чертах (см. сказку 64 и др.). В распоряжении падишаха состоят *чауши* (см. сказку 33) или сторожа (сказка 77), а также *телляли*, которые, как уже отмечалось, объявляли населению приказы падишаха. Для сношений с другими городами и странами существовали гонцы-*татары* (см. прим. 3 к сказке 27).

Довольно ярко обрисован в сказках *бей* — типичный феодал, считающий себя полновластным хозяином своей территории и своей семьи, в частности жены (см. по этому поводу сказку 58). В некоторых сказках роль *бея* не отличается от роли падишаха.

Кádi изображен в сказках как «судия лукавый», себе на уме (см. особенно сказку 65, а также сказки 37 и 67). Будучи падок на всякого рода предсудительные действия, он в то же время не прочь выставить себя оплотом закона и опорой нравственности: «чего только не будет делать народ, раз уж я и то убил человека», — говорит он в сказке 67.

Мусульманское духовенство (*имám, муэzzин*) обычно только упоминается без всякой дальнейшей характеристики. В сказке 45 *имам* выведен как неудачный соблазнитель девушки, оставленной на его попечение. Что касается «духа ислама» в сказках, то сказочные герои исполняют все мусульманские обряды при всяких обстоятельствах жизни, что отметил еще В. Д. Смирнов в своем «Очерке». В сказках сохранились черты многоженства: герой, имея

«любовь на лице земли», одновременно жнится и на девушке из подземного царства и т. д.

Старинная школа, где учителями выступали представители духовенства, довольно ярко изображена в сказках 24, 36, 48 и 54; в последней выведена школа высшего типа, своего рода мусульманская академия.

Не забыт сказкой также торговый и промышленный мир старой Турции. Перед нами проходят крупные дельцы и авантюристы (сказка 75). Кроме купцов, в сказках выведена типичная фигура менялы (*сарраф*), который спекулировал на падении курса и общих недостатках финансовой системы старой Турции. Меняла жаден, расчетлив, не признает для себя никаких препятствий и, конечно, думает, что на деньги можно купить все (см. сказку 19). Кроме крупных дельцов и спекулянтов, существуют мелкие паразиты, любители подъехать к богатым наследникам, у которых есть свои дома, караваны, бани, лавки (сказка 64), или просто пообедать на чужой счет. Подобного рода плуты шатаются по кофейням и смотрят, где что плохо лежит (сказка 66). Такими чертами «прожженного» мошенника сказка награждает также своих любимцев: плешаков и безбородых (ср. сказки 67 и 68) или «лысого парня» (*кель-олан*), в котором, однако, наряду с хитростью, уживается простота и даже глупость (сказка 70).

Часто упоминаются ремесленники-кустари, которые объединялись в цехи (*эснаф*). В цехи входят и представители таких профессий, как певцы, поэты, врачи и т. д. Врачи (*хеким*) и знахари (*ходжа*) в сказках обычно упоминаются по тому поводу, что они «не могут найти лекарства для больного» и беспомощно разводят над ним руками. Однако на путь мольтеровского высмеивания врачей сказка, в противоположность турецким анекдотам, не становится. По цехам распределены и ювелиры (*кююмджю*), и банщики, повара и носильщики (*хамал*). Обычный момент из жизни цехов, на котором любит останавливаться сказка, — это просьба героя к какому-нибудь «мастеру», чтобы он принял его к себе в ученики. Других деталей сложной жизни цехов сказка вообще не касается.

Турецкая деревня описана в сказках не менее ярко, чем турецкий город, хотя большинство своих сказок Кунош записывал в Константинополе. Из деревенской жизни сказка берет изображение хуторов (*цифтликков*) и их владельцев, мелких земельных собственников (*цифтчи*). Они, строго говоря, скорее упоминаются, чем изображаются с достаточной глубиной.

Чаще всего в сказках фигурируют пастухи, рыбаки и, особенно, дровосеки. Они являются любимцами сказок, и их жизнь и мораль часто противопоставляется жизни падишахов и *бсев*. Садовник упоминается только раз, и то в качестве дворцового служащего (сказка 43), охотники упоминаются бегло, лодочники не упоминаются вовсе, хотя возможно, что рыбак одновременно был и лодочником.

Интересы крестьянской массы далеко не чужды сказке, и они ясно проглядывают сквозь запись и, может быть, даже ту нивелировку, которую иногда производил Кунош в отношении языка сказок. Несмотря ни на что, большинство сказок (особенно адакалийские) — типичные крестьянские сказки. И если деревня в них не описывается, так как описывать ее (в смысле литературного приема) для деревенской аудитории не нужно, то она живет в них и иногда заявляет о себе. Основная проблема в такого рода сказках — это проблема бедности и богатства. И сказка хорошо знает долю бедняка. «Вот мы здесь сидим у огня, а снаружи бедняки мерзнут от холода. Стой, выйду-ка я да посмотрю, нет ли кого, да позову: пусть их придут и погреваются».—

говорит младший брат старшим в сказке 25. И, несмотря на их протесты, он выходит наружу и начинает кричать: «Всякий, кто замерз, иди к нам греться!» В сказке 41 сами *дэвы* признают моральное превосходство бедняка над жадным и черствым богатеем: «Брат твой — бедняк; за то, что ты его прогнал, судьба его и вышла такая, а твоя судьба будет вот какая», — сказали *дэвы* (богатому брату), разорвали его на сорок частей и закусили им на славу». Или вот еще картинка (сказка 35): «у богатого (соседа) родился сын, у бедного — дочь. Они радуются, и вот, пока дети еще были в люльках, богатый в знак обручения надевает дочери бедняка пару бриллиантовых серег». Но стоило только сыну богача подрасти, как он из ложного стыда перед товарищами спешит заявить, что отказывается от своей бедной невесты.

Старая турецкая поговорка: «В Константинополе хоть отбавляй пожаров, в Малой Азии — податей»¹⁹ картинно указывает на одну язву старой турецкой деревни. И если о ней наши сказки прямо не упоминают, то они достаточно недвусмысленно говорят о другой: рекрутском наборе. В этом отношении знаменательна одна фраза из сказки 32. «И вот *бей* собирает крестьянских сыновей и делает их солдатами. Собрав тысячу человек, он отправляет их к пещере...». Да, так именно и делалось. Интересно добавить, что мирное прозвание крестьянских сыновей (*улан* — парень) таким вот путем преобразилось в международный термин, обозначающий известный род кавалерии: уланы. По разысканиям Блау, Мориз Саксонский впервые попробовал использовать для своей кавалерии боснийских парней («уланов»), и они, унеся свой «титул» из родной деревни, надолго сохранили и, можно сказать, обессмертили его.

V

Еще В. Д. Смирнов в своем «Очерке» (стр. 436) обратил внимание на то, что турецкие сказки самыми тесными узами связаны со сказками других народностей, по своей культуре, казалось бы, далеких от турецкой культуры. В. Д. Смирнов, стоя, в общем, на позициях Бенфея, склонен видеть в поразительном сходстве мотивов и сюжетов турецкой и других сказок результат заимствования. В современной фольклористике, как и в языковедении, имеются на этот счет, как известно, и другие объяснения, основанные на сходстве социально-экономических условий Турции и других стран по определенным историческим эпохам. Как бы то ни было мотивы и сюжеты отдельных турецких сказок обнаруживают поразительное сходство с иными национальными, хотя бы русскими, сказками.

В настоящей статье мы отказываемся от детального сопоставления подобного рода моментов, так как это завело бы нас слишком далеко и так как это легко может быть выполнено всеми по фольклорному указателю сказочных сюжетов. Равным образом мы не проводим здесь подобного же сопоставления турецких сказок со сказками других тюркских народов, что также представляет особую тему для исследования. Ограничимся только не-

¹⁹ Перевод В. А. Гордлевского (*Из истории османской пословицы и поговорок*, — «Живая Старина», вып. II—III, СПб., 1909, стр. 121). Нами допущены легкие изменения в переводе.

сколькими фактами, которые показывают, что турецкие сказки неотделимы от международного сказочного фольклора и наоборот²⁰.

Так, сказка 43 представляет собою прямой вариант Пушкинской «Сказки о царе Салтане»: три девицы, падишах, подслушивающий под окном и исполняющий их желания. Младшая становится женой падишаха и родит ему двух прекрасных детей с чудесными приметами. Старшие сестры из зависти зовут бабу, которая подкладывает царице щенят, а детей кладет в ящик и бросает у реки; падишаху сообщают, что жена его родила щенят, и он приговаривает ее к позорной казни. Далее турецкая и Пушкинская сказки расходятся, но зато сказка 63, во второй своей половине, представляет близкий вариант второй половины Пушкинской сказки (от плавания бочки до посещения царем Гвидона и его «чудного острова»). Здесь упоминается сундук, в который падишах приказывает посадить плешака вместе с девушкой и ребенком, чтобы затем кинуть их в море. Волны прибивают сундук к неизвестному берегу, и там плешак, «по соизволению рыбы», воздвигает такой конак, что изумленный падишах приезжает посмотреть его. В сказке тридцать третьей девушка, чтобы спастись от *дэва*, сама садится в сундук и просит бросить ее в море; сундук приплывает к острову доброго падишаха. Мотив зависти к счастливой роженице, жене падишаха или *бея*, со стороны сестер или старшей жены встречается в сказках постоянно вместе с мотивом «подкладывания» роженице щенят или дохлой змеи для того, чтобы этим вызвать ярость отсутствующего во время родов падишаха или *бея* (см. сказку 47 и др.). Мотивы «Царя Салтана» встречаются и в той литературной обработке фольклора, которую произвел писатель XIX в. Мехмед Тевфик в своей уже упоминавшейся книге «Год в Стамбуле»: здесь первая часть под заглавием «Тандыр башы» («У тандыра») чуть ли не дословно соответствует Пушкинской версии. Таким образом, изучать историю сюжета «Сказки о царе Салтане» без привлечения турецких материалов как будто бы нельзя, тем более что даже и заглавие Пушкинской сказки ведет, видимо, тоже к турецкому источнику²¹.

Отметим также цикл сказок о мачехе и падчерице, который встречается на любом языке и который, разумеется, довольно ярко представлен и в нашем сборнике (сказки 36, 39, 40, 42). Здесь все до мельчайших деталей (туфелька, упавшая с ноги, и петух над корытом, куда мачеха запрягивает падчерицу во время смотра) найдется и в немецкой, и во французской, и в сербской, и в какой угодно сказке.

А знаменитые сказки о «злых женах», сказка о жене-спорщице, которая готова скорее умереть, чем уступить мужу, и от которой даже дьявол готов убраться на край света? Разве этот бессмертный тип, представленный в сказке 55, не то же, что русская и сербская баба, которая спорила с мужем на тему: «Стрижено — брито! Стрижено — брито!»

²⁰ Сказку 76 нашего собрания Г. Яacob считает версией из «1001 ночи». При специальном сопоставлении такие случаи могут быть найдены и еще. Ср. мнение Эструпа (В. А. Гордлевский, «Указатель», 550—551).

²¹ Насколько нам известно, никто до сих пор (ср., однако, соображения В. И. Чернышева: «Пушкин и его современники», VI, стр. 28—29) не разъяснил, почему у Пушкина и в его русском источнике сказано «Салтане», а не «Султане», — быть может, контаминация со словом *салтанат* (султанская власть)? Ср., однако, имя и отчество одного из персонажей А. Н. Островского: Салай Салтанович.

Красивая легенда о трех померанцах (сказка 18), в которые влюбился мальчик и которые оказались девушками. Да разве не встречалось этой легенды в сказаниях Индии, в персидских сказках (перевод А. А. Ромаскевича), в средневековых легендах Западной Европы и далее — вплоть до пьесы Гоцци «Любовь к трем апельсинам»? А целый ряд мелких мотивов, вроде того, что пораженного дракона не надо бить еще раз, а то он оживет, или того, что для превращения из зверя в человека надо отряхнуться? Турецкая сказка не была бы сказкой, если бы она, в противоположность сказкам всего мира, отказалась от этих композиционных или стилистических деталей²².

Но между турецкой и другими сказками есть не только сходство, но и различия. Не вдаваясь и здесь в особые детали, отметим в турецких сказках только одну черту, с нашей точки зрения — принципиально существенную. Тот, кто имел возможность сопоставлять монгольскую, якутскую, алтайскую и т. д. сказку с татарской, узбекской, турецкой и т. д., должен согласиться, что если в монгольской, якутской, алтайской и т. д. сказке всю прелесть составляют, пожалуй, картинные и яркие описания, а основной сюжет довольно сжат и шаблонен, то в турецкой сказке на первом плане стоит несомненно сюжет, фабула, само сказочное действие, а не декорации к нему.

Тем не менее описания все же есть, хотя бы и пропорционально редкие. Но они не производят такого впечатления, как, например, рассчитанные на внешний эффект описания «1001 ночи». Они более скромны и менее выигранны. Лучше всего удается рассказчику описание женской красоты. Например: «Дочь моя, дочь моя! Ах ты, моя алмазная дочка, моя бриллиантовая дочка! Ах ты, дочь моя со щеками, что розы, с голубыми глазами, с черными бровями, с устами, круглыми, как чернильница, с губами, как черешня! Дочь моя, с двойной шейкой, с грудями, что померанцы, с пупком, как айва,— дочь моя, белая, как молоко! Ах, ты — вся моя жизнь! Ты молода, как четырнадцатидневная луна. Разве не жаль эти руки, подобные серебру, которыми ты собираешь розы? Как бы шипы не впелись тебе в руку! Ах, разве не жаль эти золотистые кудри, которые ты вот так рассыпала по лицу?» (сказка 72).

А вот как описана страна падишаха *пэри*:

«...после долгого пути присажает он в страну падишаха *пэри*. Перед ним проходит равнина, которую не перевалит каравану, выступают горы, которые не перелететь птице; виднеются ущелья, по которым змея не протаскает свои кишки. Мальчик, отдавшись на волю аллаха, едет потихоньку и попадает в такую долину, в которой и глазу не видать и следа не отыскать. Посреди этой долины — большой красивый дворец, а подступы ко дворцу захватила самка-дэв и спит» (сказка 43).

Вот описание кипарисового кладбища:

«...проходит через дверь пещеры: мрак, как в тюрьме; идет-идет — начал виднеться просвет, и дорога приводит его к кипарисовой роще, в которой каждый кипарис поднял голову до самого неба Ни *ина*, ни *джинна*, ни шороха, ни звука. Молодец идет-идет среди кипарисов и подходит к кладбищу, глядь! — а это не кладбище: стоят неподвижно без границ, без счета

²² Известный материал по международным мотивам и сюжетам в турецкой сказке собран у G. Jacob, *Türkische Volksliteratur*, и у Chauwin (*Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, XVI).

камни в образе человеческого, но это не камни — каждый из них был человеком и превратился там в камень» (сказка 43).

В заключение приведем характерное описание матери *дэво*: «...вдруг является старуха в виде матери *дэво*: волосы седые, глаза — дыры, брови дугой, из глаз пышет адский огонь, ноги длиной в два локтя, груди, что бурдюки для масла, зубы — как лопаты, губы, что лохань для стирки белья. Сама чихает, сопит, сопли подбирает, клюкой ударяет, *пабүчи* за собой волочит, охает, задыхается, что говорит — не понять» (сказка 44).

VI

Композиция турецкой сказки в общем довольно проста²³. Помимо совершенно необходимых повествовательных частей, которыми реализуется фабула, в сказке могут быть (а могут и не быть) отрывки, которые ничего не дают в смысле динамики, но способствуют литературной отделке сказки. Сюда относится в первую очередь прием описания, о котором мы уже говорили. К таким же «украшающим» элементам относятся присказки и концовки. Особенно часто такие присказки встречаются в начале сказки, о чем говорит Кунош в своем немецком введении к тому VIII фольклорной серии Радлова (стр. X). Там же приводится турецкое обозначение зачина сказки *тэкэрлемэ*, которое Кунош поясняет немецким эквивалентом *sprasshafter Märcheneingang* (шутливое введение в сказку). Шутливый тон этих зачинов является типичным. По содержанию они представляют собой рифмованный набор слов, составленный по известному принципу русских сказок «не люблю — не слушай, а врать не мешай». Отдельные выражения зачина стереотипны и могут встречаться в разных комбинациях. Перевод подобного рода фраз должен, при всей их бессмысленности, передать некую иллюзию логичности, без которой этот набор слов утратит всякую художественную ценность. Естественно, что перевод подобных мест на другой язык представляет иногда весьма значительные трудности. Наш перевод²⁴ пытается передать как смысловое содержание присказки (со всеми его аллюзиями), так и ритм и рифмы подлинника.

В томе VIII радловской серии Кунош поместил (отдельно от сказок) образцы таких *тэкэрлемэ* (стр. 182—184). *Тэкэрлемэ* не является обязательной принадлежностью сказки: в сборнике Куноша *тэкэрлемэ* очерченного выше типа имеют при себе не более десяти сказок. Однако в адакалийских сказках, которые записывались более совершенно, процент *тэкэрлемэ* выше; имеются они и в десяти сказках, которые записал и изложил В. А. Гордлевский («Этнографическое обозрение», 1911, № 3—4). Таким образом, здесь играет роль то обстоятельство, от кого и как записана сказка. В нашем сборнике наиболее сложные по объему и построению *тэкэрлемэ* имеются при сказках 3, 9, 15, 26, 27, 43, 77.

Если такими замысловатыми прибаутками начинается не каждая сказка,

²³ Особо отметим прием интермедии (т. е. вставных сказок в основной сказке), широко практикуемый в «1001 ночи». В нашем сборнике типичный пример сказка 62.

²⁴ До нас образцы таких переводов дал В. Д. Смирнов (*Очерк*, стр. 437) и отчасти В. А. Гордлевский (*Обзор*, *passim*).

то в начале почти каждой (с присказкой или без нее) мы читаем специфические для турецкого сказочного фольклора слова: «Было — не было, а то-то и то-то...» Например: «Было — не было, а в прежние времена были две старые старухи» (сказка 72). Это «было — не было», которое по своему композиционному назначению соответствует русскому «жили-были», типично для турецких, крымскотатарских, туркменских, узбекских и многих других тюркских сказок.

Некоторые сопоставляют это с традиционным началом персидских сказок, которое иногда бывает таково: «Один день это было, а другой не было»²⁵ (В. А. Гордлевский, «Указатель», стр. 541).

В сказках полукнижного типа начало всегда другое и тоже стереотипное: «Повествователи событий и передатчики преданий рассказывают так, что...» (см. у нас сказки 22, 46, 54).

Не менее типичны для турецких сказок характерные концовки. После совершенно необходимой заключительной фразы («сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу») идет уже, так сказать, не деловая, а риторическая концовка. Концовки эти бывают различные по сложности и по наличию или отсутствию рифмуемых частей. По содержанию они совершенно не связаны с фабулой и выражают иногда довольно неожиданные для читателя мысли. Вот несколько примеров:

1. «Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам!» (сказка 1).
2. «Они своей добились цели, а мы ляжем на постели!»²⁶ (сказка 6).
3. «Они добились цели, — слышу, — а мы взберемся-ка на крышу» (сказка 18).

4. «С неба упало три яблока; одно — тому, кто сказку сказывал; другое — тому, кто сказку записал; а третье — тому, кто перевел» (сказка 26).

Присказка последнего типа встречается у нас еще в сказках 6 и 38. В. А. Гордлевский («Указатель», стр. 541) приводит мнение Е. Созquin'a о том, что подобного рода концовка типична для османских сказок. Надо, однако, добавить, что это не менее типично и для азербайджанских сказок (ср. хотя бы русский перевод в издании «Academia»).

Как и в отношении зачина, полукнижные сказки и здесь стоят особняком. Для них характерна концовка арабского типа: «Здесь сказке конец, и прощай» (сказки 46 и 54).

Кроме присказок и концовок, подобного же рода стереотипные выражения (разной композиционной значимости) встречаются на протяжении всего текста сказки. Несмотря на то что многие из них необычны для русской сказки, для турецкой сказки они являются органическими и типичными и, как таковые, сохранены нами в переводе. Приводим главнейшие из них:

1. «Не будем затягивать» (рассказ) — встречается постоянно, указывает на перемену темпов рассказа: в дальнейшем речь пойдет только о моментах динамического характера, а статические описания и свойственные сказкам повторения будут опущены.

2. «Сказку нашу укоротим, а не то в беду влетим», или: «не будем рас-

²⁵ Как известно, под этим заглавием («Одно было, другого не было») выпущено персидское беллетристическое произведение Джемаль-заде.

²⁶ В. А. Гордлевский переводит так: «Они достигли своей цели, а мы засыдем на постели» (Обзор, № 17, стр. 191).

тягивать камет — не поднялся бы *кыамет*», или: «вот краткий вывод длинных слов», или: «коротко, вместо длинных слов» — варианты предыдущей формулы, встречающиеся, однако, гораздо реже. Первые две отличаются от третьей только шутливым тоном. В основном все они указывают на то, что в дальнейшем рассказ будет сжат.

3. «А в той стороне», или: «а с той стороны», или: «а здесь». Эта формула указывает на «перемену декорации» или смену места действия. Стилистически эта фраза и по-турецки звучит так же нескладно, как и по-русски. Однако эта старинная формула до того типична и неотъемлема от текста, что мы сочли абсолютно необходимым оставить ее в том же виде и при переводе на русский язык.

4. «А мы перейдем-ка к девушке» — стереотипная формула, которая обозначает переход от одного действующего лица к другому. По своей функции иногда равна предыдущей, поскольку смена места действия предполагает и смену действующих лиц.

5. «Время, приходи, время, уйди!» — формула, указывающая на быструю смену сказочных перипетий независимо от воли рассказчика (иначе формула 1 или 2).

6. «В сказках время быстро идет» или: «в сказках быстро все делается» — варианты предыдущей формулы.

7. «Простите, виноват, забыл» — шутливая поправка рассказчика, который пользуется ею для введения новой детали (сказка 43).

Таковы главнейшие сказочные формулы, которые входят в текст как композиционный элемент, или предлагаются как бы «от автора», т. е. рассказчика. Нам казалось, что сохранение их в русском переводе есть наша прямая обязанность, поскольку они — типичнейшие формулы турецкой сказки, хоть и необычные для русской, и к тому же по содержанию своему вполне понятны и для читателя не турка.

Помимо приведенных, существует ряд стереотипных оборотов, не имеющих композиционного значения и трактуемых исключительно в плане стиля сказок. Сюда относятся такие выражения, как:

1. «В один из дней», или: «во дни одного времени» — формула хронологического значения, стилистически чуждая русскому языку, но материально вполне понятная.

2. «Ты ин или джинн?» — вопрос, с которым герой сказки обращается к незнакомому. Сюда же относится фраза: «Здесь ни ина, ни джинна». Рифмованное перечисление (*ин* — человек, *джинн* — дух) охватывает, по представлению сказки, всю совокупность живых существ.

3. «Влюбился, как тысяча сердец», т. е. в тысячу раз сильнее, чем может любить одно сердце.

Кроме этих выражений, сказка богата всякого рода идиомами, пословицами и поговорками. Считая этот элемент важным показателем стиля, мы приняли все меры к тому, чтобы передать его по-русски возможно точнее и ближе (вплоть до рифмовки). Приводим некоторые примеры, содержание которых подробнее объяснено в примечаниях к соответствующей сказке:

1. «Проглотят, как один кусок» — сразу проглотят, «одним духом».

2. «Сжечь наши головы в огне» — погубить нас.

3. «Если что выйдет, то только через тебя» — только на тебя и надежда.

4. «Повидаю его глазами этого мира» — повидаю его при его жизни (т. е. пока он еще жив).

5. «От страха потрескались губы» — так описывается внешнее проявление сильного страха.

6. «Остался с обеими руками под камнем» — остался у разбитого ко-рыта.

7. «Высунув от бега язык до сапог» — говорится о запыхавшемся и измученном человеке.

Те специфические обороты, дословная передача которых была недостижима не только со стилистической, но и со смысловой стороны, по возможности, переданы соответствующими русскими эквивалентами. Вот несколько примеров:

1. «Он родил девять раз» — совершенно растерялся.

2. «Ни к веревке, ни к рукоятке (топора)» — ни к селу, ни к городу.

3. «Твоя кровь пусть будет на твою же шею» — пеняй на себя.

4. «Душа ее пришла ей в нос» — у нее чуть душа в теле держалась.

5. «У него душа прыгнула в голову» — кровь бросилась ему в голову.

6. «Ты ляг на то ухо» — заруби себе на носу.

7. «Он понимает, что ему своя туфля дорога» — он понимает, что своя шкура дороже.

К особенностям языка сказок (и турецкого фольклора вообще) нужно отнести некоторые явления порядка слов, необычные для русского языка, но материально понятные и потому сохраненные в переводе. Сюда относятся такие сочетания, как

1) и ночь и день = русск. и день и ночь;

2) мать и отца = » отца и мать;

3) ели и пили = » пили и ели.

К идиоматическим выражениям принадлежит еще одно, которое требует общей оговорки для того, чтобы оно стало понятно читателям. Это: «он встал и пошел». Поскольку в старом турецком быту отсутствовали кровати и стулья, человек, находящийся в состоянии покоя, пребывал на ковре или тюфяке, причем последние, разумеется, были разостланы на полу. Таким образом, прежде чем начать какое-либо дело или куда-нибудь идти, человек должен был *встать*. С течением времени слово «встал и...», утратив реальное значение, сохранились вследствие частого употребления, как составная часть фразы. В переводе мы прибегаем к следующей форме передачи этого оборота: 1) где можно — переводим его посредством «снимается с места»; 2) где нельзя — переводим только косвенно, подчеркивая данный штрих по контексту. Конкретно это почувствует сам читатель при чтении перевода.

К особенностям языка сказок принадлежит частое употребление «звук-подражаний» и парных словосочетаний. Оба эти явления объяснены в примечаниях и всюду неукоснительно сохранены в переводе настолько точно, насколько этого, по нашему мнению, допускала специфика языка.

На фоне турецкого текста многочисленные мусульманские формулы, ото-бражающие эпоху, ощущаются как особый стилистический элемент. Для того чтобы сохранить эту пропорцию в переводе, мы могли, например, передать их славянизмами; но это не всегда выражало бы специфику мусульманских понятий, которые (раз они затронуты в сказке) мы тоже не считали нужным скрывать от читателя. Такие выражения или переданы арабской же формулой без перевода (но с объяснениями в примечаниях), как *бесмеле*, *биллахи*, *иншаллах*, *машаллах*, *ве алейкум селям* (ответная формула на приветствие), или, где возможно, переведены по-русски. Многочисленные мусульманские термины, связанные с бытом (*имам*, *эван*, *намаз*, *халаль*, *харам*, *та-*

ваф, *эманет* и т. д.), которые обычно не переводятся и на западные языки²⁷, нами сохранены в русском начертании. Они объяснены в «Указателе общеупотребительных в сказках восточных слов».

Равным образом сохранены нами и другие типичные особенности турецкой сказки. Так, например, сказка, начав повествование со дня рождения героини, продолжает называть ее девушкой²⁸ на всем протяжении текста, хотя потом она несколько раз выходит замуж и становится матерью семейства. Точно так же герой для сказки — мальчик или молодец, хотя бы он по фабуле сказки уже успел дожить до седых волос.

Социальная характеристика в языке сказок (различие в языке *везира* и в языке дровосека и различие в стиле повествовательных частей, идущих «от автора») недостаточно дифференцирована: в известной мере это происходит от той методики записи, которой придерживался Кунош (см. выше главу I). Мы уже упоминали о том, что стиль полукнижных сказок сборника «Биллюр кешк» отличается от других сказок нашего сборника высоким процентом арабско-персидских слов и конструкций, а также и общей тенденцией к «повышению стиля». Основываясь на этом, переводчик сохранил в этой сказке такие недопустимые в сказках вообще канцелярские и книжные выражения, как «упомянутый конь» (точное соответствие стоящему в оригинале арабизму *мэзбур ат*), термин «повествователи событий и передатчики преданий» (в оригинале — арабские слова в персидской конструкции: *равиян-и-ахбар вэ наклиан-и-асар*), оборот «было это дитя полно всяких талантов» (сказка 54) и т. д.

Как образец канцелярского стиля можно привести речь *везира* из сказки 43; особенности этой речи переводчик, естественно, оттенял и по-русски: «*Эфендим*, постойм-ка здесь немного, узнаем, чей это дом: может быть, у них неотложная работа; если же это не так и если это — проделки, направленные только к тому, чтобы послушаться приказа, тогда какое бы наказание вы ни повелели назначить, наложить его уже не составит труда».

Контрастом к этой речи является разговор бабки-повитухи из той же сказки. Вот отрывки из ее бесед: 1. «Это твои дети? Ну и красивые же они, не взглянуть бы их!» 2. «Милые мои, с ума вы, что ли, сошли? Да с тех пор, как садовник их забросил в горы — вот уже сколько годов прошло! Теперь от них и косточек не осталось!» 3. «Хорошо, милые, я пойду разузнаю» и т. д.

К стилистическим особенностям принадлежат также некоторые ругательства (особенно в адакалийских сказках), которые в основном оставлены без перевода и только в очень незначительной дозе могли быть переданы соответствующими эквивалентами.

Техника перевода с турецкого языка на другие представляет значительные трудности в силу типологических расхождений турецкого языка с языками иных систем — в частности европейскими. Резко выраженный «синтаксический» тип языка с обусловленным порядком слов и необычайно пестрой лексикой (арабские, персидские, новогреческие и другие напластования) — вот что характерно для языка старой турецкой литературы. Иной конструктивный тип можно было искать, по-видимому, в фольклорной и разговорной речи; но этот тип до последнего времени полностью не выявился и не ока-

²⁷ Так же, как не переводятся, например, буддийские термины: *нирвана*, *боддисатва* и др.

²⁸ Затруднение увеличивается еще тем, что по-турецки «девушка» и «девочка» называются одинаково (*кыз*).

звал существенного влияния на язык литературы. Скорее наоборот: литературный стиль оказывал давление на фольклорный, получая явный перевес в таких, например, сборниках, как упоминавшийся выше «Биллюр кёшк». Существенной особенностью предлагаемых ниже сказок надо, однако, признать сбилидиоматических выражений, которые в прежние времена прибывали исключительно в устной речи и фольклоре. Как это ни странно, но традиции художественного перевода с турецкого на русский пока еще, пожалуй, не существует. Турецким языком обыкновенно занимались у нас востоковеды-филологи и фольклористы, которые, конечно, делали учебные и научные переводы в своих специальных целях, но к собственно литературным переводам не обращались. Больше всего сделал в этом отношении В. А. Гордлевский, переводы которого в «Восточном сборнике в честь А. Н. Веселовского» и в его собственном курсе турецкой литературы, конечно, стоят выше других, с точки зрения стиля и мастерства. Старые переводы В. Д. Смирнова²⁹, прекрасные в отдельных деталях, иногда слишком сбиваются на русскую разговорную речь, заслоняющую турецкий стиль. Что же касается нашего перевода, то мы пытались дать читателю посильное представление и о строе турецкой речи, прекрасно, конечно, понимая, что пересаживать на почву русского языка всю турецкую фразу, как таковую, и невозможно, и ненужно. С другой стороны — совершенно ликвидировать в своем переводе перспективу и пропорции турецкого предложения мы не решились, да и не считали себя вправе делать это. Образно говоря, наш перевод занимает среднюю позицию между «Персидскими сказками» А. А. Ромаскевича, с их резко выраженным принципом дословного перевода, и «Анекдотами о Насреддине» В. А. Гордлевского, с его (как нам кажется) основной ориентацией на русский стиль перевода.

Мы рассуждали так: в русских сказках (и по-русски вообще), положим, не говорят: «в один из дней». Но ведь это стилистически необычное для нас сочетание с точки зрения грамматики русского языка выражено правильно и для нас материально понятно. А если так, то мы должны брать именно его, поскольку оно выражено по-русски грамматически правильно и стилистически передает турецкий оригинал. Или еще пример. Нет ничего легче, чем заменить слова «было — не было» словами «жили-были», и тогда все возражения умолкнут. Но ведь тогда турецкая сказка по стилю совпадет с русской, а этого-то никак нельзя допускать, кроме тех, разумеется, моментов, где такое совпадение объективно существует.

Мы, конечно, отказались от того, чтобы при переводе турецких сказок пользоваться только тем лексическим запасом, к которому прибегают русские сказки. Но, с другой стороны, мы считали бы неправильным черпать из русского литературного языка такие слова и термины, которые по своей специфике явно не подходят для фольклора, носят характер модернизмов и т. д. Поэтому русской литературной лексикой мы могли пользоваться с довольно большим ограничением. Это соображение, в частности, побудило нас отказаться от употребления слова «юноша», которым удобно было бы обозначать героя сказок с точки зрения единства термина. Тем не менее мы считали, что слово «юноша» типично не для русского фольклора, а для старинных хроник и повестей, и в старом народном быту не употреблялась. Но

²⁹ К сожалению, большая часть переводов, сделанных В. Д. Смирновым в последние годы его жизни (ум. 25.V.1922 г.) для издательства «Всемирная литература», так и осталась неизданной.

этой позицией мы создали себе затруднения, обратившись к синонимам: *парень*, *молодец* и *йигит* (джигит)³⁰, из которых последнее является словарным новшеством, имеющим, однако, некоторую «защепку» в распространенном слове «джигит», а первые два имеют специфический и довольно узкий круг употребления. Мы вышли из положения так: переводим «парень» там, где этот последний изображен в бытовом плане при благодушном и сочувственном отношении рассказчика, и «молодец» — там, где сказка строится в эпическом плане.

Не менее серьезной была опасность «руссифицировать» сказку, пользуясь русской фольклорной лексикой и тем самым затушевывая бытовые реалии старой мусульманской Турции. Поэтому мы переводим: *падишах*, а не *царь*, *шахзадэ*, а не *царевич* (хотя несклоняемый характер слова создавал известные затруднения), *лала*, а не *дядька* — тем более не *гувернер*, *пэри*, а не *фея*, *телляль*, а не *бирюч* или *глашатай*.

Чувствуя себя в положении фотографа, который делает «русский позитив» с «турецкого негатива», мы тщательно передавали такие внешние особенности, как ритм и рифмы, штампованные места и даже тавтологию, если она встречается в оригинале. Два примера на последний пункт: 1) «полюбив тебя, тоже влюбилась» (сказка 12); 2) «но что же ей делать? Из страха перед мужем она не может ничего сделать» (сказка 47).

Наиболее трудным моментом перевода остается все-таки синтаксис. В изданиях Куноша транскрипция снабжена знаками препинания и этим как бы дает читателю синтаксическую характеристику фразы. Тем не менее: 1) синтаксическое членение турецкой фразы объективно определяется положением главного глагола (сказуемого) и подчиненных ему частей³¹; 2) в интерпретации Куноша есть спорные места. Поэтому мы иногда не считались с пунктуацией Куноша и в переводе отражали свое собственное понимание фразы, — на фактуе это, конечно, совершенно не сказывалось.

Стремясь точно передать оттенки турецких глагольных форм, мы, в соответствии с оригиналом и природой турецкого языка, тщательно различали такие обороты, как «когда пришел», «как только пришел», «после того как пришел» и т. д., которыми турецкий язык весьма дорожит и которые для него типичны. Логически их можно различать, оставаясь и на позиции русского языка. И вот в этом плане мы столкнулись с таким положением. Для турецкого языка характерно сочетание разных времен в одной фразе, чаще всего прошедшего с настоящим. Например, по-турецки говорят: «Как только дервиш сказал, мальчик отвечает ему». Возможен ли такой оборот по-русски или же обязательно надо сказать: «Как только дервиш сказал, мальчик ответил ему (отвечал)»? Прежде чем выразить свое мнение по этому вопросу, отметим, что оба сочетания (сказал — отвечает и сказал — ответил) неравноценны: во втором случае мы имеем объективную передачу факта, а в первом — некоторую долю субъективизма, известное отношение к факту со стороны рассказчика, который пытается приблизить факт к читателю, картинно представить его происходящим на его глазах. Строгие правила французской и немецкой стилистики, проводящие здесь принцип «последовательности вре-

³⁰ Последнее фигурирует потому, что равнозначное ему слово «герой» опять-таки не подходит к стилю сказки.

³¹ Как известно, при арабско-турецком шрифте в старых рукописях знаков препинания совсем не было, и изложенный нами принцип был основным критерием понимания.

мен» (*consecutio temporum*), конечно, исключают самую постановку вопроса. А по-русски? В русских сказках (Афанасьева и др.), где придаточные предложения встречаются редко, нелегко найти интересующее нас сочетание. Тем не менее оно в русских сказках существует: у Афанасьева мы нашли (немногочисленные, правда) примеры такого типа, как: «*подошел и говорит*», «*остановился и стоит*».

Что касается русского литературного языка, то здесь существует такое мнение, будто разбираемый прием недопустим. Начало свое эта точка зрения ведет, по-видимому, от русской грамматики Греча³², который постулировал *consecutio temporum* западных языков как закон русского языка. Мы лично стали бы на позиции сторонников противоположного мнения. Сочетание прошедшего с настоящим по-русски употребляется, и притом не только в таких выражениях, как «я *знал*, что за ним водятся грешки», но и в таких, как «не *успел* он приехать, как ему *подают* письмо», которые гораздо ближе к разбираемым турецким предложениям. Дело, по-видимому, не в самом принципе, а в степени его распространения (при каких синтаксических конструкциях допустимо, при каких — нет). Как бы то ни было, мы не находим противоречащими нормам русского языка приводимые ниже примеры:

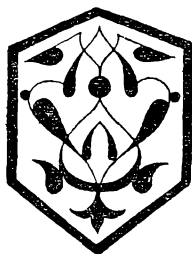
1. «Пока молодец *ел* плоды с деревьев, самка-дэв *встает*» или: «пока деушка *мылась*, он берет ее украшения».

2. «Когда он так *сказал*, лала и *говорит*».

Более детальные особенности оригинала нами здесь не отмечаются, так как размеры нашей статьи не позволяют нам это сделать.

Н. К. Дмитриев

³² Указанием на теорию Греча мы обязаны Б. А. Ларину.

Турецкие
Народные
сказки

*С неба упало три яблока:
Одно — тому,
кто сказку сказывал,
Другое — тому,
кто сказку записал,
А третье — тому,
кто перевел.*

1. Сказка о сыне падишаха

 было — не было ¹, а когда-то был один падишах, и у него было три сына. У падишаха в его собственном саду была яблоня. В год она приносила только три яблока, но ни одного из этих яблоков так и не удалось отведать падишаху. Он и говорит своим сыновьям: «Мои дорогие, до сих пор не отведал я этих яблоков, кто же их срывает? Вы вот стали дюжими молодцами, а не пойдете посмотреть!» Старший сын падишаха говорит: «Батюшка-шах! Я пойду покараулю; уж как бы там ни было, а сорву и принесу!» А падишах говорит: «Очень хорошо» — и дает разрешение; шахзадэ берет стрелы и лук и идет. В ту ночь он прячется в сторонке, и вот, едва наступила полночь, как сразу налетает ветер — ураган такой, что свету не видно ². Молодец, лишь только это увидел, подбирает свои туфли ³, бежит, приходит к отцу и рассказывает все, что случилось.

Все это слышит средний сын; он тоже просит отпустить его и вот тоже берет лук и стрелы, идет и весь тот день караулит там. С наступлением ночи снова налетает ветер — прямо буря! Молодец убегает и идет к отцу. На этот раз младший сын просит отпустить его и на следующий день уходит; когда наступает ночь, он прячется в сторонке. Как бы то ни было, в полночь налетает ветер — ураган, еще сильнее прежнего! Хотя молодцу и было страшно, он не убегает. И вот вслед за этим появляется двуглавый дракон. Едва только он захотел сорвать яблоки, молодец выпускает стрелу и поражает одну голову дракона. Дракон сейчас же поворачивает назад. Тогда молодец срывает то яблоко, приносит своему отцу и рассказывает все, что случилось, а стар-

шим братьям говорит: «Пойдемте по следам дракона — отрубим ему и другую голову!» Все трое снимаются с места и идут по следам дракона. Вот подходят они к колодцу. Старший говорит: «Вы меня обяжите, — я спущусь в колодец». Они связывают вместе свои кушаки и делают из них веревку. Потом обявляют брата вокруг пояса и начинают спускаться в колодец. И вот он, лишь только дошел ровно до половины колодца, начинает кричать: «Ой-ой, горю!» — и братья вытаскивают его обратно. Затем спускают среднего брата. Тот тоже, едва доходит до половины колодца, как начинает кричать: «Ой-ой, горю!» — и его вытаскивают. На этот раз младший шахзадэ говорит: «Теперь обяжите меня, но когда я буду кричать: «горю!» — вы не обращайтесь внимания». И они, обяжав его, начинают спускаться вниз. Хоть он и кричал: «горю!», — они не слушают и спускают дальше. Наконец он достигает дна колодца, отвязывает веревку от пояса и входит в одну дверь; видит: лежит дракон. А колодец тотчас же вынимает меч и одним ударом отсекает дракону голову.

Лишь только дракон издох, колодец стал обходить все кругом. Ему попадается дверь, он открывает, глядь! — сидят три девицы, одна другой красивее. Как только девушки увидели шахзадэ, они говорят: «Помилуй, колодец! Ты как сюда пришел? Здесь дракон; если он тебя увидит, так вот и проглотит, как один кусок!» А колодец и говорит: «Ах, хоть вы меня и пугаете, да я-то с ним уж покончил». Когда он это сказал, девушек охватила большая радость. Молодец видит перед одной девушкой золотую прялку, — сама собой прядет; у другой — золотые пальцы, — сами собой вышивают; а у третьей — золотая насадка с золотыми цыплятами, — клюют жемчуг на золотом подносе. Он и говорит им: «Девушки, не хотите ли, чтобы я вас поднял на лицо земли?» А те говорят: «Ах, неужели же нет!» Тогда шахзадэ взял все, что было перед ними, и положил в сумку, а потом и их самих подвел к краю колодца. Он обявляет старшую девушку веревкой и кричит: «Старший брат, тяни: это твоя доля!» А те там наверху тащат веревку. Потом он обявляет среднюю девушку и кричит: «Второй брат, это тебе!» Ее тоже вытаскивают наверх. Когда они в третий раз опустили веревку, младшая девушка и говорит: «Шахзадэ, сперва ты поднимись, а то, если я выйду раньше, братья твои позавидуют тебе, потому что я красивее тех девушек, и бросят тебя здесь, а мне будет жаль тебя». Шахзадэ не соглашается: «Ты выходи раньше, а потом и я пойду». Когда он так сказал, что же тут делать девушке? Она

говорит: «Если они оставят тебя в колодце, то вот я дам тебе с моей головы три волоска. Для тебя наступит тяжелое время, да и мы тоже, пока ты не выберешься на лицо земли, не выйдем замуж. Они потащат тебя наверх и в это время перережут веревку, а ты упадешь вниз. Внизу — два барана: один белый, другой черный; если ты упадешь на черного барана, ты с ним погрузишься в глубину земли на семь слоев,— постарайся же упасть на белого: быть может, тогда ты сумеешь выбраться на лицо земли». Шахзадэ обвязывает девушку веревкой: «Берите, это моя»,— говорит он. Те вытащили девушку, смотрят на нее, и она им очень нравится. «Эге! Да он самую красивую для себя приберет! Постой, оставим-ка мы его в колодце,— тогда узнает!» — И с этими словами они бросают веревку. А молодец обвязал себя, и, когда поднялся вверх и уже достиг половины колодца, веревка оборвалась, шахзадэ покатился кувырком — тынгыр-мынгыр!⁴ — и упал прямо на черного барана, а тот ушел в землю на семь слоев.

Немного спустя он приходит в себя, оглядывается по сторонам, видит дом; идет прямо туда и стучит в дверь. Выходит какая-то старая женщина, а он и говорит: «Матушка, прими меня гостем⁵ на сегодняшнюю ночь». Старуха спрашивает: «Дитя мое, да здесь не проходят ни пэри, ни джинн, ни человеческий сын⁶ — ты откуда?» А молодец только и знает, что умоляет: «Смилуйся, матушка, буду тебе сыном»,— говорит он, обнимает старуху, а женщина не может устоять перед его мольбой и выпускает его к себе. С вечера он заснул, а в полночь ему захотелось пить: «Неужели нет ни капли воды?» А там как раз воды и не нашлось. Старая бабка говорит: «Сынок, в нашей стране никогда нет воды, мы из году в год покупаем воду, потому что здесь появился один дракон и захватил воду. Каждый год мы отдаем ему одну девушку, и, пока он ест ту девушку, он отпускает воду. И вот мы тогда набираем ее, что только силы есть, и бережем ее на все время. А сейчас вода у нас кончилась. Вот завтра — новый год; нынче ночью обряжают дочь падишаха, а утром отдадут ее дракону». Шахзадэ, хоть и страдал от жажды, но ничего не сказал. Когда наступило утро, он идет туда, где находился дракон, и прячется в укромном месте. И вот в то утро все берут медные котелки и прочую посуду и собираются там; приводят дочь падишаха и оставляют у самой норы дракона. Изнутри вылезает семиголовый дракон, и вот, когда он приготовился схватить девушку, шахзадэ тут же вытаскивает меч и

одним ударом отсекает дракону все семь голов. Лишь только девушка это увидела, она опускает свою руку в кровь и делает ею знак на спине у шахзадэ. Внизу все принялся набирать кровавую воду, вдруг, глядь! — начинается течь чистая вода. Они скорее бегут наверх, смотря: дракон издох, а девушке, хоть бы что! Они сейчас же берут девушку, ведут ее к падишаху. Как только падишах увидел дочь живой и здоровой, его охватила сильная радость. «Дочь моя, кто тебя спас?» — спрашивает он, а девушка говорит: «Стой-ка, вели завтра теллялям кричать, чтобы все собрались, — я тогда того человека и распознаю». И падишах велел теллялям кричать; все собрались, старые и молодые, — все туда пришли. А девушка и говорит: «На кого я укажу, того берите и ведите сюда». Затем все по одному проходят перед девушкой. И вот, когда проходил шахзадэ, девушка узнает его; люди сейчас же хватают его и ведут во дворец. А падишах спрашивает: «Сынок, это ты спас мою дочь?» Молодец отказывается: «Нет, не я». А девушка говорит: «Нет, ты, — я положила на тебя знак». И вот на его спине находят этот знак. Падишах говорит: «Сынок, я обручу с тобой мою дочь, ты согласен?» — «Нет, падишах! Я пришел с чужой стороны и хочу снова попасть к себе на родину». — «Ну, раз так, проси у меня, чего хочешь». А шахзадэ говорит: «Чего мне хотеть? — выведи меня на лицо земли». Падишах говорит: «Очень хорошо, дитя мое, но у меня для этого не хватает силы; если у тебя есть какое-нибудь другое желание, — я исполню». А шахзадэ говорит: «Другого желания у меня нет» — и уходит.

Бродит он, бродит, и вот за городом ложится под тенью одного дерева. А на том дереве птица Сумуранка⁷ свила гнездо, вывела птенцов, и повадилса туда ходить дракон: каждый год приходит и пожирает птенцов. Пока шахзадэ лежал, глядь! — пришел дракон и хочет схватить птенца. Молодец тут же вытаскивает меч и одним ударом рассекает дракона пополам, потом он снова ложится и погружается в сон. Вслед за этим прилетает Сумуранка; увидела молодца и говорит: «Ах, злодей! Так это ты каждый год пожираешь моих птенчиков?» Она бросается на него, чтобы убить, а птенцы говорят: «Что ты? Смотри, не делай ему вреда: он нас от дракона спас». Когда Сумуранка увидела труп дракона, она подлетела и распростерла над молодцом крылья, чтобы над ним была тень. Немного погодя молодец просыпается, глядь! — он лежит в тени. Пока он раздумывал: «Это что же такое?», птица заговорила по-человечьи: «Сын человека, ты спас

моих птенцов — проси у меня, чего хочешь». А тот сказал: «Я хочу, чтобы ты вынесла меня на лицо земли». Птица говорит: «Очень хорошо, только я теперь очень ослабела. Если ты доставишь мне сорок баранов и сорок бурдюков воды, то тогда повешишь баранов с одной стороны, а бурдюки — с другой, а сам сядешь на меня. Когда я скажу: «гак!»⁸ — готовь барана; скажу: «гык!» — бурдюк с водой, — так вот я тебя и вынесу на свет». Шахзадэ говорит: «Прекрасно». Он идет к падишаху: «О падишах, я прошу у тебя сорок баранов и сорок бурдюков с водой». А падишах говорит: «Очень хорошо» — готовится все, что просит молодец, и отправляет это на повозках. А тот привозит все к Сумуранке. Потом они все это нагружают на крылья птицы, а он садится на нее. Птица полетела, и вот, когда она скажет: «гак!» — он дает барана; когда она скажет «гык!» — бурдюк воды. Так они летят — и вот до лица земли уже немного, а остается только один баран. Птица снова говорит: «гак!» — но когда парень подает барана, тот как-то выпадает у него из рук, а так как другого нет — он скорее отрезает кусок бедра и сует в рот птице, а птица узнает, что она взяла человеческое мясо, и прячет его под язык. Немного времени спустя она выбирается на лицо земли, спускает молодца с себя, и он потихоньку сходит на землю. Птица говорит: «Ну-ка пройдишь», а шахзадэ отвечает: «Ты ступай, у меня сильная слабость, я потом встану». А птица заставляет его встать. Он встает, но держаться на ногах не может. Тотчас же птица вынимает из-под языка кусок бедра, прикладывает его к нужному месту, слегка плюет на него, и оно становится еще здоровее, чем прежде; молодец начинает ходить. «Прощай, в добрый час», — говорит Сумуранка и улетает, а молодец, попав на дорогу, идет потихоньку, приходит в свой город, покупает в лавке мясника требуху, напяливает ее себе на голову и принимает облик плешака⁹. Затем он идет к старшине ювелиров¹⁰. «Смилуйся, мастер, не возьмешь ли ты меня в ученики?»¹¹ Ювелир смотрит — плешак. «Ступай себе, плешивый парень, что я с тобой буду делать?» — говорит он и гонит его, а шахзадэ умоляет: «Я буду всякую службу исполнять, дай мне кусок хлеба». Тогда мастер соглашается: «Ну ладно, иди».

Пусть он там остается, а в этой стороне¹² братья шахзадэ, вытащив девушек из колодца, привели их во дворец. Хотя отец и спрашивает их: «Где остался ваш брат?», они ответили: «Он пропал в пути, мы не знаем, куда он девался». Падишах изрядно рассердился, но — что делать? — потом умолк. И вот после этого

проходит несколько дней. Сыновья и говорят своему отцу: «Этих девушек выдай за нас», и падишах посылает весть девушкам. Те говорят: «Очень хорошо, падишах, но только, пока не будет младшего шахзаде, мы не пойдем замуж», и они отказываются: «Мы будем ждать семь лет; если придет шахзаде, прекрасно; не придет,— поступай как знаешь». И падишах, сказав: «Очень хорошо», умолкает. И вот — в сказках дни быстро проходят — проходит и семь лет; падишах опять посылает весть девушкам, а старшая девушка говорит: «Пусть падишах закажет мне золотую прялку, чтобы она сама собою пряла; если будет так, как я хочу, тогда я пойду замуж». Тогда падишах велит позвать к себе старшину ювелиров. Падишах сразу же говорит: «Я хочу от тебя золотую прялку, чтобы сама пряла; в сорок дней она должна быть готова; если не будет,— сниму с тебя голову». Тогда ювелир пришел к себе, задумался и стал плакать; к нему подходит плешак: «Хозяин, ты что плачешь?» А тот в ответ: «Поди вон, плешивый! Горю моему не пособишь, к чему ты меня спрашиваешь?» А лысый умоляет, упрашивает: «Ну прошу тебя, скажи, может, я и помогу как-нибудь». А мастер говорит: «Вот такое-то и такое-то дело. Прялку как-нибудь могу сработать, а вот как сделать, чтобы она сама пряла?» Лысый говорит: «Эх ты, и из-за этого ты плачешь? Да что тут такого? Я не больше чем за сорок дней, сделаю в лучшем виде все, что от тебя требуют». Едва он так сказал, мастер и говорит: «Иди, проваливай с моих глаз, не насмехайся надо мной, с меня и так горя хватает!» А лысый говорит: «Клянусь аллахом, мастер: я тебе это сделаю, не сокрушайся». На сердце у ювелира стало полегче¹³: «Помилуй, сынок, как ты можешь это сделать? И что тебе надо для этого?» — «Ты возьми для меня мешок орехов да бочку бузы¹⁴ и принеси сюда. Сорок дней не подходи к лавке¹⁵, а на сорок первый приходи и забирай вещи». И мастер поднимается, покупает на рынке орехи, бузу и приносит, а сам идет к себе домой. Несколько дней спустя он встает, идет в лавку, видит, что лысый закрыл ставни. Тогда он смотрит в щелку: лысый в лавке перед собой поставил орехи, рядом бузу, а сам с молотком в руке то поет песни, приговаривая: «тырыллан-так-так¹⁶, тырыллан-так-так!», то грызет орехи и запивает бузой. Хозяин увидел и вышел из себя: «Ах, он ничего еще не сделал! — и закричал: — Лысый, ты что делаешь?» А тот в ответ: «Эй ты, полегче! Как раз, когда я хотел взяться за станок, ты пришел и все дело испортил! Ступай, не беспокойся». А мастер говорит: «Ну, посмотрим, что за глупость сотворит наш

лысый» — и идет домой. А лысый только и знает, что ест себе орехи в свое удовольствие.

Не будем затягивать! ¹⁷ Наступает сороковой день. Наутро лысый чисто-начисто убирает лавку, открывает ставни, выносит прялку и ставит перед собой, а сам берет в руки чашку кофе и рассаживается с важностью. И вот приходит мастер, глядь! — прялка готова. «Ну что, дитя мое, сделал?» — «А как же? Вот бери, неси, — возьми золота столько, сколько она весит». Хозяин радостно берет прялку и несет во дворец, а оттуда ее несут в харем. Лишь только девушки ее увидели, они говорят: «Ах, сестрицы! Шахзадэ, который нас вывел из колодца, вышел на поверхность земли» — и радуются. А старшине ювелиров падишах дает золото; тот на радостях идет в лавку и говорит лысому: «Иди-ка, я и тебе дам немного денег!» А лысый говорит: «Хозяин, мне денег не надо, возьми их себе». И вот таким образом девушку обручают со старшим сыном падишаха; после празднеств в сорок дней, сорок ночей ¹⁸ они остаются наедине.

Несколько времени спустя хотят и среднюю сестру выдать замуж, а та говорит: «Если вы сделаете мне золотые пальцы, чтобы сами вышивали и нитку распускали, тогда я согласна». И вот падишах снова велит позвать старшину ювелиров и говорит ему: «Если в сорок дней не будет готово, сниму с тебя голову». Ювелир, придя в лавку, задумывается. Лысый идет к нему и спрашивает, в чем дело. Как только мастер рассказал, тот говорит: «Не кручинься, я это легко обделаю. Только надо два мешка орехов и две бочки бузы». Мастер говорит: «А не много ли будет? Ты начинай делать, а я сейчас принесу то, что ты требуешь». Он идет и покупает на рынке все, что надо. И вот лысый закрывает ставни и проводит время в лавке, распевая песни и грызя орехи. Короче говоря: как только наступает сороковой день, он открывает лавку, кладет пальцы на верстак, а сам отходит в угол и садится. Приходит мастер. «Ну как, лысый, сделал?» — спрашивает он, а лысый ему в ответ: «Сделал, конечно; вот, разве ты не видишь?» Как только мастер увидел пальцы, он радостно берет их и несет во дворец. А там, лишь только девушки увидели пальцы, так и обрадовались. «Не иначе, как шахзадэ вышел на свет», — говорят они. И вот падишах снова дает ювелиру много денег, потом выдает девушку за второго брата, и после свадьбы они остаются наедине.

Теперь приходит очередь младшей девушки. Падишах велит спросить, за кого она пойдет. А та говорит: «О падишах! Сперва

вели мне сделать золотую наседку с золотыми цыплятами, чтобы они жемчуг на золотом блюде клевали. Если ты велишь это сделать, то потом вели теллялю крикнуть клич: «Пусть каждый пройдет под стенами дворца»; кто мне понравится, за того и пойду». Падишах опять велел позвать ювелира и рассказывает о деле, а тот идет к лысому — рассказывает ему, и вот лысый говорит: «Я сделаю» — и закрывает лавку. В сороковой день открывает, выносит наружу наседку; мастер приходит — видит, что готово. Лысый говорит: «Хозяин, ну-ка бери это и неси,— только смотри, ни денег, ни чего другого не бери: что получил, того и хватит». А мастер говорит: «Очень хорошо» — идет во дворец и отдает наседку. И девушка, увидев это, радуется. И вот в тот день телляль кричит: «На завтрашний день всяк молод и стар пусть пройдет перед дворцом!» Все слышат об этом и начинают собираться. Ювелир идет к лысому и рассказывает, а тот ему в ответ: «Мне там делать нечего! Неровен час еще кто-нибудь пройдетя насчет моей головы и обидит меня. Некогда мне ходить по таким местам». Как бы то ни было, ювелир идет туда, а лысый, закрыв лавку, идет в поле. Под кустом он достает волоски, данные девушкой, зажигает один из них, и появляется араб со словами: «Зачем ты звал?» А тот говорит: «Поскорее доставь мне белого коня и белую одежду»,— и араб сейчас же доставляет все это. Тогда лысый наряжается, садится на коня и выезжает на площадь перед дворцом. А там все собрались и проходят мимо дворца. Пока лысый мчался, пустив коня во весь опор, девушка сверху увидела его, сразу узнала и тут же бросила в него золотым мячом. Все, кто там был, закричали, а лысый скорее едет прочь, раздевается, снова надевает на голову требуху и идет в лавку. А затем приходит и его мастер. «Эх, лысый! Если бы ты пошел, ты видел бы, как проезжал какой-то красавец на белом коне, весь в белом,— девушка бросила в него золотым мячом». А лысый и говорит: «Вот еще новости! Если бы я пошел, она бы в меня бросила и разлила бы виноградный сок на моей голове¹⁹. Хорошо сделал я, что не пошел». И вот на другой день опять собирается народ. А в тот день лысый идет в укромное место и зажигает второй волосок. Как только появился араб, он говорит: «Доставь мне красного коня и красное платье». Араб говорит: «Очень хорошо» — идет и все это доставляет. И вот лысый, одевшись в красное, вскакивает на коня. Когда он проезжал под дворцом, девушка опять бросает в него золотым мячом.

Потом лысый идет, раздевается, напяливает на голову тре-

буху и сидит. Приходит мастер. «Эх, лысый! Пошел бы ты да посмотрел».

Как бы то ни было, в третий раз снова собирается народ. Лысый идет, и, как только он в укромном месте зажег третий волосок, является араб: «Приказывай, эфенди!» А тот говорит: «Доставь мне зеленого коня и зеленые одежды». Араб скореехонько их доставляет. Молодец снова садится на коня и единым духом проносится под стенами дворца, а девушка опять попадает в него золотым мячом. На этот раз кричат: «Довольно!» И сейчас же хватают молодца за руки, за полы, приводят во дворец и обручают с девушкой. После праздника в сорок дней, сорок ночей они остаются наедине. На другой день шахзадэ рассказывает своему отцу по порядку — все, что случилось. Падишах созывает других братьев и спрашивает; а они, как только увидели младшего брата, сразу его узнают — умоляют, упрашивают простить им их вину, а он говорит: «То, что вы мне сделали, я вам не сделаю»²⁰ — и прощает им их проступки, а отец его отказывается от престола и сажает на свое место младшего сына. До самой смерти проводят они свою жизнь в спокойствии. Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам²¹.

2. Трехлапый дэв

 Было — не было, а у одной женщины было три сына и дочь. Самый младший из сыновей был немного придурковат и целый день только и делал, что катался в золе¹. В один из дней два старших брата собирались пахать чифт² и потому говорят своей матери: «Около полудня пошли сестру к нам с обедом». А мать говорит: «Что же, пошлю, да только ребенок собьется с пути, пойдет в сторону дэва, а он ее и проглотит». А около того места, где они жили, был трехлапый дэв; этот дэв глотал все кругом, так что даже и птице не давал пролететь мимо.

Братья рассказали сестре дорогу и отправились на работу. Мало ли работают, много ли работают — наступает полдень; они ждут свою сестру. А сестра, взяв от матери обед, отправляется в дорогу; каким-то образом она сбивается с пути и поворачивает в ту сторону, где жили дэвы. Идет-идет, встречает трехголовую

самку-дэва. Когда та увидела ее, она и говорит: «Ах, дочь моя, что у тебя здесь за дело? Пойдем-ка я тебя сведу к себе домой, а то у меня три сына, сейчас они придут и, если тебя здесь увидят, проглотят — жалко ведь будет!» Так она уговаривает девочку и ведет ее к себе в дом. А муж ее, трехлапый, оказывается, следил издали. Как только он увидел, что девочка пришла, он спрятался и, когда подошла его жена, потихоньку говорит: «Ты ей вели развести и раздуть огонь, а я ее проглочу». Не будем затягивать! Самка-дэв берет девочку, приводит ее к очагу и говорит: «Ты голодна, раздуй-ка огонь, а я замешу тесто». И вот, пока девочка раздувала огонь, трехлапый подкрадывается сзади и проглатывает ее.

Пусть он тут остается, а мы перейдем к братьям. Братья ждут-пождут: проходит полдень, проходит икинди — вот сейчас будет обед. Когда наступил вечер, они возвращаются обратно домой. Когда пришли домой, спрашивают у матери: «Почему не послала обед?» А мать в ответ: «Послала, неужели она не приходила?» Лишь только она так сказала, они догадываются, что девочка сбилась с дороги и зашла в сторону дэвов. Старший брат вскочил с места: «Я пойду, найду ее», — говорит он и отправляется в путь. Долго-долго идет он и подходит к пекарне, а в то время как раз мимо проходил путник. Путник спрашивает молодца: «Ты куда идешь?» А тот рассказывает ему все по порядку. Путник говорит: «Когда ты съешь весь хлеб из этой пекарни, тогда ты убьешь того дэва». Молодец сказал: «Это съестъ ничего не стоит» — и принимается за еду. Один хлеб съел: «Нет, меня разорвет», — говорит он, бросает и уходит. Долго-долго идет, наталкивается на большой котел и вот видит, что котел полон вина. Он смотрит в него, а в это время идет какой-то путник. Путник спрашивает: «Куда идешь?» Тот рассказывает и этому все, как рассказал первому, а путник и говорит: «Если ты сумеешь выпить до конца все вино, которое находится в котле, дэва убьешь» — и исчезает. Парень думает: «Да что тут такого?» Делает один-два глотка. «Э, да меня разорвет», — говорит он и убегает. Идет долго; на перекрестке одной дороги наталкивается на два моста: один железный, а другой деревянный, а по ту сторону мостов стоят две яблони: на одной яблоки сладкие, а на другой — кислые. Когда парень подошел к перекрестку дороги, трехлапый дэв увидел его и говорит своей жене: «Посматривай за ним, поглядим-ка: через деревянный ли мост он пойдет или через железный, кислое ли яблоко будет есть или сладкое».

Парень подумал: «Деревянный мост, пожалуй, развалится» — и проходит по железному, подходит к яблоням: «Эти еще не поспели», — думает он и, оставив кислые яблоки, ест сладкие. Самка-дэв рассказывает трехлапому все, как было. Дэв и говорит жене: «Ну, сегодня у нас в делах удача: иди скорей, хватай его и делай с ним то же, что с девочкой». Самка-дэв снимается с места, идет к молодцу: «Откуда пришел и куда идешь?» — спрашивает она. Молодец рассказывает, в чем дело. «Я знаю, где она, пойдем со мной, и я тебе покажу», — говорит она и приводит его к себе в дом. Одним словом, она заставила и его растопить печь, как это сделала и с девочкой, и дала трехлапому проглотить его.

Перейдем-ка теперь к другой стороне.

Они ждут один день, ждут два дня, думают — вот-вот те придут. Ни от одного из них не приходит никаких вестей. Тогда средний брат говорит: «Пойду-ка, отправлюсь и я» — и выходит в путь. Идет он, идет, наталкивается на пекарню, путников, мосты и деревья, которые видел его брат. И он тоже проходит по мосту, по которому прошел его брат, ест яблоки, которые ел его брат, встречается с самкой-дэвом и, подобно своему брату, находит свою судьбу в брюхе трехлапого.

Приходит черед младшего брата... Ждут, что вот-вот те придут. Видя, что никто не приходит, младший брат говорит: «Я пойду и спасу их всех». — «Смилуйся, сын мой! После того как погибло у меня трое детей, я тебя не отпущу», — говорит ему мать и хочет его задержать, но мальчик уходит, говоря: «Во что бы то ни стало, пойду и найду их».

Младший брат выходит из дома. Когда он стряхивает с себя золу, поднимается такой ветер, что все пахари, сколько их ни было, бросают свои плуги и разбегаются. Парень идет, собирает сколько ни есть на плугах железа, несет его к кузнецу и говорит: «Ты должен сделать мне из этого очень большую булаву; только эта булава не должна сломаться, когда я, подкинув в воздух, поймаю ее на кончик пальца».

Сократим-ка рассказ. Кузнец сделал ему булаву, и он кинул ее в воздух и держит под ней палец; едва только булава коснулась этого пальца, она тут же разлетается на куски. Парень говорит: «Эта булава не вышла!» Идет, снова обваливается в золе и еще раз отряхивается. И на этот раз пахари разбегаются; парень снова собирает железо от плугов, прибавляет к старому железу и велит сделать другую булаву. Когда он бросает эту булаву в воздух, она падает к нему на палец и не разлетается.

«Ага! Эта вышла немного лучше»,— говорит он, берет булаву и пускается в путь.

Мало-помалу подходит он к пекарне, на которую натолкнулись его братья, и видит перед собой путника, с которым беседовали его братья; они приветствуют друг друга. Путник говорит: «Откуда пришел, куда идешь?» Малый рассказывает все как есть, по порядку. «Теперь,— говорит он,— иду я убивать дэва». Путник говорит: «Ты дэва убьешь, но только тогда, когда съешь весь хлеб из этой пекарни и выпьешь все вино из огромного котла, который находится дальше; тогда, может быть, убьешь». Малый говорит: «Ну, пусть это и трудно, а я съем и выпью» — и принимается есть хлеб из пекарни. Ест-ест не переставая; покончив с круглыми хлебами пекарни, он подходит к котлу с вином и выпивает его до дна. Потом он долго идет и наталкивается на два моста. Вдруг замечает, что один мост — из дерева, а другой — из железа. Пока он раздумывает, по какому мосту пройти, трехлапый издали замечает его и говорит жене: «Сегодня, видно, судьба: у моста какой-то человек бродит, смотри за ним хорошенько, по какому мосту он пройдет, какие яблоки будет есть». Пусть самка-дэв наблюдает за ним, а он говорит: «Эх! По железному-то мосту — всякий пройдет, а по деревянному мосту пройти — вот где молодечество! Я иду, чтобы убить громадного трехлапого дэва, и побоюсь таких пустяков? Чего там! Обязательно пойду». И идет по деревянному мосту. И вот видит он под мостом две яблони, смотрит на одну из них — очень спелые яблоки. «Эх! Спелые-то всякий съест, а вот штука в том, чтобы неспелые съесть!» И он ест кислые яблоки. Самка-дэв, увидя это, рассказывает трехлапому. Тот сильно испугался и велит жене, чтобы она приготовила ему булаву: «Ай-ай! Это не из тех птенцов, которых можно убить, заставив раздувать огонь. Приготовь-ка мне мою булаву, и я с ним расправлюсь!» Молодец, увидев издали дэва, подходит к нему, приветствует, а дэв, ответив на поклон, говорит: «Если бы ты не поздоровался со мной, я бы тебя тут же съел!» А молодец говорит: «А если бы ты не ответил мне на поклон, я бы сразу из тебя булавой дух вышиб!» Когда молодец так сказал, дэв разозлился: «Вот как?! Ты такой храбрый, что с одной булавы из меня дух вышибешь?» — «Да, я такой храбрый!» Тогда дэв говорит: «Коли ты храбрец, то вот место для бойца: ну-ка бей!» — «Сперва я тебя осрамлю в метании булавы; коли ты храбрец — бросай»,— говорит молодец. Дэв, отойдя подальше, кидается на него и бросает булаву, а тот под-

ставляет под булаву мизинец: булава разлетается на куски. Приходит очередь молодца. Он обрушил булаву на дэва, и душа дэва стала выходить через нос³. «Если ты храбрец, бей-ка еще раз», — говорит дэв. «Нечего мне бить два раза! Мать меня один раз родила», — говорит молодец и бросает его; дэв околевает. Молодец находит самку-дэва и отправляет ее к супругу в товарищи. Потом он распорол брюхо дэва и выпустил оттуда двух своих братьев и сестру. И вот все они возвращаются к себе на родину.

Когда они прошли полпути, братья попросили пить, так как в брюхе дэва они испытывали сильную жажду. «Здесь есть колодец, пойдем-ка; если мы сумеем достать оттуда немного воды, тогда напьемся», — говорит молодец, и все они направляются к колодцу. Подойдя к колодцу, они сняли с себя кушаки, привязали их один к другому и спустили вниз старшего брата, чтобы достать воды. Когда брат достиг половины колодца, он кричит: «Ай-ай! Горю! Тащите меня наверх!» — и братья его вытаскивают. Спускают среднего брата, а тот, когда опустился до половины пути, как и старший брат, начинает кричать: «Ай-ай! Горю!» — и его вытаскивают обратно. Приходит черед младшего брата. Молодец говорит своим братьям: «Если я даже закричу: «помираю!» — вы меня все-таки не вытаскивайте, а все спускайте вниз», — и они спускают молодца вниз. И хотя, достигнув половины, он закричал: «Аман-маман!»⁴ — братья не обращают на это внимания и спускают его вниз. Когда молодец достиг дна колодца, он видит: комната; входит в нее, глядь! — сидят три девицы поразительной красоты. Они его тоже увидели. «Ох, ты сюда как попал? Здесь есть дэв; если он тебя увидит, так тебя и съест!» — говорят они ему. А молодец и говорит: «Я для этого и пришел. Где комната того дэва, укажите мне». Тогда девушки убеждают его: «Ой, ты так молод, жаль тебя! Уходи, откажись от этого желания, иди, откуда пришел». А молодец настаивает на своем: «Во что бы то ни стало я должен видеть этого дэва!» Когда он так сказал, девушки показывают ему комнату дэва. Молодец вошел внутрь, а тот увидел его и говорит: «Что ты за человек такой, что без страха сюда пришел?» А молодец отвечает: «Я — такой смельчак, который пришел сюда без страха, чтобы тебя убить». Дэв разозлился. Тут же схватил свою булаву, вскочил на ноги, а молодец и говорит: «Ну-ка бей, если ты храбрец!» Дэв поднимает булаву и бросает ее прямо в молодца, а тот сейчас же ее схватывает и бросает обратно. Когда булава была отброшена назад, она попадает дэву в мозг, и дэв околе-

вает. Когда девицы увидели, что он убил дэва, они поцеловали молодца в лоб. «Семь лет уже, как этот дэв держит нас в плену; теперь ты нас спас, и мы принадлежим тебе», — говорят они. Молодец забрал их, попросил кувшин с водой, и все подходит к краю колодца. Он и говорит девицам: «Кто из вас старшая, кто — средняя, а кто — младшая?» — «Вот эта у нас старшая, — говорят девушки, — вот эта — средняя, вот эта — младшая». Когда они так сказали, молодец и видит, что самая младшая — всех красивее. «Вот ты — самая младшая, и я, как ты, самый младший из братьев; значит, ты — моя». Другим девушкам он говорит: «Там наверху, у колодца, есть два моих брата и сестра. Я отправлю вас наверх, и тогда сам приду». Говоря так, он приказывает братьям поднять наверх этих двух девушек и кувшин с водой. Приходит очередь младшей девицы. Молодец говорит ей: «Ты выходи вперед!» — «Нет! Если я выйду, тогда братья скажут: «Самую красивую отобрал себе, а самых некрасивых нам выслал!» — и потом оставят тебя в колодце», — говорит она. «Я-то как-нибудь выберусь и разыщу тебя, выходи сначала ты», — говорит молодец и хочет ее отправить. Как ни убеждала девушка его: «Выходи», молодец никак не соглашался; тогда она вытаскивает из-за пазухи коробку, дает ее молодцу, и подробно ему объясняет: «Когда тебе придется туго, открой эту коробку: внутри ее есть кремь. Высеки огонь из кремня, — к тебе явится араб. Что бы ты ни сказал этому арабу, он все сделает. К тому же, если случится, что братья здесь тебя оставят, то внизу есть бассейн⁵; к этому бассейну каждый день приходят два барана: один белый, другой черный. Если ты вскочишь на белого барана, он тебя понесет в глубь земли на семь слоев».

После этого молодец велит тащить девушку наверх. Как только братья увидели девушку, они — как и догадывалась она — разозлились: «Вот негодий! Самую красивую себе отобрал, а некрасивых нам прислал!» И вот они забрали всех девушек и идут домой.

А мы перейдем-ка к молодцу, что в колодце. Молодец, оставшийся в колодце, видит, что братья его скрылись с девицами. Он поворачивает назад и идет к бассейну. Постояв немного около бассейна, он видит — как и говорила девушка — двух баранов: одного белого, другого черного; они играют друг с другом. Молодец говорит: «Сяду-ка я сразу на белого барана!» — и невзначай садится на черного. Баран, оттого что его поймали, погрузился на дно земли на семь слоев, и вот, глядь! — молодец видит себя

на берегу реки. «Ну, здесь надеяться на одного себя нельзя», — говорит он, вытаскивает из кармана коробку и берет в руку кремь. «Ну-ка, посмотрю я, что это такое?» И с этими словами он высекает огонь, и вот видит перед собой громадного араба, у которого одна губа на земле⁶, другая — на небе. Он говорит арабу: «Скорее принеси мне требуху и старую одежду». Араб идет и приносит молодцу требуху и старое платье. Молодец надевает требуху на голову, платье на спину и идет прямо в город; подходит к лавке туршуджу⁷ и говорит ему: «Не возьмешь ли ты меня в ученики?» А туршуджу говорит: «Ладно» — и берет его к себе в ученики.

Много времени служит он у туршуджу. Однажды он видит, что все кругом в смятении. Телляли на улицах кричат, сколько горла хватает. Молодец и спрашивает своего хозяина: «Что же это такое?» Хозяин говорит: «Реку этого города облюбывал один дэв; этот дэв один раз в год дает воду нашему городу, и то, если дадут ему за это девушку. Теперь пришла очередь падишаховой дочери, потому что каждый год дэву давалось по одной девушке, и больше в нашем городе девушек не стало. Эти телляли кричат, что если кто-либо убьет этого дэва и спасет девушку, падишах не только отдаст за него дочь, но исполнит еще все, чего бы он ни пожелал». Едва молодец это услышал, он тотчас же удрал из лавки, спрятался в укромном месте, высек огонь из кремня и говорит арабу: «Скорее принеси мне чистую одежду, щит и булаву». А араб, говоря: «Слушаюсь»⁸, идет и приносит ему булаву, щит и одежду. Молодец берет это, идет во дворец и говорит: «Я убью дэва». А падишах говорит: «Сын мой! Ты — такой юный молодец. С ним сражалось сколько храбрецов, и ни один не мог его победить, а ты еще ребенок — жаль тебя: ведь ты играешь своей жизнью». Когда он так сказал, молодец и говорит: «Я уже столько дэвов убил, а теперь перед одним дэвом буду отступать?! Вы не тревожьтесь, я и дочь вашу освобожу и дэва прикончу». Тогда падишах подумал: «Может быть, этого мальчика послал мне аллах!» Он принарядил девушку, простился с ней и вручил ее молодцу: «Возьми ее и ступай! Да pošлет аллах вашему делу успех», — сказал он и послал целое войско сопровождать их. Молодец взял девицу, взял войско, и все направились к устью реки, загражденной дэвом. «Я очень устал, вздремну-ка здесь немного. Когда придет дэв, ты меня разбуди», — говорит молодец и засыпает на коленях у девушки. Так он спал довольно долго. Как только девица увидела, что вдаль идет дэв, весь в

пене, она пробует разбудить молодца и не может его добудиться. На лицо молодца капаят слезы ее горя. Как только молодец почувствовал на своем лице что-то холодное, он сразу вскочил: «Что это?» — спрашивает он, а девушка, вздохнув, говорит ему, что идет дэв. Как только он это услышал, он берет в одну руку свой щит, в другую — булаву и, в прекрасных одеждах, гордо, словно лев, выходит против дэва. Дэв увидел молодца. «Хоть наша доля — один⁹, а в этом году вышло двое», — сказал он и защелкал от радости зубами. «Если ты храбрец — бросай-ка булаву!» — говорит молодец. Дэв с улыбкою бросает в него булаву. Молодец подставляет под булаву палец, и булава дэва превращается в соль и лед¹⁰. Теперь приходит очередь молодца. Он направляет булаву на дэва, а тот, не заметив даже, с какой стороны она в него попала, тут же издыхает на месте. После этого войско и девушка спешно повернули обратно, чтобы сообщить ее отцу радостную весть¹¹ о том, что дэв убит. Когда эту весть принесли ее отцу, он чрезвычайно обрадовался и устроил празднество в течение трех дней и трех ночей. На четвертый день он говорит молодцу: «Сын мой! Моя дочь принадлежит тебе; кроме этого, требуй от меня еще, чего только пожелаешь». — «Я ничего не хочу, кроме вашего благополучия», — говорит молодец. «Если так, — говорит падишах, — начнем свадьбу: бери за себя мою дочь». — «Я дочь твою возьму, но у меня есть еще одна любовь на верху земли. Я пойду и привезу ее, ждите меня семь лет. Если я приду, то девушку возьму; если не приду, не забудьте меня в своих молитвах», — говорит он, прощается с девушкой и падишахом и пускается в путь.

Мало ли идет, много ли идет, ночью ли идет, днем ли идет, холмами ли идет, ровным ли местом идет, и вот оглядывается назад: прошел всего с мешочную иглу. Не будем затягивать! После долгого пути молодец наталкивается на большое дерево, и вот он видит, что на одной стороне дерева повисла огромная змея и ползет наверх, а наверху сидит много птенцов, которые трепещут от страха. Увидев это, молодец бросает в змею булавой и убивает ее. А так как он очень устал в пути, то он прилег, прислонившись к дереву: «Вздремну-ка я здесь немного!»

Пока он спит, прилетает мать птенцов. Как только она увидела, что кто-то спит под деревом, она хочет броситься и растерзать его, потому что каждый год эта змея приходила и поедала ее птенцов. И вот, думая, что это он убивал ее птенцов, она хочет броситься и растерзать его, а в это время птенцы встрепенулись:

«Он спас нас от смерти, он убил змею, которая приползла, чтобы нас убить. Не нападай на него», — кричат они своей матери. Когда их мать узнала, в чем дело, она стала дожидаться пробуждения молодца, распростерши над ним свои крылья, чтобы его не опалило солнце. Молодец, изрядно поспав, открывает глаза, глядь! — у его изголовья большая птица, которая осеняет его своими крыльями. Когда он встал, птица говорит ему: «Ты спас моих птенцов от смерти, теперь требуй от меня, чего только захочешь». — «Я хочу, чтобы ты меня вынесла на лицо земли». — «Вынесу, — говорит птица, — но мне надо сорок кантаров¹² мяса и сорок кантаров воды, чтобы, когда я скажу: «гак!»¹³ — ты мне давал мяса, а когда скажу: «гык!» — воды; тогда я тебя вынесу на свет». Молодец тотчас же вынимает из кармана коробку, высекает огонь и говорит арабу: «Скорее принеси мне сорок кантаров мяса и сорок кантаров воды». Араб принес то, что потребовал молодец, и молодец показывает это птице. «Ступай под мои крылья», — говорит она и берет молодца под свои крылья. Птица летит и, когда скажет: «гак!» — он всовывает ей в рот мяса; когда скажет: «гык!» — он подает воду. Не будем затягивать! Таким образом выносит она его на лицо земли. Молодец выходит из-под крыльев и говорит ей: «Жди меня здесь три дня» — и с этими словами уходит от нее. Отойдя в укромное место, он вытаскивает из кармана кремень, высекает огонь; когда появляется араб, он говорит ему: «Ступай в такой-то дом, там есть три женщины. Скажи самой младшей из них: «Пришел тот, которому ты дала свой талисман; завтра вечером, когда все уснут, он придет, возьмет тебя и уйдет». Араб в тот же вечер идет в дом этих женщин; в полночь он будит младшую девушку и рассказывает все, что было. Девушка говорит: «Очень хорошо». На следующий день девица хорошенько наряжается и с вечера уходит в свою комнату еще до прихода молодца. Когда наступила полночь, приходит молодец, забирает девушку, и они идут прямо к птице. И опять, когда птица потребовала сорок кантаров мяса и сорок кантаров воды, — снова молодец, вызвав араба, велит ему все это принести. Девушка входит под одно крыло птицы, молодец — под другое, и все направляются на свои прежние места. И вот как раз, когда они приближались к цели (на этот раз на крыльях у птицы было два человека, она потратила больше сил, и мясо кончилось), птица говорит: «гак!» — а молодец не может найти мяса; тогда он вырезает мясо из своего бедра и всовывает в рот птице. Когда птица взяла мясо в рот, она догадывается, что это

человечье мясо, не ест его и прячет под язык. Когда они подъезжают к своим местам, девица и молодец выходят из-под крыльев птицы; птица и говорит ему: «Ну-ка пройдишь», а молодец говорит: «Я немного отдохну и тогда пойду, ты иди, ступай по своим делам». — «Ах ты, сорванец!» — говорит тогда птица и вынимает из-под языка мясо, и бедро молодца становится еще лучше прежнего. После этого девушка с молодым направляются во дворец падишаха. Молодец входит к падишаху и говорит ему: «Я привел свою любимую» — и рассказывает все, как было. Потом падишах устраивает им свадьбу — сорок дней, сорок ночей — и отдает в жены молодцу и свою дочь и его возлюбленную¹⁴.

3. Дев Рюзгяр

 Было — не было, а в прежние времена¹, в решете, посреди гумна, когда мне было пятнадцать лет, когда я зыбку отца моего раскачивал — тынгыр-мынгыр...² Кто бегом катит, кто валом валит, у такого немало сов, а кто без спросу в сад залетит, того удел, друзья, таков.

Бекир-Мустафа³ — друг его Сафа — закипела голова! Белая борода — черная борода — рыжая⁴ борода — борода лопатой — свежая борода, только что вышедшая из-под руки брадобрея.

Будь я мясник, я бы ножом не махал, будь я кузнец, я бы мула не ковал, будь я банщик, я бы друзей-приятелей уважал! Право слово, ни одно из них не мое дело, а вот как-то раз баня да мне на голову слетела!

Из долины вы бегите, а с вершины — я, вы мамашу полюбите, а дочурку — я, в сундучок-то вы идите, а в корзину — я!

Деревянная лестница, каменная лестница, земляная лестница; по деревянной лестнице взшел я наверх, а эти проклятые девчонки — как только вспомню, запоет сердце и печёнки! Проклятую занавеску отдернул, посмотрел — в углу сидит ханым. Я и так смекал и этак толкал, щелчок ей по подошве дал: дрожит, как водяная бирюза — тирил-тирил!⁵

Был один падишах; у него было три дочери да три сына.

Однажды падишах заболевает; приводят хекимов и ходжей и показывают его им, но он никак не может поправиться. Однажды он призывает к себе сыновей и говорит: «Теперь уж я умру. Кто

после моей смерти проведет на моей могиле три ночи и убьет моих врагов, тот пусть и воссядет на мой трон, а дочерей моих отдайте в жены тем, кто бы их ни пожелал взять». Проходит несколько дней, падишах умирает; его хоронят. В ту же ночь старший сын отправляется на могилу отца, сидит там до полуночи, читает заклинание. Вдруг издалека доносится какой-то голос. Как только молодец услышал его, он схватил свои пабучи и давай бежать! Когда он пришел во дворец, его спрашивают: «Почему ты пришел?», а он говорит, что испугался и убежал. Наступает следующий день, и ночью средний сын идет на могилу отца. Он также сидит до полуночи и также, услышав голос, хватает в руки свои пабучи и бежит. Приходит очередь младшего сына.

На следующую ночь младший сын, засунув за пояс кинжал, идет на могилу. Сидит он до полуночи, вдруг слышит, что издалека доносится какой-то голос и все кругом дрожит — тирил-тирил!.. Молодец сейчас же вскакивает с места и идет прямо на голос; глядь! — большой дракон. Он сразу вытаскивает кинжал и убивает дракона, а так как кругом — ночная тьма, то он хочет поискать свечу, чтобы отсечь дракону пасть, нос и уши и захватить их с собой. Он осматривается по сторонам — вдали виднеется огонек свечи. Тотчас же он снимается с места и идет туда, где был свет. Идет он и видит: сидит на углу какой-то старик, а в руке у него два клубка: один белый, а другой черный. Черный клубок он наматывает, а белый разматывает. «Отец! Что ты делаешь?» — спрашивает он, а тот старик отвечает: «Сын мой, это — мое занятие, мой труд. Я сматываю ночь и распускаю день». — «А у меня еще больше дела», — говорит молодец, связывает старику руки и идет на свет. Идет он, идет, подходит к подножию одной крепости; видит, что там стоят сорок человек. Когда он спросил: «Что вы делаете?» — те сказали: «Мы — разбойники. Мы хотим залезть в эту крепость, но никак не можем найти туда ход». — «Я вас туда проведу, — сказал он, — только не дадите ли вы мне огня?» — «Ладно, дадим», — отвечают разбойники. «Вот что: принесите-ка мне корзину гвоздей!» Они тут же идут и приносят гвоздей. Молодец, вбивая в стену гвозди один за другим, взбирается в крепость и говорит им: «И вы так же, как я, поднимайтесь по одному». И разбойники, по одному, держась за гвозди, поднимаются наверх, а молодец каждому поднявшемуся отсекал голову и бросал в другую сторону; — так вот все они и погибли. Тогда молодец спускается по другую сторону крепости и видит большой дворец; он открывает дверь и, войдя внутрь, тут же ви-

дит, как выползает змея, обвивавшая каменную колонну у входа на лестницу. Он вытаскивает кинжал. Лишь только он всадил его в змею, как она разлетается на две части, а кинжал остается в колонне. Молодец всходит наверх, открывает одну дверь: перед ним комната, а на постели спит девушка, ну и красивая же! Он сейчас же тихонько прикрывает эту дверь и открывает дверь в верхнем ряду, смотрит — и тут спит красавица. Прикрыв и эту дверь, он открывает комнату еще выше: внутри вся эта комната отделана бронзой, и там, видит он, спит еще девушка. Тут он не мог устоять перед красотой девушки и влюбился в нее, как тысяча сердец⁶. Но он закрывает точно так же и эту комнату, выходит из дворца, идет на верх крепости и опять спускается вниз, вытаскивая при этом гвозди. Оттуда он выходит на дорогу и направляется прямо к старику, которому он связал руки. «Помилуй, сынок, куда ты девался? Люди себе от долгого сна все бока отлежали», — говорит он, а молодец развязывает ему руки и идет туда, где он разрубил дракона. Отрубив ему нос и уши, он кладет их себе в сумку, идет оттуда во дворец и видит, что там уже посадили на престол его старшего брата. Он не произносит ни звука.

Через несколько дней приходит лев и направляется прямо к падишаху. Когда падишах его спрашивает: «Чего ты хочешь?», лев говорит: «Я хочу твою старшую сестру взять себе в жены». А падишах отвечает: «Я не выдаю своих сестер за зверей!» Тут он прогоняет льва, но младший брат говорит: «А что нам завещал отец? Разве мы не будем соблюдать его слова?» И он берет старшую сестру за руку и отдает ее льву. Лев забирает девушку и уходит. И вот на другой день приходит тигр: он желает получить в жены среднюю сестру, и хотя падишах опять не хотел отдавать, младший брат отдает ее тигру: «Отец ведь сказал нам, кто бы ни пожелал взять в жены — отдавайте!» Тигр забирает девушку и уходит. А тут на следующий день прилетает птица⁷; она желает взять в жены младшую дочь. Падишах опять не отдает, а младший брат и эту девушку отдает птице. А птица эта была, оказывается, Изумруд-Анка⁸. Изумруд забирает девушку и улетает.

А между тем тот дворец в крепости принадлежал одному падишаху. Лишь только настало утро, все встают; падишах выходит из своих покоев, видит, что во дворец проник человек. Он выходит из дворца и видит на лестнице труп змеи и кинжал, торчащий в колонне. И вот ищут и там и сям, и замечают у подножия крепости сорок человеческих трупов. Падишах видит их. «Тот,

кто вошел в мой дворец, не враг мне, а друг: если бы не он, сорок человек ограбили бы мой дворец; здесь остался кинжал убившего их человека,— говорит он,— где бы нам найти его?» Стали искать. «Вот что, лала,— говорит падишах своему везиру,— чтобы его найти, построим-ка мы баню; пусть все приходят и моются в этой бане, не платя денег. Всех приходящих обыскивайте: у кого окажутся ножны от этого кинжала, тот и есть человек, который приходил ко мне во дворец и умертвил сорок человек». Когда падишах так сказал, сейчас же построили баню. Всякий прослышавший об этом идет в ту баню, и вот не остается никого, кто бы туда не ходил. Лишь только везир сказал падишаху: «Государь! Есть еще только три сына такого-то падишаха, которые не приходили в баню», падишах посылает им весть, и они прибывают в баню. Их одежду также осматривают и вот, среди вещей младшего брата находят эти ножны. Об этом доводят до сведения падишаха. Он сейчас же его призывает и говорит: «Сынок, ты сделал мне столько добра! Проси у меня, чего хочешь». — «Я ничего не хочу от тебя, выдай только за меня свою младшую дочь», — сказал он, а падишах и говорит: «Ох, сынок! Не проси ее у меня; я отдам тебе свою корону, свой престол, а от нее откажись». А молодец говорит: «Нет! Если отдашь, я ее возьму за себя, не отдашь — другого я ничего не желаю». Падишах и говорит: «Я отдам за тебя или среднюю, или старшую дочь, а младшую мою сватал один дэв, по имени Рюзгяр⁹, а я не отдал, вот потому-то я и запер ее в комнату, которую ты видел,— комнату, обшитую бронзой. Если я ее оттуда выпущу, тот дэв похитит ее: ведь это — такой зверь, которого не убить ни пушкой, ни ружьем, ни чем-либо другим,— он даже и на глаза-то не покажется. Уйди, откажись от нее!» Хотя падишах и отговаривал его, однако он говорит: «Нет! Будь, что будет, а я хочу ее в жены!» И падишах, ничего не добившись, обручает девушку с молодцом. Справляют свадьбу и их оставляют одних¹⁰.

Время, приди, время, уйди!¹¹ Пока они с девушкой смеялись и забавлялись, молодец как-то возьми и скажи ей: «Помилуй, султанша, до сих пор я никуда не мог выйти, отпусти меня на часок; я пойду, набью дичи и приду». — «Ах, мой шахзадэ! Если ты уйдешь от меня, тогда меня потеряешь». (А между тем тот дэв, будучи недалеко от девушки, никак не мог прийти похитить ее из страха перед молодцом). Молодец долго умоляет девушку. А девушка говорит: «Ну что же, эфенди, иди, но только смотри, поздно не приходи». А молодец говорит: «Я сейчас же вер-

нусь» — берет свое ружье и выходит из дворца. А дэв, как только девушка осталась одна, сейчас же налетел вихрем, схватил ее и улетел. И вот, немного времени проходит, возвращается молодец, видит — девушки нет. Он идет к падишаху, говорит ему, что девушка исчезла. А падишах ему в ответ: «Сынок! А я разве не говорил тебе? Это та свинья похитила ее!» Лишь только падишах это сказал, молодец воскликнул: «О горе!» — и начал кататься по земле. А падишах говорит: «Не делай этого, сынок! Вместо нее я отдам за тебя другую мою дочь, откажись от той, ты уже больше ее не увидишь, считай, что она умерла!» Хоть он и сказал так, а молодец говорит: «Нет, не может быть! Непременно разыщу ее или сам погибну!» С этими словами он садится на коня и выезжает в путь.

Мало ли едет, долго ли едет¹², по горам, по долам, по ровному ли месту едет, — в один из дней проезжает он по равнине и видит перед собой маленький замок¹³. Его глазам представляются всякие видения, и он не может разобрать, что это такое. А это, оказывается, был замок его старшей сестры. А старшая сестра в это время смотрела из окна; издали она увидела брата и по величине приняла его за птицу: «Птица здесь не пролетает, караван не проходит, — странно, что же это такое?» Пока она смотрела, молодец подгоняет своего коня и подбегает к замку. И девушка узнает в нем младшего брата, сейчас же открывает двери замка и впускает его внутрь. Они крепко обнялись, болтают и беседуют друг с другом. Наступает вечер, девушка и говорит молодцу: «Братец, сейчас придет лев; как-никак он ведь зверь — он может причинить тебе вред» — и прячет его. Вот приходит лев. Когда они садятся, девушка и говорит ему: «Если бы сюда сейчас пришел один из моих братьев, что бы ты сделал?» А лев говорит: «Если бы пришел твой старший брат, я бы из него одним ударом лапы дух выбил, если бы пришел твой средний брат, я бы и его убил, а если бы пришел твой младший брат, я бы его до утра убаюкивал на своих лапах, потому что он тебя отдал мне в жены, он мне — настоящий брат». Лишь только он это сказал, девушка сказала: «Мой младший брат приехал». А лев и говорит: «Как, где он? Ну-ка приведи его!» — и девушка вводит молодца. Лев вскочил с места: «О эфенди! Добро пожаловать, милости просим!» — и он принимает его с большим уважением. Долго они беседуют; лев спрашивает молодца: «Откуда приехал и куда едешь?» — а тот рассказал ему все, что с ним случилось, и говорит, что он разыскивает дэва Рюзгяра. А лев

говорит: «Клянусь аллахом, я слышал его имя, но не знаю, где он находится; к тому же ты с ним не можешь справиться — лучше откажись от этого!» Сколько бы он так ни говорил, молодец в ответ: «Ни за что я не откажусь: непременно пойду и разыщу его». Ту ночь он проводит там, а на следующий день садится на коня, говорит: «Прощайте» — и выезжает в путь. Снова темного проехал, глядь! — издали опять виден замок, а это, оказывается, был замок его средней сестры. Девушка из окна замка видит его и думает: «Кто бы это мог быть?» Пока она смотрит, он приближается к замку, и девушка узнает в нем брата; она спускается вниз и принимает его к себе в замок. Они приветствуют друг друга и беседуют. Потом настает вечер. Девушка говорит: «Братец, сейчас придет тигр. Не сделал бы он чего-нибудь, увидев тебя! Пойдем-ка, я тебя спрячу!» — и прячет его в укромном месте. И вот приходит тигр. Девушка говорит: «Если бы сейчас пришел один из моих братьев, что бы ты сделал?» А тигр говорит: «Если бы пришел старший брат и средний, я бы растерзал обоих; но если бы пришел твой младший брат, я бы до утра баюкал его у себя на коленях». Когда он так сказал, девушка говорит: «Мой младший брат приехал» — и вводит молодца. Едва только тигр увидел молодца, он принял его с почетом. «А, братец, откуда приехал и куда едешь?» Они много болтают, и молодец рассказывает обо всем, что с ним случилось; говорит о том, что едет на поиски дэва Рюзгяра. А тигр говорит: «Где он находится — я не знаю, слышал только его имя; лучше не едь». Несмотря на то, что тигр много говорил об этом, молодец сказал: «Неприменно поеду и разыщу его». Эту ночь он остается там.

Когда наступило утро, он садится на коня и выезжает в путь: «Ну, куда там ни шло», — говорит он и, не останавливаясь, погоняет коня. В сказках быстро все идет... Снова молодец едет, и издали ему бросается в глаза что-то темное. Молодец думает: «Удивительно! Что бы это могло быть?» Он подгоняет коня и мало-помалу приближается к этому темному пятну, видит — большой замок. А это, оказывается, был замок его младшей сестры. Он подъезжает туда, а девушка видит его из окна: «Братец! Из каких ты краев явился?» — говорит она и принимает его в замок. Они обнимают друг друга. Словом, девушка обрадовалась. А молодец хотя и был очень рад тому, что повидался со всеми своими сестрами и увидел, что все они живы, однако никак не мог успокоиться от тоски по своей жене. Не будем

затягивать! Наступает вечер. И опять девушка говорит брату: «Братец! Сейчас прилетит птица. Как-никак, все же это — животное. А вдруг она тебе что-нибудь сделает?» И с этими словами она прячет брата. И вот прилетает птица, и девушка спрашивает ее на случай прихода братьев. А птица говорит: «Если бы приехали твои два старших брата, я бы взяла их обоих в клюв и, взлетев на небеса, бросила бы их на землю и разбила бы насмерть, а если бы приехал твой младший брат, я бы продержала его до утра на своих крыльях». Девушка вводит молодца. «Ах, дитя мое! Как ты прибыл в эти края — не побоялся?» — сказала птица, а молодец рассказал все, что с ним случилось, и говорит, что он приехал разыскивать дэва Рюзгяра. «Сынок! Ты найти его не сумеешь, а если и найдешь, ты с ним не совладаешь, — лучше от этого откажись». Сколько она ни уговаривала, молодец говорит: «Или я сам погибну, или я его убью и жену свою добуду». Птица не могла ему ничего втолковать. «Сынок! Ты, по крайней мере, не медли: его дворец находится в такой-то земле. Ты туда пойдешь, однако на глаза ему не показывайся; если он тебя увидит, сейчас же убьет; он ни на что не посмотрит, а к тому же ты и не в силах заметишь, откуда он пришел и куда ушел, потому что он — как ветер. Береги себя!» И много таких слов говорила ему птица, а молодец, как только наступает утро, садится на коня и выезжает в путь. Едет он, едет понемногу и вот в один из дней приближается ко дворцу дэва: глядь! — большой дворец без углов и краев. А девушка видит молодца из своего окна. «Помилуй, шахзадэ! Ты как сюда пришел?» — кричит она и бросается из окна вниз. А молодец подхватил свою жену, и вот они беседуют друг с другом. Девушка и говорит ему: «Вот уже три дня, как дэв погрузился в сон, бежим сейчас же». (А дэв обыкновенно спал сорок дней). Они садятся на коней и без замедления едут. Пока они едут, дэв просыпается и подходит к двери девушкиной комнаты: «Ханым-султан! Открой дверь, гляну-ка я разок на твое лицо!» Долго он ее вот так просит и видит, что никто не откликается. Он тотчас ломает дверь и, как только вошел в комнату, сразу увидел, что девушки нет. «Не иначе, как это ты, Мехмед-шах¹⁴, пришел и взял султаншу. Эх! Прокатитесь немного, посмотрим», — говорит дэв, садится, пьет кофе, курит чубук, потом встает и пускается за ними вслед. И вот, как только девушка услышала дыхание дэва, она говорит: «О ужас, шахзадэ! Несется дэв». А дэв их настигает. Только схватил молодца — бросает его о землю, ломает ему руки и ноги

и отсекает голову. А девушка говорит дэву: «Ты его убил, давай-ка хоть труп его положим в лошадиную торбу; его, наверное, кто-нибудь подберет да где-нибудь и схоронит». А дэв говорит: «Что хочешь, то и делай». Девушка положила труп молодца в конскую торбу, поцеловала коня в глаза и говорит: «О скотинка, отвези его на его место!» Дэв забирает девушку и снова везет к себе во дворец; девушка входит в свою комнату, садится, но дэва к себе не подпускает: сколько бы он ни приходил, умолял, упрасивал — она только показывала ему свое лицо через дверь.

Пусть они там живут, а конь молодца, шаг за шагом, подходит прямо к замку младшей сестры. Как только конь заржал, девушка слышит его голос и видит из окна, что пришла лошадь брата. Она тут же спускается вниз, вводит ее, открывает торбу и, как только увидела там труп своего брата, начала кричать, причитать и кататься по земле.

Наступает вечер, прилетает птица; видя, что девушка плачет и убивается, она спрашивает: «О султанша, что с тобой?» А девушка показывает ей на труп брата. Так как птица эта была падишахом всех птиц, то она собирает всех, сколько ни было, птиц и спрашивает: «Есть ли среди вас кто-нибудь такой, кто бывал в райском саду?» А те говорят: «Из нас никто не был, но в таком-то месте есть один старый гриф: быть может, он там бывал». Когда птица Изумруд говорит: «Ну, приведите-ка его ко мне!» — одна из птиц отвечает: «Эфенди, он очень стар и не в силах сюда прилететь». Тогда птица Изумруд говорит: «Пусть кто-нибудь из вас возьмет его к себе на спину и принесет». Когда она так сказала, одна из птиц улетает, берет грифа и приносит его сюда. Птица Изумруд спрашивает его: «Эй, отец, был ли ты когда-нибудь в райском саду?» А гриф и говорит: «Сын мой! Был я один раз, когда мне было двенадцать лет». — «Если так, — говорит птица Изумруд, — отправляйся туда опять и достань-ка мне склянку воды»¹⁵. Гриф стал было говорить: «Сын мой! Не могу я туда лететь», но птица Изумруд говорит: «Как ты сюда прибыл, так же и туда отправляйся». Этот гриф опять взбирается на спину одной птице, летит в райский сад, доставляет оттуда склянку с водой и вновь отправляется к себе на свое место. Птица Изумруд, сложив труп молодца, приладила на свои места руки, ноги и голову. Лишь только она обрызгала труп этой водой, молодец вскакивает, словно пробудившись от сна, и, чихнув, оживает. «О боже мой! Где я?» — говорит он, озирается по всем четырем сторонам и понемногу приходит в себя. Птица

говорит: «Сынок! Разве не говорил я, что этот дэв тебя убьет: вот он и раскромсал тебя на куски. Мы нашли тебя в конской торбе. Лучше откажись от этого: если ты еще раз попадешься в руки этому дэву, он тебя опять убьет и притом уже не положит в конскую торбу. Тебя растерзают на горных вершинах волки и птицы». — «Не откажусь, — говорит молодец, — опять пойду». — «Сын мой! Коли уж ты от этого не отказываешься, то, когда придешь туда, не беги, взяв свою жену, а узнай талисман дэва: сперва мы его уничтожим, а тогда уж и твоя жена и ты будете спасены», — сказала птица. Молодец снова садится на коня и приезжает прямо во дворец дэва. Они встречаются с девушкой, и он делает так, как ему сказала птица: говорит ей, чтобы она разузнала, в чем состоит талисман дэва. «Я спрячусь за этой горой, что напротив, а ты разузнай и потом мне сообщи», — говорит он и уходит. Как только дэв подошел к двери, девушка и говорит: «Уходи отсюда, убирайся! Ты вот по сорок дней лежишь и спишь, а я здесь одна сижу и тоскую!» А дэв от радости, что девушка заговорила с ним, сказал: «Помилуй, моя султанша! Каких вы только ни пожелаете развлечений — я все вам доставлю!» А девушка в ответ: «Что мне от тебя пожелать, когда сам ты — создание, подобное ветру; какие у тебя могут быть забавы? Как это ты так носишься, словно ветер, какой у тебя талисман? Покажи-ка мне: я хоть узнаю, что ты такое, и, может быть, этим развлекусь!» А дэв и говорит: «Помилуй, госпожа моя, мой талисман очень далеко, туда никто не может проникнуть. Вот если бы твой шахзадэ был жив, у него хватило бы мужества; пожалуй, он мог бы пойти, а кроме шахзадэ не найдется никого, кто бы туда пошел». — «Что я с таким талисманом буду делать, где же он находится, коли никто туда пойти не может, и что это за вещь такая — твой талисман?» Так сказала девушка, а дэв, очень довольный тем, что она с ним разговаривает, говорит: «Сжальтесь, султанша! Я подойду к вам немного поближе и расскажу по порядку, что такое мой талисман». А девушка говорит: «Ну, подойди, рассказывай, что это за вещь такая». Когда она так сказала, дэв и говорит: «Султанша! Среди моря есть остров из семи слоев; на этом острове находится бык, у него в брюхе — золотая клетка с голубем. Вот это и есть мой талисман. Там, против дворца младшей сестры твоего шахзадэ, есть высокая гора; к источнику, что на вершине горы, приходят каждое утро сорок морских жеребцов; если кто одного из этих жеребцов подкует в то время, как он пьет

воду, и до тех пор, пока он не оторвется от воды, оседлает и, накинув башлык¹⁶, сумеет сесть на него верхом, то жеребец тот, когда перестанет пить, скажет тому человеку: «Приказывай, султан!» И когда тот назовет место, в которое надо ехать, жеребец туда его доставит». А девушка говорит: «Пошел вон отсюда, поганец! Что мне от этого талисмана и от того, кто туда пойдет и кто его принесет? Уходи, уходи, убирайся!» И с этими словами она выпроваживает его. А дэв, радуясь, что он вдоволь повидался с девушкой и наговорился с ней, уходит и погружается в сон. И вот шах Мехмед приходит во дворец; девушка рассказывает шахзадэ то, что говорил дэв, а он, сев на коня, едет прямою дорогою в замок младшей сестры и рассказывает об этом птице. А птица Изумруд, когда наступило утро, призвала пять птиц. «Ну-ка, летите с шахом Мехмедом на эту гору, что напротив; выйдут морские жеребцы: одного из них, пока он будет пить воду, вы подкуйте, оседлайте и посадите на него шаха, прежде чем жеребец поднимет свою голову от воды»,— сказала она и отправила в путь птиц и молодца.

Они прилетели на ту гору. Не будем затягивать! Лишь только появились жеребцы, птицы быстро кончают свое дело, и молодец садится верхом на жеребца; тот поднял голову от воды и говорит: «Приказывай, мой султан!» Молодец говорит: «Я еду на такой-то остров», и, когда жеребец сказал: «Закрой глаза, открой глаза», он очутился на берегу острова, засунул в карман башлык жеребца, а сам пошел в глубь острова. Перед ним появился старик: «Эй, сынок! Ты сюда откуда пришел?»— спрашивает он его. А молодец говорит: «Мой корабль сел на мель, я же плыл и сюда выплыл, а ты здесь кто такой будешь?» Старик говорит: «Эй! Я слуга дэва Рюзгяра, здесь я сею и жну. У него есть бык, я здесь за ним хожу, а ты вот не будешь ли мне слугой?»— «Очень хорошо. Буду»,— сказал молодец, а старик говорит ему: «Ты вот этот бассейн каждый день наполняй водой». А молодец и говорит: «Ладно, купец».

Он живет там несколько дней и замечает около бассейна большие бочки, полные вина. Лишь только старик ушел, он тотчас же выливает в бассейн вместо воды все вино из этих бочек, и вот бык, в котором находился талисман дэва, почувствовав жажду, приходит попить. «Попью-ка я воды из водоема»,— думает он и выпивает все вино. Сделав несколько шагов, бык сваливается на землю. Молодец тотчас же убивает быка, вспарывает ему брюхо и достает золотую клетку. Как только он, вынув из кар-

мана башлык, ударил им по морю, выскочил жеребец, и он садится на него верхом; тот говорит: «Приказывай». — «Я еду ко дворцу дэва Рюзгяра», — говорит шахзадэ. Едва только жеребец сказал ему: «Закрой глаза, открой глаза», как он очутился перед дворцом. А девица ждала его и думала: «Когда же придет мой шахзадэ?» Чуть только увидела его, она тут же спускается вниз, а дэв, оказывается, в тот день должен был встать от своего сна. Молодец посадил и девушку на жеребца, а тот спрашивает: «Куда вы поедете?» И они отвечают, что поедут к замку птицы Изумруд-Анка. А так как это было очень далеко, то жеребец сказал им: «Закройте глаза» — и взлетел под небо. И вот, пока они едут, встает от сна дэв и, опять не найдя девушки, тотчас же, без замедления, бросается вслед за ними, говоря: «Ах! Это шах Мехмед, что ли, опять явился!» Девушка слышит дыхание дэва: «О боже мой! Шахзадэ, опять дэв летит!» А молодец сильно испугался, так как и раньше был напуган. «Опять он меня убьет!» — говорит он. «Не бойтесь, сверните голову птице, которая в клетке», — сказал жеребец, и рассудок снова возвращается к молодцу. Как только он оторвал голову птице, дэв околел. Полные радости, они прибывают к замку птицы и оттуда отпускают жеребца. Птица увидела молодца, его жену, и все очень обрадовались. Пробыв там несколько дней, они в какой-то день садятся на коней и едут в замок средней сестры. Прожив и там несколько дней, они в один из дней выезжают и оттуда и достигают замка старшей сестры. После свидания с ними они едут прямо во дворец к девушке. Встречаются с ее матерью и отцом и остаются вместе, и опять сорок дней и сорок ночей празднуют свадьбу. А так как молодец убил врага своего отца и завет отца был выполнен, то молодец говорит, что вместо отца падишахом должен быть он. Все, признав его право, считают его достойным быть падишахом. И вот, свергнув с трона его старшего брата, делают падишахом его. До самой смерти они проводят свою жизнь в наслаждениях.

4. Два брата

прежние времена были два брата. Когда родители их умерли, они поделили между собой оставшееся имущество. Известно, один из них был младший, а другой — старший; младший

был немного с придурью. Старший брат жил, открыв лавку на деньги, оставшиеся ему от отца и матери, а младший только и делал, что ел, пил и гулял, где придется. Однажды все деньги у этого молодца вышли; он приходит к старшему брату и говорит: «Дай мне немного денег». Получив пятьдесят гурушей, он уходит, а когда эти все вышли, он опять приходит к старшему брату просить денег. Приходя то и дело к брату, он надоедает ему. Чтобы отделаться от него, тот закрывает свою лавку, берет наличные деньги и идет к пристани, чтобы отправиться в Египет; захватив с собой нужные вещи, он садится на пароход¹. А младший брат идет к нему в лавку, чтобы опять попросить денег, глядь! — а лавка брата закрыта. Он спрашивает того, другого: ему сообщают, что брат уехал в Египет. Тогда он идет к пристани и спрашивается о корабле¹, который идет в Египет. И вот со словами: «Уж я ли его не разыщу!» — входит он на корабль и садится в створнке. А старший брат спрятался там же: «Чего доброго, еще брат придет да меня увидит!» Корабль, подняв паруса, отправляется в путь. Тогда старший брат подумал: «Корабль отчалил» — и выходит из того места, где спрятался; вдруг младший брат увидел старшего на корабле и сразу выходит к нему навстречу: «А-а! Старшой!» Брат рассердился: «Опять я не сумел от него отделаться! Ну, да что поделаешь?» И вот едут они на корабле до самого Египта. Пока они, сойдя с корабля, бродили там и сям, старший и говорит младшему: «Постой, братец! Я отыщу пару лошадей, и мы сядем и поедем». С этими словами он убегает от брата. А младший ждет-пождет; видя, что брат не приходит, он говорит: «Ага, убежал от меня!» — и отправляется в путь.

Мало ли идет, долго ли идет, горами ли, долами идет, ровным ли местом идет, — шесть месяцев без перерыва идет. Однажды подходит он к подошве горы и видит: сидят три человека и спорят между собою. Он подходит к ним. «Вы что здесь делаете?» — спрашивает он, а они отвечают: «Нас трое братьев. Отец у нас умер и оставил нам шапку, плетку да коврик. Так вот: тайна шапки в том, что кто ее наденет, станет невидимым для кого угодно, а тайна плетки и коврика такова: если сесть на коврик и хлестнуть его плеткой, то поедешь туда, куда пожелаешь. Теперь вот все три вещи стали нужны каждому, и мы спорим, что кому взять». Молодец и говорит: «Я сейчас сделаю стрелу, — принесите-ка мне кусок дерева. Я выпущу стрелу, и кто ее принесет, тому все и отдам». Братья приносят кусок дерева; молодец рубит, режет, строгает, делает стрелу. И вот, со всей силы,

что была в руке, он пускает стрелу, а те трое сразу кидаются за ней.

Пусть они так бегут, а молодец надевает на голову ту шапку, садится на коврик; как только он хлестнул по нему плеткой, коврик говорит: «Приказывай!» А он говорит: «Вези меня туда, где находится мой ага-бей» — и тут же, глядь! — видит себя в другой стране. И вот, прогуливаясь там, он видит — какой-то парень взывает². «Дочь падишаха по ночам пропадает. Не прознает ли кто о том? Падишах положит его на одну ночь в комнату к дочери, и если тот узнает, куда она уходит, отдаст ее ему в жены, а не узнает — снесет ему голову». Так он кричал, и как только этот молодец сказал: «Я о том разведую», — его тут же ведут к падишаху. Чуть только наступил вечер, падишах кладет молодца в комнату к дочери. Как только наступила ночь, девушка ложится в постель, а молодец не спит: с того места, куда его положили, он наблюдает за девушкой. Час-другой, девушка встает, подходит к молодцу и втыкает ему в подошву иглу. Так как молодец не подал голоса, она и говорит: «Ага! Заснул!» Потом она берет в руки подсвечник, открывает дверь и уходит из комнаты. Молодец, едва это увидел, встает и бросается вслед за ней. Видит — араб, на голове у него золотой поднос, а девушка уселась на этом подносе и едет. Молодец сейчас же надевает на голову шапку: «Зачем, мол, я пешком пойду?» — подпрыгивает и взлезает на поднос. Как только поднос затрясся, араб и говорит: «Помилуйте, госпожа, что вы там делаете? Так вы упадете!» — «Я даже не пошевельнулась, лала. Как ты меня поднял на голову, так и сию», — отвечала девушка. Араб идет-идет, а тяжесть на голове все увеличивается: «Госпожа, что это сегодня делается? Вы кажетесь очень тяжелой, — я шею себе ломаю!» А девушка говорит: «Дорогой мой лала! Что с тобой сегодня? Как я каждый вечер сажусь, так и сейчас я такая же». (У молодца-то на голове шапка, и потому она его не видит). Так араб ее несет, и они входят в сад, а деревья там все из золота и драгоценных камней. Молодец тотчас же, сломав одну ветку, засовывает ее себе в карман. Деревья заголосили: «Сын человека посягнул на наши души!» Араб и говорит: «Помилуйте, султанша! Что с нами в эту ночь творится?» А девушка говорит: «Дорогой мой лала, сегодня вечером в мою комнату положили одного лысого парня³, — не занесли ли мы с собой его дух?» Они идут и приходят еще в один сад: деревья здесь также разукрашены серебром и алмазами. Молодец снова срывает ветку и сует ее себе

в карман. Тут застонали земля и небо, а все деревья вместе закричали: «Сын человека посягнул на наши души!» А те, разговаривая между собой, мало-помалу дошли до моста; тогда молодец соскакивает с подноса, отламывает кусок от моста, и тут же сует его себе в карман. Снова повсюду зазвенело — зынгыр-зынгыр! ⁴ — и раздались крики: «Сын человека посягнул на наши души!»

Не будем затягивать! Девушка с лалой подходит к дворцу, а молодец — за ними следом и видит, что у входа во дворец девушку встречают рабыни, выстроенные в два ряда. Девушка опускается с подноса, что на голове у араба, и вот ей приносят туфельки, вышитые алмазами и драгоценными камнями. Туфельки ставят перед девушкой, а молодец берет одну и прячет в карман. Девушка надевает одну, а другую начинает искать. Приносят еще одну пару, а он берет одну туфлю и прячет себе в карман. Девушка рассердилась: «Не надо мне тогда туфель!» — говорит она, идет и входит во дворец. Открывают комнату, а молодец за ней по пятам; вместе с ней он входит в комнату и видит: сидит араб — одна губа на земле, другая — на небе. «О султанша! Где ты была? Вот уже сколько времени, как я тебя жду! Почему так поздно пришла?» — сказал он девушке. А та говорит: «Прости, эфенди мой; этот вечер с нами такое приключилось, что и сами не можем понять, что с нами. Сегодня вечером отец мой шах положил в мою комнату одного лысого парня, и вот чего только не было, пока мы сюда шли!» — говорит она и рассказывает обо всем, а он сказал: «Это просто твоя собственная выдумка, что может быть там? Ничего там нет», и девушка, немного покапризничав и поволновавшись, успокоилась и стала дарить араба ласками.

Пусть молодец наблюдает за ними, а тем временем араб велит рабыням: «Принесите моей султанше шербету!» Рабыни приносят шербет в хрустальной с алмазами чаше. Когда ее подносят девушке, молодец ударяет рабыню по руке, вышибает и разбивает сосуд. Араб и девушка остолбенели: «Аман! ⁵ Что это нынче ночью с нами происходит?» Девушка говорит: «Эфенди, я не хочу уж тогда и шербета, мне ничего не надо, — только бы мне нынче вечером уйти отсюда, пока со мной ничего не случилось!» Араб все-таки отдает приказание принести кушанье. Они садятся за стол. Когда девушка и араб начали кушать, молодец тоже начал есть с одной стороны блюда. Араб и говорит: «Султанша моя! С этой стороны ем я, с той стороны — вы, а с этой

кто же ест?» А девушка говорит: «Клянусь аллахом, и я не знаю». Как бы то ни было, они кушают. Подают компот; молодец берет ложку, положенную перед девицей, и засовывает ее в карман. А те не понимают, в чем дело. Приносят еще по одной ложке. Когда же молодец три раза подряд взяв ложки, те двое отказываются и от компота. Потом они говорят друг другу: «Пойдем-ка ляжем, а то время проходит». Им готовят постели. Когда девица и араб легли в постель, молодец всунул свою голову на постель со стороны, противоположной изголовью, и влез между обоими. Девица тут же скатилась в одну сторону, а араб — в другую. Когда молодец проделал это три раза, араб и говорит: «Госпожа моя, и впрямь нынче ночью у нас что-то происходит. Не лучше ли, пока время не прошло, поехать вам к себе?» Призывает лалу. Пока девушка, вновь усевшись на поднос на голове первого араба, ехала на нем, молодец замечает в комнате араба подвешенный на стене меч; он выхватывает меч и отрубает другому арабу голову. А араб тот, оказывается, был падишахом пэри. Лишь только молодец отрубил ему голову, во дворце поднялся вой и суматоха: «Эйвах! Сын человека погубил нашего падишаха!» А молодец от всего этого шума потерял голову: со страху он бросается из дворца вниз, садится на коврик, стегает его плеткой. Коврик говорит: «Приказывай!» — «Неси меня в комнату султан-ханым», — говорит молодец. И вот он попадает в комнату девушки раньше ее самой, ложится в постель и лежит там, будто спит. Через несколько времени появляется девица, видит, что он лежит. «Ах ты, проклятая свинья плешивая! Я тебя, я тебя! Ты мне этот вечер испортил!» — и снова втыкает ему в подошву иглу. Видит, что он не подает голоса: она думает, что он спит. «Эге, спит, не чувствует!» — говорит она и ложится в свою постель.

Когда наступает утро, стучат в дверь, кличут молодца. «Ну как, разузнал ли ты о султан-ханым?» — спрашивают его, а он говорит: «Ну да, разузнал, только вам не скажу — ведите меня к падишаху». Тогда его ведут к падишаху. Падишах спрашивает его: «Сын мой! Ну что ты видел — говори!» А молодец говорит: «Господин мой! Здесь я не буду говорить. Сколько ни есть народу: ребят, старых и молодых, мужчин и женщин, — ты всех собери в одно место, а меня вели посадить на возвышение и недалеко от меня вели посадить султан-ханым в кафесе, сам же ты сядешь со мной рядом. Все, что я видел, расскажу, и тогда все услышат!»

Падишах собрал всех, как сказал молодец, и велел приготовить им особые места. Парень взобрался на то возвышение и громко — так, что всякий мог слышать — рассказал все, что видел, начиная с того, как он вошел в комнату девицы и вплоть до утра, — все-все, одно за другим, по порядку. Когда девушка сказала: «Это ложь, отец мой шах, это ложь», молодец вытаскивает из кармана спрятанные вещи, одну за другой, и показывает: «А это, мол, что, а вот это что?» А так как его старший брат был в том городе, то и он, спрятавшись за дерево, чтобы младший его не увидел, слушал все, что тот рассказывал. Вдруг молодец замечает своего брата; тогда он прерывает свои слова, сразу вскакивает с места и, с криками: «А, старшой!» — бежит туда, где находился его брат. А старший брат не понимает, в чем дело. «Наверно он сказал что-нибудь про меня, и падишах меня казнит», — думает он и, выскочив из-за дерева, пускается бежать. Тот бежит, и другой бежит; наконец младший хватается старшего. А падишах послал за ними людей, чтобы их привели. Когда он спросил их, в чем же дело, старший рассказывает все с начала до конца. Тогда младший молодец говорит падишаху: «Господин мой! Тогда уж я и девушки не хочу. Моя забота — вот этот мой брат. Выдайте за него ту девушку, которую собирались выдать за меня!» И падишах выдал свою дочь за старшего брата. Сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу. А младший брат не покидает своего старшего брата, и так они живут там до самой смерти.

5. Сказка о дровосеке и волке

 Был когда-то один бедный человек. Он ходил каждый день рубить дрова и этим жил. Однажды, когда он, по обыкновению, рубил в горах дрова, он видит, что навстречу идет стадо овец. «Стой-ка! Должно быть, у этого стада нет хозяина, поймаю-ка я хоть одну овцу да притащу домой!» Вдруг одна овца отделяется от стада и проваливается в яму. Дровосек подходит к яме, смотрит — в яме сидит слепой волк, а овца стоит перед ним. «Вай анасыны!»¹ Счастье этого

слепого волка само приходит к его ногам, а я каждый день гублю себя рубкой дров! Нет, как бы там ни было, а мое счастье тоже придет к моим ногам!» Говоря так, он бросает топор, веревку и идет домой. Когда жена увидела, что муж ее пришел с пустыми руками, она спрашивает: «Муж, ты дрова разве не продал,— поесть ничего не принес?» А дровосек говорит: «Жена, я сегодня видел волка: счастье волка пришло к его ногам. Пусть тот, кто послал его счастье к его ногам, пошлет и мое к моим. С этих пор я и ноги своей за дверь не выставлю» — и садится.

Проходит одна ночь, проходят две ночи, ниоткуда — ничего. На третью ночь ему во сне является дервиш и говорит: «Иди, в таком-то поле есть кувшин с золотом, достань его». Дровосек, проснувшись, рассказывает своей жене сон. Жена его обрадовалась: «Аман², муженек, иди скорей, достань!» Но, что бы она ни говорила, дровосек отвечает: «Ах, не пойду, пусть придет к моим ногам» — и лежит себе. А у него был сосед. Когда дровосек рассказывал своей жене сон, жена соседа подслушала. Она сейчас же пошла и рассказала своему мужу, а тот, взяв кирку и лопату, пошел в поле. Лишь только он копнул немного, как было указано,— из земли показался горшок. Парень схватил горшок, понес его прямехонько домой, да там и разбил. И вот, глядь! — весь он полон змей. Муж и жена скорее собирают их и спускают через трубу в дом дровосека. Как только горшок падает в печь, он превращается в кувшин. Дровосекова жена услышала, но сколько она ни говорила: «Вставай, муж, в печь что-то упало, посмотрим, что это!» — тот отвечает: «Не встану, что бы то ни было — пусть придет к моим ногам!» — и сам не трогается с места. У жены не хватает терпения: она зажигает свечу, выходит вон, глядь! — вся печь полна золота. Она идет обратно: «Вставай, муж, весь дом полон золота!» — говорит она и поднимает мужа, а тот повторяет: «Нет, не встану! Счастье волка пришло к его ногам, пусть и мое счастье придет к моим ногам» — и сам не двигается с места.

Что ей делать? Женщина выходит, берет немного золота и подносит своему мужу: «Вот, я принесла к твоим ногам,— ну, теперь вставай!» — «Ага, теперь встаю!» — говорит он, вскакивает, выбирает вместе с женой из очага золото и укладывает его в сундук. Когда ему нужно денег, он достает их из сундука и тратит, и всю жизнь проводит в покое.

Был когда-то человек по прозвищу Мехмед-рыбак.

Этот человек днем ловил рыбу, вечером продавал ее и этим жил. Однажды он заболел и, лежа в постели, уже не надеялся на то, что останется в живых. «Когда я умру, не говори сыну моему, что я был рыбаком», — сказал он своей жене. Как бы то ни было, дни его окончились, и он умер. После этого сын его пробует взяться за какое-нибудь дело. За что бы он ни брался, ни с чем он не может справиться и все бросает. А вслед за этим подошел смертный час и его матери: она умирает. В тот вечер мальчик с тоской дожидается утра. На следующий день ему нечего было есть, и потому он стал шарить по всем сторонам и углам дома и думал: «Не удастся ли мне найти какую-нибудь безделицу, чтобы продать и купить хлеба или там еще чего-нибудь?» И вот, во время поисков ему каким-то образом попадает в руки отцовская удочка. Когда мальчик увидел ее, он решил: «Отец мой, должно быть, был рыбаком!» Тогда он берет удочку и идет прямо на берег моря. Там он поймал две рыбы: одну из них продает и на эти деньги покупает хлеба и угля и идет домой, а другую, оставшуюся рыбу он жарит на угольях и ест. Такое занятие мальчик нашел для себя подходящим, и вот он принялся ежедневно ловить рыбу и этим жил.

Как-то раз он поймал необычайно красивую рыбу и не решается ни продать ее, ни пустить на еду. Он тут же идет домой, роет ямку, наливает в нее немного воды и выпускает туда рыбу. В ту ночь он остается голодным до самого утра, а утром снова уходит на работу. Когда подошел вечер, он вернулся домой — и что же видит? Все в доме прекрасно убрано и выметено. Думая, что это сделали соседи, он пожелал им добра. На следующее утро он встает, ласкает свою рыбу, потом уходит, а когда возвращается домой, то видит, что дом его вплоть до самой двери на улицу принял совсем другой вид. Он входит в дом, опять ласкает рыбу и ложится спать. Когда наступило утро, он пошел в кофейню¹ и начал думать: «Кто же это каждый день так прибирает и подметает весь дом?» Один из его товарищей спрашивает: «О чем ты думаешь?» — а молодец рассказывает, в чем дело. Когда приятель спросил, у кого ключ от дома и не ос-

тается ли в доме кто-нибудь, молодец объясняет ему, что ключ у него, а в доме, кроме рыбы, нет ни одной живой души. Приятель снова спрашивает: «А что это за рыба?» — и молодец рассказывает о ней. После этого приятель учит его, чтобы он покараулил в доме и разузнал, что это за рыба. Сын рыбака идет домой. На следующий день он делает вид, что открывает и закрывает дверь, а сам прячется в потайном месте дома. И вдруг он видит, что рыба вышла из водоема, отряхивается и принимает облик необычайно красивой девушки. Видя это, сын рыбака скорее хватает чешую рыбы и бросает ее в огонь. Девушка говорит ему: «Ты не должен был этого делать, ну да ничего не подделаешь!» Молодец хочет взять ее себе в жены, она соглашается, и на следующий день они приступают к свадьбе. Все, кто шел посмотреть на девушку, приходили в восторг и стали распускать кругом слухи, что, мол, в конце концов, такая девушка и самому падишаху под стать. Это дошло до падишаха, и когда он пожелал видеть девушку, эфенди ты мой², девушку приводят во дворец. Если бы падишах попросту отобрал девушку у сына рыбака, то каждый потом стал бы говорить, что вот, мол, он отбирает жен у людей, и потому падишах захотел взять ее под тем предлогом, что нашел-де за рыбаком такую-то вину.

Поэтому падишах говорит сыну рыбака: «Если ты в сорок дней построишь посреди моря дворец из золота и алмазов, девушку не отберу, не сумеешь построить — отберу». Молодец приходит домой в слезах и раздумье. Когда девушка спросила: «Почему ты плачешь?» — он говорит: «Вот что падишах сказал!» Девушка и говорит: «Не плачь, это легко сделать. Пойди к тому месту, где ты меня поймал, брось туда камень, к тебе выйдет араб и скажет: «Приказывай!» — а ты скажешь ему: «Младшая царевна прислала поклон, просит узелок для бани». Потом он даст тебе узелок; ты узелок-то возьми и брось его на средину моря, туда, где говорил падишах, а сам приходи». Молодец делает, как сказала ему девушка: идет к арабу, бросает узелок, поворачивается и возвращается домой. Поутру, когда он встал, глядь! — а на том месте, куда он бросил узелок, стоит дворец, — да еще лучше, чем тот, которого требовал падишах! Он тут же на радостях идет и сообщает о том падишаху. Падишах видит, что и в самом деле из моря поднялся дворец. Вслед за этим он гребует длинный мост из хрустала. Молодец приходит домой и опять начинает плакать. Когда девушка спросила: «Чего ты плачешь?» — он рассказал, как было дело. Тогда девушка говорит,

чтобы он пошел к арабу, спросил у него подушку и бросил ее перед дворцом. Молодец, как и прежде, идет к арабу, берет от него подушку и бросает ее перед дворцом. И вот, отойдя немного, он смотрит назад и видит: до самого дворца протянулся мост из хрустала, — да еще лучше, чем тот, которого требовал падишах! Молодец бежит прямо к падишаху, а падишах видит, что и мост также построен. Вслед за этим падишах и говорит молодцу: «Ты мне за сорок дней свари такую еду, чтобы все люди, сколько их только есть на свете, ели, а еды бы все прибавлялось». Молодец пошел домой и призадумался. Когда же девушка спросила его, сын рыбака рассказал ей, как было дело, а девушка и говорит: «Возьми от араба кофейную мельницу и принеси, но только дорогой не верти ее». Молодец взял от араба мельницу и, идя домой, случайно повернул ее, глядь! — вылетело семь-восемь блюд с едой. Он кладет их за пазуху и идет домой. На следующий день докладывают падишаху, а падишах велит теллялям бросить клич: пусть, мол, каждый приходит в дом к сыну рыбака. Короче говоря, каждый идет в дом рыбака, наедается там до отвала и уходит. И вот все наедаются, пока на свете не остается никого, кто бы там не ел, — а еда все прибавляется!

На этот раз падишах приказывает молодцу вывести мула из яйца. Молодец идет и все рассказывает девушке, а девушка говорит, чтобы он взял у араба три яйца и принес их, но только бы не разбил их. Молодец идет и берет яйца. По дороге он думает: «Стой, ну-ка разобью одно!» — и бросает его на землю: из яйца выскакивает громадный мул — мчится туда, мчится сюда, а потом бросается в море. Молодец берет остальные два яйца и приносит домой. Когда девушка спросила: «Где же еще одно!» — он говорит, что разбил. «Ты не должен был этого делать, но раз уже дело сделано, то не беда!» А молодец берет яйцо, идет в покои падишаха и говорит: «Я влезу на полку». Падишах говорит: «Хорошо». Молодец влезает на полку, берет яйцо и выпускает мула. Как только мул напустился на падишаха, тот кричит: «Ай-ай-ай!» Как бы то ни было, молодец спасает падишаха, а мул убегает в море. После этого падишах говорит: «Достань-ка мне такого новорожденного младенца, чтобы и ходить и говорить мог». Молодец и это рассказывает девушке, а та говорит: «Пойди к арабу, скажи: «Младшая царевна прислала поклон; если у нее сестра родила, так она, мол, хочет посмотреть ребенка». А молодец идет к арабу и рассказывает все, как было. Араб отвечает: «Еще не родила, подождите немного — сейчас

родит, тогда принесу». Не будем затягивать! Приносит араб ребенка. Лишь только ребенок увидел сына рыбака, он начинает говорить: «Дядюшка, а мы пойдем к тетушке?» Сын рыбака берет ребенка и приносит домой, а ребенок, увидев там свою тетку, обнимает ее за шею и говорит: «Тетушка!» Затем сын рыбака берет ребенка и идет к падишаху. А ребенок подходит к падишаху и дает ему оплеуху. «Разве можно в сорок дней построить дворец из золота и алмазов? А мост из хрусталя? А разве кто-нибудь на свете может родить взрослого? Разве мула из яйца выводят, а?» И с этими словами он еще сильнее бьет падишаха. А падишах взмолился: «Помилуй! Пусть девушка остается с ним: я не хочу ее. Да уберите этого ребенка от меня!» Сын рыбака берет ребенка и уходит домой. Потом он женится на девушке, и они празднуют свадьбу сорок дней, сорок ночей.

Они своей добились цели³, а мы заляжем на постели! Упало с неба три яблока. Одно — мне, другое — для Хюсни, а третье — тому, кто сказку сказывал. А какое же мне? Да одно из трех — тебе.

7. Бедный мальчик

 было — не было, а в прежние времена была вдова, и у нее был сын. Так как они были очень бедны и во всем нуждались, то каждый вечер соседи и знакомые¹ давали им поесть. Так проводят они свое время, мальчик подрастает, становится молодец-молодцом. Бегая туда-сюда, он добывает несколько парá, покупает на них топор, веревку и приходит к своей матери. «Эх, матушка, пойду-ка я в горы, принесу-ка дров, да продам и с этими денгами возьму себе в жены дочь падишаха», — говорит он, а мать его в ответ: «Ладно, ладно, нечего бредить наяву; ты еще не можешь и денег на хлеб заработать — где уж тебе брать за себя падишахскую дочь!» — «Постой, увидим», — говорит мальчик, берет в руку топор, на плечи — веревку, захватывает из печи три хлеба, кладет все в мешок и держит путь в горы. Поднявшись затем на вершину горной цепи, он делает прежде всего шалаш для ночевки, вешает там свой мешок, а сам, ухватившись за топориче,

говорит: «А ну-ка, посмотрим» — и принимается за рубку дров. Так он целыми днями рубил и складывал дрова в кладки, а по ночам спал в своем шалаше.

Так он рубил дрова ровно три месяца, день за днем, и сложил ровно три кладки. Однажды приходит продавец дров и хочет купить у него дрова, а мальчик говорит: «Продам — каждую кладку по золотому». Тот купец соглашается и дает за три кладки три золотых. Мальчик, как только получил деньги, от радости не знает, что с ними делать, потому что он в жизни своей не видывал столько денег. «Теперь я снесу эти деньги матери, пусть она возьмет за меня дочь падишаха», — мечтает он. И вот, идя домой, встречает он по дороге одного старика. Этот человек поймал собаку и хочет ее убить. Мальчик пожалел собаку и говорит старику: «Дорогой папаша, я дам тебе, сколько ты хочешь денег, только не убивай эту собаку». А старик говорит: «Если ты дашь мне золотой, не убью, уступлю тебе». Мальчик говорит: «Хорошо», достает золотой, дает его старику, берет собаку и отпускает ее на свободу. Собака не отходит от мальчика ни на шаг и всюду следует за ним по пятам. И вот, пока мальчик шел, он опять встретил по дороге старика: в руках у него кошка, которую он пытается убить. Кошка мяукает. Мальчик и ее пожалел. Дает золотой и отпускает кошку на свободу; кошка также не отходит от мальчика. Чуть только мальчик прошел немного вперед, он и на этот раз опять встречает какого-то человека. Тот хочет убить змею. А мальчик и этому дает золотой и спасает змею от смерти, но только вот — заработанные деньги уплыли у него из рук. «Ах, деньги все вышли, зато я, по крайней мере, три души спас от смерти; аллах в другом месте воздаст мне еще больше», — говорит он себе в утешение и идет дальше.

И вот он смотрит назад, а собака, кошка и змея идут за ним следом. Мальчик испугался змеи и пустился бежать. Как только змея увидела это, она заговорила по-человечьи: «Эй, сын человека, не бойся меня, тебе не будет от меня вреда, а, пожалуй, будет польза: ты меня спас от смерти, и я тебе сделаю добро». А мальчик еще больше испугался. «Вот тебе и раз! Змея разговаривает, как человек», — подумал он и совсем растерялся, а змея говорит: «Я не змея, я — сын падишаха Чина²; пока я гулял здесь в образе змеи, тот старик пытался меня убить. Если бы ты не случился тут, он бы меня убил. Пойдем, я сведу тебя к моему отцу, — пусть он наградит тебя». Мальчик набрался смелости и соглашается. Змея говорит мальчику: «Когда я сведу

тебя к своему отцу и расскажу ему о том добре, которое ты мне сделал, он скажет: «Проси у меня, чего пожелаешь». Ты скажешь: «Я хочу печать, которая находится у тебя под языком; если дашь, то уж на что лучше, не дашь — будь здоров» — и повернешь обратно». Мальчик говорит: «Прекрасно», и они вместе отправляются в путь. «Наша земля далеко, идти пешком по-человечьи сил не хватит; ну-ка влезь ко мне на спину и поедем», — говорит змея и принимает образ коня. Только мальчик сел на него, не успел он и глазом моргнуть, как конь опускается на вершину горного хребта, а там — дворцы, каких глаз не видал. «Вот это — земля моего отца», — говорит конь, отряхивается и становится молодцом; он берет мальчика за руку и ведет к своему отцу. Мальчик смотрит — на золотом троне сидит старый человек. Как только этот старый человек увидел своего сына, он и говорит: «Дитя мое, где ты был столько времени? Ты причинил мне беспокойство. А этот сын человека чего здесь ищет?» — спрашивает он. А тот говорит: «Эх, отец, если бы этого сына человека не было, ты меня мог бы увидеть только на том свете, потому что он меня спас от смерти» — и рассказывает обо всем. А падишах Чина говорит: «Вот как! Ну, раз так, о сын человека, то проси у меня, чего пожелаешь!» А тот и говорит: «Чего же мне пожелать? — я хочу печать, которая у тебя под языком; дашь — очень хорошо, не дашь — будь здоров». Напрасно падишах говорит: «Нет, от печати ты откажись, я дам тебе жемчугов, драгоценных камней, я дам тебе золота». Мальчик отвечает: «Нет, не хочу я» — и подается назад, чтобы уйти. А падишах Чина думает: «Отпустить его так, с пустыми руками, не годится. Ну что же, дам ему то, что он просит». И он достает из-под языка золотую печать и отдает ее мальчику. «Вот, сын мой, возьми! С нею ты все, что угодно, сделаешь, — только смотри, не потеряй ее», — наказывает он. А мальчик берет печать, благодарит его, выходит и пускается в путь.

И вот хоть и много дней идет он, а дороге нет конца-краю³, уже и ноги у него распухли от ходьбы. Он встречает на пути источник, укладывается там и засыпает; во сне он видит сына падишаха Чина. Тот говорит мальчику: «Зачем ты терпишь столько мучений, когда с тобою та печать?» А мальчик и говорит: «А что же мне делать? Какая мне от нее помощь?» А тот говорит: «Как не быть помощи? Полижи ее, и явится араб, приказывай ему, что хочешь, и не успеешь ты глазом моргнуть, как уже появится то, чего ты пожелал». Мальчик просыпается.

«А что, верен ли сон, который я видел, или нет?» — думает он, потом вытаскивает печать и лижет ее. И вот перед ним появляется огромный уродливый араб. «Приказывай!» — говорит он. Хотя мальчик и боится араба, но так как он голоден, то говорит: «Скорей принеси мне скатерть с едою»⁴, и араб, сделав теменна⁵, исчезает. И вот он выходит с накрытой скатертью в руках и кладет ее перед мальчиком. Увидев это, мальчик изумился. Но так как он был очень голоден, то подходит к скатерти и начинает есть. Наевшись, он снова лижет печать: является араб. «Что угодно?» — спрашивает он, а мальчик говорит: «Возьми и отнеси меня на мою родину, в мой дом». Араб говорит: «Хорошо», — схватывает мальчика и проваливается под землю. И вот немного спустя мальчик очутился перед дверью. Он входит в дом, целует руку у своей матери. Лишь только мать увидела своего мальчика: «Ох, сынок, где ты пропал! Вот уже сколько дней, как я сижу здесь без еды и питья!» — говорит она и начинает плакать. Мальчик тотчас лизнул печать: является араб. «Ну-ка, принеси скатерть с едой», — приказывает мальчик. Немного спустя араб приносит поднос со сладким и соленым, а мальчик берет его, садится вместе с матерью. Они наедаются досыта и приносят благодарность аллаху. Женщина за всю жизнь не едала такой вкусной пищи; она молит аллаха за мальчика.

После этого мальчик говорит: «Ну-ка, ступай, проси за меня дочь падишаха». Женщина растерялась. «Эй, малый, с ума ты, что ли, спятил? Кто мы и кто дочь падишаха? Прежде всего и дом-то наш что курятник; разве сюда пойдет дочь падишаха? Если у тебя есть сколько-нибудь денег, я возьму тебе какую-нибудь бедную девчоночку, а нет — не заносись так высоко!» Напрасно говорила ему мать. «Как я тебе сказал, так и делай, — незачем тебе долго рассуждать», — говорит он и заставляет мать идти. Что же бедняжке делать? У нее было рваное-прерванное⁶ фередже; она берет и натягивает его себе на спину, а сама направляется во дворец падишаха. Хочет она войти внутрь, но привратники принимают ее за нищенку, суют ей в руку сколько-то пара, и она, увидев деньги, радостно идет домой. Мальчик видит, что мать его пришла. «Ну как, мать, что ты сделала? Девушку за меня сосватала?» А она отвечает: «Нет, когда я туда пришла, мне подали несколько пара». И она вынимает деньги и показывает. А мальчик со злости хватает деньги и выбрасывает вон: «Я тебя послал, чтобы ты девушку сватала, а не за милостыней послал! Иди-ка сейчас обратно, отправляйся; кто бы что

ни давал, не смей брать. Иди прямо к падишаху». А женщина — что ты будешь делать? — снова идет обратно и старается пройти в дверь дворца. Дворцовые люди опять дают ей сколько-то денег, но женщина говорит: «Нет, я пришла не за деньгами, у меня есть прощба к падишаху, я хочу предстать перед ним». А привратники докладывают падишаху. Падишах дает разрешение, и они пропускают женщину во дворец. Бедная женщина предстает прямо перед падишахом. Лишь только падишах ее увидел, он и спрашивает: «Что надо, матушка, зачем ты пришла?» А женщина говорит: «Державный, у меня во всем мире есть один-единственный сын; я пришла сватать за него твою дочь по закону аллаха, не отдашь ли ты ее?» Как только падишах это услышал, он внутренно рассердился, но все же подумал про себя: «Ведь это — бедная женщина: если я скажу ей грубое слово, то ее оскорблю». И он говорит: «Хорошо, матушка, я отдам свою дочь, но только пойдй скажи моему сыну: пусть выстроит дворец против моего дворца, туда я и выдам дочь, а дальше не отдам. Вот тебе сорок дней сроку; если в сорок дней дворец не будет готов, сниму голову с плеч тебе и моему сыну». С этими словами он отсылает женщину. А женщина со слезами возвращается домой. «Не говорила ли я тебе: не посылай меня в такие высокие места! Теперь он требует от тебя, чтобы ты в сорок дней выстроил дворец против его дворца. Если не выстроишь, мне и тебе голову отрубят», — говорит она. Лишь только мальчик это услышал, он и говорит ей: «Ах, это нетрудное дело» — и сразу становится веселее.

С тех пор проходит один день, проходит пять дней, приближается к концу и сороковой день. А мать мальчика день и ночь плачет. Наконец, приходит вечер сорокового дня. «А наутро нам срубят головы», — говорит бедная женщина и не знает, что делать. В ту ночь мальчик достает печать, лижет ее, и является араб: «Что надо?» — спрашивает он, а мальчик говорит: «Я хочу от тебя, чтобы ты к утру выстроил дворец перед дворцом падишаха, да такой, чтоб рядом с ним дворец падишаха казался бы курятником». Араб говорит: «Очень хорошо, эфендим» — и уходит. За ту ночь к утру он выстроил такой дворец, что дворец падишаха рядом с ним ничего не стоил. Еще не взошло солнце, как приходит араб: «Эфендим, я приготовил, есть еще приказания?» А мальчик говорит: «Теперь обставь дворец так, чтобы все было украшено золотом и серебром». Араб снова уходит, делает все и прилаживает, приходит к мальчику и докладывает,

а мальчик говорит: «Хорошо» — и отпускает араба. Когда наступило утро, падишах проснулся от сна, глядь! — а перед его дворцом выстроили дворец, такой, что руками не сделаешь. «Чудеса! С вечера еще ничего здесь не было, за одну ночь столько сделано!» — говорит он в удивлении. А в этой стороне⁷ мальчик зовет араба: «Ступай, принеси мне парчовые одежды, да еще приведи коня», — говорит он. Араб уходит и все это доставляет. Мальчик наряжается, садится на коня, едет прямо во дворец падишаха, предстает перед ним. «О падишах! Вот я велел построить дворец, как ты приказал. Теперь я хочу, чтобы ты приказал обручить со мной ханым-султан», — говорит он. А падишах видит, что он пригожий молодец. «Хорошо, сын мой, но я хочу от тебя для моей дочери свадебный наряд — платье, вышитое алмазами. Сделай его, и тогда мы заключим брак». Мальчик говорит: «Слушаюсь» — идет домой, снова лижет печать, и является араб. «Я хочу от тебя платье, разукрашенное алмазами и драгоценными камнями». А араб говорит: «Очень хорошо, эфендим» — и исчезает. Немного спустя он приносит мальчику платье, еще более роскошное, чем тот просил. Мальчик берет платье, несет его падишаху и отдает. Только падишах его увидел, оно ему очень понравилось. Он тотчас же отдает распоряжение: собираются хаджи и ходжи, и девушку обручают с молодыцом: пьют шербет, а затем начинают справлять свадьбу. Она продолжается сорок дней. Падишах посылает мальчику приказ: «Вели от этого дворца до своего сделать мост и устлать его бархатом, чтобы моя дочь прошла по нему». Мальчик полизал печать: является араб. Он говорит арабу то, что желает падишах, а араб говорит: «Слушаюсь, только мне нужна одна ночь сроку». А мальчик говорит: «Ступай, я даю тебе этот срок, но только ты должен сделать все, как следует». Араб говорит: «Прекрасно» — и исчезает. И вот в ту ночь строится мост и к наступлению утра заканчивается. Падишах смотрит — невиданный мост. Тогда он велит одеть девушку и посылает ее через этот мост, а молодец встречает девушку, отводит ее в красивую комнату и в объятиях девушки достигает своего желания.

После этого проходит довольно много времени. А во дворце падишаха был один араб. Как-то раз он увидел эту девицу⁸ и влюбился в нее. «Как бы мне достигнуть своего желания?» — раздумывает он. Он каждый день следил за девушкой и молодыцом. Однажды девица говорит молодцу: «Милый мой, ты столько всего сделал, и все это сделано без помощи денег: на-

верное у тебя есть какая-нибудь чудесная тайна, ты должен мне ее сказать». Так как молодец не мог обидеть девушку, то он рассказывает ей про свойство печати, а девушка и говорит: «Дай-ка я посмотрю, что это за печать» — и берет у мальчика печать. Пока она ее рассматривает, араб, увидев это, тотчас же проникает внутрь, разом выхватывает из рук девушки печать, да как лизнет ее! Сразу появляется араб: «Приказывай», — говорит он, а тот первый араб сказал: «Возьми этого молодца да выкинь вон, а этот дворец со всем убранством перенеси на ту сторону моря». Только он так сказал, как араб выбрасывает мальчика вон, а дворец в мгновение ока переносит на другую сторону моря. Что теперь делать мальчику? Идет к падишаху и рассказывает, что с ним случилось, а падишах говорит: «Значит, ты все это сделал волшебством?» И он надел ему на шею железное кольцо⁹, на ноги — кандалы и велел посадить в тюрьму.

Пусть он там остается, а мы перейдем-ка к кошке с собакой. Молодец когда-то спас их от смерти, и они с того времени не расставались с ним. Увидев все это, кошка говорит собаке: «Эй, приятель, теперь пришел наш черед; он нас спас от смерти, а мы его спасем от тюрьмы, да к тому же этого араба прикончим». Обе они тут же выходят из дворца, подходят к берегу реки; кошка взбирается на спину собаки, они плывут-плывут, переплывают через море, входят в тюрьму и освобождают молодца. Потом все трое сейчас же идут опять на берег моря; собака берет себе на спину молодца и кошку и переносит их на противоположную сторону. Молодец тихонько проходит во дворец и прячется в уголке, а кошка тоже идет во дворец. А араб как раз лег спать и заснул. Кошка начинает щекотать своим хвостом нос араба; араб чихает, кашляет, и печать выпадает у него изо рта. Мальчик, выскочив из того места, где спрятался, подхватывает печать и лизнет ее: является араб. Как только он спросил: «Чего ты хочешь?» — мальчик сказал: «Возьми этого араба, брось его за гору Каф¹⁰, а потом перенеси этот дворец ко дворцу падишаха». Только он так сказал, этот араб, взяв того араба за шиворот, бросает его за гору Каф, а дворец опять переносит на другую сторону и ставит рядом с дворцом падишаха. Лишь только падишах увидел это, он радостно бросился на шею своей дочери. Потом он сажает мальчика на свой престол, делает его падишахом, и они так живут до самой смерти.

Было — не бывало, а в прежние времена падишахов было немало¹; в прежние времена — в решете ли, на дне казана² — был один падишах, а у него был сын. Сыну его исполняется семнадцать-восемнадцать лет, и падишах намеревается женить его. Он подыскивает ему девицу под пару; их обручают по обычаю падишахов. Начинают справлять свадьбу. И вот, во время свадьбы, как-то ночью девушка исчезает. Наступает утро, глядь! — а девушки нет! Ищут там и сям, — о девушке ни слуху ни духу³. Падишах велит созвать звездочетов⁴; они сыплют песок⁵ и говорят: «О падишах, девушку похитил дэв и унес ее на гору Каф⁶: он готовит свадьбу, с тем чтобы выдать ее за своего сына». Как только падишах это услышал, он говорит: «Как быть? Кто может туда добраться и привести девушку?» А звездочеты говорят: «Державный, если туда кто пойдет, то только шахзадэ: ни у кого другого не хватит сил пойти».

Как только шахзадэ это услышал, он просит отпустить его. «Пойду-ка я свою суженую освобожу из рук дэвов!» Хотя падишах и говорил: «Сынок, ты еще дитя, дэвы тебя проглотят, как кусок», шахзадэ отвечает: «Я непременно должен идти; если мне не удастся ее спасти, то другой мне не надо». Падишах видит, что ничего не сделаешь, отпускает его, и вот молодец садится на коня и выезжает в путь. Мало ли едет, долго ли едет, по горам, по долам, по ровному ли месту едет, с долин — как поток, с вершин — как ветерок, ночует, отъезжает, гиацинты-тюльпаны собирает, курит и кофе попивает⁷. Приезжает он на вершину горы. «Сяду-ка я, отдохну немного», — говорит он, слезает с коня и садится под сенью какого-то дерева. И вот он видит против себя двух змей: одну белую, а другую черную; обе они стараются проглотить друг друга. Шахзадэ, увидав это, берет камень и убивает черную змею. Лишь только белая змея была спасена, она отряхивается и принимает образ человека: «Шахзадэ, ты мне сделал добро, спас меня: если у тебя есть в чем нужда — скажи, я сделаю». Шахзадэ, видя это, остолбенел, а змея и говорит: «Не бойся, я — сын падишаха пэри, а та черная змея тоже была пэри; она была со мной во вражде. Если бы тебя не было, она бы меня убила. Тебе от меня не будет вреда — может быть, даже будет польза».

Шахзадэ немного приходит в себя, его страх исчезает, он начинает рассказывать о своем горе: «Вот, хочу теперь идти на гору Каф; если у тебя хватит сил, свези меня туда». А пэри говорит: «Шахзадэ, ездит туда нам разрешения нет, я могу только доставить тебя до подножия горы Каф, а дальше ступай сам. К тому же те дэвы очень свирепы: они проглотят тебя, как кусок, но я дам тебе железную сорочку и две-три железные стрелы. Когда ты пойдешь туда, я буду тебя ждать и, если ты вернешься обратно, доставлю тебя в землю твоего отца». Шахзадэ говорит: «Очень хорошо. Свези на мое счастье: либо девушку добуду, либо сам погибну». Тогда пэри подхватывает его и взвивается на воздух, а немного времени спустя, оставляет его у подножия горы Каф, дает ему железную сорочку и три железные стрелы и говорит: «Ступай, шахзадэ, да будет светел твой путь! Благополучного возвращения! Я тебя здесь буду ждать!» И вот шахзадэ выходит в путь; через несколько дней перед ним появляется большая горная цепь. Он подходит к ней и, так как он очень устал, решает: «Присяду-ка я под этим деревом отдохнуть!» Вдруг он слышит голос: «Осторожно, сын человека, тихо, не наваливайся на меня!» Шахзадэ глянул — там сидел отвратительный дэв. Из пасти у него вылетало пламя.

У шахзадэ от страха трескаются губы⁸. Дэв говорит: «Сын человека, здесь не проходят ни джинн, ни человеческий сын⁹: что ты здесь ищешь?» А шахзадэ хоть и боится, да что тут поделаешь? — рассказывает, зачем пришел. А дэв говорит: «Если ты со мной подружишься и поможешь в моем деле, я тебя доставлю в то дэвье место». И как только шахзадэ спросил: «А какие у тебя дела?» — тот говорит: «У дэва, который похитил твою возлюбленную, есть дочь, я ее люблю; вот уже семьдесят лет как я жду, ищю случая добыть эту девушку. Один я боюсь идти, ну, а коли твоя любезная там, мы пойдем вместе: тогда и ты свою девушку спасешь и я свою возлюбленную добуду. Когда мы пойдем туда, они затеют с нами бой. На-ка, я тебе дам эту плетку: если они и поразят меня, то как только ты этой плеткой ударишь меня по спине, я останусь жив, а там наше дело пойдет на лад». Сказав это, он подхватывает шахзадэ и взлетает на воздух, после чего они опускаются на луговину. «Вот мы прибыли в дэвье место», — говорит дэв; они идут немного вперед, и вот, глядь! — из отверстия колодца вылетает пламя. Оказывается, там и было дэвье место. Шахзадэ вместе с дэвом подходят к колодцу. Пока шахзадэ раздумывал: «Как бы мне спуститься туда

в колодец?» — на дне колодца поднимается какой-то шум. И вот из глубины колодца выскакивает дэв, из его пасти сыплются искры. «Сын человека, я тебя ищу, а ты сам пришел к моим ногам! Нападай!» А шахзадэ говорит: «Очередь за тобой, ты нападай!»

Пока они так шумят, из колодца снова слышится гул, как будто происходит землетрясение — «зыгыр-зыгыр»¹⁰, — земля начинает дрожать. И вот, вдруг из колодца вылезает семиглавый дракон¹¹. Он набрасывается на дэва, который стал другом шахзадэ, а шахзадэ нападает на первого дэва; он вкладывает стрелу в лук, пускает ее в дэва и попадает ему прямо в правый глаз. Шахзадэ быстрехонько выпускает еще одну стрелу, попадает ему в левый глаз, а в третий раз попадает ему в середину лба. Как только стрела вышла у дэва с обратной стороны головы, он закричал: «Сын человека, ты погубил мою душу!» — и, как тополь, рухнул на землю. Шахзадэ живо вырывает меч у него из рук и отсекает ему голову. Оглядывается назад, а тот дракон, того и гляди проглотит его приятеля-дэва. Он тут же настигает дракона и одним ударом меча рубит все семь голов, так что они сразу летят на землю. А тот говорит: «Если ты герой, ударь еще раз» — и, как минарет, валится на землю. Как только дэв увидел отвагу шахзадэ, он обнял его. «Хвала тебе!»¹² Оказывается, ты еще храбрее меня; если бы ты не подоспел, мне бы пришел конец. Ну, а теперь наше дело пошло на лад!» — говорит дэв и идет с шахзадэ к краю колодца. Затем дэв берет шахзадэ себе на плечи и спускается в глубь колодца, глядь! — а там дверь из железа. Они входят внутрь: большой сад, а посредине — дворец: смотреть на него — глаза слепнут.

Как бы то ни было, они входят во дворец. Шахзадэ входит в одну комнату, глядь! — а там сидит любимая им девушка. Как только девушка увидела шахзадэ, она говорит: «Помилуй, о шахзадэ, как случилось, что ты сюда прибыл? Если этот окаянный дэв тебя увидит, он тебя сразу, как один кусок, проглотит». И лишь только тот сказал: «Ты не бойся, я его уже отправил в дальний путь — подох он», девушка воздает хвалу аллаху; они крепко обнимаются и плачут. С другой стороны и дэв, шаря по дворцу, находит дочку дэва (а они ведь с давних пор любили друг друга), и они бросаются друг к другу в объятия. Потом шахзадэ вместе с дэвом собирают, сколько ни есть во дворце золота, жемчугов и драгоценных камней; дэв берет в одну руку шахзадэ, а в другую — девушку, взлетает на воздух, прилетает и

опускается на то место, где находился сын падишаха пэри, и оставляет там шахзадэ с девушкой. «С этих пор впредь да пошлет вам аллах счастья, и да не будет у вас ни в чем недостатка»,— говорит дэв и улетает обратно. И вот шахзадэ, присев там, немного отдыхает, а тем временем приходит сын падишаха пэри. Лишь только он увидел шахзадэ, он сказал: «Добро пожаловать!» Потом он берет шахзадэ с девушкой и взлетает на воздух. Через короткое время он опускается прямо на дворец его отца.

Он оставляет их там, а сам поворачивает обратно. И вот шахзадэ сверху опускается вниз. Когда он неожиданно проник в комнату падишаха, тот удивляется: «Добро пожаловать, дитя мое! Я давно по тебе соскучился»,— говорит он и бросается к нему на шею. Шахзадэ рассказывает своему отцу все, что с ним случилось, а девушку отсылает в харем. И вот, падишах отдаст приказание, и во всем государстве устраивают празднества. В одну из пятниц¹³ шахзадэ обручают, и после свадебных празднеств в сорок дней, сорок ночей шахзадэ становится молодым мужем. В ту ночь он остается с девушкой, а когда наступает утро, он идет и целует руку своего отца, а падишах созывает всех везиров, шейхулислама, хаджи и ходжей, всех, кто только есть, сам спускается с трона, берет за руку шахзадэ и сажает его на свое место, а находящемуся там народу говорит: «Вот что: стар я стал, уже не могу больше быть падишахом; с этих пор вашим падишахом пусть будет мой сын, согласны ли вы?» А они говорят: «Очень хорошо, о падишах, согласны». Шахзадэ жалует каждому по кафтану¹⁴, а из драгоценных камней, которые принес из дворца дэва, дает каждому по одному камню. Все радостно расходятся по домам, а шахзадэ до самой смерти живет с девушкой и проводит время в радости и наслаждениях.

9. Волшебная роза

 В прежние времена¹, в решете ли, на дне казана, когда верблюд бирючом был, когда мышь брадобреем была, когда мне пятнадцать лет было, когда я—тынгыр-мынгыр!²—колыбель отца и матери качал; кто бегом катит,

кто валом валит, а с тем, кто без спросу в сад залетит, вот что бывает... Потом мы встали, шли, шли, шли, шли, мало ли шли, долго ли шли, по горам ли, по долам, по ровному ли месту шли, шесть месяцев — осень — шли, вот, глядь! — место с ячменное зерно прошли; снова встали, шли, шли, долго шли, — сады падишаха Чинимачина³ показались, — в один вошли. Какой-то мельник мельницу вертит, а около него кошка, а у той кошки — глаза, а у той кошки — брови, а у той кошки — нос, а у той кошки — рот, а у той кошки — передние лапы, а у той кошки — задние лапы, а у той кошки — рост, а у той кошки — шея, а у той кошки — уши, а у той кошки — морда, а у той кошки — шерсть, а у той кошки — хвост!

В прежние времена у одного падишаха была дочь. Падишах очень любил свою дочь и потому ни на минуту не отпускал ее от себя. Других детей у него не было, а дочь была красоты небывалой на свете! И вот, хотя каждый старался увидеть эту девушку, никому так и не удалось ее посмотреть, потому что падишах никуда не выпускал ее из комнаты.

Сын йеменского падишаха тоже страстно желает ее увидеть; он покидает свою страну и пускается в путь: «Во что бы то ни стало, а увижу ее». Чтобы попасть в город, где находилась девушка, нужно было ровно семь лет пути. Молодец говорит: «Куда ни шло⁴ — добреду» — тащится кое-как по дороге и проходит около двух лет пути. Уже не остается у него ни одежды, ни денег: он начинает жить, прося подаяние. Сегодня найдет — поест, а не найдет — бредет голодный и холодный⁵. Не будем затягивать!

Тащится он себе там и сям и вот наконец однажды добирается до такого места, где много садов и виноградников. А так как погода была летняя и ему сильно хотелось есть, то он бросается в сады, которые видит перед собой, и начинает там есть плоды с деревьев. Вот так он бродит по садам. А в саду, в беседке, была, оказывается, самка-дэв, которая сторожила сад. Пробуждаясь раз в три дня от сна, она обходила сад кругом и, вернувшись в беседку⁶, снова укладывалась спать.

Пока молодец ел плоды с деревьев, самка-дэв встает и входит в сад. Он видит ее, и всякая еда вылетает у него из головы. «О ужас! Сейчас она меня увидит и разорвет на части, — что мне делать?» — и с этими словами он прячется за дерево. А самка-дэв почуяла его и идет прямо в его сторону. «Ну, сейчас увидит», — подумал молодец и совершенно растерялся⁷. А самка-

дэв все принюхивается и идет туда, где находился молодец. Тогда он подумал: «И так я погиб и этак погиб!» — сразу выходит из-за дерева и говорит ей: «Смилуйся, матушка, ты знаешь... смотри не делай мне зла!» А та смотрит на молодца, видит, на что он похож, и ей становится жаль его. «Сынок! Ты как сюда зашел? Вот я сейчас тебя съем, что ты тогда скажешь?» — «Матушка, коли съешь, так ешь: быть может, аллах и привел меня сюда для того, чтобы тебе меня съесть», — заплакал парень. Ей стало жаль его, и она сказала: «Сынок, ты похож на пропащего человека⁸, что привело тебя сюда?» А молодец не то со страхом, не то в надежде: «Может быть, коли скажу ей всю правду, так найду и то, что ищу» — взял да и рассказал ей всю правду. А она говорит: «Ох, сынок, до той девушки, которую ты ищешь, ровно девять месяцев пути. Если ты даже и попадешь туда, куда идешь, все равно не сумеешь ее повидать. Многие хотели ее повидать, да вот до сих пор не могли увидеть. Даже и те, кто только слышал о ее красоте, все погибли, так и не избавившись от страстной любви к ней; откажись-ка от нее! Сейчас, если даже пойдешь туда, увидеть ее тебе не удастся, а страсть охватит тебя, и ты в конце концов погубишь свою душу». Так она говорит, а молодец отвечает: «Нет, только ради любви к ней — а этому вот уже сколько лет — я и попал сюда! Во что бы то ни стало, пойду и разыщу».

Когда он это сказал, самка-дэв отвечает: «Сын мой, раз ты хочешь идти к ней, — иди, но только ее никому не увидать! В таком-то месте есть ведьма⁹, она заколдовала ее и не хочет, чтобы та куда-нибудь выходила. Сын такого-то падишаха влюбился в девушку, а ведьма стала ему врагом: девушку ему не показывает, и сейчас молодец... вот уже сколько лет, как его косточки гниют! Если ты хочешь ее увидеть, разрушь чары этой ведьмы и после того иди в страну, где находится девушка; быть может, и ее увидишь и любовь свою утолишь». — «Матушка, да как же я разрушу ее наваждение?» Как только он это сказал, самка-дэв отвечает: «Сын мой, до сих пор я этого никому не говорила, но ты столько выстрадал: пусть исполнится хоть эта твоя мечта! Ну вот, выходи отсюда; в таком-то месте есть сад, а в том саду — куст белых роз; если ты сорвешь одну из этих роз и сумеешь воткнуть ее девушке в косу, сейчас же наваждение исчезнет, и девушка начнет говорить: «Ой, хочу, чтобы привели того человека, который принес эту розу!» И вот тогда, если ты даже не захочешь пойти, тебя разыщут и приведут к девушке, и ты до-

сыта нагладишься на нее». Когда она так сказала, молодец тут же направился по тому пути.

Мало ли идет, долго ли идет, а в один из дней подходит к тому саду. У калитки в сад он видит большую кошку: а это как раз была старшая дочь ведьмы. Молодец видит ее. «Ой-ой-ой! Лев это или тигр, однако что-то не похоже на них, что это за зверь? Идти мне или нет?» — раздумывает он. «Ну, будь что будет! Во что бы то ни стало пойду», — подумал он, тронулся с места и подошел к кошке, а та хоть и была в образе кошки, но, увидев молодца, своей девичьей душой его полюбила и показывает ему путь. И вот входит он в сад, обходит его кругом и видит розовый куст, о котором говорила самка-дэв. Молодец прямо влюбился в розы: растерялся и не знает, которую сорвать. Никак не осмеливаясь сорвать, он в конце концов осторожно все-таки срывает одну розу, и сейчас же внутри сада поднимается крик. «Эх, лучше бы он рвать: сейчас что-нибудь да будет! Ну, как попадусь в руки, — что тогда делать?» — думает молодец и бежит прямо в калитку, откуда вошел, глядь! — у двери кошка удвоилась: вместо одной — две кошки вытаращили глаза, как будто хотят его съесть, и пасти у них в пене. «Эй, молодец, не стой, беги скорей; если сейчас подойдет наша младшая сестра, мы все трое сразу тебя растерзаем!» Молодец, собравшись с духом, вылетел из калитки и так мчится, что если вслед ему пулю выпустить, так и та не догонит.

Как бы то ни было, он пробежал немного. «Ну вот, тысяча благодарностей: избавился от них», — говорит он и отходит довольно далеко; розу он спрятал у себя на груди¹⁰ и все держит путь к тому городу, в котором находится девушка. Немного рассказ сократим, а то, пожалуй, в беду влетим!¹¹ Молодец в скором времени добирается до того города, а сам уж человеческий облик потерял. Как бы то ни было, он тут же входит в кофейню и говорит: «Слава аллаху!» Всякий, видя, как он вошел, смекает, что он из далеких стран. И вот, то один, то другой заказывают для него по чашке кофе и дают кое-чего поесть, а молодец все это ест и пьет.

Оказывается те, кто сидел в той кофейне, и были все те молодцы, которые стремились увидеть ту девушку. Поболтав немного, они спрашивают его, откуда и куда он идет. «Я был начальником каравана; дорбогой разбойники отняли у меня товары и деньги, и вот уже шесть месяцев, как я брожу по дорогам и теперь сюда пришел», — говорит молодец. Каждый его жалеет; од-

ним словом, все в той кофейне принимают его, как гостя, а вечером снова дают ему есть и пить. Пока молодец, попив и поев, ложился спать¹², люди в кофейне собираются отдельными кучками по три или по пять человек и начинают шептаться. А молодец навострил уши и понял из их разговоров, что беседа идет о девушке.

«Если бы мы могли обмануть ее няньку, мы бы своего добились, да эта ведьма — лопни ее глаза!¹³ — не понимает слов». Так они говорили один другому. Наступило утро, и молодец вышел на улицу. Бродя по улицам, он вдруг замечает старую женщину в чистом платье, которое так и шуршит: тири-тирил!¹⁴ «Кто-кто, а уж эта, наверное, и будет девушка-нянька. А ну-ка, спрошу и узнаю», — подумал молодец. Он подходит к ней. А старуха догадалась, что он чужестранец, и спрашивает: «Сынок, ты откуда?» Когда она так сказала, он отвечает: «Матушка, я бедняк и живу тем, что продаю розы, которые цветут в моем саду, и в этом году я сюда за тем же пришел; все розы продал, осталась только одна». Лишь только она сказала: «Дай-ка посмотрю, что у тебя за розы», молодец вынимает розу. «Ах, какая красивая роза, за сколько ты ее отдашь?» — спрашивает старуха, а молодец и говорит: «Матушка, эта роза не пристала таким, как ты, старым женщинам, она годится только молодым девчоночкам». Едва только он это сказал, старуха и отвечает: «Сын мой, если я и куплю ее, то не для себя. Хоть у меня и нет такой молодой дочки, но я буду няня падишаховой дочери: ей-то и хочу принести розу в подарок. Я бы взяла ее, да у меня вот денег-то нет, чтобы купить». Когда она так сказала, молодец и говорит: «Матушка, раз ты хочешь ее подарить, а у меня осталась всего-навсего одна роза, то возьми, так уж и быть, от меня эту розу в подарок и отнеси ее туда, куда собиралась» — и отдает розу старухе, а та на радостях несет ее к девушке и думает: «Вот уж сделаю подарок моей султан-ханым!»

«Нянюшка моя милая, ты мне розу принесла!» — проговорила девушка и воткнула ее себе в волосы. Пока старуха читала над ней заклинания, тем временем в сердце девушки вспыхнул огонь любви. Страсть молодца передается ей. Не понимая, что с ней, девушка говорит: «Ой, нянюшка, мне стало худо; скажи отцу моему, шаху, чтобы он выпустил меня ненадолго в свой шахский сад, а то тоска моя станется все сильнее». Старуха тут же идет к падишаху и рассказывает, в чем дело. Падишах смотрит на девушку. «Ай-ай-ай! Что случилось с моим ребенком?»

До сих пор она никуда не хотела выходить,— как бы еще не умерла!» — думает он и сейчас же посылает ее вместе с нянькой в свой шахский сад. Пока они гуляют взад и вперед по саду, девушка и спрашивает: «Нянюшка, а где ты достала эту розу? Чуть только я ее воткнула себе в волосы, как в душу мою запал огонь». — «Ах, доченька, я взяла ее у одного бедного паренька, он мне ее подарил, а мне на что роза? Я взяла и принесла ее тебе». Девушка и говорит: «Смилуйся, нянюшка! Не можешь ли ты мне показать разочек того человека, который дал тебе эту розу?» — «Доченька, да где же я его найду? Я встретила его на улице, а теперь кто же знает, куда он пошел!» Лишь только нянька это сказала, девушка и говорит: «Делай, что хочешь, но того молодца ты мне покажешь во что бы то ни стало, а не то скажу отцу моему шаху, чтобы он тебя казнил!» Когда она так сказала, бедная женщина засуетилась: «Посмотрю, доченька; коли снова сумею увидеть его, то покажу тебе!» А девушка все донимает свою няню: «Знать ничего не знаю. Не покажешь,— плохо тебе будет!» Только старуха оттуда вышла, а молодец, оказывается, уже караулил ее на дороге: дай-ка, мол, посмотрю, что из этого получится. И вот старуха, увидев его, кричит: «Помилуй, сынок! Что это у тебя за роза такая, которую ты мне дал? Принесла я ее моей султан-ханым, а она только воткнула ее в волосы,— так прямо и заболела! А сейчас тебя желает видеть. Что нам делать? Есть у тебя время? Какой ты ни на есть бедняк, пойдем со мной,— я еще тебе пять-десять гурушей дам!» А молодец хоть и был в душе доволен, но поломался немного: «Ну, уж ради тебя пойду и денег не возьму». А старуха обрадовалась и ведет молодца ко дворцу. Сама идет к девушке, а молодца ей из окна показывает. Когда девушка увидела молодца, она так и влюбилась в него, как тысяча сердец. Второпях пишет бумагу. Как только она бросила ее вниз из окна, молодец подхватил ее и читает. А там было написано: «Эфенди! Я полюбила тебя всей душой и сердцем; если и ты меня любишь¹⁵, то нынче ночью спустись по стене сада вниз,— тогда и повидаемся». Молодец вне себя от радости побежал за угол и поджидает старуху. А та, как только вышла из дворца, тут же и говорит ему: «Сынок, смотри, никому об этом не рассказывай, а то потом, если падишах узнает, он всех нас казнит. Делай, как написано в бумаге, только сам не попадись». Так она предостерегает его, а сама уходит. А молодец прямо не может дожидаться вечера. Лишь только стемнело, он взбирается на стену и проникает внутрь

дворцового сада, а девушка, оказывается, его уже ждет; только завидела молодца, обняла его и ведет к бассейну¹⁶. Словом, они едят, пьют, а потом ложатся друг другу в объятия и погружаются в сон. А когда наступает утро, падишах спрашивает: «Помилюйте, дочь моя... да где же она?» — и велит ее искать. Вдруг глядь! — она лежит в саду в объятиях какого-то молодца. Падишах остолбенел. «Вот-те на! Это что же такое? Как мог войти в мой дворец неведомо кто, да еще соблазнить мою дочь, которая никуда не выходила? Что же мне теперь с этим делать?» Задумался падишах, а в это время девушка и молодец просыпаются. Едва увидели падишаха, как у обоих со страха губы потрескались¹⁷. Падишах подзывает молодца и спрашивает, как это случилось. Когда тот рассказал все, как было, падишах говорит: «Сын мой, ты спас дочь мою от такого несчастья, — так не бойся: я выдам вас друг за друга» — и берет их во дворец. Везиру своему он посылает извещение, вызывает его и объясняет ему, как все случилось. «Прежде чем кто-нибудь об этом узнает, давай обручим их». Везир говорит: «Слушаюсь» — и обручает молодца с девушкой. После этого сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу и их обоих оставляют вдвоем. Они добились цели — слышу, а мы взберемся-ка на крышу¹⁸.

10. «Сорок»

 некогда у одного падишаха был сын. У этого сына был лала, которого он не отпускал от себя никуда. Он любил его, как самого себя. Этот молодец увидел ночью во сне одну девицу и влюбился в нее. А девица была одной из «сорокá»¹. Молодец не мог узнать, чья эта девушка; от любви к ней он не переставая плакал и ночь и день. Как-то ночью он опять видит девушку во сне. Девушка говорит молодцу: «Не плачь, а иди и ищи меня в бане «сорока»!» Когда она так сказала, парень проснулся и сказал своему лала: «Друг мой лала! Где находится баня «сорока», не знаешь ли ты?» А тот в ответ: «Помилуй, шахзаде, что ты с ней будешь делать, да кто тебе о ней сказал?» Как только лала так сказал, молодец рассказывает ему все, что с ним приключилось. А лала и

говорит: «Не беспокойся! Я для тебя эту девицу добуду, но только никому об этом не сказывай. Эти девушки — пәри. Они тогда тебя убьют». Как-то ночью лала собирается и направляется в баню. Как только он, войдя в дверь, попытался пройти в самую баню, на него посыпался град пощечин и оплеух; тем не менее лала, не обращая на это внимания, входит внутрь, садится на гёбек-ташы², и вдруг поднимается такой шум, будто крыша бани разверзается. Как ни трусит лала, он все же сдерживает себя. И вот он видит, что входит та девушка, в которую влюблен шахзадэ. Она как будто не замечает его; садится, снимает с себя браслет, жемчуг и кладет на гёбек-ташы. Пока девушка мылась, он берет украшения, выходит через дверь бани наружу, снова получая удары, но при этом теряет рассудок. Как бы то ни было, взятые им вещи он приносит во дворец. Как только он показал сыну шаха девушкины браслеты и жемчуг, молодец говорит: «А как ты достал их, лала?» И лала рассказывает, что он сделал. Молодец хоть немного и обрадовался, но все же просит: «Сделай милость, лала, сведи и меня в то место, куда ходил ты». — «Шахзадэ, если ты попадешь в то место, куда ходил я, то сойдешь с ума, да и не выдержишь таких побоев, — говорит лала. — Кто знает, если мне еще раз случится туда пойти, сколько получу я палочных ударов? Но все же как-нибудь тайком сведу я тебя в то место, где живет девица, ты ею любуйся вдоволь, но только берегись: если ты покажешься сам, ты войдешь в их среду и тогда больше не увидишься ни со мной, ни с матерью, ни с отцом. — «Прошу тебя, милый лала, сведи ты меня, я буду делать все так, как ты говоришь», — сказал молодец, и вот лала как-то ночью, чтобы никто не заметил, берет шахзадэ, и они уходят.

Идут они, идут, приходят в какой-то сад. Лала прячет шахзадэ за дерево, а сам прячется рядом. Сидят они и видят, что прилетает сорок голубок; погрузившись в бассейн, находящийся в саду, все они отряхиваются и превращаются в девушек. А молодец, лишь только заметил девушку, которую видел во сне, говорит: «Ах, дорогой мой лала! Теперь я видел! Вот моя возлюбленная, — та, которая находится впереди, не правда ли?» А лала говорит: «Ох, шахзадэ, молчи! Если они нас сейчас услышат, то они улетят, а мы потом отсюда и выбраться не сумеем». Хотя шахзадэ и умолк, но от любви к девушке он потерял всякое терпение. А девушки, когда был накрыт стол, садятся все вместе, едят, пьют. После еды девица велела принести склянку с шербетом. Наполнив чашки, она говорит: «За здоровье того, кто

меня любит» — и все пьют. Затем, встав из-за стола, они играют, смеются, потом раздеваются и входят в бассейн, чтобы выкупаться. Лала сейчас же идет, берет одежды той девицы и опять возвращается на свое место. Так они купаются, потом все девушки надевают свои одежды, отряхиваются, сразу становятся птицами и улетают. А та девица ищет свои одежды и не может найти. «Ах, сюда, должно быть, зашел враг, что я буду теперь делать?» С этими словами она садится и думает про себя: «Кто это сделал?» В это время молодец выходит из-за дерева. Как только девушка его увидела, она и говорит ему: «Прошу тебя, шахзадэ, если мои одежды у тебя — отдай!» Хотя она так и говорила, молодец клянется ей: «Я не брал, у меня нет!» А она ему: «Ты здесь был; если кто-нибудь пришел и взял, ты, конечно, видел!» — О любимая! Вот уже сколько времени, как я рыдаю ночь и день, сгорая от любви к тебе, а ты целые дни проводишь в веселии и удовольствиях; поклянись, что ты будешь моей, и я найду твои одежды». Так он сказал, а девушка сказала: «Хорошо». Лишь только она произнесла клятву, пронесся ветер: сад превратился в гладкую равнину, и вот они оба стоят, пораженные. «Увы, шахзадэ, ты меня разлучил с моими подругами, — теперь мы принадлежим друг другу», — говорит девица. Молодец обрадовался. «А где же мой дорогой лала?» — говорит шахзадэ; он ищет его там и сям и никак не может найти. «О любимая, одежды твои взял мой лала, который был рядом со мной, но его теперь нет; странно, куда он девался?» Девушка говорит ему: «Ты его больше не ищи; если бы ты сжег мои одежды, тогда бы ты не потерял своего лала: теперь же мои одежды наденут на него. Теперь он попал в число «сорока», а я освободилась». Молодец очень радовался тому, что он нашел девушку, но так как он очень любил своего лала, то в то же время и горевал. «Увы! Одно из того, что мне желанно, — я нашел, но зато другое потерял!» — «О шахзадэ, у меня была любимая невольница, — говорит девушка, — если она разок придет ко мне, то мне от нее вреда не будет: я ей расскажу о твоём лала и велю его найти. Ну, а теперь пойдем», — сказала девушка, а молодец — что тут поделаешь, коли дело сделано? — берет девушку и приводит ее во дворец. Как-то раз, когда девушка сидела в своей комнате, ее любимая невольница подлетела к окну: «О султанша, как ты разлучилась со мной, что же я теперь буду делать без тебя?» — сказала она девушке, и та принялась плакать. «Слушай, проникни в бассейн того сада, и где бы ни был лала, любимец моего шах-

задэ, позови его». — «Помилуй, султанша! Товарищи никак не отпускают его от себя; если я позову его и он сюда придет, то и другие придут вместе с ним и, лишь только узнают, что это я его позвала, — меня погубят, и тогда мы лишимся друг друга навеки. Я все-таки пойду: если найду его одного, быть может, и сумею привести сюда!» Лишь только она это сказала, девушка и говорит: «Прошу тебя, нянюшка дорогая, делай что хочешь, но приведи его сюда: мы хоть один разок увидим вас в лицо». И птица взвилась кверху и полетела. С этого дня прошло несколько времени. Птица нашла для шахзадэ его лала. «Шахзадэ по тебе очень тоскует. Они просили, чтобы я повидалась с тобой разок; как сделать, чтобы мы с тобой как-нибудь полетели туда?» сказала птица, а лала и говорит: «Как-нибудь ночью потихоньку полетим с тобой, — только мы должны быстро слетать, потому что, если мои товарищи не будут видеть меня хоть один час, они заприметят, куда мы полетели, и тут же убьют меня». Одним словом, когда наступила ночь, оба они, прежде чем кто-либо заметил, сразу поднялись и влетели в сад шахзадэ; там они окунулись в бассейн и превратились в людей. Как только девушка их увидела, она и говорит: «Шахзадэ, я их сейчас введу и у лестницы, сняв с них одежды, одену в свои, а ты, после того как они войдут в покои, возьми их одежды и брось в огонь: не найдя своих одеяний, они останутся с нами». И она тут же спускается в сад, берет их к себе, снимает с них одежды и одевает в другие. Когда все вошли в покои шахзадэ, он вышел, и едва бросил их одежды в огонь, как они закричали: «Ой, горим!» — и сразу упали без чувств. Одним словом, когда их привели в себя, все бросились друг другу в объятия и стали беседовать. Затем шахзадэ велел обручить девушку с собой, а девушку тетку — со своим лала, — свадьбу праздновали сорок дней и сорок ночей.

11. Цветок повилики и сын падишаха

 Некогда был один падишах. И у этого падишаха было три сына. Но разве и он не человек? И вот однажды падишах заболевает, ложится в постель, и так как день ото дня болезнь его становится все тяжелее, то для него делается ясно, что он

умрет. И вот однажды он собирает своих сыновей и делает завещание. «После моей смерти падишахом пусть будет старший сын. Если когда-нибудь ему станет скучно, пусть едет охотиться на птиц,— только, когда он выедет на распутие трех дорог, пусть поедет по той, что с левой стороны, и не едет по другим: по правой или же средней»,— говорит он. День-два спустя приходит его смертный час; падишах умирает, сыновья плачут, рыдают. Как бы то ни было, они приказывают похоронить останки их отца, а старший сын восходит на отцовский престол и становится падишахом.

Некоторое время он царствует. Однажды, когда ему стало очень скучно, он готовится ехать на охоту; садится на коня, берет с собой главного везира, и они едут. Мало-помалу подъезжают они к перекрестку трех дорог, и на ум молодцу приходит совет отца. «Странно, почему же это мой отец отсоветовал нам ехать по левой дороге? ¹ Здесь, наверно, что-то есть. Стой, поеду-ка я по этой дороге, посмотрю, что там»,— говорит он, а везир, который был с ним, не пускает молодца. Как ни старается он отговорить молодца: «Смотри не езд: уж, конечно, эта дорога опасна», тот говорит: «Я непременно должен поехать,— что же тут такого!» И он оставляет там везира, а сам гонит своего коня вперед. Проехав немного, он видит, что по краям дороги, среди лугов и травы, распустился желтый цветок повилики. Только он увидел, что цветок повилики расцвел не по времени, он и говорит: «Стой, нарву-ка повилики!»— и гонит коня в ту сторону. В то время как он намеревался подъехать ближе и нарвать повилики, вдруг, глядь!— повилика отодвинулась от него в сторону. «Что это такое?»— думает он и едет следом за ней. По мере того как он подъезжает, повилика все больше отходит назад; их опять разделяет большое пространство, и он не может сорвать повилику. И вот он подъезжает к одной пещере, глядь!— стоит котел с пилавом, горячим-горячим. А ему захотелось есть. «Дай-ка хоть пилаву поем немного!»— думает он и слезает с коня. Только он готовился запустить ложку в котел с пилавом, как из пещеры выходит араб: «Эй ты, человеческий сын! Раньше привета не бывает беседы ²— давай-ка сначала поборемся, а потом и поешь пилаву!» Что делать молодцу? Начинает бороться с арабом; они сходятся врукопашную. В конце концов араб пригибает его к земле и побеждает. Тотчас же он вытаскивает кинжал, отсекает молодцу голову, а конь ржет и остается все там же. А в этой стороне ³ везир на перекрестке дорог ждет-пождет,— от молодца

никаких вестей; он едет обратно, приходит во дворец, и они возводят на престол среднего брата.

И вот он правит некоторое время. Однажды и он соскучился; он тоже выезжает с везиром на охоту, и они тоже подъезжают к перекрестку трех дорог. Молодец хоть и вспоминает завещание отца, но все же говорит: «Поеду-ка и я по левой дороге: посмотрю, что случилось со старшим братом». И он гонит туда своего коня. И перед ним тоже появляется цветок повилики. Чем больше старается он его сорвать, тем дальше отходит от него повилика. Мало-помалу оказался перед ним и котел с пилавом, который попался на пути первому брату, а так как и средний брат также был голоден, то и он попробовал отведать пилава, но как раз в это время появился араб: «Ох, человеческий сын, сперва приветы, а потом беседы! Иди-ка, сначала поборемся с тобой, а потом и поешь пилаву!» И вот они схватываются и сходятся врукопашную. В конце концов араб пригибает молодца к земле, кинжалом отрезает ему голову, а конь бежит туда и там встречается с другим конем. А в той стороне везир у дороги ждет молодца; однако ни прохожего, ни проезжего нет. «И с этим что-то случилось»,— говорит везир, идет во дворец, и они возводят на престол младшего брата, делают его падишахом. И этот несколько дней правит, потом и ему становится скучно. Он берет своего везира и едет. Мало-помалу подъезжают они к перекрестку трех дорог. И он тоже хочет ехать по левой дороге, но везир его не пускает. «Два твоих брата вот так ушли и не вернулись, теперь и ты пойдешь,— кто же тогда будет над нами падишахом?»— говорит он и не позволяет тому ехать. А шахзадэ говорит: «Как хочешь, а поеду: и братьев своих поищу, да и что там на этой дороге погляжу». И он не слушает везира и гонит коня вперед.

Мало-помалу до его уха доносится ржание коней. «Наверно, мои старшие братья здесь»,— думает он и едет дальше. Перед ним тоже появляется цветок повилики, и он тоже пытается сорвать повилику. Он двигается — и повилика двигается; в конце концов ему попадается котел с пилавом. «Ах, я голоден, да и повилику не мог сорвать, так хотя бы голод свой утолю этим пилавом»,— говорит он, слезает с коня и подходит к котлу. Только он хочет взять пилаву, выходит араб: «О шахзадэ, раньше привета не бывает беседы, поборемся-ка с тобой по-молодецки, а потом и поешь пилаву, пусть он будет тебе во благо»⁴,— говорит он, схватывает шахзадэ за шиворот и начинает борьбу. А шахзадэ, оказывается, знал молитвы кара хедже⁵. Он читает их,

дует на араба: араб перестал владеть руками, кинжал выпал из его рук, и шахзадэ сбросил араба на землю. Тотчас же он вытаскивает свой кинжал, отрезает арабу голову, глядь! — а там опять повилика. Нагнувшись, он срывает повилику и втыкает ее себе в чалму. Потом он садится на коня, захватывает и коней своих старших братьев и едет туда, где был везир, а везир поджидал шахзадэ у дороги. Шахзадэ рассказал везиру о случае с арабом и сказал о том, что араб убил его братьев. Потом он вместе с везиром идет во дворец, достает из чалмы повилику, наливает воды в склянку и ставит на полку; вечером он ложится спать. А у него был такой обычай, чтобы когда он спал, слуги ставили у изголовья лукум и шербет, а также золотой подсвечник у изголовья, а у ног — серебряный подсвечник. В тот вечер, как и всегда, слуги опять готовят лукум и шербет, ставят и зажигают свечи. Падишах засыпает.

В полночь повилика выходит из склянки, отряхивается, превращается в девушку, — такую, что в мире равной не найдется, подходит, ест лукум падишаха, выпивает шербет; золотой подсвечник, что стоял у изголовья, ставит к ногам, а тот, что у ног — ставит к изголовью, целует падишаха в обе щеки, снова влезает в свой покров и становится повиликой. Той ночью падишах просыпается, глядь! — лукум съеден, шербет выпит, подсвечники переставлены. Утром он встает, кличет слуг: «Кто входил нынче ночью в мои покои?» — спрашивает он. Напрасно слуги отвечали: «О падишах, кому же войти? Никто не входил!» — падишах не верит и избивает их до полусмерти. На вторую ночь падишах снова ложится, ему готовят лукум и шербет, зажигают свечи, и слуги выходят из покоев. В полночь, когда падишах спит, повилика снова отряхивается, превращается в девушку, ест лукум, пьет шербет, переставляет подсвечники и, поцеловав падишаха в обе щеки, снова влезает в свой покров. Утром падишах опять собирает слуг. Сколько он ни спрашивает: «Кто входил в покои?» — слуги отвечают: «Никто не входил». Когда они так сказали, падишах разгневался и так их побил, что у них отовсюду хлынула кровь. На третью ночь падишах, чтобы на этот раз не уснуть, крепко обтянул себе шелковым шнурком палец, и вот от боли падишах не мог заснуть. Как и прежде, были приготовлены лукум и шербет. Падишах притворяется спящим. И вот в полночь повилика выходит из склянки, отряхивается, превращается в девушку, ест приготовленный там для падишаха лукум, пьет шербет. Когда она готовилась поцеловать падишаха

в обе щеки, падишах открывает глаза и схватывает девушку. А это, оказывается, была девушка-пэри. Она умоляет падишаха: «Ой, отпусти меня!» — а падишах говорит: «Зачем отпустить? Я из-за тебя столько слуг избил до полусмерти, а теперь мне тебя отпустить?» С этими словами он хватает тут же ее покров-повилику и рвет на куски. И с этих пор девушка не может влезть в свой покров и остается с падишахом. А падишах, после праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей, берет в жены девушку, и они не расстаются друг с другом до самой смерти.

12. Гюль-султан

 Было — не бывало, а у человека века печали было немало¹.

Некогда у одного падишаха было три сына. Все они имели пристрастие ко всяким развлечениям, как-то: стрельбе, охоте, верховой езде, метанию дротика и многим другим. К тому же, во всем этом искусство их было безгранично, и все трое каждый день, по наступлении утра, вскакивали с постели и, съев утренний завтрак, садились на коней, до вечера носились и поднимали пыль по полям и холмам и снова возвращались домой. В один из дней, как и обыкновенно, они выехали за город. «Ну, была не была!» — и, говоря так, то стреляя и охотясь, то устраивая бега или скачки, бегая наперегонки и забавляясь, они очень сильно отделились от города. «Айда, разойдемся-ка все в разные стороны поохотиться и снова здесь соберемся». Говоря так, они расстаются друг с другом, и каждый едет в какую хочет сторону. Младший брат мало-помалу доезжает до местности, покрытой лесом. «Здесь нужно немного поохотиться», — думает он. Он бродит там и, едва только заметил, что из леса на него выходит красавец олень, — говорит: «Эх, если бы мне удалось его поймать живьем, я бы свел его к отцу своему шаху. Ну и красавец!» — и пускается преследовать оленя. Олень бежит, он его преследует; так довольно долго он гонится за ним по пятам и все не может его поймать. «Уж, наверно, мне не поймать, убью-ка я его!» — думает он и вдруг видит, что олень перемахнул через стену какого-то сада и скрылся из глаз. Как только наш молодец увидел, что олень совсем от него скрылся, он потерял терпение

и говорит: «Неприменно пойду и либо его поймаю, либо убью!» И он идет прямо к подножию стены. «В ней, должно быть, есть дверь. Я пойду, найду и узнаю, что это за место такое»,— говорит он и перелезает через стену. Перейдя на другую сторону, он идет немного и видит, что перед дверью сада сидит старый человек; он идет, приветствует его селямом, а тот, приняв его привет, спрашивает: «Эй, сынок, откуда пришел, куда идешь? В эти края зачем пришел?» Когда он так сказал, наш молодец говорит, что он пришел ради оленя, а тот говорит: «Иляхи², сынок, олень, которого ты видел, не олень, а колдунья; она и привела тебя сюда, чтобы завлечь в ловушку». Молодец услышал это и говорит: «Эй, дед, а чей это сад?» А тот отвечает: «Сынок, этот сад принадлежит шахской дочери Гюль-султан³, которая никогда не смеется. Внутри этого сада есть замок, она живет в нем одна со своей нянькой, а я ее сторож. Вот как раз уже восемь лет, как я здесь сторожу, и не видел здесь никого из рода человеческого»,— сказал он, и молодец открылся ему с начала и до конца. Тогда старик говорит: «Айда, сынок, уходи, иди по своим делам; если тебя здесь увидят, так сразу и убьют, и тогда придется жалеть и тебя и меня». И много другого говорил он, но молодца охватило любопытство: он умоляет, упрощивает сторожа, чтоб увидеть девицу, и хочет проникнуть в сад. Сторож говорит: «Помилуй, сынок! Что ты говоришь? Когда ты войдешь внутрь, знай, что оба мы — и я и ты — пропадем, потому что перед дверью замка привязаны лев и тигр; когда они увидят тебя, они разорвут цепи и растерзают тебя на части. В конце концов, напрасно ты идешь на смерть,— уходи, откажись от этого!» Много еще говорил он, но молодец никак не уходит. «Неприменно пройду в сад. Что со мной будет, пусть и будет»,— говорит он и умоляет старика, а тот говорит: «Сынок, не то, чтобы мне было жалко пустить тебя в сад, а все это ради твоего же спасения; но раз ты не отказываешься, ступай,— делай как знаешь!» И он пропускает его в сад.

А наш молодец, лишь только вошел в сад, смотрит — а в том саду деревья, цветы, разнообразные плоды, как в раю; повсюду соловьиные голоса, журчание ручьев. Удивляясь всему этому, он глядит, потом проходит еще немного вперед: посреди сада прекрасный замок, перед ним бассейн, с четырех концов которого течет вода; бассейн украшен разными красивыми предметами. Молодец думает, что он попал в рай.

Вдруг тигр и лев увидели молодца, вытаращили глаза и, щел-

кая зубами и звеня цепями — шакыр-шакыр⁴, — уже готовились его разорвать, как в это время девушка, услышав из замка рев животных, тотчас открыла окошко. Едва только она увидела молодца, сразу влюбилась, как тысяча сердец, в его красоту и остановила животных. А глаза молодца, едва только увидели в окне девушку, были ослеплены ее блеском. Он смутился и упал без сознания. И вот девушка зовет к себе няньку, показывает ей молодца: «Ступай, этого беднягу приведи в чувство, возьми и доставь сюда; узнаем-ка, из каких краев он пришел и что привело его сюда», — говорит она. Нянька идет, брызжет на него водой и с трудом приводит его в чувство. Молодец открывает глаза и с удивлением смотрит во все стороны — никак не может понять, что с ним случилось. Нянька говорит: «Встань, смельчак, я тебя возьму в замок, приди немного в себя!» Так она сказала, и молодец — наполовину с испугом, наполовину с радостью — идет с нянькой в замок. Когда она провела его прямо в горницу к девушке, он снова, едва прошел через дверь, от сияния девушки падает без чувств.

Девушка спрашивает его: «Эй, молодец, ты как это не побоялся сюда прийти? Если бы я не услышала, эти звери тебя бы растерзали на куски». И много еще говорила она, а пока они беседовали, молодец от глубины души испустил вздох и плачет, всхлипывая; потом он рассказывает все, что с ним случилось, а девушка говорит: «О молодец, и я увидела тебя и, от души полюбив тебя, тоже влюбилась, но отец мой очень жесток: если он услышит, что мы находимся вместе, сейчас же обоих нас велит казнить. Лучше всего не оставаться здесь, бежим, — может быть, таким вот образом и спасемся от его руки!» Как только она это сказала, молодец с этим соглашается, а девушка сейчас же забирает то и сё, — по весу легкие, по цене дорогие вещи⁵, — а также и свою няньку, и они уходят из дворца. Так они отошли немного; лишь только лев и тигр увидели, что девушка ушла, они со звоном разорвали свои цепи — чатыр-чатыр⁶ — и пустились вслед за ними. Когда молодец увидел их, он очень испугался, думая, что те идут их растерзать, но девушка говорит ему: «О любимый, не бойся! Они не разлучаются со мною, и пока они с нами, нам ни от кого не будет вреда». Молодец тогда еще больше обрадовался; тотчас он берет своего коня, и они полегоныку⁷ держат путь до тех пор, пока не прибывают к тому месту, где он расставался со своими братьями. Но там он никого не находит. Оказывается они, поохотившись,

пришли на то место и, сколько его ни искали, не нашли и уехали в город, думая так: кто знает, что с ним случилось, может быть, он погиб или заехал в далекие края; жив будет, так вернется! И эти тоже, немного побродив и поискав, не могут их найти и держат путь прямо в город.

В один из дней они прибывают в город. Всякий, кто видит шахзадэ, идет к отцу его с радостной вестью⁸. Когда падишах с другими сыновьями выехал ему навстречу, все смотрят — шахзадэ едет верхом вместе с красавицей девушкой, и все-все, глядя на них, только диву даются.

Едва только падишах увидел девушку, у него ум за разум зашел⁹. Как бы то ни было, он спрашивает сына, где он такую нашел, а тот все полностью рассказывает. Падишах не может устоять перед красотой девушки, но из страха перед львом и тигром не может ничего поделаться; тогда он подыскивает и другим своим сыновьям каждому по девушке, и они устраивают свадьбу в сорок дней, сорок ночей.

13. Салкым-зюмбюль

 Когда-то был падишах, а у него был сын, — такой, что равного ему по красоте не было; всякий, кто видел его, от страсти к нему становился безумным, сумасшедшим. А падишах так его любил, что не разлучался с ним ни на полчаса. Однажды падишах вдруг захворал. Лежит он несколько дней; сколько ни делали хекимы и ходжи ему лекарств, не могут найти никакого средства. Приходит его смертный час, и он в конце концов умирает. Придворные, видя, что падишах умирает, плачут и кричат, да делать нечего: ведь эта смерть обратно не уйдет, не так ли? Выносят его останки, строят тюрбэ и хоронят его там. Шахзадэ в день смерти отца совсем сгорел от горя. Долгое время он носит траур и скрывается от света, но так как он достиг двадцати-двадцатипятилетнего возраста, то собирается совет везиров, и молодецка сажают на царство.

Время, приди, время, уйди!¹ Пока он правил государством, как-то раз ему стало очень скучно, и он, взяв своего лала, отправляется в путешествие. Захватив с собой немного вещей, которые полегче, и сев на коней, они отъехали довольно далеко от

дворца. «Ну, была не была!» — говорят они и проезжают еще несколько дней пути. Пусть они так разъезжают по полям; но вот однажды прибывают они к одному источнику: прекрасные деревья окаймляют поверхность текучей воды; по сторонам — изгибы зеленых лугов и цветы с чудным запахом, с журчанием струится вода, холодная, как лед — чагыл-чагыл! ² И все это, в виде разделанного сада, чрезвычайно приятно и радует человека, пока он там сидит. Падишах, с тех пор как отец его умер, все охал, да вздыхал, да траур носил и от печали ничего не видел. Лишь только он увидел это, сказал: «Помилуй, лала, мне здесь очень понравилось; поживем здесь немного, развлечемся и отдохнем». Когда он так сказал, лала и говорит: «Это будет очень хорошо, о шах! И впрямь, это такое место, где можно пожить, — такие места всегда рассеивают печаль человека, радуют сердце». И вот лала несколько раз внушает это падишаху. Они садятся, пьют по чашке кофе и покуривают чубук.

И вот, слушая разные голоса птиц и соловьев, поющих между деревьями, падишах уже вовсе не хочет уезжать оттуда: «Помилуй, лала, это — бесподобное место: душа моя его полюбила, поживем, развлечемся здесь несколько дней!» Напрасно лала говорил: «Помилуй, о шах, как-никак ведь это степь, в вечернее время так оставаться нам одним не годится; довольно того, что сегодня мы днем развлекались, а через несколько дней опять сюда приедем». Однако шах никак не расстаётся с этой мыслью: «Ну хоть на нынешнюю ночь останемся здесь», — сказал он, а лала — что тут будешь делать? — не может ведь сказать: «нет». — «Хорошо, о шах», — говорит он, и они остаются.

Когда они там просидели довольно долго, шах встает со своего места, чтобы немного погулять. «Ах, какое здесь прекрасное место! Иншаллах, я здесь выстрою замок и вот в такие летние дни буду сюда приезжать, жить и отдыхать», — говорит он своему лала, а тот отвечает: «Очень хорошо будет, конечно, конечно!» Когда они, погулявши, уселись опять, они видят, что издали идет старик с кувшином в руке. Он подходит к источнику, около которого они сидели, и наполняет кувшин той водой. Шаха разобрало любопытство. Как только он сказал: «Эй, дед, кто ты, откуда сюда пришел?» — тот и отвечает: «Отсюда на полчаса пути вперед есть замок девушки, которую зовут Салкым-зюмбюль ³, и этот источник тоже принадлежит ей. Один раз в год она сюда приходит и три дня здесь живет; ее охраняют сорок дэвов. Как это вы безбоязненно сюда пришли? Ступайте, чтобы

о вас не услышали; если увидят, убьют,—потом вас жалеть придется! По дружбе говорю вам: сейчас же уходите!» Падишаху и страшно, и любопытство его разбирает: «Дорогой дед, это что же за девушка такая, что в таком месте живет и имеет сорок сторожей? Что мне сделать, чтобы я мог ее повидать?» Хотя старик, ухмыляясь, и говорил: «Эй, добрые молодцы, я очень вас жалею, уходите, здесь не оставайтесь!» — шах все возвращается к старому. Старик смотрит на его красоту и думает про себя: «Может же быть в свете такая красота! Ровно наша Салкым-зюмбюль, по красоте между ними совсем нет разницы: одна половина яблока — он, другая — она». Он поворачивается и говорит шаху: «Эй, йигит, там впереди, на расстоянии одного часа пути, за одной высокой горой находится мать сорока дэвов, которые сторожат здесь. Иди сейчас же к ней и умоляй ее, чтобы она тебя спрятала и научила тому, что нужно делать, чтобы повидать девушку». Лишь только он так сказал, шах и лала встали с места. Когда они дошли до той горы, то чуть только перевалили на другую сторону, вдруг — что же видят? — сидит женщина-дэв, словно минарет; одну ногу протянула на одну гору, другую — на другую; груди, подобные бурдюкам для масла, закинула за спину и жует камедь⁴ величиной с узел; рычание ее слышно за полчаса пути, дыхание ее вылетает, как зимний ветер⁵, и смешивает землю с пылью; руки у нее в восемь аршин. Лишь только она увидела тех за тысячу шагов, она подняла их, как крышку от кувшина, и поставила около себя.

Они в жизнь свою не видели ничего более страшного, разум у них помутился. «Помилуй, матушка», — говорят они и обнимают ее за груди. Женщина-дэв говорит: «Эх, молодцы! Я сейчас же раздавила бы вас, как клопов, да счастье ваше, что вы назвали меня своей матерью и обняли меня! Кто вас сюда послал?» А они от страха не могут ничего скрыть: «Ах, матушка! Дорога привела нас к источнику Салкым-зюмбюль. Один старик из ее людей пришел туда за водой и, увидев нас, послал сюда, чтобы спасти нас от смерти. Смилуйся, матушка! Что бы там ни было, все зависит от тебя. Что это за Салкым-зюмбюль такая? Я услышал ее имя, и меня охватило любопытство, я хочу ее повидать разок». Когда шах это сказал, она отвечает ему: «Эх, молодец! Та, которую зовут Салкым-зюмбюль — первая в мире красавица. Такой, как она, никто не видывал. Много находилось таких, кто бы желал ее увидеть и взять, но ни один ни видеть, ни взять ее не мог. Из-за нее много народу погибло! У меня есть

сорок сыновей: они ночью и днем⁶ стерегут ее замок,— через те места они не дадут и птице пролететь. Уходите, откажитесь от этой затеи: зря только погибнете, и вас будет жалко». И много еще говорила она, а шах со словами: «Помилуй, матушка, сделай мне добро, я не останусь в долгу» — настойчиво просит и умоляет ее. Не будем затягивать: он уговорил ее. Тогда мать дэвов ударяет по лала и превращает его в метлу, а шаха, как кiset, подвешивает себе к поясу, в три шага подходит близко к замку девушки, достает из кармана горсть земли и рассыпает ее: «Ну, теперь ступай, ничего не бойся; все дэвы погрузились в сон. Войдя в комнату, где спит девушка (она теперь спит), ты ничего не делай, а только сними у нее с пальца перстень и приходи прямехонько сюда». Шах, набравшись храбрости, идет, открывает комнату, в которой спит девушка, и вот смотрит. Красивой назвать это мало: все у нее трепещет, как водяная бирюза, а сама лежит на постели, как хурия,— такая девушка, что у смотрящего глаза слепнут. Лишь только шах увидал ее, помутилось у него сознание; застыл он, глядя на нее, но, как сказала мать дэвов, снял перстень у нее с пальца и, не задерживаясь, пришел назад к матери дэвов. Сделав снова три шага, женщина возвращается с ними на старое место, наносит удар шаху, превращает его в кувшин и кладет в сторону.

И вот, когда настало утро, девушка просыпается, встает, глядь! — а на пальце нет перстня. «Что такое, куда же я его положила, или он упал куда-нибудь?» — говорит она. Ищет-поищет, с тревогой выходит в сад, обходит его,— тоже не может найти. Тогда, не зная, что в ее комнату проник человек, она только диву дается и очень сокрушается о пропаже перстня. Тотчас она созывает дэвов, спрашивает их, а они говорят: «Мы вечером как-то уснули и не знаем, не приходил ли кто в это время; может быть, он и украл?» Как только они это сказали, девушка сильно на них разгневалась и стала их ругать, а они, не перенося этого при своем молодечестве, рассыпаются по сторонам и ищут, но никого не могут найти. Тогда они отправляются к своей матери, спрашивают ее, а она говорит: «Эй, ребята, вы что, с ума спятили? Разве может кто-нибудь прийти в эти края, пока мы здесь? Кто знает, куда эта сука забросила его,— ступайте по своим делам» — и прогоняет их. Когда наступил следующий вечер, у шаха не остается сил терпеть. Он умоляет мать дэвов и снова хочет идти к девушке. Тогда эта женщина берет его и, когда они приходят на то место, куда она его приводила раньше, она

рассыпает кругом землю: «Ступай, иди, как и раньше, но берегись: ничего другого не делай, а не то твое дело плохо! Ты только вынь у нее из одного уха серьгу и приходи». А шаха больше учить не надо. Он идет прямо в комнату девушки и, пока она спала в постели, вынимает у нее из одного уха серьгу. Он и не хотел бы расставаться с девушкой, да думает: «попадусь!» и со страху не выдерживает: встает и идет обратно к женщине-дэву. Тогда женщина снова забирает его и, когда они приходят на старые места, наносит ему удар, сразу превращает его в кувшин и ставит около себя.

А девушка утром встает от сна. Посидев немного, она видит, что одной серьги нет. Ей стало жалко. «Это что же такое? Вот уже два вечера кто-то надо мною шутки шутит, но зачем — не могу понять», — говорит она и призывает старого деда, рассказывает ему, а тот знает, в чем дело, но говорит: «Ох, доченька! Да здесь и птица не пролетает, караван не проходит, змея и черепашка не проползают. То, что ты говоришь, — немыслимое дело. Кто знает, — когда ты в душевной тоске гуляла в саду, не упало ли оно в траву? Я буду сегодня искать, как могу. Если упало — найдется, ты не беспокойся». Так он успокаивает девушку разными словами, а девушка говорит сама себе: «Это все пустяки; наверно, в мою комнату кто-нибудь приходит и эти шутки шутит, я его непременно поймаю». Тогда она страшит дэвов: «Если нынче ночью опять что-нибудь случится, то нет того, чего бы я не сделала с вами!» — говорит она и в тот день до самого вечера мечется туда-сюда, не может и присесть от гнева. Как бы то ни было, перейдем на краткие слова, поговорим-ка о шахе сперва⁷.

И вот, когда наступил вечер, мать дэвов, по просьбе шаха, снова берет его и, когда они прибыли на старые места, говорит: «Теперь иди, поцелуй ее в обе щеки и приходи обратно». Молодец на радостях идет в замок девушки, а девушка в тот день от гнева не сомкнула глаз и с места, где лежала, все наблюдала кругом. Когда молодец вошел в комнату девушки, то, едва только девушка его увидела, красота его поразила ее и, влюбившись, как тысяча сердец, в его красоту, она забывает себя, а он, думая, что девушка спит, тут же целует ее в обе щеки. Тогда девушка обнимает его за шею: «Ах, душа души моей, достояние моего сердца, откуда ты пришел сюда?» После этого она говорит: «Не бойся ничего, я стану твоей; я нашла то, что до сей поры искала». Лишь только она так сказала, шах окончательно потерял сознание и падает без чувств от волшебной красоты девушки.

Девушка побрызгала на него розовой и имбирной водой⁸ и привела его в чувство. До самого утра они не могли досыта наглядеться друг на друга, и оба были, как опьяненные. Когда наступило утро, девушка говорит: «Шах мой, с этих пор я — твоя, а ты — мой. Как и с тобой я не могу расстаться, так и эти края не могу покинуть; если ты меня хочешь, оставайся здесь». Шах говорит: «Султанша моя, я падишах такой-то страны. Как-то раз во время путешествия я прибыл сюда, и мне понравился этот устроенный тобой фонтан; я решил было выстроить здесь замок, чтобы летними днями приезжать и жить здесь. Было так, а стало этак», — говорит он и рассказывает все с начала до конца. Девушка говорит: «Если так, то мы сейчас поедем в город и справим нашу свадьбу, а жить будем и здесь и в городе». Сказав так, она сзывает всех дэвов, и вот они сами тоже приходят к матери дэвов. «Ну, матушка, мы нашли друг друга». Когда после этого они прощались с ней, женщина-дэв подходит к ним: «Идите в добром здоровье; только мне каждый день нужно посылать сорок штук баранов; если вы не пошлете, тогда будете знать!» Только она это сказала, шах говорит: «Матушка, ты сделала мне столько добра. Я никогда не могу тебя забыть и каждый день буду посылать тебе по сорок баранов, но только пусть твои сыновья опять, так же как и раньше, стерегут эти края». Как только он так сказал, женщина-дэв соглашается на это. Тогда они трогаются с места и направляются в город. Дворцовая челядь, как только увидела возвращение шаха, вышла к нему навстречу. Тогда шах призывает главного везира и велит обручить девушку с собой. Сорок дней, сорок ночей справляют пышную свадьбу, на сорок первый тот шах входит к девушке как молодой муж. До самой смерти они проводят жизнь свою то в городе, то в замке Салкым-зюмбюль и, посылая каждый день матери дэвов по сорок баранов, сами пребывают в наслаждениях.

14. Сказка о сыне купца

с-пэс, не растягивай словес¹. Было — не было, а в прежние времена был, говорят, один купец. У этого купца было так много богатства, что никто не знал ему счета. И был у него на этом свете один-единственный сын. Однажды купец заболе-

вает. Напрасно ему приводят столько хекимов и ходжей, готовят разные снадобья и прочее,— ничто не помогает, и со дня на день болезнь усиливается. Наконец приходит его смертный час: он умирает, а все свои деньги-казну² оставляет тому мальчику. А мальчик, так как он был всего пятнадцати-шестнадцати лет отроду, день и ночь забавляется и проводит время с толпой тунейдцев³. За шесть месяцев он проматывает без остатка все богатство, да так, что не остается ничего, а сам не находит в кармане денег, чтобы купить хлеба на десять парá; он спит на краю пустыря, голодный, оборванный.

Однажды, когда мальчик шел по дороге, он находит десять пара,— а он был голоден,— и вот на радостях идет, покупает на пять пара хлеба и ест, а на пять пара покупает веревку и идет на базар: «Может быть, кому-нибудь буду хамалом»,— думает он и прохаживается там, но до самого вечера никто его не подзывает. Он видит, что это занятие денег не даст, а так как ему стыдно подойти к своим товарищам, то он, унося ноги, совсем уходит из того города с такими словами: «Вместо того, чтобы здесь народ, увидев меня, насмеялся надо мной, лучше уж пойду в другое место, и пусть этот город будет для меня харам». Долгое время бродит он по свету, приходит в какой-то город, идет на базар, смотрит, а там телляль возвещает: «У одного купца есть дело; всякому, кто возьмется за него, он даст тысячу золотых и дочь в жены». Услыхав это, мальчик подумал: «А, вот это как раз для меня! Какое бы тяжелое дело ни было, я сделаю». И он подходит к теллялю и говорит: «Я сделаю то дело для купца». Тот берет его и приводит к тому купцу. Лишь только купец увидал мальчика, он и говорит: «Дитя мое, дело мое далеко; отсюда семь дней пути, поедешь ли ты со мной?» А мальчик говорит: «Отлично, поеду, почему не поехать?» Купец дает мальчику сто золотых; в ту же ночь он дает ему незамужнюю девушку, а также рабыню; мальчик спит с девушкой. Когда наступает утро, тот купец и мальчик садятся на коней и выезжают в путь. Ровно семь дней едут они и подъезжают к необитаемому горному хребту. Там они спускаются с коней. Купец закалывает одного коня и разрезает ему брюхо. Вытащив оттуда требуху и кишки, он говорит мальчику: «Вот я тебе даю еще девятьсот золотых; вот что ты должен сделать: войти внутрь коня, потом через этот хребет полетит большая птица, она поднимет труп коня на вершину хребта. Как только ты выйдешь⁴ из трупа коня, та птица тоже улетит; затем — там есть камни, похожие на реч-

ные, ты бросай их вниз». И мальчик, нисколько не задумываясь о том, как он спустится с гор, делает так, как говорил ему купец. Птица поднимает труп на горы и, лишь только мальчик выходит из него, она улетает. Мальчик смотрит: все кругом полным-полно драгоценными камнями. Мальчик набирает их столько, сколько может собрать, и сбрасывает вниз. А внизу купец, как только наполнил свои мешки⁵, так сразу и пустился в обратный путь.

Мальчик видит, что купец ушел. Тогда рассудок возвращается к мальчику; но напрасно он начинает думать: ничто не приходит ему на ум. Семь дней, семь ночей без еды, без питья сидит он и плачет на вершине гор; от голода он ест траву. Видит, что нельзя сидеть сложа руки. «Взберусь-ка я хоть еще выше: наверное найду какую-нибудь дорогу», — думает он и старается подняться еще выше на гребень горы. И вот, карабкась-карабкаясь, идет он ровно сорок дней. Дорогой он ест только траву; наконец он выходит на вершину гор. По ту сторону хребта была равнина. На другом конце равнины он видит дворец. «Ох, благодарение аллаху, наконец-то я достиг такого места, где есть люди», — говорит он и держит путь в ту сторону.

Идет он, идет, приходит ко дворцу: нигде никого нет. «Что же это за место такое?» — говорит он, входит, видит: все везде хорошо устроено и обставлено, везде виноградники и сады. Мальчик только диву дается. Бродит он, бродит — перед ним появляется закрытая дверь; как ни старается он ее открыть — не может. Тогда он прячется в одном углу. Когда наступает вечер, он видит, как приезжает какой-то старик, спускается с лошади, открывает ту замкнутую дверь, входит внутрь, и тогда лошадь исчезает. А мальчик вслед за ним тоже входит внутрь; с одной стороны он видит свет — идет туда. В хорошо убранной и обставленной комнате⁶ сидит старик, а против него сидит девушка, как четырнадцатидневная луна⁷. Та девушка говорит: «Названный отец, до каких пор будешь держать меня здесь? Пожалей меня наконец, сведи туда, где есть род человеческий, довольно мне тут жить!» И начинает плакать. А мальчик все это подслушал. Старик говорит: «Дочка, что я поделаю? Не от меня зависит, чтобы нашел я лекарство для моих глаз и увез тебя. Было время, я сам по себе все делал, распоряжался здешними талисманами, — теперь же мне отсюда не уйти, а род человеческий сюда не попадает. Если кто-нибудь из сынов человеческих придет сюда, я отдам тебя ему, а к тому же и лекарство для своих глаз найду. В тех местах, где живут люди, есть трава, называется она «трава, открываю-

щая глаза»; от ее цветов, если они распустились, глаза мои откроются; но что поделаешь — здесь ее нет», — говорит он и тоже принимается плакать. Мальчик все подслушивает за дверью. А у него случайно оказалось немного засохших цветов той травы.

«Иншаллах, благодаря этой траве и я из этих диких мест выберусь», — думает мальчик и радуется. В ту ночь он ложится спать перед дверью. Когда наступает утро, старик встает и идет, чтобы обходить свои талисманы; вдруг, когда он выходил за дверь наружу, нога его задевает за мальчика: «Эй, сын человека! Здесь ни пэри, ни джинны не пролетают, а сыны человека уж никак не пройдут. Как случилось, что ты сюда попал?» — спрашивает он. Мальчик тотчас начинает хитрить. «Государь,пусти меня к себе, и я расскажу тебе, как я пришел». И старик проводит мальчика в комнату. Когда он сказал: «Ну-ка, рассказывай», мальчик и говорит: «Султан, мой отец был богатым купцом в одном городе; после своей смерти он оставил мне много денег, а я по молодости лет в короткое время деньги растратил, стал нуждаться даже в одной пара, а потом сильно раскаивался, — да что толку? — все кончено; что я могу поделать? Так много времени бродил я голодный, раздетый. Как-то ночью, когда я сидел печальный и задумчивый, на меня напал сон, и я уснул. Во сне явился мне старик дервиш и сказал: «Вставай, собери немного цветов травы, открывающей глаза: в таком-то месте у меня есть друг, — он слеп, снеси ему эти цветы, пусть он сделает себе лекарство. Когда он прозреет, он тебя щедро вознаградит, и ты будешь богаче прежнего». Так он сказал, и я проснулся. Я тотчас же вскочил, набрал тех цветов и вышел в путь; целый год я шел путем-дорогой и счастливо набрел на тебя». С этими словами мальчик достает ту траву, которая была с ним, и отдает старику. Старик берет ту траву и радуется так, что дальше некуда. «Дитя мое, ты сослужил мне большую службу, и я тоже сделаю тебе столько добра, что ты останешься доволен, и к тому же будешь богат еще больше прежнего». Затем он готовит из тех цветов лекарство, накладывает его на глаза, и от этого лекарства глаза старика прозрели: он стал видеть. Тогда он берет мальчика, они идут в комнату, где находилась девушка, и старик говорит ей: «Дочка, вот аллах смилостивился над нами: пришел этот мальчик, и благодаря ему глаза мои прозрели, — да и ты теперь отсюда выберешься». Говоря так, он обручает девушку с молодым, и тот в эту же ночь становится молодым мужем. Невзгоды, которые он терпел столько времени, он забывает в одну

ночь. Когда наступило утро, старик prepares двух коней, наполняет мешок бриллиантами и подает обоим, а мальчику дает еще перстень и говорит: «Сын мой, если с тобой что-нибудь приключится, возьми этот перстень в рот: появится араб, и что бы ты ни приказал, он в одну минуту тебе достанет». Молодые целуют руку у старика и садятся на коней. «Поезжайте, счастливого вам пути; эти кони доставят вас за три дня в вашу страну»,— говорит старик и возвращается к себе, а они отправляются в путь.

Едут они, едут — на третий день к вечеру видят, что подъезжают к своему городу. Кони тогда сразу исчезают. Они останавливаются прямо на постоялом дворе и ту ночь там проводят, а наутро покупают себе прекрасный дворец. Продав один из тех бриллиантов, которые они привезли, они обставляют дворец, покупают несколько невольников и невольниц и начинают жить в свое удовольствие. Проходит много времени, и эти деньги кончаются. Снова они берут один-два бриллианта и отдают их теллялю. В то время как телляль обходит с ними кругом, люди падишаха смотрят и видят, что такого бриллианта нельзя найти ни в каком другом месте, кроме сокровищницы падишаха. «Ого, они, должно быть, украдены из сокровищницы!» — говорят они и спрашивают телляля, кто хозяин бриллиантов. Как только телляль указал на мальчика, они тотчас же схватывают бедного мальчика за руки, за полы, приводят его пред очи падишаха и рассказывают обо всем. А падишах был вдобавок жадный человек. Лишь только он увидел бриллианты, он стал завидовать мальчику. «Ступайте, бросьте-ка в тюрьму этого мальчика, а к тому же и дворец его разрушите, а все, что есть во дворце, доставьте сюда»,— приказывает он. И те, бросив мальчика в темницу, идут оттуда и нагружают на арбы все, что только было во дворце мальчика, а заодно забирают его жену и рабынь и все это везут во дворец падишаха.

А мы перейдем к мальчику. Пока мальчик в тюрьме раздумывает, ему вспомнился перстень, который дал тот старик. Вот он снимает его с пальца, кладет в рот, и тотчас же перед ним появляется араб. «Приказывай, чего желаешь»,— говорит он. А мальчик говорит: «Я бы желал, чтобы ты меня вывел из этой тюрьмы, а падишаха этого занес бы на гору Каф⁸ и бросил там среди эджиннов». Араб говорит: «Очень хорошо» — и ударяет один раз кулаком по стене тюрьмы. Стена разваливается; они вместе с мальчиком выходят и отправляются ко двору пади-

шаха. Араб схватывает падишаха, уносит и бросает его на гору Каф, потом снова приходит. «Еще что прикажешь?» — спрашивает он у мальчика. А мальчик говорит: «Приведи сюда везиров». Араб собирает и везиров. Мальчик говорит им: «Эй, везиры, знаете ли вы, зачем я велел вас сюда привести?» Те говорят: «Нет, не знаем». Мальчик говорит: «Ваш падишах позарился на мое богатство и несправедливо бросил меня в тюрьму, а я велел бросить его на гору Каф и теперь стал падишахом вместо него. Если вы будете покорны мне, я вас оставляю каждого на своем месте, а если нет и если вы замышляете какое-нибудь зло, я велю этому арабу перебить всех вас поодиночке». Лишь только везиры увидели этого араба, губы у них потрескались⁹ — что им делать? — «Очень хорошо», — говорят. А мальчик дает им подарки¹⁰, и каждый по-прежнему ведает своим делом. Затем он приказывает, чтобы повсюду были устроены празднества. После свадебных празднеств в сорок дней, сорок ночей он снова соединяется с девушкой, достигает своих желаний и до самой смерти проводит время в наслаждении. Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам!

15. Падишах Чина

стек-пестек¹, верблюду кё-стек. Кто слушает, тот мне агá, кто не слушает — ослиная нога! Рассказам дается имя; кто слушает, тот доволен ими. Послушаем-ка эту Гюль-ханьму: ну-ка, что она скажет?

Было — не было, а в далекие от нас времена был падишах Чина². Однажды, когда этот падишах сидел со своими везирами, он спрашивает их: «В какой части света нашлась бы такая необычайная красавица девушка, чтобы я мог взять ее в жены?» Каждый из везиров начинает расхваливать девушку какой-нибудь одной страны. А один старый везир из их среды говорит: «О падишах, на свете красавиц много, но такую, как ты хочешь, очень трудно найти. Если ты хочешь добыть такую красавицу, то тебе на долгое время придется отказаться от венца и престола. Я путем чтения звезд нашел, что в одном далеком месте, на расстоянии года пути отсюда, есть страна: там самая уродливая девушка много красивей такой, которую мы считаем самой

красивой у нас. Рассказывают, что у падишаха есть дочь — первая красавица среди их девушек; если кто ее увидит, тот от разлуки с ней убежит в горы. Вот,— говорит он,— она-то, конечно, и будет той девушкой, которую ты ищешь». Только падишах это услышал, как сразу влюбился в нее даже раньше, чем ее увидел, и говорит везиру: «Коли ты так расхвалил эту девушку, я во что бы то ни стало постараюсь пойти туда и взять ее за себя, но только и ты должен со мной идти до самого места». Как только он это сказал, везир и говорит: «О падишах, я уже совсем стар, я не могу переносить тягостей пути, но если тебе этого уж так захотелось, я дойду с тобой до одного места, а потом оттуда укажу тебе путь, и дальше ты пойдешь один».

Падишах стал готовиться в путь. Вместо себя он оставляет одного мудрого везира, а сам, взяв с собой того старого везира и переодевшись дервишем, отправляется в путь. Идут они, идут, приходя к пристани; там падишах вместе с везиром садится на корабль, моряки поднимают паруса и выезжают в море. И вот, долго ли, коротко ли они плывут, не останавливаясь ни ночью, ни днем,— три месяца все без остановки плывут. В один из дней приближаются они к одному городу. Все выходят, падишах с везиром также выходит на берег и останавливается на постоялом дворе. Наутро падишах вместе с везиром снова выезжает в путь; еще пятнадцать дней идут они сушей и приходят к истоку одной реки. Везир говорит падишаху: «О падишах, дальше этого я не могу идти; а ты, идя вдоль этой реки, за семь дней достигнешь одной равнины; там ты повстречаешься кое с чем, и дальше будет легко идти. Ступай! Доброго пути! Я тебя подожду у дороги». С этими словами он провожает падишаха, а сам остается ждать его в том месте. А мы перейдем к падишаху.

Ночью и днем идет он вдоль реки, как ему наказывал везир; ровно на седьмой день выходит он на открытую равнину и в тот вечер ложится спать на той равнине. Наутро он встает и, в то время как он собирался выйти в путь, замечает вдалеке двух людей: они дерутся, схватив друг друга за горло. «Стой, пойду-ка я к ним, раз узнаю, что это за шум»,— думает он и идет в ту сторону. Он приближается к ним и спрашивает, из-за чего они ссорятся. А те прекратили драку и говорят: «Отец-дервиш, мы два брата. Отец наш умер и оставил нам в наследство четыре вещи; вот мы не можем их поделить. Раз уж ты с нами повстречался, подели эти вещи между нами. Рассуди нас по справедливости». А падишах спрашивает: «Скажите, что это за вещи, которые вы

не можете разделить между собой; дайте-ка я погляжу на них и попробую разделить». Они говорят: «Вот одна из этих четырех вещей — кошелек; когда только ни понадобятся деньги, мы берем из этого кошелька, и в нем они нисколько не иссякают. Вторая — блюдо. Когда мы голодны, мы едим с этого блюда все, что только пожелаем. Третья — пара туфель³; всякий, кто наденет их на ноги, попадет в желанное место, не успев даже глазом моргнуть. Четвертая — меч; если кто этот меч воткнет в сухое место, там всюду появятся сады и виноградники, а когда вытащит его, все снова исчезнет. И вот, так как это талисманы и на свете их не найти, то мы и спорим из-за них. Ты — дервиш; как ты их между нами поделишь, на том мы и будем согласны». Падишах выслушал их и подумал: «Ага, это как раз для меня; пока что добуду-ка я их какой-нибудь уловкой из этих рук». И он говорит молодцам: «Раз вы согласились на мой суд, идите, принесите мне мяч, я его брошу. Кто из вас первым принесет мне тот мяч, тому я и отдам эти вещи». Те два брата соглашаются на это и идут за мячом, а вещи оставляют около падишаха. А падишах тотчас надевает меч на пояс, кошелек кладет за пазуху, блюдо берет в руки, туфли надевает на ноги и намеревается отправиться ко дворцу девушки; не успел он моргнуть глазом, как сразу и очутился там.

Там он идет в кофейню, садится, глядь! — а в кофейне сидит сын того везира, которого он оставил векилем вместо себя. Они сразу узнали друг друга, и сын везира бросился к падишаху. Падишах спрашивает: «Я тебя оставил в городе; как получилось, что ты раньше меня сюда прибыл?» Сын везира говорит всю правду, не скрывая, в чем дело. Оказывается, он был очень искусным чародеем. Когда старик везир расхваливал падишаху ту девицу, этот молодец еще был там, но, прослышав о красоте девушки, он силой чар прибыл сюда раньше падишаха и даже сватал девушку у ее отца, но она, оказывается, еще раньше видела сон; сон этот ей истолковали так, что из далекой страны придет большой человек и возьмет ее, и описали наружность того человека. Когда сын везира сватал девушку, она сказала: «Во сне мне описали образ человека, который будет моим суженым. Если он таков, как во сне, — я за него пойду, если нет, — не пойду». Вслед за тем девушке показали сына везира, но она сказала: «Это не тот» — и отказала; поэтому-то сын везира бродил в тех местах и рассказал обо всем падишаху. А падишах говорит: «Может быть, тем человеком окажусь я». Он направляется к па-

дишаху тех мест и говорит, что он просит за себя его дочь по закону аллаха. А падишах передает о том дочери. Дочь говорит: «Пусть придет — посмотрю; если он таков, как я его узнала во сне, я пойду за него». Тогда падишаха Чина приводят пред очи девушки; девушка смотрит: как раз, точь-в-точь, он самый, как ей был показан во сне. Она велит сказать отцу и соглашается идти за падишаха Чина. Отец девушки призывает падишаха Чина пред свои очи, спрашивает, каков его род-племя⁴, а тот рассказывает всю правду, поясняет, что нарочно пришел сюда ради девушки. А падишах, лишь только услышал, что он падишах Чина, оказывает ему большой почет, дает ему конак, делает его своим гостем. Затем он велит созвать всех везиров и шейхуль-ислама и велит обручить девушку с падишахом Чина. После праздника в сорок дней, сорок ночей падишах Чина становится молодым мужем и достигает своего желания.

После того как падишах прожил там еще несколько дней, ему вспомнились его трон и корона, и вот он собирается ехать, а девушку спрашивает: «Поедешь ты со мной?» Девушка соглашается; он говорит об этом падишаху-отцу, и тот их отпускает. И вот падишах Чина целует руку у того падишаха, и они прощаются. Затем, положив себе меч за пояс, блюдо в руку, кошелек за пазуху, а девушку в объятия, он намеревается идти к истоку реки, у которой он расстался со своим везиром. Едва он надел на ноги туфли, как сразу и очутился там. Глядь! — а там поджидают его два брата, с которыми он встретился на равнине. Лишь только падишах их увидел, он просит прощения: «У меня было очень важное дело, поэтому я не мог вас обождать; вот доверенные вами вещи, они со мной», — говорит он, а молодцы в ответ: «О падишах, ты не думай, что мы не знаем, кто ты такой. Мы нарочно все это принесли тебе, чтобы ты пошел и сделал свое дело. Ступай, мы тебе их дарим, счастливого пути», — говорят они и затем исчезают.

Оказывается они были из числа «сорока»⁵. Лишь только падишах увидел все это, он еще больше обрадовался. Пройдя затем немного дальше, он повстречался со стариком везиром. Тогда они снова садятся на корабль; дни стоят хорошие, и за небольшой срок они прибывают в свою страну. Падишах снова садится на престол. И снова, после праздника в сорок дней, сорок ночей, он соединяется с девушкой, достигает своего желания и до самой смерти проводит жизнь свою на престоле и в полном спокойствии.

 Был когда-то на свете один падишах, а у него — один сын. И вот сыну исполнилось восемнадцать лет. Отец захотел его женить. Однажды он подзывает своего сына: «Сынок, вот что! Я состарился, детей, кроме тебя, у меня нет. Хоть перед смертью изведу я счастье: я возьму тебе в жены девушку, откуда ты захочешь». Когда мальчик это услышал, он говорит: «Отец, мне не нравятся женщины, мне незачем жениться!» А падишах видит, что у мальчика и впрямь нет охоты жениться. «Эх, была не была, пусть еще годок подождет», — думает он и умолкает.

И вот время идет. Спустя год падишах снова предлагает своему сыну жениться, но мальчик не хочет. С тех пор проходит еще год. Однажды он призывает везира и говорит ему: «Что же нам делать, чтобы шахзадэ согласился жениться?» — «О падишах! Ты соберешь меджлис и призовешь шахзадэ; там ты ему это предложишь: может быть, тогда он устыдится и не будет пренебрегать твоими словами». И падишах, сказав «Очень хорошо», собирает меджлис, призывает туда шахзадэ и говорит: «Эх, сынок, вот видишь: мне исполнилось восемьдесят лет, стан мой сторбился; теперь мое желание таково, чтобы тебя женить при моей жизни. Какого падишаха дочь ты захочешь, скажи, — ту и возьмем». Шахзадэ от стыда опустил голову вниз. Спустя довольно долгое время он поднял голову и говорит: «Батюшка, я ведь об этом еще раньше тебе говорил, что у меня нет намерения жениться: не трудись по-пустому!» Едва он так сказал, падишах страшно рассердился на то, что сын не послушался его при чужих людях, и отдает приказ: «Возьмите эту свинью и отведите в тюрьму!» Гавазы хватают мальчика за руки, за полы, ведут и сажают в тюрьму. Когда наступает вечер, они приносят постель, зажигают огонь и снова, замкнув дверь, уходят. Шахзадэ так и сидит в одиночестве. После ужина он ложится и засypяет.

Полночной порой светила луна; какая-то пэри, порхая, видит в комнате мальчика, красивого, как лунный луч. Она тотчас же проникает туда и, не решаясь сделать ему зло, целует его в губы и удаляется. Пролетая в ту ночь по небу, она встречает ифрита и спрашивает его, откуда он летит, а тот говорит: «Я лечу из

Чинмачина¹. Ну и видел я там нынче ночью то, чего никогда в жизни своей не видал!» Пэри спрашивает: «А что же ты видел?» Ифрит отвечает: «Нынче ночью я видел дочь падишаха Чина²; кто взглянет ей в лицо, тот полезет на гору³ от любви. Ее заперли в комнату; не один падишах сватал ее у отца, но девушка никак не соглашается; за это ее и посадили в тюрьму». Пэри говорит: «Эй, старина, ты что, ошалел? То, что ты видел, — ничего не стоит. Нынче ночью видела я сына одного падишаха — другого такого на свете нет! Если говорить: красавец, так это — он!» И вот они начинают между собой спорить. Один говорит: «Девушка красивее», а другая говорит: «Мальчик красивее», и оба стоят на своем. В конце концов пэри говорит: «Это очень просто, ступай-ка, подними с постели девицу, которую ты видел: мы принесем ее к мальчику, положим с ним рядом, и тогда станет ясно, кто из них красивее». Ифрит говорит: «Очень хорошо» — и поворачивает обратно. Берет с постели дочь падишаха Чина, приносит прямо в комнату к мальчику и кладет на постель.

Мальчик от шума просыпается, глядь! — а рядом с ним лежит девушка, прекрасная, как четырнадцатидневная луна⁴. Как только он ее увидел, он задумался: «Да кто же эту девушку привел? Должно быть, это и есть та девушка, которую мне предлагал отец. Кабы мне знать, я бы согласился». И вот он осматривает ее со всех сторон, снимает у нее с пальца перстень и надевает на свой, потом поворачивается к девушке спиной и засыпает. Пэри говорит ифриту: «Видал? Если бы девушка была красивее мальчика, он непременно бы стал ее добиваться, но так как этого не было, то он на нее и не посмотрел и повернулся к ней спиной. Теперь разбудим-ка девушку, посмотрим, что она будет делать». И с этими словами они будят девушку. И вот, как только девушка проснулась, глядь! — а рядом с ней спит мальчик, что ангел. И вот она говорит сама с собой: «Мой отец хотел меня отдать за этого мальчика — ах, как жалко, я не знала!» Она начинает осматривать мальчика со всех сторон, целует его в щеку, толкает его: «Вставай, что это храпишь — хыр-мыр!⁵ — в сон погружился? Проснись, и мы вдвоем позабудимся!» Хотя она вот так и расталкивала мальчика, тот не приходил в себя. Тогда девушка снимает у него с пальца перстень, надевает его на свой палец, обнимает мальчика и засыпает. Видя это, пэри говорит ифриту: «Видал? Твоя хваленая девушка, как только увидела мальчика, чуть с ума не сошла!» Как только она так сказала,

ифрит тоже убедился, что мальчик красивее. Он забирает оттуда девушку и переносит ее в ее комнату.

Пусть она там остается, а в этой стороне, как только наступает утро, шахзадэ просыпается и видит, что около него никого нет. «Удивительно! Куда же увели эту девушку?» — думает он, а в это время приходят слуги и приносят завтрак. Шахзадэ при виде их говорит: «Где девушка, которую вы приводили ко мне вчера вечером?» А слуги удивляются: «Шахзадэ, нам об этом ничего не известно, мы не знаем», — говорят они. Шахзадэ сердится: «Вы зачем скрываете? Говорите скорее, а не то я убью вас», — говорит он и вытаскивает свой меч. Он наступает на них, а они, видя шахзадэ таким, со страха разбегаются и докладывают падишаху: «Нынче ночью сын твой помешался; он спрашивает, куда ушла девушка, которая приходила к нему вчера вечером! Как мы ни говорили ему, что ничего об этом не знаем, он на нас набросился, — мы едва убежали». Как только падишах это услышал, он с гневом посмотрел на своего везира и говорит: «Ты — причина этому. Если ребенок мой рехнется, я снесу тебе голову!» И вместе с везиром они встают и идут к шахзадэ. Как только шахзадэ увидел, что пришел его отец, он припал к его ногам. «Помилуй, батюшка! Не поступай так, как я поступил. Девушку, которая спала рядом со мной эту ночь, обручи со мной!» А падишах услышал эти слова и удивляется: «Помилуй, сынок! Пораскинь умом, возмись за ум, ты с ума сошел!» Когда он так сказал, шахзадэ и говорит: «Зачем мне сходить с ума? Я разве не понимаю, какую ты мне красивую девушку прислал в эту ночь; когда я проснулся, я ее видел рядом со мной, а потом снова уснул. Наступило утро, я увидал, что девушки нет: она ушла. Вот, кто бы она ни была, — возьми ее за меня!» Падишах говорит: «Сынок, может быть, ты видал ее во сне?» Шахзадэ говорит: «Нет, это был не сон. Если это сон, то что значит этот перстень на моем пальце? Вот я взял ее перстень, а она взяла мой». Лишь только падишах увидал перстень, он и говорит: «Это дело довольно трудное. Потерпи немного, это непременно к чему-нибудь да приведет». И он освобождает шахзадэ из заточения; но только шахзадэ день ото дня из-за любви к девушке бледнеет, тает. Наконец он слег в постель, и падишах велел выстроить против моря замок — пусть шахзадэ живет там и развлекается. И вот шахзадэ привозят в тот самый замок и оставляют там.

Пусть он там остается, а мы перейдем-ка к девице. В ту ночь

джинны принесли девушку на ее место и оставили там. Когда наступило утро, девушка проснулась, видит, что вчерашнего мальчика рядом с ней нет. Она зовет служанок: «Ну-ка, куда ушел молодец, которого вы привели ко мне вечером?» А те удивляются словам, которые она говорит: «Помилуй, ханым, что ты говоришь? Ты хочешь сжечь наши головы в огне⁶, — к тебе в эту ночь никто не входил!» — говорят они, а девушка им не верит. «Говорите правду, а не то я вас убью», — говорит она и берет меч. И лишь только те сказали: «Душенька, нам об этом ничего не известно», — девушка, рассердившись, убивает одну, ударив ее мечом по голове, а другие бегут и сообщают о том падишаху. Падишах, пораженный, приходит к девушке, глядь! — девушка рвет на себе одежды и говорит массу таких слов, что ни к селу ни к городу⁷. А падишах, заковав дочь в цепи, запирает ее в отдельную комнату. И вот сам, печальный от того, что девушка помешалась, идет к себе и велит теллялям кликнуть клич: «Всякого, кто вылечит мою дочь, я сделаю своим везиром и зятем, а если он лекарства не найдет, я тому человеку голову срублю!» И вот хекимы той страны услышали об этом; они прибыли к девушке, осматривают ее, дают ей лекарство; но так как ей лучше не становится, падишах велит рубить им головы. Мало-помалу в той стране не осталось уже хекимов, а любовь девушки день ото дня становилась все сильнее, и сама она сделалась хуже безумной.

С тех пор проходит ровно один год. А у той девицы был молочный брат. Лишь только он узнал о таком положении девушки, он идет, подробно спрашивает ее, и та рассказывает все, как было: «Я не сумасшедшая, а только, когда я как-то ночью спала, я проснулась и увидела около себя мальчика, словно месяц; вот я в него и влюбилась. Когда я не нашла его утром, я рассказала все своему отцу, а он сказал, что я сошла с ума, и заковал меня в цепи. С этого времени облик его не уходит от моих глаз». Молочный брат и говорит ей: «Раз дело такое, ты не причиняй себе мучений, потерпи немного: я ради тебя пойду, обойду все страны; может быть, и найду какую-нибудь нить», — говорит он. Затем он собирается в дорогу и идет. И вот этот мальчик заходит в каждый город, в каждое местечко, в каждую деревню, спрашивает-выспрашивает — нигде не может найти концов. Наконец он слышит, что сын такого-то падишаха сошел с ума и лежит больной. Он сейчас же снимается с места, идет в город, где находился шахзаде, надевает на себя одеяние хекима

и говорит всем и каждому: «Я возвращаю разум помешанным, больных исцеляю». Когда все об этом прослышали, дошли эти слова и до везира. «А может быть, этот лекарь вылечит и нашего шахзадэ»,— говорит он, зовет мальчика, расспрашивает его, а тот отвечает. Его сразу приводят к шахзадэ, и он видит, что шахзадэ лежит в постели.

И он входит к нему, осматривает у него жилы и тихонечко говорит ему на ухо: «Шахзадэ, нечего тебе болеть, приди немного в себя, не разглашай своей тайны; я знаю девушку, которую ты ищешь, она еще больше тебя погружена в печаль. Если ты хочешь ее найти, немного потерпи, и все кончится хорошо». Как только он это сказал, шахзадэ немного приходит в себя, встает, садится. Всех, кто был около него, он высылает вон и затем начинает расспрашивать о девушке, а мальчик рассказывает ему все, как было, с начала до конца. «У нее же находится и твой перстень; потихоньку собирайся, и мы отсюда убежим»,— говорит хеким.

Как только шахзадэ узнал, кто такая девушка, он обрадовался; муки сердца его немного утихают, он начинает пить и есть каждый день. Прошло немного дней, и он поправился. А падишах, как только увидел, что он поправился, велел совершить много жертвоприношений⁸ и, сколько ни было узников,— всем дал свободу; семь дней, семь ночей были торжества, а мальчику он дал много подарков. Уже ни ночью, ни днем мальчик не расставался с шахзадэ. Однажды он говорит: «О шахзадэ, теперь пора нам бежать; идем, избавим девушку от безумия, и оба вы соединитесь вместе». Шахзадэ сказал: «Очень хорошо»— и оба они готовятся в путь. Однажды ночью они садятся на коней так, чтобы никто их не видел, и трогаются в путь.

И вот, мало ли едут, долго ли едут, кушая, попивая, тюльпаны и гиацинты собирая⁹,— в один из дней прибывают в государство Чинмачин. Они проводят там один-два дня, а затем мальчик дает в руки шахзадэ несколько книг и говорит: «Бери эти книги, ступай и под дворцом у падишаха кричи: «Я— звездочет, исцеляю помешанных, лечу больных!» Падишах, услышав твой крик, велит тебя позвать и пошлет к своей дочери, а ты ей там тихонечко объясни, кто ты, и потом все пойдет легче». Шахзадэ соглашается, берет книги, идет ко дворцу падишаха и начинает кричать. Все, кто проходит там, изумляются красоте мальчика, протискиваются к нему и говорят: «Эй, молодец, смотри, не говори, что ты можешь дать лекарство дочери падишаха,

вылечить ее и взять за себя. Ведь сколько хекимов лечили ее, и, когда никто из них не мог принести ей пользы, падишах всем велел снести головы! И вот, если и ты ничего не сумеешь сделать, тебя будет очень жаль!» А шахзадэ, не обращая внимания на их слова, продолжает кричать: «Я — хеким!»

Услыхав это, падишах посылает своего гаваза: «Ступай и приведи ко мне этого человека». Тогда гаваз идет, кличет шахзадэ, приводит его к падишаху, а падишах, едва увидел красоту шахзадэ, тоже удивляется ей и говорит: «Сынок, откажись ты от этого желания, потому что я поставил условие: всякому, кто дочери моей не принесет пользы, я снесу голову, а тебя мне жаль: ты еще совсем молодой». А шахзадэ и говорит: «Нет, о падишах! Раз я пришел сюда — отступить назад не подобает моей чести. Ты пошли меня к больной: иншаллах, я найду лекарство». А падишах говорит: «Хорошо, пеняй на себя»¹⁰ — и отправляет шахзадэ к девушке. Как только он вошел в комнату, где находилась девушка, посередине протянули занавес¹¹; шахзадэ садится, достает чернильницу и бумагу и пишет: «О султанша, когда мы лежали с тобой на одной постели, мы обменялись друг с другом нашими перстнями. С тех пор я тебя искал и еле-еле нашел. Вот я принес твой перстень, чтобы отдать его тебе, а ты отдай мне мой». И он вкладывает в бумагу перстень девушки и передает бумагу девушке за занавес. Девушка берет и читает. Увидав свой перстень, она догадывается, кто такой этот хеким. Тогда она срывает со своей шеи золотые цепи — патыр-кютюр!¹² — бросается к шахзадэ, и оба крепко обнимаются.

А девушкаinia нянька, лишь только это увидела, сейчас же идет к падишаху и докладывает: «Эфенди! Тот хеким вошел к девушке, и сразу к ней вернулся рассудок: она поправилась». А падишах не верит этому; он поднимается и, как только вошел в комнату, где находилась девушка, видит, что и впрямь к девушке вернулся рассудок. Девушка увидела, что пришел отец; она сейчас же встает, целует ему руку и говорит: «Отец, вот мальчик, которого я видела у себя на постели, — это он, и перстень мой у него» — и она рассказывает с начала до конца свои приключения. А шахзадэ говорит, чей он сын. А падишах только диву дается на них. Затем он отдает приказание обручить девушку с шахзадэ. После свадебного празднества в сорок дней, сорок ночей, в пятницу¹³ ночью мальчик становится молодым мужем, и оба достигают своих желаний. Они достигли радости предельной, а нам бы сесть на мачте корабельной!¹⁴

 Когда-то был один падишах, а у падишаха был один сын.

А так как он его очень любил, то велел построить для него особый семиэтажный замок из хрусталя — чтобы там его никто не сглазил — и держал мальчика там.

Там вот мальчик и подрастает. Ему исполняется уже пятнадцать-шестнадцать лет; он никуда не выходит из замка, день и ночь читает, пишет. В один из дней, соскучившись, он открывает окно и смотрит (а против замка был фонтан)¹: в это время какая-то старая женщина набирает воду в кувшин. Увидев ее, мальчик тут же бросает свой перочинный нож и разбивает им кувшин² у старухи. Женщина поднимает голову, видит, что кувшин-то разбил сын падишаха — что тут поделаешь? — и говорит: «Ах, мальчик, я молю аллаха, чтобы ты отдал сердце Джейлен-ханым³, чтобы тебя поразила ее стрела!» Так она говорит и уходит своей дорогой.

А мальчик, засмеявшись над этими словами, закрывает окно и принимается за чтение. Не прошло после этого двух-трех часов, как заклинание женщины было принято, и мальчика охватило предчувствие. Мальчик, думая о словах, сказанных женщиной, на самом деле влюбился в Джейлен-ханым. У него не стало сил оставаться в замке, и он говорит своему слуге: «Иди, передай селям моему отцу шаху: я хочу с ним повидаться». И слуга передает это падишаху. Тот дает разрешение, и мальчик идет прямо к своему отцу, целует ему руку. Падишах и говорит: «Сын мой, что случилось, почему ты пришел?» А мальчик, поведав, в чем дело, говорит, что он влюбился в Джейлен-ханым: «Я прошу у тебя разрешения пойти взять ее за себя». Падишах рассмеялся: «Сын мой, знаешь ли ты, какова Джейлен-ханым? Я много раз ходил против нее с войском и все-таки не мог ее одолеть, а ты как с ней совладаешь? Учись читать и писать: ты еще не жених». А мальчик настаивает: «Нет, батюшка, во что бы то ни стало, пойду, буду искать ее и найду; или приведу ее, или погибну». А падишах — что тут будешь делать? — видит, что сын не слушает увещаний. «Ступай, куда хочешь, сам смотри, что с тобой будет!» — говорит он и отпускает сына. А тот, поцеловав у своего отца руку, идет, берет на конюшне хорошего коня и отправляется в путь.

И вот, коротко ли идет, долго ли идет, по горам, по долам, по ровному ли месту идет, с долин — как поток, с холмов — как ветерок ⁴, — однажды приходит он в какую-то страну. Ну куда же ему там идти? — подходит и стучится в какую-то дверь. Изнутри выходит старуха: «Что такое, сынок?» А тот говорит: «Смилуйся, бабушка, будь мне матерью на том и на этом свете. Приюти меня гостем на эту ночь: ведь я остался на улице». Женщина говорит: «Сынок, дом у меня очень мал, с трудом и сама-то в нем помещаюсь, куда же я тебя пушу?» А молодец засовывает руку в карман и вытаскивает пригоршню золота. Как только он дал старухе золото, она и говорит: «Иди, сынок, что уж мне делать? Там, где я ложусь, и ты где-нибудь уляжешься». С этими словами она впускает мальчика, коня его привязывает в сторонке, а его самого проводит в свою комнату и дает ему кое-чего поесть. Когда он поел, она и спрашивает: «Сынок, из каких ты стран приехал, чего ты ищешь в этих краях?» А тот и говорит: «Ах, матушка, у меня большое горе! Я услышал имя Джейлен-ханым и влюбился в нее по уши ⁵; теперь я отправился на поиски, но не знаю, где она живет, и вот так и скитаюсь из страны в страну». Старуха услышала это и говорит: «Сынок, ты отдал свое сердце в плохие руки. Крепость той Джейлен-ханым отсюда на расстоянии получаса. Сколько молодых пытались завладеть ею, но ни один не сносил головы: всем она снесла головы и эту крепость-то построила из человеческих черепов. У меня есть дочка; вот уже семь лет, как она ее захватила и держит при себе, никуда не отпускает». А мальчик все умоляет женщину: «Смилуйся, матушка, если что и выйдет, то только через тебя ⁶; найди какой-нибудь способ. По крайней мере, хоть один разок посмотрю я на ее лицо!» — говорит он и начинает плакать. А старуха сжалилась над ним: «Перестань, сынок, пойду-ка я, как-нибудь хитростью вызову дочку: может быть, она и найдет какой-нибудь способ», — говорит она и наутро надевает свое фередже, идет прямо к Джейлен-ханым и говорит ей: «У меня на чужбине был сын, сейчас он приехал и хочет повидать сестру». А Джейлен-ханым зовет старухину дочь: «Девушка, ведь у тебя не было брата — не так ли? Откуда же он взялся?» А та говорит: «Кто знает, может, он ушел на чужбину, когда я была маленькая, оттого я и не знаю».

Как бы то ни было, Джейлен-ханым отпускает девушку: «Ступай, иди, только больше часа там не оставайся», а девушка говорит: «Хорошо» — и уходит вместе с матерью. Пока они

идут по дороге, мать рассказывает дочери про мальчика. Как бы там ни было, приходят они домой и после приветствия садятся и начинают беседовать с мальчиком. Девушка говорит: «Силой взять ее ты не можешь; единственное добро, которое я тебе могу сделать,— это провести тебя в сад и показать тебе дорогу, а ты, войдя внутрь, спрячешься у бассейна. Затем я возьму ее и, пока мы будем вместе гулять по саду, я буду читать для тебя стихи⁷, но только ты смотри не показывайся ей: иначе она увидит тебя и убьет». А мальчик и говорит: «Дорогая моя, мне бы только один раз посмотреть на ее лицо, другого я и не желаю» — и вот они идут вместе с девушкой. Они подходят к крепости, и она показывает мальчику отверстие в стене: «Вот ты пройдешь через него и тут же попадешь в сад, там спрячься, а я приведу Джейлен-ханым, и ты ее увидишь», — говорит она и уходит. А мальчик через отверстие, указанное девушкой, проникает прямо в сад, подходит к бассейну и прячется. Как только Джейлен-ханым увидела, что девушка пришла, она подзывает ее к себе: «Тот пришедший на самом деле оказался твоим братом?» — спрашивает она, а девушка говорит: «Да, оказалось, что брат; повидалась с ним, и сегодня у меня такое настроение, что лучше и нельзя; пойдем с тобой вместе в сад, погуляем». А та говорит: «Прекрасно» — и вот они вместе с девушкой, взяв с собой еще сорок одну девушку, выходят в сад.

Девушка говорит ей: «Сегодня у меня очень хорошее настроение, я буду петь песни, составлять стихи,— ты уж на меня не сердись», а та говорит: «Делай, что хочешь». Когда они гуляли по саду, девушка говорит:

В руке у нее — красное с зеленым покрывало⁸,
За поясом — двенадцать кинжалов.
Джейлен-ханым — та, которая идет
Впереди сорока двух девушек⁹.

Джейлен-ханым слышит это и говорит: «Ах, девушка, ты меня кому-то показываешь: наверное, в саду кто-нибудь есть» (пока они гуляли и Джейлен-ханым шла впереди, девушка говорит стихи так, чтобы мальчик догадывался и смотрел), а девушка говорит: «Ах, ханым, кто может сюда прийти? Разве ты не знаешь? Ведь я тебе говорила, что у меня хорошее настроение, потому я и пою песни». Джейлен-ханым, не сказав ни слова, пропустила вперед сорок две девушки и пошла сбоку. И вот девушка говорит:

Две рубашки надевает прекрасные:
Одна голубая, другая — серая.
Белыми руками размахивая,
Сбоку идет Джейлен-ханым.

На этот раз Джейлен-ханым говорит: «Девушка, не иначе, как ты меня кому-то показываешь!» А та отвечает: «Мы уговорились с тобой, что ты ничего не скажешь, что бы я ни говорила». Джейлен-ханым, умолкнув, подходит к бассейну, и вот у бассейна она слышит шорох. «Здесь, должно быть, кто-то есть», — говорит она и хочет зайти за бассейн. И вот девушка, как только это увидела, говорит:

Рубашку надевает — как лед ¹⁰,
Груди у нее — как звезды.
Впереди идет — как йигит,
Впереди идет Джейлен-ханым.

Как только мальчик это услышал, он подумал: «Она меня увидит» — и вот он убегает, прячется за розовым кустом. Джейлен-ханым заходит за бассейн, видит — никого нет, идет прямо к розовому кусту, и вот, глядь! — среди роз лежит прекрасный юноша.

Джейлен-ханым тут же снимает с головы чембер ¹¹, бежит и покрывает им лицо мальчика. «Идите, девушки, сюда, с неба спустился ангел», — говорит она и обнимает мальчика. И вот мальчик, увидев, что Джейлен-ханым его обнимает, сам обнимает Джейлен-ханым. Оба они сразу встают на ноги. Сама Джейлен-ханым еще с первого взгляда влюбилась в него. И вот она взяла его за руку и говорит: «Сколько молодых старались меня заполучить, — я всем сносила головы! Из мужчин в этот сад никто не проникал; коли ты проник, ты меня победил. Словом, я всегда искала красавца, такого, как ты», — говорит она, и они отправляются во дворец. Там она забирает все — по весу легкие, по цене дорогие ¹² — вещи, а вместо себя оставляет старухину дочку. Сами они вместе с мальчиком садятся на коней и едут прямо во дворец к падишаху. Затем мальчик целует руку у своего отца, а Джейлен-ханым обручает с собой; после свадебного праздника в сорок дней и сорок ночей они соединяются друг с другом.

 В прежнее время был один падишах, и не рождалось у него на свет ни одного ребенка. Однажды, когда он сидел у себя во дворце и раздумывал, приходит везир. «О падишах, о чем ты думаешь?» — говорит он. А тот говорит: «О лала, не родилось у меня на свет ни одного ребенка, а я после всего этого уже старик; вот если бы теперь был у меня взрослый сын, я был бы на старости лет совсем спокоен». А везир говорит: «Помилуй, о падишах! Не из-за чего тут беспокоиться: непременно аллах пошлет, и будет у тебя сын, какого ты желаешь». После этого проходит много времени. В один из дней ханым-султан затяжелела. Приходит время, она рождает мальчика. Падишах на радостях устраивает многочисленные празднества, раздает много денег бедным. Потом этого ребенка воспитывают. Не будем затягивать! В сказках время быстро идет: мальчику исполняется четырнадцать-пятнадцать лет.

Однажды мальчик говорит падишаху: «Отец-шах, вели построить для меня замок, а внизу под ним пусть будут два фонтана: из одного чтобы било масло, а из другого — мед!» А так как падишах очень любил сына, то тотчас же велит выстроить такой замок и фонтаны, как тот сказал. Однажды мальчик сидит в замке; приходит старуха с кувшином в руках. Пока она наполняла кувшин из фонтана¹, мальчик бросает камень и разбивает старухин кувшин; старуха, не вымолвив ни слова, уходит. На следующий день старуха опять приходит к фонтану, и, в то время как она наполняла кувшин, мальчик еще раз бросает камень: старухин кувшин разбивается, и опять старуха, ничего не говоря, уходит восвояси. Когда она пришла и на следующий день, то, лишь только мальчик, снова кинув камень, разбил у старухи кувшин, она и произносит: «Эх, сынок, молю аллаха, чтоб тебе влюбиться в три померанца!» С этими словами она уходит. И вот мальчик день за днем хворает, начинает желтеть и сохнуть, а падишах, услышав о том, что мальчик занемог, приводит много хекимов и ходжей, но никто не может найти средства от его болезни. Однажды мальчик говорит падишаху: «Отец-шах, эти хекимы найти средства от моей болезни не могут, ты поступи не возись со мной: я влюбился в три померанца. Пока я не пойду и не найду их, я не выздоровею». А падишах гово-

рит: «Помилуй, дитя мое, ты у меня на свете один-одинешенек; если ты уйдешь, то на кого же я буду радоваться?» Хоть он и говорил все такое, но сам видит, что мальчик чем дольше лежит, тем сильнее хворает. Он думает про себя: «Мальчик будет здесь лежать да еще умрет; лучше уж я отпущу его — может быть, он и найдет себе лекарство от своей болезни». И он отпускает мальчика.

В один из дней мальчик выходит в путь. «Ну, куда там ни шло!» — говорит он и идет, тащится полегоньку около года или двух. В один из дней смотрит, а на вершине горы сидит женщина-дэв и крутит веретено. И вот, лишь только он ее увидел, подумал: «Сейчас, если я пойду к ней, она меня убьет; если пойду обратно, опять ничего не выйдет». И вот он обходит женщину сзади, а та сидит, закинув груди: одну на одно плечо, а другую — на другое. Молодец тотчас подходит к ней: «Матушка», — говорит он и обнимает ее за груди, а та говорит: «Если б ты не назвал меня матушкой, я бы тебя сейчас же съела!» Как бы то ни было, молодец садится, женщина спрашивает его, откуда он пришел и куда идет, а молодец говорит: «Ах, матушка, со мной такое дело случилось — не тебе бы спрашивать, не мне бы говорить!» А женщина заставляет его сказать: «Ну-ка, расскажи, что это такое!» А молодец и говорит: «Ах, знаешь, матушка, я влюбился в три померанца». Когда он так сказал, женщина и говорит: «Ох, сынок, здесь и говорить о них запрещено; мы — их сторожа, но где они сами, — мы не знаем. У меня есть сорок сыновей, они много бродят, может быть, они знают». Наступает вечер, и вот, когда должны были прийти сыновья, она наносит молодцу удар и превращает его в кувшин для воды. И вот приходят сыновья той женщины. «Матушка, пахнет человеческим мясом!» — говорят они, а женщина отвечает: «Аллах, аллах! Чего искать здесь человеческому мясу? Вы посмотрите-ка у себя в дуплах зубов». И они, взяв каждый по полону, ковыряют в зубах и вытаскивают оттуда: кто бедро, кто руку, кто голову, кто туловище. Потом садятся и едят и все прочее делают. Женщина и говорит сыновьям: «Эй, сыночки, если бы у вас был брат из людей, что бы вы сделали?» А они отвечают: «Раз он будет нам братом, ничего не сделаем». Когда женщина сказала «ну-ну», они клянутся и говорят, что ничего ему не сделают. А женщина ударяет по кувшину, и тот становится человеком. И вот они смотрят — молодой йигит. «А, добро пожаловать, брат!» Этими и другими словами они успокаивают его, а матери своей говорят:

«Почему ты раньше ничего нам о нем не говорила? — и он бы с нами вместе поел». А женщина говорит: «Он не ест такую еду, как вы; он ест баранье мясо, курицу и другие такие вещи». Когда она так сказала, тотчас один из них поднялся, пошел, нашел барана, приволок, и вот его зарезали и положили перед молодым. Женщина говорит: «Эй ты, он так не ест, мясо надо сварить». Когда она так сказала, с барана содрали шкуру, развели огонь, зажарили и положили перед молодым. Он поел немного и отказывается. Те говорят: «Дорогой братец, кушай же, что ты так мало поел?» А женщина говорит: «Вот, с него и довольно». А те говорят: «Ну-ка, поглядим, каково баранье мясо» — берут по одному, по два куска и доканчивают всего барана. Как бы то ни было, они ложатся спать, а когда наступило утро, женщина говорит сыновьям: «У этого молодца есть горе», а когда они спросили, что за горе, женщина говорит, что он влюбился в три померанца. А они отвечают: «Валлахи², мы не знаем места, где они находятся, и даже в те стороны никогда не ходим, но тетка наша, может быть, знает». А женщина говорит: «Если так, возьмите этого парня, вашей тетке передайте от меня поклон; это мой сын, пусть он будет и ей сыном. Пусть-ка она поищет средства от его горя». И она отсылает молодца к своей сестре.

И вот они забирают молодца, приводят его к своей тетке и все ей рассказывают, а та говорит: «Валлахи, сыночки, где мне о них знать? Но у меня есть шестьдесят сыновей: может быть, они знают?» Когда она так сказала, те оставляют ей молодца, а сами уходят. Как только наступил вечер, женщина наносит мальчику удар, превращает его в стакан для воды. Но вот, лишь только пришли ее сыновья, они говорят: «Матушка, пахнет человеческим мясом!» А она отвечает: «Поглядите в дуплах ваших зубов, зачем тут человечесьему мясу бродить?» А они, взяв по пелену, ковыряют у себя в зубах, и каждый что-нибудь да вытаскивает из зубов. Они едят и так проводят время. Женщина говорит сыновьям: «Если бы у вас теперь оказался брат из людей, что бы вы сделали?» А они говорят: «Ничего бы не сделали: раз он брат, что же мы будем делать?» Женщина ударяет по стакану, выпускает молодца, а они говорят: «Добро пожаловать!» — и после беседы находят молодцу немного еды и кормят его. Мать их говорит: «Эй, сыновья, этот парень влюблен в три померанца, не знаете ли вы их?» Лишь только она это сказала, они говорят: «Нет, мы не знаем, но наша старшая тетка, может быть,

знает». А женщина говорит: «Передайте ей от меня поклон; этот мальчик — мой сын, пусть он будет и ей сыном, пусть она позаботится о его деле». С этими словами она отсылает мальчика к старшей сестре. И они забирают молодца, уводят его, передают поклон от своей матери и рассказывают о деле молодца. А та говорит: «Эх, сыночки, я ничего не знаю, но у меня есть восемьдесят сыновей: может быть, они знают; пусть они придут к вечеру, и я спрошу». Они оставили молодца и уходят.

Как только наступил вечер, женщина ударяет по молодцу, превращает его в метлу и ставит за дверь; наступает вечер, приходят сыновья. «Матушка, пахнет человечьим мясом!» А та говорит: «Зачем тут человечьему мясу бродить? Поковыряйте-ка у себя в зубах». Когда она так сказала, каждый берет по полену, ковыряет у себя в зубах и что-нибудь да вытаскивает; они садятся, едят, а женщина говорит: «Сыновья, если бы теперь у вас появился брат из людей, что бы вы сделали?» А они говорят: «Ничего бы не сделали». Когда они так сказали, женщина ударяет по метле и превращает ее в человека. А те говорят: «Добро пожаловать, брат» — спрашивают, как он поживает, затем выносят немного еды, и молодец кушает. А мать их говорит: «Сыновья, у этого молодца есть горе». А они спрашивают, какое. Когда они так спросили, она сказала: «Этот малый влюбился в три померанца, не знаете ли вы их?» Лишь только она так сказала, самый младший говорит: «Матушка, я знаю». А женщина и говорит: «Сынок, возьми сведи этого молодца, пусть он достигнет своего желанья».

Наступает утро, младший сын той женщины берет с собой молодца. Пока они шли по дороге, он говорит: «Братец, сейчас я приведу тебя в один сад, там есть водоем; померанцы, которых ты желаешь, в том водоеме. Когда я скажу тебе: «Открой глаза, закрой глаза», ты сейчас же хватай то, что увидишь». Потом они идут, приходят в сад, глядь! — водоем. Сын дэва говорит молодцу: «Закрой глаза!» Когда же он сказал: «Открой глаза!» — глядь! — а в воде три померанца: когда один погружается, то другой выплывает. Тотчас он схватывает один, прячет за пазуху. Снова дэв говорит ему: «Закрой глаза!» Когда он закрыл, а тот сказал: «Открой» — он открывает глаза и снова берет другой; таким же образом он вытаскивает и третий. Сын дэва говорит: «Эй, братец, смотри, не разрежь эти померанцы в таком месте, где нет воды — потом расквасишься», а тот говорит: «Хорошо» — и уходит.

Мало ли идет, долго ли идет, по долам ли, по горам, по ровному ли месту идет. Однажды по дороге он говорит сам про себя: «Разрежу-ка я один из этих померанцев». С этими словами он достает один померанец, разрезает его, глядь! — оттуда выходит девушка, словно четырнадцатидневная луна. Она кричит: «Ой, воды!» А мальчик не может найти воды; девушка падает и умирает. Потом молодец раскаивается, что он разрезал померанец, однако дело сделано. Опять он прошел немного. «Что-то будет, дай-ка я разрежу еще один», — говорит он; вытаскивает его и разрезает. И из него выходит девушка, еще красивее прежней, и говорит: «Ой, воды!» Но так как воды не было, она тоже падает и умирает. Молодец говорит: «Ну, этого я уж не разрежу» — и идет дальше. Мало-помалу он подходит к фонтану, пьет из него воду. «Теперь тут есть вода, разрежу-ка и этот померанец!» С этими словами он разрезает его; лишь только из него вышла девушка, в тысячи раз красивее прежних, она закричала: «Ой, воды!» А молодец тотчас сажает ее в раковину фонтана; напившись досыта, она не умирает, а остается в живых. Парень смотрит: девушка голая, как мать родила. «Теперь что я с ней буду делать?» — думает он и говорит девушке: «Влезай-ка ты на это дерево, я пойду, достану тебе платье и повозку и возьму тебя». Девушка влезает на дерево и садится там, а молодец уходит.

Пусть он себе идет, а тут вот приходит к источнику арабка с кувшинами в руке. Так как тень от девушки, сидящей на дереве, упала в воду, то арабка увидела эту тень. «Да я лучше госпожи! Зачем я понесу ей воду, пусть она мне принесет». С этими словами она бросает кувшины, разбивает их и идет домой. Когда ханым спросила: «Где кувшины?» — та говорит: «Я не принесу тебе», а когда госпожа спросила: «А почему?» — та говорит: «Я красивее тебя, ты мне принеси». Госпожа приносит зеркало: «Девка, ты что, с ума спятила? Посмотри в зеркало», — говорит она, и арабка смотрит на себя, глядь! — она и взаправду арабка. Снова берет кувшины, идет к источнику, снова видит тень девушки в воде, думает, что это ее собственное отражение. Я лучше госпожи», — думает она, бросает и разбивает кувшины. Госпожа видит, что она опять не принесла воды. «Девка, где вода?» — спрашивает она. А арабка говорит: «Я красивее тебя, ты неси». Она спорит с госпожой, а та говорит: «Девка, ты что, с ума спятила, что ты делаешь?» Она снова приносит зеркало, и, когда показывает ей, арабка видит себя — сразу берет кувшины и

снова идет к источнику. Когда она увидела в воде тень той девушки, она говорит: «Я красивее госпожи», но когда она собиралась поднять и разбить кувшины, девушка сверху кричит ей: «Эй, сестра, не бей зря кувшины: тень, которуж ты видела, моя!» Арабка поднимает голову вверх и видит на дереве девушку. Тогда она влезает на дерево. «Стой, милая девушка, у тебя наверно от сидения здесь завшивела голова, иди-ка, я поищу у тебя». Говоря так, она осматривает голову девушки; когда же она вонзила ей в маковку иголку, девушка превращается в птицу и улетает, а арабка усаживается на дереве.

И вот появляется молодец с арбой. Глядь! — а на дереве сидит арабка. «Помилуй, госпожа, что с тобой случилось?» А арабка говорит: «Ты меня бросил, ушел, — я здесь от солнца и почернела». Молодец берет эту арабку, сажает в повозку и увозит ее с собой, а придворные говорят: «Вот шахзадэ привезет свою возлюбленную, ну-ка поглядим!» Все собираются, и вот, увидев эту арабку, все говорят: «Сынок, да что ты полюбил в этой арабке?» А молодец говорит: «Это не арабка, вот только я ее оставил на дереве, и она почернела на солнце; сейчас немного отсидится и опять будет белой». И он помещает девушку в свои покои, ожидая, что она побелеет. Проходит несколько дней, та птичка прилетает в сад, садится на дерево. «Садовник, садовник», — зовет она. А когда садовник спрашивает: «Что ты желаешь?» — она говорит: «Что делает мой шахзадэ?» А садовник говорит: «Он хорошо себя чувствует, сидит». Птичка спрашивает: «А что делает его жена, арабка?» — «И она сидит». — «Пусть сидит, пусть не сможет сесть, пусть у нее на заднице вырастут колючки, и пусть посохнут ветки, на которых я сидела», — говорит она и улетает. На следующий день она снова прилетает, расспрашивает садовника, опять говорит то же и улетает; на следующий день снова прилетает, и каждый раз, как она, сев на дерево, потом улетает, это дерево засыхает. В один из дней шахзадэ выходит в сад. Глядь! — а деревья все засохли. Он подзывает садовника: «Эй, садовник, почему ты не смотришь за деревьями? Посмотри-ка: все они засохли!» А садовник говорит: «О шахзадэ, я смотрю, но вот уже два-три дня, как сюда повадилась летать какая-то птица; спрашивает про тебя, про то, что делает арабка, а я и говорю: «Сидят». — «Пусть вырастут колючки на заднице у арабки, пусть ветки, на которые я опускаюсь, посохнут», говорит она и улетает». Шахзадэ говорит садовнику: «Ты помажь все деревья клеем; когда та птица прилетит, излови

ее и принеси ко мне». И садовник намазывает клеем все деревья; лишь только птица прилетела, она прилипает к дереву и не может улететь. Тотчас он берет птицу и приносит ее к шахзадэ. Ее сажают в клетку, а клетку вешают в комнате. И вот арабка, лишь только увидела это, смекает, что это — та птица, в которую превратилась девушка, когда она воткнула ей в голову иголку. Что тут делать? Она сразу в тот же день притворяется больной, идет к главному хекиму, дает ему много денег. «Помилуй, хеким-башы, я теперь буду хворать, а ты, как только придешь, скажи, что она, мол, скоро поправится, но притом скажи, что на свете есть такая-то птица: если ее зарезать и дать больной, чтобы та проглотила ее с перьями и прочим, то она выздоровеет», говорит она. Хеким берет деньги и соглашается. Как только наступил вечер, арабка ложится в постель. Приходит шахзадэ, глядь! — а его арабка лежит. «Помилуйте, госпожа, что с вами случилось, почему вы лежите?» Когда он так сказал, та отвечает: «Захворала». Шахзадэ тотчас велит позвать главного хекима. Приходит хеким и, как только осмотрел больную, говорит: «О шахзадэ, ее болезнь быстро пройдет; есть такая-то птица: если ты ее найдешь и дашь больной проглотить ее с перьями и прочим, больная встанет. Только ты эту птицу теперь не можешь найти». Когда он так сказал, шахзадэ говорит: «Та птица у меня» — приносит ее и показывает хекиму. А тот говорит: «Да, это — та птица; тотчас же ее зарежь и, пока она еще теплая, заставь больную ее проглотить». Хеким уходит, и вот шахзадэ берет птицу, режет ее и дает своей жене арабке проглотить, и вот арабка поправляется. А одно перо от птички отлетело и застряло в доске у лестницы.

Время, приди, время, уйди! Пусть шахзадэ ожидает, что эта арабка побелеет, а тем временем во дворец приходит одна старуха погадать женщинам. Однажды, когда она спускалась с лестницы, между досками что-то блеснуло. Тотчас она берет, смотрит: что-то вроде перышка, словно алмаз. Она скорее берет его, идет домой и засовывает в потолок. На следующий день эта женщина снова идет во дворец. Как только она ушла, перышко, которое было на потолке, спускается вниз, превращается в девушку, убирает дом внутри и снаружи, стряпает кушанья, все приготавливает, снова превращается в перо и забирается на потолок.

И вот к вечеру старуха приходит домой. Глядь! — везде все прибрано, выметено, кушанья сварены, приготовлены. Она удив-

ляется: «Кто все это сделал?» — раздумывает она, шарит там и сям — ничего не видит. Как бы то ни было, она садится и съедает обед. Наступает утро, она снова уходит. Девушка опять спускается вниз, делает все дела, а с наступлением вечера собирается на потолок. Приходит старуха, смотрит и опять, как и раньше, находит все приготовленным. Ее разбирает любопытство: «Кто же это сделал?» На следующий день она опять собирается выйти на улицу, нарочно открывает дверь, потом опять закрывает, а сама прячется внутри. Девушка, думая, что она ушла, спускается с потолка и делает все работы, а старуха из того места, где спряталась, наблюдает за ней. И вот, когда девушка, окончив работу, хотела снова забраться на потолок, старуха хватает эту девушку: «Помилуй, дочь моя, кто ты такая, кто тебя сюда привел?» А девушка говорит: «Ты принесла». — «Помилуй, дочь моя, я тебя не приносила, ты где была, я тебя несколько дней ищу и никак не могу найти. Кто ты такая?» — спрашивает она. И девушка рассказывает старухе все, что с ней случилось. А старуха говорит: «Стой, дочка, не беспокойся, я скажу шахзадэ». Она идет и говорит шахзадэ: «Сынок, пойдем-ка сегодня вечером ко мне в дом». А так как ему опротивело смотреть на арабку, то он искал места, где бы ему развлечься. Он и говорит старухе: «Хорошо, матушка». Когда настал вечер, они идут в дом старухи, и вот старуха все приготовляет: они едят, пьют. Старуха велит девушке приготовить кофе, и девушка берет кофе. Когда же она подавала его шахзадэ, он, лишь только ее увидел, сразу упал в обморок. Как бы то ни было, они приводят его в чувство. Старуха говорит: «Помилуй, сынок. Я привела тебя, чтобы ты повеселился, а тебе тут сделалось худо, что это с тобой?» Когда она его спросила, шахзадэ говорит: «Помилуй, матушка, кем приходится тебе эта девушка?» А та говорит: «Сынок, это — моя невольница». — «Помилуй, бабушка, где ты нашла такую красивую невольницу, не отдашь ли ты ее мне?» Когда он так сказал, старуха и говорит: «Она и вообще твоя». — «Помилуй, матушка, почему моя? Если ты продашь ее за деньги, тогда она станет моей». Старуха говорит: «Сынок, этой девушке⁴ арабка, от которой ты ждешь, что она побелеет, вот что сделала». И она рассказывает шахзадэ все, что произошло с девушкой. Тогда шахзадэ берет девушку и ведет ее во дворец. Арабке он говорит: «Ты что хочешь: сорок клинков или сорок лошаков?»⁵ А арабка говорит: «Сорок лошаков». Ее привязывают к хвостам сорока мулов, бьют их плетью и гонят: мулы бегут, и каждый

кусочек тела арабки остается на какой-нибудь горе⁶. Шахзаде велел обручить с собой девушку: сорок дней, сорок ночей справляла свадьбу. Они добились цели — слышу, а мы взберемся-ка на крышу⁷.

19. Сказка об одном дервише

 Было — не было, а в прежние времена, в решете ли, на дне казанá, когда верблюд по одной акчé был, а вол в цене козы был, когда лев сторожем был, а я в утробе моей матери был, — был, говорят, один дервиш. А у того дервиша была жена. Так как они были очень бедны, то дервиш каждый день выходил на улицу и просил милостыню то у того, то у другого. Ну, а вечером как? ¹ На полученные деньги дервиш покупал хлеба и приносил домой, — так они с женой ели, пили и весело проводили свою жизнь.

Выходит однажды дервиш на улицу. Едва только вышел, а ему навстречу какой-то богатый человек. Дервиш просит милостыню — хоть несколько парá. А богатый и спрашивает: «Эй, отец-дервиш! Чего ты хочешь: один золотой из дозволенного² или тысячу золотых из запрещенного?» Дервиш и отвечает: «Пусть будет дозволенным и пусть это будет один золотой». Тогда тот богатый человек вытаскивает и дает ему золотой. Дервиш берет золотой и с радостью идет на базар, чтобы купить себе еды. И вот встречается ему охотник: в руках у него клетка, а в клетке — птица, которую он продает. Лишь только дервиш увидел эти птицу, его глаза так и приросли к ней; очень уж она ему понравилась. Он спрашивает, какая цена той птице. Охотник и говорит: «Ровно один золотой». Дервиш вытаскивает полученный им золотой, отдает охотнику, берет клетку и несет ее домой.

А дома-то жена его проголодалась и ждет: вот, мол, дервиш придет и принесет хлеба. Вдруг, глядь! — из двери в комнату входит дервиш-баба³ с клеткой в руках. Женщина подбегает к нему. Лишь только она спросила: «Хлеба-то принес?» — дервиш говорит: «Нет, я сегодня заработал один золотой: на него-то и купил вот эту птицу». Женщина поднимает крик: «Муж! Мы и себе-то не можем найти, чего бы поесть, а ты пошел да купил еще одну беду на нашу голову! Эта птица — так вот, голод-

ная и без воды — сидеть тебе не будет: и она тоже есть захочет. А я с самого утра, голодная, ждала тебя: вот, мол, принесет хлеба, а ты мне птицу принес! Ну, теперь конец нашему веселью!» И вот она так кричит на дервиша, а тот и внимания не обращает: «Эх, жена, да не тревожься так сильно, — ее нам творец аллах на счастье послал!» И вот он ходит довольный, а женщина сердится, отходит в сторону и садится там. Тут наступает вечер, они остаются голодными, голодные проводят и ночь; наступает утро.

Дервиш подходит к клетке, глядь! — птица сидит на жердочке. Увидела дервиша — начала отряхиваться, и вот из-под ее крыла выпадает драгоценный камень. Только увидел это дервиш, радостно берет алмаз, несет его на базар и продает ровно за сто золотых. На полученные деньги он покупает всякой еды — всего, что только нужно, и помногу — и на радостях идет домой. Там он говорит жене: «Ну, не говорил ли я, что это нам аллах счастье посылает?» Женщина, радостная, садится, и вот они с дервишем едят, пьют и возносят хвалу аллаху. Дервиш думает: «Аллах подарил мне через эту птицу сто золотых; мне этих денег хватит на долгое время, — выпущу-ка я ее на свободу!» Думая так, он открывает дверцу клетки и выпускает птицу. Проходит день. Лишь только наступил вечер, птица прилетает и садится на окно. Дервиш открывает окно, птица влетает в комнату, садится в клетку и снова начинает отряхиваться: из-под ее крыла выпадает яхонт. Дервиш и на этот раз, полный радости, несет яхонт на базар и продает его за сто золотых, а птицу опять выпускает из клетки. На следующий день птица опять прилетает: из-под ее крыла выпадает изумруд. Дервиш и его жена от радости не знают, что им делать. Не будем затягивать! Птица каждый день поутру улетает, а вечером прилетает и приносит алмазы и тому подобные драгоценные камни. Дервиш, продавая их, становится богатым — уже нет и горя о деньгах! Но так как нет у него на свете даже и одного ребенка, то его охватывает тоска: «Кому же достанется столько денег, когда я умру?» — думает он.

Как-то ночью он видит во сне — приходит дервиш и говорит ему: «Эх, друг, не печалься, в скором времени будет у тебя мальчик и, когда вырастет⁴, станет падишахом». Радостный, просыпается дервиш и рассказывает жене сон, который он видел, а женщина говорит: «Иншаллах». Уже на следующую ночь женщина становится тяжелой, и день ото дня живот у нее все растет.

Такова сказка: девять месяцев — десять дней проходят, как одна минута, и у женщины родится мальчик, словно золотой шар⁵. Дервиш раздает бедным деньги, закалывает курбаны⁶, нанимает мальчику мамок. Мальчик пускай себе растет, а дервиш думает: «Аллах подарил мне столько богатства, дал мне дитя, выполняю-ка я долг свой — совершу хадж!» И он говорит своей жене: «Вот, я имею намерение отправиться в хадж, а пока я вернусь, ты хорошенько смотри за птицей, чтобы недруги не причинили ей вреда». И вот он готовится к пути, прощается со своими друзьями и отправляется в дорогу.

Пусть он себе идет в хадж, а в этой стороне⁷ его жена сидит в одиночестве один день, пять дней, и ей это надоедает.

Однажды она выходит на базар⁸; прогуливаясь там, она видит красавца саррафа⁹ и влюбляется в него, как тысяча сердец. Она приходит домой, но образ красавца не уходит от ее глаз: она все думает о нем. Кое-как проводит она ту ночь; наступает утро. Чуть свет — надевает она свое фередже, идет прямо в базарные ряды и начинает бродить вокруг лавки саррафа.

Наконец у женщины истощается терпение: она подает ему краем глаза знак, приглашает его к себе домой; молодец соглашается, и на этом они уговариваются. А женщина приходит домой. «Вместо того чтобы сидеть вдовой, пока не придет из хаджа дервиш, я буду наслаждаться с этим красавцем», — думает она и ждет вечера. Наступают сумерки. И вот приходит красавец; ту ночь они с женщиной проводят в наслаждениях. А женщина-то была очень красива, и молодец влюбился в нее. Делают они так все чаще, и красавец начинает каждую ночь ходить в дом женщины. Так идет время.

Не будем затягивать наши слова — у длинного слова вся суть такова: молодец уходит и приходит в дом дервиша, как в свой собственный. Но вот, приходя каждую ночь, он заметил, что под крышей подвешена клетка. Как-то ночью он спрашивает: «Здесь висит клетка, но в ней нет птицы», а женщина рассказывает, что это за птица такая. Молодца разбирает любопытство. А у молодца был приятель хеким. Однажды в разговоре с ним он рассказывает про птицу, а хеким говорит: «Эта птица и при жизни своей приносит человеку столько пользы, а уже если кто срубит ей голову и ее съест, тот непременно станет падишахом!» Лишь только услышал это молодец, он идет в дом женщины и говорит: «Ты должна сварить¹⁰ эту птицу и принести мне: мы съедем ее вечером». А так как женщина очень любила

молодца, она дает ему слово: «Хоть эта птица и причина того, что мы стали богаты, но ради тебя я и ее не пожалею: пусть там пропадает все наше богатство!» И вот в тот день женщина ловит птицу, режет ее, ощипывает перья и принимается жарить.

А мальчик той женщины очень любил эту птицу и всегда с ней играл. И вот он приходит в тот день и, когда увидел, что птицы нет, начинает плакать; как они ни старались успокоить мальчика, мальчик никак не может замолчать и плачет все больше и больше. Наконец мамка и говорит им: «Слезы мальчика — из-за птицы; ведь он ребенок: видел, что ты делаешь кебап, и ему тоже захотелось. Дай ему немного попробовать, и он перестанет плакать». Так она сказала, а женщина, не решаясь оторвать кусок от туловища птицы, отрывает голову и дает мальчику; мальчик съедает голову и умолкает, а женщина кладет птицу на блюдо и убирает. Наступает вечер, приходит молодец, женщина приносит на блюде птицу, ставит перед ним: «Вот, пожалуйста, кушайте на здоровье!» А молодец берет птицу, переворачивает то на одну сторону, то на другую, ищет голову, но не может ее найти. «Ну, а что случилось с ее головой?» — спрашивает он. А женщина говорит: «Когда я жарила, ее увидел мой сын и начал плакать, а мне жаль было отрывать с какой-нибудь другой стороны: я оторвала голову, дала ему, он и съел», — сказала она, а молодец говорит: «Мне нужна была ее голова!» И он отталкивает от себя блюдо, бросает его в сторону, а сам встает и уходит. Только увидела женщина, что он разгневался — ударилась в слезы. А молодец идет прямо к своему приятелю хекиму, все это рассказывает, а хеким говорит: «Кто отрубит и съест голову того, кто съел голову той птицы, тот тоже будет падишахом». Красавец посылает женщине весть: «Если ты хочешь, чтобы я пришел, сруби голову твоему мальчику и зажарь — я ее съем; а не отрубишь — никогда до самой смерти меня не увидишь!» Лишь только женщина услышала это, она, чтобы не разлучаться с молодым, решает отрубить голову своему сыну и ждет удобного случая. Мамка мальчика догадалась об этом; из жалости к нему она как-то ночью взяла его и бежала из того города. Наконец она, переходя из города в город, через сорок дней пути приходит в тот город, где жил падишах того времени. Там она нанимает маленький дом, поселяется в нем, отдает мальчика в школу и живет, стараясь дать ему воспитание и образование.

Пусть она там остается, а мы перейдем к матери мальчика.

Наступает утро, она встает, и вдруг, глядь! — мальчика и мамки нет: «О горе! Они убежали: что я теперь отвечу саррафу? Он меня покинет, больше ко мне не придет!» И она впадает в отчаяние. А сарраф, лишь только услышал о том, что ребенок убежал, тут же отказался от женщины, и с тех пор нога его не ступала к ней в дом. Пусть он там остается, а в этой стороне дервиш, отправившись в хадж, совершает паломничество и снова благополучно возвращается в свой город. Лишь только пришел он в свой дом, глядь! — нет ни птицы, ни мальчика, ни мамки. Он спрашивает свою жену, что с ними случилось, а та говорит: «Ах, чему же еще быть? Пришел их смертный час: все трое сразу и умерли, а я с печали по ним, посмотри, вон до чего дошла!» И она начинает плакать. Только услышал это дервиш, заныло у него сердце, — ну да ничего не поделаешь! И он утешает жену: «Ах, что же делать? Если они умерли, да подает нам аллах долгую жизнь!» Так он говорит и успокаивает ее.

Теперь перейдем к истории мальчика. Мальчик день ото дня растет, становится настоящим юношей, ездит верхом, ходит по горам, по долам, гуляет, охотится, а к вечеру снова возвращается домой. Так вот он каждый день и проводит время. Однажды мальчик снова садится на коня и отправляется в путь один-одинешенек, и вот, когда он едет, дорога приводит его ко дворцу падишаха. А у падишаха как раз была дочь четырнадцати-пятнадцати лет. Так как девушке было скучно, то она сидела и смотрела в окно. В это время она видит, как мимо проезжает йигит. Сразу, с одного взгляда, она влюбляется в него всей душой и сердцем, а мальчик поднимает голову, и только увидел девушку, как тоже влюбился. Но что ему делать? Она — дочь падишаха, а он — осиротевший мальчик, — ему и в голову не приходит брать за себя эту девушку. Он только вздыхает — ах, ох! — и едет дальше. Весь тот день он скитается по горам, к вечеру приезжает домой, но образ девушки все стоит перед его глазами. Ну, не будем затягивать! Мальчик каждый день садится на коня и проезжает мимо дворца, а так как девушка была влюблена в него, то она по целым дням не отходит от окна. И так как любовь девушки становится все сильнее, а дать ему знать она не может, то однажды она открывает окно и делает мальчику знак. А мальчик, едва заметил этот знак, тут же приблизился к окну. Девушка говорит: «О, йигит! С первого взгляда я полюбила тебя от всей души, но что же делать? Если я скажу отцу (а я у отца единственная дочь), он, пожалуй, не будет мне

перечить — отдаст за тебя! Однако вот на одной равнине появился дракон, а так как там пастбище для коней моего отца и тот дракон за это время погубил столько коней и всякой скотины, то отец мой дал клятву: «Кто убьет того дракона, за того и выдам свою дочь!» И вот сколько людей ни приходило свататься за меня, всех погубил этот дракон. Поэтому, если я и скажу о тебе, то боюсь, что он меня не выдаст, так как дал эту клятву. А потом, если ты скажешь: «Я пойду убью дракона», то на это я не соглашусь: может быть, тот дракон и сам по себе уйдет! Вот тогда-то, если я скажу отцу, он не будет мне перечить и выдаст меня за тебя, — мы и соединимся с тобой». Так она говорит, а мальчик отвечает: «Нет, я непременно постараюсь убить дракона; если я убью его в борьбе, то чего же лучше! — я добуду тебя; а если не сумею его убить, он убьет меня, и ты по крайней мере будешь избавлена от своей тоски». И он тут же идет прямо к падишаху: «О падишах! Я слышал, что в таком-то месте есть дракон и что если кто убьет его, за того ты хотел выдать свою дочь: вот я, с помощью аллаха, пойду и постараюсь его убить». Так он говорит, а падишах увидел, что мальчик — пригожий, и полюбил его от всей души и сердца. Он и говорит: «Жаль, если этот мальчик пойдет туда: дракон и его убьет! Лучше было бы, если бы клятва не сходила с моих уст — я бы отдал ему мою дочь». И вот он прямо вне себя. Он советует мальчику: «Сын мой, не ввергай себя в такую беду: ты не сумеешь его убить, и потом тебя будет жаль», — говорит он, а мальчик настаивает на своем: «Непременно пойду, — ты только мне позволь». А падишах зовет везира, говорит: «Ну-ка, отговори этого мальчика от его намерения; может быть, в скором времени дракон сам по себе подойдет, — тогда я и отдам этому мальчику дочь, а клятва моя отпадет!» Везир отводит мальчика в сторону и делает ему наставления, однако мальчик не слушает никаких слов: «Непременно я пойду: или дракона убью, или сам умру!» — говорит он. И везир говорит о том падишаху, а падишах — что тут поделаешь? — дает разрешение.

Тогда падишах берет везиров, и все они вместе с мальчиком идут туда, где был дракон, показывают пещеру, где он находится. Мальчик, отдавшись на волю аллаха, вытаскивает меч и идет против дракона; одним ударом он рассекает его на две части. Затем, отрубив голову, приносит ее падишаху. Едва только падишах и везиры увидели его смелость, все только и говорят: «Машаллах!» А те, кто был там, говорят: «Для того чтобы по-

губить этого дракона, недостаточно человеческой силы: в этом не иначе, как есть какая-то тайна!» И они начинают расспрашивать мальчика. Лишь только мальчик передал им рассказ о птице, который он слышал от своей мамки, они и говорят: «Наверное благодаря тому, что ты съел голову птицы, ты его и убил, потому что эта птица из тех, которые сидели на голове хазрет-Сулеймана¹¹, иначе никакой другой человек не мог бы его убить». А падишах радуется тому, что мальчик остался жив и здоров, и все направляются во дворец. Он приказывает обручить девушку с молодыцом. После свадебного праздника в сорок дней и сорок ночей йигит делается молодым мужем, и они с девушкой достигают своих желаний. После этого проходит некоторое время. Падишах заболевает, приводят невесть сколько хекимов и ходжей, но, так как ни один не мог найти средств, падишах понимает, что ему остается только умереть. И вот однажды, собрав везиров, он возводит на престол своего зятя и делает его падишахом. С тех пор прошло немного времени, как приспел его смертный час, и он умирает. А мальчик до своего последнего дня проводит свою жизнь, как падишах, в удовольствии и наслаждении.

20. Ленивый мальчик

 Когда-то был, говорят, один ленивый мальчик. По своей лени он день и ночь валялся, а мать вкладывала пищу ему в рот. Однажды его мать услышала, что их сосед собирается ехать в Чинмачин¹. Она и говорит мальчику: «Сынок, твой дядюшка-сосед собирается ехать в Чинмачин; дадим-ка ему несколько пар, пусть он привезет нам оттуда немного товара, ты его здесь продашь, может быть, и заработаешь несколько пара. А мальчик, по своей лени не имея желания двигаться с места, говорит: «Ах, не нужна мне эта торговля, нехота мне идти вон куда — к соседу, да заказывать товар; ты делай, что хочешь, я знать ничего не хочу» — и даже с места не пошевельнулся. Что тут будешь делать? Женщина, выругав мальчика, отправляется сама к соседу и дает ему шестьдесят пара: «Купи на это для сына моего какого-нибудь мелочного товара и привези. Может быть, это заставит его отказать от лени», — упрасивает она его. А сосед говорит: «Хо-

рошо, куплю» — и берет деньги. Вот день, другой делает он все приготовления и с несколькими приятелями садится на корабль, и все отправляются в путь.

Как-никак, долго ли, коротко ли, то на парусах, то на веслах, они, поскольку погода была благоприятная, в скором времени прибывают в Чинмачин. Там каждый покупает то, что хотел купить, и продает то, что хотел продать. Закончив свои дела, они в один из дней распускают паруса и отбывают, чтобы вернуться обратно в свою страну.

Когда они проехали два-три дня, этот человек вспоминает, что не купил ничего для того ленивого мальчика на те шестьдесят пара, которые дала ему соседка. Он и говорит своим приятелям на корабле: «Ко мне приходила одна бедная женщина и дала мне шестьдесят пара, чтобы я купил немного товара для ее сына; хотя я и обещал, да случайно в Чинмачине это вылетело у меня из головы — я забыл, теперь же я вспомнил,— надо нам вернуться обратно и купить что-нибудь для него». А путешественники на корабле говорят: «Старина, из-за товара в шестьдесят пара нам возвращаться назад?.. Деньги, которые он мог бы заработать от купленного тобой товара, мы тебе дадим, собрав здесь от каждого по несколько пара; когда мы вернемся, ты отдашь ему готовый барыш». Тот соглашается, и путешественники, как сказали, быстрехонько собирают между собой по несколько гурушей и отдают тому человеку, а он берет деньги и прячет.

После этого прошло еще несколько дней, и вот они приближаются к одному острову. Для того чтобы достать чего-нибудь поесть, каждый сходит с корабля в город на том острове. Выходит прогуляться и тот человек. Вот он приходит на базар, видит, что какой-то старик продает обезьян. Среди этих обезьян была одна облезлая; все другие обезьяны били эту облезлую. Человек пожалел ее и, чтобы спасти ее от побоев, спрашивает цену у продавца обезьян. А обезьянщик говорит: «Эх, от этой обезьяны я выгоды не ищущу; ее цена — шестьдесят пара. Хочешь, я отдам ее за шестьдесят пара?» — а человек говорит «Хорошо» и думает: «Возьму-ка я хоть эту обезьяну для того ленивого мальчика; пусть будет она ему на счастье». Он вынимает и дает обезьянщику шестьдесят пара, данные ему женщиной, забирает облезлую обезьяну и приходит на корабль. А затем приходят туда и его приятели.

Не будем затягивать! Они отчаливают оттуда, снова распускают паруса и отправляются в путь. Проходит несколько дней.

Они приближаются к другому острову. А на том острове были водолазы; они добывали из моря жемчуг. Облезлая обезьяна, увидев это, разорвала свои путы и бросилась в море. Через некоторое время она выкакивает, выносит остроконечную жемчужину и кладет перед человеком, купившим ее. Тот человек берет жемчуг. «Это счастье мальчика»,— говорит он и прячет его. И вот они так же отчаливают и оттуда и приближаются к третьему острову. А остров этот был обиталищем дэвов. Как только дэвы увидели корабль, они сейчас же нападают на него. Всех людей, сколько их ни было на корабле, они крепко связывают. Затем они разводят большой костер, насаживают на вертел одного-двух человек, заживо поджаривают их и едят. Только настала ночь,— обезьяна встает и, сколько ни было там связанных людей, всем распускает веревки, а они потихоньку, чтобы дэвы не услышали, убегают и приходят на корабль. Подняв паруса, они бегут оттуда на корабле и тем спасаются. Однако все были удивлены таким поступком обезьяны, и за свое спасение каждый вынимает по тысяче золотых и отдает тому человеку: «Отдай и эти деньги тому мальчику, потому что нас спасла его обезьяна»,— говорят они. А малый кладет эти деньги рядом с теми и прячет их. Не встретив после этого другой земли, они приезжают прямо в свой город и все встречаются со своими семьями ².

А в этой стороне мать мальчика слышит, что приехал ее сосед. Она и говорит своему сыну: «Сынок, ступай, хоть теперь-то встань, сходи к дядюшке-соседу,— посмотрим, купил ли он что-нибудь для тебя. Когда он уезжал, я ему дала шестьдесят пара». Так она говорит, а мальчик отвечает: «Эх, да как мне вставать?»— и начинает плакать. Мать заставляет его силой. Наконец кое-как, охая и вздыхая, он встает, волоча ноги, идет к соседу и говорит, чтобы тот отдал ему, если что купил на деньги, данные его матерью. А человек выносит обезьяну и дает ему. «Вот возьми, сынок: на шестьдесят пара, которые дала твоя мать, я купил тебе обезьяну, забавляйся с ней». Когда мальчик увидел обезьяну, он разозлился, поворачивается, приходит домой и начинает ругаться с матерью: «Ты мне не дашь покоя,— нет вот, зарабатывай деньги, зарабатывай деньги! Вот и заработали деньги: мой дядюшка-сосед купил мне облезлую обезьяну, а я разозлился и не взял. Если твоей душе угодно, иди бери, делай с ней, что хочешь»,— говорит он и заваливается на постель.

После этого прошло немного времени, сосед наполняет сун-

дук деньгами, которые его приятели на корабле дали для мальчика, и жемчугом, который выловила обезьяна, взваливает все это на спину хамалу и вместе с обезьяной отсылает в дом мальчика. Хамал приносит сундук и вместе с обезьяной отдает его мальчику. «Возьми, это посылает тебе твой дядюшка-сосед», — говорит он, оставляет все и уходит. Как только мальчик это увидел, он встает, еле ворочаясь, подходит к сундуку, открывает крышку, глядь! — сундук до краев полон золота. Мальчик обрадовался, зовет свою мать и показывает это ей. А мать, радуясь, говорит ему: «Ах, сынок! Уж ты расстанься со своей ленью; иди, как люди, на базар, в торговые ряды³, и торгуй». И мальчик, послушавшись материнского совета, подбирает свои полы⁴, встает, идет в торговые ряды, нанимает лавку и начинает торговать. А та облезлая обезьяна ходит за мальчиком по пятам: в лавку и из лавки. Однажды обезьяна, находясь в лавке, вдруг исчезает с глаз, а немного погода появляется. В руке она несет кошелек с золотом и отдает его мальчику. Мальчик, увидев это, еще больше обрадовался и стал беречь обезьяну. А обезьяна каждый день пропадала из лавки, приносила по кошелек с золотом и отдавала мальчику. На деньги, которые принесла обезьяна, мальчик разбогател. Он покупает прекрасный конак, виноградники, сады, рабов и рабынь — обзаводится всем. И не находится уже ни одного равного ему богача в стране.

Однажды мальчик, сидя в лавке, ласкал обезьяну. Обезьяна заговорила по-человечьи: «Вот что: я оказала тебе помощь, насколько это было в моих силах; теперь здесь нет никого богаче тебя. Но, однако, осталось еще кое-что: выполни это и затем уже отпусти меня на волю». Пока обезьяна говорила себе, как ни в чем не бывало, мальчику стало страшно оттого, что она вдруг заговорила. Хотел было он бежать оттуда, но обезьяна уцепилась за его полы и говорит: «Не бойся, сядь; от меня тебе не будет никакого вреда, я тебе расскажу, кто я такая». Мальчик садится, и обезьяна говорит: «Я из породы джиннов. Как-то раз я тебя увидела, сердце мое тебя полюбило, и я пожалела тебя за то, что ты так беден. Если бы я так, как есть, пришла к тебе, чтобы тебе помочь, то ты бы испугался, и потому я отказалась от этого и ждала, когда для этого настанет время. И вот, когда твоя мать дала шестьдесят пара соседю, чтобы он купил тебе что-нибудь, я, лишь только это услышала, пошла за твоим соседом по пятам. В Чинмачине я сделала так, что он забыл купить для тебя что-нибудь, а затем, превратившись в обезьяну, заста-

вила старого обезьянщика продать меня. Под этим предлогом я добралась до тебя. И вот с тех пор ты видел, как я трудилась для тебя; у тебя больше нет никакой заботы о деньгах, и вот теперь я хочу, чтобы ты обзавелся семьей. Ступай — в таком-то месте есть купец; проси его дочку себе в жены, та девушка тебе подходит, во всей округе не найдется девушки краше. Если купец заупрямится и не отдаст, дай ему столько денег, сколько он захочет, но во что бы то ни стало постарайся девушку взять». Мальчик сказал «Хорошо» и послушался того, что сказала обезьяна.

На следующий день он садится на коня, едет прямехонько к лавке купца. «Селям алейкюм!» — «Алейкюм селям!» Побеседовав немного, мальчик и говорит: «Цель моего прихода к тебе такая: хочу по закону аллаха взять за себя твою дочь, не отдашь ли?» А купец говорит: «Хорошо, но только выкуп⁵ за мою дочь — десять тысяч золотых; если ты можешь дать столько денег, я выдам за тебя мою дочь».

Мальчик говорит: «Хорошо» — вынимает и со звоном отсчитывает десять тысяч золотых. А купец берет деньги, велит позвать имама и всю общину⁶ и велит ему обручить мальчика с дочерью. После того как они назначили день свадьбы, мальчик снимается с места и идет обратно к себе в лавку. А обезьяна, оказывается, ждала его там. «Ну как? Удалось ли тебе уговорить купца?» А мальчик отвечает: «Да, да! Нас даже обручили». И вот — не будем затягивать — приступают к свадьбе, а по окончании свадьбы мальчик должен войти к невесте как молодой муж. Вдруг появляется обезьяна и говорит: «Эх! Вот до сих пор я тебе служила службу, столько заработала денег, принесла тебе! Я — причина того, что ты взял за себя дочь купца; после этого ты будешь жить спокойно до самой смерти. Но теперь и у меня к тебе есть дело. Если ты его исполнишь, будешь со мной в расчете». Мальчик говорит: «Хорошо, с удовольствием, если мне тебе не услужить, так кому же?» Обезьяна говорит: «Вот какое мое дело. В комнате невесты есть шкаф, окованный бронзой. Когда ты войдешь туда молодым мужем, ты откроешь тот шкаф, а в нем железный сундук; на нем находится чаша, вокруг которой обвилась змея; в этой чаше — петух; ты открой крышку чаши — змея не причинит тебе никакого вреда. Как только ты петуха выпустишь оттуда, ты сейчас же отруби ему голову, а ту чашу ты разбей. После этого иди к невесте. Вот каково мое желание. Если ты сделаешь так, то мы с тобой будем квиты и на этом и на том свете». А мальчик, не задумываясь над тем, что это озна-

чает, говорит: «Хорошо, сделаю» — дает обезьяне слово и отпускает ее, а сам, принарядившись, идет в комнату невесты. Прежде чем открыть брачное покрывало⁷ невесты, он, по наказу обезьяны, открывает дверцу окованного бронзой шкафа, выпускает петуха из обвитой змеей чаши, которая находилась на железном сундуке внутри шкафа, отрубает петуху голову и отбрасывает ее. Лишь только он разбил чашу, девица услышала это. «О ужас, что ты наделал? Все это было моим талисманом; вот сейчас появятся джинны и меня похитят». Едва она так сказала, как земля разверзлась, и оттуда показался ифрит; он схватил девицу и снова провалился под землю.

При виде этого мальчик остолбенел. Когда он рассказал отцу девушки, что случилось, тот принялся плакать. «Ой-ой, дочь мою джинны похитили, что мне делать?» Приговаривая так, он отвесил малому хорошую оплеуху и выгнал его за дверь. А мальчик — что тут будешь делать, раз уже это случилось? Конечно, обезьяна про это знает и девушку разыщет. С такой надеждой он и идет в лавку, глядь! — а в лавке ничего нет: от обезьяны и следа не осталось. «Ах, все это наделала обезьяна! Она и служила-то мне столько времени только для того, чтобы разрушить тот талисман. Пока у меня в руках было такое богатство, я и не знал ему цены; после этого да будет мне проклятием⁸ сидеть здесь: либо я найду девушку, либо умру за нее», — говорит он, снимается с места и уходит.

Вот он идет; долго ли, коротко ли идет, по склонам ли, по подъемам, по ровному ли месту идет, несколько дней без еды, без питья идет, — в один из дней подходит он к горной цепи. «Посижу-ка я тут немного, чтобы отдохнуть», — думает он. Вдруг видит — дерутся две змеи: одна черная, другая белая. И вот он, взяв камень, бросает в черную змею и убивает ее. Как только белая змея увидела, что черная убита, она отряхивается, принимает образ человека и говорит мальчику: «Ты спас меня от злобы этой змеи. Проси у меня, чего хочешь». Мальчик только услышал от нее такие слова, сразу подумал: «Как бы это опять не была та облезлая обезьяна?» — и говорит змее: «Скажи мне, кто ты, а уж потом я попрошу у тебя то, чего желаю». Змея рассказала ему свое происхождение. Оказалось, что она была сыном падишаха эджиннов, а та черная змея была сыном его везира. Так как они поссорились между собой, то черная змея затаила злобу на белую. И вот теперь она, настигши ее одну, старалась убить ее, чтобы отомстить. А мальчик, убив черную змею, спас

белую. Как только мальчик услышал это, он тоже стал рассказывать о том, что за беда на него свалилась: «Вот теперь я и брожу так по горам и долам, может быть, откуда-нибудь и нападут на след девушки». Сын падишаха эджиннов услышал это (а он знал, оказывается, кто такая эта облезлая обезьяна) и говорит: «Если хочешь, я тебя отошлю туда, где она находится, но это очень далеко; ты отправляйся, сев на спину какого-нибудь джинна. Когда ты попадешь в тяжелое положение, я приду к тебе на помощь». Сейчас же он позвал одного джинна, посадил мальчика к нему на спину: «Ступай, счастливого пути! Этот джинн тебя свезет, но смотри, пока ты будешь у него на спине, берегись произносить бесмеле: иначе он тебя сбросит», говорит он, а мальчик говорит: «Хорошо». Потом джинн взлетает на воздух. Когда он поднимался на один из слоев неба, вдруг на самом небе оказался человек с мечом в руке и говорит мальчику: «Скажи бесмеле, а не то я тебя зарублю мечом!» Мальчик от страха перед мечом произносит бесмеле, и эджинн сбрасывает его со своей спины, а он с поверхности неба летит кубарем и падает на вершину той горной цепи; целых два-три дня лежит он там без сознания.

А на этой стороне сын падишаха эджиннов получает весть о том, что мальчик упал вниз; он тотчас отправляется туда, приводит мальчика в чувство и берет его на спину своего коня. Лишь только мальчик открыл и закрыл глаза, как тот спускает его у одного бассейна и говорит: «Вот отсюда недалеко то место, где находится облезлая обезьяна; только все стороны конака, в котором она живет, обиты медью; чтобы проникнуть внутрь его, ни с какой стороны нет дороги, кроме как через этот бассейн. Если ты без всякого страха бросишься в глубину этого бассейна, ты пройдешь через его конак, а я здесь буду тебя поджидать. Ты возьми девушку и снова тем же путем возвращайся сюда». Хотя мальчик немного и побаивался, но со словами: «Будь что будет», он закрывает глаза и бросается в середину бассейна. Когда он, немного погодя, высунул голову, он видит себя в бассейне, находящемся внутри конака. Выйдя из бассейна, он обходит дом. Везде груды золота, алмазов. Когда, наконец, он открыл дверь последней комнаты, он видит, что там на золотом троне сидит его девушка. Она, чуть только увидела мальчика, сразу узнала его. «Помилуй, как мог ты сюда попасть?» — спрашивает его она, а мальчик рассказывает. Девушка говорит: «Ой, скорее бежим отсюда, а не то, если придет обезьяна, то ни

тебя в живых не оставит, ни меня. К тому же здесь у меня есть талисман: все, что проделывает обезьяна, происходит благодаря этому талисману. Возьмем-ка его на всякий случай, а кроме того, пока талисман будет у нас, обезьяна если и придет, не будет в состоянии ничего сделать: все эджинны будут у нас в повиновении». И с этими словами она показывает ему талисман. А талисманом этим была птица на верхушке столба: если кто зажжет одно или два ее перышка, эджинны слетятся и доставят ему то, что он требует. Мальчик скорее карабкается на верхушку столба, берет птицу и спускается вниз. Лишь только девушка, вырвав из птицы одно-два перышка, зажгла их, эджиннов слетается, что муравьев. «Приказывай, что нам делать»,— просят они. «Ну-ка, ступайте, изловите ифрита, который похитил эту девушку, свяжите и притащите ко мне»,— сказал он, и эджинны исчезают.

Немного спустя они притащили туда связанного ифрита, который был в образе той облезлой обезьяны. Как только ифрит увидел мальчика, он стал умолять его: «Пощади! что я сделал, ты того не делай⁹, отпусти меня!» Но мальчик не слушает его и приказывает эджиннам связать его и запереть в одну из комнат, около которой ставит столько сторожей, сколько нужно, чтобы тот не убежал. После этого, лишь только они с девушкой бросились в бассейн дома, они тотчас же вышли из того бассейна, который находился снаружи. А сын падишаха эджиннов поджидал их там. Как только он увидел, что они появились, он сразу взял их обоих на спину своего коня. «Зажмурьте глаза», сказал он, и оба очутились в конаке девушкина отца. Только бедняга увидел, что девушка вернулась,— оба на радостях крепко обнялись, а мальчик целует руку у тестя и рассказывает все, что с ним приключилось. А потом он зажигает еще одно-два перышка той птицы, и снова слетаются эджинны. «Приказывай»,— говорят они, а он говорит им: «Ступайте — сколько ни есть в конаке ифрита золота и алмазов, все несите сюда». Эджинны рассеялись; после этого они собрали все, что было в конаке, и принесли. Мальчик велел наполнить этим подвалы. Затем устраивают заново праздник свадьбы в сорок дней, сорок ночей; молодец берет за себя девушку и достигает своих желаний.

Было — не было, а в прежние времена был один сын пастуха. Этот мальчик был так красив, что говорил луне ¹: «Или ты всходи, или я взойду». Когда он выходил на улицу, все люди наступали друг другу на ноги, чтобы только его увидеть. Однажды в душу мальчика запало страстное желание попутешествовать по свету, а так как он был безродный, то он бросает все и выходит из дому.

И вот, долго бродя, как говорится: «Эта деревня — тебе, а этот город — мне» ², приходит он в какой-то город. Так как ему там очень понравилось, то он живет там несколько дней. Однажды он подумал: «Стой-ка, осмотрю я здесь виноградники и сады». И он выходит из города в поле и, когда гуляет по цветникам, видит посреди одного сада замок, а из окна того замка какая-то девушка высунула голову и смотрит. Едва только он увидел девушку, как тут же в нее влюбился, а девушка увидела мальчика и тоже в него влюбилась. Они не говорят друг другу ни слова, а так как мальчик был там на чужбине, то что же ему делать? Никому ничего не говоря, он поворачивает обратно и снова идет в город. Но так как девушка не выходит у него из головы, то везде, где он ни гуляет, слезы так и текут у него из глаз. А в том городе как раз была одна старуха; она была такая волшебница, что могла заставить Дунай потечь обратно вверх. Мальчик узнал про это и идет после долгих расспросов прямо в дом той старухи. Он целует у нее ноги, руки и начинает умолять: «Смилуйся, матушка! Я — никому не известный чужестранец, у меня здесь нет ни одного знакомого; не примешь ли ты меня к себе в дом?» Старуха немного ломается, не хочет, а мальчик все просит, молит и добивается ее согласия. И вот уже день, пять дней, как мальчик живет в доме у старухи, приносит с базара съедобное и все, что нужно, и делает все для старухи.

Однажды старуха говорит: «Сынок, ты мне много служб сослужил, уж наверное не понапрасну: если у тебя есть какое-нибудь желание, скажи-ка». Лишь только она это сказала, мальчик вздохнул: несколько стыдясь, он тем не менее начинает говорить о своем горе и рассказывает все, что с ним случилось. «Матушка, я того и гляди сойду с ума от любви к этой девушке; все в твоих руках, делай, что хочешь: сведи меня с девушкой», — го-

ворит он. Старая ведьма, едва услышала это, так и рассмеялась: «Эх ты, да разве это дело? Это мне легче, чем глоток воды выпить»,— говорит она и вытаскивает из сундука печать с талисманом. Чуть только вложила ее в рот мальчику, как тот превращается в красавицу-девушку. Старуха тотчас надевает на него фередже, а сама силою чар принимает облик мужчины, окутывает мальчика покрывалом, берет с собой и идет во дворец падишаха. Оказывается, девушка, которую видел мальчик, была дочерью падишаха. Старуха велит написать падишаху прошение³: «О падишах, у меня на всем свете был один-единственный сыночек. На беду, он пропал из дому в одну ночь; сколько времени уже я его ищу и все еще не мог найти его следов. Теперь я уйду, чтобы искать его и в других странах. Но мне негде оставить мою невестку, и потому я ее привел — пусть останется у тебя во дворце, как эманет, пусть прислуживает на кухне. Когда я приду, я опять ее заберу». Так вот она и велела написать. Старуха подает это прошение падишаху, а падишах, прочитав его, соглашается. Он берет мальчика в обличье девушки и отправляет его к дочери в харем. Едва только дочь падишаха его увидела, как он ей очень понравился. Ей было весело с ним, но она не знала, что это мальчик. И вот дочь падишаха дружит с мальчиком, и оба неразлучны друг с другом.

Однажды мальчик заболел и слег в постель. Как ни спрашивала дочь падишаха: «Помилуй, сестрица, что с тобой, отчего ты заболела?» — мальчик об этом ничего не говорит. «И я не знаю, что со мной»,— отвечает он. Девушка дает ему целую груду лекарств, мальчик, однако, не поправляется. Девушка сокрушается и сама становится печальной. Однажды, когда девушка снова сидела у постели мальчика, он и говорит: «Помнишь, в такой-то день, в таком-то саду, ты видела около себя одного молодца». Девушка вспоминает об этом и вздыхает. А мальчик догадывается, что девушка тогда влюбилась в него, и говорит: «Если бы теперь ты вдруг увидела того молодца, ты бы узнала его?» А девушка говорит: «Ах, как не узнать? — его образ все еще стоит перед моими глазами!» Тогда мальчик вытащил изо рта печать старухи и сразу принял свой прежний облик, а девушка при виде этого изумилась и бросается ему на шею. «Помилуй, мой возлюбленный, это что же такое?» — спрашивает она. А мальчик отвечает: «Таковы дела» — и рассказывает ей обо всем по порядку. Сам он уже поправился, ночь и день проводит с девушкой в любви и наслаждении.

Теперь послушай дело с другой стороны. Оказывается у падишаха был еще сын-молодец. Тот однажды, придя в комнату своей сестры, тут же увидел мальчика и, думая, что это девушка, влюбился в него. Он идет к отцу и говорит: «Я видел у сестры одну девушку, возьми ее за меня; если не возьмешь, я заболею». Напрасно отец говорил: «Ах, сынок, ее нам оставили, как эманет; к тому же она не девушка, а молодая женщина»⁴. Мальчик говорит: «Будь что будет, а я ее хочу». Когда он так сказал, отец, рассердившись, прогоняет его прочь со своих глаз. После этого проходит несколько дней, и мальчик заболевает. Постепенно болезнь его все усиливается; об этом докладывают падишаху: «Сын твой заболел из-за той девушки; если пройдет так еще несколько дней, он, пожалуй, умрет, потому что врачи не могли найти никакого лекарства». Едва падишах это услышал,— что ему делать, не его ли это сын? — он в своем сердце пожалел его и посылает сказать мальчику, который назвался девушкой: «Тебя я возьму за своего сына». Только мальчик это услышал, он и отвечает: «А как же это будет? У меня есть муж, это — невиданное дело: выдавать одну женщину за двух мужей; ну, а если хотите насильно, так на то воля падишаха!» А падишах и не слушает его слов; он велит ему сказать: «Что же, мне из-за тебя своего сына терять, что ли? — непременно тебя возьму». А тот — что ему делать? — просит у падишаха три дня срока: «Через три дня вы меня обручите»,— говорит он. Падишах дает ему три дня срока. Тогда мальчик и девушка советуются и думают, что делать. Девушка говорит: «Если кто и найдет способ, так это опять-таки та старуха. Ты беги отсюда, иди к ней, а за тобой и я убегу,— оба мы останемся там, и потом она наверное укажет нам дорогу». Так они и порешили.

Не будем затягивать! Уже в тот вечер мальчик осторожно бежал из дворца и пришел прямехонько в дом той старухи, а на следующий вечер бежит и девушка и приходит к той женщине. Старуха говорит: «Сынок, это очень легко. Здесь вас никто не знает. Если печать, которую я тебе дала, вложить в рот девушке, она превратится в мужчину. Вот ты ту печать отдай девушке, чтобы она вкладывала ее в рот; днем вы будете вместе выходить на базар⁵ и гулять, а наступит ночь — сейчас же придете сюда и будете наслаждаться». И они делают, как научила их ведьма: днем девушка брала печать и вместе с мальчиком выходила на базар под видом мужчины, а вечером она вынимала печать и ложилась в объятия мальчика. А в этой стороне⁶ в пер-

вое же утро замечают, что девушка ночью убежала из дворца, а с девушкой, оставленной как эманет, исчезла и дочь падишаха. Доводят о том до сведения падишаха, а падишах хоть и велит искать повсюду, но нигде и следа ⁷ их не могут найти. А падишах плачет и говорит: «Вот я собирался вероломно изменить доверию: чужую жену хотел выдать за своего сына, а теперь вот и дочь свою потерял!» А здесь мальчик с девушкой проводят время в удовольствии и наслаждении. После этого прошло много времени, и у них кончились деньги. Они говорят об этом ведьме, а та отвечает: «Очень хорошо, найти деньги нетрудно». Говоря так, она снова силой волшебства превращает себя в мужчину, берет с собой мальчика и идет во дворец падишаха. И вот там она предстала пред его очи: «О падишах, по твоей милости я нашел сына, которого искал; теперь я пришел, чтобы ты отдал мне невестку, которая была тебе оставлена, как эманет»,— говорит она. Лишь только падишах это услышал, он растерялся и говорит: «Вместе с твоей невесткой как-то ночью пропала и моя дочь. Я уж так искал ее, но не мог напасть на их следы!» Говоря так, он не может ее уломать: женщина начинает плакать, рвет на себе волосы ⁸: «Как это случилось, что моя невестка пропала у тебя во дворце? Кто знает, что вы с ней сделали?» — кричит она и поднимает на ноги весь мир. «Что там хотите, а я требую свою невестку»,— говорит она.

Падишах видит, что ей трудно втолковать, что убедить ее ни в чем нельзя, и приказывает дать ей десять тысяч червонцев. Женщина не соглашается. «Если будет хоть на один золотой меньше ста тысяч червонцев, я не возьму. А не то — найди мне мою невестку!» Что с ней делать? Падишах приказывает сделать так, как она сказала, и ей дают сто тысяч червонцев. Как только женщина получила сто тысяч червонцев, она вместе с мальчиком приходит домой. Тот дом они сносят до основания и вместо него заново строят конак, а после этого мальчик обручается с девушкой. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей они соединяются друг с другом и вместе со старухой проводят там время до самой смерти.

22. Рассказ о плачущем гранате и смеющейся айве

 Повествователи событий и передатчики преданий¹ рассказывают так, что в прежние времена у одного падишаха было девять дочерей. Когда однажды сидел он с султан-ханым, он размышлял: «Если я умру, у меня не будет сына, который сядет на престол; если и на этот раз будет девочка, я тотчас тебя убью»,— сказал он. Наконец султан-ханым несколько месяцев спустя родила опять девочку. Тотчас султанша и бабка делают из воска поддельный зекер и приклеивают его к фердже дитяти. Затем входит в покои отец; лишь только он все это увидел, он так и обрадовался, повеселел от счастья. Бабка говорит: «О падишах мой,— да будут светлы ваши очи! — у вас родился мальчик». И они осторожно показали ему зекер ребенка. У него больше не осталось сомнений. Наконец этот ребенок подрос, и, когда пришло время делать ему сюннет², однажды султан-ханым, удалившись в одну комнату, начала рыдать. Как только упомянутая³ девочка, подойдя к своей матери, увидела, что та рыдает, она сказала: «Матушка, что случилось? — ты так стонешь и рыдаешь!» А мать ее говорит: «Ах, доченька, если не мне, то кому же еще плакать, потому что, когда ты была ребенком, мы тебя отцу твоему выдали за мальчика, а между тем ты — девочка. Тебя твой отец все время считает за мальчика, и вот теперь наступило время твоего сюннета. Как только он увидит, что ты девочка, он в тот же миг меня убьет. Вот поэтому я и плачу». Только она это сказала, упомянутая девочка и говорит: «Матушка, ты об этом нисколько не печалься. Я пойду к отцу и попрошу его в этом году мне сюннета не делать». Когда наконец наступило утро, ребенок встал, пришел пред очи падишаха, поцеловал у него руку и начал плакать. Когда падишах спросил: «Сынок, почему ты так рыдаешь?» — ребенок сказал: «Батюшка, вы будете делать мне сюннет,— оттого я и рыдаю, потому что мал я еще». Когда ребенок так сказал, отец его ответил: «Ты не плачь: на этот год пусть все остается так, а в будущем году тебе сделают сюннет». Девочка еще раз поцеловала руку у своего отца и весело побежала к матери. «Я уговорила отца: мне сделают сюннет в будущем году». Когда она так сказала, мать также обрадовалась, взяла свою дочь к себе на колени и поцеловала ее

в глаза. Когда же наконец наступил и второй год, мать девочки снова удалилась в одну комнату и начала плакать. Как только девочка, войдя туда, увидела, что мать плачет, она спросила: «Матушка, отчего ты плачешь?» Когда она так сказала, мать и говорит: «Доченька, и этот год прошел, что мне делать — не знаю!» А девочка по-прежнему пошла прямо к своему отцу и каким-то образом уладила все. И на этот раз отец, не желая обижать ребенка, отложил сюннет еще на год. Тогда она на радостях пошла прямо к матери и обратилась к ней: «Матушка, на этот год я тоже уговорила отца, больше не плачь», — сказала она. С тех пор прошло много времени; истек наконец и третий год, и снова султан-ханым, войдя в одну комнату, начала рыдать — хюнгюр-хюнгюр! ⁴ А наша девочка, лишь только увидела, придя из школы, что мать ее так плачет, не могла этого выдержать и принялась плакать вместе с нею. Мать ее обратилась к ней: «Ах, дочь моя, два года тебе как-то удавалось заставить отца отложить сюннет: вот и этот год прошел, а между тем и ты подросла, теперь этому уже ничем не поможешь — завтра твой отец меня убьет. Сегодня последний день моей жизни». Девушка сказала: «Ах, дорогая матушка, завтра, когда отец позовет меня, чтобы делать сюннет, я пойду попрошу позволения полчаса погулять, потом пойду в конюшню, сяду на быстрого коня и на нем спасусь бегством. Смотри, не плачь обо мне! Я уеду отсюда в другие страны и там останусь. Пусть душа моя будет жертвой за тебя» ⁵. И они остановились на этих ее словах. Наконец наступило утро. На большой площади раскидывают шатры и приготавливают место для сюннета. В расчете на то, что шахзадэ будут делать сюннет, в тот день народу собралось такое множество, что и не сосчитать. Отец подозвал шахзадэ и сказал ему: «Сын мой, тебе исполнилось уже тринадцать-четырнадцать лет, не отказывайся: сейчас же, сегодня, тебе будет сделан сюннет». Когда он так сказал, упомянутая девочка говорит: «Отец, дай мне полчаса сроку: я эту площадь объеду на коне, а там пусть делают мне сюннет». — «Очень хорошо, сынок», — сказал отец и позволил ей поездить полчаса. А та приходит прямо на конюшню, глядь! — а там стоит вороной, черный без крапинки, конь. Как только она подошла к коню и начала плакать, конь заговорил человеческим голосом: «О султанша, чего ты так рыдаешь?» Только он это сказал — девочка испугалась и отвечает коню: «Ах, конек мой, кому же плакать, как не мне? Ведь отец мой с самого дня моего рождения считает меня мальчиком. Сейчас он велит мне сделать сюннет.

Если только дойдет до него в конце концов, что я — девочка, он тотчас же убьет мою мать. Отец отпустил меня на полчаса, и я пришла, чтобы сестра на коня и бежать отсюда!» Когда девушка рассказала ему все, упомянутый конь и говорит: «Султанша, ты об этом не беспокойся. С великого соизволения аллаха возьму я тебя, и мы убежим в другие края, но вот какое тебе предостережение. Когда ты будешь скакать на мне, держи крепче поводья, сколько есть у тебя силы, а также мою уздечку. Береги себя, потому что я помчусь, как веющий вихрь: если даже мне вслед пустят пулю, то и она меня не догонит. Держи себя и ты, считаясь с этим». Наконец девочка там же села на коня и объехала всю площадь с одного конца до другого. Воины, которые были там, любовались своим шахзадэ. Когда прошло ровно полчаса, упомянутый конь быстро выехал из среды воинов и умчался, как порыв ветра. Только увидали это люди на площади, они тотчас побежали к ее отцу и рассказали обо всем. Сейчас же за ними на дорогу бросились люди, но не могли найти и следа от них. И, вернувшись обратно, они опять доложили о том падишаху. Падишах и весь народ облеклись в траур по шахзадэ. Все воины, которые там были, разошлись по своим местам.

А мы перейдем к шахзадэ⁶. В тот миг, когда наш конь взял ее, он за один день перенес ее в страну на шесть месяцев пути, остановился и говорит девушке: «О султанша, пока что я тебя спас, а теперь отсюда ты уж сама иди, куда хочешь, и береги себя». Девушка спустилась с коня и принялась плакать. «Ах, мой заветный конь! Сперва аллах, а потом ты⁷. Сейчас я отсюда уйду, но если со мной стряsetся беда, что я буду делать?» Когда она так сказала, конь и говорит: «О султанша, я дам тебе три своих волоска, ты спрячь их у себя; если с тобой что-нибудь случится, тогда ты вытащишь эти волоски, потрешь один о другой, и я тотчас приду к тебе на помощь, о султанша!» — «Очень хорошо», — сказала девушка, взяла волоски у этого коня и положила их за пазуху. Потом девушка рассталась с конем и пошла в путь, а конь как-то сразу исчез.

Девушка идет-идет и приходит в какой-то город. Вдруг она видит перед собой громадный дворец, а поблизости от него — прекрасную кухню. А время было вечернее. Тотчас она, переменяв свою одежду, вошла прямо в эту дворцовую кухню и вот видит, что повара спешно готовят еду. Тотчас она подошла к ним: «Мастера, возьмите меня к себе в подмастерья». Когда она так сказала, они с укором говорят ей: «Разве ты не видишь, у

нас головы идут кругом — что мы будем делать с тобой?» Наконец, умоляя их, она как-то смягчила их сердца, и они согласились. Девушка⁸ во всем им прислуживала. Наконец та девушка обратилась к одному из них: «Мастер, почему вы с такой спешкой готовите еду?» — спросила она. А они сказали: «Ах, сынок, в этот город, раз в шесть лет, ночью является дэв, выгрызает печень у падишаха и уходит. Завтра вечером — время его прихода. Поэтому мы сегодня все в тревоге». Лишь только девушка услышала это, она так и прикусила себе палец⁹. В конце концов, в ту ночь девушка не спала и вместе с поварами до утра готовила еду. Когда наступило утро, девушка пошла оттуда во дворец и поднялась прямо наверх. Она вошла в одну комнату, глядь! — сидит султанша, вся с головы до ногтей¹⁰ в черном одеянии. Потом она вошла в другую комнату, глядь! — и тут султанша, как и первая, вся в черном, и все убранство в комнате тоже черное. Тогда она вошла в третью комнату, глядь! — а посреди комнаты в постели султанша с головы до ногтей в алом одеянии. Тогда она вошла в комнату, где находился падишах, и смотрит — а падишаху дали понюхать эфиру, и он без сознания лежал в углу. В это время наступил вечер, и срок прихода дэва приближался. Эта девушка достала из-за пазухи волоски, данные конем, и когда она потеряла их один о другой, тотчас явился тот конь и спросил: «Чего желаешь, о султанша?» Девушка ответила: «Я хочу от тебя такой меч, чтобы, когда я поражу им громадного дэва, он бы раскрыл его пополам». Конь в ответ сказал: «Возьми, султанша, вот тебе меч. В то место, в которое раз ударишь, второй раз не бей». Так он сказал и исчез. Девушка взяла тот меч, пришла прямо в комнату, где был падишах, тихо вошла внутрь и где-то спряталась. Когда наступила полночь, прямо с небес грянул гром, и все кругом стало черно, как смоль. Едва только на середину комнаты грохнулся громадный дэв — кюткют!¹¹ — она со словами «О аллах!» с такой силой обрушила этот меч на голову дэва, что отделила ему голову от тела, и из дэва раздался такой голос: «О йигит! Дай-ка я узнаю, что ты за молодец, — бей еще раз!» Однако девушка, вспомнив тот совет, что дал ей конь, промолчала и больше не стала бить. Душа того дэва вышла из тела и отправилась в преисподнюю. Тогда девушка подошла к дэву, отрезала одно ухо и положила его в карман. А сама она стала прислуживать на кухне таким же способом, как и раньше. Наконец, когда наступило утро, падишах пришел в себя: «Ах, неужели я остался жив?» И вдруг глядь! — посреди

горницы лежит страшный черный дэв; у того, кто на него посмотрел бы, душа бы в пятки ушла¹². «А кто же убил этого дэва?» — подумал он про себя и вознес благодарность аллаху. И вот он вышел из своих покоев. Лишь только дворцовая челядь увидела шаха, все так и застыли от удивления. «Машаллах! Падишах наш остался жив!» — и все стали славить и превозносить аллаха. Падишах начал говорить: «Кто убил этого дэва нынче ночью?» Когда он так сказал, все выступили вперед, один за другим, и сказали: «Мы убили, о падишах». Тогда падишах пожаловал им ценные подарки. Все они, вплоть до поваров, были награждены, а наша девушка не пошла. Повара обратились к ней: «Подмастерье, мы получили от падишаха подарки, а ты что стоишь? — ступай и ты, получи подарок!» А девушка в ответ сказала: «Если я пойду пред очи падишаха, он меня сразу прогонит». А те говорят: «Нет, зачем он тебя прогонит, — подарок даст!» И они заставляют ее пойти. Девушка встала, пошла пред очи падишаха и обратилась к нему: «О падишах, этого врага дэва убила я». Когда она так сказала, падишах не поверил ей: «Что ты за богатырь такой, чтобы его убить?» Когда он так сказал, девушка сказала в ответ: «О падишах, если ты не веришь, я покажу тебе ухо дэва». Тогда девушка достала из кармана дэвье ухо и отдала падишаху. «Если вы мне не верите, пойдите, взгляните на голову дэва», — сказала она. Тогда пошли к дэву, глядь! — на самом деле одного уха не хватает. Падишах сказал ей в ответ: «Дитя мое, проси у меня, чего хочешь», а девушка сказала: «О падишах, я прошу только, чтобы ты был здоров». Ее еще раз спросили, она ответила так же. В третий раз, когда ее спросили, она сказала: «О падишах, в этой комнате есть девушка в алом одеянии, я хочу взять ее за себя». — «Ах, сын мой, я выдавал ее за столько красивых йигитов, они ей не понравились: она не приняла их. Что тут будешь делать с этой потаскухой? А в другой комнате есть у меня мои любимые дочери, одетые в черное; я выдам за тебя одну из них», — сказал падишах, а девушка сказала: «О падишах, мое сердце полюбило ту; если дашь ее — дай, а другой я не желаю». Тогда падишах тотчас приказал позвать девушку, одетую в алую одежду; она явилась пред очи падишаха и остановилась, почтительно скрестив руки¹³. «Ах, дочь моя, тебя сватает этот молодец, примешь ли ты его?» — сказал падишах. А девушка сказала в ответ: «О падишах, дай мне сроку одну эту ночь: я просплю ее до вещего сна и назавтра дам ответ». Тогда падишах дал ей разрешение, и девушка напра-

вилась в свою комнату. Когда наступила ночь, девушка, убившая дэва, подойдя к двери горницы той девушки, которая была в алом одеянии, стала подсматривать в щелку замка и увидела, как девушка поставила посреди комнаты золотой таз, а в нем было немного сладкой воды. И вот в скором времени через окно влетел голубь, погрузился в этот таз и искупался; отряхнувшись, он стал молодцом, что твоя луна¹⁴, потом лег в постель, обнял девушку, и они начали предаваться любовным утехам. Девушка сказала: «Ах, свет моих очей, мой эфенди, сегодня отец позвал меня и сказал, что выдаст меня за одного жалкого человека, а я взяла на эту ночь позволение погадать перед сном, но это только для того, чтобы с вами посоветоваться». Молодец в ответ сказал: «Султанша, у дэвов такого-то места есть зеркало. Взять его никто не осмеливается. Завтра предложи ему: «Если ты принесешь это зеркало, я пойду за тебя». А девушка снаружи все это слышала. Наконец они порешили на этом. Когда наступило утро, тот молодец, как и прежде, обернулся птицей и улетел отсюда. А та девушка вышла из комнаты, пришла пред очи падишаха и обратилась к нему: «О падишах, в таком-то месте у дэвов есть зеркало; если этот молодец его принесет, я пойду за него»,— сказала она. Тогда падишах призывает этого йигита¹⁵: «Сынок, не говорил ли я тебе, что эта девушка только забавляется? Вот и теперь: есть одно зеркало,— так она требует его». Когда падишах так сказал, молодец в ответ: «О падишах, если будет ваше приказание, я отправлюсь и достану его». А падишах сказал: «Очень хорошо, достань, сынок!» Наконец эта девушка вышла из дворца; тотчас же она достала из-за пазухи волосы, данные ей конем, и, когда потеряла их один о другой,— тотчас явился упомянутый конь. Когда он спросил: «Чего желаешь, султанша?»— девушка сказала в ответ: «Ах, мой избавитель-конек! В таком-то месте у дэвов есть зеркало, я хочу его достать».— «Очень хорошо, султанша, садись ко мне на спину»,— сказал он, и девушка села верхом на того коня, а конь пустился в путь, как порыв ветра. Несколько времени спустя конь подлетел к огромной горе и остановился. Обращаясь к девушке, он сказал: «О султанша, я тебя довез до сих пор,— теперь ты иди к горе, которая находится впереди тебя. Там и есть место дэвов. Ты взгляни на них: если глаза их закрыты, они не спят; если открыты — они погружены в сон. Тотчас потихоньку войди внутрь; у их изголовья и висит то зеркало. Скорее бери зеркало, повернись и, не оглядываясь назад, иди ко мне». А девушка сказала: «хорошо» — потом под-

нялась на ту гору и пришла прямо в дэвье место. И вот она видит, что глаза дэвов открыты; она поняла, что дэвы погружены в сон. Тотчас она вошла внутрь, взяла зеркало, повешенное в головах у дэвов, и повернула назад. Пока она, не оглядываясь, шла назад к тому коню, дэвы проснулись и начали вопить: «Эй, молодец, верни наше зеркало!» И они стали швырять в нее камни величиной с гору. А девушка, не обращая на это внимания, побежала скорее к упомянутому коню. Тотчас она села на него верхом, и конь, что было мочи, подобно вихрю пустился в путь. А дэвы сзади так и застыли, смотря ему вслед. Наконец те несколько времени спустя подлетели ко дворцу. Девушка спустилась с коня и вдруг, глядь! — он уж исчез. Тогда девушка вошла во дворец, предстала пред очи падишаха и, обращаясь к нему, сказала: «Вот, о падишах, я принес зеркало, которое вы требовали». Падишах сейчас же призвал девушку в алом одеянии: «Зеркало, которое ты требовала, вот этот молодец принес». Когда он так сказал, девушка взяла зеркало и сказала: «Отец, на сегодняшнюю ночь дай мне отсрочку, а завтра я вам дам ответ». А падишах сказал: «Очень хорошо», и девушка заперлась в своей комнате. Тот молодец также вышел из комнаты и спрятался в скрытом месте. Наконец, когда наступила ночь, он подошел к двери девушкиной комнаты и стал подсматривать через замочную скважину. А упомянутая девушка, так же как и раньше, поставила на середину комнаты золотой таз — и тотчас влетел через окно прежний голубь, погрузился в золотой таз, отряхнулся и превратился в такого молодца, как лев¹⁶. И вот он лег в постель, и они обнялись друг друга. После этого девушка, обращаясь к нему, сказала: «Ах, радость сердца моего, свет очей моих, эфенди мой! То зеркало, о котором ты говорил, пошел и достал у дэвов тот жалкий человек, а я отпросилась на эту ночь для того, чтобы с вами посоветоваться; надо что-нибудь придумать». А тот молодец сказал в ответ: «Султанша, ты об этом не горюй! В таком-то месте у дэвов есть камень шемширек¹⁷; никому не под силу его взять. Завтра ты потребуешь его от этого молодца, а он не сумеет принести, и мы снова останемся друг с другом». А девушка за дверью все это слышала. Наконец, когда наступило утро, тот молодец, как и прежде, обернулся птицей и вылетел в окно; тотчас та девица вышла из комнаты, предстала пред очи падишаха и сказала: «Батюшка, в таком-то месте у дэвов есть камень шемширек; если тот молодец его достанет, я пойду за него». Тотчас, пригласив того молодца к себе, падишах говорит:

«Сын мой, в таком-то месте у дэвов есть камень шемширек: ты и его достань». Когда он так сказал, тот молодец сказал: «Воля ваша» — и после этого вышел из дворца; тотчас, лишь только он потер те три волоска один о другой, явился упомянутый конь и сказал девушке: «Чего желаешь, султанша?» Когда он так сказал, девушка сказала: «В таком-то месте у дэвов есть камень шемширек; я хочу достать его». Конь ответил: «Хорошо, султанша!» Девушка сейчас же села верхом на того коня, а конь, пыша огнем, как дракон, поднимая пыль и туман, пустился в путь.

Несколько времени спустя он подъехал к огромной горе и там остановился. Девушка слезла на землю, а конь сказал: «Султанша, ты иди по этой дороге; впереди — пещера дэвов. Ты войди в нее, там в расщелине есть камень шемширек, ты его отсюда возьми и приходи, не мешкая, а не то — это твой последний день; и если они тебя как-нибудь проклянут, то сейчас же это проклятие над тобой и сбудется». И девушка, отправившись по дороге, указанной тем конем, несколько времени спустя вошла в пещеру, где обитали дэвы. Пробравшись как-то внутрь, она взяла камень шемширек в расщелине, и, когда, возвращаясь, подходила к коню, вдруг дэвы встали от сна и пустились ее преследовать. Но так как они не могли догнать ее, то стали кричать ей вслед: «Во имя аллаха! Молодец, если ты мужчина — стань девушкой, если ты девушка — стань мужчиной!» Наконец та девушка второпях подбежала к коню: «Вот, взяла». Когда она так сказала, конь в ответ: «Султанша, вслед тебе не посылали ли они проклятья? Если послали — плохо, тогда уж не будет тебе удачи». Лишь только он так сказал, девушка в ответ: «Вслед они мне сказали так: «Во имя аллаха! Если ты мужчина — стань девушкой, если ты женщина — стань женщиной!» И вдруг девушка осматривает себя, глядь! — что ты скажешь? У нее и на самом деле стал зекер, как у мужчины. Лишь только конь заметил то, что произошло с девушкой, он тоже очень обрадовался. А девушка подумала про себя: «Вот то, чего я только и желала; да будет благодарность аллаху; исполнилось мое желание!» Конь сказал: «Шахзадэ, отныне все, что пожелаешь, я для тебя, не обинуясь, сделаю, потому что ты стала женщиной». Тогда девушка села верхом на того коня, а конь, как вихрь, как ураган, помчался и через некоторое время, подлетев ко дворцу, остановился. Шахзадэ спустился с коня, и конь исчез. Шахзадэ тотчас вошел во дворец и предстал пред очи падишаха: «О падишах

мой, желанный для вас камень шемширек я привез». Лишь только он так сказал, падишах тотчас призвал свою дочь: «Дочь моя, этот молодец достал и камень, который ты требовала, теперь что ты выдумаешь?» — сказал он. А девушка в ответ: «Отец, ради аллаха, дай мне отсрочку на эту ночь, завтра я непременно дам ответ». — «Хорошо, дочь моя, до завтра», — сказал он. Тогда та девушка направилась в свою комнату.

А шахзадэ вышел из комнаты и спрятался в скрытом месте. Когда наступила ночь, он подошел к двери комнаты, в которой жила та девушка, и, как и раньше, стал подглядывать в дверную щель. А девушка поставила посреди комнаты золотой таз, и тотчас из окна появился тот голубь и вошел в него; выкупавшись там, он отряхнулся и, обернувшись молодецком, таким, как луна, — тут же вошел в объятия девушки, и они начали обнимать друг друга. Немного времени спустя девушка обратилась к молодцу: «Ах, эфенди мой любимый! ¹⁸ Тот жалкий малый достал камень шемширек, который ты указал, — что с нами теперь будет?» А тот молодец сказал: «Султанша, ты об этом не сокрушайся! Разве я не сын падишаха пэри, чтобы мне не найти какого-нибудь способа? Среди нашего собственного сада есть плачущий гранат и смеющаяся айва. Если кто-нибудь подойдет к этим деревьям и протянет к ним свою руку, тогда гранат начнет плакать, а айва, увидев его плачущим начнет смеяться. К ним никто не может подойти. Завтра, сколько ни есть у отца моего воинов, — всех я вооружу, и мы будем стоять наготове ночь и день под этим деревом. Если тот малый придет, мы его там уьем. Завтра, если ты потребуешь от него это дерево, он и отправится за деревом, а мы, лишь только его там увидим, уьем его, застрелив из ружей и пушек». А девушка, лишь только услышала это, обрадовалась. Они здесь и порешили насчет того дерева. Потом тот молодец, как и раньше, обернулся птицей, вылетел из окна и направился в свой дворец. Там он вооружил воинов, и они, подойдя под эти деревья, засели под ними.

А мы перейдем к той девице. Когда наступило утро, она вышла из своей комнаты и, представ пред очи падишаха, обратилась к нему: «О падишах, в таком-то месте, в саду падишаха пэри, есть плачущий гранат и смеющаяся айва. Если этот молодец достанет те деревья, я уже не скажу — нет: непременно пойду за того молодца», — сказала она, и падишах тотчас призвал того молодца пред свои очи и обратился к нему: «О молодец, в таком-то месте, во дворце падишаха пэри, есть плачущий

гранат и смеющаяся айва: если ты достанешь их, я тебе эту девушку своей рукой отдам»,— заключил он.

А тот молодец в ответ: «Падишах, я достал тебе все те вещи, которые ты просил; иншаллах, я, раб ваш, достану и те деревья». Сказав так, он взял разрешение у падишаха и вышел из дворца. Тотчас он вытащил из-за пазухи те волоски и, лишь только потер их один о другой,— явился упомянутый конь и обратился к нему: «Чего желаешь, о шахзадэ?» — сказал он, а шахзадэ сказал: «Ах, мой заветный конь, в таком-то месте, во дворце у падишаха пэри, есть плачущий гранат и смеющаяся айва, я хочу их достать». Лишь только он так сказал, конь в ответ: «Ах, шахзадэ, это — довольно трудно, но ради тебя я жертвую собой. Отправимся, посмотрим-ка, что будет». Тотчас шахзадэ сел верхом на того коня, а конь, как дракон, рассыпая в обе стороны искры изо рта и носа, пустился в путь. Через некоторое время он проехал весь путь и влетел в какую-то страну.

На дороге — три мальчика. У них баранья шкура¹⁹, шапка, плетка и стрела. Эти четыре вещи остались мальчикам в наследство от родни. Эти три брата не могут никак разделить их и спорят друг с другом. Когда конь их всех увидел, он сказал: «Шахзадэ, эти вещи тебе очень нужны, ступай, уговори этих мальчиков, отбери их у них!» Лишь только он так сказал, шахзадэ сказал: «Хорошо!» — и пошел к тем мальчикам. «Почему вы так спорите, стойте, я поделю между вами эти вещи» — и он берет с земли стрелу. «Я брошу эту стрелу: кто из вас придет раньше и возьмет эту стрелу, тому и будет принадлежать наследство»,— сказал он. Те мальчики на это согласились. Шахзадэ, размахнувшись что было силы в руке, метнул стрелу. Те мальчики со всех ног бросились туда, куда полетела стрела. Шахзадэ взял шкуру, шапку и плетку, которые остались там, а на месте каждой вещи положил по пригоршне золотых, и тотчас, прибежав оттуда к коню, сел на него верхом, а конь, не задерживаясь, пустился в путь. А мальчики пришли и видят, что на месте каждой вещи — пригоршня золотых. Они с радостью взяли золото. Наконец, шахзадэ и тот конь ехали-ехали и подъехали ко дворцу падишаха пэри. Конь сказал: «Шахзадэ, ты надень шапку, садись на шкуру и хлестни по ней плеткой; тогда она взвонется в воздух, и ты спустишься прямо на то дерево. Ударив по тем деревьям, ты вырвешь их с корнем и принесешь ко мне». Тогда шахзадэ надел шапку и каким-то образом вошел во дворец; про-

ник в комнату, в которой находился сын падишаха пэри, глядь! — а девушка в алом одеянии и тот молодец сидят и предаются любви. Шахзадэ тотчас подсел к ним, но его никто не видит. После этого принесли еду; пока девушка и молодец сидели и ели, шахзадэ также, сидя с одной стороны накрытого стола, начал кушать. Они смотрят: с другой стороны блюда еда убавляется. Тогда молодец сказал: «Султанша, вот это — передо мною, то — перед тобою, а вон то перед кем?» Девушка тоже удивилась. Наконец они кончили кушать, взошли на миндэр и уселись перед окном. Девушка дала молодцу вышитый платок в подарок. Шахзадэ взял тот платок с миндэра и положил его себе за пазуху. А те смотрят — на миндэре платка нет; они начали шарить внутри комнаты, но не могли его найти. Тогда шахзадэ сел верхом на коврик, хлестнул по нему плеткой и взвился в воздух. Тем временем наступила ночь. Тотчас шахзадэ влез на плачущий гранат и смеющуюся айву. Ухватившись за эти деревья, он рванул их изо всей силы и вытащил вместе с корнем: одно из деревьев плачет, другое — смеется. Когда он взял их, он вместе с ними поднялся под небеса. Лишь только войны, бывшие там, увидели, что деревья исчезли, они закричали: «Ой-ой! Не стойте на месте, бейте!» Когда началась свалка, войны перепугались и, думая, что это враг, перебили друг друга. А те двое глядели из окна. Лишь только они увидели, что деревья исчезли, они вздохнули и поняли, в чем дело. Сын падишаха пэри сказал: «Султанша, он похитил и подарок, который ты мне дала, и эти деревья; после этого я отказываюсь от тебя, чья бы ты теперь ни стала». Когда он так сказал, девушка со слезами вышла из дворца, предстала пред очи падишаха и осталась там жить.

А мы перейдем к шахзадэ. Он, взяв деревья, пришел прямо к упомянутому коню, сел на него верхом, и они отправились в путь. И вот они прибыли во дворец, а шахзадэ, спустившись с коня, прошел прямо к падишаху, поставил на землю те деревья и сказал: «О падишах, вот, принес!» Когда он так сказал, падишах сказал: «Хвала тебе, сын мой, ты оказался очень искусен: кому же более смелому и отдать мою дочь, как не тебе?» Тотчас их обручили. Сорок дней, сорок ночей справляли праздник свадьбы, а потом шахзадэ взял оттуда девушку и вместе с ней уехал во дворец своего отца. Представ пред своей матерью и отцом, он каждому поцеловал полу, потом сел и рассказал все, что с ним случилось — одно за другим. И отец и мать его диву да-

вались. Наконец, вторично обручив с шахзадэ эту привезенную им девицу, они сорок дней, сорок ночей справляли свадьбу. И они достигли своих желаний.

23. Шах Шабур и шах Бухары

 В прежнее время был один падишах, и был у него на свете только один сын. Так как этот падишах очень любил своего сына, то он и говорит своему везиру: «Лала, отправимся-ка мы с тобой в путешествие, найдем еще одного мальчика, похожего на моего, и привезем сюда: пусть их живут, как братья, и растут оба в одном месте». Лала говорит: «Воля твоя, шах»¹. И вот каждый из них велит сделать для себя дервишскую одежду. Они надевают ее и затем отправляются в путешествие.

Идут они сколько-то дней и вот однажды встречаются одного земледельца². С этим земледельцем был мальчик, ну прямо вылитый шахзадэ! И вот они приветствуют земледельца, а тот, увидя их, говорит: «Ох, добро пожаловать, отцы-дервиши!» Он идет им навстречу, оказывает им уважение, и вот до вечера они сидят вместе. Когда наступает вечер, земледелец поднимается, чтобы идти домой. Дервишей он также приглашает с собой, и вот все вместе идут. Они поужинали, выпили кофе, выкурили чубук и начинают беседовать. Вдруг падишах и говорит земледельцу: «Дядюшка, этого твоего мальчика отдай-ка нам». А земледелец отвечает: «Да как же я его отдам? — он у меня один на свете!» Падишах говорит: «Душа моя, я дам тебе все, что ты захочешь. Я дам столько золота, сколько он весит. Мальчика этого непременно отдайте!» А земледелец, как только услышал слово: «золото», говорит: «Очень хорошо, отдам я; только вряд ли мать его отдаст! Пойдите-ка, пойду и ее спрошу». С этими словами он встает и идет. «Сударушка³, эти дервиши просят себе нашего мальчика; дадут золота столько, сколько он весит, — что ты скажешь?» А женщина говорит: «У нас один ребенок, как мы его отдадим?» Земледелец говорит: «Дорогая моя, что такое один ребенок? Посмотри на себя: мы — бедняки, а, получив золото, мы станем богачами, и, быть может, алах даст нам другого». Так он уговаривает ее, и жена соглашается. Тогда он идет к дер-

вишам, отдает мальчика, получает золото и начинает жить в свое удовольствие. Как только падишах получил мальчика, он приводит его к шахзадэ. С тех пор и ночью и днем они вместе и считают друг друга братьями.

Проходит довольно много времени. Мальчикам исполняется пятнадцать-шестнадцать лет. Однажды сын земледельца говорит шахзадэ: «Эй, братец, мы с самого детства сидим тут взаперти. Пойдем-ка к отцу нашему шаху, попросим разрешения немного побродить кругом». А шахзадэ говорит: «Очень хорошо будет; мне тоже давно надоело сидеть!» Оба тут же отправляются к падишаху и рассказывают все, а падишах говорит: «Очень хорошо, дети мои, идите, но не заходите в далекие края, а то вы пропадете». И мальчики, сказав: «Очень хорошо», радостно выходят наружу. Когда они гуляли по городу там и сям, шахзадэ остается в изумлении, так как до сих пор он ничего такого не видел. Сын земледельца говорит: «Эх, братец, кроме этого, какие еще есть красивые страны, виноградники, сады! Если бы ты их увидел, ты бы еще больше удивился». Шахзадэ говорит: «Ой, братец,— как бы сделать, чтобы и те посмотреть?» А тот говорит: «Ах, это просто! Завтра снова получим разрешение погулять здесь. Тогда мы возьмем двух коней из конюшни: на одного сядешь ты, на другого — я, захватим с собой немного денег и убежим». Шахзадэ говорит: «Очень хорошо», и они после этого идут во дворец. Проходит ночь. Когда наступает утро, они снова просят у падишаха разрешения выйти наружу, и падишах их отпускает. Тогда они берут из конюшни двух коней, захватывают с собой сумку с золотом, садятся на коней и уезжают.

И вот через несколько дней они приезжают в страну Шабур⁴. Вот тот день, когда они там гуляли, они проезжают под стенами одного дворца. Шахзадэ увидел в окне дворца одну девушку и тут же в нее влюбился. И вот, после того как они прогуляли целый день, наступает вечер. Они ищут места, где бы уснуть. «Если бы можно было войти в кофейню, да нам не годится спать в кофейне⁵, так как мы слишком молоды. Во что бы то ни стало надо присмотреть какой-нибудь дом», — говорят они и, бродя по кварталу, стучатся в один дом. Изнутри выходит старуха: «Чего вам нужно?» — спрашивает она, а они говорят: «Ах, матушка, мы в эту ночь остались на улице и, так как у нас тут нет никого знакомого, мы и не знаем, куда нам идти. Если у тебя есть место, мы бы стали твоими гостями». А ста-

руха говорит: «Ах, дети мои, у меня дом маленький, я сама в нем еле-еле помещаюсь». А мальчики вытаскивают пригоршню золота и дают ей. Едва только старуха увидела золото, она говорит: «Ах, идите, дети мои! Вы спите в моей комнате, а я найду себе место, где поспать» — и принимает их в дом. И вот они сходят с коней, привязывают их там же к дереву, а сами располагаются в комнате. Поужинав, ложатся спать, но только шахзадэ от любви к девушке — вот уже полночь, а все не может заснуть. Сын земледельца, проснувшись, видит, что шахзадэ уселся и плачет. Он сразу вскакивает: «Ой, братец, что с тобой, чего ты плачешь?» Как только он спросил, шахзадэ отвечает, что он влюбился в девушку, которую видел во дворце. Тогда мальчик поднимает старуху и спрашивает, кто такая та девушка во дворце, а женщина говорит: «Дитя мое, та девушка — дочь шаха Шабура». Мальчик говорит: «Ах, матушка, мой брат в нее влюбился, не поможешь ли ты ему?» А старуха говорит: «Нет, сынок, тут ничем не помочь, потому что эта девушка уже семь лет как обручена с сыном шаха Бухары. Теперь, через три дня, будет свадьба, и она уедет». Шахзадэ, слыша это, принялся еще пуще рыдать. Мальчик говорит: «Молчи, братец, молчи! Непременно что-нибудь да придумаем» — и успокаивает его. Мальчик переговаривается со старухой: «Как бы нам с ней встретиться? Научи меня». А старуха говорит: «Сынок, встретиться с ней очень трудно; но у нее есть портной; ступай к портному, быть может, он тебе укажет способ». И мальчик, как только наступило утро, разорвав себе карман, идет к девушному портному. «Помоги тебе аллах, хозяин», — говорит он и присаживается около портного. А портной видит — молодой парень. «Что надо, сынок, чего ты хочешь?» А мальчик говорит: «Посмотри-ка, мастер, карман у меня разорвался, почини-ка его». Портной смотрит на карман мальчика. «Дорогой мой, это как же ты разорвал, — верно нарочно?» А мальчик говорит «да» и начинает рассказывать про шахзадэ. «Не можешь ли ты найти способ, чтобы брата моего свести с девушкой, потому что от любви к ней он заболел?» А портной пожалел шахзадэ. «Сынок, я не могу указать тебе способа, но — была не была! — может быть ходжа девушки сможет это сделать. Иди, попроси», — говорит он и отправляет мальчика. А мальчик берет под мышку книгу, идет прямо в школу, целует ходже руку: «Ходжа, я пришел, чтобы ты поучил меня», — говорит он, и ходжа говорит: «Очень хорошо, сынок, открой-ка книжку». И мальчик садится,

открывает книжку и начинает бегло читать. Ходжа видит, что у мальчика нет ни одной ошибки. «Сынок, ты же читать умеешь, чему тебя еще учить?» А мальчик припадает к рукам и ногам ходжи. «Помилуй, ходжа-эфенди, у меня есть брат; однажды он увидел дочь падишаха, влюбился в нее и теперь от любви к девушке заболел и лежит на смертном одре. Не можешь ли ты найти какой-нибудь способ, чтобы свести разок девушку с моим братом?» А ходжа пожалел шахзадэ. «Сынок, я не могу тебе найти никакого способа; одно только я могу сделать — это отвести тебя к девушке, а потом уже смотри сам, что делать». А мальчик говорит: «Ах, очень хорошо! Ты сведи меня к девушке, и я добьюсь ее согласия». Ходжа говорит: «Коли так, вставай, надевай фередже, и пойдем!» Тогда мальчик надевает фередже и принимает облик женщины, и они вместе с ходжой идут прямо к девушке. Ходжа пришел к девушке и говорит: «Дочь моя, вот я привел к тебе мою старшую ученицу⁶, пусть она даст тебе урок, а я сегодня не могу прийти, потому что в мечети надо читать молитву⁷, и я иду туда». С этими словами он оставляет мальчика и уходит. Девушка подходит и говорит: «Сестрица, сними фередже, посидим-ка». Мальчик сбрасывает фередже, припадает к ногам девушки и начинает плакать и просить. Лишь только девушка это увидела, она остановилась в изумлении: «Дорогая моя, чего ты плачешь? Какое у тебя желание? Все, что в моих силах, я постараюсь сделать». А мальчик, лишь только это услышал, говорит: «Нет, не верю, а вот, если ты поклянешься, тогда я скажу». Девушка клянется: «Постараюсь, насколько это в моих силах». Как только она так сказала, мальчик начал рассказывать: «Султанша! У меня есть брат. Недавно, когда он проходил здесь, он каким-то образом увидел в окно тебя и влюбился. Теперь от тоски по тебе заболел — лежит. Я умоляю тебя: делай, как знаешь, но хоть один-то разок вы все же повидайтесь». А девушка говорит: «Ах, ведь и я в то время, как он проходил здесь, видала его. Теперь его образ не уходит от моих глаз, но что же я сделаю? Если бы это было раньше, может быть, мы бы и свиделись, а теперь через три дня я выхожу замуж за сына шаха Бухары! Что мне делать? — и я в него влюблена, но все это не зависит от меня». Мальчик снова начинает ее упрашивать: «Конечно, ты найдешь какой-нибудь способ. Если брат мой с тобой не увидится, то не сегодня-завтра он умрет, и тогда грех будет на тебе». Едва он так сказал, девушка немного призадумалась. «Коли так, в таком-то месте у

наз есть собственный падишахский сад; я дам тебе от него ключи, а назавтра ты приведи своего брата и оставь его в саду»,— говорит она и отсылает мальчика. Мальчик надевает фередже, идет прямо к шахзадэ и все ему рассказывает. Тот день проходит. Когда наступает утро, мальчик берет шахзадэ и отводит его в шахский сад. Сделав там в одной беседке постель, он укладывает шахзадэ. «Вот жди здесь, твоя возлюбленная придет, и вы свидитесь»,— говорит он, а сам уходит.

Шахзадэ лежит, лежит, ему становится скучно, и он погружается в сон. А тем временем в этой стороне⁸ девушка идет к отцу: «Отец-шах, я пойду сегодня в наш собственный сад; только не хочу я, чтобы со мной кто-нибудь был — я одна погуляю. Кто знает, может быть, больше никогда туда и не попаду: может быть, суждено будет, а может быть, и нет»,— говорит она и получает от отца разрешение. Тогда она идет одна-одинешенька. Не будем затягивать! Как только она пришла в сад, она входит прямо в беседку и видит, что шахзадэ спит. Девушка не решается его разбудить, оставляет на груди у мальчика платок, поворачивается и уходит, после чего шахзадэ просыпается; видит, что девушка еще не пришла. И вот он ждет прихода девушки, ждет, но ниоткуда ни шороха. А так как приближается вечер, то в сад приходит мальчик, чтобы забрать шахзадэ. Увидав его, он говорит: «Ох, благодарение аллаху, наконец-то ты девушку повидал!» А шахзадэ говорит: «Какую девушку? Когда она приходила?» Оглядывается туда и сюда и вот находит на груди платок. «Ой-ой! Значит, моя возлюбленная приходила, принесла этот платок» — и он начинает плакать. Болезнь от этого становится еще сильнее. Мальчик говорит: «Молчи, братец, молчи! Во что бы то ни стало мы опять найдем какой-нибудь способ» — забирает шахзадэ и приводит его домой. А на этой стороне свадьба девушки кончилась и она собирается в дорогу. Мальчик как-то бочком-задком⁹ подобрался к девушке. «Смилуйся, султанша! Шахзадэ погибает, найдем какой-нибудь способ, чтобы тебе увидеться с ним». А девушка подумала: «Когда завтра я, выехав отсюда, поеду по дороге, там находится тюрбэ моей матери. Я пойду туда на поклонение¹⁰, а ты возьми шахзадэ и приведи туда; может быть, мы и увидимся»,— говорит она и дает мальчику ключ от тюрбэ. И вот мальчик, взяв ключ, идет к шахзадэ. «Не бойся, братец, не плачь, вот я нашел способ»,— говорит он, берет шахзадэ, и они идут к тому тюрбэ, что указала девушка. Спрятавшись там в угол, они сидят, и вот,

когда девушка со свитой проезжает, путь ее сворачивает сюда. Девушка начинает плакать: «Ах, здесь могила моей матери; я пойду поклонюся ей,—приведется ли еще раз или нет?» — говорит она, слезает с повозки и входит в тюрбэ.

Там она встречается с шахзадэ. Они крепко обнимаются. Мальчик подходит к ним, и они говорят: «Ах, как мы разлучимся теперь друг с другом» — и начинают плакать. Мальчик говорит: «Способ-то есть; только пока я не приду, вы здесь сидите, меня ждите, а затем мы все вместе отправимся к нашему отцу». Она говорит: «Помилуй, как это может быть: снаружи меня ждет столько народу,— если я не приду, меня насильно вытащат!» Мальчик говорит: «Друзья, на это есть средство. Ты сними наряд невесты, который на тебе, а я его надену вместо тебя, выйду наружу и пойду. Только до сорока дней ждите: если я приду, вместе пойдем, а если я не приду, вы идите». Он тут же надевает платье девушки и становится такой невестой, что никто не может его распознать. Затем он выходит, садится в повозку, и они уезжают. И вот он прибывает к сыну шаха Бухары. А у того была сестра. Лишь только она увидела мальчика, он ей полюбился. «Ах, невестушка, я тебя люблю», — говорит она и прижимается к мальчику. Наступает вечер; когда приходит время прийти молодому мужу, мальчик говорит девушке: «Ах, сестрица! Я буду просить тебя об одном: я разлучена с отцом и матерью; у меня сорок дней — траур¹¹. Сорок дней пусть твой брат не подходит ко мне, сорок дней я не приму его». А девушка говорит: «Ах, хорошо, невестушка, я пойду скажу», — и говорит об этом своему брату. А тот отвечает: «Я ее семь лет жду,— так неужели не могу подождать сорок дней? Пусть ее пойдет и сядет; я не пойду к ней». А девушка идет к мальчику и рассказывает ему об этом. В ту ночь девушка ложится спать вместе с мальчиком: «Ох, невестушка, я очень тебя люблю», — говорит она и крепко обнимает мальчика. А мальчик говорит: «Девушка, если бы я была мужчиной, ты бы пошла за меня?» А девушка говорит: «Ах, как же не пойти? Ты — девушка, и то я тебя так люблю, а если бы ты была мужчиной, я бы тебя полюбила в тысячу раз больше. А мальчик говорит: «Это нетрудно; только, если я стану мужчиной, пойдешь ли ты вместе со мной?» А девушка говорит: «Конечно! Если ты куда пойдешь, то я с тобой не разлучусь; но только, раз ты девушка, как ты можешь стать мужчиной?» А мальчик говорит: «Я помолюсь, а ты скажи «аминь», — может быть, наши молитвы будут приняты, и я, хоть

девушка, а стану женщиной». А та говорит: «Ну, посмотрим». Мальчик произносит несколько молитв, а девушка говорит: «Аминь». Прежде чем окончилась молитва, мальчик начинает радоваться: «Молитвы наши приняты: вот я стал мужчиной». И девушка радуется. «Ну, теперь поищем-ка способа бежать»,— говорит она. Взяв с собой вещи — по весу легкие, а по цене дорогие,— они в ту же ночь бегут оттуда. Несколько дней спустя они прибывают в тюрбэ и оттуда, захватив с собой шахзадэ и девушку, отправляются опять в свою сторону. Они целуют руку падишаху и рассказывают все, что с ними случилось. Потом дочь шаха Шабурá выдают за шахзадэ, а дочь шаха Бухары — за сына земледельца. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей обеих в одну и ту же ночь оставляют с молодыми. Они достигли своих желаний — достигнуть бы и нам!

24. Сказка об Искендер-бее

 Водно время был один бей, а у него был сын по имени Искендер. Так как мальчику исполнилось шесть-семь лет, отец отдает его в школу учиться читать и писать. И вот мальчик сколько-то времени ходит в школу, читает, пишет, опережает всех товарищей по школе. Отец очень любит его за то, что мальчик был такой умный. Однажды, когда отец и мать мальчика сидели в саду, на одно из деревьев садится соловей и начинает петь. Бей стал удивляться соловьиному пению: «Кто знает, этот соловей в своей песне... о чем он рассказывает?» — говорит он. А мальчик оказывается кое-что понимал из птичьего языка. Он говорит своему отцу: «Я понял, о чем поет соловей, но вам не скажу». А отец спрашивает: «Почему ты не скажешь?» — «Может быть, вы рассердитесь, вот почему». Бей говорит: «Нет, дитя мое, я не рассержусь; ты только скажи, потому что мне очень хочется знать». Как только он так сказал, мальчик и говорит: «Этот соловей вот что говорит: когда я вырасту, то будто бы буду падишахом, а ты будешь на руки мне воду поливать, а мать будет держать полотенце». Лишь только мать услышала эти слова от своего сына, она рассердилась: «Погляди-ка на этого негодяя, о чем только он думает! Он будет падишахом, а мы уж будем его рабами!» — сказала она и затаила злобу на мальчика.

Слова эти действовали на женщину все больше и больше. Она и говорит своему мужу: «Я стала холодна к этому мальчику, словно лед; глаза бы мои на него не глядели, убей его — от такого ребенка нам добра не будет». Напрасно муж говорил: «Душенька, он — ребенок, что ты обращаешь внимание на его слова? Как я убью свое собственное дитя, открыто, на глазах у всех?» Женщина настаивает: «Если ты его не убьешь, я сама себя убью». И сколько бы муж ни говорил: «Ох, душенька, да разве это возможно? Соберись с умом!» — он не может переубедить жену и видит, что тут ничего не поделаешь. Он велит сделать сундук, берет мальчика и со словами: «Пусть хоть глаза мои не видят его смерти!» — сажает ребенка в сундук. Забив сверху гвоздями крышку, он несет сундук и бросает его в море.

А здесь¹ сундук, качаясь-качаясь по морю, встречается с кораблем. Капитан корабля велит спустить лодку и сундук принять на корабль. Лишь только открыли крышку, глядь! — а внутри мальчик восьми-десяти лет. Он вытаскивает оттуда мальчика и спрашивает: «Кто тебя бросил в море?» И мальчик рассказывает все, как было. Капитан берет его к себе в каюту и везет с собой. Плывя-плывя, они в один из дней стали приближаться к одному городу. Капитан продает этого мальчика везиру той страны. И вот, пока мальчик пребывал в рабстве у везира, падишах как-то велит призвать везира и говорит: «На этих днях повадились три ворона летать в дворцовый сад; каждый день прилетают, орут, мне уж надоел их гам. Наверно, у них есть какая-нибудь нужда, что они сюда прилетают; но нет никого, кто бы знал их язык. Если бы оказался человек, знающий птичий язык, пусть бы он узнал их нужду; того человека я бы сделал моим любимцем² да и дочь мою за него бы отдал». А везир отвечает: «Хорошо, о падишах! Ведь мир не пуст: может быть, мы найдем такого человека, чтобы понимал их разговор». С этими словами он встает и уходит. В тот день телляль кричит: «Того, кто скажет падишаху, о чем говорят эти вороны, падишах сделает своим любимцем и к тому же отдаст за него свою дочь!»

А в этой стороне вечером везир приходит домой. Во время ужина он рассказывает обо всем своей жене. А Искендер, почтительно³ стоя перед везиром, услышал это. Он говорит везиру: «Эфендим, если ты меня завтра завтра сведешь к падишаху, я расскажу падишаху, о чем говорят те вороны». Напрасно везир отвечал: «Проваливай отсюда, ты — голыш! Это не твоего ума дело!» Мальчик говорит: «Дорогой мой, тебе-то что, сведи меня разок».

А везир думает: «Стой-ка, может быть, этот мальчик что-нибудь и понимает» — и соглашается его отвести. Прошла ночь. Как только наступило утро, везир берет мальчика и ведет его во дворец падишаха: «О падишах! Вот, оказывается, этот мальчик понимает птичий язык. А падишах посылает мальчика в сад; прилетают вороны и опять начинают спор. После того как мальчик послушал их немного, он поворачивает обратно, идет к падишаху и говорит: «О султан, я понял слова птиц: одна из них ворон, другая — ворона. Ворон говорит своей вороне: одно время было очень голодно, и ворона, чтобы спасти себя, оставила своих птенцов и улетела, а ворон вырастил птенцов, выкормив их с тысячью забот; потом опять пришло изобилие, тогда явилась ворона и захотела и в гнездо сесть и птенцов забрать. Вот поэтому они и пришли к тебе, чтобы ты их рассудил». Падишах говорит: «Раз так, гнездо принадлежит тому, кто смотрит за птенцами; у вороны нет никаких прав». Мальчик идет и говорит решение падишаха воронам; лишь только они услышали это, прр! — и улетели. Как только увидал это падишах, он удивился мудрости мальчика, позвал его к себе, спрашивает: «Как твое имя?» А мальчик отвечает: «Мое имя — Искендер». Падишаху понравилось, что мальчик такой умный, и хотя он хотел, согласно тому, что было обещано, обручить девушку с ним, но так как мальчик еще мал, то он приказывает ему жить во дворце до тех пор, пока он не вырастет. И мальчик идет во дворец. Лишь только он освободился от рабства, он снова пожелал читать и писать; он читает все, что было нужно, и вот уже не находится ходжи, который мог бы его учить.

Так как мальчик хотел учиться еще больше, то он просит у падишаха разрешения отправиться в Арабистан, и падишах дает свое согласие, но говорит ему, чтобы он непременно вернулся по истечении трех лет. И мальчик, говоря «Хорошо, о падишах», целует руку у падишаха и, сделав все дорожные приготовления, примыкает к одному каравану и отправляется в Арабистан. Там караван останавливается на ночлег в одном хане. А мальчик пишет падишаху Арабистана прошение⁴, чтобы тот принял его во дворец для учения⁵. А падишах говорит: «Очень хорошо» — и делает молодца главным ключником⁶ во дворце. И вот мальчик достигает своего желания и проводит время свое ночью и денно⁷ в чтении и письме, — а что до службы, то он должен был, оказывается, приносить каждый день на ужин поднос с едой падишаха и его дочери. В те дни прибывает сын другого падишаха и

тоже подает прошение падишаху, чтобы читать и писать. Падишах и его принимает, делает его старшим привратником⁸ во дворце. Этот мальчик и Искендер живут как братья. Однажды, поскольку у Искендера было другое дело, ужин для дочери падишаха понес шахзадэ. Лишь только он увидел там девушку, он влюбился в нее, как тысяча сердец, пришел обратно в свою комнату и заболел. Когда Искендер заметил болезнь шахзадэ, он сказал: «Помилуй, брат мой, что с тобой случилось? Отчего ты заболел?» Когда он так сказал, шахзадэ отвечает: «Ах, я и сам не знаю, я схватил какую-то болезнь; где бы мне найти от нее лекарство?» Искендер говорит: «Ага, понял: ты, наверно, влюбился в дочь падишаха?» Хотя шахзадэ немного смутился, но так как Искендер был ему как брат, то он не скрыл от него ничего и рассказывает обо всем (да к тому же еще и по порядку), а вдобавок начинает плакать. А Искендер говорит: «Не бойся, братец, я за тебя своей душой пожертвую⁹, уж мы, конечно, найдем какой-нибудь способ». С этими словами он выходит оттуда, идет прямо на базар, покупает у золотых дел мастера бриллиантовое кольцо за десять тысяч золотых и приносит дочери падишаха: «О султанша, этот перстень дарит тебе шахзадэ», а девушка спрашивает: «Ну, а с какой целью шахзадэ прислал мне подарок?» Искендер говорит всю правду, рассказывает ей, что шахзадэ влюбился в нее и по этой причине заболел. Девушка рассердилась: «Если ты еще раз скажешь мне такие слова, я передам их отцу и велю тебе голову отсечь»,— говорит она и не принимает кольца. А Искендер поворачивается и идет к себе домой. На следующий день он опять покупает на базаре за двадцать тысяч золотых диадему и, относя девушке еду, подает и диадему и к тому же бросается девушке в ноги: «Пощади, о султанша! Будь милостива: шахзадэ от любви к тебе дошел до смерти,— жалко ведь!»— умоляет он ее. При виде этого, у девушки немного смягчилось сердце, но она опять-таки не подает виду: «Если ты еще раз мне такие слова скажешь, я о тебе непременно расскажу отцу»,— говорит она. Искендер опять уходит. На третий раз он берет с собой кинжал и так и входит с ним. После того как он подал кушанье, он вытаскивает кинжал, представляет его к дому своей души¹⁰ и говорит: «О султанша! Или подай мне добрую весть и я отнесу ее к шахзадэ, или я заколю себя этим кинжалом, потому что шахзадэ лежит на смертном одре». Девушка видит, что этот и вправду себя заколет: «Ступай, пусть это будет ради тебя: пойдя, передай поклон; когда за-

хочет, пусть придет ко мне». Лишь только она это сказала, Искендер весело отправляется к шахзадэ. «Братец, радостная весть! ¹¹ В конце концов я девушку умилюстивил, она дала разрешение: когда захочешь, иди к ней»,— говорит он. Услыхал это шахзадэ и словно никогда-то и болен не был! В два-три дня он стал здоров, как и раньше, и начал ходить в комнату к девушке; девушка тоже в него влюбилась, и каждый день они любились с шахзадэ. После этого проходит довольно много времени. Однажды Искендер получает весть от того, другого падишаха: «Теперь уже приезжай в эту сторону, будем справлять свадьбу». И Искендер идет, говорит о том падишаху Арабистана, получает разрешение, прощается с шахзадэ,— они бросаются друг другу на шею. Искендер говорит: «Вст теперь ты останешься один; смотри, никому не сказывай, что ты встречаешься с девушкой, а не то твое дело плохо. Если когда попадешь в беду, пошли мне весть». Так он ему наказывает. Они обмениваются перстнями со своих рук и дарят их друг другу на память. И вот Искендер, расставшись с шахзадэ, отправляется в путь. Мало ли идет, долго ли идет — однажды прибывает он в город этого падишаха и посылает весть о том, что он приехал, а падишах высылает ему встречу. Искендера принимают, отводят во дворец; в тот же самый день падишах велит обручить девушку с ним и начинается свадьба.

Пусть они справляют свадьбу, а мы перейдем к шахзадэ и другой девушке. Оказывается, что на дочь падишаха был направлен взор сына везира; он догадался, что шахзадэ встречается с девушкой, но ждал удобного случая, чтобы донести на него падишаху. Когда однажды на приеме у себя падишах стал восхвалять правдивость Искендера, сын везира нашел удобный случай: «О падишах, что ты в нем хвалишь? И не потому ли, что он свел дочь твою с шахзадэ и этим сбил ее с пути?» Только он так сказал,— падишах разгневался: «Это что за разговоры?» — спрашивает он. Сын везира рассказывает все одно за другим. Падишах тотчас велит позвать шахзадэ: «Я слышал о тебе много всяких слов; если это правда, то знай, что тебе снесут голову». Шахзадэ понял, в чем дело: «Упаси аллах, о падишах мой,— с моей стороны не было никакой подлости. Слова, которые ты слышал,— это все клевета моих недругов, потому что они не могут меня терпеть». Хоть он и говорил это, но сын везира находился там же, и вот они начали ссориться и спорить друг с другом. Падишах видит, что в деле этом есть какая-то вражда; он велел им замолчать и говорит: «Раз вы сваливаете один на другого

такую неслыханную вину, назначьте день, чтобы сразиться друг с другом: кто кого повалит на землю, тот тому и снесет голову. Другого решения я не могу дать».

Шахзадэ на это соглашается, берет отсрочку на сорок дней, выходит от падишаха и приходит к себе в комнату. Что тут делать — он и сам не знает, потому что сын везира сильнее его, а так как он-то слабее, то, с другой стороны, и сын везира не сомневается в своей победе. Раздумывая об этом, шахзадэ посылает весть девушке. Та опечалилась, но вспомнила об Искендере и говорит: «Тут один только Искендер может помочь. Отправляйся, расскажи ему все; что бы он ни сказал, мы так и сделаем, но только ты непременно должен приехать через сорок дней». И шахзадэ нарочно пишет бумагу, как будто она пришла от его отца: отец-де сильно болен и потому вызывает шахзадэ. Шахзадэ несет эту бумагу к падишаху и показывает ему: «Ох, что мне делать? Отец мой заболел, да он и стар: дай мне позволение поехать, я хоть еще раз повидею отца глазами этого мира¹², а потом снова приеду». А падишах говорит: «Хорошо, но через сорок дней ты непременно должен быть здесь; если не приедешь, тогда узнаешь!» Шахзадэ говорит: «Слушаюсь!» Он выходит от падишаха, тут же садится на коня и отправляется в путь. Летя, как птица, он в один из дней приезжает в страну, где находился Искендер, останавливается в хане и оттуда велит позвать Искендера.

А на следующий день как раз должна была кончиться свадьба, и Искендер должен был, как муж, войти к дочери падишаха. Лишь только Искендер услышал о том, что приехал шахзадэ, он приходит к нему, они беседуют, и шахзадэ рассказывает, в чем дело. «Научи меня уму, и я поеду, чтобы не прошел день, который мы назначили», — говорит он и начинает плакать. Как только Искендер увидел его слезы, он успокаивает его: «Молчи, братец, не терзай сам себя. Ради тебя я и от падишахской дочери откажусь. Снимай-ка с себя свои одежды: я их надену, а мои надень ты, иди во дворец и стань молодым вместо меня. Тебя не узнают, потому что мы похожи друг на друга, а я поеду вместо тебя, проучу сына везира, и аллах даст всему этому благополучный конец». С этими словами он снимает с себя одежды, надевает одежды шахзадэ, а шахзадэ надевает одежды Искендера и идет во дворец, — никто и не заметил разницы между ними.

А в этой стороне Искендер садится на коня. «В страну Арабистан!» — говорит он, летит, словно птица, и в один из дней

прибывает в страну падишаха Арабистана. Он проходит прямо во дворец к падишаху, целует землю: «Вот, эфенди, я и приехал. Хотя отец мой еще и не поправился, но, чтобы душа твоя не волновалась, я оставил его больным»,— говорит он. Падишах принимает его за шахзадэ: «Хвала тебе, сын мой, ты сдержал свое слово. Я понял, что сказанное про тебя — все клевета, но чтобы закрыть людские рты, вступи в поединок один раз с сыном везира»,— говорит он. Искендер целует землю, выходит от падишаха, приходит к себе в комнату, посылает дочери падишаха весть о своем прибытии. И вот проходит тот день. На следующий день выходят они с сыном везира на поле; поборолись раз, два, а на третий раз Искендер как схватит сына везира за пояс,— так, словно тыкву¹³, и бросил его на землю: голова его попала на камень и разбилась на куски — он так и остался на месте бездыханным. Увидев это, падишах обрадовался: «Сын везира сам нашел себе свой конец. Хвала тебе, сын мой, ты оказался молодцом. Отныне ты мне родной. Никуда не ходи, живи во дворце». Хотя падишах и говорил все это, Искендер отвечает: «О падишах, я оставил отца больным, отпусти меня: я теперь съезжу и через некоторое время вернусь». Падишах говорит: «Очень хорошо» — и отпускает его. Искендер, не задерживаясь ни на миг, снова садится на коня и отправляется в путь.

Теперь перейдем-ка к той стороне! Шахзадэ остался вместо Искендера. Когда закончилась свадьба, он входит к невесте как молодой муж, а когда наступила ночь, он кладет посреди постели меч. Таким вот образом шахзадэ и девушка проводят ночь. Девушка рассердилась на это: «Искендеру я не понравилась, потому он так и делает»,— подумала она и в душе затаила злобу. Едва прошло после этого несколько дней, как приезжает Искендер. Приходит, тайком посылает весть шахзадэ, и они встречаются в уединенном месте. Искендер, узнав в чем дело, обменивается одеждами с шахзадэ; Искендер идет во дворец, а шахзадэ уезжает в Арабистан. В ту ночь Искендер, ложась спать, не положил меча на постель: лег с девушкой, и они достигли своих желаний. А девушка замечает, что в эту ночь он не положил меча посередине. Для того чтобы узнать причину этого, она спрашивает Искендера, а тот отвечает: «У меня был траур, потому я так и сделал». После этого проходит несколько дней, для отца девушки приходит смертный час, он умирает; вместо него в том государстве делают падишахом Искендера. Он проводит с этой девушкой время в радости и веселье, но так как де-

вушка затаила злобу против Искендера из-за того меча, то она поджидала удобного случая, чтобы отомстить ему. Однажды, улучив подходящее время, она всыпала в шербет яду и дала Искендеру выпить. Искендер выпил это и не понимает, что с ним сталося. Он скоро находит лекарство и, правда, спасает себя от смерти, но у него на всем теле появляются нарывы, открываются раны, и весь он становится словно покрытый паршой. Хекимы и ходжи дают различные лекарства, но так как ни от одного из них пользы нет, везиры низводят Искендера с трона. Искендер больше не может оставаться в той стране и уходит, унося ноги.

Идет он, идет, приходит в Арабистан. Слышит, что шахзадэ, его друг, взял за себя дочь падишаха. «Пойду хоть туда и, может быть, шахзадэ найдет от моей болезни какое-нибудь лекарство»,— говорит он и подходит прямо к дверям дворца. Хотя он и просил разрешения войти, ни один из привратников не дает ему подойти, а он просит, молит: «По крайней мере пойдите к падишаху, скажите: «Ради Искендера пусть он допустит меня к себе»,— говорит он. Привратники, сжалившись над ним, идут и докладывают падишаху, а шахзадэ, лишь только услышал слово Искендер», говорит: «Впустите его, пусть войдет». И вот, после этого Искендер входит внутрь дворца; кто ни встретит его, бежит от него в сторону. Как бы то ни было, он выходит прямо пред очи падишаха, глядь!— а падишах сидит и ест кушлук. Тогда он отошел в сторону и стоит. После того как падишах поел, ему приносят шербет со льдом, и он пьет, а так как Искендер очень хотел пить, он говорит: «Смилуйтесь, из любви к Искендеру, дайте мне шербету». Только он это сказал, слуги, которые были там, стали ему выговаривать. Но лишь только это услышал шахзадэ, он велел наполнить шербетом чашу, которая была у него в руке, и подал ее своею рукой. После того как Искендер выпил шербет, он кладет в чашу перстень, который подарил ему шахзадэ, и подает чашу обратно. Как только шахзадэ увидел перстень в чаше, он его узнал: «Ах, как попал этот перстень в твои руки, или ты Искендер?»— спрашивает он. А Искендер не может сдержаться: начинает рыдать и рассказывает о всех несчастьях, которые одно за другим свалились на его голову. Они обнимаются друг с другом, а слуги, находящиеся там, дивятся этому. И вот,— не будем затягивать!— шахзадэ дает Искендеру красивое платье, посылает его в баню. После того как Искендер хорошенько вымылся, он велит созвать всех опытных хекимов, сколько их ни было в той стране, но никто из

них не может найти лекарства. А так как шахзадэ очень беспокоился об этом, то он и ночь и день находился в раздумье.

Однажды ночью во сне ему явился дервиш и сказал: «Лекарство от болезни Искендера в твоих руках: если желаешь, завтра ступай на охоту; тебе навстречу сейчас же выбежит лань; ты ее схвати и зарежь своей рукой, помажь этой кровью раны Искендера, и все пройдет — он станет еще здоровее прежнего». Шахзадэ просыпается. Еще с ночи он делает приготовления к охоте, а утром спозаранку, выходит в степь. Бродит он, бродит, глядь! — на берегу речки пьет лань; он ставит западню и захватывает лань на месте; тут же он перерезает ей горло, собирает стекающую кровь в сосуд, приходит к Искендеру и натирает ему все тело той кровью. Так он оставляет его на три дня. На четвертый он посылает Искендера в баню. Лишь только он там помылся, все раны, сколько бы их на нем ни было, заживают. И он приходит к шахзадэ, словно только что родился от матери. Оба они радуются. Пожив еще несколько дней, шахзадэ собирает воинов, они идут вместе с Искендером и в несколько дней захватывают престол. Искендер снова становится падишахом. Шахзадэ велит обручить Искендера со своей сестрой; после празднества свадьбы они остаются вместе, а потом шахзадэ снова отправляется в Арабистан.

Когда после этого прошло сколько-то времени, Искендеру пришли на ум его мать и отец. Под предлогом охоты он берет с собой одного-двух придворных и отправляется в деревню, где был его отец. Путешествуя там и здесь, он останавливается на ночлег в доме своего отца. После того как он поел там, отец приносит ему таз, поливает на руки сына воду, а мать держит полотенце. Как только Искендер увидел это, он не мог больше терпеть: заплакал, бросился на шею матери и отцу и рассказал им, что он — Искендер. Тогда он берет их с собой, приводит во дворец, и они до самой смерти живут в одном месте и весело и радостно проводят свою жизнь.

25. Мальчик и дэв

одно время у одного старого человека было три сына. Этот старый человек заболел и умер, а своим сыновьям оставил хан. А время было зимнее. Эти три брата развели в хане большой

огонь, пододвинулись к огню и уселись. И вот младший брат говорит старшим: «Вот мы здесь сидим у огня, а снаружи бедняки мерзнут от холода. Стой, выйду-ка я да посмотрю, нет ли кого, да позвоу: пусть их придут и погреваются». Хотя старшие братья и говорили ему: «Ты занимайся своим делом: соберешь ты тут людей со всего народа, и они еще наделают бед,— нам этого совсем не нужно!» — мальчик не слушает и выходит наружу. Смотрит — нигде никого. И он начинает кричать: «Всякий, кто замерз, иди к нам греться!» А неподалеку от того места был как раз один одноглазый дэв — он совсем застыл от холода. Только он услышал — сейчас же пошел к тому месту, а они, чуть увидели его, сразу испугались.

Как бы то ни было, он подходит к огню, присаживается. Немного спустя он, отогревшись, поворачивается и говорит им: «Я голоден, дайте мне поесть». А они говорят: «Хорошо, принесем; ты хлеб ешь?» А он отвечает: «Нет, я хлеба не ем, я хочу мяса!» — «Ну, что ж, притащим: зарежем быка и приготовим,— будешь есть?» — «Нет, не буду!» — Ну, тогда барана принесем!» — «Я и барана не ем!» — «Индюка зарежем, гуся зарежем, утку зарежем, курицу зарежем,— будешь есть?» — «Нет, я индюка и куриц-муриц¹ не ем». — «Ну, а что же ты ешь?» — «Что я ем? Да человечье мясо ем!» — «А где же мы найдем тебе человечье мясо?» — спрашивают они. А он отвечает: «А сами-то вы кто такие? Съем одного из вас и — прощай»². И он хватает старшего брата, сажает его на вертел и сидит, поджаривая его на сильном огне. Откусил разок и съел все без остатка. Как бы то ни было, прошло немного времени после того, как он поел. Он поворачивается и снова говорит мальчикам: «Я голоден, дайте мне поесть!» А они говорят: «Ну, что ты будешь есть, чего нам принести: говяжье мясо или баранье мясо?» — «Нет, не люблю я есть такое мясо!» — «Ну, а что же ты хочешь? Ты нас хочешь съесть?» — говорят они. А тот отвечает: «Да, я съем одного из вас». На этот раз он хватает среднего брата, сажает его на вертел и начинает жарить на огне. И вдруг этому дэву захотелось спать; он и говорит мальчику: «Возьми вертел, да жарь это, а я немного вздремну». Он отдает ему вертел, а мальчик со страху не знает, что делать — берет вертел и начинает жарить на огне. Лишь только дэв погрузился в сон и начал храпеть — хырр-мырр!³ — мальчик скорее снял брата с вертела и с размаху вонзил вертел в глаз дэву по самую рукоятку. Потом он встал и принялся бежать; а дэв даже не почувствовал, как вертел вошел

ему в глаз. Как бы то ни было, встав от сна, он, протирая глаза, заметил вертел: «Хай анасыны⁴, в глаз мне попала соломинка!» — говорит он, хватает и вытаскивает вертел. Потом он ищет мальчика и, не найдя его там, говорит: «Вай, этот убежал — ну беги! Я сейчас тебя поймаю!» И он встает и пускается вслед за ним.

А в этой стороне мальчик бежит, бежит и у подножия горного хребта наталкивается на один дом. Он стучится в дверь, выходит старая женщина. «Смилуйся, матушка, приюти меня на эту ночь как гостя: за мной по пятам гонится дэв, схватит меня — съест, — что мне делать?» А женщина говорит: «Иди, сынок» — и берет его в дом. В ту ночь он там и спит. Как только наступило утро, он встает и говорит женщине: «Я пойду, а то, если тот дэв здесь найдет, — разорвет на части!» А старуха говорит: «Ну, хорошо, сынок, иди, только постой — я дам тебе собаку: наступит такой день, что она тебя спасет от этого дэва». И она дает ему собаку величиной с крысу, тот забирает собаку и пускается бежать. До самого вечера он идет и вдруг замечает, что та собака с крысу ростом вдруг стала ростом с борзую собаку. Ту ночь они бегут. С утра до вечера они идут, и собака становится ростом с мула, потом вдруг ростом с быка. А кличка собаки была Мислинке. Как бы то ни было, в тот вечер он снова наталкивается у подножия горной цепи на какой-то дом. Он стучится в дверь, из дома выходит старая женщина: «Смилуйся, матушка, приюти меня на эту ночь как гостя; меня преследует один дэв, если настигнет, — разорвет в клочки». Старуха говорит: «Иди, сынок» — и принимает его к себе в дом. Ту ночь он там спит. Наутро он встает: «Помилуй, матушка, я пойду отсюда, а то, если дэв увидит, — не спасись мне от его рук!» Старуха говорит: «Хорошо, иди, только постой — я дам тебе собаку: наступит время — она спасет тебя от дэва». И она выносит и подает ему собаку — что крыса: «Вот возьми ее, куда ни пойдешь, не отпускай ее от себя, зовут ее Пакелинке». Мальчик берет с собой и эту собаку, выходит из дому и идет. Мало-помалу наступает вечер, мальчик глядит — данная ему собака стала что борзая. Проходит та ночь, наступает утро, он снова, глядь! — а собака стала что мул. Не будем затягивать! Собака день ото дня растет и становится ростом со слона.

Наконец мальчик опять набрел на какой-то дом, а так как подошел вечер, то он стучится в дверь. Из дома выходит старая женщина, и вот мальчик снова умоляет ее, чтобы она пустила его

как гостя на эту ночь. И женщина его принимает, и вот в ту ночь он там спит. Поутру он встает: «Помилуй, матушка, я уж пойду, а не то, если дэв меня настигнет,— он так и разорвет на куски!» Женщина говорит: «Хорошо, сынок. Постой, я тоже дам тебе собаку: наступит время, она тебя спасет». И она тоже дает ему собаку что крыса. И вот зовут ее Гардинке. А мальчик забирает ее и выходит в путь. Вот и эта собака тоже растет со дня на день и становится что слон. Мальчик идет дальше, и ему опять попадается дом. Он стучится в дверь, входит в дом, и ту ночь проводит там. Как только наступило утро, он встает и хочет идти. Тогда ему дают иглу и говорят: «Стоит только положить эту иглу на воду, как появится мост; ты по нему пройдешь, а потом ты снова должен взять эту иглу!» А он говорит: «Хорошо» — берет иглу, прячет ее подальше, выходит на дорогу и идет. Идет-идет, вдруг обернулся, глядь! — идет дэв: «Помилуй, что мне делать?» — говорит он и пускается бежать еще быстрее. Вдруг перед ним появляется море. Мальчик тотчас вытаскивает иглу, бросает ее на море, и образуется прекрасный железный мост. Мальчик переходит на другую сторону, но от страха забывает взять иглу и бежит бегом. А дэв проходит по мосту и гонится за ним, а мальчик бежит, бежит, прибегает в один город. Там он заходит в кофейню и садится. Когда он прожил там⁵ день-два, хозяин кофейни и говорит: «Сынок, здесь не бывает холостых мужчин,— мы тебя женим». А мальчик говорит: «Хорошо, делай, что хочешь, я мешать не буду». И вот хозяин кофейни ищет ему девушку,— а оказывается в том городе была сестра того дэва, ее-то он и берет, и вот эту сестру дэва выдают за мальчика. Справляют свадьбу, мальчик становится молодым, а собаки, данные ему старухами, все остаются при нем.

Когда после этого прошло немного времени, дэв в поисках мальчика приходит в этот город. Он идет прямо в дом своей сестры, глядь! — а девушка стала женщиной. «Вай, ты за кого вышла?» — спрашивает он, а та отвечает: «Я вышла за человека, который выглядит вот так-то!» Услыхал это дэв: «Помилуй, сестрица! Я, чтобы его изловить, весь свет обошел и вот теперь нашел его здесь! Как бы мне сделать, чтобы его съесть?» — спрашивает он. А она говорит: «Тебе его не съесть: у него есть три собаки, ровно слоны,— они больше тебя: целый день, целую ночь собаки его стерегут, не дают никому подойти к нему». А дэв говорит: «Я на эту ночь пойду спрячусь в мучном амбаре; будь что будет, а уж, пока спит, я его съем!» А сестра говорит: «Хо-

рошо, делай, как знаешь». Дэв идет в амбар для муки. Наступает вечер. Мальчик с собаками приходит домой. После того как он съел ужин, садится, ему готовят постель. Когда приходит время ложиться спать, он говорит собакам: «Мислинке, ты где будешь спать?» А та отвечает: «У твоего изголовья». Он спрашивает другую: «Пакелинке, а ты где будешь спать?» А та отвечает: «У твоих ног!» Спрашивает третью: «Гардинке, а ты где будешь спать?» А та отвечает: «В амбаре для муки!» Молодец говорит: «Что ж, прекрасно!» — и укладывается. Как только девушка услышала это, она и говорит: «Ах, разве это можно, чтобы собака спала в амбаре для муки, гадила там, а мы потом будем есть?» А молодец говорит: «Ты помалкивай: где душеньке ее угодно, там и будет спать, это тебя не касается». Девушка подняла большой шум, а молодец говорит ей: «Молчи, или я сейчас же велю собакам тебя съесть!» А она — что тут поделаешь? — молчит. Собака идет, входит прямо в амбар для муки, наваливается на дэва и ложится, а дэв ежится, корчится. Только он начнет ерзать — собака начинает рычать: хырр! И так до самого утра собака мнет кости дэву. Дэв от страха обгадил внутри весь амбар. Лишь только наступило утро, собака встает, идет к мальчику, а молодец, взяв всех трех собак, идет в кофейню.

В этой стороне дэв выходит из амбара и говорит своей сестре: «Вай анасыны! Это что за собака пришла нынче вечером, навалилась на меня, била, ломала мне кости до самого утра! Что мне сделать, чтобы съесть этого мальчишку?» — раздумывает он и видит, что в печке лежит куча золы. Он и говорит: «К вечеру я лягу в золу, а когда собаки уснут, я покочу с мальчишкой!» Как бы то ни было, наступает вечер, молодец приходит домой, ест ужин. Когда наступает время ложиться спать, он говорит: «Мислинке, ты где ляжешь?» А она отвечает: «Я лягу у твоих ног!» — «Пакелинке, ты где ляжешь?» — «У твоего изголовья!» — «Гардинке, а ты где ляжешь?» А та отвечает: «На золе». — «Ну что ж, хорошо», — говорит он и укладывается. Напрасно девушка говорит: «Ха! Вчера ночью ты уложил свою драгоценную собаку на муку, а нынче ночью не жалко тебе укладывать ее на золу?» Он отвечает ей: «Ты не вмешивайся: где ее душеньке угодно, там она и ляжет!» Собака идет, поверх золы наваливается на спину дэву и в ту ночь опять не дает ему двинуться с места — до самого утра ломает ему кости. Как только наступило утро, собака встает, идет к мальчику, а потом она вместе с ним идет в кофейню. И вот дэв вылезает из печки

и говорит своей сестре: «Как нам сделать, чтобы съесть этого молодца? Этак мы ничего не добьемся, нужно для этого пойти на другую хитрость!» И он спрашивает сестру: «Собаки к тебе привыкли?» А та отвечает: «Да, привыкли!» — «Если так, мы велим сделать дом из железа, вгоним туда собак, запрем их и тогда покончим с мальчишкой». Так, что ли? Так, — ведь это сказка. Он встает, делает дом такой, что все стороны его — железные, вбивает из железа колья, а девушка загоняет собак в дом; они приковывают собак железными цепями к железным кольям и запирают дверь.

Тогда дэв выходит на поиски молодца, а мальчик-то сидел, оказывается, со своими приятелями в кофейне. И вот, глядь! — пронесся вихрь: дэв мчится. Молодец ищет собак — их нет около него. «О горе, что мне делать!» — говорит он и вскакивает на ноги. А товарищи видят его тревогу: «Дружок, что с тобой, что это за тревога?» — спрашивают они. А он говорит: «Оставьте, друзья! Вот этот дэв заставил меня обойти весь свет, он гонится за мной, чтобы съесть; если теперь он меня увидит здесь, он не успокоится, пока не съест». Напрасно они говорят: «Что ты, дружок? Это — твой шурин, он тебе ничего не сделает!» Молодец отвечает: «Ах, да вы не знаете!» — и пускается в бегство. Бежит, бежит, подбегает к подножию одного тополя, а дэв того и гляди его настигнет. Тотчас мальчик лезет на дерево, на самую верхушку, а дэв, лишь только увидел его на тополе, так и старается вырвать тополь с корнем. «Ну, что, — теперь ты куда побежишь?» — говорит он и вцепляется в тополь. Молодец видит, что дело плохо и что этот дэв вырвет дерево с корнем. Он и говорит: «Помилуй, братец дэв! Вот теперь ты уж меня поймал, куда же мне бежать? Но потерпи, у меня есть для тебя три стиха ⁶ песни ⁷. Я их пропою, а уж тогда что хочешь, то и делай со мной!» Дэв говорит: «Ну что же, пой!» Молодец с верхушки дерева кричит, что было голосу: «Мислинке!» Этот зов дошел до уха собаки, она и говорит другим: «Глядите, наш хозяин нас кличет, пойдемте!» Другие говорят: «Ступай ты прочь! Если бы он звал нас, и мы бы слышали!» Пока они так переговаривались, вдруг молодец кричит: «Пакелинке!» Теперь вторая собака услышала голос молодца: «И правда, он зовет: вот теперь и меня позвал!» Вдруг молодец опять кричит: «Гардинке!» Услыхала и третья собака: «Вай, и правда, оказывается: вот и я услышала! Должно быть, наш хозяин в беде, айда, идем!» И они все трое сразу разрывают железные цепи, выворачивают железные колья,

выламывают железные двери, вылетают вон и прибегают прямо к тополю, на котором был молодец. А молодец увидал их: «Эй, вы — сюда! Разорвите на клочки этого дэва, только печень его оставьте!» — сказал он, и собаки все три сразу набросились на дэва; дэва растерзали на клочки, а печень не тронули. Как только дэв околел, молодец спускается вниз, берет печень дэва и вместе с собаками приходит домой. И вот он зовет сестру дэва и дает ей печень: «Возьми, поешь этой печенки; это печень твоего старшего брата!» А девушка и говорит: «Ну зачем я буду есть печень моего брата?» Она не берет печенку, а молодец сердится: «Я тебе покажу, сука проклятая! Ты была заодно со своим братом, старалась меня убить! Подожди, я сейчас велю собакам растерзать тебя!» И он говорит собакам: «Эй, мои львы, разорвите эту суку!» Те набрасываются на девушку и рвут ее в клочья. Тогда молодец берет собак, возвращается к себе на родину, находит себе подходящую девушку и обручается с ней. После свадьбы в сорок дней, сорок ночей он остается с девушкой, и они живут в спокойствии до самой смерти.

26. Сын старого рыбака

 Кто бегóм катит¹, кто валóм валíт, а о голову того, кто в харчевню без денег залетит, разбивают горшок весом в сто окк. Когда время во времени стало, когда решето в солому упало, когда буйвол теллялем был, когда коза брадобреем была, когда заяц нам слугой² был, когда я был ребенком пятнадцати лет, — игрывал я в челик³ на крыше сарая для соломы⁴. Откуда ни возьмись, мой дед пришел: «Сын мой, радостная весть⁵! Твой отец родился!» — сказал он. Я бросился на землю с кровли сарая, пошел домой. Мать моя взяла половину оси и половину дерева яст⁶ и мелко пишет по колену. «Прости, мать моя, где твои глаза? — говорят, у меня отец родился на свет! Мать, дай-ка я его покачаю, а ты нам или питэ сделаешь, или делай там, что захочешь!» А ее мать⁷ — свиное отродье⁸, я из-за нее вот сорок лет как страдаю: «Нельзя! — говорит, — или ты ему что-нибудь зашибешь⁹, или переломаешь, или самые, что ни на есть нужные места повре-

дишь; — тогда я тебя скалкой огрею!» — «Помилуй, мать, и ты от нее терпела, да, похоже, еще мало! Все научились говорить: «отец», а мы — глян-ка! — еще и не умеем сказать: «отец». Я его лучше тебя буду качать». А мать моя сказала: «Ступай, сынок, покачай-ка». А когда я качал — тынгыр-мынгыр¹⁰ — зыбка из рук моих вырвалась, отец начал плакать: «вырак-вырак!»¹¹ Тогда мать моя как задаст мне скалкой бучу: я вылетел и угодил в навозную кучу...

Было — не было, а в одно время был, говорят, старый рыбак. По воле аллаха очи его были слепы. Был у него мальчик двенадцати лет да жена. Эта женщина как-то сказала мужу, старому рыбаку: «Муж, пусть наш мальчик ходит к ходже, а я буду стирать и полоскать белье да вас кормить». После этого мальчик начал ходить к ходже. С тех пор прошло около шести лет, а женщина знай себе заправляет домом. Как только мальчику исполнилось шестнадцать лет, он спросил: «Матушка, а какое занятие у моего отца?» А она сказала: «Ох, сорок лет, как я с твоим отцом мучилась да корежилась¹². Бывало, найдешь муки — соли не можешь найти; соль найдешь — муки не можешь найти. Ох, вот уже шесть лет, как я не свою работу делаю! Не будешь ли и ты ремеслом твоего отца заниматься?» Мальчик говорит: «Нет, мать, я спросил только, чтобы разузнать о ремесле своего отца». А мать и говорит ему: «Влезь на чердак, что там находится за трубой, то и есть ремесло твоего отца». А мальчик, взобравшись на чердак, нашел за трубой сети и корзину для ловли рыбы. Он сбросил их с кровли вниз так, чтобы мать не увидела, а сам спустился с чердака. «Мать, я не буду браться за ремесло своего отца», — говорит он, потом выходит, берет сети и корзину, идет на берег Дуная и начинает ловить рыбу. За тот день до самого вечера поймал он восемь окк рыбы; продав ее, он на те деньги купил муки, купил свечей да взял для своей матери хенны на две монетки и все это принес домой. Увидев это, мать его начала смеяться и болтать, а после того как они поели, она на радостях выкрасила себе хенной руки. Вот таким-то путем жили они шесть месяцев: каждый день мальчик ловил рыбу и очень хорошо кормил свою мать.

Однажды падишах того государства велел телляям кликнуть, чтобы никто не открывал своих лавок: харем падишаха пойдет, мол, в баню. И вот все позакрывали свои лавки, на улицу никто не выходил, харем падишаха со своими рабынями отправился в баню. А молодой рыбак в тот день проходил по сосед-

ству: он вышел к Дунаю и опять начал ловить рыбу. После того как он наловил немного рыбы, он положил ее в корзину и, в то время как возвращался домой, харем падишаха вышел из бани и шел во дворец. Дорогой они повстречались с мальчиком. Как только дочь падишаха его увидела, она и говорит: «Это что за нахальный, бессовестный человек? Мой отец приказал теллялям кликнуть, чтобы на дороге никого не было — должно быть, слова их до тебя не дошли?» А мальчик говорит: «О ханым-эфенди, ты себя знаешь, а я тебя не знаю; огонь всегда горит в том месте, куда попадает»¹³. У меня есть отец — девяноста лет и мать — восьмидесяти лет. Коли сегодня я не пойду на рыбную ловлю, то им некуда будет деваться от голода, жажды, недостатка в табаке и кофе»¹⁴. Услышав это, девушка спрашивает: «Ты эту рыбу будешь продавать или будешь кушать?» А мальчик отвечает: «Ведь я же сказал, что я ее продам и снесу отцу и матери все, что нужно для пропитания». — «Ну, если так, тогда ступай-ка за мной», — говорит она и берет с собой мальчика. Когда они пришли во дворец, девушка сама взяла из рук мальчика рыбу. Когда берет, она жмет ему пальцы, а рыбу несет и кладет на кухню; в корзину же она опускает окку золота и отдает мальчику. «Ну, ступай, иди, сколько бы ты ни поймал рыбы, каждый день носи сюда. Я буду тебе давать по окке золота», — говорит она и отпускает мальчика. А тот весело идет и отдает золото своей матери.

И вот, — не будем затягивать! — всю рыбу, которую он ловил, он ежедневно относил во дворец и получал за нее по окке золота. Так прошло ровно шесть месяцев. Мальчик смотрит — а из золота, которое ему дали во дворце, получилась изрядная куча. Видя это, он сказал: «Милые мои! К чему мне еще трудиться и так вот мучить свою душу, которая и без того выйдет из тела? Теперь с меня этих денег довольно!» — и бросил рыболовство. Девушка, со своей стороны, замечает, что рыбак уже не приходит. «Что же с ним случилось?» — думает она и начинает беспокоиться. С того времени проходит еще несколько дней; от мальчика нет никаких известий. Девушка от любви к молодцу побледнела, поблекла, превратилась в айву¹⁵ и даже слегла в постель. Как только падишах увидел, что дочь заболела (а у девушки было сорок рабынь), он и говорит им: «Присмотритесь и разузнайте, нет ли у дочери моей какой печали». Как ни старались рабыни выведать что-нибудь из уст девушки, они не могли выпытать у нее ни одного слова. С тех пор прошло еще несколько

времени — девушка совсем изнемогла: у нее не стало сил даже подняться с постели. Как-то утром, когда она лежала в постели, любовь ее разгорелась: она стала плакать и петь про себя песни. Посмотрим, что она пела:

О боже мой! Посмотри, что со мной ¹⁶,
На меня безо времени свалилась любовь.
В молодости горю я любовью к милому другу!

Я не скорблю о том, что я умираю,—
Нет никого, кто бы спросил обо мне!

*

В сердце моем открылась глубокая рана,
Передайте привет моему изменчивому другу.
Ах! Сердечко мое разбилось на части.

Я не скорблю о том, что я умираю,—
Нет никого, кто бы меня искал!

*

Вот напротив — тонкий дуб ¹⁷.
Я не знаю, что со мной случилось, я вне себя.
То, что называют сердцем,— это хрустальный сосуд.

Я не скорблю о том, что он разбит,—
Нет никого, кто бы спросил обо мне.

*

Шла я и пришла на одну равнину.
Годы мои ты довел до ста лет ¹⁸.
Мои друзья-мусульмане пусть поплачут со мною.

Я не скорблю о том, что я плачу,—
Нет никого, кто бы страдал так, как я.

*

Вот, напротив — черный табак.
Я искала везде и не нашла нигде верности.
Если умру я, на могиле моей посадите розы.

Я не скорблю о том, что я умираю,—
Нет никого, кто бы тосковал обо мне.

*

Посреди этого города — дом веселья.
Тот, кого называют рыбаком,— только один.
Шериф-ханым ¹⁹ плачет, сгорая.

Я не скорблю о том, что я плачу,—
Нет никого, кто бы спросил обо мне.

Лишь только рабыни снаружи услышали эти стихи²⁰, которые она пела, они тотчас же входят в комнату. «О султан-ханым, наконец-то мы узнали твою горе, которое ты скрывала столько времени!» — говорят они и тут же сообщают падишаху, что виновником ее болезни оказался сын старого рыбака. «По нем-то она и горит и страдает», — говорят они. Падишах тотчас посылает двух гонцов и фазтон²¹. «Вот что, поезжайте и привезите старого рыбака», — приказывает он. Гонцы берут старого рыбака и приводят его пред очи падишаха. «Селям алейкюм!» — «Алейкюм селям, пожалуйста», — говорят они и подставляют рыбаку золотую скамейку. После того как попили кофе и покурили, падишах говорит: «Эй, дедушка-рыбак, знаешь ли ты, зачем я велел тебя позвать?» А тот говорит: «Нет, мой государь; если скажешь, так буду знать; если ума моего хватит, так отвечу». Падишах говорит: «По велению аллаха живого, по пророка священному слову — молодец у тебя, девица у меня, — не стать ли нам сватами?» А старый рыбак говорит: «Державный, и молодец — твой, и девица — твоя, и мы — твои; как хочешь, так и делай, мы согласны!» Падишах говорит: «Нет, не так: это — путь, оставшийся нам от пророков, здесь нет великих и малых, — ты сам реши». Когда он так сказал, старик рыбак говорит: «Очень хорошо, государь. Пусть будет так». А падишах сказал: «Ну, раз так, сегодня как раз пятница; с сегодняшнего дня и начнем свадьбу, и через тридцать девять дней²² приведу сюда жениха». — «Очень хорошо, державный», — говорит дедушка-рыбак, встает и идет домой. И вот начинают свадьбу; через тридцать девять дней на сороковой, в пятницу, сына старого рыбака с амином и текбиром²³ берут и отводят в мечеть. Там после совершения намаза девушку обручают с сыном рыбака. Потом, взяв молодого, с текбиром торжественно приводят во дворец и приводят к девушке.

Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам.

С неба упало три яблока²⁴; одно — тому, кто сказку сказывал; другое — тому, кто сказку записал, а третье — тому, кто перевел.

ай харани, харани¹, съел я сорок котлов борани, слушайте, буду врать — и ни-ни! Хвала — пусть скажут агй, послушайте-ка рассказ, от красавиц — жалобу на вас, от уродов — молящий глас; тому, кто слушает, — сахар в рот; тому, кто не слушает, на ум пусть горбатый кади придет. В Белграде — сарраф² Махмуд; в Ада-кале³ — шестипалый Бекир, в Фетисламе — Джатлак-Хасан пусть выскочат тебе навстречу...

В прежние времена, в решете ли, на дне казана, было — не было, — когда-то этого света совсем не было, — а одно время была, говорят, падишах. У этого падишаха было три дочери и жена. Падишах из всех дочерей больше всего любил младшую. Однажды падишаху вздумалось отправиться в хадж. Он собирается, призывает к себе жену, дочерей и говорит: «Ну вот, я отправляюсь в хадж; что вам привезти оттуда?» — спрашивает он. Жена говорит: «Привези мне золотой браслет», а старшая дочь: «Мне золотой пояс привези», средняя: «А мне бриллиантовый цветок привези». Он спрашивает младшую: «Доченька, ты что хочешь?» Хотя та и говорит: «Батюшка, я ничего не хочу, я хочу только, чтобы ты вернулся жив и здоров», отец говорит: «Нет, скажи, я и тебе что-нибудь привезу!» Девушка говорит: «Нет, отец, я ничего не хочу; с меня довольно будет, если ты вернешься жив и здоров». Падишах говорит: «Очень хорошо» — и выезжает в путь.

И вот пусть он едет, а в этой стороне две старшие сестры говорят одна другой: «Наша младшая сестра при нас у отца ничего не попросила, но она, конечно, что-нибудь да сказала ему потихоньку. Кто знает, что привезет ей отец?» И вот они завидуют младшей сестре и задумывают причинить ей какое-нибудь зло. Старшая говорит: «Напишем отцу от ее имени⁴ письмо: «Батюшка, хоть я не просила у тебя ничего, теперь мне пришлось на ум: я прошу у тебя птицу Зеленый Орех⁵. Если ты ее не сумеешь найти, то пусть, когда ты сядешь на корабль⁶, он наткнется на мель; позади пусть будет светло, а впереди темно, и пусть там твое мясо съедят волки и птицы»⁷. Отец на это рассердится, а когда он приедет, то велит убить ее, прежде чем допустит ее к себе». И вот так они решают, пишут, как сказано, письмо и отсылают падишаху с одним татаринном⁸. Как только падишах по-

лучил письмо, он открывает его, читает, глядь! — оно пришло от младшей дочери: она просит у него птицу Зеленый Орех. Он удивляется: «Когда я был там, она, стоя передо мной лицом к лицу, ничего не просила. Посмотрим-ка, что из этого получится; если найду, куплю», — думает он.

И вот падишах — долго ли едет, коротко ли едет — благополучно достигает Каабы. После совершения тавафа⁹ на обратном пути он покупает вещи, заказанные ему женой и дочерьми, и велит отыскать птицу Зеленый Орех, которую просила младшая дочь, но нигде не может найти. Потом он трогается с места, прибывает в Дамаск и там приказывает теллялям кричать: «У кого есть птица Зеленый Орех; пусть принесет ее к падишаху; сколько бы он ни захотел за нее денег, падишах даст». Но так как там никто не слышал даже названия той птицы, то падишах не может ее найти и отказывается от поисков птицы. И вот, прибыв к берегу моря, он садится на корабль, и они пускаются в море. Корабль, проплыв по морю около двух дней, неожиданно садится на мель. Моряки хлопочут и так и сяк, чтобы снять корабль с мели, но никак не могут его снять. Впереди у них мрак, позади — светло; двигаться вперед они не могут, — так вот среди моря бросили якорь и живут. Стоят они день, пять дней, мрак перед ними не рассеивается, а у падишаха тяжелая тоска на душе: он прямо не знает, что и делать. Однажды он выходит из каюты¹⁰ и от душевной скорби произносит: «Ох!» Как он сказал: «Ох!», тут же море расступилось: выскакивает араб. «Державный, зачем ты звал меня?» — спрашивает он, а падишах говорит: «Нет, я тебя не звал». А араб и говорит: «Нет, наверное, у тебя есть какое-нибудь горе, раз ты сказал: «ох!» Ведь мое имя — Ох. Когда кто-нибудь меня позовет, я прихожу к нему на помощь; если у тебя есть какая-нибудь служба, говори, я сделаю». И падишах рассказывает ему, в чем дело: так как он-де не мог добыть птицу Зеленый Орех, то сбылось заклятие дочери — пока они тут будут сидеть, его съедят волки и птицы. А араб говорит: «О падишах, той птицы нет на лице земли, чтобы ее там найти, — она в глубине моря; постой-ка, может быть, я сумею найти», — говорит он и погружается в море.

А этот араб, оказывается, был слугой девушки-пэри, а птица была у той девушки-пэри. Пока девушка вышивала в пальцах, Зеленый Орех летал около нее. Араб подходит к девушке, а девушка говорит: «Ну что, феллах¹¹, чего ты желаешь?» Араб говорит: «Чего мне желать? Один падишах искал и не мог найти

для своей дочери Зеленого Ореха, а дочка заклала его, что если он птицу Зеленый Орех не добудет, то пусть у него будет позади светло, впереди мрак, и пусть его там съедят волки и птицы. Теперь этот падишах и не может ехать по своему пути: спереди у него все покрыто мраком. Если ты отдашь Зеленый Орех, ты тогда спасешь его от смерти». Сколько бы он так ни говорил, девушка отвечает: «Нет, я не могу отдать мою забаву». Араб говорит: «Если ты ее не дашь, то я до сорока лет буду служить тебе, но этого не прошу!» Девушка не может обидеть араба: «Эх, раз так, ступай-ка, скажи падишаху, что я отдала ему Зеленый Орех,— пусть едет по своему пути. И пусть, когда придет в свою землю, отправит свою дочь в баню — пусть она вымоется, приберется¹²; в четверг пусть принарядится, как невеста; пусть в дворцовом зале откроют окна диван-ханэ¹³, тогда Зеленый Орех прилетит и влетит внутрь». Араб тут же идет к падишаху и, пока говорит ему это, корабль снимается с мели — впереди его становится светло — и он начинает двигаться вперед.

Как только падишах избавился от этого, он дает обет: «Когда я приеду в свой город, уж я эту дочь не допущу до себя». Как бы то ни было, дни стоят прекрасные, и падишах в короткое время добирается до своего города, и все выходят ему навстречу: выходят жена, дочери, выходит и младшая дочка. Однако падишах гонит ее прочь. Девушка в слезах удаляется и садится в стороне. Спустя три дня падишах говорит жене: «Ступай-ка, сведи младшую дочь в баню,— окрась ее хенной, одень, как невесту: в четверг прилетит Зеленый Орех. Когда она услышит птичье щебетанье, пусть откроет окна». Мать девушки, сказав «Хорошо», дочь свою моет, трет, покрывает хенной, приодевает и представляет, как сказал падишах. Хотя девушка ничего об этом не знает, она все же не подает голоса, наряжается и ожидает прилета птицы. И вот к вечеру девушка слышит снаружи птичий голос. Она тотчас открывает окно, и птица влетает внутрь; там она отряхивается и превращается в прекрасного молодца. Ту ночь он проводит с девушкой, и они предаются любви. Как только приблизилось утро, молодец вновь принимает образ птицы и улетает через окно. На следующий вечер он снова прилетает, а утром улетает. И вот так каждый вечер птица прилетает туда и летит с девушкой. Как-то ночью Зеленый Орех говорит: «Столько времени я сюда прилетаю, и никто об этом не знает; завтра останусь-ка я здесь и повидаюсь с твоим отцом». Наступает утро. Зеленый Орех остается в образе молодца; они вме-

сте с девушкой идут и целуют руку у падишаха. Там же были и ее сестры. Когда они увидели молодца: «Вай! Выходит, что мы выдали ее замуж!» — говорят они, еще больше завидуют ей и заговаривают разлучить Зеленый Орех с девушкой.

Однажды они приходят к Зеленому Ореху и говорят: «Давно уже сестра наша никуда не выходила; если ты позволишь, мы пойдем и немного погуляем вместе с ней», — спрашивают они его, спрашивает и девушка. Что же сказать Зеленому Ореху? «Иди, если хочешь, но лучше сделаешь, если не пойдешь», — говорит он. Но девушка его не слушает и уходит со своими сестрами. А старшие сестры той девушки наказали дворцовым рабыням, чтобы те спрятали в вате стекло и положили на то окно, через которое прилетает Зеленый Орех. Рабыни и сделали, как им наказали девушки. Пока те гуляли, они раскладывали на подоконнике вату со стеклом. А с прогулки-то они возвращаются только ко времени эзана. Девушка идет в свою комнату и даже не обращает никакого внимания на окна. И вот снаружи подлетает Зеленый Орех; как раз в то время, когда он влетал через окно в комнату, он задевает крыльями о стекло, обрывает их и весь покрывается кровью. «Эх, девушка, — вот что ты мне сделала? Пока ты не возьмешь железного посоха и не наденешь железных чарыков, и прежде, чем этот посох не сносятся наполовину и от чарыков не останутся одни куски, — ты, сколько бы ни искала, не найдешь меня!» — говорит он и улетает. А девушка, как только это увидела, тут же поняла, что все это наделала ненависть сестер к ней, — но какая теперь в этом польза? Зеленый Орех исчез, — где его найдешь? От тоски по нем девушка заболела и слегла в постель. Проходит несколько дней, приходит падишах. Увидев, что дочь больна, он тут же спрашивает о причине, девушка рассказывает ему всю правду. Она говорит, что заболела от печали по Зеленому Ореху, что если она будет искать его и не сумеет найти, то умрет. Она просит отца отпустить ее. А падишах говорит: «Дочь моя, как ты пойдешь одна-одинешенька через горные хребты? Тебя на пути растерзают волки и птицы», а девушка ответила ему, как отрезала: «Будь что будет. Пойду, во что бы то ни стало!» Так как падишах никак не мог ее уговорить, то он отпускает ее, и вот девушка велит сделать себе железный посох, а также достает железные чарыки. Надев чарыки на ноги и взяв в руки посох, она в одеянии дервиша пускается в путь.

Идет она ¹⁴, долго идет, посохом ударяет, сопельки подтирает,

гиацинты, тюльпаны собирает, курит, кофе попивает, в один из дней выходит на вершину какой-то горной цепи¹⁵. Садится у источника. «Увы, столько пути я прошла, не встретила лица человеческого, осталась одна на вершине гор!» Потом она оглядывается по сторонам — видит дерево тополь; у его корней горит огонь. «Здесь, должно быть, кто-то есть, — подходит, разжигает огонь. — На этот вечер останусь-ка я здесь. Если кто придет, хоть дорогу спрошу!» — думает она. В тот вечер она так и остается там, однако со страху забирается на вершину тополя и там укладывается, но сон не смыкает ее очей. И вот, когда наступила ровно полночь, сразу поднялся ветер и ураган. Девушка испугалась: «Что-то будет?» Вдруг видит — приходят два слепых дэва и садятся у источника. Один из них мужчина, другой — женщина. Со своей спины мужчина спускает бочонок вина, а женщина собирает хворост и разжигает огонь. Из зубов у себя она вытаскивает тысячу человеческих окороков и жарит их на огне; оба садятся, едят, а после того как они выпивают бочку вина, головы их сильно хмелеют. Во время беседы женщина-дэв говорит мужчине: «Я слыхала, что Зеленый Орех заболел, — может быть, тебе известно, как его дела?» А мужчина-дэв: «Ты что? К чему спрашиваешь? Его дело плохо: отравленные осколки стекла проникли ему во все мускулы, от него остались одни сухие кости», — говорит он. А женщина-дэв спрашивает: «Вот тебе раз! Неужели не могли найти средства от его болезни, неужели не клали какую-нибудь целебную мазь?» Мужчина говорит: «Каких только лекарств не делали! Да они даже и врача Локмана¹⁶ привели, но и тот не нашел средства!» А девушка на вершине дерева услышала слово «орех» и старательно прислушивается. Вот женщина-дэв опять спрашивает: «Может ли быть, чтобы на свете не нашлось лекарства от его ран?» Мужчина говорит: «Я знаю лекарство, но говорить о нем не мое дело, я боюсь». Женщина-дэв говорит: «Чего ты боишься? Разве тут есть кто-нибудь, чтобы подслушать?» — «Как же, говорят: «У земли есть уши, у стены — глаза»¹⁷. А женщина-дэв понуждает мужчину: «Во что бы то ни стало скажи! Здесь не проходит ни ин, ни джинн, ни человеческий сын¹⁸. Кто тут услышит, чтобы бояться?» Только она так сказала, мужчина-дэв и говорит: «Если сейчас кто-нибудь нас убьет и возьмет наше сало, да, собрав листья с этого тополя, высушит их и сделает порошок, подобный муке, и если он намажет раны Зеленого Ореха нашим салом, а затем посыплет на них порошком из этих листьев, то на

Зеленом Орехе в три дня не останется ни одной раны и он будет еще здоровее прежнего».

А девушка слушает этот разговор: «Ах, как бы мне убить их?» — ломает она голову. А женщина-дэв опять спрашивает: «А где то место, в котором находится Зеленый Орех?» Мужчина и говорит: «Позади этой горной цепи — поляна, там есть дворец; там и живет Зеленый Орех вместе с матерью». Девушка и это услышала. Теперь она ждет, чтобы дэвы еще больше опьянели: тогда она возьмет и убьет их. И вот они покончили с вином, которое оставалось в бочонке, свалились в разные стороны и засыпают, храпя — хар-хор¹⁹. Девушка увидела это; она спускается с дерева, железной палкой, которая у нее в руке, ударяет дэва по ноге — дэв даже не пошевелился. Тогда она берет меч дэва, отсекает обоим головы, вспарывает им животы, вытаскивает оттуда сало. Потом собирает немного листьев с тополя. Все это она складывает в кожаную сумку и отправляется туда, где находился дворец Зеленого Ореха. Перевалив через хребет той горной цепи, она, как и говорил дэв, видит посреди поляны дворец. «Ага, вот здесь», — говорит она и идет в ту сторону. Проходя перед дворцом, она начинает кричать: «Врач я, врач я; никто не знает, что за ловкач я!»²⁰ Зеленый Орех услышал это изнутри и говорит своей матери: «Помилуй, кто это кричит там снаружи?» А мать и говорит: «Кому там быть? Дервиш какой-то идет мимо!» — «Смилуйся, кликни-ка его; может быть, он найдет лекарство от моих страданий!» А мать говорит: «Ах, сынок, для тебя врач Локман не нашел лекарства, — что же может сделать дервиш?» — «Нет, все-таки позови его, пусть придет разок: у дервишей бывают разные чудеса, почему ты знаешь?» А мать не может отказать своему сыну и зовет девушку внутрь. Девушка только вошла и сразу же говорит: «О, чепуха! Иншаллах, я его поправлю в три дня». Тотчас она мажет его раны дэвьем салом и сверху присыпает порошком из листьев. В тот же день Зеленому Ореху становится полегче: боли утихают. На следующий день она снова натирает раны свежим салом и сверху присыпает порошком; раны Зеленого Ореха покрываются коркой. На третий день только она смазала раны салом — все корки отпадают, и Зеленый Орех становится таким, как будто только что родился — нигде не остается у него никакой боли. Девушку окружают большим почетом: «Помилуй, отец-дервиш, что ты желаешь, чтобы мы тебе дали?» А девушка говорит: «Ничего мне не надо; я хочу только перстень с печатью»²¹

с твоего пальца». Зеленый Орех не соглашается на это: «Мы дадим тебе золота, жемчугов»,— говорит он. Девушка отвечает: «Нет, я — дервиш; дервиши не зарятся так на золото и жемчуг. Если дашь мне на память твой перстень с печатью — прекрасно, не дашь — будь здоров»,— говорит она. И вот Зеленый Орех снимает с пальца перстень с печатью и отдает его девушке, а девушка, простившись, из дворца выходит и идет прямо в страну своего отца. Отцу ее посылают об этом весть; он выходит ей навстречу и присоединяется к девушке. А девушка идет во дворец, бросает посох, снимает с ног чарыки. От ходьбы посох ее сносился до половины, а чарыки совсем развалились на куски. Девушка велит положить их в комнату для сокровищ, а сама идет и садится в своей комнате. А девушка, оказывается, еще раньше стала тяжелой от Зеленого Ореха. Однажды у нее начались схватки, и она родила мальчика — точь-в-точь как сам Зеленый Орех. Ей устраивают постель, девушка ложится в нее; кончается седьмой день, и в то время, как девушка кормила мальчика, к окну подлетел Зеленый Орех. Девушка сразу открывает створки окна. Зеленый Орех влетает внутрь, отряхивается и принимает образ человека. «Чью кровь мне пить, как не твою?» — говорит он и набрасывается на девушку. А девушка тотчас снимает с пальца перстень с печатью и бросает его перед Зеленым Орехом. Лишь только Зеленый Орех увидел перстень, он кричит: «Ах, так, значит, меня исцелила ты!» — и обнимает ее. И оба они радуются. Дают знать падишаху, приходит и он. Зеленый Орех говорит: «Раз у меня есть такой мальчик, я уж больше с тобой не расстанусь — никуда не пойду!» И он собственными руками бросает в огонь свое оперение и остается так в образе молодого красавца. Они вновь заключают между собой брак. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей они соединяются друг с другом. Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам!

28. Сказка о Мурад-шахе

 В один какого-то времени¹ у одного падишаха была дочь. Так как этот падишах очень любил свою дочь, то не велел ее никуда выпускать и держал ее в хрустальном сорокаэтажном

дворце. Девушке исполняется тринадцать-четырнадцать лет. Однажды она говорит своей няньке: «Няня, столько уже времени я сижу здесь взаперти, это мне уже наскучило, дай мне немного прогулять хоть в падишахском саду». А нянька говорит: «Хорошо, только смотри, чтобы это не дошло до твоего отца, а то он нас посадит в пушку и выстрелит из нее». А девушка говорит: «Милая моя, да откуда отец узнает?» Так она уговаривает няньку, и вот они обе вместе выходят, прогуливаются по саду и садятся в беседке² против водоема.

Пока они сидят там, глядь! — прилетают сорок голубей, садятся у водоема. Все они входят в водоем и начинают купаться, только один остается около водоема. Девушка как только увидела того голубка, так в него и влюбилась. «Ой, няня! Посмотри, какой красивый голубок с насурмленными глазами! Как бы нам его поймать?» — говорит она. А нянька говорит: «Ну что ж, это трудно: сними с руки свой браслет и брось; он сунется, чтобы его схватить, а тут мы подбежим и поймаем его». Девушка послушалась няньки и делает так. Но лишь только она кинула свой браслет, как насурмленный голубок подхватил его, и вот он вместе с другими голубями — пррр! — и улетает, а девушка смотрит им вслед и начинает плакать. Нянька говорит: «Не плачь, моя дочка, если сегодня не могли поймать, завтра прилетят — мы и поймаем!» Так она утешает девушку. Тогда они встают, идут во дворец, но в ту ночь до утра сон не смыкает глаз девушки: все ее мысли о том голубке. И вот наступает утро; девушка с нянькой опять выходят в падишахский сад и садятся у водоема. Немного времени спустя опять прилетают голуби и начинают купаться в водоеме, а тот сурмяной голубок остается в стороне. Лишь только увидела это девушка, она и говорит: «Ой, няня, сурмяной голубок опять прилетел; как бы нам его поймать?» Только она это сказала, нянька и отвечает: «Доченька, на этот раз кинь твой золотой тепелик³ с головы, он тяжелее браслета, и голубку его не поднять, — мы тогда его и поймаем». И девушка снимает с головы тепелик и бросает, а сурмяной голубок чуть увидел тепелик, раз! — подхватывает его и — прррр! — все голуби взлетают и скрываются из глаз. Девушка, лишь только увидела это, сразу лишилась чувств. Нянька, взяв ее подмышки, несет во дворец, делает постель и укладывает девушку. Потом девушка приходит в себя, но становится больной от любви к голубю и не может встать с постели.

Через день-два падишах, как только узнал о том, что дочь

заболела, сейчас же велит прийти главному хекиму. А он, хоть и осмотрел девушку,— не может найти для нее лекарства и говорит падишаху: «Для твоей дочери нет лекарства: она сама знает свое лекарство — спроси у нее». И падишах спрашивает самое девушку, а девушка говорит: «Батюшка, лекарство для меня вот какое: вели выстроить для меня баню, пусть все прохожие моются там, не платя денег, а я буду там главной банщицей⁴, может, мне тогда станет веселее, и я избавлюсь от своей муки». Падишах тотчас призывает старшего мимара⁵ и велит построить баню так, как желает его дочь. Когда баня была готова, девушка переходит туда, и все приходят и начинают мыться задаром. Но кто бы ни пришел в баню, девушка велит после мытья позвать его к себе и спрашивает обо всем, что с ним когда-либо случилось. У девушки была такая цель, что, может быть, она от кого-нибудь узнает, где находятся эти голуби.

Пусть девушка сидит в бане. А в том городе была, оказывается, жена пастуха. Однажды утром, спозаранку, она вместе со своим сыном вышла пасти овец. Она подходит к источнику, пускает овец пастись, а сама с мальчиком садится у источника. Солнце начинает греть. Женщина говорит своему сыну: «Ох, я немного полежу у тебя на коленях, а ты против солнышка поищика у меня в голове!» А мальчик говорит: «Очень хорошо». Мать ложится к нему на колени и начинает засыпать. Мальчик ищет в голове у матери, глядь! — два кувшина, побрякивая: тынгыр-мынгыр, тынгыр-мынгыр!⁶ — катятся-катятся и докатываются до источника, сами себя наполняют водой из источника и снова начинают катиться — тынгыр-мынгыр! Лишь только увидел это мальчик, он кладет под голову матери камень, а сам идет следом за кувшинами. Кувшины катятся-катятся и докатываются до ворот⁷, ворота раскрываются, и пока кувшины входили туда, входит и мальчик; там кувшины выливают себя в водоем. Лишь только мальчик увидел это, он спрятался: «Стой, посмотрим, что дальше будет!» Вдруг с лица неба⁸ спускаются сорок голубей и начинают купаться в том водоеме. Один из них отряхивается, становится йигитом, вытаскивает из-за пазухи коробочку, отсюда достает пару⁹ браслетов и тепелик, целует их, нюхает, а затем начинает плакать так, что падает без сознания. Увидев это, мальчик оттуда убегает, снова приходит к матери, глядь! — а она все еще спит. Как бы то ни было, он поднимает мать; они собирают овец и гонят их домой. В тот вечер мальчик говорит своей матери: «Мать, мы еще ни разу не мылись в бане пади-

шаховой дочери, — пойдем хоть завтра утром да помоемся там». И мать соглашается.

Как только наступило утро, оба они — мать и сын — встают, идут в баню и моются. Когда они выходили из бани, слуги берут и ведут их к дочери падишаха, и девушка спрашивает у женщины, что с ней когда-либо приключалось. И женщина рассказывает все, что видела, что с ней было, начиная с ее девичества. Спрашивает девушка и мальчика. Лишь только тот, рассказав о том, что с ним произошло в жизни, рассказал про голубей, которых он видел перед этим, девушка и говорит: «Ох, не знаешь ли ты, где это место: сведи-ка меня туда!» Мальчик сказал: «Очень хорошо, сведу» — и девушка, оставив вместо себя в бане мать пастуха, вместе с мальчиком идет, направляется к тому источнику и садится там. Немного погодя кувшины со звоном — тынгыр-мынгыр! — прикатываются и, наполнившись из источника, катятся обратно, а они идут следом за ними. Лишь только кувшины подкатились к воротам, ворота раскрылись, а мальчик говорит: «Вот, иди через ворота внутрь; ты увидишь то, что видел я». И он оставляет там девушку, а сам уходит. Девушка, войдя вслед за кувшинами внутрь, прячется там в уголке. Немного времени спустя прилетают голуби, такие, как говорил мальчик, и начинают купаться. Один из них (там был, оказывается, замок) входит в замок, отряхивается и превращается в молодца; вынув из коробки, которая была у него за пазухой, браслет и тепелик, он их целует, нюхает и потом начинает плакать, — от слез он теряет сознание. Едва лишь только девушка увидела это, она входит в замок и садится у изголовья молодца. Довольно много времени спустя, едва лишь молодец открыл глаза, он видит девушку и спрашивает: «Ах, ты как сюда попала, кого ты ищешь?» А девушка говорит: «Что мне искать, — от любви к тебе мне свет стал тесен, так давно я тебя искала и вот наконец нашла», — говорит она и рассказывает ему обо всем. А молодец обручает девушку с собой и прячет в одном углу дворца. И вот девушка там живет, а молодец каждый день прилетает в виде голубя и встречается с девушкой.

После этого прошло несколько времени, и девушка затяжелела; мало-помалу живот у нее увеличивается, и время родов приближается. Однажды, когда молодец сидел с девушкой, он начинает плакать и говорит: «Ах, моя любимая, прежде ты была одна, я тебя укрывал, до сих пор держал тебя здесь; а теперь ты хоть одна, а станет двое. Если мои товарищи узнают об этом,

они не пощадят ни тебя, ни меня — обоих убьют. И я, как и ты, падишахского рода, а они из породы пэри! Как-то ночью они выкрали меня с постели и принесли сюда; с тех пор я не видел ни матери, ни отца. Однако что же делать? Если я пойман, то спасайся хоть ты. Я сейчас покажу тебе дорогу, иди прямо по ней, и ты выйдешь ко дворцу моего отца, но на пути, по которому ты пойдешь, очень много острых камней и скал: они будут рвать на тебе одежду, с тебя будет течь кровь, но ты ни на что не смотри — иди и выйдешь к той двери во дворец, из которой я вышел. Та дверь с тех пор, как я ушел, не открывалась. Когда ты придешь туда, тебе дверь не откроют, но ты скажи: «Ради головы Мурад-шаха откройте эту дверь»; когда ты так скажешь, тебе дверь откроют, а ты проходи туда и садись».

А девушка — что же ей делать? — пускается в путь, который ей показал молодец. Пока она проходила острыми камнями, были разорваны все ее одежды, с нее капала кровь. Одним словом, — не будем затягивать! — в один из дней она подходит к воротам дворца, стучит в ворота. И хотя изнутри говорят: «Кто там такой пришел к этим воротам, здесь не открывают!» — она отвечает: «Смилуйся ради головы Мурад-шаха, примите меня как гостя!» Лишь только девушка начала умолять, рабыни уходят, не тронувшись ее мольбами, и говорят о ней госпоже султанше. А ханым говорит: «Вот уже сорок лет я не слыхала имени сына моего, — откройте же дверь в память моего сына, а того пришедшего, кто бы он ни был, отведите на кухню, — пусть он там живет». Рабыни открывают девушке дверь, впускают ее внутрь, приводят в кухню и дают ей на этот день немного хлеба и сыра. Девушка утоляет голод и с вечера остается там. В полночь у нее начались родовые схватки, и под утро она родила мальчика, такого, как капля света¹⁰. Наутро приходят рабыни, смотрят, а эта девушка родила мальчика, словно золотой шар¹⁰; они докладывают об этом султанше. А та говорит: «Ах, раз так, пойдите, дайте ей миску чорбы, пусть похлебает, да сделайте ей постель из одной-двух шкур, чтобы спала». Рабыни, по приказанию госпожи султанши, подложили под девушку одну шкуру, а другой покрыли ее вместо одеяла; положив вместо подушки камень, они заворачивают ребенка в кусок попоны и кладут рядом с ней; девушка лежит.

В тот день наступает вечер. После ятсы Мурад-шах в образе голубя подлетает к окну комнаты, в которой лежала девушка; он бьет крыльями об окно, будит девушку и говорит: «Нежная

моя!»¹¹ — «Что, мой Мурад-шах?» — «Что за шкурка под тобой, что за шкурка на тебе, что это за камешек у тебя под головой, зачем завернули в попону мое дитя? Ах, ах, если бы знала мать моя, что это — мое дитя, она бы положила тебя в жемчужную постель, а дитя мое положила бы в жемчужную зыбку, стала бы качать, напевая колыбельную песню»¹² — прр! — и улетел. А рабыня-то их слыхала. Сейчас же утром она идет к госпоже султанше, рассказывает ей, а госпожа султанша ей не верит: «Кто знает, наверное, тебе во сне привиделось, а ты думала, что это наяву». Сколько она ни говорила, рабыня в ответ: «Если ты мне не веришь, завтра приди сама, послушай, он наверно опять прилетит». Как бы то ни было, день проходит, наступает вечер. Так как госпожа султанша очень обеспокоилась этим, то она приходит в кухню, где спала девушка, еще во время вечернего эзана и садится у двери. После того как был прочитан ятсы-эзан, Мурад-шах снова прилетает к окошку, бьет крыльями в окно и будит девушку: «Нежная моя!» — «Что, мой Мурад-шах?» — «Что за шкурка под тобой, что за шкурка на тебе, что это за камешек у тебя под головой, зачем завернули в попону мое дитя? Ах, если бы знала мать моя, что это — мое дитя, она бы сделала тебе золотую постель, дитя мое положила бы в золотую колыбельку и сама стала бы его качать, напевая колыбельную песню», — говорит он — прр! — и вновь улетает. Лишь только услышала это госпожа султанша, она сразу идет и рассказывает об этом падишаху. Они радуются, переносят девушку в тот же вечер в одну из комнат дворца. Вымыв и убрав ее хорошенько, они делают жемчужную постель, укладывают в нее девушку, покрывают одеялом, которое было расшито золотом, а ребенка завертывают в вышитые одеяла и укладывают в алмазную колыбель. Госпожа султанша-бабушка начинает качать ребенка, напевая колыбельную песню.

И вот, — не будем затягивать! — вечером снова прилетает Мурад-шах, бьет крыльями об окно: «Нежная моя!» — «Что, мой Мурад-шах?» — «Что под тобой, где ты лежишь?» — «В жемчужной постели!» — «Где мое дитя?» — «В алмазной колыбели, бабушка поет колыбельную песню, убаюкивает его». А Мурад-шах говорит: «Ну, пусть спит на здоровье» — прр! — и улетает. И вот каждый вечер Мурад-шах прилетает к окну и разговаривает с девушкой.

Однажды ночью их разговор услышала госпожа султанша. Утром она сказала девушке: «Дочь моя, ты каждую ночь разго-

вариваешь с моим сыном; скажи ему: пусть он и с нами поговорит». А девушка говорит: «Хорошо, скажу». В тот вечер молодец опять прилетает, и, когда он разговаривал с девушкой, она и говорит ему: «О Мурад-шах, приди, прими образ человеческий и повидайся с твоей матерью и отцом». А молодец говорит: «Ах, моя нежная! Я приму, но если я приму, то все те голуби — а они пэри — явятся, перевернут дворец вверх дном и нас всех погубят. Ничего я не жалею, жалею только мое дитяtko». А девушка спрашивает: «А разве нет способа, чтобы избавиться от их злобы?» Молодец говорит: «Способ такой: скажи моему отцу, чтобы, сколько ни есть на дворце черепиц, в каждую он велел положить по бритве; после того как все будет готово, пусть велят сразу развести большой костер. Когда я прилечу, вы оставьте створки окна открытыми, чтобы я мог влететь внутрь. Я влечу и тут же сброшу с себя свой покров, а рабыни пусть скорее бросают мой покров в огонь; по его запаху пэри узнают, что со мной что-то случилось. Чтобы меня спасти, все помчатся, сядут на черепицы дворца, перережут себе руки и крылья о те бритвы, ничего не смогут поделатъ, и вот тогда я буду спасен». Девушка говорит: «Очень хорошо». Наутро девушка рассказывает падишаху то, что сказал ей Мурад-шах. А падишах, как сказала девушка, велел собрать все бритвы, сколько их только было у цирюльников, и разложить их на черепичной крыше.

Как только наступил вечер, разжигают огонь, а окна дворца оставляют открытыми и ожидают прилета Мурад-шаха. В ту ночь прилетает Мурад-шах, влетает внутрь через окно и сбрасывает с себя свой покров. Рабыни тотчас подхватывают его покров и бросают в огонь. Лишь только покров начал гореть, пэри чувт его запах и надвигаются на дворец в виде голубей, но пока они старались разрушить дворец, они разрезали о те бритвы руки и крылья на куски, и вот они все попадали от страшной боли и погибли.

А молодец уже освободился от их рук. Падишах на радостях приказал повсюду устроить празднества. Все они сошлись друг с другом, сойтись бы и нам с теми, кого мы любим!

В прежнее время у одного падишаха был сын пятнадцати-шестнадцати лет. А у соседа, жившего рядом с дворцом падишаха, была девочка-сиротка семи-восьми лет. Та девочка каждый день, взяв под мышку книгу¹, ходила в школу и проходила мимо дворца. Сын падишаха влюбился в ту девочку. Когда она проходила мимо, он привязывался к ней и спрашивал: «Девочка, чему ты учишься?» И так вот каждый день задает он ей этот вопрос. С тех пор проходит довольно много времени: ей исполняется двенадцать-тринадцать лет, а любовь шахзадэ разгорается все сильнее и сильнее. Как-то раз он и говорит своему отцу: «Отец, я возьму за себя эту дочь нашего соседа, потому что я ее полюбил». А падишах говорит: «Сынок, она еще мала да и бедна; я добуду тебе получше ее!» А мальчик отвечает: «Нет, во что бы то ни стало я возьму ее, а если она мала, я подожду». Падишах говорит: «Очень хорошо» — и велит обручить девочку с мальчиком. Но так как девочка еще мала, то свадьбу не справляют. Шахзадэ берет девочку, велит построить замок из хрусталя в семь этажей, помещает ее туда и приставляет к ней невольницу. Раз в день он приходил к девочке. Девочка со дня на день хорошела, а любовь шахзадэ все росла. Однажды девочка соскучилась и стала смотреть в окно, а в это время сын везира увидел ее щечку и влюбился. «Ах, как бы мне получить от нее поцелуй», — думает он. А у него была птица, которая каждый день несла по одному бриллианту. Мальчик идет, берет клетку с птицей, переодевается и, пока проходит под окнами дворца, начинает кричать: «Птицу продаю — каждый день по бриллиантовому яйцу несет!» А девочка, как только его услышала, говорит: «Что это за птица такая?» — и смотрит из окна. Когда она увидела птицу, птица ей очень понравилась. Тогда она говорит своей лала²: «Милая моя лала, посмотри-ка, какую птицу продают; спроси-ка, за сколько, и мы купим ее». Та идет и спрашивает мальчика, а мальчик говорит: «Я эту птицу за деньги не продам: кто мне подарит один поцелуй, тому и отдам».

Лала идет и рассказывает ей, а девочка говорит: «Ах, да можно ли так?» А лала говорит: «Эх, да что станется от одного поцелуя? Здесь никого нет: подари ему поцелуй да и бери птицу!» И вот девочка дает согласие; кличут мальчика, девочка выстав-

ляет свою щечку за окошко, а мальчик из-за окна целует ее и отдает клетку с птицей. А девочка берет птицу, подвешивает ее к потолку и каждый день забавляется с ней. Вдруг приходит шахзадэ и видит, что одна щечка у девушки поблекла. «Девочка, кто дотронулся до твоей щечки?» Хотя девочка и говорила: «Ах, да сюда никто не приходил!» — шахзадэ говорит: «Нет, до тебя не иначе как кто-то дотронулся, от этого и поблекла твоя щечка. Ты должна сказать правду, а не то я тебя убью!» Девочка со страха рассказывает все, как было, а шахзадэ говорит ее лала: «Раз она вместо меня полюбила другого, ступай, возьми ее, дай ей в руки ее птицу, и пусть идет, куда знает!» С девочки сняли ее одежду и одели в старую, дали ей в руки птицу и выгнали из дворца.

И вот девочка, спасаясь, уходит оттуда. Наступает ночь. Она укладывается в дупле какого-то дерева. Когда наступает утро, она видит, что птица в клетке снесла бриллиантовое яйцо; она радуется и прячет его. И вот она снова отправляется в путь — идет несколько дней, а птица каждый день несет по одному бриллиантовому яйцу.

Как-то раз на своем пути девочка встречает пастуха; она подходит к нему и говорит: «Сделай милость, пастух; я дам тебе бриллиант, а ты отдай мне свою одежду». Пастух соглашается на такой обмен³, берет бриллиант, а свою одежду отдает девочке. Лишь только девочка надела его одежду на себя, она принимает вид пастуха. Потом она отправляется в путь, проходит еще немного и видит, что пришла в какой-то город. Вот она входит в один дом, а там сидел бедный старичок. Увидев старика, девочка идет к нему, целует ему руку: «Смилуйся, отец: не возьмешь ли ты меня себе в сыновья?» А тот говорит: «Ах сынок, я — бедный человек, с трудом зарабатываю на хлеб своим собственным ребятишкам. Если я возьму еще тебя на свою шею, что же я буду делать?» Девочка умоляет его: «Господь кому какую судьбу определил, так и будет. Что вы кушаете, то и я буду есть, а быть может, ты даже получишь от меня и какую-нибудь пользу», — говорит она, умоляет, плачет, рыдает. И тот бедняк, сжалившись над ней, принимает ее. Наступает ночь, все ложатся спать. Когда наступает утро, птица снова несет яйцо, а девочка отдает его старику: «Ступай, продай его на базаре, а на деньги купи и принеси, что только нужно». Старик берет бриллиант, несет его в торговые ряды, продает его ровно за тысячу золотых. На один золотой он покупает еды, а остальные приносит девочке.

Проходит тот день, а наутро птица снова несется, а девочка отдает старику бриллиант и велит его продать.

Не будем затягивать! В несколько дней, благодаря бриллиантам, они становятся богачами. Девочка распоряжается: она велит построить среди моря крепость⁴ и в ней сад, огород, замок, баню,— все как полагается; велит сделать для себя самой особую комнату. Она приказывает отделать ее со всех сторон бриллиантами, которые снесла птица; каждое местечко в стене комнаты — это бриллиант; комната внутри сверкает, как солнце. Клетку с птицей она вешает посредине потолка, и сама поселяется в той комнате. Все, прослышавши о том, приходят любоваться, и во всем мире идет о ней молва.

А мы перейдем к сыну падишаха. Шахзадэ, прогнав девочку, раскаивается в том и от тоски по ней заболевает. Сколько лекарей его ни смотрели — они не могут найти ему никакого лекарства: «С этих пор уже ничто не поможет»,— говорят они. Шахзадэ, лежа в постели, узнает, что в такой-то стране, за морем, есть крепость, а в ней — все, чего только пожелаешь. И шахзадэ любопытствует: «Поеду-ка и я — посмотрю, может быть, сердце мое и душа моя успокоятся»,— думает он и просит у отца разрешения поехать. Хотя падишах и говорил: «Сынок, ты болен, ты не можешь ехать в такие далекие края», шахзадэ говорит: «Я непременно должен поехать!» А так как падишах никакими словами не мог ему ничего втолковать, то он думает: «Если я его не отпущу, то, так как он болен, его болезнь, конечно, станет еще тяжелее; пожалуй, отпущу его, и он вернется, если ему суждено жить». И вот он отпускает его. Шахзадэ берет с собой лала, и они отправляются в ту сторону. Там, для того чтобы посмотреть на крепость, они садятся в лодку, едут и причаливают к крепости. Шахзадэ гуляет там, и все ему очень нравится. А девушка, чуть только увидела его, сразу узнает, идет к нему и ведет все показывать, а так как сама девушка была в мужском наряде, шахзадэ ее не узнает. И вот, показывая ему все кругом, она подводит его к своей комнате. Как только шахзадэ вошел в комнату, у него от блеска бриллиантов прямо ослепило глаза. Он и говорит девушке: «Продай мне один из этих бриллиантов». А девушка говорит: «Продам, но за деньги я его не отдам». А шахзадэ спрашивает: «Ну, а за что же ты отдашь?» А она говорит: «Если ты поспишь со мной одну ночь, я тебе подарю один бриллиант». Напрасно шахзадэ говорил: «Друг мой, сколько хочешь денег я тебе дам», девушка не дает согласия, а так как шах-

задэ был пленен бриллиантами, то он соглашается и на ту ночь остается там.

Когда пришло время ложиться, девушка приказывает шахзадэ раздеться. Как только он начал раздеваться, девушка сразу говорит: «Эх, мой шахзадэ, хоть ты и сын падишаха, а за один бриллиант согласился на такую мерзость! А я ради этих всех бриллиантов дала птицелову только один поцелуй, и ты за это выгнал меня из дворца». Говоря так, она снимает с себя мужские одежды; когда же она надела свои собственные прекрасные одежды, шахзадэ узнает девушку, бросается к ней на шею и начинает плакать. А девушка обнимает шахзадэ, и оба плачут. Потом шахзадэ берет с собой девушку, те бриллианты и птицу. Остальные, что там только были, девушка дарит тому старику, а они уезжают на родину шахзадэ. После того как они сорок дней, сорок ночей праздновали свадьбу, они соединяются друг с другом и достигают своих желаний.

30. Девушка и Мискембер

 было — не было, а в прежние времена был индийский падишах; у этого падишаха была дочь. Когда он захотел выдать ее замуж, девушка говорит: «Я ни за кого не пойду. Вели привести мне сорок верблюдов, навьюченных мускусом, и сорок верблюдов, навьюченных амброй». И хотя много-много раз падишах принуждал ее выйти замуж, девушка никак не хотела отступить от своей воли. Наконец падишах говорит: «Ну, что же, велим привести: что-то она будет делать?» Он поручает привести, как того хотела дочь, сорок верблюдов мускусу¹ и сорок верблюдов амбры и отдает их девушке. Девушка берет все это и запирается в комнате; из этих мускуса и амбры она замешивает что-то вроде пышного теста и лепит из него фигуру мальчика, а из того, что осталось, — туловище жеребенка. После этого она проводит в той комнате сорок дней и сорок ночей в молитве, съедая в день только по одной оливке, — и вот этим двум телам даруется душа. Девушка отправляет жеребенка на главную конюшню, а мальчика заключает в такую комнату, которая была отрезана от мира. К мальчику она приставляет няньку и кормилицу. И вот они присмат-

ривают за мальчиком, а девушка приходит к нему по утрам и лобуется им. Так вот мальчик достиг двенадцати лет. Достиг, но бедный ребенок не знал, что такое мир.

Мальчику всегда давали мясо без костей. Однажды как-то так случилось, что повар, забывшись, посылает мясо, не выбрав оттуда костей. Ребенок ест мясо, ему попадается кость, он схватывает ее, и сразу — как подбросит ее кверху! А в стене комнаты было потайное окно. Едва только кость коснулась стекла, оно разбилось, и в комнату неожиданно проник солнечный свет. При виде этого мальчик остолбенел и спрашивает няньку, что это такое, а нянька и говорит: «Если ты никому не скажешь, я скажу тебе». И мальчик крепко-накрепко обещал, что никому не скажет. Тогда нянька говорит: «Вот что: на этом свете есть еще люди, такие же, как ты и я, и животные тоже есть. То, что стало видно, называется солнцем — утром оно восходит, вечером заходит». И она объясняет ему все, что есть на свете подобного этому. Когда мальчик это услышал, он припал к рукам и ногам няньки: «Смилуйся, нянюшка, покажи мне хоть потихоньку что-нибудь из этого!» Нянька не могла устоять перед такими кроткими мольбами мальчика и как-то раз утром, спозаранку, когда все спали, берет ребенка и выводит его в сад. Мальчик увидел в саду какое-то животное и спрашивает: «Что это такое?» — а нянька отвечает, что это — конь и что он принадлежит ему, а тот конь и был жеребенок, сделанный вместе с мальчиком. Когда он немного подрос, ему дали кличку «Камер»². Когда мальчик подошел к нему, чтобы его погладить, жеребенок возьми да нагнись! Мальчик вскочил на него, а жеребенок приподнялся, поскакал туда, поскакал сюда! Не будем затягивать! Они выбрали себе путь и мчатся: жеребенок скрывается с глаз вместе с мальчиком. Пусть они себе скачут, а мы перейдем к тому переполоху, что поднялся во дворце.

Когда рассвело, все встают ото сна, девушка, по своему обычаю, входит в комнату мальчика, вдруг смотрит — ребенка нет. Она спрашивает няньку: «Где мой Мискембер?» (Так как она сделала мальчика из мускуса и амбры, то и дала ему имя Мискембер). Нянька рассказала, как было дело. «О горе!» — говорит девушка и идет к отцу. Отец спросил у нее: «Ну что, видела своего Мискембера?» Тогда девушка вздохнула и просит у отца железные чарыки, железный посох и юбку из волоса. Отец, узнав, что она хочет идти вслед за мальчиком, очень уговаривал ее отказаться от этого, но девушка говорит: «Нет, во что бы то

ни стало пойду». Тогда падишах велел сделать все, как она сказала: железные чарыки, палку и платье, и отдал их девушке. Девушка надела юбку наизнанку, обула чарыки, взяла в руки посох и пустилась в путь. А так как у отца долго не было сведений о дочери, то он посылает тысячу всадников, чтобы они пошли следом и наблюдали за ней.

Пусть они здесь остаются; а жеребенок, забрав мальчика, привозит его прямо во дворец йеменского падишаха. Когда падишах спросил мальчика, откуда он приехал и куда едет, мальчик рассказывает все, как было. Тогда падишах женит молодца на своей дочери, но тот всегда ложился спать, повернувшись спиной к жене, и вставал, повернувшись к ней спиной.

Пусть они так проводят свои дни; а девушка, в свою очередь,³ идет долго-долго и наконец подходит к этому дворцу. Так как она очутилась перед дверью в дворцовую кухню, то она заходит внутрь и умоляет рабынь: «Дорогие мои!⁴ У меня никого нет, я осталась одна на вершинах гор. Если у вас есть какое-нибудь местечко, вроде курятника, чтобы сегодня переночевать, положите меня туда, я посплю и вам погадаю, а гадать — уж это мое дело! Смилуйтесь, пустите меня к себе на эту ночь». — «Мы только спросим у нашей госпожи», — говорят рабыни, отправляются к своей госпоже и рассказывают обо всем. «То, о чем гадают, уже сбылось: может, наговор нам сделать, чтобы бей повернул ко мне свое лицо?» — думает госпожа и велит ее впустить. Девушку впустили и приводят к госпоже. Госпожа говорит: «У меня есть муж⁵ по имени Мискембер-бей, он ложится спать ко мне спиной и встает спиной ко мне, никогда не улыбается. Если ты его рассмешишь, я дам тебе во дворце комнату, живи в ней все время». Под вечер девушка поджидает Мискембера (а Мискембер каждый день ходил на охоту). В тот день, когда Мискембер пришел с охоты, дочь индийского падишаха показалась ему в таком виде, как пришла. И Мискембер, увидев ее, слегка улыбнулся. Едва только дочь йеменского падишаха увидела, что молодец улыбается, она обрадовалась и, как сказала, так и сделала: дала этой девушке комнату. А эта комната находилась как раз под спальными покоями падишаха. Девушка входит в комнату, и до самого утра сон не смыкает ее глаз. Горя любовью к молодцу, она каждую ночь поет песню⁶:

О тот, кого я создала из мускуса и амбры,

Тот, о ком я умоляла аллаха,

Тот, о ком сорок дней молилась,—

Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Что лежишь ты подобно мертвецу?
Шея твоя — как ветка кипариса,
Аромат твой — как райская роза,
Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Мой железный посох сломался,
Мои железные чарыки порвались,
Наконец Мискембер нашелся.
Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Я надела одежду безумного,
Моего Мискембера развеселила,
Наконец-то от печали нашла я избавление.
Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Что лежишь ты? Открой свои очи!
Влюбленная в тебя не вынесет твоей ласки.
Разве ты выбрал дочь Йемена?
Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Утро наступило. Не встанешь ли ты?
В лицо мое, подобное луне, не взглянешь ли ты?
Алаха не боишься ли ты?
Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Утро наступило. Заря озарила землю,
Все птицы на воле поют,
Каждый взял свою любимую и покоится с ней.
Проснись, Мискембер, проснись,
Проснись, мой нежный друг, проснись!

Падишах не мог выдержать того, что девушка всю ночь до самого утра плакала и надрывалась. Однажды он призвал ее к себе и спрашивает, почему она вот так сидит до утра и поет. Девушка рассказала ему все, что было, с начала до конца. Йеменский падишах, узнав, что и она — дочь падишаха, подумал: «Не пристало ей день и ночь так сокрушаться». Однажды рано утром он потихоньку отзывает Мискембера прямо от дочери и вручает

его девушке. «Ну, теперь отправляйтесь в свою страну»,— говорит он и дает им в сопровождение много всадников. Получив из уст молодца слова развода для своей дочери, он говорит: «Поезжайте, счастливого пути!»— и отправляет его в его страну. Возвращаясь обратно, они встречаются тысячу всадников, которых отец девушки послал вслед за ней. Все они тут же двинулись в свою страну. До падишаха доходят радостные вести, и он встречает свою дочь. Затем для девушки устраивают свадьбу в сорок дней, сорок ночей и выдают ее за Мискембера.

Они своей достигли цели, а мы залезем-ка на стены!⁷

31. Сказка о девушке и печенке¹

 Было — не было, а в какой-то день одна женщина, дав своей дочери несколько пара, говорит: «Пойди, купи мне на базаре печенки, вымой ее в озере и принеси». Девушка идет, покупает печенку, подходит к берегу озера и моет ее. В это время налетает сверху коршун, выхватывает из рук девушки печенку и улетает. Девушка кричит ему вслед: «Коршун, отдай мне печенку, я ее снесу домой своей матери, а то мать меня пришьет», а коршун отвечает: «Принеси мне ячменя — тогда я отдам тебе печенку». Девушка снимается с места, идет в поле и говорит: «Поле, дай мне ячменя, я отдам его коршуну, коршун мне отдаст печенку, и я ее снесу матери». А поле отвечает: «Моли аллаха, пусть он пошлет мне дождя — тогда я дам тебе ячменя». Девушка уходит оттуда и в потайном месте молится про себя аллаху: «Аллах, пошли мне дождя, я отдам его полю, поле даст мне ячменя, я отдам его коршуну, коршун отдаст мне печенку, а я снесу ее своей матери». Пока она так молилась, кто-то подошел и говорит: «Не бывает молитвы без воскурения, возьми у аттара² благовония, зажги и тогда молись». Девушка сразу идет к аттару и говорит: «Аттар, дай мне благовония, я воскурю его перед аллахом, чтобы аллах послал мне дождя. Я пролью его на поле, чтобы поле дало мне ячменя; я его насыплю коршуну, чтобы коршун отдал мне печенку, и тогда я снесу ее своей матери». А аттар отвечает: «А ты принеси мне обувь³, тогда я дам тебе благовония». Девушка уходит от него, идет к сапожнику и говорит:

«Сапожник, дай мне обувь, я снесу ее аттару, чтобы аттар дал мне благовония; я воскурю его перед аллахом, чтобы аллах послал мне дождя; я пролью его на поле, чтобы поле дало мне ячменя; я его насыплю коршуну, чтобы коршун отдал мне печенку, и тогда я снесу ее своей матери». А сапожник говорит: «Принеси-ка ты мне воловьей кожи, и я дам тебе обувь». Девушка отправляется прямо к кожевнику: «Кожевник, дай мне кожи, я отдам ее сапожнику, чтобы сапожник дал мне обувь; я отдам ее аттару, чтобы аттар дал мне благовония; я воскурю его перед аллахом, чтобы аллах послал мне дождя; я пролью его на поле, чтобы поле дало мне ячменя; я его насыплю коршуну, чтобы коршун отдал мне печенку, и тогда я снесу ее своей матери». А кожевник говорит: «Принеси-ка ты мне воловью шкуру, и я дам тебе кожи». Тогда девушка идет к волу: «Вол, дай мне шкуру, я отдам ее кожевнику, чтобы кожевник дал мне кожи; я дам ее сапожнику, чтобы сапожник дал мне обувь; я отдам ее аттару, чтобы аттар дал мне благовония; я воскурю его перед аллахом, чтобы аллах послал мне дождя; я пролью его на поле, чтобы поле дало мне ячменя; я его насыплю коршуну, чтобы коршун отдал мне печенку, и тогда я снесу ее своей матери». Вол говорит: «Принеси-ка мне соломы, и я дам тебе шкуру». Девушка пошла к хозяину вола и говорит: «Дай-ка мне соломы, я отдам ее волу, чтобы вол дал мне шкуру; я отдам ее кожевнику, чтобы кожевник дал мне кожи; я отдам ее сапожнику, чтобы сапожник дал мне обувь; я отдам ее аттару, чтобы аттар дал мне благовония; я воскурю его перед аллахом, чтобы аллах послал мне дождя; я пролью его на поле, чтобы поле дало мне ячменя; я его насыплю коршуну, чтобы коршун отдал мне печенку, и тогда я снесу ее своей матери». Хозяин вола говорит: «Если ты подаришь мне один поцелуй, я дам тебе соломы». А девушка думает: «Ну что же тут такого? Поцелую и избавлюсь от этой канители!» И вот она целует молодца, получает мешок соломы; дает солому волу, получает шкуру; шкуру дает кожевнику, получает кожу; кожу дает сапожнику, получает обувь; обувь дает аттару, получает благовония; воскурив благовония, молится аллаху; идет дождь, проливается на поле; получив ячмень, она насыпает его коршуну; получает печенку и несет ее своей матери. Мать ее варит печенку, и они обе наедаются ею всласть.

прежние времена был один землепашец¹, а у него был сын. Этот землепашец каждый день выходил в поле и пахал вместе с сыном. В обеденное время они приходили домой, ели, пили и снова уходили на работу. Однажды парень пришел домой и спросил у матери поесть, а мать говорит: «Подожди, придет отец, все вместе и поедим». И она не дала ему есть, а он рассердился на свою мать и ушел, не заботясь ни о чем.

Идет он день — приходит в один город и вот видит, что за городом собралось много народу: оказывается, бей этого города вышел на гулянье. Молодец сейчас же направляется прямо к ним, приветствует их селямом. Они спрашивают у него, откуда он пришел и куда держит путь, а он говорит, что убежал, рассердившись на свою мать. Этот парень очень понравился бейю. Бей и говорит: «Сын мой, поживи у меня. У меня много скотины; на день отводи ее в горы — паси, а к вечеру снова собирай и приводи обратно». Парень говорит: «Ладно» — и остается там. Бей ведет его к себе домой и берет его в пастухи. Лишь только наступило утро, парень забирает овец и гонит их в горы, как ему и наказывал бей. До вечера пасет, а к вечеру собирает их и снова пригоняет домой. Пасет он день, пасет пять дней. Однажды ночью, когда он спал у себя в комнате, дочь бейя потихоньку вошла в комнату молодца. Как только парень ее увидел, он спросил: «Ты кто?» Когда он так сказал, девушка говорит: «Помилуй, пастух, тише говори — не услышал бы кто! С того дня, как я тебя увидела, я полюбила тебя всей душой и всем сердцем, но смотри не выдай меня кому-нибудь: только ты да я и будем знать». — «Помилуй, девушка, а если твой отец-бей узнает о нас, он ведь меня убьет!» Напрасно парень говорил это все, — девушка долго его упрашивает, умоляет и в конце концов как-то уговаривает его. Вот они садятся и проводят время вместе. Девушка уходит и приносит много фруктов; они садятся, вместе едят, пьют и развлекаются до утра. Когда наступило утро, девушка уходит опять в свою комнату, а парень забирает своих овец и гонит их в горы, до самого вечера пасет их там, а к вечеру собирает и пригоняет домой. По ночам он развлекается с девушкой, а днем пасет в горах овец. И так он жил около года или двух, — к тому же девушка давала ему много денег.

В один из дней этот молодец вспомнил о матери с отцом и говорит бею: «Сделай милость, бей, отпусти меня, я схожу к матери с отцом». И бей, дав ему много подарков, отпускает его. Парень встает и готовится идти в свою деревню. Когда девушка это увидела, она и говорит: «Ах, эфендим! До сих пор я развлекалась с тобой, а теперь ты уходишь: с кем же я буду любиться и развлекаться?» А парень и говорит: «Ты сейчас меня отпусти, я долго там не буду оставаться и опять приду. И мать и отец до сих пор, поди, много плакали обо мне: я пойду и утешу их». Девушка говорит: «Когда ты придешь туда, они тебя больше не отпустят, а я здесь сойду с ума от любви. Ты хоть назови мне место, где живешь, чтобы было мне где искать тебя, коли ты не вернешься!» И парень рассказывает ей, что это, мол, в такой-то деревне, в таком-то месте, потом прощается с ней и уходит. Идет он, идет, приходит в свою деревню. И вот, когда он вошел в дом, его увидели мать и отец. «Ах, сынок, где ты был до сих пор? Мы уж думали, что ты умер, а ты, оказывается, жив! Благодарение аллаху, он нас опять свел вместе», — говорят они, а сами радуются, обнимают, ласкают его. Видят, что у парня много денег, и говорят: «Дай-ка мы тебя женим» — и берутся готовить свадьбу. Хотя парень, зная, что придет девушка, и говорил своей матери: «Я не женюсь», мать не слушает его и готовит свадьбу. Парень говорит про себя: «Эх ты! Ну как эта девушка убежит от отца и придет сюда?» И он соглашается на то, что говорила мать. Потом ему находят девушку, устраивают свадьбу и женят его.

Проходит пять-десять дней, и вот дочь бея, увидев, что парень не возвращается, как-то ночью, чтобы никто не заметил, берет с собой немного вещей — по весу легких, по цене дорогих — и много денег, садится на коня и приезжает прямехонько в деревню, где жил парень, и идет прямо к двери его дома, как он ее и учил. А парень как раз сидел у окна со своей женой. Лишь только девушка это увидела, она запела ²:

Д е в у ш к а

Дом отца я разорила,
Из конюшни я вывела гнедого коня,
Сто тысяч золотых взяла — бежала:
Садись на коня, бежим, мой юный бей!

М о л о д е ц

Туркменская ³ девушка, туркменская девушка,
Предрассветная утренняя звезда.

Ты поезжай, а я не могу, туркменская девушка!
У моего серого коня нет подков,
На спине у него нет попоны,
Нет у него корму и на одну ночь:
Ты поезжай, а я не могу, туркменская девушка!

Д е в у ш к а

Мой юный бей, мой паша!
Моя рука — вот подушка; мои волосы — вот одеяло.
Садись на коня, бежим, мой юный бей!
Свой браслет я сделаю подковой,
Попоной коню будет мое фередже,
Кормом коню будут мои жемчуга ⁴.
Садись на коня, бежим, мой юный бей!

М о л о д е ц

Моих волов я запряг в запряжку,
В свою землю я бросил семена,
И жену я взял по закону ⁵:
Ты поезжай, а я не могу, туркменская девушка!

Д е в у ш к а

Чтоб волов твоих пожрали волки,
Чтоб семена твои поклевали птицы!
То, что законно для тебя, пусть обратится на твою погибель ⁶.
Я сготовила жаркое из баранины,
Да, оно завязано у меня в салфетке,
Вон, собака! Убирайся, собачий сын!
С этих пор, с этих пор не хочу я тебя!

Пропев это, девушка отправилась своей дорогой. Едет она, едет, приезжает на вершину горы, входит в какую-то пещеру, видит, что внутри никого нет. «Поживу-ка я хоть здесь», — думает она, сходит с коня и поселяется в пещере. Как-то раз она видит, что мимо пещеры проходит много навьюченных верблюдов. Она выскакивает из пещеры, захватывает, рубит людям головы, забирает груз, а животных отпускает. А поблизости от пещеры была, оказывается, деревня. На этих вот животных и привозили туда съестное из других деревень и городов, а девушка, сколько ни проходило мимо нее животных и людей, — на всех нападала, снимала груз и отбирала. А жители той деревни так и мрут от голода. Им сообщают, и они узнают, что там, на пути, эта девушка убивает людей и снимает груз с животных. Однажды бей деревни посылает к этой девушке человека сказать: «Если она хочет вступить со мною в борьбу, пусть выходит на поле».

Тот человек идет и говорит девушке, а девушка посылает ему сказать: «Что бы он там ни делал, я устою против него». И вот бей собирает крестьянских сыновей и делает их солдатами. Собрав тысячу человек, он отправляет их к пещере, где была девушка, а она садится на коня и вытаскивает меч. Выступив одна против тысячи человек, она, прежде чем кто-либо нанес ей вред, убивает пятьсот человек,— остальные говорят: «Если мы опять вступим с ней в бой, она и нас перебьет» — и обращаются в бегство. А среди них был как раз сын одного из старших той деревни. Когда они бежали, девушка берет его в плен — захватывает его живьем. Остальные убегают. А его она берет и приводит в пещеру. Парень, не зная, что это — девушка, ничего не может делать от страха: вот, мол, и меня убьет! Девушка поселилась с этим парнем; они вместе пьют, едят, спят. Долгое время они оставались вместе. Однажды девушка говорит молодцу: «Пойдем, я сведу тебя к твоей матери и отцу: вы повидаетесь, а потом мы опять придем сюда». Парень соглашается. Они садятся на коней и едут в деревню. И вот, лишь только крестьяне увидели ту девушку,— все от страха разбежались по сторонам. А они приходят в дом того молодца. Как только мать и отец увидели его, они с радостью принимают их к себе, но от страха перед девушкой не знают, как и угодить им. Как бы то ни было, они садятся, беседуют; мать и отец целуют и ласкают молодца. Но как только девушка сказала: «Ну, теперь пойдем», мать и отец молодца стали умолять: «Останьтесь на эту ночь здесь». Девушка говорит: «Ладно, останемся» — и на эту ночь они там остаются в гостях. Наступает вечер, девушка и говорит отцу молодца: «Ну вот, мы на эту ночь остались здесь, позовите кого-нибудь из соседей: мы поговорим и повеселимся». И отец молодца отправляет своего слугу: «Иди-ка, позови имама и других». Слуга уходит, зовет нескольких соседей, а они приходят и видят, что пришел человек из той пещеры. Увидев это, они совсем рассудка лишились. От страха никто не может произнести ни слова. Как бы то ни было, девушка заводит разговор, беседует о том, о сем, а они отвечают: «Да, эфенди, да-да, эфенди⁷, очень хорошо, эфенди». Они слушают речи девушки, отвечая на все в таком вот роде. Потом девушка говорит: «Эх, соседи! Вы меня принимали до сей поры за мужчину, а ведь у меня был возлюбленный! Я его потеряла; от любви к нему я бросилась в горы и от тоски по нем не знала, что мне делать, чтобы свою любовь заглушить! Вот потому я перебила столько людей и с вами вела

такую борьбу, а ведь я — девушка». Она скидывает с головы шапку, и когда волосы у нее рассыпались по плечам, все пришли в изумление, а девица и говорит: «Отдайте меня в жены этому молодцу по закону аллаха». Когда она так сказала, тотчас имам и соседи, находившиеся там, обручают эту девушку с молодцом. Сорок дней, сорок ночей празднуют они свадьбу и остальное время своей жизни проводят в наслаждении.

33. Сын дэва — Узун-чаршы

 Было — не было, а в прежние времена у одного бедного старого человека было три дочери. Этот человек ежедневно покупал на базаре льняную пряжу и давал своим дочерям пряхать, потом относил ее на базар и продавал, и они жили на эти деньги. В один из дней он истратил слишком много, и потому деньги у него кончились. И вот он больше не может найти у себя денег, чтобы снова купить ниток, и погружается в раздумье. Наконец он решает так: «Если кто даст мне окку пряжи, тому я отдам одну дочку».

А как раз в это время в том городе был дэв-оглу¹ по имени Узун-чаршы². Лишь только услышал он эти слова, как тут же берет окку пряжи, рано утром идет и стучит в дверь этого человека, а когда тот, бедняга, вышел и спросил: «Что надо?» — дэв и говорит: «А ну-ка! Помнишь, что ты говорил вечером?» — и сует ему в руку принесенную пряжу. А тот говорит: «Да». Он вспоминает свое обещание, берет пряжу и отдает свою старшую дочь дэву, а дэв-оглу берет ее к себе на спину. Только сказал он: «Зажмурь глаза, открой глаза», как девушка видит себя среди дворцов. Дэв оставляет там девушку, а сам уходит. Лишь только девушка осталась одна, она начала думать: «Что это здесь за место такое?» И вот, пока она смотрела из окна по сторонам, она видит, что поблизости — кладбище. А дэв-оглу, разрыв свежую могилу, вытаскивает из нее мертвеца, распарывает живот тому мертвецу, берет печень, насаживает ее на палец и поворачивается, чтобы идти во дворец. Девушка, увидев это, испугалась, но что же ей делать? Дэв-оглу не успел прийти во дворец, как тут же дает печень девушке: «Девушка, возьми эту печень,

свари ее и поешь!» — говорит он. Девушка хоть и взяла печень, но потом выбросила ее в навоз, приговаривая: «Как можно это есть?» И вот наступает вечер; приходит Узун-чаршы. Лишь только он спросил: «Девушка, ты печенку съела?» — девушка и говорит: «Да, съела». Узун-чаршы как закричит: «Печень, где ты?» А печень подает голос: «Я в навозе!» Тогда Узун-чаршы берет девушку и со словами: «От этой мне толку не будет!» — прибывает ее гвоздями за уши к стене одной комнаты и оставляет там.

Едва прошло с тех пор еще несколько дней, как Узун-чаршы снова идет в дом того старого человека и стучит в дверь. Бедный человек выходит и лишь только спросил: «Что надо?» — тот говорит: «Твоя дочь соскучилась по сестре: прислала меня, чтобы я привел ее». А бедняге почем знать? Говорит: «Хорошо» — и отдает дэву среднюю дочь. Дэв говорит: «Зажмурь глаза, открой глаза», — и девушка сразу видит себя посреди дворцов. Узун-чаршы уходит, а девушка, смотря из дворцовых окон, видит, как дэв вытаскивает из свежей могилы труп, вырывает из него печень, насаживает на палец, поворачивается и приходит обратно во дворец. Он отдает человечью печень девушке: «Возьми это, сварь и ешь!» — говорит он. Девушка взяла печень и тут же выбросила ее в угол, за метлу. И вот наступает вечер; приходит дэв. «Девушка, ты ела печенку?» — спрашивает он, а девушка отвечает: «Ела!» — «Печень, где ты?» Из печени раздается голос: «Я за метлой». Узун-чаршы говорит: «И эта нам подругой не будет!» Он берет девушку, отводит в комнату, где была заперта другая сестра, и оставляет ее там, прибив гвоздями за уши.

Не будем затягивать! После того как с этого времени прошло еще несколько дней, дэв приходит за самой младшей девушкой; каким-то образом он уговаривает отца девушки и забирает ее. Не успел он сказать: «Зажмурь глаза, открой глаза», — как девушка сразу видит себя во дворце. Дэв оставляет там девушку, а сам сейчас же уходит. Снова он берет печень из свежего трупа и дает девушке поесть. А так как и эта девушка видела, что это за печень, то она бросает ее кошке, которую она принесла с собой, и кошка съедает печень. Как только наступает вечер, во дворец приходит дэв. Первым делом он спрашивает девушку: «Ты ела печень?» А девушка говорит: «Ела». Узун-чаршы кричит: «Печень, где ты?» Поскольку ниоткуда не слышался голос, дэв понял, что печень съедена. Он пришел в хорошее расположение

духа: «Ну вот, теперь уж я нашел себе пару!» — говорит он и идет к девушке. «Эй, девушка! Давно я не спал; сядь, я положу к тебе на колени свою голову да усну немного. Мой сон длится ровно сорок часов; пока не пройдет сорок часов, ты меня не буди». Так он наказывает девушке, потом ложится к ней на колени и сразу погружается в сон: хар-хор!³ Младшие дети всегда бывают сметливы!⁴ Лишь только девушка увидала, что он уснул, она принялась со всех сторон его обшаривать и вот видит, что у него к волосам привязан ровно сорок один ключ. Девушка тихонько отвязывает ключи, кладет голову дэва на землю и выходит осматривать дворец. А в том дворце как раз была сорок одна комната: это и были ключи от всех комнат. Девушка отпирает двери комнат одну за другой и видит внутри их различные украшения и одежды. Только она открыла сорок первую комнату, вдруг, глядь! — обе старшие сестры и какой-то плотник пригвождены к стене за уши. Увидев это, девушка говорит: «Ай, мои старшие сестрички! Так вы здесь?!» И она подбегает, вытаскивает им гвозди из ушей, приносит еды, а когда они насытились, спрашивает: «Кто вам это сделал?» А они рассказывают о том, что с ними проделал дэв. А девушка говорит: «Больше не бойтесь, я нашла против него средство и вас отсюда отправлю, а когда придет моя очередь, конечно, и сама убегу и спасусь». И она оставляет в комнате одного плотника, запирает дверь, уносит ключи и привязывает их к волосам дэва.

И вот как раз прошло ровно сорок часов. Дэв-оглу, потягиваясь, просыпается: «Ох, сколько я проспал!» — говорит он, встает и выходит из комнаты. Немного погодя он приносит скатерть с едой, со сладким и соленым, садится, и они вместе с девушкой наедаются досыта. И вот он каждое утро выходит из дворца, а к вечеру приходит, приносит различной еды и фруктов, и они вместе с девушкой едят, пьют. Он делает девушке разные-разные одежды, наряды, дает жемчуга, а девушка только и знает, что наряжается да прибирается.

С тех пор проходит довольно много времени. Однажды девушка говорит дэву: «Столько времени прошло, как ты меня разлучил с матерью и отцом, и до сих пор ты ни сам никуда не сходил, ни меня не свел». А дэв говорит: «Эх, коли ты пойдешь, то что ты будешь делать? Ради тебя уж я сам пойду! Ну-ка, возьми эти ключи, наполни один сундук золотом и жемчугами из тех комнат — понемногу из каждой,— и я снесу это в подарок твоему отцу». А девушка взяла ключи от комнат и сразу идет,

прячет старшую сестру в сундук, кладет также немного золота и жемчугов и, хорошенько закрыв крышку, отдает дэву; «Вот снеси этот сундук моему отцу и еще передай от меня поклон, но смотри, по дороге не спускай со спины сундук; я сзади буду смотреть: если ты спустишь, я буду знать, что ты меня не любишь!» Дэв клянется, что не спустит, и взваливает себе на спину сундук: «Ох, как тяжело, оказывается, фу!» — говорит он и отправляется в путь. Чуть только он закрыл-открыл глаза, как он уже приходит в дом девушкина отца и отдает сундук. «Дочь твоя прислала поклон, а этот сундук прислала тебе в подарок!» — говорит он, поворачивает обратно и приходит во дворец. Отец и мать девушки взяли сундук и говорят: «Ну-ка, что за подарок прислала нам наша дочка?» Они открывают крышку сундука, и вот что же они видят? — из него выходит их старшая дочь. «Ах, ты что здесь делаешь?» — спрашивают они ее. А девушка им обо всем по порядку рассказывает; они радуются ее спасению, а на золото, которое было принесено, покупают себе еды и с той поры избавляются от бедности.

Пусть они там остаются, а мы снова перейдем к девушке. После этого проходит сколько-то времени. Девушка опять говорит дэву: «Ты давно не навещал мою мать и отца, да и живы ли они, как поживают — кто знает? Ты здесь меня в темницу засадил, заставил тосковать по матери и отце. Ты хотя бы сам пошел да прогулялся бы к ним!» А Узун-чаршы очень любил девушку и потому делал все, что бы она ни говорила; поэтому он и говорит: «Хорошо, ради тебя я пойду, прогуляюсь, да и снесу немного подарков. Ты наполни сундук, чем хочешь, — приготовь», — говорит он и отдает ей ключи от комнат. На этот раз девушка сажает в сундук среднюю сестру, кладет немного алмазов и драгоценностей, запирает крышку и отдает дэву: «Ну бери, неси, но только дорогой не спускай сундук со спины на землю и передай его отцу». А Узун-чаршы подхватил сундук и в одну минуту отнес и отдал сундук отцу девушки. Когда бедняга на этот раз взял сундук и открыл его, оттуда выходит его средняя дочь, а он радуется и спасению дочери и тем драгоценностям, которые были принесены.

Теперь в той стороне⁵ младшая дочь остается одна и хлопочет, чтобы спастись и ей самой. Однажды она снова открывает сорок первую комнату, а там ведь плотник все еще оставался пригвожденным к стене за уши. Лишь только увидал он девушку, как начал умолять: «Смилуйся, спаси меня отсюда!» А девушка

говорит: «Хорошо, я тебя спасу, но только, если ты сделаешь мне сундук, как я тебе скажу!» Как только плотник сказал: «Хорошо!» — девушка вытаскивает гвозди, освобождает плотника и рассказывает, какой нужно сделать сундук: чтобы ниоткуда не просачивалась вода и чтобы внутри открывалась и изнутри же закрывалась. Плотник делает, готовит сундук, как сказала девушка, а девушка и говорит плотнику: «Вот сейчас я войду в этот сундук, а ты возьми, отнеси меня и брось в море, а потом старайся убежать куда глаза глядят, чтобы Узун-чаршы тебя не схватил!» Плотник говорит: «Хорошо!» Девушка входит в сундук, и лишь только она закрыла крышку, плотник берет сундук, несет и бросает его на середину моря, а сам бежит бегом. А в той стороне, едва только наступил вечер, во дворец приходит дэв, глядь! — а девушки нет. Тогда он сразу идет в комнату, где был пригвожден плотник, глядь! — ни плотника, ни тех девушек. Говорят, что этот дэв-оглу, которого звали Узун-чаршы, за один тот день обошел весь свет. Тотчас он вышел из дворца и, учуяв запах плотника, догнал его и разорвал на куски. Затем он бросился вслед девушке, но так как девушка была на море, он, хотя и перевернул вверх дном всю сушу, — ниоткуда не мог уловить запаха девушки.

Пусть он ищет девушку, а мы перейдем к ней. Девушка на море качается и качается в волнах, а на море был, оказывается, замок падишаха той страны. Волны принесли тот сундук к тому замку; волна бьет, а сундук ударяется об основание замка и сотрясает замок. Падишах говорит своим чаушам: «Друзья, поглядите, что это бьется о замок, от этого шума пропал весь мой покой!» Чауши хватают баграми сундук, вытаскивают его, приносят падишаху, а падишах говорит: «Откройте-ка; если оттуда выпадет какое богатство — оно будет ваше, если выйдет живая душа — моя». И вот они стараются открыть сундук, но никак не могут, потому что в нем ни с какой стороны не было запоров. Наконец, когда они раскололи сундук на части топорами, оттуда вышла девушка, и они удивились. А так как девушка была очень красива, то падишах влюбляется в нее. Как только он начал склонять ее к браку, девушка и говорит: «О падишах, откажись от брака со мной, потому что мой враг узнает о том, что я здесь, прилетит и разорвет меня на куски, и тебе будет жаль меня. Лучше всего вели опять сделать мне такой сундук, я в него войду, а вы бросьте меня в море», — умоляет она. Но падишах без ума влюбился в девушку — он и слышать ничего не хочет:

«Кто это тот, кто, будучи в моем дворце, причинит тебе зло? Да я ему раньше все тело на куски разорву!» — говорит он. А девушка говорит: «Помилуй, султан! Ты не можешь ничего сделать моему врагу, потому что он за один день обходит весь свет, никто его не может схватить». И она рассказывает все свои приключения, одно за другим. А падишах говорит: «Женщина, он тебя сильно напугал, и потому тебе все мерещится. Пока я жив, никто не может посягнуть на то, чтобы сделать тебе зло, хотя бы все люди мира были тебе врагами!»

Пусть они так переговариваются, а в той стороне Узунчаршы, как только девушка вышла из сундука, сразу учуял ее запах. «Ага, нашел», — промолвил он и направился прямо к тому дворцу. А при этом замке, оказывается, был мост, для того чтобы переходить через море на землю. На том мосту по обеим сторонам в ряд стояли воины; у входа на мост с одной стороны лев, а с другой — тигр, и ночь и день сторожили, чтобы через мост никто не прошел. Дэв подошел к мосту, глядь! — через него и впрямь никто не может пройти. Тотчас он прочел заклинание, подул на воинов, льва и тигра, и все они погрузились в сон. А дэв прошел через мост, вошел во дворец и хватает девушку: «Ах, девушка, я-то тебя так люблю, а ты от меня с разными хитростями убежала! Дай уж я тебя заживо на огне зажарю да съем!» — говорит он и начинает разводить костер. Девушка видит, что ей уже нет спасения: «Совершу я хоть омовение да два риката⁶ намаза, а там — будь что будет!» — говорит она, встает, делает омовение; когда же она, совершив два риката намаза, молилась, с неба слетают два голубя, садятся на замок и говорят один другому: «Если бы эта девушка понимала наш язык, она спаслась бы от злобы этого дэва!» А другой спрашивает: «А что ей сделать, чтобы спастись?» Первый голубь и говорит: «У двери этого замка есть камень; под этим камнем — две бутылки. Если бы она достала те бутылки и разбила их, все бы проснулись и ее спасли» — прр! — и они улетают. А девушка-то знала язык птиц. Тотчас она встает, вытаскивает из-под камня бутылки, как говорили голуби, разбивает их, и все во дворце просыпаются от сна, а девушка рассказывает падишаху, что пришел дэв.

Падишах приказывает спустить льва и тигра с привязи, готовляет войско, а дэв, нагрузив на спину дрова, уже несет их, чтобы развести костер и зажарить девушку. Лишь только подошел он к мосту, как лев с одной стороны, а тигр — с другой так и набрасываются на него, воины наступают с мечами, и все они

раздирают Узун-чаршы на кусочки. А так как девушка избавилась от его злобы, то падишах велит обручить девушку с собой. Сорок дней, сорок ночей справляют свадьбу, и он берет девушку в жены.

Немного спустя падишах велит привести мать, отца и сестер девушки; они встречаются друг с другом, и вот до самой смерти все они сообща проводят свою жизнь в покое.

34. Сказка о трех сестрах

 Когда-то у одной бедной женщины был сын. Этому мальчику исполнилось двадцать лет, но он еще не сказал никому ни одного слова. Приходя домой, он проходил к себе в комнату и проводил время в чтении и письме. Так как у этой женщины он был единственным сыном на свете и она очень его любила, то она всегда горевала о том, что он ни с кем не разговаривает.

Однажды она сидела с женщинами-соседками и рассказывала о своем сыне: «Не знаю, что делать: дожил мой сын до двадцати лет, а еще ни с кем слова не сказал!» А соседки говорят: «Ты его жени; после женитьбы девушка, которую ты ему возьмешь, заставит его говорить,— тогда он и с тобой заговорит». Женщина подумала: «И правда, если я возьму для него девушку, он наверно заговорит». И вот однажды она отправляется искать девушку. Ходит она, ходит и находит в одном доме трех девушек, одна другой красивее. Она сватает старшую за своего сына по закону аллаха, мать девушки соглашается и отдает ее. И вот их обручают, начинают свадьбу, а после окончания свадьбы девушку обвивают золотыми и серебряными нитями¹, обвешивают украшениями и приводят в комнату молодца. Наступает вечер, приходит он, глядь! — в его комнате сидит невеста. Молодец даже и не смотрит в лицо невесте: проходит, садится на свое место и начинает читать и писать. Наступает полночь, он не говорит девушке ни слова: уходит в угол и ложится спать. А девушка сидела-сидела, ей тоже захотелось спать: она вытягивается в сторонке и засыпает. Когда наступило утро, молодец встает, умывается и уходит. Девушка просыпается, глядь! — а мальчик ушел. Тогда она начинает думать: «Я просидела против него до

самой полуночи, он даже не взглянул мне в лицо; что я буду делать с таким мужем?» И вот она встает и уходит в дом своей матери.

Мать молодца огорчилась этим: «Может быть, она ему не понравилась? Возьму другую: ну-ка, что он сделает?» Женщина идет и сватает среднюю сестру. Мать девушки соглашается. На этот раз убирают и украшают эту девушку и приводят ее в комнату мальчика. Когда настал вечер, мальчик снова приходит, садится за письменный стол и занимается чтением и письмом; он даже не поднимает головы и не смотрит на девушку. Не будем затягивать! После того как они просидели до полуночи, он ложится на одной стороне и спит, а девушка засыпает на другой стороне. Как только настало утро, эта девушка, подобно первой, встает и уходит в дом матери. «Доченька, ты почему пришла?» — спрашивает мать, а та отвечает: «А что мне делать у этого дурака? Сидела всю ночь, а он даже головы не поднял, чтобы посмотреть мне в лицо, я ушла да и пришла домой!» На этот раз говорит младшая девушка: «Если бы мать того молодца взяла меня, я бы с ним поговорила и заставила бы его меня полюбить!» А те девушки рассердились на такие слова: «Пошла ты вон! Мы, такие разодетые, нарядные, до утра сидели против него, и он нам слова не сказал, а с тобой будет разговаривать!» И они принялись ругать сестру. А девушка отходит в сторону и садится. Пойдем дальше! И вот теперь мать мальчика, увидав это, говорит: «Вторую девушку взяла — ничего не вышло; стой, возьму-ка третью: младшие к тому же сметливей², может быть, она заставит его говорить!» Она встает, идет к матери девушки, сватает младшую дочь, и мать отдает. И вот — не будем затягивать! — ее, как и других, делают невестой и приводят в комнату молодца. Когда наступил вечер, приходит мальчик, по обыкновению проходит, садится на свое место, начинает читать. А девушка проходит и садится против него, глядь!³ — мальчик не говорит ей ни слова. Она встает, снимает с лица украшения, снова садится против мальчика. Сидит-сидит, на нее находит сон; она засыпает. Наступает утро, встает и мальчик; умывается и уходит. После него девушка засучивает рукава, начинает делать домашнюю работу: везде подметает, стирает пыль, готовит обед. Вечером мальчик не успел прийти, как опять садится сразу у письменного стола и начинает писать; несмотря на то, что девушка прошла и села напротив, он даже и не смотрит ей в лицо.

Не будем затягивать! Наступает утро, мальчик уходит; на-

ступает вечер — приходит, садится и принимается писать. После этого проходит день, пять дней, десять дней. Старшие сестры видят, что их сестра не пришла назад: «Тут что-нибудь да есть: наверное, мальчик заговорил с ней», — говорят они, и их раздрает любопытство. «Как бы нам узнать об этом?» — думают они. Через одну старуху посылают они своей сестре весть: «Мы-де слыхали, будто мальчик и с ней не разговаривает, но она нарочно не приходит обратно домой, потому что ей стыдно. Если бы он заговорил с ней, она бы, конечно, как-нибудь позвала нас к себе, потому что вот уже много дней, как мы не виделись и оттого соскучились по сестре». Та старуха идет к девушке и говорит ей обо всем, а девушка отвечает: «Если так, то к вечеру эфенди придет, я у него спрошу и дам знать, как он скажет». С этими словами она выпроваживает старуху. Когда наступил вечер, приходит молодец и садится у письменного стола, а девушка зажигает свечу, ставит подсвечник на стол, а сама, стоя перед мальчиком, говорит: «Мой шамдан, мой шах-мердан, ты послушай, мой султан!⁴ Мои сестры прислали мне сказать, что если бы я с мужем моим разговаривала, я бы, конечно, пригласила их как-нибудь на обед; что ты скажешь? — позвать мне их?» А мальчик, лишь только услышал это, слегка наклонил голову. Девушка радостно идет к своей свекрови и говорит: «Муж мой поручил мне завтра утром пригласить моих сестер и мать». Мать мальчика, думая, что сын ее разговаривает с девушкой, от радости начинает готовиться еще с ночи. Наутро посылают весть матери девушки и приглашают ее вместе с дочками на кушлук. А те все сразу встают и идут в дом сестры. Девушка встречает их и проводит в другую комнату. Посидев немного с ними, она говорит: «Не сердитесь, сестрички! Я пойду и побуду немного около эфенди, посмотрю, что он делает». И она встает и выходит из комнаты, а между тем мальчик еще с утра ушел из дому. Девушка, посидев немного в другой комнате, снова приходит к ним; сестры говорят: «Почему твой муж не выходит к нам?» А она отвечает: «Я пришла к нему, мы немного пошутили, а он очень устал и прилег немного отдохнуть». Так она их обманывает, а те думают, что это правда. И вот, покушав кушлук, они встают и отправляются домой.

После этого проходит еще несколько дней. Сестрам той девушки черчи⁵ принесла алмазные заколки, они взяли по одной штуке, а разносчицу послали к своей сестре: «Если муж ее любит, пусть и для нее возьмет одну заколку», — говорят они.

И женщина идет и говорит о том девушке. Девушка говорит: «Хорошо, но эфенди дома нет, оставь их здесь; когда наступит вечер, он придет, я ему скажу!» Женщина отдает алмазы девушке и уходит, а девушка кладет их на письменный стол. Наступает вечер, приходит мальчик, садится. Девушка снова приносит подсвечник и говорит: «Мой шамдан, мой шах-мердан, ты послушай, мой султан! Мои сестры послали мне эти заколки и сказали: «Если муж ее любит, пусть возьмет для нее одну штуку». Ты что скажешь?» Лишь только она это сказала, мальчик, продолжая писать, опять немного наклонил голову, и девушка на радостях ложится спать. Как только наступило утро, мальчик уходит, а девушка, подметая комнату, видит, что на письменном столе положены деньги за алмазы. Скоро приходит и торговка; девушка достает деньги и отдает: «По одному слову моему взял»,— говорит она. Женщина берет деньги и уходит по своим делам.

И вот, хотя после этого прошло еще много времени, молодец так ни разу и не поднял головы, чтобы взглянуть девушке в лицо. Девушка уже начала сильно скучать. Однажды со скуки она подумала: «Погуляю-ка я хоть немного в саду». Она выходит из дому и, прогуливаясь по саду, входит в розовые кусты, глядь! — а под розовым кустом лежит молодец с девушкой, а девушка такой красоты, что в лицо ей и смотреть невозможно. Над ними жарит солнце, а рядом — сосуд с водой; он нагрелся от солнечной жары. Лишь только девушка увидела это, она тотчас сняла с головы своей чембер⁶, вытерла их лица, взяла сосуд с водой и принесла свежей ледяной воды, потом она повернулась и хотела уйти. В это время спящая девушка проснулась и, лишь только увидела эту девушку, разбудила молодца и говорит: «До этих пор ты был мой, а теперь иди, возьми эту девушку». И с этими словами она исчезла из глаз. Это была, оказывается, девушка-пэри: она и держала мальчика в своей власти. А мальчик тут же вскакивает, заключает в объятия девушку, свою нареченную, и они, смеясь и шутя, идут домой. Лишь только мать мальчика увидела, как радостно идет ее сын со своей женой, смеясь и шутя, ей показалось, как будто весь мир стал принадлежать ей. И вот, устроив новую свадьбу в сорок дней и сорок ночей, они достигают своих желаний.

 В прежние времена были два соседа. Один из них был беден, а другой — богат. Однажды в разговоре богатый говорит бедному: «Сосед, если у тебя будет дочь, а у меня сын, то, когда они вырастут, мы их поженим, согласен?» А тот говорит: «Хорошо». На этом они и порешили.

Время, приходи, время, уйди! Аллах дает им по ребенку. Сталось так, что у богатого родился сын, у бедного — дочь. Они радуются, и вот, пока дети еще в люльках, богатый, в знак обручения, надевает дочери бедняка пару бриллиантовых серег.

В сказках время быстро идет. Дети достигают пятнадцати лет, а девушка притом была очень красива. Отцы начинают делать приготовления к свадьбе. Группа сверстников мальчика говорит ему: «Фу, приятель, не стыдно ли тебе? Отец твой — такой богач, и берет тебе такую бедную девушку! Просто жаль тебя!» И они говорят еще много разных речей. У мальчика сердце так и похолодело. Тогда он идет к своему отцу и говорит: «Отец, я не хочу девушку, которую ты обручил со мной, я отказался от нее». А так как отец очень любил своего сына, то он говорит: «Что же, хорошо, раз ты не хочешь, я ее тебе насильно не буду брать, — возьми ту, которую ты пожелаешь». Тогда он говорит отцу девушки: «Сын мой не хочет твою дочь: серьги, которые я ей надел в знак обручения, отдай назад, а дочери своей ищи другого суженого». Что делать отцу девушки? Идет, берет дома серьги и отдает их отцу мальчика. Как только девушка услышала это, она начала плакать: оказывается, мать девушки каждый день показывала дочери серьги. «Вот это твои обручальные серьги: мы отдадим тебя за мальчика этого соседа», — говорила она. А так как девушка очень любила эти серьги, то она теперь плакала не переставая. Отец ласкает девушку: «Перестань, доченька! Аллах пошлет тебе такого, который еще лучше. Завтра утром я выйду на улицу, и кто первый попадется мне навстречу, за того тебя и выдам!» — говорит он и успокаивает девушку.

Как бы там ни было, — не будем затягивать наши слова, — в ту ночь ложатся они спать. Как только наступило утро, этот человек встает, совершает омовение и выходит на улицу, чтобы идти в мечеть. Вдруг перед ним появляется дервиш и приветст-

вует его, а тот отвечает: «Во алейком селям». Дервиш говорит: «Помнишь, ты вечером дал слово, не забыл?» Как только человек подумал, он вспомнил: «Ах, это — ее судьба!» — «Да, отец-дервиш, я отдам за тебя дочь мою по закону аллаха, — возьмешь?» А дервиш говорит: «Хорошо, возьму» — вытаскивает из кармана пригоршню золота и дает тому человеку: «Ступай-ка, купи, что надо, для твоей дочери, делай приготовления, а я нынче вечером, после ятсы-намаза, приду». Человек берет золото, идет в мечеть, совершает свой намаз, а затем выходит, идет прямо в лавку ювелира, берет для своей дочери пару чудесных бриллиантовых серег, на оставшиеся деньги покупает ей полный наряд и все это приносит домой. «Вот, доченька, я выдал тебя за одного дервиша, он дал тебе эти серьги в знак обручения; надень и это платье. Нынче вечером после ятсы дервиш придет». Девушка, увидев серьги, радостно вдевает их в уши, обряжается и становится невестой. И вот вечером, после ятсы, открывается дверь: входит дервиш и проходит прямо в комнату, где была девушка. Девушка встречает дервиша, целует ему руку, садится около него. Дервиш говорит девушке: «Месяц моего лба, солнце моей груди¹, приди, укройся под моей хыркой»². С этими словами он поднимает полу своей хырки, а девушка нагибается под полу хырки. Дервиш окутывает девушку своей хыркой, и девушка засыпает. И вот, когда близится утро, дервиш будит девушку: «Вот, доченька, я ухожу; возьми эти деньги, купите себе, что нужно», — говорит он и оставляет девушке горсть золотых. — «К вечеру, после ятсы, я опять приду», — говорит он и уходит. Вот наступает утро, девушка отдает золотые отцу, а отец приносит с базара домой всякой еды, какая была нужна. В тот день они едят и пьют. Когда наступил вечер, после ятсы, опять приходит дервиш и садится с девушкой. «Месяц моего лба, солнце моей груди, укройся под моей хыркой», — говорит он и берет девушку под хырку. Девушка там и засыпает. Когда близится утро, дервиш опять будит девушку, дает ей горсть золота, а сам уходит.

Не будем затягивать! Дервиш приходит каждый вечер и, уходя наутро, каждый раз оставляет горсть золотых. Благодаря этим деньгам они становятся богаты: дом, в котором они жили, они сносят и на его место ставят большой конак. При виде этого вский дается диву: никто не может понять, откуда этот человек раздобыл столько денег. Товарищи мальчика говорят: «Ну вот, видел? Та девушка стала потаскушкой, поэтому они и стали так

богаты: хорошо, что ты ее не взял!» И вот мальчик уже собирается жениться и говорит об этом своему отцу. Отец берет и обручает с ним самую богатую девушку того города. Начинается свадьба, и в ночь хенны они всех приглашают к себе. Мальчик говорит своей матери: «Мать, я хочу, чтобы в ночь хенны ты позвала и ту девушку». А мать говорит: «Хорошо» — и велит пригласить ту девушку. Девушка говорит: «Хорошо, приду, только вот, когда сегодня ночью придет мой муж, я попрошу у него позволения». Как бы то ни было, в тот вечер, после ятсы, снова приходит дервиш. Девушка говорит дервишу о том, что ее звали на свадьбу, и просит отпустить ее, а дервиш говорит: «Хорошо, ступай; сейчас я пришлю тебе двух рабынь и фаэтон³. Те рабыни посадят тебя в фаэтон, и вы поедете вместе. Когда ты туда приедешь, не сиди там больше одного часа; рабыни будут стоять перед тобой, ожидая приказаний: чуть только подашь им знак, они снова возьмут тебя под руки и посадят в фаэтон. Когда ты будешь вставать, разорви этот теспих⁴, бусы пусть упадут на землю, пусть народ их растаскивает, а ты выходи, не оборачиваясь назад». И он дает девушке теспих, нанизанный жемчугом, а сам встает и уходит. После этого прошло немного времени — к двери подъезжает фаэтон и останавливается. Из фаэтона выскакивают две рабыни, входят в дом, вытаскивают из узелка вышитое платье, одевают девушку, садятся вместе с нею в фаэтон и едут в тот дом, где была свадьба. Там рабыни, поддерживая девушку под руки, отводят ее в комнату приданого⁵, а сами останавливаются в почтительной позе, скрестив руки на груди. Все изумляются красоте девушки. И вот девушка, посидев там час, как ей наказывал дервиш, подает знак рабыням, а те подхватывают ее подмышки и поднимают. Вставая, девушка разрывает жемчужный теспих, который дал ей дервиш, и бусы рассыпаются по земле. Люди говорят: «Помилуй, ханым, теспих у тебя разорвался, дай мы соберем!» А девушка словно и внимания не обращает: «Разорвался — так разорвался, а вы подберите», — говорит она, выходит и уезжает. А люди, которые были там, так и вырывают друг у друга жемчужины.

А мальчик, будущий молодой, чтобы видеть девушку, спрятался в стенной шкаф. Как только он увидел ее, так пышно разодетую, он тысячу раз раскаялся в том, что не взял ее. Он говорит своей матери: «Мать, я отказываюсь от этой свадьбы. Во что бы то ни стало хочу свою прежнюю нареченную!» И свадьбу расторгают. Наутро он идет в суд и подает жалобу: «Я требую свою

нареченную, поскольку отец мой с детства обручил ее со мной, я от нее не отказываюсь». Кади говорит: «Хорошо» — и вызывает девушку. А девушка говорит: «Я, не спросившись у своего мужа, никуда не могу идти». Наступает вечер, дервиш опять приходит, а девушка рассказывает дервишу о том, что ее вызвали в суд. А тот говорит: «Хорошо, сходи; завтра я пришлю тебе фаэтон, ты поедешь туда, но только из фаэтона не выходи; если они будут тебя заставлять, отдай им эту записку». И он дает ей записку. Как только наступило утро, девушка берет записку, садится в подъехавший фаэтон, едет прямо к дверям суда и остается в фаэтоне; приходит мальчик. Их зовут, чтобы в присутствии кади произвести суд. Девушка не идет. Приходит мурзур⁶ и говорит: «Ханым, сюда нельзя не идти, ну-ка сходи с фаэтона и защищайся против истца». Как только он так сказал, девушка достает записку дервиша и подает ему. А он открывает записку, и едва прочел, как у него от страха потрескались губы⁷: «Помилуй, ханым, поезжай, никто не будет поднимать против тебя дела». И девушка поворачивается и едет домой. Мальчик видит, что на его жалобу не смотрят, идет оттуда к везиру и подает жалобу. Везир приказывает позвать девушку. Девушка снова говорит: «Не спросив мужа, я никуда не пойду». Наступает вечер; когда приходит дервиш, девушка рассказывает ему обо всем. «Хорошо, ступай; я пришлю тебе фаэтон, но, когда ты туда приедешь, смотри не выходи из фаэтона; если тебя опять будут заставлять, отдай вот эту записку». И с этими словами он опять дает девушке записку. Как только наступило утро, дервиш уходит, и сразу после него приезжает фаэтон; девушка садится в фаэтон, едет и останавливается прямо у двери везирского конака. Девушку приглашают в конак, но она не идет. Проходит немного времени, снова приходят люди, зовут ее; девушка опять не идет. На третий раз они стараются вывести девушку насильно. Девушка, видя это, вытаскивает и подает записку дервиша. Лишь только они увидели записку, все так и задрожали: «Ой, поезжай обратно, твое дело здесь рассматриваться не будет!» И девушка велит фаэтону повернуть обратно и уезжать домой.

Мальчик думает: «Хай анасыны! Это что же такое: у судьи дело не разбиралось, у везира дело не разбиралось?! Осталось дело за падишахом, схожу-ка я к нему!» И вот он сразу идет во дворец падишаха и подает жалобу, чтобы ему взять свою нареченную. А падишах говорит: «Хорошо, завтра приходи, мы рассмотрим твою жалобу!» — и отсылает мальчика. А девушке по-

сылает весть: пусть, мол, она завтра придет во дворец падишаха, на нее есть жалобщик. А девушка говорит: «Хорошо, я спрошу своего мужа: если он разрешит, я приду». И вот наступает вечер. Лишь только пришел дервиш, девушка и говорит ему: «Меня позвали назавтра во дворец падишаха, идти мне?» А дервиш говорит: «Хорошо, раз вызвали, иди; я пришлю тебе фаэтон, но только, когда ты приедешь во дворец и тебя будут вызывать, не вздумай не идти, потому что это — дворец падишаха». Как только она подъехала к воротам дворца, привратники говорят: «Ханым, пожалуй наверх, там есть на тебя жалобщик». А девушка вылезает из фаэтона, входит прямо наверх и проходит в комнату, где был падишах. А падишах находился за занавеской. Мальчик приходит туда и говорит: «О падишах, это была моя нареченная, я хочу ее взять, а она не соглашается. Я непременно хочу ее, потому что она — моя нареченная». А девушка говорит: «Да, я была твоей невестой, но я тебе не пришлось по нраву: я была бедна, а теперь я вышла замуж за одного дервиша, у меня есть муж, ты найди себе другую девушку». А падишах говорит: «А ты знаешь своего мужа, что он за дервиш?» — «Я не знаю, где он находится, но если увижу его — узнаю». Падишах приказывает созвать всех людей с обличем дервиша, сколько бы их ни оказалось в этом городе, и показывает девушке. Девушка говорит: «Нет, ни один из этих людей мне не муж». Пока по приказанию падишаха искали в другом городе всех дервишей, сколько бы их там ни было, занавеска приоткрылась, и в прорезь занавески девушка увидела падишаха за занавеской. «А, вот мой дорогой муженек!» — кричит она, бежит и обнимает падишаха. Все, кто там были, смекают, в чем дело. Падишах сходит с трона, дает мальчику рабыню из дворца, а сам женится на девушке. После свадьбы в сорок дней, сорок ночей падишах берет девушку к себе. Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам!

36. Юрем-бей и дочь падишаха

 В какое-то время у одного падишаха была жена и дочь. Так как этой девочке было восемь-девять лет, то она училась у одной кары-ходжа. Каждый день она ходила к своей

ходже учить уроки и не могла их выучить, так как все смотрела в лицо ходжи. Ходжа упрекнула ее: «Девочка, что это такое — ты все смотришь мне в лицо?» А девочка отвечает: «Помилуй, дорогая ходжа, это потому, что я тебя очень люблю: душа моя хочет, чтобы я все смотрела тебе в лицо». А ходжа и говорит: «Если ты меня так любишь, скажи своему отцу, пусть он обручит меня с собой: тогда и нагладишься на меня досыта». Девушка говорит: «Ах, у моего отца есть жена, моя мать жива. Вот если бы она умерла, тогда бы я выдала тебя за отца». Ходжа говорит: «Эх, это очень просто. Ты убей свою мать, а я буду тебе матерью вместо нее». Девушка спрашивает: «А как же убить?» — «Как убить? Когда ты сейчас придешь домой, попроси у матери меду. Мать скажет: «Ступай — пусть старшая няня даст». Ты не соглашайся. Потом она скажет: «Ступай, пусть младшая няня даст». Ты опять не соглашайся. Тогда она пойдет сама, чтобы достать тебе меду из кувшина. Когда она будет доставать мед, ты тихонько подойди сзади, схвати ее за ноги и брось вниз головой в кувшин с медом: она там захлебнется и умрет. Потом ты потребуешь, чтобы он взял меня, он и возьмет: тогда и смотри мне в лицо досыта».

Девочка говорит: «Очень хорошо» В тот же день, как только она пришла из школы, она идет, как ее научила ходжа, и просит у матери меду. А мать говорит: «Ступай, пусть старшая няня даст». Девочка ни за что не хочет. «Ступай, пусть младшая няня даст», — говорит мать. Девочка опять не хочет. Что тут поделаешь? «Ну, иди, я достану». И девочка соглашается. И вот, чтобы достать меду, бедняжка подходит к кувшину, совсем наклонилась, и пока она старалась достать мед, девочка схватила ее за ноги и — айда! — сбросила свою мать вниз головой в кувшин: женщина там и захлебнулась. Об этом докладывают падишаху, а падишах приходит и говорит: «Как это так случилось, что она упала?» А девочка отвечает: «Когда она хотела достать мне меду, ноги у нее подкосились, и она упала вниз головой». Что делать падишаху? «Видно, судьба ее была такова», — говорит он и велит ее похоронить. Когда он пришел домой, он спрашивает: «Девочка, кого ты хочешь, чтобы я взял тебе в матери?» А девочка говорит: «Я хочу свою ходжу, я ее очень люблю». И падишах, чтобы не огорчать дочку, посылает весть ходже. Ходжа соглашается, падишах обручается с ней и велит привести ее во дворец. С тех пор как ходжа прибыла во дворец, девочка так и не расстается с ней ни ночью, ни днем. Так проходит день-два.

Девочка надоела ходже: «Девочка, что это? Ты каждый день, каждый час торчишь передо мной и смотришь мне в лицо! Чем здесь сидеть, ступай-ка на кухню, мой посуду вместе с рабынями, готовь обед». С этими словами она дает ей пару оплеух и прогоняет девочку от себя. Чуть только девочка получила от своей ходжи пару оплеух, она сразу опамятовалась: «Ой, что я наделала? Своими собственными руками убила свою мать!» — думает она и начинает плакать. С этих пор она даже и не подходит к ходже.

Пусть она тут остается, а мы перейдем к падишаху другой страны. У этого падишаха была жена. Всякий раз, как она рожала, родившийся ребенок съедал бабку, и вот уже не осталось в той стране бабок. Женщина снова забеременела, а так как приближалось время родов и падишах в окрестности не мог найти повивальной бабки,— он посылает своего везира к тому падишаху, чтобы тот нашел там для него опытную бабку и прислал бы ее. Везир идет к падишаху, отцу той девочки, и рассказывает ему насчет бабки. А падишах отвечает: «Я-то бабок не знаю, но постой, спрошу-ка я в хараеме: может, они знают больше меня». И он рассказывает своей жене-ходже насчет бабки. А ходжа говорит: «Ах, к чему искать бабку в другом месте? Твоя дочь — мастер этого дела, пошлем-ка ее!» И она уговаривает падишаха. А так как падишах, по правде сказать, не очень любил свою дочь, то он соглашается на это и велит девушке отправляться. Хоть и не хотелось девушке идти, да что тут поделаешь? Она собирается, и вот они вместе с везиром отправляются в путь.

Когда они шли, дорога привела их на кладбище. Девочка, увидев там могилу матери, говорит: «Стой, почитаю я хоть коран над моей матерью: кто знает, доведется ли еще мне прийти к ней на могилу». И она оставляет там везира, а сама идет на кладбище, читает над могилой матери коран, молит о награде ее душе. Затем, когда она со слезами встает, из могилы слышится голос: «Ах, дочь моя, ты мне вот что сделала, а я тебе так не сделаю! Теперь, когда ты пойдешь на роды к жене падишаха, попроси у них пару рукавиц из ежовой кожи да котел молока: его поставь рядом с собой, а рукавицы надень на руки. Когда ребенок родится, ты его схвати и брось в котел: он выпьет все молоко, и тогда тебе от него не будет никакого вреда». Услышав это, девушка обрадовалась; она пошла к везиру, и вот они снова продолжают свой путь. В один из дней они приходят в город, где был тот падишах, и входят во дворец. Не успело пройти один-

два дня, у ханым-султан начались родовые схватки, и к ней зовут девушку. А девушка и говорит, как сказала ей мать: «Скорее принесите мне пару рукавиц из ежовой кожи и котел теплого молока». И вот приносят все то, что потребовала девушка. А девушка надевает рукавицы на руки, а котел с молоком ставит рядом с собой и ожидает, когда родит ханым-султан. И вот, лишь только родился ребенок, она быстро хватает его и бросает в котел; он выпивает все молоко в котле и превращается в совершенно круглый бурдюк и не может причинить девушке никакого вреда. И вот девушка пеленает ребенка до пояса и кладет около султанши, а сама выходит вон. Лишь только падишах увидал, что девушка осталась жива, он дает ей очень много золота и серебра и отправляет девушку к отцу. Девушка приходит во дворец. Как только ходжа увидала, что девушка вернулась жива и невредима, она так и разозлилась: «Ах, сука, ты не подохла, чтобы мне от тебя освободиться!» Она отбирает у девушки принесенное ею золото, а ее опять отправляет на кухню.

Пусть она там остается, а в той стороне родившемуся ребенку дают имя Юрем-бей. Хотя ребенок и растет день ото дня, но у него нет ни рук, ни ног — одно только туловище. После этого проходит довольно много времени. Юрем-бею исполняется семь лет. Падишах ищет ходжу, чтобы обучить мальчика, но всякий, кто бы ни пришел посмотреть на Юрем-бея, с испугом бежит от этого бурдюка, которого звали Юрем-беем. Не будем затягивать! Найти ходжу, который бы обучил его, не могут, и падишах снова посылает везира к первому падишаху, чтобы привести от него ходжу. А везир приходит и говорит о том падишаху. Падишах говорит: «Хорошо» — и рассказывает об этом ходже, своей жене. А жена говорит: «Ах, кто же может его обучить? Если кто и обучит, то только та, которая его принимала. Пошли опять свою дочь: раз она была его бабкой, она будет и его ходжой». Падишах зовет дочь: «Ну-ка, собирайся и отправляйся обучать падишахова сына». А девушка волей-неволей собирается, и они вместе с везиром отправляются в путь. Когда они проходили мимо кладбища, девушке снова вспоминается ее мать. «Стой-ка, еще раз почитаю коран», — говорит она и идет. Она читает в головах у матери коран, и, после того как она, помолившись, встала и пошла, из могилы раздается голос: «Ох, дочь моя, ты мне вот что сделала, а я тебе так не сделаю! Стой, я снова наставлю тебя на ум». Услышав это, девушка сразу остановилась. Из могилы снова раздается голос: «Дочка, когда ты пойдешь учить пади-

шахова сына, ты потребуй платье из ежовой шкуры и надень его, а в руку возьми палку с шипами из розового куста и положи на скамью мусхаф¹. Вели тот бурдюк принести к себе, ударь его разок этой палкой: он будет прыгать, прыгать на тебя и начнет читать». А девушка говорит: «Очень хорошо» — и снова выходит в путь вместе с везиром. За несколько дней пути они прибывают во дворец падишаха. Девушка просит у падишаха, чтобы он велел сделать ей платье из ежовой шкуры. Падишах велит сделать такое платье, а девушка, накинув его на спину, берет в руки палку из розового куста с шипами, кладет на скамейку мусхаф, велит принести к себе бурдюк и бьет по нему палкой. «Ну-ка, читай», — говорит она, а мальчик подпрыгивает-подпрыгивает да и читает мусхаф с начала до конца. Видя это, падишах радуется, дает девушке много золота, и девушку отсылают обратно к падишаху. Девушка приходит во дворец к падишаху и рассказывает мачехе-ходже, что она сделала. Ходжа снова отбирает у нее золото, а девушку отсылает на кухню.

Вот в сказках время быстро проходит. В этой стороне Юрем-бей вырос, хочет жениться. Сколько ни искал тогда падишах девушки для своего сына, — едва только кто-нибудь узнает, что такое Юрем-бей, он уже не согласен отдавать за него свою дочь. Падишах оказался в безвыходном положении. Снова он посылает везира к первому падишаху, чтобы тот нашел ему девушку. Везир отправляется к падишаху и говорит ему обо всем. А падишах отвечает: «Хорошо, пойду поговорю в хареме, пусть они найдут» — идет и говорит ходже. А ходжа отвечает: «Эх, это просто! Та, которая была ему бабкой и ходжой, пусть будет и его женой». Напрасно падишах говорил: «Милая, да возможно ли это?» Ходжа говорит: «Почему невозможно, я видела об этом в книге², — возможно». А падишах говорит: «Делай, что хочешь» — и уходит. Ходжа подзывает девушку: «Ну, сука, мы выдаем тебя замуж: приготовляйся!» Девушка совсем не хочет, да ходжа дает ей пару тумачков. «Ступай, ну-ка! Ты на всю мою жизнь тут разлеглась, что ли? Иди замуж». Что делать девушке? Плача, собирает она там и сям свои вещи и вместе с везиром отправляется в путь. Проходя мимо кладбища, девушка говорит: «Зайду-ка еще разок на могилу моей матери, придется ли еще раз зайти или нет». Она отходит от везира, идет на кладбище и у могилы молится и плачет. Когда она плакала, из могилы опять раздался голос: «Дочь моя, теперь я уже простила тебе за себя! На этот раз, когда пойдешь к падишаху, потребуй

от него сорок кафтанов из ежовой шкуры. Когда ты станешь невестой, надень их на себя и сиди. Сын падишаха придет и захочет тебя съесть, но из-за ежовых игл не сумеет вонзить в тебя зубы. Потом он будет заставлять тебя сбросить кафтан, который на тебе, а ты скажешь: «Сперва сбрось ты твой покров, тогда и я сброшу». Когда он сбросит покров, и ты сбрось кафтан, и вот, пока ты не сбросишь сорок кафтанов, и он не сбросит сорок кафтанов. После этого он не причинит тебе вреда». Лишь только девушка услышала это, она обрадовалась. Вот она возвращается, и они вместе с везиром идут дальше.

Когда они прибыли во дворец падишаха, падишах радуется; девушку обручают с Юрем-беем, начинают свадьбу.

А девушка просит у падишаха свадебный наряд: сорок кафтанов из ежовой шкуры. Падишах велит их сделать. Кончается свадьба, и девушку сажают как невесту³. Девушка надевает наряд, проходит и садится. И вот, после ятсы, приводят Юрем-бея. Лишь только Юрем-бей вошел в комнату, он катится-катится и подходит к девушке; как ни старался он съесть девушку, да ежовые иглы его не допускают. «Девушка, сбрось с себя платье!» А девушка говорит: «Сперва ты сбрось, а потом и я сброшу». Юрем-бей снимает с себя один покров, а девушка — один кафтан из ежовых шкур. Юрем-бей снова пытается съесть девушку и не может. «Девушка, сними еще одно платье!» А девушка говорит: «Сперва ты сними еще одно платье, а потом и я сниму». Юрем-бей снова скидывает один покров, а девушка — еще один кафтан. Таким образом, пока девушка скидывает сорок кафтанов, Юрем-бей скидывает сорок покровов и становится человеком. Девушка глядит: Юрем-бей оказался таким же прекрасным молодым, как четырнадцатидневная луна. Когда девушка увидела это, она сбросила с себя свое обычное платье, и они достигли своих желаний.

Когда наутро падишах увидел своего сына в человеческом образе, он от радости не знал, что и делать. И он приказывает, чтобы снова устроили праздник свадьбы в сорок дней, сорок ночей. Так и не удалось всунуть руку девушки из горячей воды в холодную⁴, и вот девушка до самой смерти живет в покое.

В какое-то время у одного кади была дочь. Она была страшно уродлива да к тому же еще придурковата. А против его двери жила одна бедная девушка; эта девушка каждый день приходила в дом кади и прислуживала там. В один из дней, когда сын падишаха проезжал мимо, он видит ту бедную девушку и влюбляется в нее. Шахзадэ идет к своему отцу и говорит: «В таком-то месте я видел одну девушку, сосватай ее мне в жены».

И падишах, согласившись, говорит об этом своей ханым-султан, а та встает и отправляется в дом кади посмотреть девушку. И вот, как только жена кади об этом услыхала, она стала думать: «Если теперь мы выведем свою дочь и покажем ее — она не понравится; а ну-ка вместо нашей дочери покажем соседскую девушку!» И в то время когда бедная девушка там прислуживала, жена кади подзывает ее: «Доченька, поди сюда, мы тебя принарядим и, когда придет мать шахзадэ и захочет посмотреть нашу дочь, вместо нее мы покажем тебя». А девушка говорит: «Хорошо, только постой, я пойду, спрошусь у матери; если она позволит, я приду», — говорит она, уходит и спрашивает о том свою мать. А та дает согласие. Тогда девушка приходит, и они пышно наряжают девушку: девушка становится так же хороша, как четырнадцатидневная луна.

Как бы то ни было, — не будем затягивать! — они выводят вместо своей дочери ту бедную девушку. Девушка нравится ханым-султан больше, чем она ожидала. Тогда она встает, направляется во дворец и рассказывает падишаху: «Совсем такая, как мы хотели, — возьмем ее по закону», — говорит она. Шахзадэ говорит: «Постой, ну-ка я разок съезжу туда, хорошенько присмотрюсь» — и сообщает об этом кади. А кади идет к своей жене и рассказывает ей. А жена говорит: «Что нам делать? Если теперь шахзадэ придет и увидит девушку — откажется. Лучше всего покажем-ка опять ту бедную девушку» — и она велит позвать девушку. «Ой, иди-ка, мы тебя принарядим; сын падишаха собирается пожаловать, мы подарим тебе платье, которое ты наденешь, и дадим немного денег», — говорит она. А девушка говорит: «Хорошо, только постой, я пойду к матери, спрошусь ее; если она будет согласна, я приду». И она идет к своей матери и

рассказывает, в чем дело. А мать дает согласие: «Ступай, доченька! Что бы от этого ни получилось, нас от этого не забудет», — говорит она и посылает девушку. Девушка приходит, и жена кади, нарядно одев ее, выводит ее к сыну падишаха. А перед этим она спрятала свою дочь в шкаф и говорит: «Ты сиди здесь; когда придет шахзадэ, мы выведем к нему навстречу дочь соседки, а ты примечай, что они будут говорить, подслушивай, — к тому же он, может быть, даст что-нибудь девушке — так ты подсмотри». Говоря так, она прячет девушку в шкаф. Как бы то ни было, та девушка выходит навстречу шахзадэ и почтительно останавливается¹ перед ним. Шахзадэ смотрит на девушку, а та, с тех пор как он ее видел, похорошела в тысячу раз больше прежнего. Он спрашивает у девушки воды, та приносит и подает. Навпившись, он снимает с пальца золотой перстень, опускает его в стакан и отдает девушке. Девушка берет стакан и, увидев в нем перстень, тут же потихоньку берет его и прячет. Потом шахзадэ встает и уходит. А дочь-то кади в шкафу готовилась подсматривать, но в это время ее одолел сон, и она так и не могла ничего увидеть.

И вот, как раз в то время, когда шахзадэ надо вступать в брак, отец его готовится идти на войну. Увидев это, шахзадэ не пускает отца идти на битву: «Батюшка, пока я здесь, тебе незачем идти: я пойду вместо тебя, ты сиди и отдыхай в свое удовольствие»². Говоря так, шахзадэ собирается и вместе с войском выступает в путь. Как бы то ни было, — пусть он, окончив войну, возвращается и едет себе обратно. Пока он ехал, в этой стороне жена кади дарит той бедной девушке, как и обещала, платье, которое было тогда на ней надето, дает ей немного денег, и девушка радостно идет домой. Вслед за этим проходит несколько дней.

Однажды, когда она делала то и сё в доме кади, жена кади дает ей кое-чего поесть. А девушка не хочет. «Не знаю, в эти дни у меня совсем нет охоты есть — душа моя прямо не принимает никакой еды». Только она это сказала, как жена кади, услышав это, возьми да скажи: «Вот, она затяжелела от шахзадэ, потому у нее и нет аппетита!» Что ей тут делать? Сейчас же она идет (а у кади был гаваз Селим) и отправляет свою дочь к тому Селиму. Девушка сходится с тем гавазом и тяжелеет от него. Лишь только прошло девять месяцев и десять дней, дочь кади рождает мальчика. Они дают знать падишаху, что у шахзадэ появился мальчик. Услыхав это, падишах разгневался. «Фуй, что это зна-

чит? Прежде чем заключить брак и прочее, так-таки и сходитесь с девушкой!» — говорит он и поджидает возвращения сына.

И вот, когда молодец через несколько дней приезжает, падишах говорит: «У тебя, оказывается, ребенок!» Шахзадэ, услышав это, так и остолбенел: «Откуда у меня может быть ребенок: я встречался с девушкой, но ничего не делал! Стой, пойду-ка я посмотрю, что это за ребенок?» — говорит он, встает и идет в дом кади; видит, что на постели лежит какая-то безобразная девка, а около нее мальчик, такой же, как она. Лишь только шахзадэ это увидел, он оторопел: «Вай анасыны! Да я эту девку не видел и не знаю», — говорит он и уходит оттуда. А та бедная девушка, лишь только про это узнала, тут же говорит своему отцу: «Дорогой батюшка, иди, делай там, что хочешь, а только приведи сюда шахзадэ на чашку кофе». И тот, бедняга, выходит на дорогу, как ему сказала дочь. Лишь только он увидел шахзадэ, он и говорит: «Прости, о шахзадэ, во имя твоей молодости приди испить чашку кофе у меня в доме», упрощивает он его. Шахзадэ не может устоять перед его мольбой и вместе с тем человеком идет к нему в дом. Как раз, когда он хотел подняться наверх, глядь! — у двери стоит та девушка, которую он видел раньше, принимая ее за дочь кади. Едва увидев шахзадэ, она встречает его со словами «Пожалуйте, мой шахзадэ» и делает ему темenna³. Шахзадэ идет, проходит в комнату, садится и внимательно смотрит на девушку. И платье и все на ней — точь-в-точь как он видел раньше на той девушке, да и на пальце надет перстень, который он подарил. Шахзадэ с удивлением говорит девушке: «Я тебя раньше видел, считая за дочь кади; или ты на самом деле не его дочь?» А девушка говорит: «Нет, шахзадэ, мой отец — вот этот человек; когда ты пришел смотреть дочь кади, они нарядили меня и вывели тебе навстречу».

Тогда шахзадэ пошел прямо к отцу: «Батюшка, все оказалось ложью. Девушка, которую я видел, считая ее дочерью кади, оказывается, дочь одного бедного человека, а тот родившийся ребенок не мой. Я хочу взять в жены эту бедную девушку, обручи ее со мной». Как только падишах услышал все это, гнев его прошел. Девушку он велит обручить с шахзадэ. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей шахзадэ вводят в брачную комнату. Затем падишах призывает кади и спрашивает, от кого стала беременна его дочь. «Если ты не скажешь правду, я снесу тебе голову!» — говорит он. Что делать кади? Он не может найти другого способа, кроме того, как сказать правду, и говорит падишаху

обо всем с начала до конца. И падишах, простив кади, отдает его дочь за гаваза Селима. Они тоже достигли своих желаний и, под покровительством падишаха, счастливо проводят свою жизнь.

38. Золотой бык

 В какое-то время был один человек; была у него дочь и жена. Как-то раз его жена заболела и чувствует, что скоро умрет. Она и завещает дочери: «Дочь моя, пришла моя смерть. После моей смерти кому придется на руку мой браслет, ту и возьми твоему отцу в жены». Как только прошел день-два, приходит ее смертный час: женщина умирает. Девушка плачет по ней и убивается, да что пользы: умерла — ведь не воскресишь! Что же ей делать? И она умолкает.

После этого проходит некоторое время. Отец говорит: «Дочка, ступай, пройдишь по махалле, по завещанию твоей матери сосватай мне ту, которой придется по руке ее браслет». И девушка по приказанию отца встает, идет по кварталу, переворачивает вверх дном весь квартал, однако браслет никому не приходится по руке. Девушка три дня без перерыва ходит, разыскивает: ни на одну руку браслет так и не пришелся. Она говорит своему отцу: «Нет, отец, я не могла никого найти». А отец говорит: «Доченька, если так, попробуй ты разок, не придется ли тебе на руку?» Девушка говорит: «Очень хорошо» — надевает на руку браслет, и он приходится ну точь-в-точь ей по руке! А отец говорит: «Ах, что мне делать? Раз браслет пришелся на твою руку, я и возьму тебя» — и велит дочь обручить с собой, однако девушка на это не соглашается, но делать нечего: молчит. А у этого человека было много имущества: он был очень богат. Девушка зовет золотых дел мастера, дает ему много денег, велит ему сделать из золота быка и прячет его в стеной шкаф¹. А в этой стороне отец девушки делает приготовления к свадьбе, начинает свадьбу, велит девушку убрать и нарядить и сажает ее в угол. Как только наступила ночь, девушка говорит своему отцу: «Отец, ты смотри, меня одну не оставяй: если оставишь, я превращусь в золотого быка», а отец говорит: «Очень хорошо» — и садится. Сидит-сидит, на него находит сон, да и помочиться нужно. Что тут делать? Хочешь — не хочешь, а он выходит из

комнаты. Он выходит, а девушка тотчас вытаскивает из шкафа быка, которого она велела сделать. А середина его была пустой. Девушка влезает в него, и вот, лишь только отец, окончив свои дела, вошел в комнату, глядь! — на том месте, где сидела девушка, стоит золотой бык, а девушки нигде нет. Отец рассердился сам на себя: «Гляди-ка, я вышел вон, и что случилось! Девушка мне ясно наказала, чтобы я не оставлял ее одну!» — говорит он и со злости хватает быка, вскидывает его на спину, несет, бросает его в горах, а сам идет домой.

Пусть он сидит себе дома, а в этой стороне, как раз в тот день, вышел на охоту бей того города. Когда он бродил по горам, попался ему по дороге бык, глядь! — а бык-то из желтого-прежелтого золота. Он сейчас же берет его, несет домой и ставит в угол. «Смотрите, чтобы никто не дотрагивался до моего золотого быка, я ведь нашел его в горах», — наказывает он своим слугам. Как бы то ни было, наступает вечер. Приходит бей, ужинает, потом совершает свой ятсы-намаз, ложится спать, а слуги у изголовья бея ставят лукум и шербет и уходят. После того как бей заснул, девушке, сидящей в золотом быке, как раз захотелось поесть. Что тут делать? Она выходит из быка. В поисках еды она замечает лукум бея, ест его, а потом запивает его шербетом и снова залезает в быка. Бей среди ночи просыпается, ищет лукум, но не может найти, глядь! — лукум съеден, а шербет выпит. «Кто же это сделал?» — раздумывает он, но молчит. На следующий вечер, после того как бей лег спать, у его изголовья ставят лукум и шербет, а в полночь девушка снова выходит из быка, ест лукум, пьет шербет, нагибается, целует бея в щеки и снова влезает в быка. Когда и в эту ночь бей проснулся, он не может найти ни лукама, ни шербета. «Это, конечно, ведь не джинны съели: тут что-то есть», — думает он, но ничего не говорит. Не будем затягивать! На третий вечер он опять велит поставить шербет и лукум, но в эту ночь он не спал, а был настороже. И вот в полночь девушка выходит из быка; поев лукаму, она пьет шербет, наклоняется и только хотела поцеловать бея в щеки, как он сразу хватает ее и спрашивает, кто она такая. А девушка рассказывает все, что с ней произошло. А девушка эта была очень красива, и бей в нее влюбился. «Я возьму тебя в жены», — говорит он и склоняет к этому девушку. В ту ночь до утра они оба ласкают друг друга. Как только наступило утро, девушка опять залезает в быка, и вот таким образом — днем в быке, а по ночам в любви с беем — она и проводит свое время.

А у этого бея была другая подружка. И вот он уже совсем перестал к ней ходить. Эта подружка смекает: не иначе, как бей нашел себе другую и ради нее не приходит к ней. Как-то раз эта женщина приходит в дом бея и, обшаривая весь дом, находит в углу золотого быка. Тотчас она разбивает его топором, и оттуда выходит девушка. Она увидела ее и кричит: «Я тебя, потаскуха проклятая! Хочешь отнять у меня моего дружка, а?» И она раздевает девушку догола и выгоняет ее на улицу, а девушке делать нечего: она и идет. А поблизости от того места, в каком-то доме, был один старый человек. Она целует у него руку: «Смилуйся, отец, я осталась на улице, возьми меня себе в дочери, может быть, тебе в будущем и будет от меня толк!» — умоляет она. А так как у него других детей не было, то он сжалился над ней: принимает ее, и девушка там поселяется.

А в этой стороне, когда наступает вечер, бей приходит домой, глядь! — а бык разбит. Но, догадываясь, кто это сделал, он ничего не сказал, а сразу заболел и слег в постель. Проходит день, пять дней. Этот бей велит теллялю кликнуть, чтобы каждый принес ему миску с чорбой.

Оказывается, когда бей водил дружбу с девушкой, он отдал ей свою печать²: «Может быть, девушка жива, — тогда она пошлет мне чорбы и, чтобы напомнить о себе, бросит в нее печать, а с этой печатью я опять найду девушку», — предполагает он. И вот, каждый из уст в уста передает о том, что бей желает чорбы. Кто слышал, приносил по миске чорбы. Когда приносят чорбу, бей один раз проводит ложкой внутри миски; как только он узнает, что там ничего нет, он больше и не ест той чорбы. А в этой стороне тот старый человек тоже услышал о том, что бей желает чорбы. Он приходит и говорит девушке: «Приготовь и ты миску чорбы, я снесу ее бею». Девушка говорит: «Очень хорошо» — и в тот же день готовит прекрасную чорбу, кладет в нее печать, которую дал бей, а старик берет миску и уносит. Бей берет ложку той чорбы, которую принес старик, а в миске зазвенела печать. Когда он во второй раз помешал чорбу ложкой, он нашел печать: «Ах, отец, какая хорошая чорба, очень она мне понравилась, кто же ее делал?» — спрашивает он. А старик говорит: «У меня есть приемная дочь, она и делала». — «Ах, если так, не будешь ли ты приносить мне каждый день по такой миске чорбы?» Лишь только старик сказал «Хорошо», бей дает ему кошелек с золотом. Старик радостно идет домой, говорит девушке; девушка тоже радуется.

И вот — не станем затягивать сказку! — девушка каждый день готовила по миске чорбы и посылала бею, и день ото дня бею становилось лучше. Однажды он говорит старику: «Ох, отец! От чорбы, которую ты велел варить, я совсем выздоровел. Не отдашь ли ты за меня твою приемную дочь по закону алаха?» — спрашивает он. А старик говорит: «Очень хорошо, о бей! Если за тебя не отдать, так за кого же отдать?» И он соглашается. Тогда бей тотчас велит позвать имама и муэззина и велит обручить девушку с собой. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей девушка и бей соединяются друг с другом. Они достигли своих желаний, — достигнуть бы и нам! С неба упало три яблока. Одно — тетке Рехиме³, другое — мне, а третье — тому, кто сказку сказывал.

39. Сказка о черной корове

 В какое-то время была, говорят, девушка. Она еще училась в школе. Однажды ходжа роздал всем, сколько было девочек в школе, по одной пачке хлопка и велел в три дня весь хлопок спрясть и принести в школу. А у той, кто не успеет спрясть и не приготовит, мать, мол, превратится в черную корову. И вот девочки берут хлопок и расходятся по домам. Начинают прясть. И эта девушка прядет, но не управляет. На третий день все девочки приготовили хлопок и несут ходже. И эта девочка несет взятый ею хлопок, но так как она не могла окончить всей работы, то заклятие ходжи пало на нее. Когда она пришла из школы домой, глядь! — и на самом деле, мать ее превратилась в корову. Напрасно плакала она, лишь только это увидала: она ничего не могла сделать. К вечеру приходит домой отец; увидев свою жену в таком виде, он берет и привязывает ее в хлеву, а перед ней кладет немного травы.

Пусть себе девочка плачет в том хлеву, а отец ее собирается жениться. Долго ищет он, находит себе подходящую женщину, обручается с ней и женится. А у той женщины была дочь; она приходит вместе с дочерью и водворяется в доме этого человека. Один день, пять дней, — и дочь жены возненавидела дочь этого человека, а мачеха и давно всегда обижала эту девочку и за-

ставляла ее делать всю работу по дому. А девочка приходила к матери-корове и плакала. Мачеха не могла переносить эту корову и старалась, чтобы ее зарезали. Наконец она уговорила своего мужа, и они порешили корову зарезать. Лишь только это услышала девочка, она пошла к своей матери и начала плакать: отец, мол, говорит, что ее зарежут. Корова заговорила человеческим голосом: «Ой, дочка, когда меня зарежут и съедят мое мясо, ты не бросай мои кости, а все собери и зарой под розовым кустом: во всякое время, когда тебе станет тяжело, приходи к моим косточкам, и тогда найдется тот, кто тебя утешит». Вслед за этим приходит отец, режет черную корову. Из мяса ее делают пастырму¹; девочка собирает кости коровы и зарывает под розовым кустом, а мачеха избавляется от ненавистной коровы. После этого проходит несколько дней, и не осталось такого зла, какого мачеха не делала бы этой девочке, а у девочки чуть душа в теле держалась.

Однажды в квартале была свадьба, и их пригласили на свадьбу. Мачеха принарядилась, нарядила и свою дочку. Видя их приготовления, дочь черной коровы тоже хочет идти на свадьбу, но мачеха, дав ей хорошую затрещину, оставляет ее дома, а сама с дочкой уходит на свадьбу; и эта девочка со слезами на глазах остается дома. Ей приходят на память слова матери; она идет туда, где зарыты ее кости, там плачет, рыдает и говорит сама себе о всех тех обидах, которые она терпит от мачехи: «Ах, что мне делать, я больше не могу терпеть! Если бы жива была моя дорогая мама и увидела бы, на что я похожа!» Пока она так разговаривала сама с собой, из ямы, в которой были зарыты кости, выходит пэри: «Дочь моя, не плачь! Подожди, я сейчас принесу тебе полный наряд, ты оденься и ступай». С этими словами пэри исчезает. Немного спустя пэри появляется снова: в руке у нее полный алый наряд со всей отделкой: «Вот, надень это платье, а сейчас подъедет к двери и фаэтон²: ты садись, он повезет тебя в тот дом, где свадьба; возьми эти гостинцы и деньги, чтобы раздать всем на свадьбе». С этими словами она дает ей мешочек сластей и пригоршню золотых, а затем исчезает. Как только девушка увидела это, она с радостью одевается, берет с собой гостинцы и деньги; и вот к двери подъезжает фаэтон. Девушка выходит и смотрит — алые лошади и фаэтон алого цвета. Как только девушка села в него, фаэтон едет прямо к тому дому, где была свадьба. Встречающие свадебных гостей видят ее: «Кто знает, какого бея или паши это

жена», — говорят они, встречают ее, провожают наверх, сажают в почетный угол, и каждый дивится красоте этой девушки. Девушка там веселится, раздает привезенные сласти гостям, а музыкантам дает много денег. Все только диву даются.

И вот, — не будем затягивать, — после того как девочка вдоволь там повеселилась, опять подъезжает фаэтон; об этом докладывают девушке, а она встает и, пока садится в фаэтон, каким-то образом роняет с ноги одну туфельку³, а сама этого не замечает. Затем фаэтон довозит девушку до дому. Как только девушка пришла домой, снова является пэри, берет вещи, которые она принесла, и говорит девушке: «Смотри, не говори мачехе, — опять начни плакать, чтобы они ничего не узнали», — наказывает она ей. И девушка начинает плакать, как ей сказала пэри. Вслед за этим приезжает со свадьбы мачеха с дочкой. Они говорят назло этой девушке: «Ах, девушка, как мы хорошо провели время! А еще приезжала одна ханым: мы со всеми свадебными гостями смотрели на нее, разинув рот, — она раздавала нам всем гостинцы, а ты здесь дома сопли подтягивала!» А девушка говорит: «Что же мне делать? Если была бы в живых моя мать, она бы и меня свела».

Пусть они там остаются, а мы перейдем к девушкой туфельке. Туфельку, которую она обронила, сядясь в фаэтон, нашел, оказывается, один бей-оглу, когда проходил мимо. Заметив туфельку, он взял ее. «Эта туфелька так красива, — наверно, и хозяйка ее куда как хороша!» — думает он и по туфельке влюбляется в девушку. Бей-оглу отправляется прямо к матери: «Во что бы то ни стало я хочу хозяйку этой туфельки: кто бы она ни была — найди и посватай». А мать его (как найти эту девушку?) берет туфельку и ходит с ней из квартала в квартал: где есть девица на выданье, там и примеряет ей туфельку на ножку. Ни на одну ногу она не лезет. Обходя кварталы, она приходит в дом, где была дочь черной коровы. А мачеха услышала, что мать бей-оглу ищет сыну своему в квартале невесту — на чью ножку придется туфелька, ту и возьмет. Женщина, увидев ее, тотчас одела свою дочку и выводит, а падчерицу прячет под корыто во дворе. Мать бей-оглу надевает туфельку на ногу мачехиной дочке: туфелька не совсем в пору. Мать девушки говорит: «Вот, ханым-эфенди, эта туфелька как раз пришлась по ноге моей дочери: не иначе, как она и обронила ее на улице». Пока она так говорила, вот петух взлетел на корыто, которое закрывало дочь черной коровы, и начал петь: «Кокорико⁴, хозяйка туфельки под

корытом!» Раз кричит так, два кричит так, и мать бей-оглу это слышит. «Что кричит этот петух? Или под корытом кто-нибудь есть?» Мачеха старается прогнать петуха. «Нет, ханым-эфенди, у этого петуха такая привычка: он любит обманывать входящих гостей». Но женщина ей не верит, идет сама и, когда поднимает корыто, видит под корытом девушку, подобную хурии.

Тотчас она ее поднимает, надевает ей на ножку туфельку: она приходится ей как раз впору. «Ага,— вот девушка, которую я ищу»,— говорит она радостно, находит отца девушки и сватает девушку по закону аллаха, а отец отдает, и в один благословенный день ее обручают с бей-оглу. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей, на сорок первый — в ночь на пятницу — девушка становится молодой женой. Они достигли своих желаний, достигнуть бы и нам!

40. Девушка-сиротка и мачеха

 Было — не было, а в одно время у одного человека была дочь-сирота. Этому человеку наскучило жить холостяком, и он взял за себя одну вдовую женщину. А у этой женщины была дочка от другого мужа. Как только женщина увидела дочь мужа, она приревновала ее к своей дочери и стала думать о том, чтобы убрать ее от мужа во что бы то ни стало.

В один из дней женщина, притворившись больной, ложится в постель; приходит муж, глядь! — а жена у него заболела. «Ай, сударушка, что с тобой случилось?» — спрашивает он. А женщина говорит: «Я не знаю,— так что-то сразу заболела, силушки моей не стало, нет у меня здорового местечка!» Муж — что тут будешь делать? — готовит снадобье из той и другой травы, корней, а жена все никак не поправляется. Однажды женщина говорит: «Муженек, нынче ночью видела я во сне одного дервиша, он мне сказал: «Если хочешь поправиться, скажи своему мужу, пусть уведет свою дочь-сиротку и оставит на вершинах гор, после этого ты поправишься; а если ту девушку не велишь получить, то сколько ни будешь лечиться, пользы от этого не получишь». Ну вот, если и ты хочешь, чтобы я поправилась, возьми уведи твою дочь и брось ее где-нибудь!» Напрасно муж гово-

рил: «Эх, душенька, разве это возможно! Как же я свое собственное дитя брошу?» А жена все настаивает: «Или она остается в этом доме, или я!» — и на этом кончает разговор. Что тут делать бедняге? Он не может переспорить свою жену и потому решает девушку бросить. И вот однажды бедняга берет топор и готовится идти по дрова; он и говорит дочери: «Айда, дочка, пойдем с тобой сегодня в горы; я принесу дров, а ты нарвешь немного цветов». Так он уговаривает девушку, забирает ее с собой, и они уходят. Отец приводит девушку на вершину одной горной цепи и оставляет ее там. «Вот, дочка, ты рви здесь цветы, а я немного дров запасу», — говорит он, скрывается оттуда и идет домой, а девушка на вершине горы набирает немного цветов. Напрасно ждет она прихода отца: ниоткуда ни звука. Подходит вечер, уже спускаются сумерки, а отец девушки еще не приходил. Девушка догадывается, в чем дело: «Отец мой нарочно меня сюда завел и бросил», — говорит она и начинает плакать.

В ту ночь она со страху забирается на дерево и там засыпает. Когда наступает утро, девушка, покоровшись своей судьбе, идет без еды и без питья. Идет она по тому горному хребту. Долго ли, коротко ли идет, по склонам, по подъемам, по ровному ли месту идет — однажды попадает в заросли какого-то кустарника. Одежда на ней изорвалась, а лицо ее в царапинах осталось¹. Несколько дней идет она по этим зарослям и не может найти дороги, — вдруг перед ней выступает пещера. Девушка входит внутрь, глядь! — в одном из углов пещеры сидит женщина-дэв: одну грудь закинула на одно плечо, другую — на другое, месит хлеб. Только увидела ее девушка — так и перепугалась вся. «Ой, что мне делать? Если я подойду к ней — кто знает, что она мне сделает; если побегу — все равно догонит и схватит меня. Лучше уж подойду к ней на свое счастье, пусть ее делает, что хочет», — думает она и подходит к женщине-дэву. «Смилуйся, матушка», — говорит она, тут же берет женщину-дэва за груди и начинает их сосать — чукур-чукур². А та оборачивается и, чуть только увидела девушку, тут же и говорит: «Эй, человечье отродье, если бы ты не назвала меня матушкой и не пососала бы моего молока, я бы тебя за один глоток проглотила!» Девушка умоляет: «Смилуйся, матушка, я буду тебе дочерью, не делай мне вреда: на мою голову и так вот какие несчастья свалились», — говорит она и рассказывает, что сделала с ней мачеха. Женщина-дэв сжалилась над ней и усыновила ее. И вот в тот вечер она кормит девушку, в ту ночь девушка спит у

женщины-дэва. Утром женщина-дэв встает, берет девушку и ведет ее в глубь пещеры. Там она показывает ей кучу змей: «Вот это — мои дети; ты смотри за ними хорошенько, корми их, да не бойся: они тебе ничего не сделают», — говорит она, оставляет девушку со змеями, а сама уходит. Девушка, согрев немного воды, смешивает ее с отрубями и дает змеям; они едят. В тот день девушка целый день сидит со змеями, ласкает их, привязывает им на шею голубые бусы. И вот наступил вечер. Приходит женщина-дэв и направляется к своим детям, а змеи увидели свою мать и начинают с ней перекликаться, радуются. Женщина-дэв подходит к девушке, ласкает ее: очень уж она ею довольна!

Не будем затягивать, — девушка живет там довольно долгое время, смотрит за теми змеями, а женщина-дэв любит ее, как свое дитя. Однажды она говорит девушке: «Дочка, ты мне много послужила. Проси у меня чего хочешь»³, а та говорит: «Чего же мне просить? Отправь меня к моему отцу». Женщина-дэв говорит: «Очень хорошо!» — наполняет один сундук золотом, а другой драгоценностями, ставит их на золотую повозку, сажает в нее девушку: «Вот, дочь моя, эта повозка сvezет тебя прямо к дому твоего отца; когда ты придешь домой, ты вместе с отцом открой эти сундуки в комнате», — говорит она и отправляет девушку, а девушка целует руку у женщины-дэва и отправляется в путь. Немного дней — и она подъезжает к дому своего отца. Тот, увидев, что девушка вернулась жива и здорова, от радости бросается ей на шею, а девушка вместе с отцом спускает с повозки сундуки, и вот они сообща вносят их в комнату. Девушка открывает сундуки, глядь! — сундуки до краев полны золота и драгоценных камней. Увидя их, отец спрашивает, где она это нашла, и девушка рассказывает ему все, как было, одно за другим. Женщина, которая была мачехой девушки, пронюхала об этом, и ей стало завидно: «Я велела ее бросить в горах, чтобы ее там растерзали волки и птицы, а она-то ушла, гляди-ка чего нанесла! Стой, я и свою дочь пошлю — пусть она тоже принесет». И она говорит своему мужу: «Возьми и мою дочь, сведи ее в то место, куда свою водил; пусть и она принесет золота и драгоценных камней». Муж говорит: «Душенька, да разве это возможно?» Но жена у него была настоящая ведьма. «Нет, во что бы то ни стало веди!» — настаивает она. И муж говорит: «Очень хорошо». Он берет и ведет ее дочь под тем же предлогом — нарвать цветов, что и свою водил, и бросает ее на вершине горы. И эта девушка, как и та, нарвав немного цветов, ждет, что отчим придет

и ее возьмет. Ждет-пождет, глядь! — никто не приходит. Что поделаешь, и она держит тот же путь, по которому шла та девушка.

Идет-идет и также встречается с женщиной-дэвом, берет ее за груди и сосет их; женщина-дэв и ее отводит к змеям, приказывает ей их кормить, а сама уходит. Лишь только та ушла, девушка смешивает холодную воду с отрубями и дает им. Пока они едят, она их ругает, обижает. Как бы то ни было, с наступлением вечера приходит женщина-дэв и направляется прямо туда, где находились змеи. Змеи, увидав, что идет их мать, раскричались, расплакались: «Сегодня наша нянька дала нам холодную воду и еду, — к тому же она нас ругала», а женщина-дэв ничего не говорит — молчит. Несколько дней девушка смотрела за змеями и все давала им холодную воду и еду. А так как женщина-дэв осталась недовольна девушкой, то она однажды и говорит ей: «Дочка, ты мне служить не можешь — проси у меня, чего хочешь». А та говорит: «Чего мне хотеть? Хочу, чтобы ты отслала меня в дом моей матери и к тому же дала мне золота и алмазов». И женщина-дэв говорит: «Очень хорошо», дает девушке сундук, наполненный кучей змей, также сажает ее на повозку и отсылает. Девушка через несколько дней приезжает домой, а мать встречает ее, обнимает; она скрывает от мужа привезенный сундук, и обе вносят его в комнату⁴. Мать и дочь говорят: «Ну-ка, что там есть?» — открывают крышку сундука, а оттуда вылезают змеи и расползаются по комнате; они жалят и дочь и мать, и обе они так и погибают от их яда. А там муж мачехи приходит домой, кличет-кличет свою жену — ниоткуда ни звука; он осматривает внутренность дома и вот находит их в комнате отравленными змеиным ядом. По правде сказать, бедняге эта женщина порядком надоела: он радуется ее смерти, зовет имама, муэззина, и те хоронят их трупы. Затем, как только он остается один, он велит на золотые, которые привезла девушка, построить себе прекрасный конак; отец и дочь оба живут там в спокойствии до самой смерти.

41. Чанга-чунга

 Было — не было, а в прежние времена было два брата: один из них был очень богат, а другой очень беден. Бедный брат был женат, богатый был холост. Однажды бедный брат го-

ворит богатому: «Сжался, брат, сегодня нам нечего есть, дай нам хоть немного денег, чтобы мы могли закончить нашу сегодняшнюю работу», а тот прогнал своего брата: «Ну еще бы, пошел к черту!»¹ Ты у меня — как бельмо на глазу!² Неужели ты не можешь найти денег на хлеб? Работай и заработаешь, тебе ведь тут казначеев нет! Проваливай отсюда, я таким людям разных там денег³ давать не могу». А тот бедняк и говорит: «Пойду-ка я хоть попытаю счастья на свою голову!» — и пускается в путь.

Идет он, идет, подходит к одному дереву. «Отдохну-ка я здесь от голода и усталости», — говорит он и усаживается под деревом. Пока он раздумывал, вдруг видит — вдалеке идут, поднимая облако пыли, сорок дэвов. Как только он их завидел, он прячется в дупле дерева и смотрит в щель: ну-ка, куда они пойдут?

Дэвы, подойдя к камню около дерева, произносят: «Чанга»⁴ — камень открывается; они входят, говорят: «Чунга»⁴ — камень снова закрывается. Бедняк слышит это из дупла; в ту ночь он укладывается в дупле, а на рассвете следит за выходом дэвов. Наступает утро. Дэвы снова говорят: «Чанга» — камень открывается; они выходят наружу, потом говорят: «Чунга» — закрывают камень и исчезают.

Как только бедняк увидел, что дэвы ушли, он выскочил из дупла и идет прямо к камню: «А ну-ка, если и я скажу: «Чанга», — откроется или нет?» — размышляет он. «Ну, будь что будет, — скажу, ведь я и так уже погиб», — подумал он и твердо произнес: «Чанга!» Видя, что камень открылся, он тут же бросается внутрь, говорит: «Чунга» — камень закрывается. Тогда он входит в одну из комнат пещеры, глядь! — стол, а на столе сорок ключей. Взяв эти ключи, он начинает отпирать комнаты.

Отпирает первую комнату, и вот, глядь! — она полна золота; открывает вторую — одно серебро; открывает третью — красные яхонты; открывает четвертую — зеленые изумруды; вот открывает пятую — всякие драгоценности. Одним словом, в каждой комнате видит разные драгоценные вещи. Наконец отпирает он и сороковую комнату, глядь! — а там лежит много девичьих трупов, сложенных в ряды, один на другой. Заперев тотчас же эту комнату и взяв из других комнат по несколько вещей из каждой, он наполняет себе карманы и еще кладет за пазуху, запирает и эти комнаты, потом оставляет ключи на столе, подходит к основанию камня и говорит: «Чанга»; выходит наружу, говорит:

«Чунга» — камень закрывается, а сам он на радостях поворачивает обратно и приходит домой.

И вот молодец раздобыл, на что поесть и попить, и разбогател не на шутку. Когда брат спросил: «Как это случилось, что ты таким стал?» — тот рассказывает ему все, как было. «Ну, а если я пойду, я могу таким стать?» — спросил его брат. Он и учит его: «И ты можешь, только ты не должен забывать «чанга и чунга». А тот брат идет домой, берет большущий мешок и твердит всю дорогу вслух: «чанга, чунга». Подходит он к камню, о котором говорил брат, говорит: «Чанга» — камень открывается; он входит, говорит: «Чунга» — камень закрывается. Потом он находит ключи, наполняет мешок, взяв из каждой комнаты что-нибудь ценное, подходит к камню, но забывает слово «чанга», — говорит: «Чунга» — и камень с шумом — гюльдюр-гюльдюр!⁵ — захлопывается еще крепче.

Он думает-гадает; слово «чанга» никак не приходит ему на ум. Тогда, растерявшись, он не знает, что ему делать; ну, а так как время прихода дэвов приближается, то он от страха и себя не помнит. Потом, придя немного в себя, он подумал: «Опорожни-ка я слегка мешок и найду здесь место, где бы спрятаться. По крайней мере узнаю, как будут говорить дэвы, а завтра все соберу и уйду». С этими словами он выкладывает из мешка все обратно по комнатам и шарит по сторонам. В глаза ему бросается печь: «Ох, вот нашел хорошее место, где спрятаться», — говорит он и забирается на печку, на самый верх.

Не будем затыгивать! Приходят дэвы, говорят: «Чанга» — входят, говорят: «Чунга» — закрывают камень. Как только молодец из-за трубы услышал: «Чанга», он стал загадывать вперед: «Ну вот, теперь я узнал, — завтра дела мои пойдут на лад». А в это время самой молодой из дэвов и говорит: «Эге, пахнет человеческим мясом!» — а другой дэв отвечает: «Мы проходили по полям и лугам, наша одежда и пропахла ими. Что же еще может быть?» А молодой опять: «Пахнет человеческим мясом!» Другие говорят ему: «Дружок, сюда и птица не залетит, а не то что человек!» Молодой говорит: «Нет, как хотите, а здесь есть человечье отродье, — ну-ка я сам поищу». Он берет с собой других, и они вместе с ним шарят там и сям; наконец видят — на верху печки сидит большой человек. «Видали? Не говорил ли я вам, что здесь есть человечье отродье?» — закричал тот, который помоложе, и они стаскивают несчастного вниз. Когда они его спросили: «Ты как сюда попал?» — тот так и обмер. Губы у него

задрожали, и он рассказывает все — с начала до конца. «Брат твой — бедняк: за то, что ты его прогнал, судьба его и вышла такая, а твоя судьба будет вот такая», — сказали дэвы — разорвали его на сорок частей и закусили им на славу.

42. Падчерица

Было — не было: здесь — ничего, у аллаха же много всего. В прежнее время были муж да жена. Была у них одна дочь, жили они ни бедно, ни богато и возносили хвалу аллаху. В один из дней бедная женщина заболела. Долго лежит она в постели, ее смотрят хекимы и ходжи, но не находят для нее лекарства, и в конце концов она умирает. Муж и дочка горько плачут, соблюдают траур. «Но что же нам делать? — говорят они, — это воля аллаха. Стало то, что должно быть, умер тот, кому не жить»¹. Утешаясь этим, они и живут. Так как девочка эта была еще очень мала и не могла как следует справиться со всеми домашними работами, то она всегда думала о смерти матери и выплакала себе все глаза. Отец понял, что дочь его от постоянного плача заболеет. «Поищука я себе хоть жену: может быть, ребенок забудется и перестанет горевать по матери», — думает он и говорит об этом кому-то из своих соседей. Как бы то ни было, — не будем затягивать, — этому человеку находят женщину и обручают ее с ним. А у взятой им жены была дочка, но только дочь этого человека была много красивее дочери его жены. Эта, по сравнению с той, казалась такой безобразной, что женщина возненавидела дочь своего мужа. «Как бы мне ее извести?» — думает она и решает ждать удобного случая. Сколько бы ни было работы по дому, она заставляет девочку ее делать; но что девочка ни сделает — ей все не по нраву: она все бьет ее и ругает. Хотя бедная девочка жила, перенося и печаль по своей матери и побои этой женщины, однако она только и думала о том, чтобы найти себе смерть. Хотя она и не говорила своему отцу обо всем этом, тот понимает все повадки жены, но все же молчит.

Однажды жена говорит своему мужу: «Или убери эту девочку с глаз моих долой, или меня оставь!» Когда она так сказала, муж, не имея сил отказаться от ее прелестей, думает: «Уве-

ду-ка я лучше девочку да отдам ее кому-нибудь». Однажды он говорит девочке: «Пойдем, я с тобой погуляю». Так он ее обманывает, а девочке тоже надоели притеснения мачехи: «Пусть хоть отдохнет немного моя голова»,— говорит она, тут же приодевается, и вот они идут — она следом за отцом. Мало ли идут, долго ли идут — у отца язык не поворачивается сказать кому-нибудь: «Возьмите эту девочку». Толкуя так и этак, они проходят двухчасовой путь; наконец приходят на вершину горы и садятся там немного отдохнуть. Пока они с горной вершины смотрели туда и сюда, девочка удаляется от отца, чтобы совершить омовение, и отходит довольно далеко в сторону. Пока она уходила, отец бродит там, находит две сухие тыквы, связывает их одну с другой, подвешивает к дереву, которое там росло, а сам отправляется своей дорогой. И вот, немного погодя приходит девочка, глядь! — а отца нет; ищет-поищет — не находит. Услышав, как тыквы, подвешенные к дереву, при сильном ветре стучали одна о другую: тык-тык! — девочка то плачет, то приговаривает: «Тык-тык, тыквочка, бросил меня и ушел батюшка!» Три раза звала она так — видит, что отца нет. Плача и рыдая, выбирает она себе дорогу и идет. «Это от аллаха»,— думает она.

Мало ли идет, долго ли идет, по горам ли, по долам, по ровному ли месту идет; пьет водицу из ручьев, слышит песни соловьев; охая и вздыхая, идет². Мало-помалу наступает вечер. Она подходит к какому-то источнику. Кругом начинает темнеть. Она влезает на стоящее вблизи дерево и располагается там. Хотя в ту ночь она была без еды и питья, однако, набравшись терпения, она остается здесь. А когда наступило утро, как раз вышел на охоту сын падишаха одного города, находившегося близ этого места. Бродя по сторонам, он подошел и к тому источнику, а девушка, лишь только увидела его, сказала: «Тык-тык, тыквочка, бросил меня в горах и ушел батюшка». Молодец услышал, поднял голову, посмотрел на дерево, глядь! — а на дереве сидит девочка, похожая на четырнадцатидневную луну. «Ага, вот и моя добыча»,— говорит он и подходит к подножию дерева. «Девочка, ты ин или джинн?»³ А девочка говорит: «Не ин я и не джинн; я такой же человек, как и ты». — «Ну-ка, спускайся вниз, кто ты такая?» Девочка спускается с дерева. Он спрашивает ее, откуда она пришла и куда идет, а девочка рассказывает ему все, что с ней случилось. Молодец берет ее, приводит во дворец, рассказывает обо всем отцу и просит обручить его с ней, а шах, увидев красоту девочки, сразу их обручает и назначает

свадьбу. Сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу, и шахзадэ становится молодым мужем.

Время, приди, время, уйди! Так они живут, и девушка становится тяжелой; приходит время, и она рождает мальчика. Пока няньки и дядьки его растят, девушка снова тяжелеет и опять рождает мальчика; его тоже растят няньки и дядьки. Как бы то ни было — не будем затягивать камет: не поднялся бы кыямет⁴, — девушка рождает ровно семь мальчиков — один одного лучше. Из них старшему исполняется семь-восемь лет.

Однажды, когда девушке захотелось повидать своего отца и когда она, сидя в комнате, размышляла об этом, шахзадэ спросил: «Помилуй, султанша, о чем ты думаешь?» Девушка сказала: «Хоть мой отец мне и много зла сделал (лопни глаза у того, кто его к этому подбил!), но кто знает, как он теперь грустит обо мне? Наверное, он обо мне соскучился, да и я хочу его видеть! Если бы была возможность, я бы поехала и увидела его еще раз глазами этого мира». Когда она так сказала, шахзадэ и говорит: «Помилуй, султанша, слушаю и повинуюсь! Пусть будет, как ты хочешь». И он сразу идет к падишаху, рассказывает обо всем, а шах говорит: «Сынок, пусть собирается свита, отправим их». Тогда собирают войско, девушку подсаживают в паланкин, падишах приказывает своему главному везиру идти во главе войска, и девушку вместе с детьми отправляют в страну ее отца.

Они с войском выходят из города; выстраиваются в поход и проходят много земель. Наступает вечер, они приходят на яйлу⁵, войско останавливается на привал: раскидывают палатки, сооружают большую палатку, чтобы девушка поместилась там с детьми. А везир, лишь только увидел девушку, так и влюбился в нее, как тысяча сердец, и ищет способа, как бы заставить ее отдаться ему. Наступила ночь. Когда все заснули, он потихоньку вышел из своей палатки и подошел к девушке, а та сразу просыпается, глядь! — везир. «Ты что разгуливаешь по моей палатке?» А везир вытаскивает из-за пояса кинжал: «Молчи, ни слова, а не то я убью тебя!» Девушка, от страха не говоря ни слова, ищет способа избавиться от его рук, а везир и говорит девушке: «Отдашься ты мне?» Девушка не соглашается. Тогда везир говорит: «Иди, девушка, отдайся мне, не то убью твоих детей и тебя». Девушка опять не соглашается. «Если убьешь — убивай», — сказала она, и везир, чтобы устроить девушку, зарезал одного мальчика. Девушка, увидев это, начинает плакать,

но остается при своих словах: отдаться везиру не согласна. И вот везир убивает всех мальчиков, а потом говорит девушке: «Теперь я и тебя убью». Лишь только он это сказал, девушка видит, что он и ее убьет. Она говорит везиру: «Отпусти меня ненадолго, я схожу по своим делам, а потом делай, что хочешь». А везир говорит: «Ты меня обманешь и убежишь». Девушка говорит: «Если не веришь, привяжи мне вокруг пояса веревку, я так и пойду». Везир соглашается на это, привязывает к ее поясу веревку, и девушка выходит из шатра; немного отойдя, она отвязывает веревку от пояса, привязывает ее к камню, а сама уходит своей дорогой. Везир немного подождал, потянул за веревку: «Ага, здесь она!» Еще немного ждет: она все не идет; он раскачивает веревку, смотрит, а девушка не идет. «Да тут она, тут»,— думает везир и погружается в сон. Проходит немного времени, он просыпается, видит — девушки нет! Он вскакивает с места, бежит туда, куда уходит веревка. Как только он увидел, что конец веревки привязан к камню, он сказал: «Ах ты, сука, убежала-таки!» — и пошел в свою палатку. И вот, как только приближается утро, часовые играют в трубы, поднимают войско, спрашивают у везира, кому выстраивать отряд, кому собирать палатки. Везир и говорит одному из них: «Пойдите, разбудите ханым-султан, пусть встает». Один из них идет к палатке девушки, прислушивается, и так как оттуда не слышно ни звука, приходит обратно и докладывает везиру, а везир идет туда, как будто ему ничего не известно. Когда он открыл дверь в палатку, все, кто с ним были, видят: дети убиты, а девушки нет. Тогда везир говорит: «Ну, что ты будешь делать? Разве она не дикарка? — С гор пришла, в горы и ушла». Как только он это сказал, мальчиков зарывают в землю, а войско поворачивает обратно, и все идут в свой город. Как только шахзадэ увидал, что войско пришло, он думает: «Как они скоро вернулись!» — и выходит им навстречу. Везир приходит, целует землю перед шахзадэ: «О шахзадэ! От того, кто пришел с гор, будет ли добро? Когда мы пришли в такое-то место и сделали там привал на ночь, она зарезала своих детей, а сама убежала. Утром мы нашли трупы детей, самой ее нет; тогда мы повернули обратно и пришли сюда». Как только он это сказал, шахзадэ стал плакать и кричать: «О горе! Как хочешь, а здесь что-то есть. Я пойду искать ее»,— говорит он. Он берет позволение у падишаха и отправляется в дорогу. Пусть он едет, а мы перейдем к девушке.

Когда девушка выскочила из палатки, она шла по дороге до

самого утра. Приходит на вершину горы и, так как очень устала, садится: «Отдохну-ка я здесь немного», — думает она. От тоски по детям она непрестанно плачет, из глаз у нее вместо слез капает кровь⁶. И вот так, вся в слезах, она и засыпает. Во сне к ней приходит пир⁷: «Дочь моя, ты здесь не плачь. Там, где убиты твои дети, сейчас никого нет. Иди туда; дети зарыты в землю — ты их вынь; в том месте есть река, снеси их омыть водой из той реки, моли аллаха, и твои дети оживут». Немного спустя девушка просыпается и вспоминает то, что сказал пир: «Неужели это правда? — думает она, — ну, будь что будет: раз умерли мои дети, то пусть и я умру, — пусть уж, коли смерть, так вместе с моими детьми». И вот она встает и идет туда, где были раскинута шатры, глядь! — никого нет. Она ищет там и сям, находит место, где зарыты дети, разрывает землю, вытаскивает трупы. Когда же она, поискав, находит также и речку, о которой говорил пир, она с горячей любовью оmyвает своих детей текущей водой, молится аллаху и горько плачет. Чуть только прошло немного времени — мальчики встают, как будто проснулись от сна; все они бегут к своей матери и обнимают ее: кто просит грудь, кто хлеба. А девушка, увидя их, очень обрадовалась: «Аллах мне их вернул, он же вернет мне и моего шахзада», — думает она, потом встает и пускается в путь.

А шахзада, не зная, в какую сторону ушла девушка, бродит и бродит с горы на гору. Пусть он так бродит, а девушка, думая: «Ну, была не была», идет по дороге, глядь! — а у подошвы одной горы сидит женщина-дэв и варит что-то в котле. Едва только девушка ее увидела, она взмолилась аллаху: «Что я теперь буду делать? Она, лишь только меня увидит, съест». Смотрит в ту сторону, в эту сторону — что делать, коли такое несчастье приключилось? «Ну, будь что будет!» — думает она и идет прямо к женщине-дэву. «Ах, матушка», — говорит она, обнимает и целует ей обе груди, а та говорит: «Иди сюда, девушка! Ты устала с твоими ребятками, я тебе налью немного чорбы, поешьте; если бы ты не назвала меня матушкой, я бы сейчас же тебя и твоих детей бросила бы в этот котел да и сварила». А девушка от страха не может произнести ни слова и начинает дрожать — тир-тир⁸. А та женщина-дэв сейчас же наливает миску чорбы и подает девушке, а так как девушка очень проголодалась, то она вместе со своими детьми ест чорбу и наедается досыта. Потом женщина-дэв спрашивает ее, откуда она пришла и куда держит путь, а девушка рассказывает все, что с ней случилось.

Женщина и говорит о везире: «Ах, чтоб у него глаза вылезли! Ах, как это он так посягнул на детей? Дочь моя, ты не тревожься: он получит свое от аллаха. Иншаллаха, вы с шахзадэ встретитесь. Он не успокоится, пока тебя не найдет; он этого так не оставит, может быть, уже и вышел на поиски. Однако кто знает, что ты в этих краях? Ты теперь здесь не задерживайся. У меня есть сорок сыновей, вечером они придут и, когда найдут тебя здесь, могут причинить тебе вред, а ты пойдика в горы, что напротив. С той стороны гор есть пещера, пройди в нее и несколько дней пробудь там. В горах и на холмах гулять остерегайся, чтобы звери не причинили тебе вреда». Как только она так сказала, девушка, взяв у женщины немного пропитания, направляется в ту пещеру, открывает дверь, входит внутрь и проводит там эту ночь.

Как только настало утро, она, пока дети еще спали, встает и выходит наружу. Пока она смотрела туда и сюда, она заметила вдали пастуха. Она сейчас же подходит к нему и спрашивает, чей он пастух, а пастух говорит: «Я — пастух такого-то шаха, а жена моя — садовница в саду у шаха». Девушка просит и умоляет пастуха: «Смилуйся, пастух, у меня семеро детей, я осталась с ними на вершине гор, — сведи меня к своей жене, будем жить вместе!» И пастух ее пожалел. Под вечер он берет ее и ведет во дворец; жене он говорит, чтобы та работала вместе с ней. Каждый день пастух пас овец, а они работали в саду; девушка вырастила семь розовых кустов и каждому из них дала имя своего ребенка. По воле аллаха, розы, которые распустились на этих деревьях, были невиданной доселе красоты, так что всякий, кто один раз их увидел, стремился увидеть их еще раз. Не будем затягивать! Эти розы распространялись из рук в руки по всем городам. Когда эти розы были куплены в городе отца тех детей, шахзадэ услышал имена своих детей и подумал: «Не иначе, как эти розы вырастила моя жена!» Он спрашивает у продавцов роз, где такие розы, а те отвечают, что в таком-то городе, в саду у такого-то падишаха. Шахзадэ, не теряя времени, отправляется прямохонько в тот город. Когда он прогуливался перед дворцом, девушка как раз дала своим мальчикам эти розы и выпустила их на улицу. Шахзадэ узнал детей и, лишь только увидал в их руках розы, берет и целует одного из них; он берет из рук его розу и дает мальчику свой перстень. А мальчик, взяв перстень, несет его своей матери. Едва только она увидела этот перстень, она поняла, что сюда пришел шахзадэ. На следующий день она

наказывает мальчику: «Если тот человек снова сюда придет, позовите его в сад». Когда же дети на следующий день опять играли перед калиткой, пришел шахзадэ, а мальчик, как только его увидел, зовет его в сад. Шахзадэ входит внутрь, глядь! — а жена его работает как садовник. Увидели они друг друга и тут же бросаются один другому в объятия. Как только шахзадэ спросил, что с ней случилось, девушка рассказывает все с начала до конца. Тогда он забирает жену и детей и увозит в свой город. Когда же он рассказал обо всем отцу, везиру отрубили голову. А они устраивают пир в сорок дней, сорок ночей, и все соединяются друг с другом.

43. Дильрукеш

 Было — не было, а в прежние времена, в решете ли, посреди гумна, когда мой отец моим отцом был, я у моего отца дочкой был, отец мой сыном стал, я моему отцу — мать, знающий, однако, знает, как это надо понимать¹... когда-то на другом краю света, в стране, близкой к тем местам, где обитают дэвы, были три очень бедные сестры. Они каждую ночь до самого утра шили, вышивали, хлопок пряли²; наутро одна из них относила все на базар, продавала, покупала, что нужно добыть, чтобы днем пить и есть и топить². Однажды повелитель той страны, разгневавшись за что-то на население, приказал, чтобы три ночи не зажигали огня в домах³: всякий, кто зажжет свечу, понесет наказание. Что делать девушкам? В темноте работать нельзя; если же они не будут работать, то останутся на следующий день голодными. Бедняжки вешают плотные занавески на окна своих комнат, зажигают крошечный ночник, работают, насколько глаза могут видеть, и зарабатывают себе деньги на хлеб. На третью ночь после этого запрещения падишах, взяв с собой одного-двух человек, начинает обходить свою страну для того, чтобы узнать, есть ли такие, кто зажигает свет у себя в доме вопреки запрещению, или нет; он подходит к дому девушек, а в ту ночь как раз один уголок оконной занавески остался у них приоткрытым.

Лишь только падишах увидел свет свечи, он очень сильно разгневался, однако бывшие при нем остановили гнев падишаха такими словами: «Эфенди, постоим-ка здесь немного, узнаем,

чей это дом: может быть, у них неотложная работа. Если же это не так и если это — проделки, направленные только к тому, чтобы послушаться приказа, тогда какое бы наказание вы ни повелели, наложить его будет не трудно». И они решили послушать под окном дома. Девушки ни о чем не знали: все трое сидели, работали и жаловались друг другу на свою бедность. Старшая из них говорит: «Ах, что было бы, если бы падишах отдал меня за своего векиль-харджа⁴, уж поела бы я досыта!» А средняя говорит: «А меня если бы отдал падишах за рубаджы⁵, я бы каждый день надевала новое платье». А самая младшая сказала: «Если бы падишах взял меня за себя, я бы родила ему таких детей, что, когда они засмеются, будут распускаться розы, а когда заплачут — будет сыпаться жемчуг». Младшие всегда бывают такие!⁶ Падишах, услышав эти слова, на следующий день велит взять этих трех девушек во дворец: старшую из них выдает за векиль-харджа, среднюю — за рубаджы, и помещает их во дворец, а младшую девушку берет за себя.

Пока эти три сестры во дворце утопают в драгоценностях, сладко едят и пьют, живут в удовольствии и наслаждениях, — младшая девушка стала беременной от падишаха. День ото дня у нее начал расти живот; наконец, ровно через девять месяцев и десять дней, у девушки начались роды. А на этой стороне сестры ее спохватились: «Если сестра родит ребенка, как говорила, — ни одной из нас не будет покоя: надо нам заранее что-нибудь измыслить», — подумали они и позвали дворцовую бабку, дали ей много денег и сказали: «Сделай милость, эбе-ханым⁷, если кто может что-нибудь поделать, так это только ты!» А так как бабка слыла за искусную колдунью, она и говорит: «Не беспокойтесь, девушки, все будет сделано лучше, чем вы хотите, — это уж мое дело». Она тут же положила в маленький ящик двух щенят, спрятала под скамейку. Когда же она принесла их с собой и когда подошло девушкино время, то, едва только она родила двух детей: мальчика и девочку — обоих, как шар солнца⁸, бабка положила детей в ящик, а щенят выложила оттуда. Как только падишаху сообщили, что девушка родила двух щенят, падишаху от гнева кровь бросилась в голову⁹, и он приказал, чтобы девушку зарыли до пояса в землю на видном месте города и чтобы каждый прохожий плевал в нее и бросал камнем. А бабка, как только взяла детей, вышла за город, бросила их на берегу реки посреди садов, а сама вернулась и пришла во дворец.

А в то время садовник подошел к берегу реки, глядь! — а там два новорожденных младенца, такие, как шар солнца. А у него как раз не было детей. Садовник обрадовался до сумасшествия, скорее взял детей и принес к себе в хижину. Вместе с женой они обрезали им пупки, и садовник наказал жене, чтобы она хорошенько смотрела за детьми. Лишь только жена садовника дала одну грудь одному ребенку, а другую — другому, по воле всемогущего в обе груди прилило молоко. Как только садовник и его жена увидели, что когда девочка плачет, — сыплется жемчуг, а когда смеется — начинают распускаться розы, они очень удивились; тотчас собрали жемчуг и розы и поблагодарили аллаха за то, что он послал им хорошую жизнь. А садовник разложил по корзинам розы невиданных красок, распустившиеся не по времени, и отнес их во дворец падишаха. Падишах безмерно обрадовался и дал садовнику много денег. Как только он и на следующий день опять принес такую корзину роз, падишах оделил этими розами всех придворных, так как ежедневно выводить не по времени целую корзину роз было делом неслыханным. Хотя падишах и спрашивал садовника, как он разводит такие розы, садовник в тот день отделался словами, в которых не упоминал о детях. Однако девушки по этим розам догадались, что дети живы. «Ой-ой! Все дело выйдет наружу!» — говорят они и тотчас велят позвать бабку. «Помилуй, бабка, дети объявились: делай, что хочешь», — говорят они, а бабка в ответ: «Что вы? Да я выбросила их на берегу горного потока за городом, пупки им не обрезала, они уже давно умерли». Много чего она говорила, однако девушки не унимаются и крепко просят: где бы ни были ребята, надо их найти и уничтожить. Бабке ничего не остается делать: она идет к тем садам, где оставила младенцев, а жена того садовника, который нашел детей, кормит их молоком. Бабка, недолго думая, приветствовала ее и начала разговор: «Дочь моя, это твои дети? Машаллах, сорок один раз машаллах! Ну и красивые же они, не сглазить бы их!» Жена садовника говорит: «Ханым, столько лет не было у меня детей, я и муж тосковали по детскому личику. Аллах от своего всемогущества подарил нам их». — «Дочь моя, как же это вышло?» И жена садовника рассказывает: «Однажды мой муж проходил по берегу реки, что протекает около сада, и нашел их в ящике; он поскорее взял их и принес в хижину. Когда я увидела младенцев, проснулась во мне любовь к детям, я обрезала им пупки, запеленала, и только сунула им мои груди в рот, как у меня из обеих грудей

начало бежать молоко. Бессмертный аллах до сегодняшнего дня хранит их жизнь».

Бабка говорит: «Дочка, вот что я слыхала: когда девочка смеется,— расцветают розы, когда девочка плачет — сыплется жемчуг. Вот уже два дня, как твой муж такие розы носит во дворец, правда ли это?» Когда она так сказала, жена садовника отвечает: «Да, сударыня-матушка». Бабка говорит: «Дочь моя, сделай милость, не выдавай меня, я говорю тебе, потому что жалею тебя, как свою душу: делайте, как знаете, но этих детей уберите от себя, а не то плохи ваши дела!» Женщина говорит: «Помилуй, матушка, почему же так, какой может быть нам от этого вред, отчего наши дела будут плохи?» А бабка отвечает: «Ах, дочка, разве вы не слыхали, что эти дети рождены младшей из тех трех девиц, которые были взяты падишахом во дворец? Падишах на нее разгневался, велел закопать ее в землю, а детей положили в ящик и выбросили за город. Ну, да хранит тебя аллах!» — говорит она и уходит. Пока женщина, от страха не зная, что делать, ломала себе голову, приходит ее муж. Женщина рассказывает ему обо всем, и садовник пугается не на шутку. Муж и жена, всхлиывая и плача, берут детей, уносят в пещеру, подстилают под них по старому мешку и оставляют там. А как раз на той горе лань принесла детенышей; мудростью аллаха она утром и вечером приходит и начинает кормить грудью и растить этих детей.

Дети растут день ото дня. В сказках время быстро проходит: им исполняется по восьми-десяти лет. К этому времени от смеха и слез девочки вся пещера внутри наполняется розами и жемчугом. Так как эти брат и сестра были вскормлены в пещере молоком лани и не видели человека, то, хотя они и не могли научиться языку, однако разговаривали между собой при помощи своих, особых знаков, и вот, благодаря разуму, который дал людям аллах, они поняли, что за этой пещерой есть еще какое-то место, откуда к ним утром и вечером приходит эта лань. Проследив ее дорогу, мальчик однажды берет с собой немного жемчуга и выходит из пещеры. Случайно он попадает на дорогу к городу, приходит туда и вот видит: открыты торговые ряды, устроены базары, и все заняты торговлей. Так как он не знал языка, то понять он ничего не может, но потихоньку пробирается в толпу людей. Как только он показал одну из жемчужин, что были при нем, весь народ на базаре стекается к нему; знаками его спрашивают, сколько он хочет. В тот день ему дают не только то, что

нужно для того, чтобы поесть, попить и одеться, но много больше. Он приносит все это в пещеру и показывает сестре; они вместе едят и пьют. Он начинает учить ее языку, насколько сам научился. Мальчик свыкся с этим и на следующую день снова берет немного жемчуга, идет на торговую площадь и возвращается, получив на этот раз платье, оружие, лошадь и много других вещей. Так вот мальчик привыкает бродить по городу, ходить в торговые ряды и на базар, знакомиться со многими мальчиками. Мало-помалу он начинает владеть оружием и выходить на охоту.

Как-то раз, когда мальчик охотился, случилось так, что и падишах в тот же день тоже вышел на охоту. Они встречаются. Как только падишах увидел мальчика, тот сразу его пленил; ему хочется прижать мальчика к сердцу, и он отдает приказ тем, кто был с ним: «Ах, какой красивый мальчик! Он мне полюбился; узнайте, чей он». Один из слуг идет и говорит ему несколько слов: «Мой бей, много ли вы дичи убили?» А мальчик отвечает, ничуть не стесняясь: «Зверей, которых создал аллах, много: и вам хватит и мне» — и уходит оттуда. Падишах приходит во дворец, но от любви к мальчику, можно сказать, становится больным. В хараеме с сильным волнением спрашивают о причине болезни; падишах рассказывает о мальчике, которого он видел на охоте, и говорит, что сильно полюбил его и заболел от тоски по нем. Из этих рассказов падишаха две сестры узнают, что дети опять объявились. Они сейчас же зовут бабку; та приходит. Обе сестры говорят: «Помилуй, бабка, дети опять объявились!» А бабка им: «Милые мои! С ума вы, что ли, сошли? С тех пор как садовник их бросил в горы... вот уже сколько годов прошло! Теперь от них и косточек не осталось!» — «Не говори так! Падишах пришел с охоты, заболел; его спросили о причине, он сказал, что видел на охоте одного мальчика и заболел от тоски по нем. Он рассказал нам, какого вида мальчик, — ну точь-в-точь наша сестра! Помилуй, бабка, как там хочешь поступай, а про это разузнай»¹⁰, — говорят они. Бабка говорит: «Прекрасно, дочки, но только я ничему не верю. Вот уже столько лет, как они брошены на эту гору, им нечего есть, нечего надеть — и чтобы они до сих пор не умерли! Вот чудеса! Да что они — пэри, что ли, или джинны? Нет, нет, это не они!» — «Да что ты, бабка дорогая, опомнись, душенька, родная!»¹¹ Да, конечно, это — те дети! В конце концов все обнаружится, — обязательно надо что-нибудь придумать». — «Хорошо, милые, я пойду разузнаю; если это они,

что-нибудь придумаю — вы не беспокойтесь!» Бабка дает сестрам слово, что она это дело обделает, а сама, не откладывая, держит путь в горы, где находилась пещера; подходит к двери пещеры, глядь! — а внутри сидит девушка, что солнце, утопая в розах и жемчугах. Тотчас она говорит ей: «Селям!» — входит внутрь, а девушка встречает эту старуху: «Милости просим, матушка!» — говорит она, приглашает ее в пещеру и оказывает ей великое почтение. Бабка говорит: «Дочка, неужели ты здесь одна на вершине этой горы, в углу пещеры?» — «Нет, матушка, у меня есть брат!» — «Днем одна-одинешенька ты, наверное, скучаешь?» Девушка говорит: «Иногда скучаю, да что же делать? — провожу время, развлекаясь тем, что здесь есть!» — «Доченька, а брат твой очень тебя любит?» Девушка говорит: «Конечно, любит, разве он мне не брат?» Бабка говорит: «Если так, доченька, я тебе расскажу одну вещь, только ты меня не выдавай. Вечером, лишь только придет твой брат, ты начни плакать и сильно рыдать; он встревожится, спросит, отчего ты плачешь, а ты поломайся немного, не говори; он снова будет допытываться; тогда ты скажи: «Мне днем очень скучно, я во что бы то ни стало хочу получить терновник Дильрукеш-ханым¹²». Вели ему добыть его и посмотри, есть ли в мире что-нибудь занятнее этого». Девушка говорит: «Прекрасно, матушка! Как только придет мой брат, я и попрошу». Лишь только она закончила эти слова, бабка встает, идет прямо во дворец и говорит сестрам, что она сумела найти вот такой-то исход всему этому делу.

А мы перейдем к детям. Наступает вечер. И вот, когда брату уже пора прийти, сестра принимается безостановочно плакать. Чем больше она плачет, тем сильнее сыплется жемчуг, и пещера наполняется им, а глаза у девушки кругом опухают и делаются величиною с кулак. И вот мальчик возвращается с охоты, глядь! — а с сестрою плохо. Он спрашивает, что за причина тому, но девушка ни за что не хочет сказать. Наконец он уверяет ее, что сделает все, чего бы она ни пожелала, и что всякую мелочь он примет во внимание. Вот тогда-то девушка говорит, чтобы он добыл терновые кусты Дильрукеш-ханым, а если он этого не принесет, то она безудержным плачем убьет себя. Мальчик услышал слово «Дильрукеш» и призадумался: «Ах, сестрица, ты хочешь такую вещь, о которой я никогда не слышал! Кто это Дильрукеш-ханым? Я не знаю, как мне ее искать, как просить терновника». Хоть он и пробовал так вот говорить, но девушка

не перестает лить слезы, и мальчик понимает, что тут ничего нельзя поделаться. На следующий день он уходит в город, покупает на несколько месяцев еды и питья, а также хорошего коня и оружие — кое-что из запасов он оставляет в пещере, кое-что берет с собой и, простившись со своей сестрой, отправляется в путь.

Мало ли едет, долго ли едет, по горам, по долам, по ровному ли месту едет — после долгого пути приезжает он в страну падишаха пэри. Перед ним проходит равнина, которую не перевалить каравану, выступают горы, которые не перелететь птице; виднеются ущелья, по которым змея не протащит своих кишок. Мальчик, отдавшись на волю аллаха, едет потихоньку и попадает в такую долину, в которой и глазу не видать, и следа не отыскать¹³. Посреди этой долины — большой красивый дворец, а подступы ко дворцу захватила самка-дэв и спит. Мальчик сейчас же погнался к ней коня и, чуть подъехал ближе, соскочил с коня и пососал обе груди у самки-дэва. «Будь матерью мне на этом и на том свете», — говорит он и целует ей руки, а самка-дэв глядит на него с сожалением: «И ты будь моим сыном на этом и на том свете. Я бы сейчас тебя убила, да счастье твое, что твоя мать лежит в земле безвинная, да и ты пососал мне обе груди! Ну-ка, говори, за каким делом ты сюда пожаловал». Когда она так сказала, мальчик рассказывает ей, что и как, и со слезами умоляет помочь ему в том, чтобы он раздобыл терновник Дильрукеш. Самка-дэв удивляется: «Сынок, мое дело и дело моих сыновей — охранять только границы страны пэри, а что там делается внутри — мы знать не можем. Пусть только наступит вечер и придут мои дети, мы тогда у них и спросим, а уж если и они не знают, я отошлю тебя к моей средней сестре». Сказав это, она дала мальчику пощечину и, тут же превратив его в маленький комочек, засовывает себе в дупло зуба.

Наступает вечер, грохочет небо, сверкает молния. И вот, среди такого шума, как будто настало светопреставление, появляются и сыновья. «Мать, пахнет человеческим мясом!» — начинают они кричать, а мать рассердилась на них и говорит: «Как это при вашей злобе сюда может прийти человек, чтобы его мясом пахло? Кто знает, у скольких живых тварей вы сегодня пили кровь — пошарьте-ка у себя между зубами!» Они поковыряли у себя в зубах и, вытащив, бросают кто голову, кто туловище какого-нибудь животного. Сев около матери, они немного поговорили с нею, а потом мать их и спрашивает: «Сыновья! Если бы

кто-нибудь пришел и поцеловал мне обе груди, что бы ему от вас было?». А сыновья отвечают: «Он был бы нашим братом». — «Если так, вы, наверное, не причините ему зла», — говорит она, вытаскивает из зубов комочек, ударяет по нему, и мальчик принимает прежний вид. Дети самки-дэва приветствуют его словами: «Добро пожаловать, брат!» — немного с ним беседуют, а мать их рассказывает им, зачем пришел мальчик. Они говорят, что не могут знать, кто это такая Дильрукеш и что это за штука ее терновник; они советуют послать его к ее средней сестре.

На следующий день они забирают мальчика с собой и сразу, в один миг, пройдя большой путь, доставляют его к своей средней тетке и ей подробно рассказывают, что и как. А та говорит, что не слышала имени Дильрукеш; как ее сестра усыновила мальчика, так вот сделает и она, а к вечеру, когда придут ее дети, она, мол, отошлет его к своей старшей сестре. Поэтому дэвы оставляют мальчика у своей тетки и уходят. Наступает вечер, приходят и ее дети; мать рассказывает им обо всем, но и они не знают ничего о Дильрукеш. А так как этот мальчик стал для них братом, то они, не причинив ему вреда, доставляют его в крепость старшей сестры и рассказывают ей обо всем. Старшая сестра сжалилась над мальчиком: «Кто тебе наговорил о Дильрукеш? Она — такое сокровище, которое хранится за столькими сотнями тысяч талисманов, покрыто сотнями тысяч трупов. Откуда у тебя такая удаля, чтобы захватить ее и взять ее терновник? Милый, да ты погибнешь на этом пути, откажись-ка ты от этого желанья!» Но что бы она ни говорила, мальчик, припав к ее рукам и ногам, страстно молит, и потому женщина не может устоять: «Молись за твою лежащую в земле мать, все это — ради нее», — говорит она, сажает его перед собой и так ему наказывает: «Сынок, рано утром ты сядешь на коня и поедешь по такому-то пути, перед тобой появится заброшенный колодец, а также крохотный лесок; ты поохотишься немного в этом лесу, поймаешь живьем пять-десять птиц, подойдешь к колодецу, совершишь намаз в два риката¹⁴, бросишь птиц в колодец и покричишь: «Дайте ключ!» Из колодеца тебе выбросит ключ, а ты, взяв ключ, пойдешь, и перед тобой появится дверь в большую пещеру. Ты сейчас же отопрешь дверь, войдешь внутрь, протянешь правую руку и в темноте возьмешь то, что попадет тебе под руку. И вот, не оглядываясь назад, ты вернешься, бросишь ключ в колодец и пойдешь; если ты посмотришь назад —

все кончено. Вот тебе и все мои слова,— говорит она,— а теперь да пошлет тебе аллах удачу в твоём деле!»

И вот мальчик, как его научили, так и пошел, взял ключи, брошенные ему из колодца, и сразу отпер дверь в пещеру. Со словами «О аллах!» он протягивает правую руку, берет, что ему попадается, идет назад, ключ бросает в колодец, а сам натягивает поводья коня и за короткое время прибывает в свою пещеру. И вот, как только взглянет на терновник — на каждой ветке разные невиданные птицы, каждая птица поет на свой лад, музыка, благозвучие — невесть что! Как только мальчик увидел это, он сразу забыл все перенесенные им страдания. «Хвала тебе, сестра! Вот оно то, что ты желала!» И с этими словами он отдает девушке терновник.

Пусть девушка развлекается с терновником, а молодец снова выходит на охоту. В тот день и падишах опять оказался на охоте. Он встречает молодца и, как прежде, немного с ним говорит, а после приходит во дворец и становится больным. А сестры, узнав, что и на этот раз падишах видал мальчика на охоте и потому опять заболел, спохватились: они скорее зовут бабушку и рассказывают ей, что мальчик опять объявился. Бабушка удивилась. На следующий день она идет в пещеру, глядь! — а терновник принесен, и девушка сидит и развлекается. Бабушка говорит: «Селям!» — а девушка оказывает бабушке еще больше почтения, чем прежде, и рассказывает, что ее брат принес терновник. Бабушка, чтобы погубить мальчика, раскрывает всю крышку коробки хитростей¹⁵: «Дочурка, если ты сумеешь заставить его принести зеркало Дильрукеш, то этот терновник ты во всю жизнь не возьмешь в руки, потому что это такое зеркало, что в нем — весь свет: все, что ни пожелаешь, в нем увидишь. Только умоляю, дочь моя, не выдавай меня», — говорит она и уходит. Девушка снова ударяется в слезы. К вечеру, ко времени прихода брата, она заполняет пещеру жемчугом; брат приходит, глядь! — а глаза у девушки кругом распухли от слез и стали, что кулак, а цвет лица переменился и стал желтый-прежелтый. Он спрашивает ее о причине и узнает, что на этот раз она желает зеркало Дильрукеш. Напрасно говорит ей брат о страхе смерти, который он испытал на пути, о дэвах и обо всем таком — девушка никак не может отказаться от этого желания. И вот молодец похитил и принес зеркало так же, как он принес терновник. Брат и сестра смотрят в зеркало, а в нем и на самом деле весь свет, и они видят все, что только желают. С тех пор девушка, позабыв тер-

новник, начинает развлекаться с этим зеркалом. Девушка целыми днями развлекается с зеркалом, а мальчик уходит на охоту.

Однажды он снова встречается на охоте падишаха. На этот раз, лишь только падишах увидел мальчика, он теряет сознание. С трудом его приносят во дворец, и вот становится известно, что причиной этому является тот мальчик. Две сестры вновь призывают бабку. «Дело так и так: или ты этого мальчика убьешь, или тебе не будет покоя»,— говорят они. Бабка, растерявшись, не знает, что ей делать. Она идет прямо в пещеру и путем тысячи хитростей и тысячи уловок подучает девушку вынудить брата добыть и привести ей самое девицу Дильрукеш. Вечером, лишь только пришел молодец, девушка начинает лить слезы, как ливень несчастий¹⁶. Умоляя, она говорит, чтобы он непременно достал самое Дильрукеш-ханым, а если не достанет, то она сама себя убьет. Мальчик удивляется, что у сестры всегда такие желания: «Ах, сестричка, я тебе рассказывал о тех страданиях, которые я перенес, о смерти, которой я избежал те два раза, когда ходил к Дильрукеш. Эти беды были ради того, чтобы принести терновник и зеркало; если же теперь я пойду, чтобы достать самое Дильрукеш, то, кто знает, какие ужасы меня ждут! Откажись-ка ты от этого желания, не губи меня»,— говорит он, но девушка не слушает никаких слов. Сказку нашу укоротим. Мальчик на этот раз по-настоящему прощается с сестрой и собирается так, как будто идет на смерть. Он направляется прямо к старшей женщине-дэву; то руку ей поцелует, то ногу, потом опять руку, потом опять ногу; молит, просит. Как только он сказал, что пришел за Дильрукеш, женщина-дэв говорит: «Ты, парнишка! Ишь ты, какой смельчак нашелся! Ну, теперь и правду тебе не уйти от смерти,—лучше откажись от этого!» Много слов она говорила, но мальчик в ответ: «Легко скончаться, да трудно отказаться!»¹⁷ Смилуйся, матушка, научи меня, как все это сделать, и я пойду: или умру, или добуду Дильрукеш!» И он ее так умоляет, что женщина-дэв не может устоять перед его мольбой и опять наказывает ему: «Сынок, ты пойдешь, возьмешь ключ из колодца, отпрешь дверь пещеры, войдешь внутрь — перед тобой пойдет ровная дорога. Ты, не глядя по обеим сторонам, во мраке пойдешь по той дороге. После того как ты пройдешь по ней долго-долго, ты выйдешь на свет к кипарисовой роще, а впереди от нее ты увидишь кладбище — это кладбище тех, кто пришел сюда, чтобы добыть Дильрукеш: все они

от макушки до ногтя превратились в камень. Не глядя на них, ты пойдешь вперед. Покажется дворец Дильрукеш, и ты тут же закричишь: «Дильрукеш!» А что с тобой будет после — этого уж я не знаю», — говорит она и кончает разговор. Мальчик расстается с женщиной-дэвом и пускается в путь. И вот, придя к тому колодезю, он, как и прежде, совершает намаз, бросает в колодезь пойманных им птиц, получает ключи, проходит через дверь пещеры: мрак, как в тюрьме; идет-идет — начал виднеться просвет, и дорога приводит его к кипарисовой роще, в которой каждый кипарис поднял голову до самого неба: ни ина, ни джинна¹⁸, ни шороха, ни звука. Молодец идет-идет среди кипарисов и подходит к кладбищу, глядь! — а это не кладбище: стоят неподвижно без границ, без счета камни в образе человеческого, но это не камни — каждый из них был человеком и превратился там в камень. Как ни разбирает мальчика страх, он собирается с духом и знай себе идет по дороге. Конечно! Еще издали прямо спит глаза, и вот показывается сверкающий, как солнце, большой дворец. Молодец, как его научили, приближается к дворцу, сразу во весь голос кричит: «Дильрукеш!» — и до колен превращается в камень. Еще раз кричит: «Дильрукеш!» — и превращается в камень до пупка. Еще раз кричит: «Дильрукеш!» — и превращается в камень до шеи. Наконец в последний раз со страхом душевным кричит: «Дильрукеш!» И он уже был готов превратиться в камень до самой макушки, как прибежала Дильрукеш в золотых налынах¹⁹, с золотым тазом в руке; сейчас же она наполнила его водой из того водоема, что был в дворцовом саду, и чуть только побрызгала на мальчика, как мальчик снова обрел душу.

Дильрукеш говорит: «Ах, молодец, чего ты хочешь? Один раз пришел взять мой терновник, еще раз пришел — унес мое зеркало; этого тебе мало, коли ты и сюда добрался? Ах, молись за лежащую в земле твою безвинную мать! Кабы не это, стал бы ты сегодня камнем!» И она сильно разгневалась. «Ну, а теперь чего ты хочешь — говори-ка!» Мальчик, ничуть не робея, сказал: «Тебя я желаю, во что бы то ни стало возьму и увезу!» Лишь только он это сказал, Дильрукеш говорит: «Если так, слушай хорошенько мои слова, а не то мы оба погибнем. Сейчас я пойду, возьму во дворце принадлежащие мне вещи, велю приготовить двух скакунов и приду сюда. Когда мы сядем на коней и поедem, во дворце поднимется смятение — свет вверх дном перевернется. Ты не оборачивайся назад, не смотри, мы так и бу-

дем ехать своей дорогой»,— говорит она, но мальчик отвечает: «Здесь столько людей, превращенных в камни; до тех пор, пока ты их не оживишь, я никуда не двинусь»,— настаивает он. Дильрукеш идет во дворец, берет вещи — по весу легкие, по цене дорогие,— велит приготовить коней; тут же она берет воду из водоема золотым тазом и чуть только побрызгала ею,— сколько там ни было камней, все снова оживают и уходят своим путем-дорогой, а во дворце поднимается смятение. Они оба совсем не смотрят назад и вместе с молодым приезжают прямо в ту пещеру. Сестра его их встречает, все целуются, обнимаются. Несколько дней они отдыхают. Молодец не прочь пойти на охоту, но Дильрукеш его не отпускает, потому что Дильрукеш была дочерью падишаха-пэри и была до того красива, что подобной ей в свете не было, а молодец был таким, какого среди мужчин не найдешь. Они любили друг друга всей душой и сердцем.

Пусть они втроем живут в пещере и развлекаются. Но если брат и сестра не знали, чьи они дети и кто их бросил в пещеру, то Дильрукеш, будучи дочерью падишаха-пэри, знала об этом. Как-то вечером она говорит молодцу: «Завтра иди на охоту, падишах тебя увидит. На этот раз терпение его лопнет, он тебя позовет; поговорив немного с тобой, он пригласит тебя во дворец. Смотри не говори: «Не пойду», а скажи так, чтобы в тот день, когда он тебя приглашает, тебя торжественно пронесли через все сады. Так вот скажи и иди»,— наказывает она. Молодец на следующий день идет на охоту, встречается с падишахом и, как говорила Дильрукеш сговаривается с ним. На этот раз падишах радостно идет во дворец, а молодец приходит в пещеру и рассказывает все Дильрукеш. В тот день, на который молодец был приглашен падишахом, Дильрукеш рано встает, поднимает молодца и его сестру, и все пьют утренний кофе. Дильрукеш ударяет одной рукой о другую: «Ох, лала, иди сюда!» — позвала она один раз, и перед Дильрукеш сейчас же выскакивает араб: одна губа на земле, другая — на небе. «Приказывай, султанша»,— говорит он. Дильрукеш сказала: «Ступай скорее, оседлай и укрась одного из скакунов моего отца и приведи сюда!» Только она это сказала — араб помчался, как ветер. В один миг приходит он убранного коня, подобного которому нигде не видал. Он сажает молодца на коня и пускает его посреди садов. Молодец глядит — его ожидает прекрасная свита. Люди из свиты, увидев на лошади молодца упряжь с драгоценными камнями, в изумлении только смотрят друг на друга. Простите, виноват,

забыл²⁰ — Дильрукеш строго-настрога наказала молодцу так: когда он поедет во дворец, то, лишь только конь заржет, чтобы он немедленно собирался в обратный путь, а уезжая, пригласил бы через три дня падишаха к себе.

Молодец посреди садов в сопровождении свиты, торжественно раскланиваясь по сторонам, въезжает во дворец. Ему почет, разная музыка, игры — чего-чего только нет! Молодец любит всем этим и обходит весь дворец. После того как он немного побеседовал с падишахом, конь начинает ржать и бить копытом. Молодец сейчас же встает и просит разрешения уехать. Как ни просил падишах, чтобы он еще немного остался, мальчик не соглашается и говорит, что он приглашает падишаха на третий день и самолично его встретит посреди садов. Падишах принимает приглашение, а молодец прощается с ним и приезжает к себе в пещеру. А Дильрукеш в тот же день велит своему лалá достать зарытую в земле мать детей оттуда, где она была, и принести ее, и сейчас же она начинает за ней ухаживать, — как никак, она ведь человек! — моет ее, остригает ей ногти, расчесывает волосы; с одной стороны²¹ дает ей лекарство, а с другой — дает ей кушать отшельническую еду²² и этим приводит ее в прежнее состояние, но... ни мать не признает своих детей, ни дети — своей матери. А там слуги в харэме, в селямлик²³, для всякой работы рабыни, рабы без счета, музыканты; певцы поют такими голосами, которых никогда не слыхали уши; что только нужно, все приготовлено с избытком и на своем месте. Как только подошло время прибытия падишаха, была выставлена большая свита для встречи, — такая, что нельзя и пером описать²⁴. Как и распорядилась Дильрукеш, свита встретила падишаха по дороге, посреди садов, а те, кто был с падишахом, посматривали на все то, что было устроено молодецом, и говорили: «Ну, этот молодец, наверное, не из человеческого рода. Если же он человек, то зачарован властью пэри». Едут они всей толпой, и лишь только вошли во дворец, — удивление их возросло еще больше. Падишаха приняли в комнату, которая была украшена красивее всех. Начали пить кофе и шербеты, заиграли разные-разные инструменты, сазы, птицы начали петь. Был устроен великий пир: ели такие кушанья и сласти, пили такие напитки, что ни на ум, ни в воображение не придет; фокусники, музыка развлекали всех до вечера. Под вечер, когда падишаху подошло время уезжать, он лично был приглашен молодецом в харем. Его ввели в большую комнату: спереди молодец, сзади

Дильрукеш, позади их подошла мать обоих детей и девушка, и все стали целовать полу у падишаха. Падишах смотрит на каждого, удивляется, от смущения не знает, что ему делать, а в это время, по знаку Дильрукеш, все сели вокруг падишаха, и Дильрукеш, начав с самого начала, рассказала до самого конца наш рассказ. Эти дети — его родные дети — поведали ему о том, что его жена невиновна, а падишах, еще немного — и умер бы от радости. Тотчас он заключил их всех в объятия и стал целовать. Все вместе отправились во дворец падишаха и устроили свадьбу Дильрукеш с молодым. Падишах в сильной ярости на двух сестер жены хотел их повесить, но потом помиловал их по их мольбам. А они раскаялись в том, что они натворили, и все до самой своей смерти проводили время в радости и наслаждении.

44. Гранатовые яблоки

 Когда-то у одного богатого человека была дочка, — такая красивая, что равной ей на свете не было. А сын его соседа, довольно-таки бедного человека, хотя и был много красивее девушки, проводил жизнь свою в тягостях. Чем больше молодец видел девушку, тем больше он в нее влюблялся, но так как лета у них были не такие большие, а родители обоих считали их детьми, то у родителей и в мыслях не было разлучать их друг с другом. Ведь это соседство — не так ли? И они и ночью и днем проводили время вместе. Как-то, в один из дней, когда девочка и мальчик играли в разные игры в саду, мальчик при каждом взгляде на девушку принимался охать да вздыхать. А девушка, хотя и понимает, что он загорелся к ней любовью, но не обращает на это внимания и во время игры спрашивает его: «Братец, я вижу: тебе плохо — не болен ли ты, что с тобой? Ты как-то ведешь себя совсем по-другому!» Лишь она это сказала, мальчик вздохнул от всей души и сердца: «Ах, сестричка, что я скажу, что поведаю? В сердце моем все разгорается огонь любви, любовь моя к тебе все растет», — говорит он. Как только он ей открылся, в душу девушки запала грусть: она как будто рассердилась на мальчика и, горько-горько плача — хынчкыра-хынчкыра! ¹ — побежала прямо к своей матери. А бедная жен-

щина, у которой она была единственным ребенком, не видела никогда, чтобы она плакала. Она, как сумасшедшая, бросилась к ней. «Ах, что случилось с моим ребенком?» И она обнимает ее, целует, ласкает. Как только она спросила ее о причине слез, девушка, душу которой от слов молодца все время охватывало пламя, как бы жалуется на него: «Матушка, сын соседа мне то-то и то-то сказал», — говорит она и начинает громко кричать. И вот матери обеих детей вступают друг с другом в перебранку и раздувают дело: «Ты, мол, такая, а ты — сякая!» Другие соседи, которые слышали это, все собрались; напрасно они говорят им: «Не надо, не надо!» — дальше — больше, и вот каждому становится известно, что у них случилось. Мать мальчика приходит домой и пристает с расспросами к сыну, а парень, — чему быть того не миновать! — выкладывает, что он полюбил девушку. Бедная женщина остолбенела. «Ах, дитяtko мое, на этом свете нет невозможного, но мы бедны, а они богаты, если мы сейчас возьмем за тебя эту девушку, то сколько надо расходов! Откажись-ка ты от этого, а там как-нибудь свалим все на ваше ребячество и дело это замнем». Но парень говорит: «Нет, матушка, весь мир сам по себе, а она — сама по себе². Если вы не сосватаете мне эту девушку, то знайте, что я погиб». И он настаивает на своем. Не будем затягивать! Как только наступил вечер, отцы обеих детей приходят к себе домой. Пока мать девушки рассказывала обо всем своему мужу, мать молодца уже приступила к делу. А отец его в тот день много трудился, чтобы заработать на хлеб, и, пускаясь во все тяжкие, еле раздобыл немного хлеба и сыру.

Едва он услышал такие слова, как у него глаза на лоб вылезли³. «Это что такое? Я с таким трудом каждый день стараюсь изо всех сил заработать что-нибудь на прожиток, а теперь — еще новая беда! Я и девушки знать не желаю, да и в такие дела не вмешиваюсь. Ступайте, маменька с сынком, сами делите вашего ягненка!»⁴ — говорит он, выходя из себя. Бедная женщина, как только наступило утро, отправилась прямо в дом соседки; с кучей охов и вздохов начинает она осторожно говорить о том, что ее сын сватает их дочь, а мать девушки и говорит: «Эй, мать моя, да ты в своем уме? Дочь мою сколько сыновей богатых сватали и дочери моей не понравились, да и отец не дал согласия, чтобы ее выдать; хотя сын твой еще красивее моей дочери, да с нуждою никакие дела не в ладу. Тот, кто возьмет нашу дочь, должен быть и красив и богат, потому что мы, родители, все на свете ради нее тратим, да и замуж мы ее не будем выдавать — она и сама не хо-

чет выходить замуж!» И она прекращает разговор. А девушка из охов и вздохов молодца смекнула, в чем дело, а так как она сама его горячо полюбила, то слова матери ее очень огорчили. В тот день до самого вечера она охала да вздыхала, потом заболела и надолго слегла в постель. Вечером отец, обеспокоившись болезнью девушки, спрашивает у жены, а та и говорит: «Кто же знает? — ведь она ребенок. Вчера она, поди, испугалась — с утра лежит, говорит, что болит голова». Говоря так, она успокаивает своего мужа.

Как бы то ни было, после обеда женщина, оставшись наедине с мужем, рассказывает ему, что говорила мать парня, а так как отец девушки был хитер, как джинн, то и говорит: «Эх, жена, ясно, что не только сын нашего соседа отдал сердце нашей дочери, но и она пылает его пламенем, и потому понятно, что от сурового ответа, который ты дала сегодня соседке, девушка взволновалась, — она и болеет от этого. Я выдам свою дочь за этого молодца, пусть он там беден и все такое; если только он принесет мне из сада кыр-дэва⁵ кисть гранатовых яблок, я выдам за него мою дочь. К тому же теперь дочь моя больна, а эти гранаты прописал, мол, ей хеким. Если он принесет их и избавит мою дочь от болезни, тогда я от всей души и сердца приму его, потому что этот паренек — по всему видать — молодец. Пусть нет у него добра и богатства, но тогда хоть наши друзья и приятели не будут говорить: зачем, мол, выдал дочь за такого? К тому же, если он это дело сделает, тогда будет видно, что он ее любит от души». Когда наступило утро, муж опять берется за свои дела, а парень пристает к своей матери и грозит ей: «Неприменно сосватай мне эту девушку или я вас убью». Что тут делать бедняжке? Она получила окончательный ответ от девушкиной матери; с каким лицом идти еще раз? — думает и гадает она. Но делать нечего. Под угрозами сына снова идет она к соседке, а сама ежится, жметя, еле тащится. Когда она пришла, глядь! — чуть девушка вздохнет, все в доме смолкает, а мать — в глубокой печали. У бедной женщины язык не поворачивается говорить, а мать девушки, видя, как ежится и жметя бедняжка, понимает, зачем она пришла. Она и говорит: «Эх, соседка! Мы не то что не отдаем нашу дочь за твоего сына, а вот так и так: пусть он принесет нам из сада кыр-дэва кисть гранатовых яблок, потому что хекими прописали дочери их как лекарство». Только она это сказала — та бедняжка на радостях начала превозносить аллаха, а девушка, едва это услышала, и говорит: «Ах, тот, кого

я люблю, это сделает, только бы не случилось чего с ним!» Она возложила все на аллаха, и сердце у нее немного успокоилось. А мать молодца приходит домой и рассказывает обо всем сыну. А парень от любви к девушке не то что сюда, а скажи ему: пойдя в преисподнюю — так прямо и пойдет! Он тут же говорит: «Ладно» — поскорее собирает по дому вещи, которые что-нибудь стоили, несет их прямо на базар, добывает немного денег, потом приходит домой и готовит запасы на дорогу. «Смилуйся, аллах, укажи мне правильный путь!» — с этими словами он выходит из ворот крепости и идет. Как только девушка получила весть о том, что молодец ушел, она сказала: «Мой любимый вернется и меня возьмет». И вот она позабыла про всякие болезни и только ждет его возвращения.

А парень, мало ли идет, долго ли идет, — в один из дней приходит к подошве какой-то горы. Пока он там стоял, кругом раздалась разные голоса, горы и камни зазвучали, как будто настал конец света. В душу его проникает страх. «Ой, в какое же место я попал: друг это или враг, ин или джинн?»⁶ — думает он. И вот он то вздрогнет, то пойдет дальше, а голоса все усиливаются, и ко времени, когда наступает утро, издали поднимается шум, и валит дым столбом. Не понимая, что это такое, он не знает, в какую сторону ему идти: вперед или назад. А это, оказывается, были талисманы, поставленные у входа в маленький сад кыр-дэва, расположенный на шестимесячном пути отсюда. Молодец прошел немного вперед и думает про себя: «Да ничего! Тут стадо диких животных, — вот они и воют. Если я подойду еще ближе, то я погиб». С этими словами он отходит к подножью одной горы и издали наблюдает за ними. В тот день до вечера, а с вечера до начала зари он наблюдал за ними; смотрит — а они не сходят со своих мест. «Помилуй, о аллах, спаси меня!» — говорит он. Пусть он там сидит в испуге, отдавшись на волю аллаха, а сторож у ворот того сада был, оказывается, из породы людей. Те талисманы как раз и передавали друг другу весть о приходе молодца в те места. Немного времени спустя этот сторож подошел к молодцу: «Эй, сынок, ты как в эти места пришел без боязни да и меня-то с самого вечера запугал: не знаю, что это со мной. Здесь — маленький сад кыр-дэва, а этот шум, который ты слышал, это шум талисманов из-за того, что ты сюда пришел. Что тебе надо?» — спросил он его, а парень рассказывает, в чем дело. Сторож говорит: «Сынок, это очень трудно. Я думаю, тебе с этим не справиться, однако есть один выход. Если пройти отсюда еще

два-три месяца пути, ты опять встретишь такое же место,— только смотри не иди вперед,— там тоже есть сад, а сторож в нем — моя мать. Если она, как и я, подойдет к тебе, передай от меня только селям, если что спросит — расскажи, в чем дело, не спросит — берегись, ничего не говори!» Так он сказал, а парень пустился в путь. Через некоторое время, опять под утро, поднимается шум, еще сильнее, чем слышалось прежде: по сравнению с этим шумом тот ничего не значит. Он немного знал дорогу — не так ли? — отошел к сторонке, посидел там, и вдруг является старуха в виде матери дэвов: волосы седые, глаза — дыры, брови дугой, из глаз пышет адский огонь, ногти — длиной в два локтя, груди, что бурдюки для масла, зубы — как лопаты, губы, что лохань для стирки белья. Сама чихает, сопит, сопли подбирает, клюшкой ударяет, пабучи за собой волочит, охает, задыхается, что говорит — не понять. Парень половину понимает, а половину не понимает и в ответ рассказывает, что с ним приключилось. Как только старуха сказала: «Ой, сынок, как это ты сюда пришел без страха?» — парень и говорит: «Сын твой тебе прислал селям». Только он это сказал, а она отвечает: «Ах, негодяй, ах, да где ты его видел? Он знал, что я столько лет на него гневаюсь, а тебя пожалею, и поручил тебя мне, так ведь? Ну, добро пожаловать! Уж на нем-то я сорву злобу, только давай сначала я твое дело кончу». С этими словами она берет парня за руку: «Возьми, Безухий», — кричит она и подбрасывает его вверх. И молодец, не понимая, что случилось, вдруг видит, что едет на чьей-то спине, будто верхом на коне, который свернулся, как черепаха, и у которого ушей и глаз не разберешь и что он такое — не поймешь. Подъезжают к одному ущелью — текут ручейки с журчанием — чагыл-чагыл!⁷ — а молодец боится, как бы не упасть. Тотчас тот Безухий, хоть на вид и был невелик, а в три шага перескочил через громадное ущелье, которое парню казалось морем без конца-краю⁸. Сбросив парня со спины, он повернул обратно: «Эй, сынок, что бы ты ни делал, что бы ты ни слышал, — смотри не подавай голоса, а не то твое дело плохо», — говорит он и удаляется. А парень думает: «Это какая-то невиданная земля — не сон ли я вижу?» Он встает и проходит немного вперед: кругом большой сад, без конца-краю, и разные невиданные на земле деревья, плоды, цветы; со всех сторон птицы, соловьи поют во весь голос, а парень идет и, совсем растерявшись, только осматривается кругом. Когда он вошел в сад, слышались разные скорбные голоса, как будто кто-то сердится, грустит, тоскует, но

он, как учил его Безухий, идет, ни на что не обращая внимания. А так как пришел он туда ради кисти гранатовых яблок, то он осматривается по сторонам: «Где-то я найду гранаты?» Но лишь только он увидел посреди сада — на берегу бассейна, в месте, похожем на замок, разукрашенный всякими цветами, — гранаты, висящие гроздьями, словно светильники и фонари, он и подумал: «Не иначе, как это то, что я ищу». Едва только он сорвал одну кисть, как раздался громовой крик, и парень совсем потерял голову. «На помощь! Сын человека посягнул на наши души!» Лишь только парень услышал такие слова, он берет кисть и пускается в обратный путь. От этого грома ему кажется, что сзади идет целая орда. Схватив кисть, он хочет бежать и не думает, что от этого будет еще хуже. Вдруг подоспел Безухий. «Скорей беги!» — кричит он, хватая молодца за ворот и тут же переносит его через пропасть. А молодец видит: в кисти пятьдесят гранатов, и каждый звучит особым напевом: сазы, барабаны — будто, сколько ни есть на свете инструментов, все они собраны в одном месте. Молодец, удивленный и взволнованный, идет своей дорогой. Идет, идет — приходит к женщине, а та говорит: «Сынок, ты смотри, эту кисть одну не оставляй, и в свадебную ночь ты с той девушкой, которую возьмешь, слушай звуки этих инструментов до самого утра. Если не заснешь, то эти гранаты тебя любят, и дальше, какая бы беда ни стряслась над тобой, ты с этих пор ничего не бойся: они тебя спасут. Ступай, иди своей дорогой». Он приходит к тому старику, и тот, поговорив с ним, прощается: «Ступай, сынок, будь здоров, не забывай того, что тебе сказала моя мать». А парень, шагая по дороге, от этой музыки позабыл весь свет: он не знает, куда идти, но у него в сердце нет кризисны, и аллах указывает ему правильный путь. За короткое время он приходит в свой город. Как только он вошел в ворота своего города, все приходит в изумление: весь народ сбегается к молодцу. «Помилуй, что это такое? Не антихрист ли это?» Все пугаются, а молодец, приосанившись, стучит прямо в двери к любимой девушке и прислушивается к тому, что делается внутри. Отец девушки только что встал; пока он пил кофе и курил чубук, вдруг, глядь! — в доме сазы, барабаны с неслыханными напевами и невесть что. (А о молодце-то, они, конечно, забыли). Этот человек когда-то слышал много чудесного о тех гранатах, и вот он, как был, так и выходит наружу; вдруг, глядь! — идет молодец, который сватал девушку, с кистью гранатов в руке. Этот человек бросается к ногам молодца: «Ах, сын мой, у меня на этом свете

осталось только это желание, но и его я достиг благодаря тебе. После этого не только дочь моя, но и все мое имущество, мои поместья — твой». И он созывает всех жителей квартала и обручает парня с девушкой. А ту гранатовую кисть вешают как украшение в комнате невесты, и музыка гранатов не перестает звучать. Сорок дней, сорок ночей играют пышную свадьбу.

С тех пор как он стал молодым мужем, они еще пожили в удовольствии некоторое время, а потом пришел смертный час для отца девушки, и он умер. А все его богатство досталось молодцу с девушкой. И вот они до самой смерти спокойно живут на одном месте.

45. Девушка-кофейщица

 было — не было, а в прежние времена был один бедный человек, и были у него девочка и мальчик. Этот человек решил отправиться в хадж вместе с мальчиком, но задумался о том, на кого оставить девочку. Об этом они с сыном много думали-гадали и под конец решили отдать ее имаму квартала. Пусть, мол, имам приходит каждые пятнадцать дней проведать девочку; если что будет нужно, пусть купит и принесет. Они сообщают об этом имаму квартала, и так как тот согласился, то отец стал готовиться в дорогу; повидавшись со своими друзьями-приятелями и распростившись со всеми, они вместе с сыном отправляются в путь.

Пусть они идут, а в этой стороне прошел месяц, так что уж пора бы имаму навестить девочку. Как бы то ни было, однажды имам вспоминает: «Стой-ка, что поделявает эта девочка одна-одинешенька? Может, ей что-нибудь надо?» — говорит он, встает и идет в дом девушки. Он стучит в дверь, девушка изнутри подходит к двери. Имам спрашивает, не надо ли ей чего-нибудь, а девушка говорит: «Нет, у меня пока все есть, мне ничего не надо». А имам говорит: «Ладно! Когда тебе чего-нибудь захочется, скажи мне». В это время имам увидел девушку из-за двери. Так как девушка была очень хороша собой, то имам в нее влюбляется. Он поворачивается и в раздумье идет домой. А в том квартале была одна старуха. Имам велел позвать эту старуху: «Помилуй, бабушка, делай, как хочешь, а только уго-

вори эту девушку и приведи ее ко мне в дом». Напрасно старуха говорила: «Помилуй, имам эфенди, как я могу уговорить чужую девушку?» Имам дает ей пятьсот гурушей и говорит: «Теперь ты, наверное, найдешь способ». Как только старуха получила пятьсот гурушей, она и говорит: «Ну ладно, для тебя постараюсь, но только мне никак не вывести ее из дому, разве только что в баню выведу. Ты скажи хозяину бани, пусть он завтра не пускает в баню ни одной души, а ты войди туда один и сиди; я приведу девушку в баню, а дальше уж твое дело». Так вот они и сговариваются.

Старуха идет оттуда прямо в дом девушки, стучит в дверь, а девушка не хочет ей открывать. Старуха старается и так и этак; наконец, уговорив ее открыть дверь, она входит в дом. «Ах, доченька, я ведь знавала твою мать; услышала я, что ты вот осталась одна, и пришла поразвлечь тебя немного». А девушка осталась очень довольна словами старухи. В ту ночь она не отпускает ее, а оставляет у себя как гостью. И вот они укладываются спать. Когда наступило утро, старуха говорит: «Ну-ка, доченька, вставай, приоденься; дай-ка я сведу тебя в баню, а потом сегодня у моллы¹ свадьба, мы пойдем туда, и ты немного повеселишься». Девушка не хочет поддаваться обману, но старуха уговаривает: «Не бойся, доченька, неужели я захочу сделать тебе какое-нибудь зло? Немного прогуляешься, а потом я опять приведу тебя домой. Никакого тебе вреда не будет»,— говорит она и вынуждает девушку согласиться. Девушка одевается и вместе со старухой выходит на улицу. Они идут прямо в баню; старуха через дверь вталкивает девушку внутрь бани. «Иди, доченька, входи, мойся, у меня тут кое-какое дело есть: я пойду, а потом опять приду»,— говорит она, оставляет там девушку, а сама скрывается. А девушке почем знать, что будет? Входит в баню, смотрит: в бане никого нет. Пока она думала: «Что же это, мол, такое?»— выходит имам и начинает к ней приставать. Девушка говорит: «Помилуй, имам эфенди, не будь таким нетерпеливым; здесь никого нет, я— твоя, ты— мой. Давай только сперва помоем хорошенько друг друга, а там и найдем свое удовольствие». Так она уговаривает имама. Девушка говорит: «Иди, имам-эфенди, ты вперед раздевайся, я тебя помою, а потом и ты меня вымоешь». Имам соглашается: раздевается и садится перед раковиной. Девушка, натерев голову имама мылом, хорошенько взбивает пену и мыльной пеной залепляет имаму все лицо. Потом она выбегает оттуда, набрасывает на себя фередже и уходит. Выйдя из бани вон, она

пишет на двери: «Летом вошла, осенью вышла, девушкой вошла, девушкой вышла»². А здесь имам над раковиной ждет-ждёт: никто не идет ни туда, ни сюда. Он сам обмывает себе лицо, выходит оттуда, ищет девушку, но вместо девушки свищет ветер. На двери он видит надпись, сделанную девушкой. «Вай анасыны, эта девка меня обманула! Стой, я ей покажу — она меня до самой смерти не забудет», — говорит он и идет домой.

После этого проходит довольно много времени. Пока отец девушки совершал хадж, имам пишет бедняге: «Хоть ты и поручил мне свою дочь — она пошла по скверной дорожке; день и ночь дверь ее дома открыта; кто к ней входит и кто уходит — неизвестно» — и отсылает письмо. Как только письмо дошло до отца девушки, бедняга чуть не умер с горя: «О ужас, дочь моя меня опозорила! С каким лицом приеду я теперь к себе на родину? Чем иметь таких детей, лучше не иметь их совсем», — думает он и говорит сыну: «Ну-ка, сынок, отправляйся, поезжай на родину вперед меня; возьми свою сестру, выведи ее в степь, сруби ей голову, а я подоспею вслед за тобой». И мальчик отправляется по приказанию отца, приезжает на родину, смотрит: сестра его живет, как полагается — плохого ничего нет. Однако не выполнить отцовского приказания нельзя; он и говорит девушке: «Пойдем-ка с тобой, выйдем навстречу нашему отцу как можно дальше, а то он отстал». А девушка поверила словам своего брата, надевает фередже, и они вместе с братом выходят в степь. Когда они пришли в безлюдное место, мальчик и хочет зарезать девушку и не решается; мало-помалу он рассказывает девушке о приказании отца: «Что мне делать? Я не могу не выполнить приказания отца, а зарезать тебя не могу из жалости к тебе. Ступай отсюда, куда твои глаза глядят», — говорит он, бросает там девушку, а сам поворачивается и идет домой. А теперь перейдем-ка к девушке.

Так как девушка осталась одна-одинешенька в степях аллаха, она горько-горько плачет и идет, спасая свою голову. Идет она, идет, подходит к роднику; со страху она влезает на дерево и садится там. А в тех местах был один бей. Конюх этого бейя каждый день поил коней из этого родника. В тот день конюх опять приходит; когда он поил коней, они, увидев в воде отражение девушки, фыркают и воду не пьют. Как ни старался конюх, он не добился того, чтобы они пили воду. Тогда он идет к бейю и докладывает: «Кони не пьют воду, должно заболели», — говорит он. А бей встает и вместе с конюхом идет к роднику. Чуть глянул в

воду — видит отражение девушки. Когда он поднял голову вверх, глядь! — на дереве сидит девушка, такая же, как четырнадцатидневная луна. Как он ни говорил: «Девушка, сойди вниз!» — девушка от страха не спускается. Уговорив ее кое-как, он заставляет ее сойти, потом забирает ее с собой и приводит к себе в конак. А бей, оказывается, был холост. Он-то хочет взять девушку в жены по закону аллаха, но его мать говорит: «Я не хочу, чтобы у меня была невесткой такая дикарка». Но так как девушка была очень красива, бей говорит: «Будь что будет, а я ее возьму» — и велит обручить ее с ним. После свадебного праздника он и девушка стали жить вместе. Но мать бей невзлюбила девушку и всегда звала ее дикаркой.

Как бы то ни было, проходит один день, проходит три дня... вдруг девушка становится тяжелой. Как только прошло девять месяцев и десять дней, она рождает мальчика, и его передают кормилице. Пусть он растет, — такова сказка, — а девушка, снова затяжелев, рождает на этот раз девочку. С этих пор радостям бей нет конца: от любви к детям он чуть не потерял рассудок. И вот мальчику исполнилось два года, девочке — один. Однажды, когда дикарка сидела, ей вспомнился отец, и она стала плакать. И так плакала, что у нее от плача опухли глаза. Приходит бей. Как только он увидел, что она плачет, он спрашивает о причине, а она говорит: «Как мне не плакать? У меня есть отец, есть брат; вот уже сколько времени, как я с ними разлучена. Хотя здесь мое прозвище — дикарка, я — дитя своих отца и матери. Я хочу поехать повидать их да к тому же показать моих детей: пусть они посмотрят». А так как бей очень любил девушку, он никогда ей не перечил. «Хорошо. Раз так, я отправлю тебя к твоему отцу, а потом, через несколько дней, приеду и сам», — говорит он и велит сделать приготовления в дорогу. Он сажает девушку с детьми в повозку и приставляет к ней одного-двух человек и конюха. Конюху он говорит: «Ну, сперва аллах, а потом — ты³; заботься о ней хорошенько, чтобы в дороге ей не было тяжело» — и отсылает их.

И вот они выезжают в путь; едут до вечера, приезжают в степь; им приходится в ту ночь остановиться там на ночевку. Они разводят огонь, едят, и каждый отдыхает; потом засыпают. Когда настала полночь, конюх поднимается, идет к девушке и говорит: «Еще когда бей заставил тебя сойти с дерева, ты мне приглянулась; теперь моя очередь, возьми меня к себе, — я посплю с тобой». Напрасно девушка говорила «Уйди вон от меня, я тебе не

отдамся», конюх говорит: «Тогда тебе конец — будь я не я!» И они начинают спор. Конюх говорит: «Если ты мне не отдашься, зарежу твоего мальчика!» С этими словами он берет и убивает мальчика. Проходит немного времени, он приходит снова. «Или ты отдайся мне, или на этот раз зарежу твою девочку!» Девушка опять ему не отдается, тогда конюх берет и убивает девочку. Проходит еще немного времени, конюх опять приходит: «Или ты мне отдашься, или я тебя убью!» — «Убьешь, так убивай, а чести своей я не запятнаю», — говорит она, и конюх бросается на нее. Девушка видит, что от него не спастись, и говорит: «Помилуй, потерпи немного, я выйду наружу, сделаю свои дела, а потом приду, и мы ляжем друг другу в объятия: я — твоя, ты — мой». Конюх говорит: «Да если ты выйдешь наружу, ты назад не придешь». — «Ах, как же не приду? Куда я могу пойти в такую полночь? Не веришь — привяжи к моим ногам веревку: если я не приду, ты потянешь веревку за кончик и волоком втащишь меня внутрь». Поверив этому, конюх привязывает веревку к ноге девушки и выпускает ее. Девушка вышла наружу, обмотала там веревку вокруг одного куста, а сама бросилась бежать. И вот в темноте ночи бедная девушка с трудом бежит, унося ноги.

Пусть она так бежит, а здесь конюх ждет-пождет: со стороны девушки — ни звука. Он выходит наружу, глядь! — конец веревки обмотан вокруг куста, а вместо девушки свищет ветер⁴. Тогда он скорее будит остальных людей. «Эй вы, вставайте! Чего спите? Глядите: эта человечина даже своих детей убила, а сама убежала!» — кричит он. Все просыпаются, ищут девушку и не могут найти. Что тут делать? Они возвращаются назад и приходят к бегу. Бей удивился тому, что они так скоро вернулись. «Ну как, отвезли?» — спрашивает он. А они рассказывают, что случилось: «Когда мы спали, она вышла, зарезала своих детей, а сама убежала; мы даже ничего и не знали», — говорят они. А мать бег говорит: «Разве я тебе не говорила, что она — дикий человек? От нее добра не будет. Ты меня не послушал; вот она детей твоих погубила да и сбежала». Бей очень сильно сокрушался об этом. «Я этому не верю, — говорит он, — тут непременно что-то да есть». А мы теперь перейдем-ка к девушке.

Девушка в той стороне⁵ бежит-бежит, встречает пастуха. «Смилуйся, пастух! Давай-ка поменяемся с тобой одеждами: ты возьми мои, а я возьму твои». А пастух видит, что ее одежды все расшиты шелком, и соглашается; он раздевается, дает девушке свои одежды, а девушка отдает свое платье пастуху, сама же на-

девает его одежды. Потом она идет-идет и приходит в страну своего отца. А отец ее был хозяином кофейни в том городе. Она приходит прямо в кофейню отца: «Сделай милость, дядюшка кофейщик, я — безродный, не возьмешь ли ты меня в подмастерья?» Отец ее видит, что это пастух. «Что ты, милый? Да что понимаешь пастух в кофейном деле?» А девушка просит и молит своего отца: «Я буду тебе мыть чашки для кофе, носить воду, подметать: ты только корми меня, больше мне ничего не надо», — говорит она и убеждает его согласиться.

И вот пусть девушка там служит, а в этой стороне бей берет с собою конюха и отправляется в путь-дорогу искать девушку. Он ездит из деревни в деревню, из города в город и вот однажды приезжает в страну, где находилась девушка, и прямо останавливается гостем в кофейне отца девушки. Увидев его, девушка его узнала, но не произнесла ни звука. Как бы то ни было, бей гостит там одну-две ночи⁶. Раз вечером, когда имам-эфенди, отец девушки, ее брат, бей и конюх бея сидели и вели беседу о том и о сем⁷, они и говорят девушке: «Эй, пастух, а ты не знаешь ли чего-нибудь, чтобы нам рассказать?» И девушка говорит: «Что мне знать? Что знает пастух? Но вот я слышал от матери сьбей одну сказку; желаете — я вам ее расскажу». А они говорят: «Очень хорошо, рассказывай, почему бы нам не желать?» А девушка говорит: «Хорошо, но только сказка, которую я буду рассказывать, очень длинная, вставать и выходить за дверь уже будет нельзя. Если кому надо выйти по своим делам, пусть выйдет сейчас, потом я не пушу», — говорит она. Все соглашаются с тем, что сказала девушка: каждый выходит наружу, и, справив свои дела, все собираются около девушки, а девушка, крепко закрыв дверь кофейни на засов, садится и начинает рассказывать: «Вот... было — не было, а в прежние времена была одна девушка. Отец той девушки собрался отправиться в хадж, а дочь свою поручил имаму квартала. И вот этому имаму девушка приглянулась; как ни старался он заполучить ее, девушка не попала, убежала. Тогда имам, видя, что девушка убежала, послал отцу ее весть, что у дочери его дверь открыта и неизвестно, кто к ней входит и от нее выходит».

Имам это слышит. «Ой, мои проделки выплывут наружу», — думает он. Напрасно он говорил: «Ах, ах, у меня сердце болит, я выйду наружу!» Девушка отвечает: «Нет, выходить наружу нельзя — я с вами условился заранее». Раз она так сказала, то что же делать имаму? — он садится на свое место. Девушка снова

начинает рассказывать: «И вот... после этого отец той девушки по сообщению, посланному имамом, посылает из путешествия своего сына, чтобы он пошел и убил свою сестру. Мальчик приходит на родину и, хотя видит, что за девушкой нет ничего дурного, однако, чтобы выполнить приказание отца, выводит свою сестру из города, а там, не решаясь ее убить, отпускает: «Ступай, мол, куда глаза глядят»⁸. А девушка, спасаясь, уходит одна и идет. Идет она, идет, подходит к источнику. Там девушку встретил один бей. Он берет ее себе в жены и приводит в свой дом, а там мать бея не хочет ее принимать, называя ее дикаркой. Как бы то ни было, она рождает от бея мальчика и девочку. Однажды девушка вспоминает про отца и брата и начинает плакать. Бей, видя ее слезы, поручает конюху свезти ее к отцу. А в пути тот конюх пытался посягнуть на ее честь. А когда девушка не согласилась на это, он убил ее двух детей».

Как только девушка это сказала, конюх и говорит: «Ой-ой, у меня сердце схватило, я выйду наружу!» — встает и хочет выйти. Бей, поняв, в чем дело, бросается вперед, убивает имама, а потом и конюха, а в пастухе признает свою жену. Девушка тут же бросается в объятия своему отцу и брату. Все они стали плакать от радости, и девушка рассказывает все, что произошло с ней — от начала до конца. Бей покупает в той стране конак, снова после праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей вторично берет за себя девушку, достигает своего желания, и живут они на том месте до самой смерти. Они достигли своего желания, достигнуть бы и нам!

46. Сказка о красавце-водоносе

 Повествователи событий и передатчики преданий¹ рассказывают так, что в давние времена у падишаха и везира было по одной дочке. Однажды, когда они глядели друг на друга из окна и разбирали одна другую, через дорогу проходил красавец-водонос. Дочь падишаха говорит: «Красавец-водонос, красавец-водонос! Кто красивее: дочь везира или я?» Только она так сказала, водонос говорит: «О султанша, и обе-то вы красивы, но дочь везира много лучше». И с этими словами он проходит мимо. Тут дочь падишаха возненавидела дочь везира. Немного

спустя эта девушка заболевает и ложится в постель. Падишах призывал хекимов и ходжей, и они осматривали девушку, а девушка вложила в руку одному хекиму пригоршню золота и говорит: «Скажи-ка моему отцу, что до тех пор, пока он не убьет дочь везира и я не выпью ее крови, лучше мне не станет». И этот хеким, придя прямо пред очи падишаха, сказал: «О падишах, до тех пор, пока вы не убьете дочь везира и султан-ханым не напьется ее крови, она не поправится». Падишах отдает приказ; об этом сообщают везиру. А везир, не имея сил убить дочку, зарезал котенка и послал его кровь, а потом велел сделать ореховый сундук, закрывающийся на задвижку изнутри, посадил туда девушку отнес на толкучку² и отдал на продажу с торгов. Проходя мимо, красавец-водонос увидел тот сундук, подошел к теллялю, отдал деньги и взял сундук. Потом он передал сундук хамалу и пошел к себе в комнату. Перенеся сундук в комнату, где он спал, он его там и поставил. Когда наступило утро, этот красавец-водонос вышел из дому. Пока он уходил, девушка выходит из сундука, хорошенько подметает комнату, постилает постель и, снова войдя в сундук, укладывается там. Когда наступил вечер, приходит красавец-водонос и вдруг видит: комната подметена, постель постлана. «Да кто же это сегодня приходил сюда?» — все раздумывал он; наконец к ночи он лег. Когда наступило утро и он ушел, девушка, пока он уходил, таким же образом подметает комнату и постилает постель, а когда наступил вечер, она входит в сундук и укладывается. А потом приходит этот красавец-водонос, смотрит — что ты думаешь? — опять постель постлана! Остановившись, он призадумался. Затем он подошел к сундуку и сказал: «Эй ты, бездельник! Кто там ни есть, выходи!» Оттуда ни звука. В ту ночь он лег спать, а когда наступило утро, он купил у мясника мяса, принес и положил его у себя в комнате. «Иншаллах, завтра сварю», — говорит он сам с собой. Потом он встает и уходит, а девушка, выйдя из сундука, все кругом подмела, сварила мясо, положила его на блюдо, а сама занялась стиркой белья. Вдруг входит в комнату красавец-водонос, глядь! — а девушка стирает белье. А девушка, лишь только увидела его, воскликнула «Ай-ай!» и закрыла лицо подолом³. Красавец-водонос говорит: «О султанша моя, ты — моя, я — твой. Тут уж нечего бежать: видно, ты — моя суженая». Он сейчас же собрал несколько человек, обручился с этой девушкой, и они стали жить в любви и согласии.

Как-то раз этот красавец-водонос нагрузил сорок мулов день-

гами и отправил девушку и животных к своей матери. Девушка поехала и стала там жить. Однажды жители того квартала посылают красавцу-водоносу письмо: твоя, мол, жена стала распутной женщиной. А красавец-водонос берет в руку кинжал, едет в дом своей жены, входит в дверь дома; девушка встречает красавца-водоноса с двумя серебряными подсвечниками в руках. В то время как красавец-водонос намеревался ударить девушку (а перед домом была речка), девушка бросается в речку. Речка ее приняла и выносит прямо в море. А там сидели три рыбака; пока они ловили рыбу, девушка и попала к ним в сети. Рыбаки вытащили сети, вдруг, глядь! — что ты думаешь? — на крючке⁴ девушка. Старший из них говорит: «Я ее возьму». — «Как, ты возьмешь?» И они начинают спорить. Один из них говорит: «Давайте-ка пустим вот эту стрелу: кто побежит и принесет ее, тому и достанется девушка». И вот они выпустили стрелу, и все трое бросились вслед за ней. Тогда девушка убегает отсюда. Идет она, идет, встречает одного старика. «Ах, девушка, я тебя непременно возьму, так не оставляю. Что ты скажешь?» — сказал он. А девушка всовывает в обе руки старика подсвечники и бежит и от него тоже. Идет она, идет, подходит к источнику, садится. И вот сын падишаха увидел ее, забрал отсюда и женился на ней.

Теперь девушка говорит: «О шахзадэ! Вот этот источник пусть красиво отделают, так чтобы все пьющие из него воду видели в нем мое изображение». Шахзадэ велел отделать источник, как сказала девушка. Немного спустя пришли те три рыбака и стали пить воду из источника; как только они увидели красоту девушки, они упали туда, потеряв сознание. Потом пришел тот старик, и он также, пока пил воду, свалился туда, потеряв сознание.

Однажды пришел красавец-водонос и, когда пил воду, упал без чувств. А девушка наблюдала за ними из окна. Она сказала шахзадэ, и их тотчас забрали отсюда и посадили в тюрьму. Однажды девушка и шахзадэ приходят к ним, и она говорит: «Шахзадэ, этот рыбак вытащил меня из моря, а этот старик оскорбил меня. Это — красавец-водонос; раньше он был моим мужем». — «Ах, султанша, так вот что?» Тогда они отпускают рыбака, отсекают голову старику, а потом шахзадэ отдал девушку красавцу-водоносу. «Иди, живи себе спокойно», — сказал он. Красавец-водонос взял девушку от него и привел ее прямо-хотько к себе в дом. И девушка рассказала все, что с ней приключилось — одно за другим. Красавец-водонос опять обручился

с девушкой. Сорок дней, сорок ночей шел свадебный пир⁵; на сорок первую ночь он вошел в гердек⁶, и они достигли своих желаний.

Тут этой сказке конец, и на этом прощай!

47. Брат и сестра

 было — не бывало, а на свете дѣла было немало¹. В одно время был человек по имени Ахмед-ага. Этот человек был довольно богат; у него была только одна жена. Ничто его не огорчало... только то, что у него не было ребенка, и ночь и день не давало ему покоя. «Аллах дал мне столько богатства, прославил меня; если бы дал еще дитя, у меня на душе не было бы никакой тоски и печали; к тому же, когда я умру, все мое богатство досталось бы ему»,— говорил он на каждом шагу. «Да и, может быть, дитя мое будет меня помнить и молить аллаха о моем прощении»,— думал он постоянно.

Как-то ночью ему очень взгрустнулось, он положил перед собой деньги, вырученные им от торговли, вспомнил и о другом своем имуществе и говорит своей жене: «Лучше было бы, если бы аллах не дал мне столько денег и имущества и я бы с трудом зарабатывал хлеб, да был бы у меня ребенок — это было бы лучше». Как только он так сказал, жене его стало тяжело, и она говорит своему мужу: «Дай хоть я женю тебя своими собственными руками! Раз я не рождаю ребенка, ты не оставайся из-за меня без радости на этом свете: может быть, твое желание и исполнится». Как только она это сказала, муж и говорит на эти печальные слова жены: «Если бы я знал, что ты, рассердившись, так перевернешь мои слова, я бы тебе этого не говорил». Он встает со своего места и ложится в постель. А жена молится аллаху: «Смилуйся, о аллах, ты все знаешь,— пошли нам и эту радость». Долго еще молилась и размышляла она. Наконец она ложится, и они засыпают. И вот в ту ночь жена видит сон: пока она сидела у берега моря, из воды выходит морская дева; в руке у нее горшок; она говорит: «Скажи своему мужу, что аллах послал вам вот это счастье, пусть придет и возьмет его». Как только жена услышала эти слова, она бежит оттуда прямо до-

мой — а все это во сне — и, кажется ей, будит мужа, наспех тормошит его, чтобы послать на берег моря; а муж будто просыпается, не может понять, в чем дело, в испуге вскакивает, а от этого просыпается и жена. Он спрашивает ее: «Что с тобой?» А та говорит: «Со мной — ничего, а ты вот чего вскочил, как бешеный, да меня разбудил?» — «Эх, душенька, да ты меня толкала, а я спресонок, не понимая, в чем дело, от страха и проснулся!» Когда он так сказал, женщина и говорит: «Помилуй, эфенди, совсем не так: я сейчас видела сон, — да пошлет нам аллах добро! — хороший сон». Муж говорит: «В добрый час, иншаллах, ну-ка расскажи, что ты видела». Женщина сказала: «Вышла морская дева, в руке у нее горшок, а сама и говорит: «Айда, ступай скажи своему мужу, пусть придет за ним и возьмет его — это счастье вам послал аллах». И я на радостях поскорее пошла домой, а ты спишь; пока я старалась тебя разбудить, я и сама проснулась, оттого что ты, как встрепаный, вскочил!» Не успела она это сказать, муж и говорит: «Выходит, что я не зря проснулся. Так это из-за сна. Ну, может быть...» — говорит он. Они снова ложатся и засыпают, но радость жены не покидает ее.

Когда наступило утро, женщина говорит: «Айда, сходи-ка разочек на берег моря! Этот сон, который я видела, был не зря — не иначе, как счастье к нам привалит». А муж говорит: «Жена моя, душенька, не сходи с ума! Разве можно найти счастье на берегу моря только потому, что мы сейчас видели сон? Если б даже аллах и послал его, то сделал бы это как-нибудь иначе. Да и куда там ни шло — мы ведь сказали: в добрый час!² Посмотрим, что дальше будет». Так он говорит, а жена насеждает на него: «Дружок, разочек сходи, ведь тебя море не проглотит, ведь это — судьба: может быть, аллах через это нас осчастливит». И вот, так как Ахмед-ага, ежечасно погружаясь в думы, стал поддаваться разным мыслям, то он, под влиянием просьб жены, говорит: «Ну ладно, пойду, схожу разок! Кто знает, может и впрямь это неспроста!»

И он идет прямо на берег моря. Когда он там прохаживался туда и сюда, глядь! — какой-то предмет, поднимаясь на волнах, плывет прямо к берегу. Только он это заметил, он и думает: «Помилуй, аллах! Что это может быть? Подплывет ближе — посмотрю». Пока он так рассуждал, из воды мало-помалу выплывает горшок; сверху горшок крепко-накрепко завязан. Муж и боится и в то же время радуется: «Вот и появилось то,

о чем говорила жена, — думает он, — но что же там внутри, ну-ка открою да посмотрю: если хорошее, так это от аллаха». Чуть только он со словами «бисмиллах» открыл горшок, глядь! — а там два новорожденных младенца: мальчик и девочка. Ахмед-ага увидел их и очень обрадовался, что сбилось то, о чем он думал каждый день, а из-за мальчика чуть с ума не сошел, — так и хотел прижать детей к своей груди! Тотчас он снимает со спины хырку³, старательно укутывает их и бегом бежит домой. Лишь только он стукнул в дверь и жена, открыв, увидела этих ребятишек, которых он обнимал, она бежит, словно хочет с лестницы кинуться, берет одно дитя, и оба, сумасшедшие от радости, не могут досыта нацеловать и наласкать этих детей. А ребятишки проголодались и начали плакать: ювей-ювей⁴. Тогда только жена и муж опомнились: «Теперь, чтобы их кормить грудью, надо разыскать мамку». И они тотчас же находят в своем квартале бедную женщину, кормящую грудью, сулят ей много денег и ведут к себе. Как бы то ни было, женщина одну грудь сует в рот одному, другую — другому и кормит ребятишек досыта. На следующий день Ахмед-ага ищет-ищет и силою денег находит двух мамок.

Пусть они кормят и растят детей, а в одном городе у одного человека так же, как и у Ахмед-аги, не было детей. Так как он был очень богат, то он, сверх жены, завел себе одалиску⁵, купив на базаре одну девушку. Однако его прежняя жена эту девушку возненавидела и готова была, если бы сумела, утопить ее в ложке воды, но что же ей делать? Из страха перед мужем она не может ничего поделать⁶. Днем, когда он уходил по своим делам, она допекала бедную девушку, и девушка тысячу раз на дню сожалела о том, что была сюда продана, но что поделаешь? — это было не в ее власти. Так как у девушки совесть была чиста, она никому ничего не говорила и переносила самые обидные слова и притеснения той женщины. Однако не проходит много времени, как у нее начинает расти живот. Женщина, лишь только поняла, что та скоро родит ребенка, окончательно стала ей врагом, а та, бедняжка, и не обращает на это внимания, но все же, когда остается в одиночестве, охает и вздыхает, заливаясь слезами, а горя своего никому не рассказывает.

Не будем затягивать! Когда пришло время, начинаются легкие боли и приближаются роды, а первая жена от зависти выходит из себя. «Теперь, если она родит, муж мой совсем отвернет от меня свое лицо и крепко ее полюбит, а потом, когда он умрет,

все богатство отойдет ее ребенку, а я останусь на улице», — раздумывает она. Она идет к одной старухе, хитрой колдунье, живущей по соседству, и все ей рассказывает, а так как та как раз жила тем, что обделывала такие дела, то она тут же сказала женщине: «Дочка, не беспокойся: это очень просто, ты только должна дать денег три-четыре тысячи гурушей, а я все это дело обделаю». Не успела она это сказать, как женщина ответила: «Помилуй, бабушка, ты только найди способ, а денег я тебе дам больше, чем ты просишь». Старуха думает про себя: «Вот нашла еще одну дуру» — и, очень довольная, говорит женщине: «Ты, дочка, не кручинься: сейчас же, как только боли у девушки станут сильнее, зови меня». Женщина встает и уходит домой, а старуха тем временем направляется на дом к повитухе, рассказывает ей обо всем, а та говорит, что она уж найдет какой-нибудь способ. Так как на следующий день боли у девушки увеличились, первая жена идет к мужу: «Позовем-ка ходжа-ханым, нашу соседку, она рожала много детей, прожила много дней, вещи лучше нас понимает, а потому сделает все, что нужно». Только она это сказала, как муж от радости, что его глаза увидят ребенка, говорит: «Помилуй, жена, не медли, зови скорее бабу!» Женщина, в страстном желании обделать это дело, идет к колдунье и рассказывает ей, а так как у той дело было заранее обделано, то она идет, зовет бабу, а та, в надежде сорвать денег, кладет себе в узелок дохлую змею и приходит. Так как в доме никого другого не было, а время девушкино пришло, то, как только девушка родила мальчика и девочку, бабка поскорее прячет младенцев в глиняный горшок, а перед девушкой кладет дохлую змею. И мужу посылают сказать, что девушка, мол, родила беду. Ночью, завязав тот горшок, его отправляют с ведьмой, чтобы та бросила его в море. А бедная девушка, когда родила детей, правда, видела, что их положили в горшок, но от сильных страданий не могла толком понять, в чем дело, да и никому не могла открыть свою тайну. Это как раз и были те дети, которых нашел Ахмед-ага. И вот, когда муж услышал о том, что девушка родила беду, он очень опечалился и совсем отвернулся от девушки, раскаявшись в том, что он ее взял; он надел ей на спину старое фередже и выгнал ее на улицу. А у бедняжки никого-никого не было. И она говорит: «Это мне тоже от аллаха. Что поделаешь? — буду терпеть то, что написано мне судьбой». И, укротив свое сердце, она пускается в путь.

Мало ли идет, долго ли идет, с горы на гору идет одна, тоской полна⁷. В тот день она идет до самого вечера. Кругом спускаются

сумерки, и каждая гора, одна за другой, звучит по-своему. В сердце девушки проникает страх, она рыдает еще больше, подходит к истоку реки, и у нее из глаз, вместо слез, капает кровь⁸. Она остается совсем беспомощной, а в животе точно бубен звенит⁹; с одной стороны — усталость, с другой — страх, а сама — с пустыми руками. Что тут делать? «Влезу-ка я хоть на это дерево и просижу там до утра: что-то аллах пошлет?» И вот она залезает на дерево; там она то поплачет, то поспит. И вот, когда кругом стало светлеть и начала заниматься заря, девушка тотчас спускается с дерева. «Может быть, какой-нибудь путник или какая-нибудь деревня встретится мне, и там я достану кусок хлеба, — думает она и пускается в путь. Долго еще идет она, и вот уже от голода нет у нее сил идти: она ищет места, куда бы упасть. И вот, лишь только она увидела, что с другой стороны идет стадо баранов, она собрала еще немного сил: «Наверно, при стаде есть человек, может, он пожалеет меня, даст немного поесть». Тогда она идет навстречу этому стаду, видит — старый пастух, с седой бородой; она подходит к нему, приветствует, говорит: «Селям», а тот принял ее селям и говорит: «Эй, бедная девушка, ты что здесь бродишь одна, откуда ты пришла?» А девушка говорит: «Смилуйся, дедушка! Если есть у тебя немного хлеба, дай мне; поем я немного и расскажу, что со мной случилось». Старик пожалел ее: вытащив из сумы кусок хлеба, дает ей. Когда девушка села и поела, она собирается с силами и рассказывает пастуху все, что с ней произошло — одно за другим. От всего того, что девушка, плача и всхлипывая, рассказала, сердце пастуха разорвалось на части; он взял девушку и отвел в свою хижину. У него была жена да двое детей: дочь и сын; он рассказал обо всем жене, и оба сделали девушку своей приемной дочерью.

Время, приди, время, уйди! Девушка живет с ними и никуда не уходит; она живет очень хорошо и даже забывает перенесенные ею страдания, но тоску по детям она никак не могла изгнать из своего сердца: она не могла удержаться, чтобы каждый миг не проливать слезы. Как бы то ни было, пусть она там живет, а мы перейдем к тем первым. Те дети растут и достигают возраста восьми-десяти лет. Брат и сестра отправляются в школу. Сила и ловкость мальчика растут так быстро, что он уже выступает один против сотни людей. В сказках быстро все делается! — и вот достигают они тринадцати-четырнадцати лет. Когда мальчик однажды играл со школьными товарищами, ребята позавидовали его превосходству во всех играх и, разозлившись, сказали

ему: «Ступай отсюда, ублюдок без отца и матери! Откуда ты появился? Ахмед-ага, которого называют твоим отцом, нашел тебя на берегу моря». И мальчик очень огорчился этим; он сразу идет к своей матери, плачет и кричит. Когда он рассказал то, что ему говорили ребята, мать говорит ему: «Нет, сынок, они тебе сказали неправду». И она немного утешила его; однако оба они — брат и сестра — той ночью во сне видели хижину пастуха, в которой находилась их настоящая мать, а когда они беседовали с ней, то родившая их девушка, а ныне приемная дочь пастуха, рассказала своим детям все, что с ней случилось. И вот, когда утром брат и сестра проснулись, они говорят друг другу: «Я видел этой ночью сон», а другая говорит: «И я видела; ты — какой?» — «Такой». — «И я такой видела». Так они говорили и видят, что у обоих один сон. Тогда мальчик понимает, что то, что говорили ребята, не ложь. Тогда он идет к отцу, рассказывает ему свой и сестрин сон. Что тому делать? «Да, дети мои, я нашел вас на берегу моря, но до сих пор не знаю, кто вас родил». Как только он так сказал, оба они — брат и сестра — стали рвать на себе волосы. «Ах, мать наша жива, она живет в пастушеской хижине, а мы живем здесь!» — кричат они и рыдают навзрыд. Муж и жена совсем потеряли рассудок. Напрасно они и успокаивают и утешают детей разными словами, — мальчик сказал: «Я не останусь тут: я непременно пойду и разыщу свою мать». Тотчас он оставляет там свою сестру, выходит из ворот крепости и идет.

При своем молодечестве, он, тоскуя по матери, приходит в одну землю и, не останавливаясь, идет дальше, так что летящая птица за ним не поспевает, потому что, когда он видел во сне свою мать, она сказала ему, где та земля, в которой она живет. Словом, расскажем короче, не будем себе голову морочить¹⁰, — в сказках быстро все идет. Молодец идет день, идет пять дней, — не знает ни голода, ни страха, гонит вперед без остановки. Однажды, когда он шел среди гор, выползает перед ним семиглавый дракон. А молодец побаивается, так как никогда не видел такого зверя. «Что это может быть?» — подумал он и остолбенел. Тот дракон сразу пересекает ему дорогу и становится на пути, а молодец, когда выходил из дому, не взял с собой ничего из оружия. Сейчас же, как он увидал, что дракон остановился против него, он в тоске по своей матери кликнул клич во всю молодецкую силу, — горы и камни зашатались: тынгыр-мынгыр!¹¹ Он берет с земли камень и как бросит его: у дракона так и вылетел рассудок из голов! Едва только камень поразил его, он падает на том месте,

где стоял, и говорит молодцу: «Если ты мужчина, бей еще раз!» — но молодец отвечает: «Меня мать родила один раз» — и проходит дальше. А дракон издыхает там. Снова идет он без остановки. Мало-помалу подошел он к ручью, около которого как-то ночью ночевала его мать, и говорит: «Посижу-ка я здесь немного». И он садится под деревом. Так как с тех пор, как он ушел из дому, он не останавливался, и не присаживался, и не спал, то, когда он здесь остановился, он сразу отяжелел и погрузился в сон. Так он спит там довольно долго.

А у того сдохшего дракона был еще брат. Он узнал, что тот издох, и, когда бродил в поисках врага, чтобы найти его, заставлял горы и камни издавать стон. Дорога, по которой он бродил, привела его туда, где был молодец; когда он ступает, земля дрожит, как будто началось землетрясение. Этот шум сквозь сон молодца доходит до его ушей; сейчас же он вскакивает, совершенно бодрый, глядь! — а впереди — двойник того дракона, которого он раньше убил, и такой отвратительный, что всякий, кто его видел, дрожал от страха. А так как молодец был не из таких, которые от пустяковой бучи роняют свои пабучи¹², то он вскакивает со своего места и выступает против дракона, а тот говорит: «Это, должно быть, ты убил моего брата. Я вот тебя с одного раза убью, ты тогда увидишь!» Пасть у него вся в пене, он дышит огнем и бросается на молодца. Чтобы спасти себя, молодец, испуская зычный крик, вцепился в лапу дракона и так рванул его, что тот отлетел на тысячу шагов. Дракон хоть и не подышает, но бороться больше не может. Тогда он сказал: «Кто взял мою душу, пусть берет¹³ и мое добро». Он катится кубарем и входит в нору у подножия одной горы. Как только наш молодец всунул голову в нору — что, мол, тут такое? — видит: лестница; тотчас он спускается вниз, глядь! — большой дворец, а в нем вроде как ничего нет. Пока он осматривал там и сям, он открывает одну комнату и видит, что там сидит на прекрасном троне девушка; влюбившись в нее, как тысяча сердец, он падает без чувств. А так как девушка никогда не видела такого молодца, то и с ней творится то же, коли не сильней того; но, ничего не зная о смерти драконов, она, из страха перед ними, говорит про себя: «О горе! Если они сейчас его увидят, то, не разобрав, в чем дело, обоих нас убьют». Как-никак, она приводит молодца в чувство. «Помилуй, молодец, ты сюда откуда пришел? Это дворец дракона Солуксуза¹⁴; если он увидит кого-нибудь, то убьет одними своими глазами, уставив их на тебя». Хотя она и говорила так,

парень отвечает: «Я их обоих отправил в преисподнюю, ты ничего не бойся, ну-ка, пойдем со мною!» Но девушка ничему не верит: она не ожидала, что он это сделал. Молодец снова повторяет: «Айда, у меня есть дело, немедля идем». А девушка говорит: «Если так, то здесь много вещей, возьмем хоть малость, подумаем о себе». И вот девушка впереди, а молодец позади — обходят весь дворец. Они открывают ровно сорок комнат, а каждая полна золотом, разными алмазами и драгоценными камнями. Молодец говорит девушке: «Любимая моя, сейчас мне нужно идти в путь, по которому я пойду; после того как я окончу свое дело, мы на обратном пути придем и возьмем отсюда все, что пожелаем. Сейчас для этого не время, — айда, выйдем отсюда и пойдем».

Лишь только он так сказал, они выходят оттуда и на пути своем встречают хижину пастуха, где была его мать, а так как молодец видел все это ночью во сне, то вид этого места напоминает ему сон: «Здесь-то и находится моя мать». Тотчас он идет и стучит в дверь хижины. А мать его стирала белье. Как только она, подбежав, открыла дверь, молодец увидел свою мать и со словами: «Ах, матушка!» — бросается к ней на шею, а женщина, хотя и видела их во сне, — сразу не поняла, в чем дело; когда же он обнял ее, сказав: «Ах, матушка!» — она упала без чувств. Как бы то ни было, приходит жена пастуха и дети и приводят ее в чувство. И вот она, найдя своего сына живым и здоровым, изливает перед ним свое горе, и они рассказывают друг другу все, что с ними случилось.

Наступает вечер. Лишь только пришел пастух, она и ему все рассказывает. Когда наступило утро, молодец собирает их всех вместе; они прибывают во дворец убитого дракона, нагружают алмазы и золото на коней и ослов — столько, сколько те могут увезти — и едут понемногу: с долин — как поток, с холмов — как ветерок, везде проезжая, гиацинты и тюльпаны собирая¹⁵. За короткое время прибывают они в дом Ахмед-аги, которого они с давних пор считали отцом и при котором была сестра молодца. А те, увидев их, радостно их встречают. Тогда он обручает сестру с сыном пастуха, девушку, взятую из дворца дракона, — с собой, а дочь пастуха еще с другим человеком. Сорок дней, сорок ночей справляют они пышную свадьбу и до самой смерти живут в радости.

В прежние времена у одного человека была дочка семи-восьми лет, по имени Халиме. Эта девочка всегда ходила в школу. Однажды ходжа предупреждает детей: «Кто завтра придет раньше всех в школу, того я сделаю старшим учеником»¹. На другой день эта девочка встает спозаранку, не завтракает, думает: «Может быть, в школу еще никто из ребят не приходил, пойду-ка я: мой учитель сделает меня старшей ученицей» — и направляется в школу. Придя в школу, она, прежде чем войти внутрь, смотрит через окошко: «А ну-ка, есть ли там дети?» — и вдруг, что же она видит? Ее учитель внутри схватил девочку и ест ее заживо. Когда девочка это увидела, она остановилась и думает: «Если я войду, этот человек и меня заживо съест, а если я пойду обратно домой, отец меня спросит, почему я пришла, а если я расскажу, что делает учитель, то выведу его на чистую воду; если не скажу, надо что-нибудь солгать, что же мне делать?» — рассуждает она и говорит: «И домой не пойду и лгать не буду. Лучше всего убегу отсюда, укроюсь, что-то выпадет на мое счастье?» И с этими словами девочка уходит из того города.

Идет она, идет, дорога приводит ее в гористую местность, а так как наступает вечер, девочка со страху влезает в дупло одного дерева и засыпает. А неподалеку оттуда был один город. На следующий день рано утром сын одного бей вышел в те горы на охоту, с собаками. Рыская там, собаки почуяли человеческий запах в дупле дерева, окружили дерево со всех сторон и принимают лаять. А бей приходит туда, видит, что в дупле дерева кто-то есть. «Кто бы ты ни был — джинн или человеческий сын², выходи, — говорит он. Девочка в дупле все спит. Во сне она слышит шум, просыпается и вылезает. Сын бей увидел девочку и влюбился в нее от всей души и сердца. Он спрашивает девочку: «Кто ты? Как ты сюда попала?» — а девочка не произносит ни слова — молчит. Сын бей берет девочку с собой. «Я нашел свою судьбу», — говорит он, приводит девочку домой, передает своей матери. Лишь только мать увидела ее, та ей сразу понравилась; мать ласкает ее и решает воспитывать ее у себя. И вот девочка остается там жить.

С тех пор проходит шесть лет; девушка в тринадцать лет становится совсем невестой. Сын бей велит обручить девушку с со-

бой. После свадебного праздника он соединяется с девушкой, но девушка, с тех пор как пришла, не произносила ни слова. Сыну бея это кажется странным, но как он ни старался заставить девушку говорить, — это не удается: он не может добиться от нее ни одного слова. «Эх, видно, она немая», — сказал он и, оставив девушку в покое, стал объясняться с ней знаками. После этого, лишь только прошло девять месяцев и десять дней, девушка родила мальчика. Сын бея на радостях велит заколоть баранов, делает угощение, а девушке делают подарок на родину — красивую постель — и укладывают ее. После того как девушка была уложена в постель, на третью ночь — ночь сурьмы³, когда в комнате никого не было, девушка открыла личико своего ребенка и принялась его ласкать: «Ох, дитя мое, мой любимый мальчик!» Вдруг стена комнаты расступается, и оттуда появляется ее учитель. Увидев его, девушка сразу испугалась. Учитель говорит девушке: «О Халиме, зачем убежала, зачем пропала, зачем свое кольцо сломала?» А девушка: «Мой дорогой учитель, я не убежала, я не пропала, кольцо мое не сломала», а ходжа говорит: «Если я твое дитя не съем, чье же дитя мне съесть?» — и похищает у нее ее дитя. В руке у него было два голубя. Свернув головы тем двум голубям, он обмазал их кровью одежду, рот и нос девушки, а сам вместе с ребенком провалился сквозь стены и исчез, а девушка, потеряв рассудок, полумертвая, так и окаменела в постели.

Лишь только наступило утро, в комнату входит мать бей-оглу, глядь! — рот и нос у девушки в крови, а ребенка нигде нет. «Ах, эта потаскуха съела своего ребенка», — кричит она и накидывается на девушку: «Девка, где маленький, что случилось?» — спрашивает она, а девушка только пожимает плечами и ничего не говорит. Женщина зовет своего сына, рассказывает, в чем дело. Сын бея спрашивает ее о ребенке, а она и ему пожимает плечами. Сын бея дает ей хорошую затрещину, девушка не произносит даже «вик»⁴, потому что если она скажет слово, то придется открыть преступление учителя. Как бы то ни было, та девушка была очень красивой, и сын бея не хочет причинять ей большого зла. С тех пор снова проходит много времени, девушка опять тяжелеет. Как только проходит девять месяцев и десять дней, она снова рождает мальчика. Бей-оглу, лишь только его увидел, забывает боль по тому ребенку, ухаживает за ней, велит сделать ей чистую постель. Девушка ложится. На этот раз девушку никак не оставляют одну, чтобы она, чего доброго, не сделала вреда ребенку.

И вот вслед за этим проходит ровно семь дней. Видят, что девушка преспокойно кормит своя дитя грудью. «Ну, теперь уж ничего не сделает»,— говорят они и оставляют ее в покое; на восьмую ночь никто при ней не остается, а девушка, как только осталась одна, снова берет дитя и начинает ласкать и целовать его. Вдруг стена раздвигается, оттуда выходит ее учитель. «Эх, Халиме, зачем убежала, зачем пропала, зачем ты улыбнулась, зачем ты посмотрела, зачем кольцо твое сломалось?» А девушка говорит: «О мой дорогой учитель, не убежала я, не пропала я, не смеялась я, не посмотрела, кольцо мое не сломалось», но ходжа говорит: «Если я твое дитя не съем, так чье же мне съест?»— сворачивает головы голубям, что у него в руке, пачкает голубиной кровью одежду девушки, а сам вырывает у нее дитя, входит в стену и исчезает, а стена закрывается. Что делать девушке? Лежит одна и плачет. Наступает утро, снова входит в комнату мать бей-оглу, глядь! — ребенка опять нет; она посылает сказать сыну, и бей-оглу приходит; мать с сыном дают ей хорошую затрецину, а девушка опять-таки не произносит ни слова.

После этого проходит довольно много времени, девушка снова тяжелеет. Такова сказка. Лишь только исполняется девять месяцев и десять дней, девушка и на этот раз рождает мальчика. Благодаря рождению этого ребенка бей-оглу забывает горе по другим детям. На этот раз десять дней не отходят от девушки — видят, что у девушки нет намерения сделать ребенку зло, и ее оставляют в покое. На одиннадцатую ночь, оставшись одна, берет она свое дитя, и в то самое время, когда надо ложиться спать, стена раздвигается, оттуда выходит ее учитель и говорит: «О Халиме, зачем ты убежала, зачем пропала, зачем посмотрела, зачем улыбнулась, зачем кольцо твое сломалось?» А девушка говорит: «Дорогой мой учитель, я не убежала, я не пропала, не посмотрела, не улыбнулась, мое кольцо не сломалось». Ходжа говорит: «Если я твое дитя не съем, чье же мне съест?» Свернув головы голубям, что у него в руках, он обагрят их кровью рот и лицо девушки, потом вырывает у нее дитя, входит в стену, и та закрывается. И вот, лишь только наступает утро, приходит бей-оглу, глядь! — а ребенка опять нет. «А где мальчик, что с ним случилось?» — спрашивает он, а девушка начинает пожимать плечами. На этот раз бей-оглу страшно разгневался. «Ты съела двух детей, я терпел; это был третий, больше я не могу терпеть, ты мне надоела!» — кричит он и зовет рабынь: «Возьмите вот эту; под домою есть курятник, заприте ее, пусть там сидит!» И рабыни

берут девушку, запирают ее в курятнике; утром и вечером они бросают девушке крошки хлеба, которые остались от обеда,— девушка ест их и этим живет.

Вслед за этим проходит много времени. Бей-оглу собирается отправиться в хадж. Он приговаривается к пути; каждого из домашних он спрашивает: «Что вы хотите, чтобы я вам привез?» — и те говорят, кто что хочет. Бей-оглу снимается с места, и когда отправляется в путь, ему приходит на память девушка. «Хоть и съела она трех моих детей, все же она моя законная жена; может быть, и она что-нибудь хочет», — думает он и посылает одну из рабынь, чтобы та спросила девушку. Рабыня идет и говорит девушке: «Твой муж отправляется в хадж; ты будешь сидеть здесь: если бы ты так не делала, ты бы жила, как ханым. Сейчас он тебя спрашивает, какой подарок привезти тебе из хаджа?» А девушка показывает на руку и делает знак пальцем. Рабыня, ничего в этом не поняв, идет, показывает бей-оглу, как ей было показано знаками. А бей-оглу говорит: «Я понял ее знаки» — и отправляется в путь.

Мало ли он идет, долго ли идет, в один из дней благополучно достигает Каабы; после тавафа он покупает подарки, которые хотели получить его рабыни. (А девушкой были заказаны камень и нож). Он покупает и их и отправляется в путь. Когда он приезжает на родину, он раздает каждому его подарки, а девушке посылает камень и нож. Как только наступил вечер, бей-оглу и говорит: «Стой-ка, посмотрю, что она будет с ними делать». С этими словами он подходит к двери курятника и начинает смотреть внутрь через щелку. И вот девушка кладет перед собой камень, берет в руки нож и начинает рассказывать то, что с ней случилось: «Была я у отца единственной любимой дочерью. Чтобы не выдать преступления моего учителя, восьми лет ушла я на чужбину, столько терпела мучений и горя! Бей-оглу нашел меня в горах, взял и привел в дом свой; вырастив меня, он взял меня в жены, я от него родила дитя. Однажды ночью, когда я ласкала ребенка, из стены вышел человек, похитил ребенка и исчез, а наутро моя свекровь и мой муж подумали, что я его съела, и жестоко меня побили».

Пока девушка все это говорила, камень⁵ перед ней стал раздуваться, а девушка бьет по камню ножом, который держит в руке, и приговаривает: «Стой, я — только человек, и столько всего перенесла, а ты, хоть и камень, да не можешь вытерпеть» — и камень съезживается. Девушка снова рассказывает, что с ней

случилось: «Так было, этак стало. Потом я родила еще двух детей, и этих похитили; муж мой так меня бил, запер меня в этом курятнике; столько лет я здесь терплю муки и горе!» Пока она так говорила, камень раздвигается, трещит и раскалывается. А девушка, видя это, говорит: «Хоть ты и камень, да не мог выдержать того, что я вытерпела, а я ведь человек и перенесла столько горя! Теперь для меня одна смерть — покой». И с этими словами она вытаскивает нож и хочет убить себя, а в это время сын бея открывает дверь курятника и входит внутрь. «Ах ты, моя жenuшка, я этого не знал, напрасно я на тебя грешил», — говорит он и обнимает девушку.

Вдруг стена раздвигается, и оттуда выходит учитель, а с ним трое детей. Учитель говорит сыну бея: «Твоя мечта — дети, не так ли? Так вот они. Я взял и вырастил — возьми своих детей, отдай эту девушку», — говорит он, оставляет детей, похищает девушку, проникает в стену и исчезает из глаз. А, оказывается, он был из числа неземных⁶, он вводит девушку в число сорока⁷ и делает ее неземной.

Девушка за свое терпение избавляется от тягостей в жизни и достигает своих желаний.

49. Девушка и бей¹

 Было — не было, а в прежние времена у одной бедной женщины была дочь. Девушка каждый день вышивала в пяльцах, а мать ее на базаре² занималась стиркой. В один из дней, когда мать пошла собирать белье, а девушка в углу перед окном вышивала в пяльцах, в окно влетела птица и села на пяльцы. «Ах, девушка, с тобой случится беда», — проговорила она три раза и улетела. Девушка удивилась этому и, когда под вечер пришла мать, рассказывает ей: «Так-то и так-то, прилетела какая-то птица, вот что сказала». Мать и говорит: «Я завтра опять уйду, а ты войди в комнату, двери и окна крепко-накрепко закрой и тогда вышивай». Наутро, когда мать ушла, девушка вошла в комнату, хорошенько закрыла окна и двери, как сказала мать, и взялась за вышивание. Птица снова — прррадак!³ — влетела и села на пяльцы. «Ах, девушка, с тобой случится беда», — проговорила она три раза и улетела. Девушка еще больше испугалась и, когда наступил вечер, рас-

сказала обо всем матери, а мать и говорит: «На этот раз, закрыв хорошенько комнату, влезь в платяной шкаф⁴ и вышивай там со свечой,—туда уж никто не может добраться». Наутро, когда мать ушла, девушка еще плотнее, крепко-накрепко закрыла двери и окна, потом зажгла свечу, взяла пяльцы, влезла в шкаф, дверь шкафа замкнула изнутри и взялась за вышиванье. Птица снова влетела, зашумев своими крыльями, села на пяльцы и опять, как прежде, сказала три раза: «Ах, девушка, с тобой случится беда» — пррр! — и улетела. Девушка от всего этого так испугалась, что чуть не сошла с ума. Стала думать про себя: «Что же это такое, что-то будет?» Всю ее охватил страх, она бросила вышивать и все думала об этом. Наступил вечер, пришла мать. «Птица и сегодня прилетала,—сказала девушка,—ой, нет от нее спасенья; если она еще прилетит, я сойду с ума от страха». Мать и говорит: «Я тогда никуда не пойду, подстерегу ее и поймаю». Так она сказала, но пойди-ка поймай ее!

Покамест они так поджидали птицу, приходят как-то несколько соседок: «Сегодня мы идем в такое-то место на гулянье. Отпусти свою дочь, мы ее возьмем с собой: она там хоть немного повеселится». А мать девушки отвечает: «Ах, теперь я в таких делах дочь свою не могу никому доверить, ни к кому отпустить, потому что вот уже три дня, как к девушке прилетала какая-то птица, и вот что говорила». Когда она так сказала, соседки говорят: «Милая моя, да ты никак с ума сошла, это что за разговоры? Нас столько человек,—уж если мы не можем присмотреть за одной девушкой, какие мы тогда хозяйки? Ты не беспокойся: мы ее хорошенько развеселим и приведем обратно». Так они угваривают мать всеми способами и наконец берут девушку от матери. Вот они идут, гуляют, веселятся. На обратном пути подходят они к одному источнику. Все соседки, попив воды, отходят; когда же эта девушка пила воду из источника, вдруг между нею и ее соседками вырастает громадная стена,—такая стена, что словами не описать: ни с этой стороны на ту сторону, ни с той на эту не перейти! Соседки так и ахнули: «Ах, видите, что с нами случилось!» А одна и говорит: «Ну, теперь нам будет говорить: «Ах ты, сука! Да разве ты столько знаешь, сколько мать! Взяли чужую девушку и погубили ее!» Лучше бы нам превратиться в камень, чем сюда ходить! Ах ты, тресни наши головы!»⁵ Что мы теперь скажем матери?» Они на этой стороне, а девушка на той—стали плакать, потом соседки и говорят: «Так слезами мы ничего не добьемся, пойдем-ка

хоть матери ее расскажем, она все-таки больше нас понимает, быть может, что-нибудь и придумаем». Они встают и идут к ее матери, а та поджидает их у двери и думает: «Запоздали, куда же они девались?» Увидела их и спрашивает: «Где дочь?» А те, плача и всхлипывая, рассказывают, что случилось. Женщина и говорит: «Ах, ведь я вам говорила», бежит, подходит к стене, за которой находилась девушка, и обе начинают плакать с обеих сторон. Долго они так плакали, и девушка по ту сторону стены уснула. И вот, когда она утром проснулась, она видит около источника большую дверь. «Чему быть, того не избыть»,⁶ — говорит она и через дверь проходит внутрь, видит — прекрасный дворец. Смотрит сюда, смотрит туда — каким-то образом бросаются ей в глаза сорок ключей, повешенные на стене. Девушка берет ключи, открывает тридцать девять комнат: в какой находит золото, в какой — серебро, в какой — драгоценные камни. Одним словом, в каждой комнате — разные драгоценности. Когда она открыла сороковую комнату, она видит спящего молодого бая, около него — опахало, а на груди его лежит писаная бумага; девушка приблизилась к нему и вот читает в бумаге: «Кто сорок дней будет читать надо мной и овеать меня — тому все мое имущество; если это будет девушка, я буду ее мужем, а она моей женой». Так было написано в бумаге. Девушка скорее совершила омовение, села у изголовья бая и тридцать девять дней читала над ним и овеала его опахалом. В утро сорокового дня, когда она смотрела из окна, она заметила арабку. Девушка подумала: «Стой, позову-ка я ее! Пусть она побудет немного около бая, а я пойду, приберусь, потому что сегодня уже он встанет» — и берет арабку наверх. «Ты почитай и помаши немного здесь около бая, я сейчас приду», — сказала она. Арабка читает и овеает бая, пока девушка прибиралась, но вот в глаза ей бросается бумага на груди у бая: она внимательно ее читает и все понимает. А бай в это время, чихая, вскакивает и заключает арабку в объятия. Пока они обнимаются, девушка покончила со своими делами; когда же она поднялась наверх, арабка прогоняет ее, говоря: «Вот негодная! В то время как я, такая важная султанша, хожу так, ты, сука, простая ничтожная рабыня, ушла, чтобы нарядиться!» Бай очень удивился этому, однако, не показывая виду, оставил все, как было. Одним словом, девушку сделал на кухне стряпухой, а сам стал жить с арабкой.

Однако перед наступлением байрама, бай спрашивает арабку и девушку, чего они желают. Арабка просит разных вещей и

платьев, а девушка говорит: «Я хочу желтый сабур⁷ и нож с черной рукояткой». Бей купил обеим то, что каждая пожелала, но удивился тому, что девушка накануне праздника просит такие бесполезные вещи. Девушка взяла сабур и нож и положила их в кухню. Когда наступил вечер, бей подумал: «Чудно, что-то она будет делать со всем этим?» — и осторожно спрятался в девушкин платяной шкаф. Когда наступила ночь, девушка взяла в руки нож и, держа его перед сабуrom, рассказала сары-сабуру с начала до конца приключившуюся с ней историю, похожую на сказку. Пока девушка говорила обо всем, сары-сабур постепенно трещал, мало-помалу раскалывался, а потом, когда сказка окончилась, совершенно раскололся. Девушка говорит: «О, сары-сабур, сары-сабур! Ты, камень терпения, и то раскололся, а я всего только человек, как же мне-то жить?» И только она хотела вонзить в себя нож, как из шкафа выскакивает бей, хватая девушку за руку и говорит: «Вот как было дело... ага...» Тогда он берет девушку в жены и празднует свадьбу сорок дней и сорок ночей, а арабке говорит: «Чего ты хочешь: сорок лошаков или сорок клинков?»⁸ Арабка говорит: «Сорок клинков — в шею моему врагу; сорок лошаков хочу я, чтобы добраться мне на мою родину». И бей приказал привязать ее к хвостам сорока мулов, велел стегнуть каждого мула плетью, и мулы помчались в горы. Арабка билась так с камня о камень, а девушка и бей достигли своих желаний.

50. Девушка и конь

прежние времена у одного падишаха было три дочери. Однажды падишах отправляется в поход. Он подзывает к себе своих дочерей (а у падишаха был любимый конь) и говорит: «Вы будете давать моему коню корм и воду». (Так как он очень сильно любил своего коня, то не хотел, чтобы кто-нибудь другой смотрел за ним). Вот он уезжает. Когда в первый день старшая дочь падишаха приходит в конюшню, для того чтобы дать коню корму, он не подпускает ее к себе; идет средняя дочь — он и ее не подпускает. Только когда приходит младшая дочь, животное не подает голоса, — и она дает ему корм и воду. Когда сестры это заметили, они говорят: «Раз так, — до приезда отца нашего шаха всю ра-

боту около коня исполняй ты, корми и пои его». С тех пор прошло довольно много времени. Девушка каждый день давала коню корм и воду и ухаживала за ним. Приезжает отец. Спрашивает своих дочерей: «Смотрели ли вы за конем?» — «Он не подпускал нас к себе, — только младшая наша сестра смотрела за ним». Лишь только они так сказали, падишах обручает младшую дочь с конем, а других дочерей отдает в жены: одну — везиру, другую — шейхульисламу. Сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу.

Пусть они себе там живут-поживают, а младшую дочь оставляют в конюшне. А тот конь, оказывается, был сыном дэва. По ночам место, на котором стояла конюшня, превращалось в сад роз, а конь, приняв образ человека, развлекался с девушкой. В один из дней мужа двух других девушек выходят на игру в дротик. Старшие сестры приходят к младшей и потешаются над ней: «Смотри-ка, наши мужья играют в дротик, и каждый из них, как лев, — а ты сиди со своим битюгом!»¹ Как только они ушли, тотчас конь снова принял образ человека и вскочил на коня: «Смотри, никому не сказывай, кто я», — говорит он девушке и выезжает на игрище. Там он играет в дротик лучше всех других игроков и потом возвращается обратно; никто из остальных не догадывается, кто он такой. На другой день снова мужья выходят на игру; идет и он. Когда наступает следующий день, этот конь идет опять на игрище. Уходя, он дает девушке три своих волоска: «Возьми это; если со мной что случится и тебе придется плохо², запали их: я приду и тебя найду», — говорит он и уходит на игрище, и каждый зритель любитесь его игрой. А те девушки опять говорят младшей: «Смотри, в какие прекрасные игры играют наши мужья, а твой муж — просто лошадь! И всю вашу жизнь-то вы проводите в конюшне!» Лишь только они так сказали, девушка не выдержала: «Вот мой муж, которого вы считаете конем, — вот он!» Как только она показала на него, молодец вдруг исчезает с глаз. Девушка пришла в конюшню и видит, что муж ее не приходит; наступает ночь, а конюшня как была, так и осталась конюшней — не стала ни розовым садом, ни цветником. «Увы, я осталась одна, без мужа, выдала своего мужа сестрам, и он скрылся!» Говоря так, она проплакала всю ту ночь до утра. Лишь только наступило утро, она идет к своему отцу: «Я пойду искать коня». — «Помилуй, дочь моя, ты его не сможешь найти: заблудишься в горах и погибнешь!» Хотя падишах и отговаривал ее, она говорит: «Во что бы

то ни стало пойду и его найду» — и падишах ее отпускает. Девушка выходит в путь и со словами «Куда ни шло — пойду» — идет. В один из дней, сильно утомившись, присела она у подножия горы и вспомнила о волосках, оставленных конем. Тотчас же она зажигает один волосок, и вот конь предстает перед ней в образе человека. «Не говорил ли я тебе: если ты меня назовешь — потеряешь. Вот видишь, если моя мать тебя увидит, она тебя разорвет в клочки. Что теперь будешь делать? Ведь гора эта — наше обиталище. Мать моя теперь, того и гляди, придет, увидит тебя, разорвет на куски и съест!» Как только девушка, услышав это, принялась плакать, молодец не мог это вынести: он дает ей пощечину, превращает ее в яблоко и кладет на полку. Как раз приходит мать молодца и орет: «Человечьим мясом пахнет!» — «Чего здесь искать человеку?» — спрашивает молодец, а женщина, несмотря на это, говорит: «Неприменно здесь кто-нибудь да должен быть!» — «Если ты поклянешься яйцом — скажу», — говорит молодец. Едва он это сказал, мать его произнесла клятву; тогда парень ударил по яблоку — появилась девушка. «Это твоя невестка», — говорит он. «Хорошо», — сказала женщина и поселилась с девушкой. Лишь только молодец ушел, женщина говорит девушке: «Ты сегодня все кругом вычисти и не чисти» — и уходит. Девушка подумала про себя: «Странно, что же это может означать: кругом вычисти и не чисти? Прибираться мне или не прибираться?» Тотчас зажигает она волосок: появляется молодец и спрашивает: «Что надо?» — «Мать твоя сказала мне: «Все кругом вычисти и не чисти». Это что значит?» — «Султанша моя, это значит: комнату вычисти, диван не чисти!» — говорит он и уходит. Девушка комнату вымела, а диван так и не чистит. Едва подошел вечер, приходит женщина и спрашивает: «Девушка, ты что делала?» — «Матушка, я вычистила-не вычистила», — говорит она, а женщина говорит: «Я тебя, сука проклятая, я тебя! Это не твое разумение: этому научил тебя мой сын!» Как бы то ни было, ложатся они спать; наутро молодец опять уходит. Женщина, вставши, дает девушке три больших кувшина: «Эти кувшины ты наполнишь слезами». Женщина уходит, а девушка ставит перед собой кувшины — плачет: только две слезинки и могла она пролить. «Я не могу их наполнить», — говорит она и тут же зажигает еще один волосок. Опять приходит молодец, и она рассказывает ему, в чем дело. Наполнив кувшины водой, он бросает туда немного соли и уходит. И вот, едва только наступил вечер, при-

ходит женщина. «Девушка, ты наполнила кувшины?» — спрашивает она ее, а та говорит: «Наполнила». — «Я тебя, сука проклятая, я тебя! Это не твоя работа: этому тебя научил мой сын», — говорит она. Не будем затягивать! В тот вечер ложатся спать, а наутро женщина встала и говорит девушке: «Сделай мне к вечеру пирог» — и уходит. Девушка шарит там и сям, не находит ничего, из чего бы можно было сделать пирог. Когда молодец пришел домой попить воды, он видит, что девушка плачет. Он спрашивает ее: «Что ты плачешь?» — «Мать твоя заказала мне пирог, а в доме нет ни муки, ни чего-нибудь другого, — из чего же я сделаю пирог?» Едва она так сказала, парень и говорит: «Султанша, бежим-ка мы с тобой, потому что эта женщина, пока не съест тебя, от тебя не отвяжется!» И вот они оба с девушкой тут же встали и отправились в путь.

Когда наступил вечер, самка-дэв приходит домой и видит, что девушки нет. «Я тебя, сука проклятая, я тебя! Сбежала, а?» — говорит она и зовет к себе одну из своих сестер: «Иди в такое-то место, забери моего сына с невесткой и приходи». Женщина садится верхом на кувшин, берет змею вместо кнута и пускается за ними вслед. Как только молодец увидел, что приближается его тетка, он тотчас дает девушке пощечину и превращает ее в баню, а сам становится банщиком и садится перед дверью. И вот женщина слезает с кувшина: «Банщик, здесь не проходили ли мимо девушка и молодец?» Так она спрашивает, а молодец отвечает: «Я баню только что затопил, там сейчас никого нет, не веришь — войди, посмотри!» Женщина говорит: «Вот чудак — слов не понимает» — и поворачивает обратно. Когда она сказала той женщине: «Я не могла найти», та говорит: «А ты никого не спрашивала?» — «Спросила, да вот он мне то-то и то-то сказал». А женщина и говорит: «Вот тот, кого ты спрашивала, и есть мой сын, а баня, которую ты видела, и есть девушка». Затем она зовет младшую сестру: «Иди, схвати их и притащи». Эта тоже, сев на кувшин верхом, погналась вслед за ними. Молодец, видя, что она приближается, дает девушке пощечину и превращает ее в источник, а сам наполняет из него кувшин, который держит в руке. Женщина подходит к нему. «Эй, сынок! Здесь не проходили ли мимо девушка и молодец?» А молодец в ответ: «Вода в этом источнике очень сладкая, я всегда здесь беру воду в кувшин». — «Вот чудак — слов не понимает!» Сказав так, она поворачивает обратно и опять приходит к женщине-дэву. «Не могла найти», — говорит. «А ты кого-нибудь спраши-

вала?» — «Спросила, у источника кто-то воду набирал, у него и спросила, а он мне так-то и так-то ответил». Только она сказала, самка-дэв и говорит: «Вот этот набиравший воду и есть мой сын, а источник — девушка. Ничего не поделаешь! Нужно самой отправляться!» Она встает, садится на кувшин и едет, погоняя его змеей, как плеткой. Вдруг молодец оглянулся и говорит: «О ужас, это моя мать катит».

Он тут же дает девушке пощечину и превращает ее в дерево, а сам, превратившись в змею, обвивается вокруг дерева. Женщина схватывает дерево и хочет его разломать на куски, но видит, что сын ее змеей обвился кругом дерева. «Этак я и сына своего погублю!» — подумала она и говорит: «Сынок, покажи мне хоть один палец этой девицы, и тогда я оставлю вас в покое!» — «Ведь иначе нам от нее не избавиться, — говорит парень, — пусть она хоть один кусочек твоего мяса попробует!» Как только он показал кончик пальца девушки, женщина тотчас откусила палец и повернула обратно.

Тогда молодец снова дал девушке пощечину: оба приняли человеческий облик и отправились прямо к отцу девушки. Молодец уже разрушил свое заклятие и остался в образе человека. Падишах обручил их друг с другом. Сорок дней, сорок ночей празднуют они свадьбу.

51. Дочь дервиша

 В прежние времена был один падишах. И не было у него ни одного ребенка. Однажды падишах со своим лала вышел на прогулку. Они подходят к источнику. Там они совершают омовение и творят намаз и вот видят — идет дервиш. «Эссялям алейкум, падишах» — говорит он, а падишах сказал дервишу: «Ты узнал, что я падишах, узнай же и мое горе». А дервиш вынул из-за пазухи яблоко и говорит: «Твое горе в том, что у тебя нет детей; вот возьми это яблоко: половину съешь сам, а половину дай съесть твоей жене. Когда придет время, у тебя будет ребенок; но до двадцати лет он будет твой, а после двадцати лет — мой». С этими словами он уходит. Падишах встает с места, приходит во дворец, разрезает яблоко, половину съедает сам, а половину дает съесть жене. В ту же ночь жена его становится тяжелой. Как только миновало девять месяцев и десять

дней, приходит ее время, и она рождает мальчика. Падишах бесконечно радуется, устраивает большие торжества, а потом ребенок начинает подрастать. Ему исполняется пять-шесть лет. Его отдают учителю: он читает, пишет. Потом он достигает четырнадцати-пятнадцатилетнего возраста, начинает ходить на прогулку, а затем идет и охотится на птиц. Проходит некоторое время, мальчик подходит вплотную к двадцати годам, и отец собирается женить сына; находит девушку, устраивают свадьбу. В брачную ночь является тот дервиш, схватывает молодца и сразу исчезает. Он оставляет молодца на вершине горы: «Сиди здесь, гуляка», — говорит он и уходит.

Молодец сидит там полный страха, и вот он видит, как прилетают три голубки, спускаются к берегу реки, раздеваются и все превращаются в девушек. Там они и купаются. А молодец, пока они купались, идет, берет одежду одной из них и прячет. Девушка выходит из воды: две из них надевают свои одежды, снова становятся голубками и улетают, а третья девушка тоже выходит из воды и видит, что ее одежды нет; ищет там, ищет тут, смотрит и видит этого молодца. Она догадывается, что одежду ее спрятал этот молодец, умоляет, упрасивает его, просит отдать одежду, а молодец не отдает.

Девушка говорит молодцу: «Тебя сюда кто привел?» Тот отвечает, что его привел какой-то дервиш. Она говорит: «Этот дервиш — мой отец. Сейчас он придет, подвесит тебя за волосы на этом дереве, а сам будет бить тебя плетью и будет спрашивать: «Понял?» — а ты говори: «Не понял». Тогда молодец вынимает и отдает девушке ее одежду, а девушка опять становится голубкой и улетает. Вдруг молодец видит, что идет дервиш, а в руке у него плетка. Он приходит, подвешивает молодца за волосы на дерево и жестоко бьет плеткой. А потом спрашивает: «Понял?» Когда молодец сказал: «Не понял», тот оставляет его и уходит.

Три дня он приходит и вот так бьет молодца, наконец видит, что такой ничего не выучит, и отпускает его. И вот, пока молодец опять бродил в тех местах, прилетает та голубка и говорит ему: «Возьми эту птицу и спрячь. Отец опять придет и спросит тебя: «Какую из этих девушек ты хочешь взять себе в жены?» А ты покажи на меня; если ты меня не узнаешь, вынь из-за пазухи птицу и скажи: «Ту, мол, к которой птица полетит, — ту я и хочу себе в жены». Сказав так, голубка улетает. И вот на другой день дервиш приводит трех девиц и говорит молодцу: «Ка-

кая из девушек тебе нравится?» А молодец вынимает птицу: «К которой полетит эта птица, ту я и желаю»,— говорит он и выпускает птицу. А та летит и садится на девушку, которая научила этому молодца. И дервиш отдает в жены молодцу ту девуцу. Но только мать девушки его не желает: оказывается, что мать ее была колдуньей¹, а потому и дочка ее знала колдовство.

Взяв девушку, молодец идет с ней, и вот они видят, что приближается мать девушки. Девушка скорее дает молодцу пощечину, превращает его в большой сад, дает себе пощечину и делается садовником. Вот подходит ее мать: «Садовник, не проходили ли здесь девушка с молодцом?»— а садовник говорит: «У меня порей совсем маленький, еще не взошел!» Колдунья говорит: «Душа моя², садовник, я тебя не о поре спрашиваю: я говорю о девушке с молодцом», а садовник говорит: «Душа моя, я шпинат еще не сажал — приходи через один-два месяца!» Колдунья видит, что этот слов не понимает, поворачивается и уходит.

Когда она немного отошла, девушка видит, что мать ушла, ударяет по саду — он снова становится молодцом, дает пощечину себе — снова становится девушкой. Они идут. Вдруг колдунья оглянулась назад — идут молодец и девушка! Она тут же поворачивает обратно и пускается вслед за ними. И вот девица посмотрела назад и видит — опять приближается ее мать. Сейчас же она дает пощечину молодцу и превращает его в пекарню, а сама становится пекарем. Подходит ее мать и спрашивает: «Пекарь, не проходили ли здесь молодец с девицей?»— а тот говорит: «Хлеб еще не испекся, я только что посадил; приходи через полчаса — тогда дам». А колдунья говорит: «Душа моя, я тебя не о хлебе спрашиваю, я говорю: не проходил ли здесь молодец с девицей?» А тот говорит: «У меня живот подвело, погоди немного, пусть испечется — тогда поедим!» Мать ее видит, что пекарь слов не понимает, снова поворачивается и уходит.

Когда она отошла немного, девушка встает с места, ударяет по пекарне и превращает ее в молодца, а себя — в девушку, и снова они бегут. А колдунья оглядывается назад — опять идет молодец с девицей! Она догадывается, что сад и пекарня, которые она видела, — это молодец и девушка, снова поворачивается и бросается за ними вслед. Девушка видит, что мать снова приближается; сейчас же — трах молодцу пощечину и превращает его в озеро, а сама становится уткой и плавает по воде. Подходит ее мать, видит — большое озеро. Она то вниз побежит, то

вверх побежит, никак не находит берега, откуда бы переправиться на ту сторону; наконец останавливается, видит, что ей не перейти озера, поворачивается и уходит. Тогда девушка видит, что мать ушла, снова ударяет по озеру и превращает его в молодца, а себя — в девушку, и снова они отправляются в путь.

Мало-помалу подходят они близко к родному городу молодца; там они входят на постоялый двор, и молодец говорит девушке: «Ты здесь посиди, а я пойду достану тебе одежду и повозку и увезу тебя». С этими словами он уходит. И вот он идет. На пути перед ним снова появляется тот дервиш, схватывает его, относит прямо во дворец его отца и оставляет его в брачной комнате.

И вот молодец видит себя на постели, а молодая лежит рядом с ним. «Странно! Не во сне ли я все это видел, что же это такое?» Пока он так думал, девушка, оставленная им на постоялом дворе, видит, что молодец не идет; ждет час, другой. «Ах, негодяй проклятый, бросил меня здесь, а сам ушел и не приходит», — говорит она, превращается в голубку и подлетает к окну комнаты, в которой он спал: «Ах, негодяй! Чужую девушку взял, меня на постоялом дворе бросил, а теперь тут полеживает!» — кричит она и снова улетает на постоялый двор. А молодец очнулся и понял, что все, что он видел, — не сон, а правда. Он сейчас же выскочил оттуда, взял повозку, поехал прямо на постоялый двор, усадил девушку в повозку и привез во дворец. Ту, другую девушку он отправил в дом ее матери, а себя велел обручить с девушкой, которую взял от дервиша. И вот они заново праздновали свадьбу сорок дней, сорок ночей. Они достигли цели, слышу, а мы — взберемся-ка на крышу!

52. Сказка про аллем-каллем

 Был когда-то бедный человек; была у него жена да ребенок. И был у него на всем свете один только осел. И вот каждый день он перевозил на нем тяжести и этим зарабатывал деньги на хлеб. А так как этот человек стал уже стар, то однажды он заболевает; ему дают лекарства и прочее — ничто не приносит пользы, и бедняга умирает. И вот сын, схоронив отца, не перестает плакать. Сидит день, два, — в доме нечего есть, а

голодным сидеть не будешь. Как-то утром берет он осла, идет на базар; побегавши туда и сюда, к вечеру зарабатывает он тридцать пара, покупает, что нужно для ужина, идет домой и отдает матери все, что принес. Мать радуется: «Сынок, сколько ты сегодня денег заработал?» А мальчик отвечает: «Матушка, старался я и так, и этак, а к вечеру, когда посмотрел — тридцать пара заработал». — «Эх, сынок, будь только здоров — вперед ты еще больше заработаешь», — говорит она, и они садятся, чтобы предаться удовольствию. На другой день утром мальчик идет с ослом на базар. То туда, то сюда. К вечеру, глядь! — заработал сорок пара. На десять пара он покупает еды и приносит домой. А мать встречает его: «Сынок, сколько ты заработал пара?» А мальчик говорит: «Мать, нынче я опять и так и этак старался — сорок пара заработал». И опять они очень довольны. Лишь только наступило утро, он снова идет на базар, зарабатывает в тот день пятьдесят пара и приходит домой «Вот я заработал пятьдесят пара, завтра ступай и проси дочь падишаха мне в жены». А старушка говорит: «Ах, сынок, разве можно тебе, заработав пятьдесят пара, брать за себя дочь падишаха?» — «Вот еще, а почему бы нет? Со дня на день я буду зарабатывать все больше и больше. Ты иди сватать, не бойся!» А мать говорит: «Сынок, ну как я пойду туда, куда я никогда не ходила?» Как бы то ни было, проходит ночь, и, чуть только наступило утро, мальчик берет своего ослика и идет на базар.

К вечеру он заработал целых шестьдесят пара; видя это, мальчик думает: «Теперь уж непременно пошлю мать, чтобы она посватала за меня дочь падишаха». Он приходит домой и говорит: «Мать, я сегодня заработал шестьдесят пара. Завтра ты непременно должна посватать за меня дочь падишаха; если ты не пойдешь, то и я больше не пойду зарабатывать деньги». Что делать бедной женщине? Она надевает фередже и отправляется прямо во дворец падишаха. Лишь только ее увидели привратники, они приняли ее за нищенку: достают несколько пара и подают ей. Женщина говорит: «Нет, я пришла не за деньгами: у меня есть дело к падишаху — за тем я и пришла». И привратники пропускают ее во дворец. Не будем затягивать! Кого бы она во дворце ни встретила, все принимают ее за нищенку и хотят дать ей денег, но женщина не берет. «У меня дело к султанханым, я иду к ней», — говорит она, идет и хочет войти в комнату султанши. Как бы то ни было, ее пропускают, и она входит в комнату. Лишь только ханым спросила женщину, зачем она

пришла, та ответила: «О султанша! У меня есть сын, а у него есть осел; с этим ослом он зарабатывает сорок-пятьдесят-шестьдесят пара в день; сейчас он меня прислал, чтобы я посватала твою дочь ему в жены — не отдашь ли?» А ханым говорит: «Очень хорошо, отдам, но надо поговорить хоть разок и с ее отцом». Она зовет падишаха и рассказывает ему обо всем. А падишах говорит: «Ох, очень хорошо! Мы только тебя и ждали¹. Отдам, но только если он явится через сорок дней, научившись игре в аллем-каллем²; тогда мы его обручим, а если за сорок дней не выучится — голову ему сниму!» С этими словами он отсылает женщину обратно.

Женщина выходит оттуда; с плачем рвет она на себе волосы, приходит домой и говорит сыну: «Ах, не говорила ли я тебе, что не пойду сватать падишахскую дочь? Вот, отдаст, только ты должен за сорок дней научиться игре в аллем-каллем, а не выучишься — снимет тебе голову; до сей поры не слыхивала я ничего такого, голову мою беспечальную ты обрек на печаль!» — говорит она и плачет, а мальчик отвечает: «Ну тебя, мать, замолчи! Покуда с нами наш осел, где они нас найдут? Айда, собирай весь домашний скарб, бежим!» А мать его плачет: «Ах, сынок, ты разрушил мой покой, мой уют», — говорит она и начинает собирать вещи. А у них и было-то две ветхих палатки, постель да одеяло, блюдо, поднос да две ложки. Связав это в узел, они нагрузили его на осла. Потом они пускаются в путь, довольно долго едут, подъезжают к подножию горного хребта и там располагаются на ночлег.

Пока они там сидели, вдруг смотрят — идет дэв. «Вы что здесь ищите?» — спрашивает он. Только они увидели дэва, как у них со страху трескаются губы³, но что же им делать? Они рассказывают дэву, как и что. Дэв говорит женщине: «Отдай мне твоего сына, я его обучу игре в аллем-каллем. Когда пройдет сорок дней, приходи, дожидайся здесь и забирай своего сына». И женщина отдает сына, а сама со своим ослом поворачивает и едет домой. И вот дэв дает мальчику пощечину, превращает его в яблоко, кладет себе в карман и идет. Когда дэв приходит к себе во дворец, он достает яблоко, снова ударяет по нему — мальчик принимает свой прежний образ. Тогда дэв запирает его там, в комнате, а сам уходит. Пока мальчик сидел во дворце, ему становится скучно, и он выходит из комнаты. Когда он прогуливается, он вдруг видит во дворце девушку, такую, как четырнадцатидневная луна. Он подходит к девушке, а девушка уви-

дела его и говорит: «Помилуй, братец, как ты попал в руки этого изверга?» Как только мальчик сказал, что пришел для того, чтобы научиться игре в аллем-каллем, девушка и говорит: «Ах, до тебя приходило столько молодых, чтобы выучить эту игру, но этот изверг всех перебил, а из черепов сделал вон ту башню, что стоит напротив. Кто попал в его руки, живым не уйдет». Не успела она это сказать, как мальчик принялся плакать. А девушка из жалости к нему и говорит: «Ты должен исполнять все, что я тебе сейчас скажу: может быть, тогда и спасешься. Завтра, когда придет дэв, он возьмет тебя и начнет с тобой бороться; когда ты будешь с ним бороться, смотри не сопротивляйся, а то он в тот же миг тебя убьет. Когда он тебя схватит, сейчас же падай на землю; а за то, что ты упал, он будет бить и ругать тебя, но ты не обращай внимания; он будет тебя тормозить, а ты оставайся лежать. А потом я научу тебя этой игре».

Мальчик, выйдя оттуда, проходит к себе в комнату. И вот, когда прошла ночь и наступило утро, приходит дэв, забирает мальчика, и они вступают в единоборство. Едва дэв слегка дотронется с какой-нибудь стороны до мальчика, тот валится на землю и, как буйвол, катается с места на место. Дэв злится, бьет и ругает мальчика, а тот и не думает сопротивляться дэву — сразу же падает на землю. В тот день борются они таким образом до самого вечера. Когда наступает вечер, дэв ведет мальчика и запирает, а сам уходит. А мальчик встает и идет оттуда к девушке. Девушка говорит: «Если бы сегодня ты оказал сопротивление дэву, он, конечно, тебя бы убил». И она обучает его игре в аллем-каллем. «Ну, теперь ступай; когда настанет утро, он опять будет с тобой бороться, смотри не сопротивляйся», — говорит она и отпускает мальчика. Тот уходит и ложится спать.

Когда настает утро, приходит дэв, и они вступают в единоборство. Мальчик и не думает сопротивляться ему, а сразу падает на землю. Дэв бьет мальчика и так, и сяк, а тот не поднимается со своего места.

Не будем затягивать! В тот вечер он запирает мальчика во дворце, а мальчик, придя к девушке, обучается у нее игре в аллем-каллем. И вот сорок дней все одно и то же: дэв борется с мальчиком, но тот никогда ему не сопротивляется. Когда прошло ровно сорок дней, мальчик превосходно изучил игру. Дэв берет мальчика и говорит: «Сынок, тебе не выучить этой игры» — и передает его матери, а мать забирает его. Когда они идут по дороге, мальчик вдруг превращается в зайца, — такого.

что каждый волосок у него блестит, как солнце; у того, кто на него посмотрит, глаза слепнут. Он начинает шмыгать под ногами у матери, а женщина не понимает, что с ним случилось, зовет своего сына: «Батюшки, да где же ты? Хватай этого зайца!» Так она кричит и не видит сына. И вот мальчик, выйдя из обличья зайца, принимает свой прежний вид. «Где ты был? Тут сейчас заяц шмыгал у меня под ногами; мы бы его поймали и продали». Как бы то ни было, они проходят еще немного; теперь мальчик принимает образ лошади — такой, у которой все волоски из алмазов, а копыта — из бриллиантов; смотреть — глаза ослепляет. Увидев ее, женщина зовет своего сына и, когда он принял свой прежний образ, говорит: «Фу ты, мальчик, где же ты болтаешься? Передо мною сейчас выбежала вот такая-то красивая лошадь: если бы ты был здесь, мы бы ее поймали и продали на базаре!» А мальчик смеется.

Как бы то ни было, вот краткий вывод длинных слов: они приходят домой, а на следующий день мальчик превращается в оленя, у которого рога из золота, копыта — из алмазов. Он говорит своей матери: «Возьми меня, отведи и продай на базаре». А женщина берет оленя и ведет на базар. Народ смотрит и собирается. Никто не может назначить ему цену: если, мол, кто может его купить, то только падишах. Мало-помалу услышал о нем падишах; он дает женщине ведро⁴ золота, и она радостно отправляется домой. И вот конюхи падишаха, связав оленя, ведут его в стойло. Перед оленем кладут немного зеленой травы, олень начинает есть и, когда ест траву, делается все меньше и меньше и совсем пропадает, а веревки остаются на месте. Все были поражены этим, докладывают падишаху. Что же делать падишаху? «Кто знает, что это было?» — говорит он и снова берется за свои дела. Мальчик принимает свой прежний вид, идет домой; на деньги, данные падишахом, он велит выстроить конак. Несколько времени спустя он принимает образ чистокровного арабского коня: на каждом волоске у него блестит алмаз. Он говорит своей матери: «Ступай, сведи меня на базар, продай, но только кто бы ни купил, смотри не отдавай моей уздечки. Возьми ее и принеси домой». И женщина берет коня и ведет на базар. Все, кто видел коня, только диву даются; цена — такая, что ни у кого не хватит денег. Падишах узнает об этом и посылает человека, чтобы купить коня.

А в другой стороне дэв слышит, что его игра выплыла на свет. Тотчас он превращается в ветер и мчится на базар. Как

раз, когда он старался схватить коня за повод, мальчик замечает дэва — тут же превращается в голубя и улетает, а дэв превращается в сокола и летит вслед за мальчиком. Мальчик садится на окно комнаты, которая принадлежала дочери падишаха, и превращается в букет роз. Как только их увидела дочь падишаха, она и говорит: «Ах, посмотри-ка, какие красивые розы!» Вот она открывает окно, берет розы в руки и начинает нюхать, а в это время подросел дэв; лишь только он ухватился за фундамент дворца и начал его трясти, девушка во дворце испугалась: «Ой-ой, да что же это происходит?» — говорит она. А те, кто был около нее, говорят: «Бросай скорее этот букет роз!» Лишь только девушка бросила розы, розы рассыпаются, превращаются в просо и рассеиваются по всей комнате. Дэв превращается в петуха и начинает подбирать просяные зерна. Все зерна он подобрал, осталось только одно — под ногой у девушки. Дэв не мог найти его, а мальчик сразу же принимает образ шакала, набрасывается на петуха и разрывает дэва на части.

Потом он снова принимает свой прежний образ и идет к падишаху: «Вот, эфендим, я научился игре в аллем-каллем, и ты тоже сдержи свое обещание — отдай за меня дочь». И хотя падишах не соглашался, мальчик делает аллем, делает каллем и наконец вынуждает падишаха дать согласие.

Шейхульислам совершает брачный договор; сорок дней, сорок ночей справляют праздник свадьбы, и девушку отдают за мальчика. Желание мальчика сбывается. Потом он идет и берет девушку из дворца дэва, женится также и на ней⁵ и до самой смерти проводит свою жизнь в радости и наслаждениях.

53. Колдовство

 В какое-то время была одна женщина. На всем свете не было у нее никого, кроме сына. И вот к какому бы делу ни представляла его мать, отовсюду он убегал. В один из дней женщина говорит ему: «Сынок! На какое же дело тебя отдать?» Мальчик сказал: «Возьми-ка меня, и пойдем вместе с тобой; какое занятие мне понравится — туда и определи, я не убегу от него». Бедная женщина взяла его с собой, пошла в торговые ряды¹; они

обошли нескольких мастеров и в конце концов встретили реммалю². Как только мальчик его увидел, он сказал: «Вот, мамаша, к нему меня отдай». Женщина подошла к реммалю и предложила ему своего сына в подмастерья; тот согласился и берет его к себе. Прошел один день, прошло пять дней — реммаль обучает мальчика тому, что сам знал. Так довольно много времени мальчик занимался с ним. Однажды мастер его сказал: «Я сейчас превращусь в барана, ты веди меня, продавай на базаре, но только веревку мою не отдавай». — «Ладно!» — говорит мальчик, и мастер его сейчас же становится бараном. Мальчик ведет его на базар и сдает теллялю. Во время торгов цена на него все поднимается; кто-то, дав цену в пятьсот гурушей, берет барана, а мальчик не отдает веревки и идет обратно. И вот, только наступил вечер, мастер, сломав загородку, приходит из того места, куда был продан. На другой день снова, как и раньше, он обучает молодца: «На этот раз я превращусь в коня, а ты сведи меня на базар и продай, но только смотри, ни за что не отдавай веревку!» А мальчику дело привычное: сейчас же ведет мастера на базар и сдает его теллялю. Цена доходит до тысячи гурушей; он берет деньги, берет веревку и отправляется домой. Вот мальчик и думает про себя: «Уж этому всему я научился, пойду-ка домой и попытаю счастья на своей голове» — и, дав оттуда тягу, приходит к своей матери: «Эй, матушка, я научился тому, чему должен был научиться, — доброго тебе здоровья, что ты меня к этому мастеру отдала, — а к тому же и много денег заработаю!» Бедная женщина ни о чем не знала: «Что такое, сынок? Что ты будешь делать, я у тебя и вещей-то никаких не вижу, боязно мне, сынок: ты опять удрал отсюда, а меня обманываешь!» А он говорит: «Матушка, не бойся! Завтра я превращусь в баню, а ты выставишь меня на продажу с торгов, но только смотри не отдавай ключей, а не то все у нас пропадет, и это будет мой последний день». Пока мальчик снова и снова обучал свою мать этому делу, мастер его, убежав с места, куда был продан, приходит и видит, что ученика нет: «Ах ты, вот я тебе задам, проклятый мошенник, я тебе! Ты меня совсем, что ли, запродал? Я тебя во что бы то ни стало опять приберу к рукам: ты у меня научишься, как обманывать людей!» Ту ночь он проспал дома, а наутро пустился в путь. «Ну, была не была, а разыщу его», — говорит он и вот начинает разыскивать мальчика.

Мало ли он ходит, много ли он ходит, — пусть его ищет, а молодец тем временем превращается в красивую баню, и мать сдает

его телляю. Люди со всего города, увидев, какая это красивая баня, даются диву и собираются к ней каждый с речами на разные лады. А мастер, услыхав о ней, тоже пришел туда и догадался, что баня — это его ученик. Он не подает и голоса. И вот беи, паши и многие богатые люди, всё поднимая цену на баню, доводят ее до большой суммы; под конец мастер дает больше всех, и так как нет никого, кто бы дал больше, чем он, то решают, что баня остается за ним. Он подзывает женщину. Когда он стал платить деньги, женщина говорит, что ключи она не отдаст, а так как мастер смекнул, в чем тут дело, то он и говорит: «Пока не получу ключей, не отсчитаю денег». А сам к тому же показывает женщине еще много денег и говорит: «Ну что же, вот на них ты можешь купить ключи, какие тебе захочется». Слыша такие слова и советы многих людей, женщина не догадывается, в чем дело, и, как только увидела деньги, соглашается. Едва она отдала ключи, молодец смекает, что он выдан. Он превращается в птицу и улетает, а мастер его превращается в сокола и пускается вслед за ним. Тот летит, другой летит — много они земель пролетели, пока один преследовал другого. А там падишах одного города³ со своими знатными людьми сидел и наслаждался в своем собственном саду.

Едва только молодец-птица увидел их, он в страстном желании спасти себя летит прямо к падишаху и падает перед ним в виде прелестной красной розы. Лишь только шах увидел розу, он говорит своим приближенным: «Ах! В такое время и появилась такая роза! Как ни судить, а это мне от алаха. Какая красивая роза и какой от нее сильный запах,— даже и в свое время не найдешь такой!» Пока они все любятоя ею, сокол-мастер готчас же превращается в человека и идет как бродячий ашык⁴, держа в руках саз, а сзади — таз⁵, как будто бы он, прогуливаясь, попал туда невзначай. Пропев несколько тюркю и мани⁶, он, играя на сазе, приближается к шаху. Песни, которые он пел, говорили о том, что он просит у шаха розу; однако шах говорит: «Эй, человек, ты что говоришь? Она мне от алаха послана, а ты — бедняк, скиталец, здесь повстречался с нами,— так почему же ты просишь эту розу?» Как только шах сказал так, мастер стал его умолять: «О шах, я весь тут перед вами, я влюблен в розу, которую ты видишь в твоей руке. Вот уже сколько лет, как я гонюся за ней и никак не могу ее заполучить; если вы не отдадите ее мне, тогда я сам себя убью. Жаль! Не правда ли? Сколько-сколько я перешел гор и скал, идя следом за ней, и вот

теперь она попала в руки такого милосердного, как вы, падишах! Такой бедняк, как я, из любви к ней, без всякой жалости отказался от своей души и своего добра; подобает ли вашей чести причинять мне горе? Нет! Пока я не получу ее, не уйду!» Так он уговаривает падишаха, а шах и говорит: «Ну что будет из-за одной розы? Пусть уж хоть этот бедняк добьется своего желания» — и протягивает ему розу, а роза в это время, упав из руки шаха на землю, превращается в просо и рассыпается по сторонам. А мастер тут же, превратившись в петуха, начинает подбирать просо. Однако одно зернышко попало под колено падишаха и, пока петух не мог его заметить, превратилось в чело века, который схватил петуха и сразу оторвал ему голову. Короче говоря, молодец убил своего мастера. Шах удивился всему этому и спрашивает молодца, в чем дело, а тот и рассказывает все по порядку — с начала до конца. Шаху понравилось мастерство молодца, а так как тот был к тому же парень красивый и статный, то шах делает его главным везиром. У шаха была единственная дочь, и он выдает ее за молодца. Сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу. Молодец берет к себе свою мать, и вот, избавившись от нищеты, они свою остальную жизнь проводят в покое.

54. Рассказ про али-дженгиз

 Повествователи событий и передатчики преданий¹ рассказывают так, что в давние времена у одной женщины было дитя такой необыкновенной красоты, что в свете подобного ему не было, и было это дитя полно всяких талантов. Эта женщина взяла и отдала мальчика во дворец. Однажды падишаху стало скучно, он говорит: «Есть ли среди вас кто-нибудь, кто знает игру в али-дженгиз?»² Когда он так сказал, этот мальчик говорит: «О падишах, если будет ваше позволение, я бы отправился научиться ей». Падишах сразу же дал разрешение и отослал этого молодца. Пока мальчик шел в дом Али-Дженгиза², на пути он встретил одного дервиша. Когда он сказал: «Сынок, ты куда идешь?» — он говорит: «Я иду, чтобы научиться игре в али-дженгиз». Тотчас дервиш говорит: «Иди, сынок, я тебя научу». Он взял с собой молодца, и они ушли в горы. Несколько

времени спустя они подошли к одной пещере, вошли внутрь; пройдя еще с минуту, они вошли в жилище, где обитал дервиш; чуть посидели. Немного времени спустя парню стало скучно; он вышел из комнаты и, прогуливаясь, подошел к одной соседней комнате и вошел в нее. Вдруг видит — девушка, как четырнадцатидневная луна. Оба глаза, как колодцы³; сидит, вышивает. Когда парень сказал: «Ин ты или джинн ты?»⁴ — девушка говорит: «Не ин я, не джинн я, а так же, как и ты, из человеческого рода». — «А откуда ты сюда пришла?» — спросил он, и девушка говорит: «Когда я была ребенком, я ходила в школу. Однажды этот дервиш схватил меня и привел сюда. Как он ни старался обучить меня, я ни за что не говорила так, как говорил он; потом он заключил меня в эту комнату». Затем она показала молодцу колодец: он был до самого верха заполнен человеческими трупами. Тотчас у молодца помутился рассудок; он упал на землю и потерял сознание. Немного спустя он пришел в себя, а девушка и говорит: «О молодец, когда дервиш будет тебя учить читать правильно, ты читай наоборот, смотри не ошибись и не прочти правильно!» — и она дала ему довольно много советов. Тогда молодец встал и пошел прямо туда, где находился дервиш. «Иди сюда, сынок, я тебя поучу», — сказал он и поставил мальчика перед собой. А молодец, став на оба колена⁵, начал учиться. Если дервиш говорил: «элиф», то молодец говорил: «бревно»⁶; дервиш говорит: «ба», а тот говорит: «корыто»⁷. Одним словом, как только он начал читать таким способом все до самого конца, дервишу надоело: он разложил молодца на полу и бил его, сколько душе угодно. Потом он стал обучать его книге Али-Дженгиза, но и ее молодец читал наоборот. Но ее-то молодец выучил до конца. А этот дервиш, приговаривая: «Не выучить! Не выучить!» — отлупил его хорошенько, приподнял и зашвырнул в горы.

Тогда молодец пришел к себе домой и сказал своей матери: «Матушка, завтра я обернусь конем; ты возьми меня и продай за деньги падишаху, но только смотри не отдавай моей уздечки». И вот, когда наступило утро, мать его встает, глядь! — а сын ее действительно стал прекрасным конем в конюшне. Потом она, держа его за недоуздок, повела к падишаху и продала за сто тысяч гурушей, взяла его уздечку и принесла домой. Когда наступила ночь, сын ее пришел и говорит матери: «Матушка, завтра я обернусь бараном⁸. И вот ты точно так же опять меня возьмешь и продашь падишаху». На следующий день молодец превра-

щается в барана; мать взяла его, и, пока вела прямо к падишаху, все это стало известно упомянутому⁹ дервишу. «Ах ты свинья, парень! В конце концов перенял-таки мое искусство!» Говоря так, он взлетел, как пламя, и пересек дорожку женщине. «Возьми, матушка, эти деньги и продай мне этого барана»,— сказал он. И в то время, когда женщина собиралась передать его дервишу, молодец обернулся птицей и улетел. В тот же миг дервиш обернулся голубем и пустился вслед за ним, чтобы его поймать. Бедная женщина так и остолбенела. Те мало-помалу подлетели к дворцу падишаха. В то время как падишах сидел в павильоне¹⁰ и смотрел кругом, птица превратилась в яблоко и упала на колени к падишаху. А голубь снова обернулся дервишем и вошел в павильон. «О падишах! Это яблоко— мое»,— сказал он. А падишах удивился: «Нет, оно мое»,— сказал он. Когда же в конце концов падишах собирался отдать это яблоко, оно превратилось в просо и просыпалось из его рук на землю. Дервиш превратился в курицу, и, пока она начала клевать просо, оно в тот же час превратилось в куницу, которая набросилась на ту курицу и задушила ее. Затем куница отряхнулась и обернулась таким же молодцом, как и прежде. Когда падишах сказал: «Ах, да ты ли это, сын мой?»— он ответил: «Да, о падишах— вот то, что называют игрой в али-дженгиз. Тот дервиш был моим учителем. Он старался меня погубить, а я, став искуснее, чем он, погубил его». Это очень понравилось падишаху; он сразу сделал его своим любимцем, пожаловал ему тысячу гурушей и громадный конак.

Здесь сказке конец, и прощай!¹¹

55. Дровосек и его жена¹

 В прежние времена был один дровосек, была у него и жена. Жена этого дровосека отбирала у него каждый день то, что он зарабатывал, и не оставляла ему ни одной пары. Она много раз пересаливала кушанье, которое стряпала, а когда бедняга говорил: «Кушанье, которое ты сготовила сегодня вечером, вышло соленое»,— на следующий вечер она вовсе не клала соли,— так и готовила кушанье без соли. Не будем затягивать! Если он

говорит: «Соли нет»,— она все делает без соли². И так вот она отучила беднягу есть в свое удовольствие.

Однажды этот дровосек утаил от жены сколько-то пара, чтобы купить веревку; ночью, когда он ложился спать, жена увидела деньги в одежде мужа. «Ай, муж! У тебя есть место, куда ты ходишь тайком от меня; эти спрятанные деньги ты туда и носишь»,— говорит она. Напрасно муж клянется,— женщина не верит. Наконец он говорит ей, что спрятал деньги для того, чтобы на них купить веревку. А она говорит: «Чтоб тебя повесили на этой веревке! Чтоб тебя и так, и этак!» Как только она это сказала, дровосек отвечает: «Дорогая жена, зачем ты говоришь мне такие обидные слова?» А женщина говорит: «Да я тебе еще мало сказала, вот что!» Перебраниваясь так, они затевают драку, и муж как следует отколотил свою жену. Как бы то ни было, они ссорятся всю эту ночь до утра. Когда наступило утро, дровосек встает, берет одного осла и говорит жене: «Смотри не бери другого осла и не езди за мной». С этими словами он выходит из дому и уезжает.

Пусть он себе едет, а женщина берет другого осла и едет вслед за ним. «Когда он без меня, кто знает, что он натворит?» — приговаривает она про себя. Как только она тронулась с места, дровосек оборачивается, глядь! — катит жена.

Не обращая внимания и не глядя на нее, он едет в лес³, а жена едет следом за ним. Когда дровосек начал рубить дрова, женщина, блуждая по лесу, натывается на какой-то колодец. Дровосек смотрит за ней и, когда увидел, что она бродит около ямы, кричит ей и зовет ее: «Эй ты, жена, берегись, отойди от края колодца!» Хоть он и говорил ей, жена все-таки подвигается вперед. Снова муж ей кричит: «Эй, жена, ты оглохла или упрямилась; я тебе говорю: назад отодвинься, а ты еще ближе вперед подвигаешься, отойди в сторону!» Хоть он и говорил ей так, женщина его не слушает и все подвигается вперед. Вдруг камень под ее ногами как-то соскользнул, и женщина упала в колодец, а дровосек, так как жена ему надоела, не обращает на это внимания и занимается своим делом. Как только наступил вечер, он нагружает ослов дровами и едет домой. Проходит ночь; на следующий день он опять берет ослов, едет в лес, рубит себе дрова, а сам думает: «Пойду-ка, посмотрю я на эту бабу». Он подходит к краю колодца, смотрит — женщины не видит. В душе ему стало жаль ее, он спускает вниз веревку и кричит: «Жена, держи веревку, я тебя вытащу!» Вот он чувствует, что веревка натянута

лась. Охая и задыхаясь, с трудом вытаскивает он веревку, и вот, глядь! — выскакивает ифрит, обмотанный веревкой. Дровосек очень испугался его, но ифрит сказал: «Эй, йигит, меня не бойся: ты меня спас от беды, и я до конца света не забуду тебе это добро». Дровосек спрашивает: «А что у тебя за беда была?» Ифрит отвечает: «Вот уже сколько времени этот колодец был моим домом. Вчера свалилась на меня какая-то женщина; села мне на голову, на плечи, держит меня за уши, и вот до сих пор не отставала. А теперь пришел ты, спустил веревку, крикнул: «Держи веревку!» Она меня-то бросила, а веревку не поймала. Я сейчас же обмотался веревкой, а ты потянул и вытащил меня. Вот уж спасибо тебе, что я от нее избавился! И вот теперь я хочу тебе за оказанную услугу отплатить добром». Дровосек от страха, думая только о том, как бы освободиться из рук ифрита, ничего не говорит. Ифрит достает три листочка, дает дровосеку. «Сейчас я охвачу болезнью дочь падишаха этого города; она не в силах будет двинуться с места, и каких бы ни делали лекарств — пользы не будет. А ты придешь, положишь один из листочков в воду, растолокши его, и той водой обрызгаешь тело девушки. Потом я отпущу ее и уйду. Шах даст тебе много подарков, и ты будешь проводить свою жизнь в наслаждении». Так он говорит и исчезает. А дровосек, лишь только получил листики, больше не заботился ни о жене, ни о чем другом: от страха он скорее идет домой и берется за свою работу.

А мы перейдем к ифриту. Когда он расстался с дровосеком, он отправляется прямо во дворец падишаха, нагоняет болезнь на все тело дочери падишаха, и та девушка сразу ослабевает и валится с ног. «Ой, мои руки, ой, мои ноги, ой, голова моя! Ах, умираю, кончаюсь!» — кричит она, плачет и стонет. И вот никто не может понять, что с ней случилось; об этом докладывают падишаху. Приходит падишах, смотрит на свою дочь. «У нее разболелась голова!» — говорит он и с волнением приказывает, чтобы поскорее пришел хеким. Сколько ни приходило хекимов, они не могли найти лекарства. Когда же девушка увидела своего отца, она начала вопить: «Ах, батюшка мой шах! Голова у меня очень болит!» А падишах говорит: «Дочка, как ты закричишь, у меня об тебе сердце так и занает, но что же я поделаю? Я позову к тебе ходжу». Он велит позвать целую кучу ходжей; они читают над ней, дуют. Пусть они ее лечат всякими лекарствами. И мы перейдем к дровосеку. Хотя ифрит, дав ему листки, все ему растолоковал, все-таки дровосек этому не поверил и не обра-

щал на это внимания. Пока он по-прежнему был занят своим трудом, в один из дней падишаху того города, в котором он жил, приходит письмо. А в том письме было написано: «Дочь моя тяжело заболела. Сколько ни призывал я хекимов и ходжей, они никак не могли найти ей лекарство. Пусть теперь всякий, у кого есть умение, приходит и лечит. Если он мусульманин, я отдам дочь ему в жены, лишь бы она выздоровела и освободилась от страданий; если он не мусульманин, а другой веры, я дам ему много денег и исполню все его желания». Так писал, оказывается, отец девушки. Когда дровосек это услышал, он тотчас же пошел к падишаху и говорит: «С соизволения аллаха пойду-ка я, полечу». Как только он это сказал, падишах посылает того дровосека вместе с человеком, доставившим письмо. Долго ли они идут, коротко ли идут — в один из дней они прибывают на родину девушки и посылают весть падишаху. Падишах призывает их к себе, показывает девушку. А дровосек приготавливает лекарство, как научил его ифрит, брызгает на девушку, и девушка поправляется. Шах, видя, что девушка выздоровела, тотчас обручает ее с дровосеком и делает его своим зятем. Сорок дней, сорок ночей устраивают веселье, а потом живут в спокойствии. У того падишаха был друг — другой падишах. У него была дочь. А ифрит, оказывается, любил ту девушку. Он постоянно нагонял на нее болезнь и не оставлял ее в покое. И вот он опять, еще раз, напустил и на эту девушку, как и на ту, много всяких болезней, а те, услышав о том, что та девушка поправилась, посылают человека: «Пришлите нам того человека, который вылечил твою дочь, потому что и моя дочь очень тяжело больна, окажите нам эту дружбу». Так пишет ее отец и посылает весть тому падишаху, а тот очень любил этого падишаха и потому немедленно посылает туда своего зятя.

Как только дровосек пришел к заболевшей девушке, он видит, что там ифрит. Когда ифрит увидел парня, он сказал: «Ой, я сделал тебе столько добра, а ты пришел отнять у меня и эту девушку. Я ее очень люблю: что ты ни делай, я ее не оставлю, даже пойду и твою у тебя отниму — ты смотри!» Так он говорит, а сам очень сердится. А наш дровосек, лишь только это услышал, от страха не знает, что и делать. Однако он быстро собрался с духом и говорит: «Я сюда пришел не из-за девушки: та, которая упала в колодезь, была моя жена; я бросил ее туда, думая от нее избавиться, но эта баба вылезла из колодца и пришла ко мне. Куда я ни пойду, она от меня не отстает; я от нее убежал и

пришел сюда к тебе, чтобы ты нашел от нее какое-нибудь средство: сейчас она и сюда придет». А ифрит, едва услышал о том, что эта баба придет к нему, говорит: «Ой-ой, до тех пор, пока я не отвязался от этой бабы, у меня все висела беда над головой, а теперь неужели она и сюда придет? Если так, то здесь оставаться нельзя: это место для меня стало харам». И он, не задерживаясь, убегает. А дочь шаха избавилась от ифрита, и родители ее радуются. Падишах от радости велел три дня освещать и украшать город, велел устроить пир, а затем отдал и свою дочь дровосеку, так как он ее спас. Сорок дней, сорок ночей празднуют свадьбу и делают его молодым мужем, а дровосек, избавившись от жены, которая упала в колодезь, до самой смерти живет в спокойствии с теми девушками, которых он взял.

И я, услышав о свадьбе, пошел; дали мне немного пилаву с шафраном. Когда я шел по дороге, собака с лаем — хар-хар — вцепилась мне в ногу; я бросил из рук пилав и стал бежать; передо мною выскочила мышь. Пока она прыгала туда и сюда, откуда-то появился араб. Он кричал: «Хватай ее, бей!» — а мышь от страха вскочила мне в нос, я чихнул, а араб сказал: «Да пошлет тебе аллах беду!» — и дал мне по затылку: мне показалось, что у меня глаза на лоб вылезли. Коль ты на свадьбу поспешишь, в нос и тебе залезет мышь!⁴

56. Два падишаха

 Было — не было, а в прежние времена был падишах. У этого падишаха был брат: он был падишахом другого города¹. Однажды этот брат выехал из города, в котором он жил, чтобы повидаться со своим братом. Собираясь ехать в его город, он купил множество всяких подарков. И вот однажды, в то время как он находился на пути туда, где был его брат, он видит, что забыл во дворце один из подарков, купленных им; он возвращается обратно и прибывает к себе во дворец. Когда он вошел внутрь, глядь! — его жена лежит на постели вместе с одним арабом. Лишь только он это увидел, он и говорит: «Ай, она оказалась дурной женщиной: она так и дожидалась, пока я уеду куда-нибудь. Такая женщина для меня не подходит!» Он тут же вы-

таскивает меч и перерезает обоим горло, а сам выходит и уезжает к своему брату.

Когда он приехал во дворец брата, он раздает привезенные подарки всей его семье и живет там несколько дней как гость; однако у него сильно болит душа оттого, что его жена совершила такой дурной поступок. Ночь и день² он сидит в раздумье и никуда не выходит из комнаты. Брат его говорит: «Тебе не понравился воздух нашей местности, поедем-ка вместе со мной на прогулку, и ты развлечешься, а сидеть тут для тебя вредно» — и все такое. Но тот никак не идет. Брат рассердился на него, собирается один и уходит.

Пусть он идет, а брат-гость открывает в своей комнате окно, которое выходило прямо в сад. Пока он так сидел, вдруг жена его брата, который ушел на прогулку, выходит в сад, а при ней двадцать невольниц и двадцать черных мужчин — арабов; они входят в беседку³, что в саду, раздеваются все донага и идут в водоем⁴ купаться. Жена падишаха кричит; приходит еще один араб, и она с ним вместе купается, играет, а те двадцать невольниц, выкупавшись и поиграв с арабами, снова все как одна идут в беседку, одеваются и идут во дворец. Увидев это, брат падишаха и говорит: «Увы, и жена моего брата такова, да еще хуже моей в тысячу раз!» И его собственная задумчивость невольно проходит. Немного времени спустя, когда пришел с прогулки брат, он видит, что задумчивость его брата уже не та, что прежде, и спрашивает о причине: «Ты раньше все задумывался, до того, что даже со мной прогуляться не пошел, а теперь у тебя как будто печали немного меньше; ты мне должен сказать, что тут за причина». Лишь только он так сказал, падишах рассказывает ему, что проделывала его жена: «Если ты не веришь, спрячься тихонько и смотри». Падишах снова говорит, что он пойдет гулять, берет людей и выходит из дворца; немного времени спустя он говорит: «Я забыл во дворце одну вещь» — и оставляет их в том месте, куда они дошли. А сам он приходит во дворец так, чтобы никто не видел, и сидит, спрятавшись в одном из уголков сада. А жена говорит: «Падишах ушел» — и снова, как и раньше, уходит с теми арабами в сад, играет в разные игры и развлекается. Падишах видит все собственными глазами и убеждается в этом. В раздумье идет он тогда к своему брату и говорит: «Идем, побываем везде, посмотрим, найдутся ли еще женщины, поступающие так, как наши жены». И оба брата уходят.

Мало ли идут, много ли идут, мало-помалу приходят на берег моря и говорят: «Здесь мы немного посидим». Садятся, и, в то время как они отдыхают, вдруг из моря поднимается что-то вроде дерева, плывет-плывет и выходит на берег моря. И вот они видят — человек с седой бородой, а на спине у него сундук. Он тут же спускает вниз сундук, вынимает из него коробку; когда он ее открыл, глядь! — красивая девушка. Человек говорит девушке: «Помилуй, эфенди⁵, посиди вот здесь немного, а я посплю у тебя на коленях». А падишахи, как только увидели это, испугались и забрались на дерево. Пока они там сидели, девушка вдруг заметила, что они забрались на дерево; тотчас она выпускает того человека из своих объятий, идет к подножию дерева и говорит: «Спуститесь, у меня к вам есть дело». А те от страха перед тем человеком не спускаются с дерева. Девушка говорит: «Если вы не спуститесь, я закричу и разбужу этого человека; скажу: они пришли меня похитить — и он вас убьет».

Как только она так сказала, они и говорят: «Помилуй! Постой, спустимся; только смотри, его не зови!» И они спускаются с дерева. Девушка хочет с ними поспать, но они не соглашаются. Девушка опять говорит: «Если вы со мной не поспите, я сейчас же закричу и велю вас убить!» А они — что же им остается? — от страха оба подчиняются девушке. После этого девушка достает из кармана кошелек, вынимает оттуда пятьсот перстней и пересчитывает: «Видели вы их? Вот по эту пору я спала со столькими мужчинами, вы тоже должны мне дать по одному перстню». Только она это сказала, они снимают перстни и отдают ей, но при этом спрашивают девушку, почему она так поступает, а девушка говорит: «Я была дочерью такого-то падишаха, меня выдали за одного человека. Во время свадьбы, ночью, когда мы должны были остаться наедине, пришел вот этот человек, похитил меня из комнаты и унес. Оказалось, что он из джиннов. Он всегда вот так вытаскивает меня, ложится ко мне на колени и немного спит, а потом опять кладет меня в ту коробку и погружается в море. А так как я ведь человек и не могу в ней жить, то я с кем ни находила случай, с тем и спала; от каждого человека, с которым я спала, я брала перстень — вот они».

Как только она так сказала, эти оба брата встают и идут к себе во дворец. Падишах убивает жену, тех рабынь и арабов и говорит своему брату: «После этого мы будем брать каждый день по жене: одну ночь поспим с ней, а на следующий день велю ее убить». Они встают, женятся; с девушками, которых они

взяли, они спят ту ночь, а с наступлением следующего дня перерезают им горло.

Так вот они и поступают, и в городе не остается больше девушек. Как только падишах сказал везиру: «Ты должен найти нам опять по девушке», — что делать везиру? — в городе не осталось ни одной девушки! Он приходит к падишаху: «О шах, в нашем городе девушек не осталось, и если вы согласитесь, то у меня есть две дочери, я их вам отдам». Падишах соглашается и берет их на ту ночь. Когда наступило утро и подошло время срубить им головы, эти девушки, обе вместе, выходят из дворца и убегают. Пусть они там идут, а падишах ищет их, но их никак не могут найти. Он догадывается, что они убежали, и говорит своему брату: «Здесь больше не осталось ни одной девушки: пойдем, будем искать — и найдем». И оба брата отправляются в путь. Пусть они там идут, а те девушки тоже идут-идут и приходят на вершину одной горы: «Найдем-ка себе местечко, где бы спрятаться!» Пока они ищут там и сям, вдруг у подошвы горы они находят железную дверь, входят внутрь и вдруг — что же вышло: большой дворец; во дворце готовятся кушанья, — все, как и должно быть. Одна из них говорит другой: «Что это за место такое?» А другая говорит: «Спрячемся здесь куда-нибудь, наверно здесь есть люди, что-нибудь да увидим». И они скорее прячутся в укромном месте. Когда после этого прошло немного времени, с другой стороны⁶ приходят сорок человек — у всех на головах зеленые перья. Каждый идет в свою комнату; они садятся, едят, пьют. Потом, когда все они легли спать, эти две девушки открывают комнаты одну за другой и все осматривают, потом снова ложатся там, куда спрятались, и засыпают. Когда наступило утро, те люди встают. Когда они спустились из дворца вниз, эти девушки и говорят: «Ну-ка, пойдем и мы вслед за ними, — посмотрим, куда они пойдут!» А те тотчас выходят в сад, погружаются в водоем, каждый из них становится зеленой птицей, и все улетают. Когда девушки увидели это, они вернулись обратно и приходят во дворец; придя туда, где готовилось кушанье, они говорят: «Ой, мы проголодались, дай-ка скушаем отсюда по кусочку!» Но только что они протянули руки, как их ударили шумовкой по рукам. Они испугались и говорят: «Беда, мы здесь никого не видим, но тут есть кто-то, кто нас видит». Перепугавшись, они выходят оттуда и идут дальше. И вот они идут-идут и опять подходят к одному источнику. «Отдохнем здесь немного», — говорят они и садятся. В это время

они вдруг увидели, что с другой стороны едут два всадника. Они и говорят одна другой: «Ох, кто это едет? Не было бы нам от них вреда! Айда! спрячемся куда-нибудь, чтобы нас не увидели!» С этими словами они отбегают в сторону и прячутся. А это как раз были те падишах с братом, которые брали их. Как только девушки их увидели, они и говорят: «О горе, они приехали в эти края за нами! Хорошо, что мы спрятались! Если бы теперь они нас увидели, то убили бы». Пусть они так говорят и сидят в том месте, где спрятались, а падишах и говорит своему брату: «Если бы они попали в наши руки, я бы уж ничего им не сделал, потому что они нас научили. Теперь, боясь смерти, они уже не будут делать ничего дурного; лучше всего было бы, если бы мы их могли найти: мы взяли бы их и поехали во дворец». Пока они так беседовали между собой, девушки говорят одна другой: «Это они говорят, чтобы нас обмануть, а если мы попадемся им в руки, они немедленно нас убьют. Лучше всего себя не выдавать: наверное, найдется кто-нибудь, кто нас возьмет!» И в эту ночь они там и засыпают.

Падишах говорит своему брату: «Ну, поедем, наверно мы их где-нибудь да встретим». Они снова садятся на коней и отправляются в путь. Когда они едут по дороге, они встречают женщину-дэва. Перепугавшись, они думают: «Сейчас она съест нас; что нам делать?» Брат говорит: «Теперь бежать нам от нее не годится: лучше всего пойти к ней, просить и молить⁷ ее; если нам удастся ее умиловить, то, может быть, она и девушек сумеет нам найти,— все равно бегством мы от нее не спасемся». И оба идут к ней. «Ах, матушка»,— говорят они и бросаются к ее ногам. А та говорит: «Если бы вы не назвали меня матерью, я бы сейчас же разорвала вас на куски!» А те, хоть и очень ее боятся, да что тут поделаешь, коли попались ей в руки! Потом она спрашивает их, откуда и куда они едут. А те рассказывают все, как было. Женщина-дэв говорит: «Я найду вам то, что вы желаете, но поклянитесь, что вы им ничего не сделаете». Только она так сказала, они тут же говорят: «Клянемся!» Женщина-дэв тотчас встает. «Оставьте здесь, я сейчас пойду: где бы они ни были, разыщу и приведу»,— сказала она, и те, согласившись, садятся.

Тотчас, сев верхом на кувшин, эта женщина-дэв взлетает на воздух. А эти девушки, оказывается, пошли обе совсем по другой дороге, опасаясь, как бы их не заметили всадники. Лишь только женщина-дэв их увидела, она спускается с воздуха, хватая их

обеих за волосы, как корзину⁸, снова взлетает на воздух, берет и приносит в то место, где были падишахи. А так как девушки не могли знать, что их ожидает, то они, прибыв туда и увидав падишахов, сразу подумали: «Наверно, они велят нас убить!» — и от страха начали дрожать. Женщина-дэв говорит: «Не бойтесь, я заставила их дать клятву; после этого они ничего вам не сделают. Айда, здесь не задерживайтесь, ступайте в свою землю». Лишь только она так сказала, падишахи берут девушек и отправляются к себе во дворцы. А отец девушек думает: «Детишки мои пропали. Кто знает, на какой горе они остались!» Ночь и день он горюет, и вот, как только он увидел, что они вернулись, он тотчас бросается в объятия к своим дочерям, падает к ногам падишаха и начинает рыдать, а падишах говорит: «Отныне девушки будут нашими законными женами, не бойся ничего». Когда он так сказал, везир обрадовался. Падишах снова празднует свадьбу сорок дней, сорок ночей, и они живут там до самой смерти.

57. Сказка о юродивом Мехмеде

 В одно время был юродивый Мехмед. Этого Мехмеда каждый день сажали в тюрьму. Кто бы что ни сделал, все говорят: «Это Мехмед сделал, айда в тюрьму!» Наконец это уже надоело парню: «Вай анасыны¹, что мне все терпеть? Стой, женьсь-ка я; может быть, тогда меня не будут сажать в тюрьму!» — говорит он, находит подходящую для себя женщину и женится на ней. Едва прошел один день, пять дней, как снова где-то что-то случилось. Все говорят: «Это юродивый Мехмед сделал!» И его хватают и сажают в тюрьму, а он со злости говорит: «Как выйду из тюрьмы, так уйду, куда глаза глядят, из этого города!» И клянется в этом. Спустя несколько дней его выпускают из тюрьмы; он идет домой и говорит своей жене: «Сударыня-матушка², если я куда пойду, ты тоже пойдешь со мной вместе?» Что делать жене? Она соглашается; тогда он, приготовив все, что нужно, уходит оттуда вместе с женой.

Шли они, шли, глядь! — пришли в какой-то город. Он и говорит жене: «Стой, жена, посмотри, что есть, чего нет³ в этом городе!» Он оставляет там жену, а сам входит в город, глядь! — а там пустым-пусто: нигде никого нет, а еды полным-полно,

и двери везде открыты. Лишь только увидел это Мехмед, он и говорит: «Ох, вот уж нашли, чего желали! Все это — как раз для меня, заживу-ка я в этом большом городе сам себе голова!» И он поскорее идет, забирает жену, приводит, поселяет ее в прекрасном доме и оставляет там: «Ты здесь оставайся, а я пойду, погляжу по сторонам, нет ли еще чего», — говорит он, берет лук и стрелы и уходит. Побродив немного, он подходит к источнику и садится чуточку отдохнуть; вдруг видит — идет дэв, и такой, что упаси аллах! Как только увидел его Мехмед, он приготовил лук, вложил в него стрелу, а дэв тоже увидел Мехмеда: «А, вот как раз! В то время как я ищу тебя, ты сам пришел к моим ногам, — нападай!» — говорит он. А юродивый Мехмед выпустил стрелу и случайно угодил прямо в глаз дэву. Дэв тут же, как минарет, рухнул на землю, а юродивый Мехмед благодарит аллаха: «Ох, избавился я от злобы этого дэва. Может быть, есть еще другой; раньше, чем он придет, — уйду-ка я отсюда!» — говорит он, снимается с места и пускается в путь.

Шел он, шел — попадаетея ему горная цепь; он поднимается на вершину, и вот, глядь! — на вершине гор шум, как будто светопреставление началось — народ со всего города собрался туда и сидит. Юродивый Мехмед протискивается между ними, а те, когда увидели его, спрашивают: «Эй, приятель, ты чего здесь ищешь?» И они говорят: «Здесь есть дэв, он приходит каждый день и уходит, похитив одного человека; мы со страху и убежали сюда от него!» А юродивый Мехмед говорит: «Ах, если это из-за дэва, так я его убил у источника». Сколько он ни говорил им, — те не верят. Тогда он говорит: «Если не верите, пойдемте вместе: я вам покажу». А они говорят: «Мы боимся: а ну как ты обманешь — сведешь к дэву да угостишь его нами!» Но Мехмед уговаривает их и ведет; они приходят к источнику, глядь! — а там труп дэва растянулся во всю длину. Они и говорят юродивому Мехмеду: «Хвала тебе, ты — молодец, ты избавил нас от этой напасти, а мы за это окажем тебе почтение, какое ты пожелаешь». А он говорит: «Я ничего не прошу у вас; только оставьте мне дом, в котором живет моя жена». А они говорят: «Хорошо, пойдем посмотрим». Все они входят в город, глядь! — а жена юродивого Мехмеда живет в доме имама. «Помилуй, друг любезный, этот дом принадлежит имаму; ты отсюда выйди, мы тебе дадим другой дом», — говорят они, а юродивый Мехмед отвечает: «Нет, этак не годится, я из этого дома не уйду; мое прозвище юродивый⁴ Мехмед, а дальше вы сами подумайте!» Лишь только

он это сказал, горожане видят, что он не из таких людей, которых можно водить за нос. «Ладно, приятель, мы жалуем тебе этот дом — ты избавил нас от рук дэва, а имаму дадим другой», — говорят они, определяют ему пятьсот гурушей помесячно, дают чифтлик⁵ и скотину.

С тех пор проходит довольно много времени. А в этом квартале был один конюх. Каким-то образом увидал он жену Мехмеда; что уж там делал — неизвестно, только он улестил женщину и стал частенько с ней встречаться. Мехмед догадывается, что женщина полюбила конюха: «Вай анасыны! И это тоже мне на голову свалилось: ладно, подожди!» — подумал он, но ни слова не сказал. Однажды он говорит: «Сударыня-матушка, я пойду в чужие края на два-три дня, приготовь мне чего-нибудь на дорогу». И женщина готовит немного еды. Мехмед прощается и уходит. Как только наступил вечер, он возвращается (а перед домом, в котором он жил, был тополь), приходит и залезает на верхушку дерева: «Вот отсюда я все увижу», — говорит он и начинает ждать. Немного погодя, глядь! — и в самом деле идет конюх и входит в дверь. «Ага, в самый раз! Сейчас я пойду и поймаю его собственными руками!» — говорит он. Но когда он спускался с дерева, он увидел, что из степи едет какой-то молодой всадник. «Стой, пусть он проедет, тогда я и спущусь», — говорит он. А молодец подъезжает, останавливается у дерева, слезает с коня; привязав коня, он разводит там огонь, а сам садится у огня, достает из-за пазухи коробку и ударяет по ней: коробка раскрывается, и оттуда выходит четырнадцати-пятнадцатилетняя девушка-пэри, такая красивая, что в лицо ей и смотреть невозможно⁶. Они сидят там с молодецм, кушают; молодец ложится на колени к девушке и говорит: «Ох, любимая, давно я не был в бане; поищи-ка немного у меня в голове!» И вот, пока девушка ищет у него в голове, молодец погружается в сон. Девушка тихонько кладет голову молодца на землю, встает, идет в кустарник, достает из-за пазухи коробку и ударяет по ней: оттуда выходит другой молодец, садится с девушкой, и они развлекаются друг с другом. Потом она дает ему пощечину, втискивает его в коробку и кладет ее за пазуху. Потом встает, идет, будит молодца, который был у костра. А молодец, проснувшись, дает пощечину девушке, втискивает ее в коробку и кладет коробку за пазуху.

Затем он идет к коню. Пока он отвязывал коня, юродивый Мехмед спускается с дерева, удерживает коня и говорит мо-

лодцу: «Эй, приятель, на этот вечер пойдем к нам, похлебаем-ка чорбы!» С этими словами он забирает его и приводит домой. Женщина, увидев, что идет юродивый Мехмед, прячет конюха в шкаф⁷. Мехмед говорит жене: «Сударыня-матушка, встань, свари нам чего-нибудь поесты!» И женщина встает, готовит еду и подает ее, а молодец и юродивый Мехмед садятся к столу. Мехмед говорит: «Просим милости, приятель». Как только молодец взял ложку чорбы, Мехмед и говорит: «Нет, так не годится: ты сыт, а тот, кто у тебя за пазухой, голоден; выпусти-ка его: пусть и он тоже поест». Услыхал это молодец и смутился, а юродивый Мехмед говорит: «Нет, нет, не смущайся! Правда, выпусти того, кто у тебя за пазухой», а жене своей говорит: «Сударыня-матушка, принеси-ка еще ложку». И женщина приносит еще ложку. Что тут делать молодцу? Выпускает из-за пазухи девушку, но едва только девушка взяла ложку чорбы, юродивый Мехмед опять говорит: «Нет, и так не годится! Ты сыта, а тот, кто у тебя за пазухой, голоден. Выпусти-ка молодца, который у тебя за пазухой: пусть и он поест!» Девушка смутилась, смотрит туда-сюда, а юродивый Мехмед говорит: «Не годится, не годится, непременно выпусти! Сударыня-матушка, принеси-ка еще ложку!» Жена приносит ложку, а девушка выпускает молодца, который был у нее за пазухой, и все начинают есть. Юродивый Мехмед и говорит своей жене: «Все теперь хорошо, — не хватает только одного человека. Ты сыта, а тот, который в шкафу, голоден. Ты выпусти конюха: пусть и он поест». Как только он это сказал, женщина перепугалась и видит, что все пропало.

Юродивый Мехмед встает сам, выпускает из шкафа конюха, приносит еще одну ложку, и все вместе едят. После того как встали из-за стола, юродивый Мехмед убивает конюха, а молодец убивает молодца, вышедшего из-за пазухи девушки. Потом юродивый Мехмед говорит: «Ну-ка, приятель, убьем и женщин», а молодец говорит: «Не надо! Чем их убивать, лучше отправим каждую в дом ее отца!» Затем он спрашивает женщин: «Вы поддались шейтану и наделали таких подлостей. Вас тоже надо было зарезать, как и этих, но я⁸ вас прощаю. После этого вы нам не жены — мы отсылаем вас к вашим отцам, но так как города, в которых живут ваши отцы, очень далеко отсюда, то нужно, чтобы вы принесли туда по подарку: чего вы желаете? — сорок коней или сорок ножей с черной рукояткой?» — говорит он. А женщины говорят: «А что нам делать с этими ножами с черными рукоятками? Лучше дайте нам сорок коней: мы сядем на них и

поедем, а к тому же, когда прибудем в наши города, подарим их нашим отцам». Юродивый Мехмед говорит: «Хорошо». Он приводит сорок черных коней, привязывает женщин за волосы к хвостам коней и ударяет их плетью так, что они помчались во весь опор; а так как женщины были привязаны, то тела их бились по конским спинам и по земле и разлетелись на куски по кочкам и камням. Потом юродивый Мехмед и молодец нашли себе в том городе подходящих девушек, обручились с ними и до самой смерти проводили свою жизнь в полном покое.

58. Жена бея

одно время был один бей, и была у него необыкновенно красивая жена. Так как этот бей ревновал свою жену, то он велел построить отдельный конак, запер там женщину одну-одиношеньку и никому не давал разрешения туда входить. Только сам он вечером приходил, а когда утром уходил, запирали двери и уходил, взяв с собой ключи. Бедная женщина, словно птица в клетке, оставалась запертой в том конаке.

А в другом городе был у одного бея сын. Тот сын увидел ночью во сне очень красивую женщину. Пораженный ее красотой, он влюбился в нее. Когда он проснулся, красота женщины стояла перед его глазами, но он не знал, кто такая эта женщина, и думал о ней и ночь, и день. С тех пор проходит некоторое время. Мальчик день ото дня худеет, желтеет. «Сумею ли я найти на свете такую женщину, как она?» — думает он. Он берет все деньги, сколько их только у него было, выходит и скитается из страны в страну.

А в той стороне¹ и женщина как-то ночью увидела во сне этого бея и тоже влюбилась в него. Было бы можно — она так бы и села на крылья птице и отправилась бы искать молодца! Но ничего не поделаешь! Она ничего не может сделать, потому что сидит там, как в тюрьме; одно только и есть, что каждый день сидит у окна да смотрит на прохожих. А в этой стороне молодец, как он ни искал во всех попадавшихся ему городах, — ни в одном не мог найти ту женщину, которую видел во сне: зря только деньги тратил!

Бродит он, бродит, и вот однажды попадает в город, где была эта женщина. Прохаживаясь по улицам, он проходит и под окном конака, где была та женщина, и вот, когда он, по своему обыкновению, поднял глаза на окна, глядь! — женщина, которую он видел во сне, сидит у окна. Увидев ее, он едва не потерял рассудок. Пока мальчик стоял там, охваченный дрожью, женщина тоже заметила мальчика и смутилась: он был точь-в-точь такой, как она видела во сне. «Ой, как бы мне сделать, чтобы взять его наверх?» — думает она. Но так как ей ничего нельзя сделать, она опускает руки. «Стой, напишу я хоть письмо да брошу вниз: пусть его почитает!» — говорит она, наскоро пишет письмо и бросает вниз. А бей, только увидал письмо, так и бежит, берет его, открывает и читает, а в нем написано: «Эфендим, я видела тебя во сне, тебя полюбила, и хоть я с той поры мучусь и страдаю по тебе, но что делать! Место, где я нахожусь, — та же тюрьма, и я не могу с тобой повидаться; найди какой-нибудь способ, чтобы нам обоим бежать отсюда». Так вот писала она. Мальчик взял письмо, идет в свою комнату и думает: «Как бы мне пуститься на хитрость?» Проходит несколько дней, молодец перестает есть и пить: все обдумывает, как бы ему добыть эту женщину, и вот что-то приходит ему на ум. Он берет все, что у него было — деньги и прочее, и приходит к бею, мужу той женщины. «Эфенди, я — сын очень богатого бея одной дальней страны. Так как отец мой умер, я захватил немного денег и отправился в чужие страны путешествовать по свету, но мне очень надоело бродить, и я пришел к тебе, эфендим: все, что у меня есть, я принес тебе, как эманет, а сам я пошел бы к тебе на службу», — говорит он. Лишь только бей увидал молодца, он тут же согласился: «Очень хорошо, сынок», — говорит он, велит построить при своем конаке особый замок и говорит, чтобы молодец там поселился. А молодец, видя столько уважения, на радостях берет весь свой скарб, идет в замок и поселяется там.

Однажды он тайком от бея приводит в дом плотника, дает ему много денег и велит сделать под домом ход для проникновения в конак. Лишь только ход был окончен, он каким-то образом убивает плотника. И никто не знает о том, что ход сделан. С этих пор женщина и молодец ничего не боятся: каждый день ходят друг к другу и наслаждаются, как хотят. Однажды мальчик снимает перстень с пальца женщины и надевает на свой палец; потом они забывают об этом, и женщина идет к себе в конак. И вот, сразу после этого приходит бей и говорит молодцу: «Ну-ка, сы-

нок, поедем сегодня с тобой на охоту!» А молодец отвечает: «Очень хорошо, эфендим». Они садятся на коней и выезжают. Они поездили немного, устали и садятся под деревом; и вот бей бросает взгляд по сторонам, глядь — а на пальце у молодца — перстень, который он сам дал жене в знак обручения. Он потерял голову и говорит молодцу: «Сынок, ты побудь здесь, а мне пришла в голову одна мысль — я пойду посмотрю!» С этими словами он встает и уходит. А мальчик, лишь только увидел перстень на своем пальце, так сразу и догадался: «Это из-за него он ушел», — думает он, поскорее садится на коня и приезжает домой раньше бей; там он идет по подземному ходу и отдает женщине перстень. И вот муж той женщины приезжает, идет прямо в конюшню, открывает дверь, входит, идет к жене, глядь! — а перстень у нее на пальце. Женщина спрашивает бей: «Эфендим, что это вы с таким волнением пришли, — потеряли что-нибудь?» А бей говорит: «Прости, дорогая женушка! Я понапрасну грешил на тебя. Мы с нашим гостем выехали сегодня на охоту, и вот, так как я увидал у него на пальце такой же перстень, как у тебя, я и впал в беспокойство, думая, не встречаетесь ли вы тайно друг с другом, — поэтому я и пришел в такое волнение». А женщина говорит: «Странно, эфендим, человек на человека походит, так неужели перстень на перстень не будет походить? Ну что же, ничего! Так как теперь ты видел перстень на моем пальце, то ты убедился, что перстень, который у него на пальце, не мой перстень». Бей обнял жену и сел рядом с ней.

Когда после этого прошло немного времени, молодец однажды приглашает бей в свой дом, а бей говорит: «Прекрасно», — встает, и они идут вместе с молодцом. И вот приходят, садятся; подают угощение. Как раз, когда они ели, жена бей, переодетая в другое платье, входит в комнату через дверь, садится, и все едят вместе. Бей глядит: ну точь-в-точь его жена. «Милые мои, да эта женщина — моя жена! Но только как она вышла из конюшни и пришла сюда?» — думает он и еле сидит на месте. Наконец он говорит молодцу: «Кто эта женщина?» — А молодец говорит: «Эфендим, это моя невеста; я сейчас нарочно тебя² пригласил, чтобы вы посмотрели: если вы найдете ее подходящей, я возьму ее, с вашего разрешения». Бей говорит: «Сынок, то, что тебе нравится, и я нахожу подходящим», а сам каждую минуту искоса поглядывает на женщину и думает: «Да, это без сомнения моя жена!» И он говорит молодцу: «Сынок, мне вспомнилась одна очень нужная вещь, дай-ка я схожу, по-

смотрю»,— встает и идет прямо в конак. А женщина с этой стороны идет подзёмным ходом, входит в конак и начинает делать разную работу. И вот входит в комнату ее муж; лишь только он увидал женщину, он подходит прямо к ней: «Прости, султанша, я и сегодня перед тобой виноват: молодец, приехавший к нам в гости, сегодня пригласил меня к себе. Пришел я и увидел прямо тебя: его невеста точь-в-точь похожа на тебя,— ну так похожа! Посмотри-ка в зеркало: вот какой ты себя видишь, такой была и она, а я-то подумал, что это, конечно, ты; встал под одним предложением и пришел. А ты-то, оказывается, здесь. Если бы тебя здесь не было, я бы убил и тебя, и его»,— сказал он. «Эфендим, на этих днях ты стал очень часто подозревать меня в измене; если бы я даже и хотела это сделать, то как я выйду отсюда? Разве только, что стану птицей и полечу? Я с молодых лет сижу здесь, запертая, как в тюрьме, не хватает еще, чтобы ты обвинял меня в измене!» — говорит она и начинает плакать. А бей говорит: «Чего ты плачешь, дорогая? Разве и я не человек? Я не считал возможным, чтобы нашлась женщина, столь похожая на тебя; у меня появилось сомнение, и потому я так поступил! Прости, теперь сердце мое вполне спокойно, теперь что бы ни случилось — я не поверю»³. На этом они и порешили.

И вот после этого прошло много времени, а молодец подготавливает себе все, что нужно. Однажды он приходит к бео: «Эфендим, так как я здесь чужестранец, то я возьму свою суженую да и отправлюсь к себе на родину, а ты пойди, сделай ей кое-какие наставления, чтобы она со мной хорошо жила!» И бей говорит: «Хорошо» — встает, и они вместе с молодцом идут в дом и зовут к себе женщину. «Ну вот! Будь счастлива, дочь моя! Живи с мужем хорошо — вот уже скоро вы с ним вступите в брак. Смотри, не люби никого, кроме этого молодца, и живите вместе до самой смерти»,— говорит бей. Женщина целует руку у своего мужа, и те садятся в повозку; молодец прощается с беем, и они отправляются в путь. Прибыв на пристань, они садятся на корабль; тот поднимает паруса, и они отчаливают. В этой стороне наступает вечер. Бей идет домой, глядь! — в доме никого нет: вместо жены — ветер гуляет⁴. Тогда он понимает все, но что делать? — все пропало, и он остается полный тоски. В этой стороне молодец вместе с женщиной за несколько дней приезжает к себе на родину, поселяется в своем конаке, вступает в брак с женщиной; устраивают свадьбу, и они достигают своих желаний.

Было — не было, а когда-то была одна бедная женщина, и была у нее взрослая дочь по имени Дерийэ. Так как им не на что было жить, то эта девушка прислуживала там и сям у соседей; получив десять-двадцать пара, она покупала на это хлеба, и так вот они вместе с матерью утоляли голод.

Однажды эта девушка, как всегда, выколачивала ковер в доме одного из соседей по кварталу, и ей за это дали двадцать пара. После того как она, получив деньги, пришла домой, мимо их двери проходили гадалки-цыганки¹; они зашли внутрь. «Гадаем², судьбу узнаем», — говорят они девушке. А девушка спрашивает: «За сколько вы гадаете?» Те говорят: «За двадцать пара». Девушка вытаскивает двадцать пара, которые она заработала в тот день, и отдает цыганкам. А цыганка гадает ей: «Девушка, судьба твоя ясна: ты скоро выйдешь замуж за одного бей-оглу», — говорит она. Девушка осталась очень довольна этим гаданьем — идет и рассказывает своей матери, а мать говорит: «Ах, доченька, когда аллах пожелает, то все может быть». Эти их слова слышит их ближайший сосед, один бей-оглу, и думает про себя: «Смотри, какие мечты у этой девицы: спит в говне, а видит везиров во сне!»³.

А мать девушки говорит: «Дочка, пойди и на те деньги, что сегодня заработала, купи питэ или сомун⁴, принеси и поедим, а то я от голода еле на ногах стою». Девушка отвечает: «Ах, я отдала деньги гадалкам». И мать говорит: «Эх, значит нет ни питэ, ни сомуна: гаданье перевернуло нам желудок».

Так вот она сказала, и они в тот день сидят голодные. А так как бей-оглу слышал тот разговор матери с дочерью, то для того, чтобы подразнить девушку, он и кричит с той стороны забора: «Дерийэ, Дерийэ, пропало питэ, пропал сомун, зато ты выйдешь за бей-оглу!» А девушка в ответ: «Аллах велит⁵, — хоть ты убей, — мне будет мужем юный бей». А бей-оглу, хоть и злится еще больше на слова девушки, но ничего не говорит. На следующий день он снова кричит с забора: «Дерийэ, Дерийэ, пропало питэ, пропал сомун, зато ты выйдешь за бей-оглу», а девушка говорит: «Аллах велит, — хоть ты убей, — мне будет мужем юный бей». Тогда бей-оглу идет к своей матери и говорит: «Матушка, жени меня». А мать говорит: «Хорошо, дитя мое» — идет,

дает обручальный подарок ⁶ дочери одного паши, приходит и рассказывает об этом сыну. А бей-оглу с забора кричит девушке: «Дерийэ, Дерийэ, пропало питэ, пропал сомун, зато ты выйдешь за бей-оглу». А девушка говорит: «Аллах велит,— хоть ты убей,— мне будет мужем юный бей». Бей-оглу говорит: «Ты заруби себе на носу ⁷: бей-оглу обручился с дочерью паши» — и уходит. На следующий день он снова приходит и говорит девушке то же самое. Не будем затягивать! С этих пор каждый день бей говорил девушке: «Пропало питэ, пропал сомун, зато ты выйдешь за бей-оглу», а девушка всегда отвечала: «Аллах велит,— хоть ты убей,— мне будет мужем юный бей», и бей-оглу сердился на эти слова. Напрасно его мать говорила: «Эй, сынок, не привязывайся ты к этим беднякам, не задевай их! Кто знает, что взойдет, прежде чем солнце взойдет?» ⁸ И к тому же большой кусок глотай, а больших слов не говори» ⁹. Но молодец и не слушает свою мать: «Я допеку эту девку: она не смотрит на свою бедность, а хочет выйти замуж за бей-оглу. Какой бей возьмет такую девку за своего сына?»

Наконец начинается свадьба этого бей-оглу с дочерью паши: шьют свадебный наряд ¹⁰. Бей-оглу опять идет к девушке и рассказывает об этом, а девушка все отвечает: «Аллах велит». Наконец свадьба кончается, дочь паши приводят как молодую в дом бей-оглу, тот принимает молодую с покрывалом на лице, сажает ее в угол, а сам выходит ¹¹ из дому в тот день немного прогуляться. Вслед за его уходом молодая сбрасывает покрывало с лица и свадебные одежды с себя: «Я пойду домой к отцу», — говорит она матери молодца; а та отвечает ей: «Доченька, разве это возможно? — ты только пришла, еще даже не побеседовала с моим сыном!» Но напрасно она ее наставляет: та все пропускает мимо ушей ¹². «Мне твой сын не понравился, к тому же я еще раньше любила одного из писцов моего отца; хоть он и отдал меня за твоего сына, я пошла не по своей воле, а потому, что не хотела прекословить отцу. К тому же я думала, что сын твой похож на моего возлюбленного; теперь я видела его своими глазами, он мне не по сердцу». И она не слушает никого и уходит. После этого — что делать матери бей-оглу? Столько было потрачено, а невеста сбежала, а другой-то неоткуда взять! Тогда она вспомнила о соседской девушке: «Эх, хоть и бедна она, да довольно красива, вместо невесты возьму ее», — думает она и идет к соседке. «Девушка Дерийэ, ты здесь ли? Наша невеста сбежала, иди вместо нее: мы сделаем тебя невестой», а девушка-то

и рада. Она идет в дом бей-оглу, надевает свадебные наряды, вуаль¹³, проходит, и ее сажают в угол.

А с этой стороны под вечер приходит и молодец, поднимает свадебную вуаль, и они садятся. И вот в ту ночь они достигают своих желаний.

Наутро бей-оглу идет к забору. Сколько он ни кричал: «Дерийэ, Дерийэ» — никто не отвечает. «Ого, наконец я эту девицу вывел из себя; она подохла от злости», — думает он и идет к своей матери. «Матушка, видала ты? Соседскую-то девушку я допек, я звал ее — она не ответила», — говорит он, а мать отвечает: «Молчи ты, сынок! Исполнилось ее желание: девушка, которую ты принимаешь за дочь паши, — Дерийэ, дочь соседки. Ты не понравился дочери паши, и она убежала». А бей-оглу говорит: «Эх, отлично, значит она — моя суженая». И он снова обручает девушку с собой, и после свадьбы в сорок дней, сорок ночей они соединяются и живут на одном месте до самой смерти.

60. Дочь торговца базиликом

 Было — не было, а в прежние времена у одного торговца базиликом¹ было три дочери. Эти девушки весь день поливали базилик, выйдя в сад. А вот против их дома жил один бей; этот бей каждый день наблюдал за этими девушками, как они выходили в сад и поливали базилик. Однажды, когда самая старшая из девушек вышла поливать базилик, бей увидел ее и думает про себя: «Стой, подшучу-ка я немного над этой девушкой!» И он говорит девушке: «Дочь торговца базиликом, дочь торговца базиликом, ты поливаешь этот базилик, а знаешь ли ты, сколько на нем листьев?» А так как девица не нашлась ничего ответить, она от стыда убежала. Потом, когда средняя девушка пошла поливать базилик, бей говорит и этой то же, что сказал первой. А она, как и сестра, не может найти слов для ответа и убегает. Под конец приходит младшая девушка. Бей и этой говорит: «Дочь торговца базиликом, дочь торговца базиликом, ты поливаешь этот базилик, а знаешь ли ты, сколько на нем листьев?» А так как младшие дети всегда бывают сметливыми², то она отвечает: «Бей, а бей! У тебя в руке перо, на кушаке³

чернильница, а знаешь ли ты, сколько на небе звезд?» А бей не может ничего ответить, и ему становится стыдно. Он думает про себя: «Ах ты, ах ты, потаскуха! Ты мне сделала мат⁴, каково? Ну, подожди, я с тобой сыграю штуку, ты у меня посмотришь!» Потом проходит три дня, пять дней. Бей надевает на себя старую феску, старые шальвары, берет на голову корзину и превращается в заправского рыбака (девушка-то очень любила рыбу); вот он начинает продавать рыбу, крича на всю улицу: «Рыба, рыба!» Как бы то ни было, проходит день, два, на третий день девушка зовет рыбака. Рыбак приходит, и девушка спрашивает его: «Почем отдаешь?» А бей говорит: «Эфендим, я рыбу за деньги не продаю». Когда девушка спросила: «А за что же ты ее продаешь?» — бей говорит: «За один поцелуй я даю одну окку рыбы». Девушка думает-думает: «Никто не увидит — поцелую его и получу окку рыбы». Она целует рыбака и берет окку рыбы. Тогда бей на радостях идет домой, принимает свой прежний вид и поджидает, когда девушка выйдет в сад. Не будем затягивать! Когда выходят старшая и средняя девушки, бей, как и раньше, пристает к ним, и они убегают; подходит очередь младшей девушки. Когда девушка выходит, бей говорит: «Дочь торговца базиликом, дочь торговца базиликом, ты поливаешь этот базилик, а знаешь ли ты, сколько на нем листьев?» Тогда девушка сказала: «В руке перо, на кушаке чернильница, — а знаешь ли ты, сколько на небе звезд?» Едва только бей сказал: «А ты знаешь, кто дал за окку рыбы поцелуй?» — девушка переменилась в лице: «Ах, паршивец, стой, и я сыграю с тобою штуку, ты у меня узнаешь!» Девушка встает с места, велит сделать себе платье с бубенцами⁵ и прячет его под мышку. И вот она ждет перед домом бея, пока откроется дверь. Когда дверь открылась, девушка каким-то образом без труда пробирается в конюшню, так что никто не видит, и там прячется, а спальня-то бея как раз и была над этой конюшней. Наступает ночь; бей и все остальные ложатся спать. В полночь девушка надевает платье с бубенцами, идет к бею, встряхивается разок — бубенцы звенят. Девушка встряхивается еще разок — тангыр-тунгур!⁶ — кашляет — охо-охо!⁷ Бей просыпается, спрашивает «Кто там?» и выглядывает из-под одеяла. А девушка еще раз кашляет, встряхивается — бей под одеялом дрожмя-дрожит, а девушка и говорит грубым голосом: «Я — Азраил⁸, пришел за твоей душой: или ты должен отдать твою душу, или я засуну рог тебе в зад!» Бей сильно взволновался, думает так и сяк, но что он может поделывать? Тогда он го-

ворит: «Чем отдавать душу, лучше уж всунуть рог: суй рог». А девушка ввертывает покрепче рог в зад бею и скрывается.

Наступает следующий день. Бей встает с постели, вертит и так, и сяк — с трудом вытаскивает рог; однако дней пять-десять он и сидеть не может. Как бы то ни было, бею становится лучше. Однажды он снова сидит перед окном и смотрит, как младшая дочь поливает базилик. «Дочь торговца базиликом, дочь торговца базиликом, ты поливаешь базилик, а знаешь ли ты, сколько на нем листьев?» А девушка, как и раньше, сказала: «В руке перо, на кушаке чернильница, а знаешь ли ты, сколько на небе звезд?» Тогда бей говорит: «А ты знаешь, кто дал за окку рыбы поцелуй?» А девушка говорит: «А не знаешь ли ты, кто вернул тебе за это рог в зад?» Когда она ему так возразила, он говорит: «Ах ты, потаскуха, выдумщица!» Он отступает от окна, идет прямо к своей матери и говорит: «Ты непременно должна взять за меня дочь торговца базиликом, что живет напротив». А мать говорит: «Сынок, ты — сын бея: тебе разве подходит дочь какого-то торговца базиликом?» Когда она так сказала, бей настаивает на своем: «Во что бы то ни стало возьми за меня ту девушку». Мать видит, что сын от этого никак не отступается. «Ну уж, так и быть, пойдем на смотрины, посватаем девушку», — говорит она.

Идет на смотрины, сватает девушку; отец и мать девушки соглашаются и, уговорившись обо всем, приступают к свадьбе. А младшая дочь, лишь только услышала об этом, поняла, что этот бей что-нибудь ей да сделает. Она поскорее бежит к своему отцу: «Отец, нужно сделать из пчелиного воска куклу, похожую на меня». И она пристает к отцу, а отец — что же ему делать? — идет и достает. Девушка берет куклу и кладет в комнату невесты, привязывает к голове этой куклы веревку, а конец от нее протягивает в шкаф; в ту куклу до самого мозга⁹ она наливает целый бурдюк пекмэзу¹⁰. В тот день девушка сидит в другой комнате, а подружки и друзья приходят в ту комнату посмотреть на невесту. Наступает вечер, все уходит, а девушка думает: «Близок приход молодого» — идет в подлинную «комнату¹¹ невесты», надевает свой свадебный наряд на ту куклу, дувак¹², золотые и серебряные нити нацепляет ей на голову, а сама прячется в шкаф и смотрит из скважины шкафа. Затем приходит молодой; он входит через дверь, вытаскивает из-за пояса меч и говорит: «Эй, потаскуха, ну-ка скажи: это ты мне вернула рог в зад?» Девушка из шкафа тихонечко тянет за веревку, и кукла кивает головой, а бей говорит: «А, да ты еще головой киваешь!» Он уда-

рвет мечом по кукле — из нее течет пекмэз. Бей говорит: «Я поклялся выпить пригоршню твоей крови!» С этими словами он подбирает с земли пригоршню пекмэза и пьет, и вот смотрит: кровь — словно сахар. «Увы, кровь у нее такая сладкая оказалась: кто знает, какой сладкой была она сама!» — сказал он, а девушка выходит из шкафа и говорит: «Ну что, сдержал свою клятву, мой бей?» Бей так и остолбенел. Потом они бросаются друг другу в объятия и так, в удовольствии, проводят свои дни. Они достигли цели — знай, а ты хоть на стену влезай! ¹³

61. Дровосек и его три дочери

 В какое-то время был один дровосек, а у него было три дочки. Этот дровосек каждый день ходил в лес, до вечера рубил там дрова, потом их продавал, а на эти деньги покупал всякую еду и хлеб и приносил домой.

В один из дней он снова ушел в лес, и вот, пока он рубил дрова, подошел какой-то дервиш. «Селям тебе, старина-дровосек», — сказал он, а тот, ответив на селям, говорит: «Что нового, старина-дервиш?» — «Я спрошу у тебя кое-что, только сумеешь ли ты отгадать?» — «А что?» — сказал дровосек. Тогда дервиш и говорит: «Что такое месяц, что такое звезды, что такое ночь, что такое день? Если можешь это отгадать в три дня, — отгадай; не сможешь, — я тебе голову снесу!» Сказав так, он уходит. А дервиш тот, оказывается, был падишах. И вот дровосек принялся думать: «Сжался, о аллах, что же это такое свалилось на мою голову? Я — бедный человек, как же мне это отгадать?» Сердце у него сжалось, бросил он рубить дрова. Сколько дров он до этого нарубил — столько и несет, продает и идет домой. И вот старшая дочь открывает дверь; видит, что отец пришел сам не свой. «Ох, отец, что с тобой случилось сегодня? Ты сам на себя не похож!» — говорит она, а он в ответ: «Дочь моя, сегодня пришел дервиш, вот то-то и то-то у меня спросил; я и затосковал от этого». Когда он так сказал, девушка расхохоталась. «Ха-ха-ха, а я-то думала, ты скажешь: «У дочери моей все на месте, осталось только таз покрыть»¹. Когда она так сказала, отец ответил: «Иди вон отсюда, сука!» — и снова принялся думать.

Наступает утро. Он берет топор, идет в лес. Когда он рубил дрова, приходит тот дервиш. «Отгадал, старина?» — спрашивает он, а тот отвечает: «Нет, не мог отгадать». — «Два дня тебе осталось», — говорит дервиш и уходит. Сердце у бедняги опять сжалось. Он бросает дрова, идет домой. Когда он постучал в дверь, ему открывает средняя дочь; видит, что лицо у отца темным-темно. «Ох, отец, что с тобой случилось, что ты сегодня рано пришел?» А он говорит: «Отправляйся-ка ты вон отсюда; что сказала твоя сестра, то и ты скажешь». — «Помилуй, батюшка, может быть, я облегчу тебе твою горе, расскажи, из-за чего ты опечалился». Когда она так сказала, отец и рассказывает ей, как было дело. Девушка расхохоталась: «А я-то думала, ты скажешь: «У дочери моей все на месте, не хватает только покрывала на таз». Отец прогнал ее: «Иди-ка ты вон!»

Ту ночь до утра он не спит; когда наступило утро, снова идет в лес. Приходит тот дервиш. «Отгадал, отец?» — говорит он, а тот отвечает: «Нет, не отгадал». Дервиш уходит, а дровосек поднимается, идет домой; ну, теперь-то уж плохи его дела! И вот младшая дочь открывает дверь: «Ах, отец, что с тобой случилось?» Когда она так сказала, отец прогоняет ее; она упрашивает, умоляет, и отец рассказывает, в чем дело, а девочка и говорит: «Ах, батюшка, что тут непонятного? Когда дервиш придет, ты скажи, что месяц — это вы, падишах, звезды — ваши везиры, ночь — ваши младшие рабы, день — ваши старшие рабы».

Лишь только он это услышал, он так и обрадовался и ночью до самого утра говорил и заучивал эти слова. Утром рано он взял топор и снова пошел в лес. Пока он рубил дрова, опять приходит дервиш. «Отгадал, старина?» — сказал он, а тот говорит: «Да, отгадал». — «Что же это?» — спрашивает дервиш. А когда дровосек сказал «Месяц — это вы, падишах, звезды — ваши везиры, ночь — ваши младшие рабы, день — ваши старшие рабы», падишах сказал: «Старина, у тебя есть три дочери: все три — девушки и все три — беременны на седьмом месяце». Сказав это, он уходит. И вот эти слова тревожат дровосека; он встает, снова идет домой; выходит младшая дочка: «Отгадал, отец?» А он отвечает: «Отгадал, да только он мне вот что сказал: это что же такое?» Когда он рассказал ей, девушка и говорит: «Не беда, пусть придет, и тогда поговорим».

И вот наступает утро, глядь! — подъезжает повозка, в дверь к дровосеку стучат, говорят ему: «У тебя есть три дочери, их требует падишах, пошли их». Тогда отец говорит об этом доче-

рям. А младшая дочка делает три узла; она привязывает каждой девушке по узлу на живот и говорит старшей: «Когда падишах тебя спросит: «Девушка, чего желает твоя душа?» — скажи: «Маринаду». А средней говорит: «А тебя когда спросит: «Девушка, чего желает твоя душа?» — скажи: «Мяса». Они садятся в повозку, едут прямо во дворец и предстают пред очи падишаха. Падишах смотрит на них и говорит старшей девушке: «Девушка, чего желает твоя душа?» А та говорит: «Маринаду». Падишах говорит: «Выдайте ее за туршуджу-башы»². Задает вопрос средней дочери, а та говорит: «Мяса». И он говорит: «А ее выдайте за касаб-башы»³. Младшей дочери говорит: «Девушка, чего желает твоя душа?» Та говорит: «Рыбы в воздухе, укропу в море». Когда падишах сказал: «Разве бывает рыба в воздухе, укроп в воде?» — девушка и говорит: «О падишах, а бывают ли три незамужние девушки беременны на седьмом месяце?» Этими ее словами падишах остался очень доволен и говорит своему везиру: «А эту отдайте мне в жены». Устраивают свадьбу и справляют ее сорок дней, сорок ночей.

62. Сёйлемез-султан

 Было — не было, а в одно время у одного падишаха был сын; у сына была маленькая золотая пушка, и он каждый день забавлялся тем, что бросал и ловил ее. Однажды, когда он, по обыкновению, сидел во дворце и играл пушечкой, к фонтану, что был внизу дворца, подходит одна старая женщина, чтобы набрать воды. Шахзадэ ради забавы бросает пушку и тут же разбивает у старухи кувшин¹, а женщина — что тут поделаешь? — не говоря ни слова, берет другой кувшин и снова идет к источнику. А мальчик остался очень доволен тем, что разбил кувшин: он снова бросает пушку и разбивает второй кувшин. Как ни сердилась старушка, но, боясь падишаха, она не смеет ничего сказать; а так как денег у нее не было, она идет, берет в долг еще один кувшин и приходит обратно. Пока она набирала в него воды, мальчик опять бросает пушку; когда же он разбил и этот кувшин, старуха уже выходит из терпения. «О аллах! Я тебе ни слова не скажу, о шахзадэ — вот только полюбить бы тебе султаншу Сёйлемез!»² — произносит она и уходит. Как только шах-

задэ это услышал, его охватило любопытство. «Это как же так, что это такое?» — раздумывает он, и беспокойство его становится все сильнее; день ото дня он хворает все пуще, начинает желтеть и увядать, перестает есть и пить. Словом, лежит он в постели три-четыре дня, а сам таков, как будто хворает три месяца. Падишах не понимает, что с ним случилось: сколько ни приводят к нему хекимов и ходжей, они не могут найти для него никакого лекарства.

Однажды падишах спрашивает сына, отчего он заболел, а тот ему в ответ: «О отец мой шах, так и так, в такой-то день разбил я три раза кувшин у одной женщины, которая приходила к фонтану, что под моим дворцом. «Полюби Сёйлемез-султан!» — сказала она мне, и с того дня я захворал от беспокойства. Мне становится все хуже: ни хекимы, ни ходжи мне не помогают; отпусти меня, чтобы я отправился на поиски той султанши... кто она такая? Может быть, тогда я и избавлюсь от болезни». Как только он это сказал, падишах хоть и не соглашается, так как у него не было других детей, но понимает, что шахзадэ не избавится от этой тоски. Поэтому он говорит разные слова, — и так, и этак, — а шахзадэ говорит: «Отец мой, от меня уж добра не жди: и так я умру, и этак; но если я погибну от своей страсти, то хоть ты-то после моей смерти не будешь страдать». Шаху ничего не остается делать, и он дает разрешение на то, чтобы шахзадэ поехал вместе с лалá. Они собирают в дорогу вещи — по цене дорогие, по весу легкие³ — и вот как-то под вечер выходят из города и отправляются в путь, в надежде на добрых людей.

Мало-помалу идут они шесть месяцев без перерыва, а так как, таскаясь по разным дорогам, они ни на что уже не смотрят, то они теряют и образ человеческий, не могут ни стоять на месте, ни спать; еда и питье уж не идут им на ум. Так идут они по горам, по камням и вот приходят на вершину какой-то горы. Смотрят, а там камни и земля сверкают, как солнце, и все кругом залито светом. Они и говорят друг другу: «Что же это за место?» Пока они ходили и оглядывались туда и сюда, они встречают какого-то старика. Они подходят к нему и спрашивают, а он отвечает: «Это горы Сёйлемез-султан; сама она сидит под семью покрывалами, и из-под них ее сверкание пробивается сюда». Когда они спросили: «А в какой же стороне находится она сама?» — старик и говорит: «На расстоянии шести месяцев пути отсюда есть дворец, — там она и живет; до сих пор — сколько душ из-за нее погибло: никак не могли заставить ее сказать хоть

одно слово». Лишь только он так сказал, шахзадэ с лалá снова отправляются в путь. Много времени идут,— в сказке-то все быстро идет,— идут еще один-два-три месяца пути. В один из дней снова приходят они на вершину горы, глядят — все кругом красным-красно. Они дивятся этому и вот, бродя по окрестностям, находят поблизости деревню. Шахзадэ говорит: «Ох, лала, я совсем выбился из сил. Пойдем в ту деревню и отдохнем немного, да к тому же и разузнаем, что это за место такое». Они входят в деревню, заходят в кофейню; когда они немного отдохнули, все бывшие там догадались, что они пришли из дальних мест, и начинают с ними заговаривать. Шахзадэ, не открываясь им, спрашивает у них, отчего происходит это зарево в тех горах, а селяне говорят: «Эх, гости! Зарево этих гор... да отсюда на три с половиной месяца пути вперед есть Сёйлемез-султан: это алый цвет ее щек и губ; живет она под семью покрывалами и не говорит ни слова». Кто говорит: «Мой брат в прошлом году пошел по этой дорожке и погиб»; кто говорит: «У меня такой-то» — и они начинают перечислять всех погибших из-за этой девушки. У молодца не хватило больше терпения оставаться здесь: он снова пускается в путь вместе со своим лалá, и вот они переходят одну гору за другой. Не будем затягивать! Идут они, идут, и вдали показывается крепость. Шахзадэ говорит: «Вот это, должно быть, и есть земля султанши». Они подходят близко к той крепости, и вдруг, глядь! — вся она сделана из человеческих черепов, а сама большая — сто аршин высоты, — конца-краю нет. Они идут, а шахзадэ говорит: «Эх, лала! Я думаю, это и есть головы людей, которые пришли, чтобы заставить султаншу говорить. И мы тоже или присоединимся к ним, или же сделаем дело и достигнем своих желаний». Не заходя в ту крепость, они входят в большой город, снимают комнату на постоялом дворе и решают там остановиться: «Побудем-ка здесь несколько дней, а там посмотрим, что покажет аллах».

Когда они вошли в город, они видят, что там все вопят и стонут: кто плачет, кто кричит: «Брат у меня пропал!» — «А у меня сын!» — кричит второй. «А у меня такой-то!» — кричит третий. Они спрашивают причину этого. Один из тех и говорит: «Эх, молодец, ты что спрашиваешь? Ясное дело: и ты пришел сюда за своей смертью. Вот эти: кто — мать, кто — отец, кто — брат, а кто — сын погибших из-за Сёйлемез-султан. А это — город отца той девушки; всякий, кто пожелает пойти к ней, чтобы заставить ее говорить, докладывает об этом падишаху, и, как

только тот дает разрешение, его отводят к девушке». Как только шахзадэ услышал это, он говорит: «Ну, лала, теперь наш путь закончился; несколько дней отдохнем здесь, а там уж узнаем то, что написано у нас на челе»⁴. Несколько дней они прожили в той комнате, которую сняли, и вот в один из дней шахзадэ вместе с лала выходит прогуляться по торговым рядам и по базару. И вот видит он одного человека, который продает соловья в клетке. Шахзадэ, можно сказать, влюбился в красоту соловья и хочет купить его. Напрасно лала говорил: «Шахзадэ, что ты будешь с ним делать? Теперь у нас поважнее дела, пойдем, брось ты это — еще неизвестно, что с нами будет, — зря только деньги тратишь!» Напрасно он все такое говорил; шахзадэ отвечает: «Непременно куплю его!» И он покупает птицу за тысячу гурушей, приносит домой и вешает клетку с птицей в одном углу той комнаты, в которой они жили. В один из дней, когда шахзадэ сидел в комнате один и, подперев щеку рукой, думал о том, как он заставит девушку говорить, и наполнял свое сердце ужасом: «А что, если мне не удастся заставить ее говорить?» — соловей из клетки сказал: «Шахзадэ, о чем ты думаешь? Я вижу, ты сегодня очень печальный». Шахзадэ испугался, в душу ему запала тревога: «Ой-ой, это что же такое: ин это или джинн?»⁵ Птица — а говорит!» И вот он перепугался, дрожит и вскакивает с места. «Как бы то ни было, а в этом что-то есть; может быть, аллах через нее посылает мне избавление от мук?» — подумал он и поворачивается лицом к птице. «Соловей, вот почему пришел я сюда: влюбился в Сёйлемез-султан, а добраться до нее очень трудно, я и думаю о том, как бы мне к ней пройти», — сказал он, а соловей говорит: «Шахзадэ! Есть о чем задумываться! Да на свете нет ничего легче этого! Ты пойдешь сегодня вечером в ее дворец, возьми и меня с собой. Она за семью покрывалами: ни ее лица никто не видит, ни она никого. Поставь меня под скамью с подсвечником, потом справься о здоровье султанши, говори еще другие слова; она не подаст голоса. Тогда ты скажи: «Ну, раз султанша не разговаривает, побеседую-ка я со скамейкой» — и начинай говорить. Что бы ты ни сказал, я буду тебе отвечать». Только он это сказал, шахзадэ, ободрившись и не рассказывая лала о том, что ему сказал соловей, идет прямо во дворец падишаха. Не успел он сказать, что пойдет к Сёйлемез-султан, как шах, увидев юношу, полюбил его всей душой. «Ах, сын мой, жаль твою молодость: из-за моей дочери по сю пору сколько йигитов, подобных тебе, отдали души! Ничего тут добиться нельзя, а у

меня уговор такой: кто заставит дочь мою говорить, тому я отдам ее в жены; а тому, кто не сумеет заставить,— снесу голову! Вот эта крепость, которую ты видишь,— это черепа тех людей, которых я приказал умертвить таким путем. Уходи, откажись от этого, а то и ты окажешься вместе с ними». Напрасно падишах так говорил — молодец бросается падишаху в ноги: «Я прошел целый год пути для того, чтобы умереть ради нее; или я умру, или заставляю ее говорить и с твоего разрешения возьму ее в жены». И он настаивает на своем. Шах говорит: «Сын мой! Вина не моя — иди, ищи у аллаха свой жребий». И он приказывает своим людям провести шахзадэ к девушке. А когда настал вечер и все кругом покрыла ночь, молодец идет во дворец к девушке. Он входит в ее комнату, вытаскивает из-за пазухи клетку соловья и ставит ее под скамью.

Пройдя к девушке, он спрашивается о ее здоровье, говорит и еще много слов о долинах и о вершинах⁶, девушка — ни ответа, ни привета. Шахзадэ говорит: «Эх, султан!⁷ Время-то подошло уж к пяти-шести часам, а вы еще ни слова не сказали! Меня уже тоска одолела; поговорю-ка я с этой скамейкой для свечи — она хоть и без души, да, может быть, меня пожалеет». Сказав так, он обращается к скамье. «Как поживаешь, здорова ли, скамейочка» — и все такое начал он расспрашивать. А соловей отвечает: «Что мне делается, шахзадэ,— хорошо, прекрасно! Вот уже сколько лет, как со мной никто не разговаривал, а теперь аллах тебя мне послал: сегодня весь свет стал мне мил. Вы меня обрадовали, и я вас в эту ночь повеселю: если будете слушать, я расскажу вам один рассказ». Шахзадэ сказал: «Прекрасно, говори, я послушаю», и соловей начал рассказывать: «Шахзадэ, когда-то у подобного вам шаха была дочь. В нее влюбилось три человека, и каждый хотел взять ее себе в жены; отец ее сказал женихам: «Ступайте все трое и приходите, изучивши каждый какое-нибудь ремесло: кто из вас окажется лучше всех, тому я и отдам мою дочь». Как только он это сказал, все трое сразу вышли из города, в котором находились. Когда они подошли к одному источнику, они и говорят один другому: «Нам, так вот, всем троим вместе, идти не годится; пойдемте-ка все в разные стороны, а перстни наши положим под камень этого источника. Если кто из нас придет раньше, пусть он и берет свой перстень,— тогда пришедший после будет знать, пришли ли другие или нет». Все согласились на это. Они сняли свои перстни, положили под камень, и каждый пошел своей дорогой. Один из

них научился искусству проходить шестимесячный путь в один час; другой научился познавать тайное, а третий — оживлять мертвых. Затем они вернулись обратно и, когда пришли к тому источнику, снова все трое там встретились. Знающий тайное говорит: «Дочь падишаха очень больна; через час-другой она умрет». А другой говорит: «Я приготовлю такое лекарство, что если даже она умрет, — оживет, только кто же ей его доставит?» Тогда третий говорит: «Я доставлю». Едва он это сказал, ему дали лекарство, и за один час он прибыл во дворец падишаха, а девушка была уже при последнем издыхании. И вот, только заставили ее выпить лекарство, как болезнь ее сразу прошла. И вот, когда прибыли и другие товарищи, шах начинает спрашивать каждого о его искусстве. (Тут соловей подает шахзадэ знак — не упоминать парня, который проходит шестимесячный путь в один час). Шахзадэ, если бы ты там был, то кому из трех этих молодых отдал бы ты эту девушку? — спрашивает соловей, а молодец говорит: «Что до меня, я отдал бы ее тому, кто сделал лекарство». Пока они затягивали спор: «Нет, тому, нет, этому», Сёйлемез-султан и говорит про себя: «Видала таких — позабыли того, который проходит шестимесячный путь в один час!» Она выходит из себя, тут же срывает с лица свои покрывала и говорит: «Эх вы, разини! Да если бы была я, я бы отдала тому, который принес лекарство: если бы он не принес лекарства, разве девушка осталась бы в живых?» Лишь только она это сказала, тотчас докладывают падишаху, что его дочь заговорила. Когда ему так сказали, девушка поняла, что ее вынудили заговорить путем хитрости, и потребовала, чтобы ее вынудили так говорить три раза. Тогда шах и говорит шахзадэ: «Сын мой, если ты еще два раза сумеешь сделать так, чтобы она заговорила, — девушка твоя». Молодец встал и, как только пришел в свою комнату, так опять и погрузился в раздумье, а соловей говорит: «Шахзадэ, о чем ты задумался? Теперь султанша, в злобе на то, что ее заставили говорить, разломает скамейку на куски: сегодня вечером ты поставь меня на полку». Вечером шахзадэ кладет соловья за пазуху и идет во дворец.

Войдя в горницу девушки, он ставит соловья на полку. И вот, поскольку он не мог добиться ответа, как бы он ни расспрашивал девушку и ни говорил, — он снова поворачивается к полке и говорит: «Эй, полка, султанша со мной не разговаривает — поговори-ка я хоть с тобой: Как поживаешь, хорошо ли себя чувствуешь, как здоровье?» А та ему в ответ: «Шахзадэ, мне-то что

делается; а вот ты, если бы султан-ханым с тобой говорила, со мной и разговаривать бы не стал, а? Что же — из-за того, что ее не заставил говорить, со мной желаешь побеседовать? Ну да ладно! Как поживаешь? Ты-то вот хорошо ли себя чувствуешь?» Говоря эти и прочие слова, они начинают беседу. «Шахзадэ, если я тебе расскажу один рассказ, ты меня будешь слушать?» Только полка это сказала, он и говорит: «Ну-ка расскажи, конечно, буду слушать». И соловей начал: «В какое-то время в одном городе жила одна дурная женщина, а у нее были три дружка: один был Балджы-оглу⁸, другой Ягджы-оглу⁸, а третий — Тиреджи-оглу⁸; только никто из них не знал о том, что каждый из трех посещал ее. А Ягджы-оглу любил эту женщину больше, чем другие. Однажды женщина, причесывая себе голову, увидела у себя один седой волос и говорит сама себе: «Увы, видно, я начинаю стареть. Сейчас вот я так живу, а пройдет немного времени, и чем больше я буду стареть, тем сильнее дружки мои будут отворачивать лицо свое от меня, а потом мне придется таскаться по улицам. Лучше уж покаюсь я в том, что делаю, вступаю в законный брак с кем-нибудь и буду так жить до самой смерти». В тот день она приглашает к себе на дом всех троих, одного через час после другого. А ведь они так и не знали друг о друге. Прежде всех явился Ягджы-оглу. А девка перед его приходом вырыла в саду могилу и рядом положила саван. Как только пришел Ягджы-оглу, женщина начала стонать и рыдать. Тот спрашивает, что с ней случилось, а она и говорит: «Ах, друг мой, отец у меня умер, я схоронила его в саду; теперь он оказался колдуном и вышел из могилы. Посмотрю-ка я, правда ли ты меня любишь: завернись в этот саван, ложись в могилу и полежи там часика три. Когда придет отец, он увидит, что здесь похоронили другого покойника, и уйдет». Только она это сказала, Ягджы-оглу и говорит: «Для тебя не только в могилу, а даже в море готов кинуться!» И вот он раздевается, закутывается в саван и ложится в могилу. Пока он там лежит, вот стук в дверь: приходит Балджы-оглу. Он тоже видит, что женщина плачет и стонет, и спрашивает, что случилось. Она и этому рассказывает, в чем дело, так же, как говорила первому; говорит ему, чтобы он взял камень и ждал у могилы, а когда зашевелится лежащий там колдун, то чтобы убил его. А тот делает все, как сказала девка. Пока тот, сделав все, как сказала девка, дожидается у могилы, с другой стороны является Тиреджи-оглу. И тот, видя ее печаль, спрашивает: «Что с тобой, любимая, не больна ли ты, что у тебя за

горе?» Как только он так сказал, женщина отвечает: «Как же мне не плакать: отец умер, я велела вырыть в саду могилу, а один из его врагов оказался колдуном, смотри-ка — вон открыли могилу и теперь стоит у него в головах. Если ты сумеешь пойти, взять его из могилы и принести, я избавлюсь от горя, нет — я помру от слез». И Тиреджи-оглу, не зная, в чем дело, тотчас бежит, выхватывает из могилы «мертвеца» Ягджы-оглу и скорее тащит его к девке. А Балджы-оглу думает, что колдун в двух лицах: он бежит следом за ними и старается убить их камнем. А лежавший в могиле думает: «Что же это случилось: попал я в руки колдуна, что ли?» И он разрывает саван на части и выходит на свет совершенно голый. А так как они были знакомы, то и теперь они узнают один другого и вот начинают гнать, пихать и сбивать друг друга с ног: ты, мол, здесь чего гуляешь? (Соловей опять делает знак шахзадэ, показывая, чтобы он не называл Ягджы-оглу). Ну, шахзадэ, кто же теперь оказался достойным этой женщины? Я думаю: Тиреджи-оглу». А шахзадэ говорит: «Нет, что до меня, так ее должен взять Балджы-оглу, потому что он всего натерпелся». Пока они так беседовали друг с другом: «Нет, не так, а вот так», султанша опять сказала: «Забывали про Ягджы-оглу; этот паренек три часа в могиле лежал: женщина по праву принадлежит ему». И опять падишаху докладывают, что девушка сказала несколько слов.

Сказ наш сократим, а то, пожалуй, в беду влетим⁹. Как молодцу и было сказано раньше, от него требуют, чтобы он еще раз ночью заставил девушку говорить. Молодец идет к себе в комнату; пока он там дожидался вечера, соловей и говорит ему: «Эх, шахзадэ, теперь султанша, в злобе на полку, наверно, разнесет ее на куски; поэтому нынче вечером ты оставь меня за дверью, и мы опять поговорим с тобой, как и прежде». Потом, когда наступил вечер, молодец опять идет к девушке, соловья оставил за дверью, а сам сел и начал говорить султанше о том и о сем; но так как он не мог добиться ответа, то он повернулся к двери: «Султан-ханым не говорит, поговорим-ка с тобой». И вот, после того как они взаимно осведомились о здоровье, соловей снова начинает рассказ: «В прежние времена были плотник, портной и софта¹⁰. Однажды, когда они все трое путешествовали как друзья, они пришли в какой-то город; там они наняли комнату. Днем каждый уходил на свою работу, а ночью они собирались в комнате и спали. Как-то ночью, когда они спали, плотник встает, пьет кофе, закуривает чубук. Пока сон бежал

от него и он не мог заснуть, он вырезает из дерева, которое было в комнате, подобие девушки тринадцати-четырнадцати лет, потом ложится и засыпает. Проходит немного времени, просыпается портной, видит: стоит деревянное подобие девушки. Он тут же старательно кроит и шьет ей платье, одевает ее; потом встает от работы и ложится спать. Немного спустя, под утро, просыпается и софта, вдруг, глядь! — деревянная девушка, прекрасная, как луна, а одежда на ней совсем ей подстать. Она ему очень понравилась; он совершает омовение и молит аллаха оживить ее. И вдруг, дереву от аллаха дается душа, и оно становится бесподобно красивой девушкой, которая вот-вот проснулась и покашливает. (Соловей опять подает знак шахзадэ, чтобы он не упоминал софты). И вот все трое просыпаются и влюбляются в девушку. «Ты возьмешь!» — «Нет, я возьму!» — говорят они и поднимают ссору. Ну, шахзадэ, теперь кто же должен взять девушку? По-моему, пусть возьмет плотник!» А шахзадэ говорит: «Он обделал дерево, и только, а портной сшил одежду и одел его, как человека: по-моему, она должна принадлежать портному». «Нет, не так!» — «Нет, не так!» — спорят они друг с другом, а султанша говорит про себя: «Софту забыли!» — выходит из себя оттого, что забыли софту, и от гнева открывает лицо: «Эй, дураки, софту позабыли! Если бы он, помолвившись, не оживил ее, кому бы все это было нужно? Плотник и портной сделали только обличье; конечно, она по праву должна принадлежать софте».

И вот, только она так сказала, все захлопали в ладоши, побежали к падишаху и довели до его сведения, что девушка снова разговаривала. А так как сама девушка была покорена красотой молодца, то, не показывая виду, что она обманута, она просит отца обручить ее с молодым, а шах на радостях, в честь спасения молодца и избавления города от беды, устраивает великий пир и обручает шахзадэ с девушкой. Когда они уже собирались праздновать свадьбу, шахзадэ и говорит шаху: «Моя страна в такой-то земле, и там у меня есть мать и отец; обручение наше совершилось здесь, а свадьба наша пусть будет там». Когда он так сказал, шах соглашается с этим. Устроив большое шествие, посадив девушку и молодца в паланкин, он отправляет его на родину. А отец шахзадэ, лишь только увидел, что сын его возвращается, сильно обрадовался: велел украсить и осветить весь город, устроил празднества, а затем и свадьбу. Сорок дней, сорок ночей пируют, а на сорок первую ночь девушку и молодца

вводят в опочивальню для молодых. А ту старую женщину, у которой шахзаде разбил кувшины, он делает мамкой девушки, и так живут они до самой смерти.

63. Сказка о плешаке

 Когда-то была вдовая женщина, и был у нее лентяй — плешивый¹ сын. Этот мальчик целые дни никуда не ходил, лушил у печки кукурузу и ел. Однажды мать и говорит ему: «Эй, мальчик! Что же ты такое делаешь? С утра до вечера валяешься в золе у очага, как кот под печкой², никогда мне ни чуточки не поможешь. Вот что, возьми-ка эти ведра и коромысло и принеси-ка мне из Дуная воды». Сколько бы она ни говорила, мальчик и с места не двигается: знай, лушит кукурузу. Тогда женщина рассердилась, тут же схватила палку и едва только проехала по нему разок-другой, как мальчик неохотно берет ведра и идет к Дунаю.

Пока он набирал воды в ведра, в одно из них попадает рыба. Мальчик вынимает рыбу и начинает с ней играть. И вот, с утра до вечера он играет с рыбой и забывает принести воды. Прочитали вечерний эзан, а мальчик все еще на берегу Дуная. Наконец рыба заговорила по-человечьи: «Мальчик, с самого утра ты за мной ухаживал; есть у тебя какое-нибудь желание? Проси у меня, чего хочешь, я это тебе дам, и ты меня выпустишь».

Оказывается, эта рыба была из породы пэри. А мальчик говорит: «Эх, чего мне хотеть? Хочу, чтобы эти ведра сами наполнились водой, сами наделись на коромысло, а я бы влез наверх и поехал домой». Рыба говорит: «Да, хорошо. Если ты скажешь: «По велению³ аллаха, по соизволению³ рыбы, эти ведра пусть наполнятся, сами взберутся на коромысло, а я влезу наверх, и пусть меня свезут домой», то и будет так, как ты сказал. Ну, а теперь меня отпусти». Но мальчик говорит: «Нет, не верю. Дай-ка сперва посмотрю: если оттого, что я скажу, это так и будет, то отпущу, а если этого не будет и если ты стараешься меня обмануть — я тебя не отпущу». Рыба говорит: «Фу, дорогой мой! Вот скажи, как я тебя научила, и посмотри: будет или не будет». Только она так сказала, мальчик и говорит, как его научили:

ведра сами входят в воду, наполняются, надеваются на коромысло, и мальчик садится наверх; лишь только он увидел, что ведра пускаются в путь — тынгыр-мынгыр!⁴ — он бросает рыбу в Дунай, а сам на коромысле едет по всем кварталам — тынгыр-мынгыр, тынгыр-мынгыр! — и приезжает домой. Увидев это, мать говорит: «Фу, мальчик, это что за чудеса? Вместо того чтобы ты нес ведра, они тебя везут». А мальчик говорит: «Молчи, мать! Я нашел такой способ». Говоря так, он слез с ведер и снова начал лущить кукурузу.

После этого прошло несколько дней. Однажды мать снова начала пробирать мальчика: «Фу, мальчик! Будет ли мне от тебя какой-нибудь толк? Ну-ка, возьми ведра да принеси воды», — говорит она. А уж мальчик-то знал, как это сделать. «По велению аллаха, по соизволению рыбы, пусть эти ведра влезут на коромысло, а меня возьмут наверх, пусть они отправятся к Дунаю, наполнятся водой и снова вернуться домой». Едва он это сказал, как ведра влезают на коромысло, а мальчик влезает наверх, и они едут к Дунаю — тынгыр-мынгыр! — и наполняются водой. А когда мальчик возвращался на них домой, он проехал под самым дворцом падишаха. И вот дочь падишаха, увидев это, начинает хохотать: «Ха-ха-ха, до сих пор не видывала я такой штуки, чтобы ведра везли человека». А мальчик снизу смотрит на девушку: «По велению аллаха, по соизволению рыбы, пусть эта девушка станет беременной от меня», — говорит он и проезжает мимо. Теперь мы перейдем-ка к девушке!

У девушки день ото дня начинает расти живот. Девушка, видя это, теряет голову, да к тому же стыдится людской молвы. «Увы, дочь падишаха родила незаконного», — будут говорить они. Что мне делать?» — думает она, но ничего не может придумать. Лишь только прошло девять месяцев и десять дней, она производит на свет мальчика. Об этом докладывают падишаху, а он идет к девушке: «Ах, дочь моя, откуда у тебя этот ребенок?» Сколько он ни спрашивал, девушка отвечает: «Я не знаю». Падишах заставляет девушку сказать правду. «Батюшка, я ни к кому не ходила, и ко мне никто не приходил; я и сама-то удивилась», — клянется она. А падишах говорит: «Ну, посмотрим, как-нибудь это да раскроется»⁵ — и велит отдать мальчика мамке. Мальчик растет изо дня в день. В сказках, говорят, время быстро течет. Мальчику исполняется семь лет; падишах и хотел бы отдать мальчика в школу, но так как у ребенка нет отца, то падишах стыдится людей. Как-то собирает он меджлис и рассказы-

вает все везирам. А везиры говорят: «О падишах, в этом ничего такого нет: на свете нет ничего невозможного, такие вещи бывают. И вот если ты хочешь найти отца ребенка, то посади дочь твою с сыном у окна и вели, чтобы все мужчины, сколько бы их ни было в городе, прошли перед дворцом, а в руку мальчика дай золотой мяч: в кого из этих людей он кинет мячом — тот и есть его отец».

Вслед за этим падишах велит теллялям кричать: «Все, кто ни на есть, — пусть пройдут перед дворцом; если найдется такой, который не пройдет, тот будет вот как наказан!» Те, кто слышал клич телляля, собираются и начинают проходить мимо дворца. И вот каждый день проходит по толпе мужчин, но мальчик ни в кого из них не бросает мяча. А в этой стороне⁶ обо всем услышала и мать того ленивого плешака; она и говорит ему: «Ой, мальчик! Ты чего здесь сидишь? Иди-ка и ты, пройдишь под дворцом: может быть, мальчик в тебя бросит мячом, и ты станешь зятем падишаха». Плешивый парень говорит: «Ах, да я не пойду! Этот мяч попадет мне в голову и разобьет ее в кровь, — и так у меня голова лысая!» — и лушит себе кукурузу. А мать рассердилась, хватает кол, и только огрела его по плечу — мальчик так и вылетает из дверей. Что ему делать? И он тоже идет туда, где собрался народ, и наблюдает со стороны. И вот там все по очереди проходят под самым дворцом. А так как на другой стороне, кроме мальчика, никого уже не осталось, то ему говорят, чтобы и он пошел. Как он ни говорил «Ой, у меня лысая голова: боюсь еще кто-нибудь ударит и разобьет ее в кровь», они схватили его за руки и за полы и проводят под самым дворцом падишаха. И вот мальчик сверху берет мяч, бросает и попадает в плешака, а плешак кричит: «Ай-вай!» — и пускается бежать. А те, кто был там, кричат: «Не было, не было!» — и вторично проводят его под самым дворцом; мальчик снова бросает мяч и попадает в плешака. И вот так три раза заставляют они плешака пройти под самым дворцом. И вот, когда мальчик все три раза попал мячом в плешака, они говорят: «Ах, было!» Они хватают плешака за руки и за полы и ведут его в баню, но так как падишах стыдится такого зятя, то он велит сделать сундук, сажает туда плешака вместе с девушкой и ребенком и велит кинуть их в море.

Сундук в море качается-качается, и волны выносят его на сушу. Там солнце нагревает сундук, доски в нем трескаются, и плешак, кое-как сломав доски, выходит оттуда вон, вытаски-

вает девушку с мальчиком, глядь! — а кругом прекрасные поля и луга. Ему приходит на память то, что сказала рыба. Тотчас он говорит: «По велению аллаха, по приказанию рыбы, пусть станет здесь конак — лучше падишахского в тысячу раз, пусть будет там сорок рабов и сорок рабынь, пусть все убранство там будет роскошное». И тотчас стало так, как он сказал. Плешак берет девушку с мальчиком, поселяется во дворце и живет в свое удовольствие. Идущие с той стороны⁷, видя там конак, даются диву: «Когда это появилось?» — говорят они, приезжают и рассказывают о том в городе, где был падишах, расхваливают конак. Слышит это и падишах. Оказывается, тот луг был пастбищем для падишахских лошадей. Чтобы разузнать об этом, падишах посылает охотника. «Ступай убей утку, зажарь ее в том конаке и мне принеси, а к тому же посмотри, кто хозяин того конака», — наказывает он. А охотник взял ружье, идет-идет, на берегу реки убивает дикую утку и вместе с уткой идет прямо в конак. А у ворот был сторож. Охотник говорит: «Сделай милость, не разрешите ли мне здесь зажарить эту утку?» — я снесу ее в подарок падишаху». — «Постой, я спрошу моего хозяина», — говорит сторож, идет внутрь, спрашивает плешака, и тот разрешает. Охотник входит в конак; разводят огонь, охотник начинает жарить утку, но, рассматривая конак, забывает и про утку. Немного спустя он опаматовался, глядь! — а одна сторона утки сгорела. Видя это, он говорит: «О горе, какой ответ дам я теперь падишаху» — и задумывается. А плешак говорит: «Человек, ты об этом не горюй: я тебе дам другую, много лучше этой». — «По велению аллаха, по приказанию рыбы, пусть будет здесь прекрасная жареная утка, и пусть, когда ее будут есть, она начнет пахнуть мускусом». И вот появляется жареная утка на золотом подносе. Плешак отдает утку охотнику. «Вот возьми, снеси ее падишаху, а от меня передай поклон да скажи: пусть он со всем народом, что во дворце, завтра вечером будет ко мне в гости», — говорит он и отсылает охотника. Охотник радостно отправляется к падишаху, отдает ему утку и рассказывает о том, что падишаху прислали приглашение. Падишах начинает кушать утку, глядь! — а утка пахнет мускусом. Оказывается, падишах никогда до сих пор не едал такой утки. Он спрашивает: «Где ты ее убил?» А охотник говорит, что ему дали ее в конаке. Падишах удивился и решает отправиться туда назавтра к вечеру.

И вот тот день проходит, а на следующий день падишах, захватив с собою всю дворцовую челядь, отправляется в гости в

конак плешака. Лишь только плешак увидел, что прибывает падишах, он выводит навстречу всех находящихся во дворце рабов и рабынь, а падишах идет и входит во дворец. Плешак велит отвести гостей в прекрасную горницу; там они садятся, а падишах, осматриваясь по сторонам, только диву дается.

И вот плешак угощает их, приказав подать кофе и шербет, а потом выходит наружу и говорит: «По велению аллаха, по приказанию рыбы, пусть теперь появится здесь прекрасный обеденный стол со сладким и соленым, да пусть будет такая еда, какой падишах в жизни своей не едал». И вот стол уже накрыт. Прежде всего на стол ставится чорба: каждому дают по ложке, а перед падишахом кладут ложку из золота с ручкой, осыпанной бриллиантами. Они начинают кушать. А плешак все прислуживает, стоя на ногах. «По велению аллаха, по приказанию рыбы, я желаю, чтобы эта ложка попала в шальвары падишаха». Лишь только он это сказал, как ложка, бывшая перед падишахом, сразу исчезает. Падишах ищет ложку: «Фу, дорогой! Эта ложка только что у меня была в руке. Как это вышло, что она пропала?» — говорит он. Плешак это слышит: «Ах, это была моя любимая ложка! Как ни стыдно, а я вас всех обыщу». Плешак их всех обыскивает, но ложки не находит. А падишах говорит: «Дорогой мой, как это случилось?» Он встает на ноги, и, когда встряхивается, из его шальвар⁸ выпадает ложка. Падишах застыдился и растерялся. А плешак говорит: «Эй, падишах, ты веришь и удивляешься вот таким вещам, а ведь вот ты не поверил, что дочь твоя родила сама от себя, и велел бросить ее в море». И он рассказывает, как все это произошло, с начала до конца по порядку. «И вот, мальчик этот — мой, а я — твой зять», — говорит он, встает, целует у падишаха руку и рассказывает о том, что все эти вещи явились по приказанию рыбы. Падишах слышит, но не перестает удивляться и говорит: «Коли ты в силах делать такие вещи, нельзя ли тебе уничтожить твою плешь и стать добрым молодцем?» А плешак говорит: «Да, можно». Лишь только он сказал, как его научила рыба, — плешины его исчезают, и он становится прекрасным молодцом, как четырнадцатидневная луна. Заново обручают с ним девицу, и после празднования свадьбы в сорок дней, сорок ночей они достигают своих желаний.

Было — не было, а в прежние времена был один очень богатый человек; у него был сын. В один из дней этот человек заболел и в конце концов умер. Этому мальчику остается от отца три сокровищницы, полные золота, сорок кораблей, караван-сарай, бани, лавки, магазины и еще много-много чего, так что всего и сосчитать невозможно. И вот мальчик в печали по отцу так и не выходит из дому.

А в том городе было несколько человек тунейдцев¹. Они стали зариться на деньги мальчика. «Как бы нам выманить у него немного денег?» — раздумывают они, и вот один из них встает и идет к дому мальчика. «Эфендим, у твоего отца был друг; так как он вот уже десять лет не виделся с твоим отцом, то приехал теперь нарочно, чтобы повидаться с ним, и, услышав, что он умер, желает повидаться хотя бы с тобой. Вот он меня и послал; он приглашает тебя к себе, сделай милость, приди». А мальчик поверил его словам и идет вместе с ним; они входят в прекрасный конак. Один из тунейдцев поднимается и обнимает мальчика: «Ах, сын мой, твой отец был моим другом, я много видел от него добра. Мы с ним хорошо жили. Услыхал я, что он умер, — да что тут поделаешь? — был бы ты-то здоров и невредим». И с этими словами он усаживает мальчика на подушку. Затем приводят музыкантов, посередине ставят бутылку водки, и все пьют по чашке². Очередь доходит и до мальчика. Напрасно он говорил «Я таких вещей не пивал», все вокруг него пристали к нему и говорят: «Друг, в этом ничего такого нет; это шербет, выпей хоть одну рюмку». И мальчик не мог от них отвязаться. Лишь только он выпил рюмку, чувствует, что это горькая вода. «Помилуйте, какой это шербет?» — говорит он и начинает отплевываться. А те говорят: «Ты потом почувствуешь его сладость». И вот, музыканты играют, девицы поют песни, а мальчик от выпитой водки мало-помалу пьянеет; он забывает о своем отце и весь тот день до вечера проводит в веселье. Под вечер он встает, чтобы уйти, вынимает и дает им кошелек с золотом, а они в ответ: «Нет, эфендим, мы этого не примем, расходы — наши». А мальчик говорит «Эйваллах» и уходит, а на другой день они снова приглашают мальчика к себе.

Вот и в тот день они веселятся до вечера, а когда под вечер

он приходит домой, то говорит своей матери: «Мать, я нашел друга моего отца; вот уже два дня они приглашают меня к себе и несут такие расходы». А мать его говорит: «Ах, сынок, если так, то надо, чтобы и ты теперь их позвал», а мальчик говорит: «Очень хорошо» — посылает к ним человека и всех их зовет к себе. Лишь только они это увидели, они смекнули: «Ага, дело пошло на лад!» С этими словами они встают и идут; берут с собой и бутылку водки. Вот, как только они приходят в конак, мальчик их встречает, проводит в прекрасную комнату и принимает их с большим почетом. Наступает вечер, ставят столы, все садятся, едят, а после еды говорят мальчику: «Эфендим, вечерние развлечения не бывают так, под сухую. Нет ли музыки или чего-нибудь такого?» А мальчик говорит: «Я этих обычаев не знаю; пойдите, раздобудьте все, что желаете». И вот один из них встает, идет, а вместе с музыкантами приводит и несколько девиц. Не будем затягивать! В ту ночь музыканты играют, девицы поют, а те выставляют бутылку водки и, после того как все выпили по чашке, дают и мальчику. Вот все, потерявши голову, начинают веселиться, а мальчик, как только опьянел, так и начал рассыпать золото пригоршнями. Так вот они проводят всю ночь, а когда наступает утро, тунейдцы хотят уйти, но мальчик их не отпускает. «Живите здесь; что я буду есть — то и вы будете есть со мной заодно», — говорит он, а этим только того и надо. «Прекрасно», — говорят они и остаются. И вот весь тот день они пьют водку и заставляют музыку играть. Мальчик опять разбрасывает золото пригоршнями.

Не будем затягивать! Таким вот способом тунейдцы живут там ровно три года и никуда больше не уходят; получая каждый день столько золота, они его прячут в каком-то месте. И вот, за три года все три сокровищницы у мальчика опустели. А сверх того, сколько ни было кораблей, караван-сараяв, бань, лавок, — все это он продает и опять наполняет сокровищницы. И снова шум, гам, дым коромыслом³. «Хоть день да наш»⁴, — говорят они и веселятся. Известна поговорка: «Где готовая еда, там и горы с камнями не беда!»⁵ Как только эти деньги истощились, прихлебатели собирают свои пожитки, и все расходятся один за другим; мальчик остается один. Тогда рассудок вернулся к нему, но одно уже пролетело вслед за другим — что тут делать? — и он начинает плакать. Да и в этом толку нет! Мальчик начинает заботиться о деньгах на хлеб — ниоткуда никаких доходов. Он продает даже дом, в котором живет, проедает те деньги, и ма-

тери его остается только просить милостыню. Скажем короче: этот мальчик попадает в угол на постоялом дворе; несколько времени он так и живет на постоялом дворе. Но вот однажды хозяин постоялого двора выгоняет его, и он, забравшись в одной лавке под скамейку, укладывается спать там, а когда наступает утро, приходит и хозяин лавки. Увидев мальчика, он спрашивает: «Ты кто такой?» А тот отвечает: «Да вот, я сын такого-то купца». Тот лавочник и говорит: «Тебе осталось от отца такое богатство, а ты что с ним сделал?» И тот рассказывает, что с ним случилось. А тот человек говорит: «Я был слугой у твоего отца; благодаря ему я нажил столько богатства,— а тебе осталось столько богатства, и ты его промотал; и тебе еще не стыдно жить в этом городе? А? Проваливай отсюда! Если еще раз я тебя увижу — так и убью!» С этими словами он прогоняет мальчика, а тот — что поделаешь? — поднимается и уходит из того города.

И вот, долго ли идет, коротко ли идет, много дней без еды, без питья идет. В один из дней приходит он в какой-то город, идет там на базар, садится перед какой-то лавкой. Лавочник видит — бедный мальчик. «Сынок, возьми-ка набери воды в этот кувшин, я тебе дам десять пара» — и мальчик берет кувшин и приносит воды. После этого он подметает перед лавкой; человек дает ему двадцать пара, и вот тогда он покупает себе немного хлеба и утоляет голод. Как только наступил вечер, он ложится спать в лавке под скамейку; утром приходит лавочник, находит там мальчика и снова велит ему подмести перед лавкой, набрать в кувшин воды, посылает его за мясом и овощами для дома, а к вечеру его отпускает и дает сорок пара. Мальчик покупает на десять пара хлеба и ест его, а остальные деньги прячет. Снова в ту ночь он ложится спать под скамейкой. Не будем затягивать! Это место становится для него жилищем. Каждый день он метет перед лавкой и делает еще то да се и после этого получает сорок пара. С тех пор проходит много времени. Однажды лавочник спрашивает мальчика, откуда он родом, а тот рассказывает все, что с ним случилось. Лавочник покачал головой, пожалел мальчика в его тяжелом положении и говорит: «Я сделаю тебе добро; если есть у тебя счастье, тебе будет еще лучше прежнего». Он пишет письмо и ставит на него печать. «Возьми это письмо. Когда наступит вечер, иди, сядь на перекрестке четырех дорог и жди до полуночи; потом там начнут проходить отрядами ⁶ воины. Если они устремятся на тебя, ты смотри не испугайся! После того как они пройдут, позади всех окажется военачальник; лишь

только ты его увидишь, передай ему письмо, посмотри, что он скажет, потом приди и расскажи мне». — «Прекрасно», — говорит мальчик и берет письмо. Как только наступил вечер, он направляется в то место, которое ему указал лавочник, и садится там.

И вот, после полуночи начинают проходить воины; в руках у них мечи и штыки. Завидев мальчика, они надвигаются на него: «Эй, ты что здесь ходишь в такую пору?» А мальчик от страха не может устоять на месте и убегает. Как только наступило утро, он идет к лавочнику, рассказывает обо всем, а лавочник говорит: «Фу, мальчик, разве я не говорил тебе: не бойся? Они тебе ничего не сделают, зачем ты убежал?» — и бранит его. Как бы то ни было, в тот вечер он снова вручает мальчику письмо: «Ну-ка, ступай, да смотри не пугайся», а мальчик идет и садится в том же месте. После полуночи появляются воины и снова надвигаются на него; он со страху опять убегает. Утром он приходит к лавочнику и рассказывает обо всем, а тот говорит: «Фу, дитя мое, ведь говорил я тебе: не бойся, они ничего тебе не сделают. Сегодня вечером иди опять; если ты испугаешься и письма не отдашь, то больше ко мне не приходи!» И с этими словами он набрасывается на мальчика. Ну вот, что ему теперь делать? Идет, ждет; после полуночи начинают проходить воины; снова надвигаются на него, но мальчик даже не трогается с места, и они проходят, не причинив ему вреда. И вот, когда они прошли, в самом конце видит он военачальника. «А, вот этот», — думает он и отдает ему письмо. Военачальник берет письмо, смотрит. «Прекрасно. Мустафа, ты останься с этим мальчиком», — говорит он и уходит, а мальчик выходит оттуда, приходит и ложится под скамейку в лавке.

Наступает утро. Когда приходит лавочник, он видит мальчика: «Ну как — отдал?», а тот говорит: «Отдал». — «И что он тебе сказал?» — «Сказал: «Мустафа, ты останься с этим мальчиком», — больше ничего не сказал». А лавочник сказал: «Прекрасно». Он дает ему на руки немного пара и прибавляет: «Ну-ка, ступай и больше в этом городе не оставайся», и мальчик, снявшись с места, в тяжелом раздумье выходит в путь. Идет он, идет, — ему захотелось есть; он садится в поле под дерево и начинает думать. «Тот военачальник сказал: «Мустафа, ты останься с ним» — это что означает?» Пока он так раздумывал, он слышит со стороны какой-то голос: «Эфендим, я здесь, что прикажешь?» Услышав это, мальчик смотрит вперед и назад — никого нет. «Что же это такое?» — говорит он и пугается.

И снова раздаётся голос: «Помнишь, тот военачальник отдал меня тебе,— с тех пор я и хожу вместе с тобой», а тот обрадовался: «Ну, теперь мы нашли средство; покажись-ка наяву, дай я взгляну на тебя». Как только он это сказал, перед ним появляется человек: «Вот, эфендим. Я тот, кого зовут Мустафа; все, что хочешь, приказывай, и я доставлю», а так как мальчик был голоден, то он и говорит: «Принеси мне немного хлеба». Мустафа только повернулся, как уже накрывает перед мальчиком роскошный стол⁷ со сладким и соленым. «Пожалуйте»,— говорит он. А мальчик ест эти кушанья и утоляет голод.

А затем оба они вместе отправляются в путь; за немного дней мальчик приходит в свой город. Когда он проходит по мосту, он видит, что мать его стоит у моста, вся в лохмотьях, и просит милостыню. Он тут же берет свою мать под руки и уводит, снимает на постоялом дворе комнату, и они поселяются там. А Мустафа приносит мальчику все, что только нужно. Однажды мальчик говорит Мустафе: «Эй, Мустафа, смотри, этот конак был мой, этот постоялый двор, эта баня, этот магазин, эта лавка,— все, что здесь есть,— перечисляет он,— все это было моим, а теперь я стал так беден». А Мустафа и говорит: «Эфендим, если хочешь, я отберу их для тебя». А когда мальчик сказал: «Как же не хотеть!»— Мустафа и говорит: «Это не твоя забота, сейчас я пойду, похищу их тапу⁸, а ты пойдешь, начнешь тяжбу перед властями и все твое получишь обратно». А мальчик говорит: «Ступай-ка»— и отсылает Мустафу; а тот идет, похищает у всех тапу и доставляет мальчику. А мальчик направляется к властям и подает жалобу: «Все эти владения были мои; я отдал их внаймы этим людям, и вот уже десять лет, как они ими завладели— и платы за наем не платят и не выезжают оттуда». А власти велют созвать тех людей и объявляют им, что сказал мальчик. Люди говорят: «Эфендим, мы это купили, деньги за это отдали», а мальчик говорит: «Если вы купили, принесите на них тапу, тогда я не буду от вас ничего добиваться». Когда он так сказал, те пошли, и как они только ни искали тапу,— не могли найти; тогда они опять пришли и сообщили о том, что документы пропали. «Эх, значит, его имущество вы действительно захватили силой»,— говорят им; и вот, после того как взыскали с них ежемесячную плату за десять лет, приказывают им все владения передать мальчику.

И вот мальчик с радостью переезжает в свой дом и живет в нем. Несколько дней спустя он говорит Мустафе: «У меня было

сорок кораблей, как бы и их отобрать?» А Мустафа говорит: «Как отобрать? Как мы поступили с теми, так и с этими сделаем». Вот они выручают и эти корабли. С тех пор проходит довольно много времени. Однажды мальчик говорит: «Эй, Мустафа, я хочу дочь падишаха, принеси ее: пусть ночью поспит со мной», а тот говорит: «Очень хорошо» — и в ту же ночь приносит мальчику дочь падишаха, похитив ее вместе с постелью. И вот в ту ночь мальчик спит с девушкой, и прежде чем занялась заря, снова отправляет девушку во дворец. Как только наступило утро, девушка подумала, что это сон, но вот на второй вечер Мустафа снова приносит девушку, а наутро уносит ее обратно. Девушка понимает, что это не сон. В тот день она рассказывает обо всем своему отцу, а тот собирает везиров и рассказывает им. Везиры говорят: «Если ночью ее унесут еще раз, пусть султанша⁹ опустит в смолу свою руку и, в какую бы дверь она ни вошла, пусть пометит, приложив руку к двери, а там поутру мы все разыщем». И вот в ту ночь так и делают. Девушка, проходя через дверь, кладет знак, а затем до утра остается в комнате с мальчиком. Как только наступило утро, Мустафа несет девушку обратно; наутро девушку спрашивают, а она говорит: «Я пометила, идите ищите». И падишах посылает людей: «На какой двери есть знак, хозяина того дома схватите и приведите». А между тем Мустафа заметил знак, сделанный девушкой, и, взяв бурдюк со смолой, пометил все двери, сколько их ни оказалось. Как бы то ни было, люди падишаха выходят, глядь! — а на одной двери есть знак. «Ага, нашли», — говорят они и в то же время смотрят на другую дверь — и там знак; смотрят на третью — и там то же самое. Они не знают, кого же им хватать, идут к падишаху и рассказывают обо всем. Он еще раз собирает меджлис, и те говорят ему: «Если так не вышло, то на этот раз под матрац девушки пусть положат мешок ячменя; по какой бы дороге ей ни пришлось идти, пусть рассыпает ячмень». Падишах говорит: «Очень хорошо». В ту ночь кладут под матрац девушки мешок ячменя. Мустафа идет, берет девушку, и, пока он ее несет, девушка рассыпает ячмень по пути. А Мустафа это замечает, идет, берет десять мешков ячменя и рассыпает по всем дорогам.

Наутро падишах снова посылает людей; они идут, глядь! — а везде ячменю без конца. И они не знают, куда идти, снова рассказывают обо всем падишаху, а падишах созывает везиров, рассказывает им; те совещаются друг с другом: «Должно быть,

эджини, уносящий девушку, имеет какую-нибудь волшебную примету». На этот раз они решают так: «Пусть девушка, когда отправится, возьмет в руку яйцо и ударит им о дверь, в которую войдет; если яйцо разобьется, то поутру мы найдем дверь по следу, а если не разобьется и упадет на землю, мы будем знать, что это эджини, и тогда придется подумать о других способах». И вот — не будем затягивать! — в ту ночь Мустафа берет и уносит девушку; а девушка ударяет о дверь яйцо, и оно разбивается, а сама она входит в комнату и ложится с молодцом. Наступает утро. Девушка рассказывает обо всем падишаху; тогда он посылает несколько человек, чтобы они пошли и посмотрели. А те отправляются и, обходя кварталы, приходят к дому молодца. Когда они увидели след от яйца, они тотчас вошли внутрь, — а, оказывается, в ту ночь Мустафа не мог найти яиц, чтобы сделать знак на других дверях. И вот Мустафа, как только увидел, что эти люди входят в дом, — одному дал пощечину, другому — пощечину, и смахнул им головы. А прочие от страха бегут и рассказывают обо всем падишаху, а тот приказывает: пусть идут пятьсот человек и приведут его сюда.

И вот, по приказу падишаха, пятьсот человек идут. Как только они подошли к дому, выходит Мустафа: кому даст пощечину, у того голова скатывается. Вот он всех убивает, только один спасается бегством и дает знать падишаху, а тот — что делать, когда столько человек погубло? — снова собирает меджлис, а те и говорят: «Когда пятьсот человек падишаха один человек убил одной пощечиной, то с ним тягаться не приходится: лучше всего выдай-ка твою дочь за того человека». И падишах соглашается и посылает к молодцу людей. «Если хочешь, возьми дочь падишаха по закону», — говорят они, и мальчик соглашается; тотчас же девушку обручают с ним. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей, в одну пятничную ночь, они соединяются и достигают своих желаний.

65. Сказка о дровосеке

Было — не было, а в прежние времена был один старый человек. Этот старый человек каждый день ходил рубить дрова, приносил их и продавал. Так вот он и кормил своих детей.

Однажды, взяв снова свою веревку и топор, он пошел по дрова; подойдя к роднику, он сказал: «Ох!» и сел. Только он промолвил: «Ох!» — как из источника выскочил араб: «Никак ты меня звал?» — сказал он, а бедняга, увидев его, перепугался. Напрасно он говорил: «Нет, я тебя не звал» — араб говорит: «Как не звал? Меня зовут Ох; ты сказал: «Ох», я и пришел; постой-ка здесь». И с этими словами араб исчезает в глубине родника. Через минуту он выносит небольшое блюдо и подает его дровосеку: «Смотри, отец, не говори ему «Блюдо, накройся!» — сказал он и исчез.

Бедняк берет блюдо, отправляется в дорогу, но его разбирает любопытство: «Что же это за блюдо такое? Скажу-ка я, как говорил араб,— посмотрим, что будет». Подумав так, он тут же произносит разок: «Блюдо, накройся!» Сейчас же на блюде появляется столько еды, что целые десять человек наедятся досыта. Как только он это увидел, он и говорит: «Ох блюдо, остановись!» Он берет топор, веревку, кладет блюдо за пазуху и, полный радости, приходит домой. Жена как только увидела его, так и спрашивает: «Ну, муженек, а где же дрова, почему ты их не принес?» А тот достает блюдо и кладет его на полку. «Жена, смотри не скажи ему: «Блюдо, накройся!» — говорит он и выходит за дверь. А жена берет блюдо: «Стой, посмотрю-ка, что будет!» — думает она, и только она произнесла «Блюдо, накройся!», как блюдо сейчас же наполняется едой. Поев немного, женщина говорит: «Блюдо, остановись!», берет его и снова кладет на полку.

Под вечер приходит муж, и они едят с этого блюда все, что хотят; наутро он говорит: «Жена, сегодня я пригляшу на кушлук к нам кади-эфенди и всех, кто только у него есть». Потом он встает, идет к кади-эфенди и говорит: «Сколько ни есть у вас сегодня народу, всех берите и пожалуйста откушать чорбы у меня в доме». А кади собрал всех своих людей, и вот они идут в дом дровосека; глядь! — а там — ни огня, ни печи¹. «Ой, на что же нас позвал этот человек?» — говорят они. Как бы то ни было, все садятся, а хозяин идет, достает блюдо над самой головой у кади и выходит за дверь. Кади думает: «Ага, вот в этом-то блюде вся штука и есть!» И вот он потихоньку посылает одного человека: «Иди скорее, купи на базаре такое же блюдо и приходи», — говорит он. А хозяин-то за дверью говорит блюду: «Блюдо, накройся, блюдо, накройся!» — и заваливает едой целый огромный стол. Пока он накрывал на стол, приходит и человек, которого посылал кади. Словом, поев и попив, сели за кофе,

покуривают трубки, а наш бедняк приносит чудесное блюдо и кладет его на полку над самой головой кади. И вот все встают; уходя, кади потихоньку берет блюдо, а на его месте оставляет другое.

Как бы то ни было, наступило утро. Хозяин берет блюдо, чтобы позавтракать. Напрасно он говорил: «Блюдо, накройся!» — на блюде ничего не появляется. Как только бедняга увидел это, он и говорит: «Ах, жена, вот какое добро сделал нам кади-эфенди!» И он опять берет веревку с топором и идет рубить дрова. И вот, нарубив в тот день немного дров, он взваливает их себе на спину. Пока он доходит до родника, он весь обливается потом. «Ох!» — говорит он, сбрасывает с себя дрова и присаживается ненадолго. Сейчас же из родника сердито высккивает араб: «Зачем ты опять меня позвал?» А бедняга в ответ: «Я тебя не звал; я устал, вот и сказал: «Ох!» Араб говорит: «Разве ты не знаешь, что мое имя Ох? Сиди здесь, пока я не приду» — и исчезает в глубине родника. Немного спустя он выводит осла, отдает его дровосеку и говорит: «Смотри, не скажи этому ослу: «Ослик, помарайся!» — и снова исчезает. А дровосек берет осла и отправляется в путь. Прошел он немного, и его разбирает любопытство. Едва только он сказал ослу: «Ослик, помарайся!» — осел начал мараться, глядь! — его навоз — чистое золото. Увидев это, дровосек говорит: «Ой-ой, ослик, не марайся! да будет хвала аллаху: теперь мы нашли целый капитал»². И вот он на радостях идет домой. Проходит ночь. Утром он берет осла и идет в хамам. Привязав осла за дверью, он входит в хамам и говорит хозяину: «Там за дверью осел; смотри только не скажи ему: «Ослик, помарайся!» Хозяин хамама принимает его слова за шутку и смеется. Он выходит из хамама, видит — стоит привязанный осел. Хозяин хамама подходит к ослу: «Ослик, помарайся!» — говорит он, и осел начал мараться золотом. Лишь только хозяин это увидел, он и говорит: «Приведите скорее хромого осла, привяжите вместо этого, а этого отведите к нам в стойло». А слуги так и сделали. Дровосек, вымывшись, выходит наружу; чтобы заплатить за хамам, он и говорит ослу: «Ослик, помарайся!» — но из этого ничего не выходит. И вот он присматривается — а вместо его осла привязан какой-то хромой. Тотчас же он садится на него и едет домой.

Снова оказавшись с обеими руками под камнем³, он поутру берет топор и веревку и идет, чтобы принести дров. Как бы то ни было, нарубив немного дров, он взваливает их на спину, до-

ходит до родника, садится и от усталости два раза произносит: «Ох!» Араб опять выскакивает из родника. Лишь только он завидел дровосека, он снова скрывается в роднике, выносит железную дубинку и дает ему: «Смотри, не скажи ей: «Встань, дубинка!» С этими словами араб исчезает, а дровосек увидел дубинку и думает: «Кто знает, что в ней такое?» Он берет дубинку и уходит. Идя по дороге, он думает: «Дай-ка посмотрю, что будет» — и тут же говорит: «Встань, дубинка!» Дубинка снимается с места и наносит дровосеку такой удар, что несчастный так и остается на месте, растянувшись на земле. Спустя некоторое время он приходит в себя, бросает дрова, берет дубинку и приходит домой. Жене своей он говорит: «Жена, я пойду к кади, спрошу блюдо, и эту дубинку тоже понесу туда». Сказав так, он идет в конак кади. Придя в конак, он проходит к кади, и когда, после приветствия, кади сказал: «Что нового, дядя, зачем пришел?» — тот и говорит: «Хе, зачем я пришел? Вот я принес тебе на хранение эту дубинку». Повесив дубинку над головой кади, он говорит: «Кади-эфенди, смотри, не скажи этой дубинке: «Встань, дубинка!» А сам он выходит за дверь и прячется в скрытом месте.

А кади смотрит на дубинку и говорит: «Встань, дубинка!» Дубинка снимается с места и наносит такой удар кади, что тот начинает вопить: «Сюда, дядя, сюда! Возьми свое блюдо и свою дубинку, только убирайся подобру-поздорову, проваливай!» Когда он так сказал, дровосек тотчас же вбегает в дом, забирает блюдо и дубинку, на радостях приходит домой и говорит жене: «Вот я через эту дубинку выручил блюдо, а сейчас пойду и осла выручать». И он оставляет блюдо и идет в хамам. Повесив дубинку над головой хозяина хамама, он говорит: «Смотри, не скажи этой дубинке: «Встань, дубинка!» — и проходит в хамам. А хозяина после этих слов разобрало любопытство. «Встань, дубинка!» — сказал он, и дубинка, снявшись с места, наносит ему такой удар, что ломает бедняге кости. Хозяин начинает вопить: «Смилуйся, иди сюда, возьми своего осла и свою дубинку — чтобы себе шею свернул! — и проваливай». А дровосек скорее берет осла и дубинку и со словами «Слава и благодарение аллаху, и этого выручил» на радостях едет домой. Дубинку он вешает на гвоздь, осла привязывает в стойле, блюдо кладет на полку. Когда они хотят есть, они с этого блюда едят все, что хотят; когда им надо денег, они получают их от осла. Вот так и проводят они свою жизнь в спокойствии до самой смерти.

Было — не было, а в прежние времена был, говорят, один богатый человек. Однажды, когда он сидел в кофейне с приятелями, они разговорились о ворах. Один из них говорит: «Мои вещи украл такой-то», а другой говорит: «А у меня вещи украл такой-то». Пока они так говорили, этот ага и говорит: «Не знаю там, какие вещи вы дали утащить вора, а у меня до сих пор пока ничего не украли; вы оставляете все вещи на виду — оттого их и воруют, а вот пусть-ка — гётлери сикий! ¹ — придут да украдут что-нибудь у меня из дома!» И много других подобных этому слов говорил он тогда.

А рядом с ним сидел, оказывается, один из воров. Лишь только он услышал эти слова, он и говорит про себя: «Подожди, я с тобой сделаю дельце: посмотришь, как это будет!» И он потихоньку крадет у простака чубук, отделанный янтарем, потом встает, идет прямо к его дому и стучит в дверь. Изнутри подают голос, а он говорит: «Меня прислал эфенди и в знак этого дал вот чубук; дайте-ка две медные посуды — он будет покупать на базаре масла и меду для рамазана». А рамазан-то как раз приближался. Как только ханым увидела чубук, она поверила вору и дает ему две громадные медные посуды, и вор, взяв их, идет к бакалейщику; одну велит наполнить маслом, другую — медом, приносит и отдает их женщине. Потом, пройдя взад и вперед, он снова подходит к двери и, показав чубук как знак, говорит: «Меня прислал эфенди, дайте-ка тысячу золотых, он будет брать у ювелира золотую домашнюю утварь», а ханым верит и дает вору кошелек с тысячью золотых. Вор берет деньги и уходит за угол.

А там тот ага, посиживая, ищет свой чубук, и коль скоро не может его пайти, говорит: «Ой, что случилось с нашим чубуком?» Он идет домой, спрашивает у жены чубук, а та говорит: «Ты ведь прислал его как знак с одним человеком; он снова взял его назад». Как только она это сказала, муж так и остолбенел: «Тьфу, жена, да я никого не посылал к тебе с чубуком! Как было дело? Рассказывай». Жена говорит: «Да как ему быть? — пришел один человек с чубуком, взял две медные посуды, потом принес их полными, немного погодя опять пришел, показал чубук, сказал, будто ты просишь тысячу золотых, я и дала; больше я ничего

не знаю». Чуть только ага это услышал, он пришел в бешенство: тут же бросается вон из двери и начинает искать вора. И вот, лишь только вор это увидел, он быстрехонько за его спиной влопыхах заходит в дверь: «Ханым-эфенди, дайте скорее меч эфенди, он поймал вора», а ханым на радостях отдает мужнину меч с золотой рукояткой. А вор берет меч, нахлобучивает феску и скрывается совсем из того города.

Пусть он себе идет, а здесь, в этой стороне² ага, побродив немного и не будучи в силах найти вора, с тяжелыми думами идет домой. Как только ханым увидела своего мужа, она и говорит: «Ах, благодарение аллаху! Я только что слышала: ты поймал вора, а вот деньги удалось ли тебе отобрать?» А муж говорит: «Как это я поймал вора, кто сказал?» А ханым говорит: «А разве нет? Ты же прислал человека за мечом, он взял его и ушел». Услышав это, ага чуть с ума не сошел. Что подделаешь! — теперь все бесполезно! Думает он — думает: ведь столько вещей пропало! А в том городе были как раз три плута. Бедняга идет к ним: «Помогите, друзья! Вот то-то и то-то со мной приключилось; столько вот у меня украли денег, мой меч, мой чубук. Если вы сумеете это разыскать, я вам дам тысячу гурушей». А плуты и говорят: «Хорошо, может быть, разыщем, но только опишите нам обличье того человека». А тот ага говорит: «Я его не видал, а вот пойдем-ка, спросим у ханым». И вот он с плутами приходит домой и спрашивает свою жену, а та говорит: «Все на нем сиях, на голове остроконечный кюлях, украл кютах — кейдихан кейд-и бутан». ³ А оказывается, то, что она объясняла, значило: смуглолицый, в остроконечной шапке, плохой человек, деньги взял, не знаю, в какую сторону ушел.

Лишь только плуты это услышали, сейчас же один из них говорит: «Кейдихан кейд-и бутан, вилайета Хорасан» ⁴.

Тогда эти трое плутов снимаются с места и готовятся идти в Хорасан. Выступив в один день в путь, они за немного дней прибывают в Хорасан и начинают обходить область. Один из плутов говорит: «Вилайета Хорасан, а квартала Хаджи-Хасан». А там был квартал Хаджи-Хасан; они идут туда, и пока бродили по кварталу, один из плутов опять говорит: «Квартала Хаджи-Хасан, а дом его — арка бань» ⁵. Тогда идут они к бане; один из плутов и говорит: «Имя дочки его Михрибан, матери — Кезибан, не та дверь — эта дверь, стучи в дверь — пусть выйдет Михрибан». Они стучат в дверь рядом с баней, а как раз это и был дом вора. И к тому же у него как раз была дочь по имени

Михрибан. Чуть только девушка изнутри услышала стук, она скорее бежит и открывает дверь. Один из плутов говорит: «Доченька, отец твой дома?» Когда девушка их увидела, она подумала, что это его земляки. Она сразу бежит и сообщает отцу, а тот выходит наружу; при первом взгляде на плутов, он узнает их, но что же делать? Те через дверь проходят внутрь, оглядывают его и радостно восклицают: «Ага, наши!» Как и говорила ханым, он оказался смуглолицым в остроконечной шапке. И вот, прохаживаясь внутри дома, они начинают искать и, хотя находят чубук и меч,— денег сыскать не могут. Как ни принуждали его сказать, он молчит; в конце концов один из плутов говорит: «Постучи в дверь, пусть выйдет Михрибан, пусть отомкнет⁶ склад, который находится в доме».

Оказывается, у этого молодца был склад. Эти плуты, взяв вора, заставили его отомкнуть дверь склада и обшарили там все углы — ничего нет. Один из плутов говорит: «Отомкни магазин, спусти-ка корзину»⁷. А на потолке, оказывается, была подвешена корзина; они спустили корзину, глядь! — а золото-то в корзине: лежат себе золотые в мешочках; они их вытаскивают, считают — девятьсот девяносто девять золотых. Недостает только одной монеты. Для того чтобы найти золотой, другой плут и говорит: «Туда посмотрел — палатка, сюда посмотрел — палатка, дай-ка ему по лопатке!»⁸ И они наносят вору здоровый удар по затылку, а золотой как раз находился у него во рту. Лишь только он отведал оплеухи, монета вылетела у него изо рта и упала на пол. Тогда те плуты берут и этот золотой, берут чубук, меч и отправляются в путь. Придя прямехонько в город, где жил ага, они отдают ему добытые ими вещи. А тот, лишь только увидел свои вещи, тут же дарит всем этим плутам по тысяче гурушей, а те, получив деньги, пьют и едят в свое удовольствие.

67. Сказка о девяти безбородых

 было — не было, — в одно время было девять безбородых¹; занятием всех их было земледелие и извоз. У самого богатого было двадцать пар волов, а у самого бедного — одна пара волов. Однако сколько зарабатывал за день тот, который

имел двадцать пар волов, столько же зарабатывал и тот, который имел одну пару.

Вечером они садятся считать. Видят, что все заработали одинаково; они и говорят друг другу: «Вай анасыны², мы работаем на столькоких волах, а он работает с одной парой и зарабатывает столько же, как и мы все». И те все восемь возненавидели его. «Ну, друзья, что мы с ним сделаем?» — говорят они. «Что сделаем? Да зарежем у него одного вола!» — «Ну, а как зарежем?» А другие и говорят: «Завтра утром придем и скажем ему: «Друг, сегодня ночью мы видели во сне твою мать и твоего отца. Они голодны и сказали, чтобы ты зарезал одного вола, напек бы хлеба из одного мешка муки и раздавал бы всем по куску мяса и по куску хлеба». Так держат они совет. Как только наступило утро, один из них идет, стучит к бедняку в дверь; выходит его жена: «Кто там?» А тот говорит: «Вышли-ка приятеля, пусть выйдет сюда!» Женщина зовет своего мужа. Только он подошел к двери, ему говорят: «Как здоров, приятель?» А тот отвечает: «Здоров, иншаллах!» — «Сегодня ночью я видел во сне твою мать и твоего отца,— что бы тебе зарезать твоего вола, напечь хлеба из одного мешка муки и ради душ родителей давать каждому по куску мяса и хлеба!» Безбородый говорит: «Милый человек, может ли быть такая вещь? А что я потом буду делать?» А тот отвечает: «Этого я не знаю; я рассказал тебе сон, который видел, а дальше ты сам знаешь» — и с этими словами уходит. Вслед за ним приходит еще один безбородый и говорит то же, что и первый,— и вот, все они приходят, один за другим, и все говорят одно и то же.

И безбородый дядя входит в дом и говорит своей жене: «Мы не поминаем наших родителей, а вот люди видели их во сне; ради душ родителей — зарезать бы мне вола да и раздать бы мясо всем и каждому!» Жена говорит: «Не верь — это ложь», а безбородый говорит: «Как это может быть ложью,— все восемь, что ли, будут говорить ложь?» И он тут же валит одного вола и закалывает его. Потом он варит воловье мясо, берет мешок муки, напекает хлеба и раздает всем знакомым и соседям³. Затем бедный малый запрягает в телегу другого вола и начинает работать, и снова с одним волом он зарабатывает столько же, сколько зарабатывают те. Снова они разозлились и, как раньше, приходят и говорят, что все они видели во сне его мать и его отца и они, мол, сказали, чтобы он зарезал своего второго вола. Бедняк режет и второго вола, раздает мясо и вот остается с обеими руками под

камнем⁴: ниоткуда нет и пяти пара. Тогда он высушивает воловьи шкуры и говорит своей жене: «Сударушка⁵, снесу-ка я эти шкуры в другой город и продам, получу пять-десять пара». Он собирается и уходит в другой город; внизу, около конака кади он останавливается и кричит: «Шкуры продаю!»

Как только это услышала жена кади, она и говорит: «Позовите-ка вон этого: посмотрим, что он продает?» Слуги зовут безбородого дядю. «Что продаешь?» — спрашивают они, а он отвечает: «Шкуры продаю». — «Почем отдашь пару?» — «А вот за двадцать гурушей». Женщина, видя, что безбородый — бедняк, покупает шкуры, а сама в тот вечер не отпускает безбородого дядю: пусть, мол, он побудет у нас гостем. И они берут безбородого и отводят его в комнату для гостей. На счастье безбородого, в тот вечер приходило столько гостей, что пока безбородый сидел в углу, все вновь пришедшие говорили ему: «Ну-ка, безбородый дядя, подвинься туда подальше, ну-ка, безбородый дядя, подвинься туда подальше!» Наконец безбородый оказался за дверью. Вдруг кади вспоминает о нем: «А где же безбородый?» — глядь! — а его вытолкнули за дверь. «Ай-ай, возьмите отведите его в кухню; пусть его поест и нынче ночью пусть отдохнет и уснет там». Тогда безбородого забирают на кухню, дают ему поесть, и безбородый, поев, там и ложится; однако сон не смыкает его глаз. Оказывается, что жена кади-эфенди вот уже около сорока лет любила одного пастуха. В ту ночь ханым потихоньку идет на конюшню. Безбородый видит это и идет следом за ней. И вот ханым зовет: «Пастух, пастух!» — а пастух сердится, что она запоздала. «Где ты пропала?» — «Помилуй, не сердись! Это потому, что я не могла усыпить кади-эфенди; постой, он заснет, я и приду», — говорит она и уходит. Безбородый дядя приходит в дом раньше ханым, засучивает рукава, разжигает огонь, кладет на сковородку масла, распускает его, потом берет это, идет на конюшню и зовет пастуха. Только пастух спросил: «Ха, пришла?» — безбородый и говорит: «Пришла, на-ка: я приготовила тебе горяченького кофе, открой рот», — и пастух открывает. Безбородый тут же опрокидывает сковородку в рот пастуху, и тот, обгорев от кипящего масла, остается без движения.

А безбородый идет и садится опять на свое место. «Ах ты, жена кади, мать которой я продавал! Полюби-ка теперь на сорок лет пастуха!» — говорит он и ложится. А после того ханым, убаюкав кади-эфенди, идет на конюшню, глядь! — а пастух

мертв. Она сразу бежит к безбородому. «Ох, безбородый дядя, иди! — на конюшне был пастух, теперь он умер; унеси его, выброси куда-нибудь на сторону!» Безбородый говорит: «Задаром не пойду». Ханым говорит: «Дорогой мой, я два ряда золотых сорву с шеи и отдам тебе!» Когда безбородый сказал «Клянись, пока не получу деньги, не пойду», тогда ханым срывает с шеи золото, отдает безбородому и уходит. Пока женщина ложится спать, безбородый берет пастуха и подносит его к двери, из которой должен выйти кади-эфенди; там он прислоняет его вместе с дубиной к двери и оставляет.

Когда наступает утро, кади-эфенди встает и, выйдя наружу, видит, что какой-то пастух стоит, прислонившись к двери. Сколько бы он ни говорил: «Посторонись, эй, пастух!» — пастух не трогается с места. Кади говорит: «Дорогой мой, сойди с дороги, уже время позднее, у меня дела!» Пастух все стоит. «Ой, пастух, если у тебя тяжба, приходи потом», — говорит он и ударяет его по голове дубиной, а тот падает. Кади-эфенди, испугавшись, тут же идет к безбородому и говорит: «Вставай, иди-ка! К двери подошел пастух; я ударил его по голове дубиной, а он упал мертвый. Чего только не будет делать народ, раз уже я — и то убил человека?» Безбородый отвечает: «Эх, да воздаст вам аллах по заслугам! С этим пастухом то твоя жена, то ты не даешь мне спать!» — «Помилуй, безбородый, не ори: я дам тебе пятьсот гурушей, возьми его, унеси куда-нибудь», а безбородый в ответ: «Пока не получу деньги, с места не двинусь». И кади-эфенди достает пятьсот гурушей и дает ему. Как только безбородый получил деньги, он берет пастуха, прячет его в яслях на конюшне и бросает там. Как только наступило утро, безбородый на деньги, вырученные от продажи шкур, покупает на базаре осла, привязывает пастуха крепко-накрепко к ослу и отправляется в путь. Пройдя немного, он видит, что издали надвигается какое-то темное пятно. А это как раз был караван. Безбородый тотчас же обматывает руку пастуха поводьями, а сам прячется под кустом. Подошел караван с товарами, нагруженными на сорок мулов; как ни кричал тут начальник каравана: «Эй, пастух, сверни с дороги!» — осел знай идет себе по самой середине. Тотчас один из караванщиков ударил пастуха дубиной. Пастух падает с ослы на землю; тогда безбородый дядя выскакивает из-под куста: «Ой, караул, сюда! Брата моего убили!» — кричит он и начинает плакать, а начальник каравана тут же бросается в находившийся там колодезь. Тогда безбородый отвязывает пастуха, оставляет

его под кустом, осла бьет и отпускает его, а сам забирает сорок мулов с товарами и едет к себе на родину. Когда он приезжает домой, он сваливает товар с мулов у себя во дворе.

И вот день, пять дней — безбородый гуляет, принарядившись. Однажды он говорит своей жене: «Эй, жена, пригласим-ка наших друзей похлевать чорбы». Напрасно жена говорила: «Брось, муженек!» — безбородый твердит: «Во что бы то ни стало созову! Готовь угощение». Безбородый разукрасил все столбы дома шарами, отделанными золотом, и пошел к своим друзьям. «Эй, приятели, пожалуйста нынче вечером к нам, похлебаем чорбы», а те встали и пошли. Когда они вошли в дверь, глядь! — вся внутренность дома разукрашена. Как бы то ни было, они входят в дом, садятся, начинают есть и спрашивают безбородого: «Эй, приятель, где это ты нажил такое богатство?» А тот начинает рассказывать: «Приятеля, были у меня две воловьих шкуры. Я взял их да в таком-то городе и продал в один дом; так вот и заработал эти деньги». А те спрашивают: «Э, а как продал?» Когда они так сказали, он отвечает: «Как я продал? Сразу я не мог подсчитать: продал по золотому за каждый волосок и заработал столько, — а если бы я по счету продал, я бы еще больше заработал». А те думают про себя: «Вай анасыны, он от одной пары волов столько богатства нажил, а у нас вот сколько волов, — всех зарежем!» С этим они встают и уходят, а потом, зарезав всех своих волов, нагружают на повозки невысохшие еще шкуры и отправляются в тот город.

Затем они останавливаются под конаком кади и начинают кричать: «По золотому за каждый волосок!» Когда кади услышал, он посылает своего слугу: «Спроси, что они продают?» И слуга спрашивает: «Безбородые дяди, что продаете?» А те отвечают: «Да вот продаем шкуры — за каждый волосок по золотому!» Слуга идет, рассказывает кади. «Ой, они — сумасшедшие, возьмите их, посадите в тюрьму». Тотчас же их схватывают за руки, за полы и сажают в тюрьму; продержав их около недели и отвесив каждому по хорошему удару палкой, их отпускают из тюрьмы, а те берут шкуры, смотрят: они протухли. Тогда безбородые бросают их и возвращаются в свой город. По возвращении они еще больше возненавидели того безбородого дядю.

И вот они держат между собой совет: «Ну, друзья названные, что мы сделаем с этим безбородым?» — «Обманем его: выведем в степь, а там бросим в колодец и оставим». Тогда все они, взяв под мышку по мешку, приходят к безбородому. «Друг названный,

не пойдешь ли с нами в степь?» — спрашивают они его, а безбородый говорит: «Почему не пойти?» — и по-приятельски идет вместе с ними. И вот, лишь только все вышли в степь, они сразу хватают безбородого, сажают его в мешок и, хорошенько завязав сверху, кладут у края колодца и говорят: «Товарищи, мы его среди бела дня в колодец не можем бросить: столько времени он был нашим приятелем! Пойдем немного передохнем, а потом придем и скинем». И с этими словами они уходят в харчевню. А в тех местах проходил путник; как только безбородый услышал, что идет путник, он стал кричать: «Я не хочу, я не хочу!» А путник тот был пастух. Он услышал его крик и спрашивает: «Эй, человек, чего же ты не хочешь?» А безбородый говорит: «Слушай ты: за меня отдадут дочь падишаха, а я не хочу, так вот меня и хотят бросить в колодец». Когда он так сказал, пастух говорит: «Коли так, ты выходи, а я влезу» — и выпускает безбородого из мешка, а сам влезает в мешок. А безбородый хорошенько завязывает мешок, забирает овец и уходит.

Пусть он себе идет, а с этой стороны⁶ другие безбородые приходят навеселе; раскачав мешок, они бросают его в колодец; бедный пастух так там и тонет. А они говорят: «Ох, слава аллаху, избавились от него, айда, пойдем в кофейню». Вот приходят они в кофейню и садятся. А в это время с другой стороны тот безбородый, забрав овец, проходит перед кофейней; они его видят и говорят друг другу: «Названные друзья, глядите, этот наш безбородый не помер». — «Ах, чтоб тебе! Да он утонул, это не он», — говорят одни, а другие кричат: «Нет, он». — «Нет, не он!» Наконец подзывают его: «Эй, приятель, поди-ка сюда!» — а тот отвечает: «Обождите немного, вот пойду запроу скотину, тогда и приду» — и уходит. Как бы там ни было, заперев скотину в хлев, он приходит и усаживается рядом с ними. А те спрашивают: «Ну-ка, товарищ, где ты набрал этих овец?» А он говорит: «Где я их наберу? Вот в колодце набрал. Вы думали, что я утонул, а между тем я, делая «гыр-гыр»⁷, набирал баранов; если хотите, сведу вас, и вы наберете».

Они соглашаются, встают и идут к тому колодцу. Безбородый говорит: «Вы кинули меня в оде́же, и я не мог набрать много баранов: хотите, разденьтесь да так и кидайтесь голыми». Те от жадности бросаются, сняв с себя одежду, и прыгают так: «Мы, мол, еще больше наберем!» Первый из них, лишь только попал в колодец, утонул, а прочие смотрят — он не вылезает. «Вай анасыны, он там заберет всех баранов!» — говорят они, и все восемь

поодиночке бросаются в колодец. Все они захлебываются и погибают, а безбородый избавляется от них, забирает их платье и приносит домой. И вот он вместе со своей женой до самой смерти проводит свою жизнь в счастье и благополучии.

68. Сказка о сорока небылицах ¹

 Когда-то у одного падишаха было три сына. Еще при жизни падишах делает своим детям такое завещание: старшему он говорит: «Не дружи с человеком, у которого рыжие волосы и голубые глаза» ² — и дает ему сундук с золотом и коня, а среднему говорит: «Не знайся с человеком, у которого нет бороды ³ и усов» — и дает ему недоуздок, а младшему говорит: «Не води дружбы с карликом» — и дает ему пару стремян. Несколько времени спустя приходит смертный час падишаха, и он умирает. Сыновья остаются каждый сам по себе.

Однажды приходит во дворец рыжеволосый человек и говорит старшему шахзадэ: «Ох, шахзадэ, как скоро ты меня забыл! Пока был жив твой отец, он мне всегда давал денег, я жил под его покровительством ⁴. Теперь он умер, остался ты; разве подобает тебе, чтобы я вот так ходил без денег?» А шахзадэ видит, что этот человек — балагур; забыв отцовский завет, он отправляет его во дворец: «Ступай-ка, живи во дворце, ешь, пей», — говорит он. И этот рыжий человек идет и располагается во дворце.

На следующий день к среднему шахзадэ приходит безбородый. «Смилуйся, шахзадэ, я изголодался; мне не на что жить», — говорит он. И этот, забыв отцовский завет, принимает безбородого во дворец.

На третий день, в то время как младший шахзадэ прогуливался по торговым рядам, он встречается с карликом. Лишь только тот увидал шахзадэ, он и говорит: «Помилуй, шахзадэ, имей ко мне сожаление; ведь я изголодался, у меня не хватает сил ни на какую работу». Только он это сказал, шахзадэ отправляет и его во дворец. И вот все трое, собравшись вместе, едят и пьют, что только им угодно. Каждый день, проделывая перед тремя шахзадэ разные штуки, они потешали их. А шахзадэ ночь и день сидели с ними вместе и не заботились о других делах. От такого их присутствия золото в сундуке старшего шахзадэ исся-

кает, а другого у них ничего не было. Что делать? Он выводит коня, чтобы продать. В то время как он шел на базар, его встречает рыжий. «Шахзадэ, куда идешь?» — спрашивает он, а шахзадэ говорит: «Куда иду? Мы проели весь сундук золота до конца; теперь продам этого коня, получу немного золотых». Рыжий и говорит ему: «Шахзадэ, вместо того, чтобы тебе продавать этого коня, скажи мне сорок небылиц, и я дам тебе двадцать тысяч гурушей». А шахзадэ говорит: «Откуда я знаю, как это надо лгать небылицы? Когда я был маленьким, я в школе не учился тому, как надо лгать, а теперь вот буду лгать?!» Едва он так сказал, рыжий сразу выхватывает коня у него из рук и убегает. А шахзадэ только смотрит ему вслед. Что делать? Он поворачивается и приходит домой.

Но так как у них не осталось ничего, что бы поесть, то на этот раз средний брат берет данный отцом недоуздок и несет его продавать. В то время как он шел по дороге, перед ним выскакивает безбородый и говорит то же самое, что и рыжий: «Скажи мне сорок небылиц, и я дам тебе двадцать тысяч гурушей». А шахзадэ не говорит, так как он не умеет лгать. Безбородый вырывает у него из рук недоуздок и убегает. А шахзадэ остается с разинутым ртом, и вот он, так же как его старший брат, возвращается во дворец с пустыми руками.

На этот раз — дело за младшим шахзадэ. Он берет данные отцом стремя и идет на базар. По дороге встречается он карлика. Как только карлик увидел его, он спрашивает: «Шахзадэ, куда идешь?» Когда шахзадэ рассказал, в чем дело, карлик говорит: «Шахзадэ, скажи мне сорок небылиц, и я дам тебе двадцать тысяч гурушей да отдам коня, недоуздок и стремя». А шахзадэ говорит: «Милый мой, откуда же мне знать, как говорить небылицы? Дай-ка расскажу тебе, что со мною случилось. Вышел я это вчера из дворца, иду по дороге, навстречу мне человек: «Шахзадэ, давай мюждэ⁵, твоя мать родилась!» А я думал-гадал, может ли быть такая вещь, — не поверил. «Но, может быть, и правда так?» — сказал я, да со мной ничего не было. Я тут же засунул руку под мышку: выскочил алмаз, я отдал его тому человеку, и он ушел. Еще немного прошел, опять выскочил передо мной человек: «О шахзадэ, давай мюждэ». Как только я спросил, в чем дело, он сообщил: «Отец твой родился!» Снова думал я, не верил, «Однако, может быть, и правда», — сказал я и снова засунул руку под другую подмышку: выскочил бриллиант, и я отдал его тому человеку. Он ушел. Потом я пошел

оттуда на базар, вижу — какой-то бузовщик⁶ купил мешок проса и говорит мне: «Бери этот мешок с просом, неси в лавку», а я посмотрел — мешок тяжелый, мне не снести, да и денег у меня нет взять повозку, снова засунул руку под мышку: выскочил петух. Я взвалил просо бузовщика петуху на спину, и мы вместе пришли в лавку бузовщика. Посмотрел — на спине у петуха от мешка рана; я смешал немного извести с персиковыми листьями и потер петуху спину. В ту ночь и я спал в лавке. И вот, утром я встал, глядь! — а на спине у петуха вырос огород⁷. Я вытащил нож, разрезал один арбуз. Вдруг нож мой провалился в середину арбуза, а я, чтобы найти нож, влез в арбуз, посмотрел — стоят три котла: у одного отбиты края, у другого посередине дыра, у третьего нет дна. Я зарезал петуха, ошпарил его в котле без краев, сварил в котле с дырой, поел из котла без дна». Карлик видит, что тут ничего не поделаешь: «Коли есть небылица, так дальше не пойдет» — и отдает ему и коня, и недоуздок, и стрелы, и двадцать тысяч гурушей денег. Шахзадэ, взяв их, идет во дворец и показывает братьям. После этого они дают клятву никогда в своей жизни не знаться с карликом, с рыжим и с безбородым. А младшего шахзадэ делают падишахом, посадив его на престол вместо их отца. И вот они до самой смерти проводят время в наслаждении.

69. Дровосек

 Когда-то был один дровосек; была у него и жена. Этот дровосек ежедневно уходил в лес рубить дрова, а под вечер приносил нарубленные дрова и продавал; на полученные деньги он покупал у лавочника хлеба и всякой еды и приносил их домой, а жена его все это готовила, — они ели и пили. После этого они проводили время в веселье, развлекались, пели песни, играли и плясали, приговаривая: «Пиш-поф, пиш-поф!»¹ Назавтра дровосек опять идет в лес, рубит дрова, а к вечеру, продав их, покупает на эти деньги для дома съестное. Они едят, пьют, играют, затевают пирушку. И вот, поступая так каждый день и каждую ночь, проводили они все дни в свое удовольствие.

В один из дней падишах издает запрещение зажигать свечи по ночам. Никто ночью свечей не зажигает, а этот дровосек

опять, как и прежде, каждую ночь веселится и не прекращает пирушек. Как-то ночью падишах вышел из дворца и, обходя все кругом, случайно подошел к дому дровосека, глядь! — а в доме шум, гам, игры, пляски — невесть что! Падишах наблюдает, как дровосек с женою пляшут, приговаривая: «Пиш-поф»! Падишаху очень понравилось такое их занятие; он делает на дверях пометку и уходит. На следующий день падишах велит позвать к себе дровосека и высылает к его дому коня и одежду. Люди падишаха берут коня и одежду и отправляются к дому дровосека. Постучав в дверь, они спрашивают его, а жена его отвечает людям, что мужа дома нет и что он ушел в лес дрова рубить. Они идут, приводят дровосека из лесу, переодевают в новые одежды, сажают на коня и доставляют прямо к падишаху. Когда они ехали по дороге, каждый видел его, а нищие выстроились в два ряда справа и слева и просят у него денег. Дровосек, сидя на коне, засунул руку в карман и видит, что там денег нет; он едет и приговаривает то направо, то налево: «На обратном пути, на обратном пути!» Потом входит он к самому падишаху. Падишах его спрашивает, чем он занимается, а он говорит, что днем уходит в лес рубить дрова, а вечером продает их, на эти деньги покупает еду, а потом они вместе с женой едят, пьют и веселятся. И вот падишах делает этого дровосека своим капыджы-башы² и жалует его красивой саблей. Когда дровосек, сев на коня, ехал домой, на дороге нищие снова просят у него денег, и вот опять, сидя на коне, сунул он руку в карман и видит, что денег нет: «Вам нет и мне нет, вам нет и мне нет!» И приговаривая так направо и налево, доезжает он до своего дома.

Но вот дровосек и его жена проголодались. Дровосек и говорит своей жене: «Ну, что мы теперь будем делать, — разве так лучше стало? Денег нет ни гроша, что делать?» Жена сказала: «Эй, муженек, ступай-ка ты хоть к лавочнику, снеси ему эту саблю, возьми чего-нибудь поесть — приходи и поедим». И вот дровосек, взяв саблю, идет к лавочнику, берет кое-чего поесть и возвращается домой; садится со своей женой, и они хорошо едят и пьют. И снова, как раньше, пляшут, пируют и ни о чем не заботятся.

Приехавший вместе с дровосеком слуга видит все, что они проделывают; он отправляется утром прямахонько к падишаху и докладывает об этом, а дровосек делает саблю из дерева и вкладывает ее в ножны. И вот падишах услышал об этом (а в те времена, когда кому-нибудь давали новую должность, падишах

одновременно приказывал ему снести голову какому-нибудь человеку) и дал знать своим людям, чтобы они собрались в одно место; велел позвать и дровосека, послав ему приказ. Этот дровосек опять одевается, садится на коня, приезжает во дворец, а падишах велит привести какого-то человека и говорит дровосеку: «Отруби голову этому человеку». А дровосек знает, что сабля у него деревянная. Как тут быть? И вот он сразу берет саблю и говорит: «О аллах! Если за этим человеком нет греха, пусть моя сабля станет деревянной, если есть — пусть зарубит его». Он вытаскивает саблю, и вот все видят, что сабля из дерева. Тогда он говорит падишаху: «Видите, эфендим, за этим человеком нет греха». А падишах, хотя и получил раньше сведения о том, что сделал дровосек со своей саблей, — остался так доволен его проделкой, что дает ему конак, дает много денег на прожиток и делает его своим любимцем. Дровосек берет свою жену, и живут они в том конаке до самой смерти: едят, пьют и жизнь свою проводят в спокойствии.

70. Кель-олан

 В какое-то время было два брата; была у них и старая мать. Когда отец их умер, он оставил им много рогатого скота. В один из дней они говорят: «Давай разделим скот». А голова у одного из этих парней была плешивая. Вож кель-олан¹ и говорит: «Выпустим коров: те, которые войдут в это старое стойло, пусть будут твои, а те, которые войдут в новое — мои», а другой говорит: «Нет, те, которые войдут в новое — мои, а в старое — твои». И вот кель-олан соглашается на это, и они выпускают скотину. Вся скотина входит в новое стойло, — только одна облезлая скотина входит в старое, да и то потому, что она была слепая на один глаз. И вот кель-олан берет этого быка, каждый день водит его пастись в степь, пасет его до вечера и снова пригоняет домой. Идет он однажды в горы, глядь! — а в горах вихрь сломал дерево, и оно делает гыджыр-мыджыр², а кель-олан говорит: «Эй, гыджыр-мыджыр, ты видел моего старшего брата?» Дерево опять говорит: гыджыр-мыджыр, а кель-олан опять спрашивает, а так как дерево ему ничего не отвечает, кель-олан сердится; но чуть только он ударил по нему топором, как дерево раскалы-

вається, и оттуда сыплются золотые — шангыр-шунгур³. А кель-олан, лишь только увидал их, так и остолбенел; тотчас он поворачивается, идет домой и говорит своему брату: «Дай мне еще хоть одного быка, чтобы я впряг его в арбу со своим». И тот дает ему еще одного быка. Кель-олан находит арбу, запрыгает быков, берет несколько мешков, наполняет мешки землей и едет прямо в горы; там он высыпает землю, насыпает в них золото, накладывает мешки на арбу и везет домой. И вдруг это увидел брат. «Эй, послушай, кель-олан, ты где это нашел? Или украл где-нибудь? Теперь о нас пойдет молва,— что мы тогда будем делать?» А кель-олан говорит: «Сейчас мы его поскорее разделим да зароем в землю,— кто услышит, кто узнает?» Сказав так, кель-олан бежит бегом, берет у соседа мерку, а сосед, думая: «Что это он будет делать?» — наливает на дно мерки немного клею. Кель-олан берет мерку, отмеривает золотых себе и брату — они делятся. Потом он берет мерку и опять несет ее соседу, а сосед смотрит на дно мерки: золотой пристал. «Ай, где нашел этот кель-олан золото?» — говорит он другому соседу, а тот — третьему. Говорят-говорят, и все это становится известно каждому. И вот два брата слышат — все соседи узнали, что они мерили золото. Они и говорят один другому: «Зароем-ка золото и убежим, а то придут да нас и схватят». А кель-олан говорит: «Айда, не будем долго ждать». И они зарывают золотые и на следующий день бегут.

Прошли они немного, и вот старший парень говорит кель-олану: «Эй, послушай, ты дверь закрыл?» А тот отвечает: «Нет, не закрыл». — «Ступай скорее, закрой дверь и приходи». Кель-олан вприпрыжку прибегает к себе домой и говорит: «Раз я пришел домой, вымою-ка я разочек нашу старуху и тогда пойду». Тотчас он нагревает котел воды, раздевает свою мать; как только он облил ее с ног до головы кипятком, мать его так и осталась без движения. Тогда он припирает свою мать метлой к стене, взваливает на плечи дверь и приходит прямехонько к своему брату. И вот, лишь только его увидел брат, он и спрашивает: «Послушай, кель-олан, что это у тебя на спине?» А тот отвечает: «Разве ты не сказал мне: возьми и принеси дверь? Вот я и принес, а к тому же и мать свою вымыл,— так и пришел». Когда старший спросил: «Послушай, а как ты ее вымыл?» — тот и говорит: «Полил ей кипятку на голову и метлой припер к стене». Лишь только он это сказал, брат говорит: «Ох, сумасшедший кель-олан, да ты убил мою мать, накажи тебя аллах! Ну-ка са-

дись». После этого они посидели немного. Наступает вечер, кругом начинает темнеть, глядь! — навстречу едут два-три всадника; испугавшись, братья тут же залезают на дерево.

А те люди, не замечая их, садятся под деревом. Вдруг кель-олан говорит: «Ай-ай-ай, братан, мне надо помочиться!» А старший говорит: «Послушай, подожди: сейчас они нас заметят и схватят». А кель-олан говорит: «Ай-ай-ай, я наделаю в штаны!» А старший видит, что он не понимает доброго слова, и говорит ему: «Ты хоть побрызгай туда-сюда понемножку, чтобы никто не заметил». Кель-олан так и делает. И вот те, что внизу, говорят: «Дождь идет». Проходит немного времени. Кель-олан снова говорит: «Ай-ай, братан, теперь мне надо за большим!» Напрасно старший говорит: «Слушай, постой, да пошлет тебе аллах беду! Сейчас же эти люди нас схватят». Но кель-олан не слушает, начинает делать, а те, что внизу, в темноте не видят их и говорят друг другу: «Ох, приятель, небесная манна сыплется». И это сходит с рук. Вдруг кель-олан говорит: «Ай, у меня устала рука, я брошу дверь». А старший говорит: «Послушай, кель-олан, не делай этого, подожди немного, пусть они уйдут, тогда мы спустимся и пойдем». Кель-олан его не слушает: чуть только он бросил дверь и она покатилась, грохоча — палдыр-кюльдюр⁴, — те с криком «Слушайте, земля рушится на наши головы!» бегут оттуда. А братья спускаются с дерева, и старший говорит кель-олану: «Ну, убирайся, ступай в какую хочешь преисподнюю: с тобой из беды не вылезешь!» Тогда они расходятся: кель-олан в одну сторону, а тот — в другую.

Этот кель-олан идет-идет, доходит до какой-то деревни. Чувствует, что он проголодался: он начинает просить милостыню, потом идет и садится у двери какой-то мечети. Из мечети выходит народ. Один безбородый⁵ человек говорит ему: «Будешь моим слугой?»⁶ А тот отвечает: «Буду, но только давай мы с тобой уговоримся: что бы я ни делал, ты не будешь на меня сердиться; если рассердишься, я тебя убью». И вот безбородый говорит кель-олану: «Ступай возьми этих кур, выгони, попаси, прогуляй и обратно приведи».

И кель-олан берет их и гонит в поле: которую режет, которую продает, скольких-то ловит и пригоняет домой. А безбородый спрашивает: «Эй, послушай, а куда же девалась большая часть этих птиц?» А кель-олан говорит: «Милый человек, только они вышли в поле — и разбежались, кто куда; я побежал в одну сторону, побежал в другую, да только и мог поймать что вот этих».

И безбородый ничего не говорит. Когда кель-олан спросил: «Хозяин, ты рассердился?» — тот отвечает: «Нет, я не рассердился, — чего тут сердиться!» Проходит несколько дней, безбородый говорит: «Ну-ка, кель-олан, возьми этих баранов и попаси немного». А тот берет: какого продаст, какого оставит на воле, а сколько-то штук приводит обратно домой. Безбородый опять его спрашивает, а тот отвечает: «Которого волк утащил, которые разбежались, и я не мог их поймать». А безбородый ничего не говорит. Кель-олан спрашивает: «Хозяин, ты рассердился?» — а тот говорит: «Нет, кель-олан, на что тут сердиться?» Но больше он уж не посылает его на работу, а заставляет сидеть дома.

В один из дней, когда он сидел дома (а у безбородого был один маленький мальчик), тот мальчик и говорит своей матери: «Мамка, хочу посикать», а женщина говорит: «Ну-ка, кель-олан, своди его посикать». А кель-олан приводит его в отхожее место и говорит: «Не сикай, не какай» — и не дает мальчику сделать. Мальчик от страха ничего не говорит, и они приходят в комнату. Мальчик немного подождал и снова говорит: «Мамка, хочу посикать». Мать снова говорит кель-олану, а тот берет его, ведет и говорит мальчику: «Не сикай и не какай», не дает ему сделать, берет и приводит обратно. Проходит немного времени. Когда мальчик снова сказал: «Мамка, хочу посикать!» — женщина говорит: «Ах, чтоб тебя! Ну-ка, кель-олан, вытряси его!» И кель-олан ведет мальчика, разом отрывает его от своих ног и бросает в отхожую трубу, а сам выходит оттуда и идет обратно. Женщина и спрашивает: «А где же мальчик?» Тот отвечает: «Разве ты не сказала мне: «Вытряси его?» Я его и вытряхнул». И женщина ничего не говорит. Кель-олан спрашивает: «Ханым, ты рассердилась?» И хотя та сказала «Нет, не рассердилась», однако вечером, когда пришел безбородый, женщина и говорит: «Муженек, бежим от этого кель-олана, а не то он убьет и тебя и меня». Они — муж и жена — соглашаются на этом и готовятся бежать в один из дней. Однако кель-олан это слышит; он влезает в сундук, который они должны взять с собой, а они, захватив отовсюду понемногу вещей, уходят в другой дом. Несколько дней живут они там и вдруг, глядь! — кель-олан в сундуке начинает вопить; они открывают сундук и видят, что сами принесли сюда кель-олана. Безбородый и говорит своей жене: «Мы сегодня пойдем на это озеро, что напротив, и там останемся на ночь; постель кель-олана ты сделай со стороны озера; ночью, когда он уснет, мы сбросим его в озеро — была не была!» Они и говорят: «Айда,

кель-олан, мы идем к озеру, что напротив, и там нынче будем ночевать; ты пойдешь с нами?» А тот сказал: «Пойду». Но он, оказывается, слышал весь этот разговор. Не будем затягивать! Они идут на берег озера; в тот день до самого вечера едят и пьют. Наступает вечер, они делают постели, ложатся, но кель-олан ночью не спит. И вот, те муж и жена, думая, что кель-олан уснул, идут и хотят его бросить в озеро, да кель-олан как даст пинка женщине — та свалилась и утонула в озере. Тогда безбородый говорит кель-олану: «Хай, да пошлет тебе аллах беду, ты под конец и жену мою погубил! Хоть и меня бы убил, чтобы мне от тебя избавиться!» Когда он так сказал, кель-олан говорит: «Хозяин, теперь ты рассердился, а?» А тот сказал: «Как же не рассердиться?» А кель-олан схватил безбородого за ноги: «Ах, ты сердиться, так вот тебе!» — и бросает его в озеро. Потом этот кель-олан остается один и без гроша.

Однажды, когда он шел по дороге, он находит бешлик⁷. «Что бы мне на него купить?» — думает он; потом идет, покупает на эту монетку каленого гороху⁸ и идет, пожевывая его. Глядь! — а на дороге колодец с открытым верхом. Пока он смотрел в глубь колодца, половина каленого гороха просыпалась в колодец; тогда он начинает ныть: «Отдай мне половину моего гороха, отдай мне половину моего гороха!» Вдруг, глядь! — из колодца выскакивает араб — одна губа на земле, другая — на небе. «Чего ты хочешь?» — спрашивает он, а кель-олан говорит: «Отдай мне половину моего гороха!» Араб опускается в колодец, снова выскакивает, приносит скатерть: «Возьми эту скатерть; когда ты проголодаешься, скажи: «Скатерть, раскройся!» — она раскроется; а потом скажи: «Скатерть, закройся!» — она закроется». Кель-олан берет ее, идет в какой-то дом и живет там несколько дней; когда ему хочется есть, он кладет перед собой скатерть. «Скатерть, раскройся!» — говорит он, и скатерть раскрывается: появляется столько блюд, что он не знает, за которое приняться. Он и говорит сам себе: «Пойду-ка я, созову жителей этого махалле на обед». Он идет и зовет всех людей, сколько их ни оказалось. Они приходят в дом кель-олана, и каждый видит, что в доме ничего нет. Они и говорят один другому: «Друзья, этот кель-олан нас созвал, а здесь никакой еды не приготовлено». Пока они так говорили, вдруг кель-олан приносит скатерть. «Скатерть, раскройся!» — сказал он, и скатерть сейчас же раскрывается: глядь! — а там столько еды, что люди не знают, есть им или смотреть. Как бы то ни было, они наедаются досыта и уходят, но

подсылают одного человека, который похищает эту скатерть у кель-олана. И вот наступает утро; кель-олану хочется есть; вот он ищет скатерть, глядь! — а скатерти нет. Тогда он опять идет к краю колодца и кричит: «Отдай мне половину моего гороха!» И вот снова выскакивает араб: «Чего ты хочешь?» — спрашивает он, а тот говорит: «Отдай мне половину моего гороха!» — «Что ты сделал со скатертью?» — спросил араб, а кель-олан говорит: «Ее украли». Араб приносит ему мельничку: «Возьми эту мельничку: когда ты повернешь ее направо — посыплется золото, когда повернешь налево — серебро», — говорит он. Кель-олан тотчас берет мельничку и идет домой; крутит ее вправо — сыплется золото, крутит влево — сыплется серебро. Кель-олан разбогател невесть как; все к нему ходят, но все и удивляются, где нашел этот кель-олан столько денег: здесь, мол, что-то неспроста.

Однажды кто-то зашел к нему в дом и как-то увидел эту мельничку. Потом он уходит, а ночью похищает ее. Кель-олан опять ищет мельничку, глядь! — а ее нет. Он идет к колодцу и снова кричит: «Отдай мне половину моего гороха, отдай мне половину моего гороха!» Снова из колодца выскакивает араб: «Приятель, ты что кричишь? Где скатерть, где мельничка? Не довольно ли за половину гороха?» А кель-олан говорит: «Это верно, но их украли». А араб дает ему две колотушки: «Возьми их, но смотри не говори: «Бейте, колотушки!» И кель-олан, взяв колотушки, прошел немного, а потом подумал про себя: «Этот араб сказал не говори: «Бейте, колотушки!» — а что мне с ними делать? Попробую, разочек скажу: «Бейте, колотушки!» Тогда колотушки подскочили к его голове и изрядно отлупили кель-олана — пат-кют!⁹ Кель-олан кричит, вопит: «Аман-заман!»¹⁰ — а колотушки не перестают его дубасить. Кель-олан хватается за ум: «Стойте, колотушки!» — кричит он, и колотушки останавливаются. «Ха-ха, теперь я нашел выход», — думает он, идет домой и вот опять приглашает тех людей, которые украли скатерть и мельничку. А те думают, что у кель-олана есть еще что-нибудь, и поспешно приходят. Так они сидят некоторое время. Кель-олан вносит колотушки. Когда он сказал: «Бейте, колотушечки!» — колотушки начинают отчаянно колотить тех людей. А те уже не могут больше выносить побои. «Смилуйся, кель-олан!» — кричат они, а кель-олан: «Где скатерть, где мельница?» Они кричат: «Смилуйся, подожди, мы принесем!» Тогда один идет, приносит скатерть и мельничку; они отдают все кель-олану, а тот говорит: «Стойте, мои колотушечки!» Колотушки останавливаются, а те

люди уходят. Затем этот кель-олан собирается жениться, готовит свадьбу, берет девушку. В той стране не было такого богача, как он; все его почитали за большого человека, и у кого какие есть дела — все с ним советовались. До самой смерти он проводит свое время в радости.

71. Богатырь

 какое-то время был один богатырь¹. Против него никто не мог устоять. Он всегда ходил вооруженный и в доспехах². Но выходить из дому по ночам этот богатырь боялся. В один из дней в тот город пришел человек с обезьяной и давал представление, а в тот день и богатырь ходил на базар. Лишь только он увидел обезьяну, он разинул рот и остановился посмотреть. В тот день до самого вечера он все смотрел на обезьяну и забыл пойти домой, и вот, как только спустились сумерки, он пришел в себя: «Ай, я опоздал, что мне делать?» И со страхом пошел домой. А жена его ждала-ждала весь вечер, — видит, что он не приходит, закрывает дверь на засов и ложится спать.

Вслед за этим приходит муж; как он ни старался открыть дверь — не тут-то было: дверь замкнута изнутри. А он — что же ему делать? — осматривает двери у соседей, но и там заперто. «О горе, я остался на улице, что мне делать?» — думает он, и в это время ему издалека бросается в глаза свет. «Ага, там кто-то есть, пойду-ка хоть там переночую», — думает он и бежит бегом. И вот, прибежав на свет, он видит, что там харчевня; внутри сидят несколько человек. Он тоже входит в нее. «Эй вы, примете ли гостя?» А те говорят: «Примем, но у нас есть дэв; он приходит сюда каждую ночь, берет одного из нас, — спасения от него нет, и нынче ночью он тоже придет, а если он тебя возьмет — мы тут ни при чем». А он в ответ: «Друзья, вы меня примите, пусть возьмет меня!» Ну, а те говорят: «Милости просим». Богатырь входит в харчевню, садится и спрашивает: «Вы того дэва так и не пробовали перехитрить, чтобы избавиться от него?» Они говорят: «Нет, какая тут может быть хитрость? Разве дэв попадается на хитрость? Он чуть придет — схватит одного из нас и сразу уйдет». Богатырь говорит: «Если так, — стойте, я вам устройю кое-что: и вы спасетесь и я». С этими словами он встает и роет глу-

бокую яму. «Ну-ка, теперь наполняйте эту яму свежим сыром!» А те все бегут по своим домам и, сколько у кого было сыру, все это приносят и сваливают в яму: она наполняется до краев, а сверху они посыпают немного земли и затем садятся по местам. И вот тогда налетает ветер и ураган, как-будто небеса валятся на землю: это идет дэв.

У всех от страха трескаются губы³. А дэв подходит к двери: «Ну, где моя доля?» — говорит он. А те показывают на богатыря: «Вот твоя доля, бери, веди», — говорят они. Дэв тянется к богатырю, чтобы схватить его, а тот говорит: «Эй, братец-дэв, постой-ка! Если ты богатырь, так и я — тоже богатырь. Мы сейчас с тобой испытаем друг друга: если ты меня победишь, ты меня возьмешь; если не сумеешь одолеть, ты отсюда уйдешь и чтобы больше ноги твоей не было в этих краях». А дэв говорит: «Прекрасно, говори-ка, какое у нас будет испытание!» Богатырь говорит: «Раз ты так силен, ударь о землю ногой: я посмотрю, брызнет ли оттуда вода». А дэв с силой ударил ногой о землю и увяз в нее по колени — а разве из земли может брызнуть вода? Как бы то ни было, богатырь говорит: «Ну что, видел теперь свое мужество? Так и не сумел добыть воду из земли!» Дэв говорит: «Посмотрим, сумеешь ли ты добыть!» Богатырь говорит: «Ха-ха! Конечно добуду». Он встает, погружает ногу до паха в сыр, и из него брызжет вода. Он и говорит дэву: «Видал?» А дэв испугался его, но он был очень голоден и говорит: «Раз ты сильнее меня, я тебя не возьму, а возьму кого-нибудь из этих людей». Богатырь говорит: «Нет, мы с тобой уговорились, этак нельзя. Ну-ка, еще раз сделаем испытание: если ты меня победишь, бери меня», а дэв ответил: «Хорошо. Чего же ты хочешь на этот раз?» Богатырь говорит: «Раз ты — мужчина, возьми этот точильный камень, сожми его, выжми из него воду». А дэв берет в руку камень, один раз сжимает его, превращает в прах, но воды из камня не течет ни капли. А богатырь берет в руку немного сыру да камень, сжимает разок, и оттуда брызжет вода — ширр!⁴ Видя это, дэв испугался и говорит: «Нас сорок братьев, я — самый младший; в таком-то месте у меня еще тридцать девять братьев. Если хочешь, я тебя сведу к ним; ты увидишь, познакомишься с ними и будешь жить с нами как товарищ. Это хорошо, что среди нас поселится такой человек, как ты». А богатырь говорит: «Хорошо, я иду, но только пешком я не пойду, вот, если ты возьмешь меня к себе на спину, тогда пойду». А дэв говорит: «Хорошо, дружок, я возьму тебя на спину». С этими словами он взваливает

богатыря на спину и отправляется в путь. Пройдя немного, он замечает, что богатырь на его спине — словно легкое перышко, и говорит: «Эй, приятель, ты что-то очень легко, я сильнее тебя, я тебя съем!» Богатырь говорит: «Чтобы тебе не было трудно, я не наваливаюсь всей своей тяжестью, а если навалюсь, ты меня не снесешь». А дэв не верит: «А ну-ка, навались! Увидишь — снесу или не снесу». Богатырь достает нож, всаживает его в мозг дэву, а тот кричит: «Помилуй, легче нажимай⁵, а то ты мне мозги прижал». А богатырь говорит: «Ага, не говорил ли я тебе, что если навалюсь, ты меня не снесешь?» — и вытаскивает из его спины нож. Дэву стало полегче, и он идет дальше. Немного спустя богатырь опять показался ему слишком легким. Он говорит: «Эй, приятель! Что и говорить — ты совсем легкий, я тебя съем!» А богатырь говорит: «Ой, ошалелый! Да если я навалюсь на тебя всей тяжестью, тебе меня не снести, — хочешь, навальюсь?» — «А ну-ка, навались», — говорит дэв. Богатырь вытаскивает нож, и только всадил его в затылок дэву, как дэв стал кричать: «Помилуй, не наваливайся так на затылок — ты меня повалишь». А тот ответил: «Ага, видал? Я тебе говорил, что тебе не снести — ты не верил, — так вот оно». Дэв тащит его до своих братьев и говорит: «Вот смотрите: принес вам богатыря, который при первой схватке вас всех по земле расшвыряет; пока мы сюда шли, он навалился на меня, и я чуть не упал». А те говорят: «Ну посмотри: зачем ты нам притащил такого человека, раз он так силен? Кто знает, сколько он съест?» — говорят они и ругают дэва. Эх, да что же делать, раз уж пришел? Они идут к богатырю и говорят: «Если ты голоден, мы зарежем для тебя несколько быков», а богатырь понимает, что они его боятся. «Да, я голоден, а вы еще тут смотреть будете? Ну-ка, поскорей зарежьте и принесите!» — говорит он. Они еще больше испугались. Тотчас все встают, идут в горы, режут ровно сорок быков, а богатырь на том месте, где сидел, роет большую яму и покрывает ее сверху циновкой. Один из дэвов берет бычью ногу, приносит и отдает богатырю. А тот, едва увидел ее, говорит: «Вы что со мной — играете, что ли? Принесли мне одну ногу! Иди скорей, принеси еще». А дэв, испугавшись, идет, берет другую и приносит. А пока он ходит, богатырь бросает в яму ту ногу, которую он принес. Дэв приволок вторую, глядь! — а от той, которую он принес раньше, не осталось ни кусочка. Богатырь берет и эту ногу, опять отправляет дэва за другой, а сам и вторую швыряет в яму. Так он заставил его переносить мясо тех сорока быков и все

это бросал в яму; когда же быков уже больше не осталось, он спрашивает: «А где же мясо? Я еще не наелся!» А дэв пошел и рассказал про то своим братьям. Те рассердились на младшего брата: «Это ты нам принес такую беду! Этот человек чего не съест! Где мы ему мяса напасемся?» Но что же им делать, коли такой пришел? Они все идут и умоляют богатыря: «Помилуй, богатырь, прости, сейчас у нас вот только и было! Гость ест не то, на что рассчитывал, а то, что нашел»⁶ — говорят они, и тот замолчал — ничего не говорит. И вот он остается жить вместе с ними.

Однажды дэвам понадобилась вода; все берут по сорок гырба⁷, идут по воду и приносят. Доходит очередь до богатыря. Они говорят ему: «Айда, возьми и ты сорок гырба: тут есть источник, набери воды и принеси». Парень видит, что не только сорока гырба, а даже и одной ему не унести, и говорит: «Принесите мне пятьсот-шестьсот колачей⁸ веревки». — «Ой, что ты будешь делать с такой кучей веревок?» — говорят они. А тот: «Что я буду делать? Что, у вас только и дела, что целый день воду таскать?! Я пойду, обвяжу источник веревками да притащу сюда: пусть он будет близехонько возле нас». Те переглянулись между собою: «Эге! Он пойдет, притащит сюда большой источник, а мы этого боимся, потому что, если он рассердится на кого-нибудь из нас, то схватит и бросит в глубь источника», — думают они и говорят ему: «Оставь, браток, садись, отдыхай, — пока нам хватит воды, которую мы принесли». А тот говорит: «Ну, вам лучше знать» — и садится. После этого опять проходит немного времени, и так как им понадобилась дрова, то все идут по разу в горы и приносят дров. Доходит очередь и до богатыря. Они и говорят: «Ну-ка, дружок, и ты теперь сходи, принеси». А тот в ответ: «Хорошо, принесите мне канат в тысячу колачей и лопату в десять тысяч окк». Они и говорят: «А что ты будешь с ними делать?» А богатырь говорит: «Что буду делать? Что, у вас только и дела, что все время дрова таскать?! Я пойду, по крайней мере, обкопаю гору кругом, свяжу ее канатами, взвалю на спину и принесу — пусть она будет возле нас, и вот, когда будет нужно, мы без труда принесем дров». Дэвы опять переглянулись; они испугались: «Если мы дадим ему канаты, он пойдет, взвалит на плечи гору, принесет, бросит на нас и раздавит нас», — думают они. И они отказываются от этого: «Садись, браток, пока нам хватит и того, что мы принесли». А тот говорит: «Ну, вам лучше знать» — и садится.

После этого прошло несколько времени. Как раз наступило лето — время черешни. Один из дэвов и говорит богатырю: «Айда, пойдем с тобой, в нашем саду поспели черешни, немного поедим черешен». А тот говорит: «Очень хорошо», встает и вместе с ним идет в сад. Дэв схватил одно из черешневых деревьев⁹ за верхушку, нагнул его, и они вместе стали есть. Так как богатырь крепко ухватился за ветку, то дэв отпустил конец ветки, а ветка поднялась кверху, подбросила вверх богатыря и отшвырнула его по другую сторону. Богатырь упал по другую сторону в кусты, а под ними как раз был заяц; он испугался, выскочил из-под кустов и попал богатырю между ног. А тот поскорее оглушил его и начал приговаривать: «Ах ты, если бы я гулял по той стороне, ты бы убежал, вот как я ловко тебя поймал!» Дэв увидел, что ветка отбросила богатыря по другую сторону, и говорит: «Ой, приятель, ты, должно быть, очень легок, коли эта веточка тебя по другую сторону отбросила: я тебя съем!» А богатырь говорит: «Много ты понимаешь! Я нарочно сделал так, потому что увидел зайца в корнях кустарника; если бы я ходил с другой стороны, он бы убежал, а я так сделал, что сбросил мою тяжесть с ветки дерева, перепрыгнул и оглушил его по затылку». А дэв и говорит: «Нет, я не верю, ты, конечно, слабосильный: я тебя съем». Богатырь видит, что спасения нет. «Хорошо, коли я слабосильный, давай поборемся с тобой: кто кого задавит, тот того и съест». А дэв говорит: «Хорошо». Они оба сходятся; богатырь ухватился покрепче за пояс дэва, а сам то в небо посмотрит, то в землю, то в лицо дэву. Дэв говорит: «Ты что посматриваешь?» А тот отвечает: «Смотрю, как я тебя схватил. Если зашвырну тебя в воздух, ты попадешь в первый слой неба, свалишься оттуда вниз и треснешь, как горькая дыня. И вот посмотрел я тебе в лицо: ты молод, мне тебя жаль». Едва дэв услышал, что тот говорит, он испугался: «Помилуй, ступай, оставь меня, не поступай так, как поступил я¹⁰: я понял, что ты силач». А богатырь и говорит: «Ага, видал?» — и они расходятся. Оттуда они опять пошли к остальным дэвам, и этот дэв рассказал то, что говорил богатырь: «Такой уж он мужественный человек: меня хотел бросить в небо, и если бы бросил, я бы так и разбился на куски!» Остальные трусят и начинают его ругать: «Это ты посадил этого парня нам на голову. Если когда-нибудь он разозлится, — всех нас перебьет. Как ты его привел, так же и уводи его: пусть уходит». А дэв — что ему делать? — опечалившись и съезжившись, идет к богатырю. «Эй, приятель, у тебя

ребятишек нет?» А тот ему: «Есть, почему нет?» — «А если есть, не желаешь ли ты к ним отправиться?» А тот: «Желаю, почему не желать?» — «Ну, айда, я тебя свезу». А богатырь говорит: «Нет, я так, с пустыми руками не поеду, а вот если вы дадите мне мешок золота и коня, тогда, может быть, поеду». А дэв говорит: «Дружок, да тебе стоит только этого пожелать!» Он идет, быстрехонько наполняет мешок золотом, а также берет и приводит коня. Богатырь, увидев деньги и коня, садится верхом, привязывает мешок с деньгами к подпруге коня и вместе с дэвом отправляется в путь.

И вот, после долгого пути, молодец прибывает в свой город и идет к себе домой. Лишь только он постучал в дверь, из дома выходит его жена; увидев мужа, она открывает дверь. Богатырь въезжает, быстро спускается с коня, деньги кладет в скрытое место, прощается с дэвом, и тот уходит. А богатырь на эти деньги покупает себе хороший коняк, снова, после праздника свадьбы в семь дней и семь ночей, соединяется с женой, и так они живут в спокойствии до самой смерти.

72. Две старухи

 Было — не было, а в прежние времена были две старухи: одна — восьмидесяти, другая — девяноста лет. Восьмидесятилетняя старуха называла девяностолетнюю матерью. Однажды, когда эти две старухи прогуливались у себя в саду, девяностолетняя и говорит восьмидесятилетней: «Дочь моя, дочь моя! Ах ты, моя алмазная дочка, моя бриллиантовая дочка! Ах ты, дочь моя со щеками, что розы, с голубыми глазами, с черными бровями, с устами, круглыми, как чернильница¹, с губами, как черешня!² Дочь моя, с двойной шейкой, с грудями, что померанцы, с пупком, как айва, — дочь моя, белая, как молоко! Ах, ты — вся моя жизнь! Ты молода, как четырнадцатидневная луна³. Разве не жаль этих рук, подобных серебру, которыми ты собираешь розы? Как бы шипы не впились тебе в руку! Ах, разве не жаль этих золотистых кудрей, которые ты вот так рассыпала по лицу?» Этот их разговор слышит шахзаде в то время, как он проходил мимо калитки. Он говорит своему лала:

«Лала, заприметь хорошенько эту калитку; как только мы приедем домой, я пошлю сюда сватами мою мать и тебя». Вечером, когда они пришли во дворец, шахзадэ начинает просить свою мать: «Сделай милость, матушка! В таком-то месте вот какая девушка есть: пойдн, посватай ее за меня!» А мать и говорит: «Хорошо, сынок». На следующий день, взяв с собою ключницу⁴, нянюшку и одну-двух невольниц, она и лала садятся в повозку и отправляются в дом старухи. Когда они, постучав в дверь, вошли туда, девяностолетняя старуха вышла им навстречу и, со словами: «Добро пожаловать!» — ведет их внутрь. Не будем затягивать! После обоюдных приветствий мать шахзадэ заводит речь о деле. А старуха говорит: «Да, есть у меня дочка, да хранит ее аллах. Она — как золотой шар⁵, зубы у нее — жемчуг, носик — как нарисованный». Она опять начинает расхваливать старуху. Когда мать шахзадэ сказала: «А самое ее мы не можем посмотреть?» — девяностолетняя говорит: «Ах, да вы сглазите мою дочь и, пожалуй, оставите меня без единственной дочери! К тому же дочь моя стыдлива и не показывается так всем и каждому». А мать шахзадэ говорит: «Хоть бы палец ее да посмотреть!» А девяностолетняя и говорит: «Приходите в такой-то день, и я покажу». Они снова садятся в повозку и возвращаются обратно. Старуха натягивает на палец восьмидесятилетней гладкую прозрачную кишку, а сверху накладывает темной хенны. В какой день было условлено, в тот и приезжает мать шахзадэ. Вошла и говорит: «Ну вот, мы хотели посмотреть ее пальчик». Девяностолетняя берет и подводит их к двери комнаты, где была восьмидесятилетняя, и стучит в дверь: «Дочь моя, ангелок ты мой, покажи-ка тот палец⁶ — пусть сударыни посмотрят». Когда она так сказала, восьмидесятилетняя через щель показывает палец, обтянутый прозрачной кишкой. Мать шахзадэ увидела его и думает: «Если у нее палец такой красивый, то, значит, и она сама такая же». Тут же она вынимает из кармана алмазный перстень и надевает его невесте на палец, а потом говорит: «В такой-то день начнем-ка свадьбу» — и женщины уговариваются между собой. Уезжая, султанша оставляет большое приданое, а сама возвращается во дворец. И вот во дворце сделали все свадебные приготовления и посылают повозки за невестой. Когда приехала повозка, девяностолетняя придела, принарядила восьмидесятилетнюю, подсаживает ее в повозку, приговаривая: «Ах ты, моя пухленькая дочка!» — и отвозит ее во дворец. Когда они прибыли во дворец, девяностолетняя выходит из повозки и гово-

рит султанше: «Пусть протянут чаршаф⁷; я не могу свою дочь так показывать всем и каждому, один только шахзадэ должен ее видеть ночью»,— говорит она, и девушку прячут за занавеской. Окутав восьмидесятилетнюю покрывалом, старуха высаживает ее из повозки и запирает в отдельной комнате. В тот же день празднуют свадьбу, а под вечер свадебные гости начинают расходиться по одному. Ночью, после ятсы, приходит шахзадэ. Когда он приподнимает вуаль⁸ с лица восьмидесятилетнего алмаза, вдруг, глядь! — о душа моя! — перед ним восьмидесятилетняя старуха, у которой «молодое»⁹ лицо покрыто морщинами, во рту не осталось ни одного зуба, груди повисли. Шахзадэ в сердцах как схватил старуху за ноги, так и вышвырнул ее из окна прямо в сад. А этот сад как раз был садом падишаха пэри.

У этого падишаха была дочь; она, с тех пор как родилась, никогда не смеялась и не плакала. В тот вечер падишах, сокрушаясь по дочери, вышел в сад погулять. Вдруг в саду из одного угла доносятся стоны; он направляется туда и вот видит — старуха. «Ты что здесь делаешь?» — спрашивает он. «Да вот, вышвырнули меня, я сюда и попала»,— говорит она. А падишах пэри и думает про себя: «Никак это забавная женщина; отведу-ка я ее к дочери,— быть может, она ее рассмешит!» И вот он рассказывает старухе про свое горе, а та отвечает: «Веди, может быть, и рассмешу». А падишахова дочь потому не смеялась и не плакала, что она с самого рождения не видела человеческого лица¹⁰. Словом, падишах пэри идет и приводит свою дочь к старухе. Когда девица подошла к старухе, та начала себя расхваливать: «Ах, доченька! Видала ли ты когда-нибудь в своей жизни такую, как я, молодую невесту, с такими жемчужными зубами и с таким ротиком, как круглая чернильница?». Девушка, увидев человеческое лицо и услышав такие смешные-пресмешные слова старухи, разразилась хохотом. Падишах пэри обрадовался: «Дочь у меня засмеялась, дочь у меня засмеялась!» Потом он начал умолять старуху, чтобы она заставила девушку поплакать. Тогда женщина говорит: «Вот, мне восемьдесят лет. У меня есть мамаша — ей девяносто. Она меня всякими правдами и неправдами как-то выдала замуж за шахзадэ, а он вечером и зашвырнул меня сюда. Вот мать моя (лопни ее глаза!)¹¹ какое худо мне сделала». Когда она так сказала, девушке стало жаль ее, и она заплакала. Тогда падишах пэри привел старуху в свой дворец и трижды сказал ей: «Проси у меня, чего хочешь». Когда же она сказала: «Я хочу быть молодой девушкой в пятнадцать лет», па-

дишах пэри придал ей вид молодой пятнадцатилетней девушки. Отправившись прямехонько на то место, куда вышвырнул ее шахзадэ, она взяла и уселась там. А наутро шахзадэ и говорит: «Ну-ка, посмотри я, сдохла ли эта ведьма». Когда он посмотрел в окно, глядь! — его восьмидесятилетняя ведьма превратилась в девушку поразительной красоты. «Должно быть, ночью глаза меня обманули», — говорит он, спускает веревку, обвивает ею девушку вокруг талии и втаскивает наверх. Потом заново устраивает свадьбу и берет за себя эту девушку. Когда прошло несколько дней, девяностолетняя говорит: «Посмотрю-ка я, что подельывает та девчонка». Приходит она во дворец и вдруг видит, что та и в самом деле превратилась в юную пятнадцатилетнюю девушку. Она подходит к ней и спрашивает: «Как это случилось, что ты такой стала?» А та и говорит: «В полночь — так, чтобы никто меня не видел, — пошла я к лудильщику и сказала ему: «Полуди меня хорошенько». Он бросил меня в огонь, а я ему сказала: «Раздувай мех, раздувай: это ничего, что я сгорю». Когда он меня вытащил, полудив на огне, я и стала такой». После этого девяностолетняя, придя ночью в лавку¹² лудильщика, разбудила его и пристаёт: «Как хочешь, а полуди меня!» — «Ты что, баба, с ума спятила, смерти своей хочешь?» Как он ее ни отговаривал, старуха так и привязалась к нему: «Раздуй мех да полуди!» А лудильщик и говорит: «Эх-эх, похоже, что ей жизнь надоела!» — разжигает горн, бросает туда старуху. А старуха, когда уже начала гореть, все приговаривает: «Раздувай, лудильщик!» И вот лудильщик, раздув меха вовсю, сжигает старуху на огне.

А та девушка избавилась от нее и стала жить с шахзадэ.

73. Хитрая женщина

 В какое-то время была одна женщина, занятием которой было обманывать народ. Этим она добывала себе средства к жизни. С утра до вечера она ела и пила с тунеядцами¹, а лишь только еда у них кончалась, она шла обманывать других.

И вот еда у нее кончилась. Пока она раздумывала: «Кого бы мне обмануть?» — ей пришло на ум, что в том квартале была

една ханым и эта ханым любила одного водоноса. Так как это ей было хорошо известно, то она отправляется прямехонько в дом той женщины. Пока она болтала о том, о сем, она заметила, что во дворе полным-полно гусей, уток, индюков, которые так и кричат. Женщина и говорит хозяйке: «Ханым, куда их столько — от их гоготанья разговаривать нельзя!» А ханым говорит: «Ах, да муж мой всегда ест птичье мясо и потому каждый день приносит птицу, мне этот гам тоже надоел, но что же делать?» А женщина говорит: «Если бы ты отдала их мне, я выучила бы каждого из них петь разные песни; когда же я принесу их тебе обратно, они, вместо такого гоготанья, будут петь песни, и тебе будет приятно». Ханым говорит: «Ах, разве животное когда-нибудь поет песни?» Та говорит: «Так поет, что даже удивисься; но чтобы их кормить, мне надо мешок рису и мешок изюму: если они будут есть кукурузу, тогда, конечно, не запоют». Хозяйка поверила ее словам: «Хорошо, бери, гони, а когда ты их обучишь, я тебе еще много денег дам». С этими словами она всех их отдает той женщине да еще дает ей мешок рису и мешок изюму. Женщина берет мешки и гонит к своему дому целое стадо птиц. Снова собрав тунейдцев, она каждый день резала по одной птице, фаршировала ее рисом и изюмом, жарила в печке одну за другой, и они поедали их.

За несколько дней от стольких птиц осталось три-четыре штуки. Женщина набрасывает на спину фередже и направляется к дому той ханым. Лишь только ханым увидела женщину, она и спрашивает ее: «Ну как, обучила птиц?» А женщина и говорит: «Хай-хай, неужели же не обучила? Приходи-ка посмотреть: каждый стих они поют, кончая припевом²: «Ханым любит водоноса». Чуть только ханым это услышала, она подумала про себя: «Смотри-ка, они видели, когда водонос сюда приходил, поэтому теперь и поют так». Ханым и говорит женщине: «Сестра, мне уж и так надоели эти птицы! Не пригоняй их ко мне, я тебе их дарю». А женщина отвечает: «Ах, что я буду делать с таким стадом птиц? Хватит с меня заботы! Я сейчас пойду, пригоню их к тебе!» Лишь только она так сказала, ханым и говорит: «Душенька, возьми — я даю тебе пятьсот гурушей, ступай, делай свое дело». А женщина отвечает: «Ах, что я буду делать с пятьюстами гурушей? Вот если ты дашь тысячу пятьсот гурушей, тогда я не пригону птиц». Что делать той ханым? «Если придут птицы, будут петь при эфенди, тогда мое дело выплывет наружу». Со страху ханым дает ей тысячу пятьсот гурушей, а жен-

щина, взяв деньги, встает, идет домой и снова веселится с тунегдцами. За короткое время и эти деньги кончаются.

Женщина снова начинает обдумывать. Она узнает, что у падишаха умер маленький ребенок, и вот она идет, откапывает ребенка из могилы, окутывает его вышитым одеялом, берет на руки и идет в лавку золотых дел мастера. Тот думает, что это мамка падишахского сына: «Ах, пожалуйста, ханым, что угодно?» — ухаживает он за ней. А женщина говорит: «Мы отдаем замуж дочку падишаха; мне нужно от тебя очень хорошую алмазную заколку, пару браслетов, пару серег, несколько алмазных булавок и несколько штук колец — положи их в коробку, я снесу госпоже султанше, пусть выберет по вкусу». Золотых дел мастер кладет в коробку все, что пожелала женщина, и подает; женщина берет коробку: «Если ты мне не веришь, то, до тех пор пока я не приду, я оставлю здесь шахзадэ; только смотри, ничего ему не делай, а то падишах снимет с тебя голову!» Золотых дел мастер говорит: «Нет, я даже и не дотронусь,— вот, положи его в комнату, закрой двери и ступай». А женщина кладет мальчика в комнату, берет коробку, уходит. Оставив ее у себя, она возвращается и снова приходит к мастеру. «Ну, как мой шахзадэ, не проснулся ли?» А мастер говорит: «Нет, госпожа, как ты его оставила, так и спит: голоса даже не подал». Женщина входит в комнату и открывает лицо ребенка. «Ох, что случилось с моим шахзадэ? Он и не дышит! Эй, малый, что ты с ним сделал?» И она плачет, кричит и начинает рвать на себе волосы. Мастер оторопел: «Душенька, да я даже внутрь не входил!» Но визг женщины поднял на ноги весь базар. «Стой, я сейчас пойду к падишаху, чтобы с тебя сняли голову!» Крича так, она выходит из дверей лавки. Бедняга думает: «Если эта женщина впрямь пойдет и расскажет падишаху,— что тогда будет со мной?» И вот, ухватившись за ее полу, он начинает умолять ее: «Смилуйся, госпожа, ты сама что-нибудь придумаешь, не губи мою голову! Возьми, я даю тебе тысячу золотых, да еще деньги за те драгоценные камни, что ты взяла, пусть будут твои,— только избавь меня от этой беды!» Женщина берет у мастера деньги, берет на руки ребенка, идет оттуда домой, роет посреди двора яму и, зарыв туда ребенка, снова предается веселью.

Через несколько дней она слышит, что у падишаха умерла жена. Снова она накидывает на спину фередже, выходит на улицу, с криком и плачем подходит к дворцу и там начинает реветь еще пуще: «Ах, моя сестричка, ты была благородная, а я-то —

голодная; ты ни разу не пришла меня проведать, теперь ты умерла, сердце мое совсем сожгла³, на кого ты меня покинула?» И она рвет на себе волосы. Мать падишаха только услышала из дворца, как женщина убивается, — тут же и подумала про себя: «Гляди-ка, у нашей невестки была сестра, а она даже и не говорила об этом». Пожалев ее, она кличет ее к себе. А женщина, лишь только вошла, еще больше разрыдалась: от слез ей делается дурно; она лежит совсем без движения. Ее кладут в одну комнату и оставляют там. После того как прошли похороны, приходят хекимы и с трудом приводят ее в чувство. А падишах, пожалев ее, дает разрешение, чтобы она пожила несколько дней во дворце. А так как она прожила во дворце дня три или пять, то она изучила весь дворец. И вот, однажды ночью, когда падишах спал, женщина берет плетку, идет в спальню покои падишаха, запикивает ему в рот подушку, садится на него и стегает его плеткой так, что тот теряет сознание, а сама выходит оттуда и идет к себе в комнату.

Когда наступает утро, падишах немного приходит в себя. «Ой, что это было со мной нынче ночью: во сне ли это было или наяву?» — думает он и видит, что у него все тело в синяках. В тот день он с трудом выходит из своих покоев. А как только наступил следующий вечер, женщина опять берет плетку и, когда падишах спал, проникает к нему в покои, запикивает подушку в рот падишаху и начинает его стегать. Во время побоев она приговаривает: «Наступит утро — обручись с моей сестрой», и бьет его. И вот уж падишах того и гляди потеряет сознание. Тогда женщина оставляет его, уходит в свою комнату и ложится спать. Как только наступило утро, падишах приходит в себя. «Ой-ой, да что же со мной случилось? Кто это делает: джинн или человек?» — думает он и велит позвать хекимов и ходжей. Они дают ему лекарства, но так как падишах заболел от побоев, то он и не может встать с постели. Ночью того же дня — на третий вечер — женщина снова берет плетку и прирастает к изголовью падишаха. «Возьмешь ли ты мою сестру за себя? Если нет — я тебя убью!» — говорит она и начинает его стегать. Жестоко отхлестав падишаха, она опять говорит: «Если завтра ты не возьмешь за себя мою сестру, я тебя убью». Падишах снова падает без чувств. Наутро, когда он пришел в себя, он велит позвать свою мать и рассказывает ей обо всем: «Не знаю, вот уже три ночи, кто-то приходит, бьет меня и приговаривает: «Непременно женись на моей сестре». Выходит так, что если се-

годня я не женюсь, то завтра к вечеру меня убьют. Что нам делать?» А мать говорит: «Может быть, тот, кто приходит, есть дух умершей жены? Она тебя бьет, чтобы ты взяла за себя ее сестру. Коли так, женись на той женщине, которая у нас гостит; она не урод, человек хороший,— что же еще будешь делать? Может быть, избавишься от побоев!» Что делать падишаху? Он соглашается на это, велит позвать ходжей и обручить женщину с собой. И вот падишах, избавившись от побоев, через несколько дней выздоравливает, и они с той женщиной ведут совместную жизнь.

После этого прошло много времени. Как-то женщина, оставшись одна, проходит перед зеркалом и говорит сама себе: «Эй, обманщица, ты пошла и забрала гусей и уток у той ханым; пригнала их к себе под тем предлогом, что научишь их петь песни, а дома зарезала и съела их одного за другим со своими дружками; потом, сверх того, ты еще взяла у нее тысячу пятьсот гурушей денег. А потом ты пошла, откопала сына падишаха из могилы, пришла, взяла у ювелира вот столько бриллиантов и под предлогом, что ювелир-де убил дитя, получила еще вот столько денег. Затем ты узнала, что у падишаха умерла жена; ты пошла на хитрость, сказала: «Она моя сестра», плакала, надрывалась, заставила поверить себе и осталась во дворце как гостья; избивая падишаха во сне, ты насильно женила его на себе». А мать падишаха как раз и услышала это из-за двери. Тотчас она входит в дверь: «Хорошо, дочка! Так, значит, ты вон сколько дел надела! Подожди, пусть только придет мой сын: я велю ему рубить тебе голову!» Только она это сказала, как женщина подбегает и обнимает госпожу султаншу: «Ах, моя дорогая матушка-госпожа, я очень тебя люблю, высунь язычок, я его поцелую!» А госпожа султанша отталкивает ее от себя: «Ах ты, потаскуха! Убирайся вон с глаз моих!» Но что бы она ни говорила, та подходит к ней и так и этак; под тем предлогом, что поцелует, она обманом заставляет султаншу высунуть язык и кусает так, что разом откусывает у бедной женщины половину языка. А потом, взяв плетку, она так стегает султаншу, что та становится почти трупом; она готовит постель, укладывает ее, а сама выходит наружу и, вся в слезах, говорит невольникам: «Идите, вызовите падишаха: с матушкой-госпожой что-то случилось — заболела, лежит, не может ни глаз открыть, ни слова сказать».

Рабыни идут, зовут падишаха; падишах приходит, глядь! — матушка его лежит в постели и себя не помнит. «Помилуй, ма-

тушка, что с тобой?» — спрашивает он. В ответ — ни слова. Женщина начинает плакать: «Утром с матушкой ничего не было, не знаю, что это вдруг приключилось! Скорее надо сделать лекарство, может быть, ей станет легче». И падишах велит позвать главного хекима. А женщина и говорит: «Когда придет хеким, я не выйду отсюда — сяду вот здесь в шкаф, чтобы хеким не сделал матушке чего-нибудь дурного». И с этими словами она прячется в шкаф. Приходит хеким, осматривает госпожу султаншу и видит, что у нее отрезан язык. Женщина из-за перегородок шкафа делает хекиму знаки: «Я дам тебе кошелек золота, дай-ка ей отравы, чтобы она за один час собралась да и отправилась на тот свет!» Как только хеким заметил знаки, он дал отравленный шербет. Мать-султаншу заставляют его выпить, и не проходит после того много времени, как султанша умирает. Вот ее хоронят, а женщина так и заливается слезами.

После этого проходит несколько дней. Хеким думает про себя: «Стой, пойду-ка я к жене падишаха, спрошу деньги, которые она обещала». Он подходит к двери дворца и говорит привратнику: «Я хочу видеть жену падишаха». Привратники идут, говорят госпоже. Госпожа отвечает: «Что у меня за дела с хекимом? Пусть его уходит да идет по своим делам!» Привратники идут, говорят хекиму, но хеким не отходит от ворот. Привратники снова говорят женщине, а та дает хекиму разрешение: «Пустите его, пусть придет». Чуть только хеким вошел в покои, он попросил у нее деньги, которые ему обещали: «Ну-ка вспомни, ты оторвала язык у матери падишаха, да к тому же ее била; я хотел было ее вылечить, а ты мне подала знак, чтобы я дал ей отравленный шербет, я дал, и она умерла». Едва он так сказал, женщина стала рвать на себе волосы. «Ах ты, мерзавец! Разве это я тебе наказывала? Я тебе знаки делала, — потому что у тебя перед падишахом шальвары раскрылись, — чтобы ты привел себя в порядок! Стала бы я тебе говорить: убей мою матушку-госпожу?! Да я о тебе падишаху скажу!» — запугивает она хекима. Хеким, видя это, понимает, что своя шкура дороже⁴; он потихоньку выходит оттуда и бегом домой. Женщина покончила и с этой заботой, — больше у нее уже не осталось страхов, и она до самой смерти живет с падишахом спокойно и в свое удовольствие.

 Когда-то были муж да жена. Этот человек давно уже перешел за средний возраст. В свое время он изучил разные ремесла; хотя он не был уж так богат, да жил себе понемногу — ни шатко, ни валко. Он дожил до сорока-пятидесяти лет; время и заботы посеребрили его волосы и бороду так, что он выглядел восьмидесяти-девяностолетним стариком. Он был тихим и скромным человеком. В один из дней его жена идет в баню и видит там необыкновенную суетню; женщины, пришедшие подобно ей в баню помыться, говорят: «Сегодня жена мюнеджим-башы¹ придет» — и каждая не знает, куда сесть. А хозяйка бани говорит: «Там нельзя, сюда!» — и женщины, ничего не говоря, отодвигаются в сторону, которую им указала банщица, и садятся там.

И вот с той стороны² под музыку и пение прибывает жена мюнеджим-башы, впервые родившая³, в сопровождении многих людей. Само собой понятно, что хозяйка бани, чтобы сорвать побольше денег, не находит места, куда бы ее усадить, и оказывает ей разные почести. А та женщина, лишь только все это увидела, честь-честью моется в бане и все такое, а под вечер возвращается домой. Так как она была крайне обижена всем этим, то она и говорит своему мужу: «Милый человек, или меня оставь, или стань мюнеджим-башы». Едва она так сказала, он отвечает: «Помилуй, жена! Я с трудом зарабатываю, на что есть и пить каждый день; куда уж мне на должность мюнеджим-башы? Были бы хлеб да соль! Я даже и писать-то не умею, — как же я могу сделать то, что ты сказала?» Когда он так сказал, жена еще больше пристаёт: «Нет, муж, как там хочешь: или ты станешь мюнеджимом, или же меня оставь — я не буду жить с тобой». А так как женщина была довольно красива, то бедняга не может от нее отказаться и начинает искать какой-нибудь выход. Он отправляется в кофейню и погружается в думы, а в это время к нему подходит один из его друзей. «Эй ты, послушай! Что у тебя за раздумье такое, о чем ты задумался?» — спрашивает он, и бедняга рассказывает ему, что и как. А этот приятель был как раз милым дружкой хозяйки бани. Он тут же говорит ему: «Ты не волнуйся, я что-нибудь да придумаю!» С этими словами он встает и идет к хозяйке бани. Когда он рассказал ей обо всем, она и говорит: «Пусть тот человек придет в такой-то день и у дверей

бани разложит немного бумаги, перо, чернильницу и всякие такие вещи и пусть начнет чертить и писать там и сям, как гадалец⁴: мы его дело обделаем». Только она это сказала, приятель идет и сообщает тому человеку. А бедняга не то что писать,— не знает, как и перо-то держать! Да нечего делать,— он тут же, вместо письменного стола, покупает у бакалейщика ящик для свечей и наливает немного чернил в какую-то битую чашку, которую он находит у себя в доме. Не будем затягивать! Раздобыв перо и бумагу, он раскладывает себе кожу⁵ против двери в баню. Все, кто входит и выходит из бани, принимают его за подлинного ходжу. В тот день снова приезжает в баню жена мюнеджим-башы. А банщица, пока ее мыла, в то же время похищает у нее дорогой перстень с пальца, как ее подучила хозяйка бани; а хозяйка бани кладет его в мусор, накопившийся на трубах с текущей водой, и сообщает об этом сидящему у дверей человеку. Короче говоря, в то время как все, вымывшись, выходили из бани, жена мюнеджима замечает, что у нее пропал перстень, и вскрикивает: «Ах!» Находящиеся в бане думают один на другого и волнуются, а хозяйка бани тем временем говорит: «Эфендим, у двери есть один ходжа. Дадим-ка ему погадать,— он очень хорошо открывает такие тайны». И тотчас же его подзывают и рассказывают, что случилось. А того еще раньше подучила хозяйка бани; немного поцарапал он по бумаге и говорит: «Эфендим, этот перстень в углу, среди мусора». Как только он это сказал, хозяйка бани сейчас же оглядывается: «А мне это и в голову не приходило!» Она тут же приказывает слугам обыскать трубы. Ну, известное дело — перстень находят в мусоре, который скопился за трубами. Ходже дают хорошие подарки, и он радостно приходит домой, но жена не хочет ничего другого, кроме должности мюнеджим-башы, и потому ввергает беднягу в разные муки.

Прошло сколько-то дней после того, и во дворце пропадает перстень султан-ханым (а украли-то его одна из невольниц). Пусть они его ищут там и сям, а как раз в тот день приходит во дворец жена мюнеджим-башы. Лишь только она услышала о том, что ищут перстень, она и говорит султанше: «И у меня пропал перстень, но такой-то ходжа указал его место, и его нашли; он очень знающий человек,— прикажите, чтобы его привели». И султан тут посылает весть хозяйке бани. А бедняга из-за угрозы нагоняя, который он получил от своей жены, каждый день так и сторожил двери в баню; вдруг приходят дворцовые

люди, забирают ходжу и уводят. Султанша говорит: «Эй, ходжа, найди-ка, где мой перстень. Вот тебе срок до утра: если ты его не разыщешь — голову с плеч долой!» Лишь только султанша так сказала, ходжу запирают в отдельную комнату. Бедняга обратился к аллаху за защитой: «Помилуй, о аллах, ты все знаешь, смилуйся завтра над моей душой». Пока он так читал молитвы, невольница, укравшая перстень, подумала: «Ну, теперь я попалась!» — и сон не смыкает ее глаз. «Будь, что будет, пойду попрошу у ходжи помощи: и так и этак — я попалась». И она тихо входит в комнату ходжи. А у ходжи страх еще сильнее, чем у рабыни; весь дрожа, он подумал про себя: «О ужас, не наступило ли уже утро?» А в это время рабыня припала к его ногам и рукам: «Прости, о ходжа, перстень у меня. Если я попадусь, это будет мой последний день. Что бы ни случилось, все зависит от тебя». Говоря так, она начинает просить и молить его. Ходжа думает про себя: «Аллах и сегодня послал мне удачу» — и говорит: «Говори, говори, доченька, на свете чего не бывает. Конечно, мы что-нибудь да придумаем». Как только он это сказал, та объясняет ему, в чем дело. «Слушай, доченька, дай проглотить этот перстень гусю, да так, чтобы никто не видел и не знал, да надломи гусю лапку. Иди, будь спокойна, ничего не бойся». Девушка уходит и делает так, как он сказал. И вот, лишь только наступило утро, падишах посылает своих людей, чтобы они позвали ходжу, а тот и говорит, как будто он разобрал все это: «О шах, всю ночь до утра смотрел и искал я; бросил я песок⁶, и мне привиделись птицы: сколько ни есть во дворце кур, петухов, гусей, индюков и других птиц, прикажи их выпустить в сад». Как только он это сказал, сейчас же выпускают всякую птицу — гусей и кур, а падишах и множество людей с ходжой впереди выходят в сад. Ходжа с пером в руке пишет и чертит на бумаге и видит, что один из гусей прихрамывает, как он и наказывал рабыне. «О шах, вот этого хромого гуся поймайте и зарежьте: у него в желудке перстень». Едва он так сказал, гуся режут, и лишь только перстень выпал оттуда, все так и замерли от изумления. А потом шах, прогуливаясь по саду, увидел кузнечика и поймал его. «Ну-ка, ходжа, что у меня в руке — узнай-ка!» — сказал он, и у ходжи перехватило дыхание. Он съезился и покраснел. «О шах, вам лгать нельзя», — говорит он и, намереваясь рассказать все от начала до конца, замечает: «Эх, кузнечик, раз прыгнешь, два прыгнешь — на третий попадешься». Как только он сказал «кузнечик», шах разжал руку,

и все увидели, что там был кузничик. Как только все вместе захопала в ладоши, ходжа удивился сам себе. Когда аллах поможет, так уж поможет! Пока ходжа собирался раскрыть свои проделки, он счастливо нашел ответ⁷. Падишаху это очень понравилось. «И бывает же столько мудрости»,— говорит он. Тотчас он делает его своим мюнеджим-башы, жалует его конаками и прочими подарками, а жена достигает исполнения своего желания. До самой смерти живут они в полном спокойствии.

75. Сказка о цинольнике

 было — не было, а в дни одного времени¹ был один бедный человек. Занятием его было делание циновок. Была у него и жена. С этой женой ему невозможно было жить: каждый день ссоры, шум. Как-то раз жена опять поссорилась со своим мужем. После того как она схватила щипцы из печки и крепко побила ими мужа, она выгнала беднягу вон из дома.

Этот бедный человек плача вышел вон из города и зашел в какие-то развалины; там он и плачет и размышляет: «Ну что мне делать с этой женой? На какую беду я с ней встретился?» — говорит он и садится. Наступает ночь; бедняга плачет и ложится там. И вот наступает полночь. Стены этих развалин трещат, оттуда выходит дэв. «Ах, человеческий сын, этой ночью ты меня лишил покоя! Вот уже двести лет я здесь живу, до сих пор сюда еще никто не приходил. Что у тебя за печаль? — рассказывай»,— говорит он. А человек-то, хоть и порядочно напугался, да что тут делать? — начинает рассказывать про свое горе. «От злости этой женщины не знаю, куда и бежать! Где бы я ни был, она меня разыщет, и нет такого, чего бы она мне не делала! Теперь, с наступлением утра, она снова меня разыщет, и кто знает, что она со мной сделает?» — говорит он и опять начинает плакать. А дэв сжалился над ним: «Ой, человеческий сын! Я унесу тебя в такое далекое место, что ты даже имени своей жены не услышишь»,— говорит он. И бедный человек соглашается. Дэв тотчас хватает его за пояс, взлетает в воздух и под самое утро приносит его на вершину одной горы и оставляет там.

А тот человек посидел там немного и приходит в себя. На-

ступает утро. «Куда же этот дэв меня принес?» — говорит он. Пока он осматривался направо и налево, он видит вдали какой-то город. Тогда он встает, идет в тот город, бродит там и сям. Так как там не было никого в таком обличье, то все собираются вокруг него. «Путник, из какой стороны ты пришел?» — спрашивают его. Лишь только он сказал: «Я иду из такого-то города», народ, собравшийся там, стал говорить: «Во сколько же это дней ты сумел прийти оттуда сюда?» А он отвечает: «Я вышел вчера к вечеру около икинди, а нынче утром пришел сюда». Когда он так сказал, они переглянулись: «Должно быть, этот человек — безумный». — «Эй, путник, мы читаем в книгах, что страна, о которой ты говоришь, отсюда на расстоянии ровно трех лет пути, а ты теперь говоришь, что за один день пришел сюда, — как же это так?» А тот клянется: «Я вечером вышел, а сегодня утром пришел». Каждый начинает над ним смеяться: «Должно быть, ты с ума сошел!» В то время как они разговаривали, там как раз проезжал на лошади один бей; видит, что там собрался народ. «Что такое там?» — думает он и тоже идет туда; видит, что там чужестранец; он приглашает его к себе в дом. После кофе и чубука он спрашивает: «Приятель, из какой стороны ты пришел сюда?» А тот отвечает: «Я иду из такой-то страны, вчера оттуда вышел, а сегодня пришел сюда». А бей говорит: «Что ты, что это такое? Ты говоришь, что трехгодовой путь прошел за одну ночь, скажи мне правду!» И бедный человек рассказывает, как его била палкой жена и он убежал из дома, и как его взял дэв, когда он в ту ночь сидел на развалинах, и принес сюда. А бей спрашивает: «Не знаешь ли ты в том городе такого-то человека?» А тот говорит: «Ну, как же не знать? Он мне сосед по дому, у него было трое детей, а самый младший был моим товарищем, мы с ним все дни играли, а потом этот мальчик провинился, отец дал ему хорошую порку, и с тех пор мальчик пропал: вот уже двадцать лет, как о нем ничего не слышно». А тот бей говорит: «Вот, тот пропавший мальчик — я. И я оттуда родом. Когда отец побил меня, я убежал, куда глаза глядят. Бродил я, бродил, и судьба привела меня в этот город, я начал бегать туда-сюда, потихоньку заработал немного денег, потом взялся за торговлю и за немного дней стал богатым. Ну, а раз ты мой приятель, я покажу тебе здесь пути, — ты займешься торговлей, но смотри никому не говори, откуда ты родом, потому что никто не будет тебя уважать — скажут: «Этот человек — колдун, в одну ночь прошел трехгодовой путь» — да еще отсюда

выгонят. Лучше всего я сейчас дам тебе тысячу золотых да хорошего коня. Потом я пойду в кофейню, где собираются купцы, а ты придешь следом за мной. Когда ты приедешь, я тебя встречу: ты пройдешь в угол кофейни и сядешь. Если тебя спросят: «Откуда пришел?» — ты отвечай: «Я — купец, привез товар, мой караван следует за мной, я приехал пораньше, чтобы присмотреть покупателей». Закажи кофе для купцов, которые там; если войдет какой-нибудь нищий, дай ему сколько-нибудь денег, — люди подумают, что ты — богач. Потом ты, открыв торговлю на эту тысячу, вернешь мне опять мои деньги». С этими словами он вынимает и дает ему тысячу золотых, дает также прекрасного коня и чистую одежду. После этого тот бей встает и идет в кофейню, а этот циновщик кладет деньги в карман, придевается, садится на коня и тоже едет в кофейню. Войдя в нее, он приветствует всех.

Лишь только бей увидел его, он говорит: «А, добро пожаловать, базиргян-башы»². И он оказывает ему почтение, указывает место, а тот проходит и садится в главный угол. Бей говорит: «Аги, этот ага — купец, да к тому же еще и очень богатый. Он привез порядочно товару: если вам что надо, он отдаст по дешевой цене». А купцы говорят: «Очень хорошо». Когда они спросили: «А из таких-то тканей он что-нибудь привез?» — тот отвечает: «Этих много привез». И каждый спрашивает о разных-разных товарах, а он говорит: «Всего много привез». Вдруг в кофейню входит нищий: каждый дает по одной, по две пара. Когда очередь доходит до него, он вынимает из кармана и подает пригоршню золота. Аги, которые были там, все приходят в удивление. Вслед за этим нищим приходит еще один, он и тому дает пригоршню золотых. Не будем затягивать! Вот краткий вывод длинных слов: он сидит там до кушлука; приходят несколько нищих, каждому он дает по пригоршне золота, и у него не остается больше ни одной пара. Когда приходит еще один нищий, он сует руку в карман, глядь! — а там ничего не осталось. Он тут же ударяет руками одна о другую. «Ай, жаль, я не знал, что тут так много нищих, поэтому я взял с собой только тысячу золотых, и они кончились. Лучше бы я взял с собой полный мешок золота и роздал нищим», — сокрушается он. Один из сидящих там купцов говорит: «Ничего, ага, ты отпусти их с молитвой», а тот говорит: «Нет, это не в моем обычае; какая жалость, и как я не догадался взять с собой побольше денег!» — сокрушается он. Один из купцов говорит: «Эфенди, если нужно, возьми в долг, я дам

тебе тысячу золотых; когда придет караван, ты мне отдашь». А тот отвечает: «Очень хорошо. Когда придет караван, бери: хочешь — деньги, хочешь — товар, хочешь — бриллианты, драгоценные камни, — что желаешь, то и возьми». Купец посылает раба, который был при нем, велит принести из дома тысячу золотых и дает ему, а циновщик берет деньги, и вот, не успев пройти один час, как и они кончаются. Не будем затягивать! Он опять берет у другого и их раздает; таким образом к вечеру он раздает ровно десять тысяч золотых.

И вот он там выстраивает дом, поселяется в нем. По мере того как ему нужны деньги, он берет в долг у того, у другого, тратит деньги, как воду, — оказывается, что за восемь-десять дней он взял в долг ровно сто тысяч золотых. Купцы, давшие деньги, видят, что к нему ни караван не приходит, ни черт знает что, — они и говорят один другому: «Это что же будет? Этот человек надувает нас: получил сто тысяч золотых, говорит каждый день «Мой караван придет», а на деле еще ничего нет! Пойдем, сходим к бею, который его знает, все это расскажем, посмотрим и узнаем: на самом ли деле у него есть караван или нет?» Говоря так, они собираются и идут в дом бея. Они рассказывают все: «Ты знаешь этого человека; он взял у нас столько денег, — когда же он их отдаст? Мы ему самому сказать стесняемся, скажи ты; он говорит «Придет караван», а на деле еще ничего нет», — говорят они и уходят. Следом за ними бей велит позвать циновщика: «Эй, приятель, это что же такое? Ты обманул весь народ, взял столько денег. Если я тебе сказал: испорти воздух, так ты стал испражняться!»³ Ты меня осрамил; какой ответ ты теперь дашь купцам?» Хоть он так и говорил, а циновщик отвечает: «Милый человек, сто тысяч золотых разве это долг? Вот придет мой караван, я отдам вдвойне: зачем они поднимают шум?» Как только бей услышал это, он говорит: «Теперь ты стараешься и меня заговорить; смотри, обманщик: ты ведь однажды и у меня взял в долг тысячу золотых, я требую деньги». Циновщик отвечает: «Ты много не шуми: лишь только придет мой караван, я отдам и тебе две тысячи золотых и другим тоже отдам». Бей со злости говорит: «Ах ты, негодяй! Теперь, лицом к лицу со мной, ты стараешься меня обмануть! Ну, я проделаю с тобой дело, так что ты перед всеми будешь опозорен!» И он прогоняет его с глаз своих долой, а циновщик, нисколько не смутившись, уходит.

Когда с этой стороны купцы приходят к бею и спрашивают,

бей говорит: «И я не знаю о его караване, он мне говорил о нем, и у меня он тоже взял тысячу золотых. Я в это не вмешиваюсь, делайте, что хотите; если хотите, ступайте жалуйтесь падишаху». А купцы выходят оттуда, идут прямо во дворец падишаха, подают жалобы. А падишах той земли, оказывается, был так скуп, что дрожал над каждой парой. Как только он услышал об этом, он повернулся к своему везиру: «Если у этого человека, допустим, не было бы каравана, то как бы он стал брать столько денег? Не иначе как у него есть караван. Стой, отдам-ка я за него свою дочь, а когда придет караван, то и я разбогатею на его товаре: ты что скажешь?» — спрашивает он. А везир говорит: «О падишах, таких обманщиков много; ты не рассчитывай на его товар, а то он потом и тебя проведет. Кто знает, из каких он воров?» Когда он так сказал, падишах говорит: «Стой, я его испытаю! У меня есть жемчужина ценой в тысячу золотых; если он знает ей цену, я узнаю, что он богатый человек; если не знает, — голову ему снесу». И он посылает гаваза и велит ему позвать циновщика. Лишь только циновщик предстал пред очи падишаха, падишах указывает ему место, а тот проходит и садится. Падишах говорит: «Слушай-ка, эти аги потребовали с тебя сто тысяч золотых, правда ли это?» А циновщик отвечает: «Да, это правда, но еще не пришел мой караван; когда придет, я и деньги отдам, да и сверх этого еще отблагодарю». Падишах достает жемчужину: «Погляди-ка, сколько гурушей стоит эта жемчужина?» — говорит он и дает ее циновщику в руку, а циновщик берет ее в руки. Рассматривая, он зажал ее между пальцами, и она превратилась в пыль. Когда падишах сказал: «Помилуй, что ты сделал?» — тот отвечает: «О султан, цена ей — тысяча золотых; у меня есть бриллианты — каждая штука стоит семь тысяч золотых; когда придет мой караван, я дам тебе из них одну штуку». Лишь только падишах услышал это, он говорит купцам: «Ступайте вон! Если он тех денег не отдаст, приходите, получите от меня». Купцы идут по своим делам, а циновщик встает и уходит.

Падишах говорит везиру: «Наверно, если бы у того человека не было каравана, он не брал бы столько денег и не раздавал бы бедным. Ступай-ка, побеседуй с ним, а между слов похвали мою дочь; похлопочи, чтобы он ее взял, уговори». А везир — что же ему делать? — по приказанию падишаха идет, беседует с ним. Подведя разговор к своей цели, он спрашивает: «Эфенди, а вы не женаты?» А тот отвечает: «Нет, я холост». Везир говорит:

«Эфенди, так как вы очень понравились падишаху, он желает отдать за тебя⁴ свою дочь,— согласен ли ты?» А тот говорит: «Хорошо, но мой караван еще не пришел. Для того чтобы взять дочь падишаха, надо много денег, много подарков, чтобы каждому дать что-нибудь, а у меня сейчас нет ничего такого, чтобы дать; если падишах потерпит до прихода моего каравана, то уж ради него я возьму его дочку». Тогда везир встает, идет к падишаху и рассказывает слова, которые он слышал, а падишах говорит: «Пойди, позови его ко мне, я с ним самим посоветуюсь». И везир идет, зовет цинощика, и они вместе идут к падишаху. Падишах оказывает ему почтение. Во время долгой беседы падишах и говорит: «Раз ты дал слово взять мою дочь, нет нужды дожидаться прихода каравана; вот ключи от моей казны, бери, расходуй, сколько хочешь, а когда придет караван, снова положишь казну на свое место». А тот говорит: «Очень хорошо», берет ключи от казны и кладет себе в карман; потом велит позвать ходжу и девушку обручают с цинощиком. Не будем затягивать! Начинается свадьба; цинощик, открыв дверь сокровищницы, раздает народу вещи, какие хочет, и казна, того и гляди, опустеет.

Однажды о совершенных им проделках услышал бей, его земляк. Он приходит к нему и говорит: «Эй, бесстыдный человек, ты взял столько денег, и все тебе не хватало,— теперь ты нацелился и на казну падишаха!» А тот говорит: «А тебе что за дело? Завтра придет мой караван, я и отдам вдвойне,— ты проваливай, иди по своим делам!» И он прогоняет его. Как бы то ни было, кончается свадьба; их оставляют наедине как молодых, а он подходит к невесте и садится, печальный-печальный. Как только девушка заметила его печаль, она спрашивает: «Ах, эфендим, что значит эта твоя печаль?» А тот говорит: «Да как же? Отец твой поторопился, не дождался прихода моего каравана. Если бы караван мой пришел, я дал бы тебе подобающие подарки, к тому же дал бы, что хотел, и дворцовой челяди,— вот почему теперь я так печален». А девушка говорит: «Если из-за этого, то не грусти: когда придет караван, тогда ты и дашь нам то, что желаешь, а теперь повеселимся». И вот цинощик в ту ночь берет девушку в объятия и засыпает. Наступает утро. Он идет в баню, потом приходит к падишаху, целует у него руку; собираются все везиры, а он жалуется всех разными-разными кафтанами⁵. Отныне каждый день и ночь⁶ он проводит время в наслаждениях с девушкой. «Вот уже близок приход моего кара-

вана; когда он придет, тебе дам то, а тебе сё». Говоря так, он дарит направо и налево много вещей с ветра⁷.

С тех пор проходит шесть месяцев; и караван не приходит, и вестей о нем не слышать. От расходов циновщика стала казна совсем бедная, остались одни гроши медные⁸: если мышь упадет, то голову себе поранит⁹. Везир, увидев это, идет и докладывает падишаху: «Помилуй, эфендим, ты все спишь крепким сном, а наша казна пустехонька: ваш зять все растратил,— что мы теперь будем делать? Я тебе говорил, что это какой-то обманщик, а ты не верил. Уже шесть месяцев прошло, а караван все не пришел; если бы даже он был в Хинде¹⁰, то и тогда ему надо было бы уже прийти». Услыхав это, падишах погрузился в раздумье. Везир говорит: «Тут раздумьем не поможешь, позовем-ка султан-ханым да спросим, посмотрим, что она скажет; к тому же пусть она узнает у него, есть ли караван или нет, а там, судя по этому, и придумаем, что делать!» А падишах велит позвать свою дочь, и они спрашивают ее из-за занавески, а девушка говорит: «Он и меня всегда уверяет, что караван придет, а больше я ничего не знаю». Они наказывают девушке осторожно разузнать об этом. А девушка идет к циновщику; перекинувшись двумя-тремя словами, она спрашивает: «Эфендим, послушай, что я тебя спрошу. Если ты не скажешь правды, знай, что пропала твоя головушка; напротив, если скажешь правду, я помогу тебе найти выход». И она спрашивает, есть ли на самом деле караван или нет. А циновщик видит, что на лжи дальше не поедешь, и говорит всю правду: рассказывает, как он убежал от злости своей жены, как дэв взял его на развалинах и доставил сюда, и говорит, что в то время у него не только каравана, но даже и пяти пара в кармане не было. Как только девушка услышала это,— что же ей делать, коли так случилось? — она и говорит циновщику: «Раз дело такое, тебе больше нельзя здесь жить. Если я скажу отцу, он велит тебя казнить, а к тому же и народ будет говорить: «Вот, мол, дочь падишаха взял мошенник», и я потеряю мое доброе имя; всего лучше дам-ка я тебе несколько тысяч золотых, и ты беги отсюда; в другом городе ты на эти деньги открой торговлю и живи. Умрет отец,— я пошлю тебе весть, ты придешь, и мы снова заживем вместе; если же нет,— и умру я, тогда уж конец веревки будет отрезан,¹¹— тогда ступай, куда хочешь». С этими словами она достает и дает ему пятьдесят тысяч золотых и ночью, когда никто не видел, он тайком выходит из дворца и уходит.

Дорогой он то горюет о разлуке с девушкой, то идет дальше. Долго-долго он идет, видит на дороге большой камень; от усталости он думает: «Хоть отдохну я здесь немного», садится на камень и вздыхает: «Ах!» и начинает плакать. В то время как он плакал, из-под камня выскакивает араб: «Эй, ты зачем меня звал?» — говорит он. Напрасно тот отвечал: «Нет, я тебя не звал», араб говорит: «Нет, разве ты не сказал: «Ах?» Мое имя Ах; если кто, сев на этот камень, скажет: «Ах!» — я прихожу, и какое бы ни было у него желание, я исполняю. Если есть у тебя какое-нибудь желание, скажи: я исполню», — говорит он. Человек опомнился: «Да, и у меня есть желание, но не знаю, сумеешь ли ты его исполнить». А когда араб сказал: «Ой-ой! Да что прикажешь — все сделаю», циновщик говорит: «Я хочу караван — чтобы в нем было семь тысяч вьюков, и в каждом вьюке чтобы были разные-разные тяжелые шелковые ткани, да еще тысяча алмазов и тысяча других драгоценных камней, и сто тысяч раз по сто тысяч золотых, — ты можешь мне это доставить?» А араб говорит: «Да». Он поднял тот огромный камень, и под ним открылся колодезь; к колодезю приставлена лестница. «Ну-ка, спустимся отсюда вниз». С этими словами он хватает его и спускает вниз по лестнице; на дне колодезца он открывает дверь, и циновщик видит, что внутри золото сложено кучами. Они проходят дальше; араб открывает еще дверь, а там все полным-полно алмазов и жемчугов. Они проходят дальше, он открывает еще одну дверь: в комнате светло, как днем — это драгоценные камни величиной с яйцо. Посредине стоит стол, на том столе стоит ящичек из хрусталя. Циновщик открывает крышку ящичка, смотрит — внутри золотая печать. Он берет печать, надевает ее на палец и говорит арабу: «К чему положена сюда эта печать?» А араб отвечает: «Хозяин этой печати положил сюда эти сокровища. У этой печати есть слуга; если кто наденет эту печать на палец и повернет, сейчас же является слуга этой печати и, что бы ни пожелал тот человек, немедленно доставляет, а я страж этого места».

Услышав это, циновщик обрадовался и говорит: «Я желаю, чтобы, сколько ни есть здесь сокровищ, — все бы их ты положил в сундуки и вывез, а к тому же из других комнат доставил бы мне тысячу тюков шелковых тканей, погрузил бы все это на верблюдов, составил караван и отвел его туда, куда я пожелаю». А тот говорит: «Хорошо, слушаюсь, подожди немного, я сейчас приду». Сказав это, он исчезает. Через короткое время

он приводит с собой кучу народу и все, что только там было, велит уложить в сундуки и вынести из колодца вон. Он раскидывает шатер, приносит циновщику прекрасное расшитое золотом платье, а тот одевается и садится под шатром. Араб снова ушел, а наутро циновщик видит, что издали идет караван. Пока он говорил: «Это что за караван?» — караван мало-помалу подходит и останавливается у шатра. А араб приходит, целует полу у циновщика: «Эфендим, вот привел, а теперь пойдем, куда ты пожелаешь идти», — говорит он. А циновщик говорит: «Сейчас я пошлю тебя с письмом к падишаху этого города, чтобы ты оповестил его о моем прибытии, — пусть падишах выходит ко мне навстречу». Тогда араб берет письмо, идет и отдает падишаху, а падишах, лишь только прочитал письмо, возрадовался и приказывает устроить празднество. «Пусть мой зять прибывает, и все выйдут ему навстречу», — говорит он. Весь народ вместе с падишахом выходит из города и ожидает прибытия каравана.

А циновщик в этой стороне приказывает, и караван снимается с места; сам он садится на прекрасного коня, и все отправляются в путь. Когда они подошли близко к городу, падишах встречает его; они обнимают друг друга и оттуда вместе с караваном прибывают прямо во дворец, а вьюки складывают в сокровищницу. Циновщик собирает тамошних купцов и всякому, кому он был должен, отдает с излишком; дает еще много подарков, потом идет в харем и тем, которые были там, дает разные подарки и пешкеши¹² и приводит в восхищение свою жену, подарив ей разные-разные алмазы и драгоценные камни.

Сколько-то времени спустя падишах умирает. Собирают горожан, циновщика возводят на престол и делают падишахом того города. До самой смерти он проводит свою жизнь в радости и наслаждениях. Они своей достигли цели, — достигнуть бы и нам!

76. Вор и карманник ¹

Было — не было, а когда-то у одной хитрой женщины было два мужа, но мужья не знали один о другом. Один был карманник, а другой — вор. Этим делам они научились у женщины. В один из дней вор приносит на базар кое-что из укра-

денных вещей, продает и получает деньги. В это время какой-то другой человек встречает купившего вещи, схватывает его за шиворот и говорит: «Эти вещи — мои, и еще много вещей у меня украдено; они у тебя, скорее принеси — я требую!» И он набрасывается на беднягу, а тот говорит: «Помилуй, добрый человек, я не вор; я эти вещи купил у одного человека, а ты говоришь: «Все мои вещи у тебя». Оставь меня, ищи того, кто украл твои вещи». Так они спорят друг с другом, а вор наблюдает за ними и смекает, что он попадется. Тогда он удирает оттуда, идет прямо домой, говорит жене: «Ох, жена, сегодня мое воровство раскрылось, теперь меня ищут. Чтобы мне не попасться, я скроюсь отсюда на несколько дней, дай мне немного хлеба». Женщина приготовляет чурек² и бараний хвост, все это режет пополам и половину отдает мужу; вор берет чурек и бараний хвост и отправляется в путь.

Мало ли идет, много ли идет,— пусть он долгое время идет,— а там приходит и другой муж, который занимался карманными кражами. «Ох, жена, сегодня проделки мои открылись, дай мне немного хлеба: несколько дней я не буду показываться в этих местах — пойду в другое место»,— сказал он. А жена-то припрятала половину чурека и хвоста от тех, что дала другому. Она дает их этому, а парень берет и отправляется в путь. Пусть он идет,— а другой, промышляющий воровством, шел-шел, устал и пришел к берегу реки. «Отдохну-ка я здесь немного»,— думает он и садится под деревом. Пока он доставал данные женой чурек и хвост, чтобы поесть, карманник нагоняет его и приходит туда же. Он тоже садится на берегу реки. Когда же он вытащил из-за пазухи съестное и начал есть, вор и говорит: «Иди-ка, приятель, покушаем вместе!» Как только карманник подошел к нему, он кидает взгляд то на свой чурек, то на чурек другого, и видит, что один похож на другой; а когда они сложили обе части вместе, они видят, что это один чурек. Тотчас же сложили вместе два куса хвоста и увидели, что и из них получается один целый хвост. Карманник удивляется и говорит вору: «Эй, приятель, коли не стыдно спросить, откуда ты идешь?» А вор говорит: «Я иду из такого-то города». — «Где твой дом?» — «В таком-то квартале есть женщина — это мой дом и моя жена». Только он это сказал, карманник остоленел. «Да что ты говоришь? Это — мой дом и моя жена. Вот уж сколько лет я там живу, зачем же ты врешь?» А вор в ответ: «Эй, милый человек! Или ты с ума сошел, или ты шутишь: вот уже столько времени, как эта жен-

щина — моя законная жена». Каждый говорит: «Моя, моя», и ссора их разгорается. Карманник говорит: «Тут одним спором дело не кончится, айда, пойдем-ка к женщине да спросим, тогда и будет видно, чья она». Оба встают и отправляются к женщине.

А женщина, только увидела их, сразу поняла, как обернулось дело: она приглашает их обоих в комнату, предлагает место, сама же садится против них. Карманник говорит: «Эй ты, ты чья жена?» А та отвечает: «До сих пор я была женой обоих, а с этих пор, у кого больше ловкости, тот мне и муж. Обоих вас я обучила ловкости,— так вот, чье мастерство мне понравится больше, тому я и буду женой». И они оба согласились. Карманник говорит: «Сегодня я устрою дело, а потом ты покажи свое искусство». Тогда они с воров встают и идут на базар. Карманник заметил, как один человек положил себе в кошелек тысячу золотых, сунул его за пазуху и идет на базар. Карманник, лишь только увидел это, тут же пошел за ним следом. На базаре, среди толкотни, он настигает его и незаметно выкрадывает у него из-за пазухи кошелек. Отбежав в укромное место, он берет девять золотых, снимает с пальца перстень, на котором было написано его имя, кладет в кошелек и снова всовывает его за пазуху тому человеку. Все его проделки видит его приятель-вор. Потом карманник обходит кругом, выходит навстречу тому человеку, хватая его за шиворот и бьет несколько раз. «Эй ты, подлый, зачем ты взял мой кошелек с деньгами?» А тот растерялся, не понял сразу, что случилось. «Эй ты, убирайся! Иди по своим делам, оставь меня — ты кто такой, я тебя не знаю!» Когда он так сказал, карманник говорит: «Меня знать не нужно, идем-ка с тобою в суд». Так он сказал, а тому делать нечего — соглашается, и они идут вместе; карманник становится его истцом. Кади спрашивает этого человека: «Сколько у тебя было золотых?» а тот говорит: «Тысяча золотых». Спрашивает у карманника: «А у тебя сколько было?» — «У меня было девятьсот девяносто один золотой, эфенди; вместе с ними в кошельке находился и серебряный именной перстень». Только он это сказал, судья велел достать кошелек. Считают деньги: ровно девятьсот девяносто один золотой и перстень. Тогда тому бедняге дают несколько ударов и прогоняют его, а золотые отдают карманнику; тот берет их и вместе с воров приходит к женщине. Женщина говорит: «Вот, карманник показал свое искусство; до сих пор такой штуки никто не проделывал; ну-ка, а теперь посмотрим, какое ты покажешь искусство».

И вот наступает вечер; вор берет веревку, и они вместе с карманником идут ко дворцу падишаха. Вор забрасывает веревку наверх и взбирается туда, подтягивает и приятеля, и они спускаются во дворец. Подойдя к сокровищнице, они вынимают разные ключи, открывают дверь, входят туда. Вор говорит карманнику: «Бери золото, сколько можешь унести», а тот, как увидал золото — одурел; они взваливают на себя столько золота, сколько могут унести, и выходят из дворца. Вор идет на птичий двор, хватая там гуся и режет его; потом он разводит огонь, насаживает гуся на вертел и говорит приятелю: «Поворачивай его, чтобы изжарился!» — а сам направляется в комнату, где спал падишах. Приятель и говорит ему: «Эй ты, куда идешь?» А тот и говорит: «Я хочу рассказать падишаху о нашей ловкости; тогда посмотрим, чье мастерство выше: твоя будет женщина или моя». Приятель говорит: «Во имя аллаха, уйдем отсюда, я отказываюсь от той женщины, пусть она будет твоей, я ее не желаю». А вор говорит: «Теперь ты так говоришь, а завтра будешь раскаиваться. Нет, уж если падишах что скажет, тебе нечего будет на это сказать». И вот, тайком от него, он потихоньку подходит к комнате падишаха, осторожно осматривает из двери внутренность комнаты: видит — падишах спит на постели, а раб растирает ему ноги. Во рту у раба мастика, которую он жует³: он то заснет, то проснется. Вор сейчас же, тихонечко, чтобы никого не разбудить, проникает в комнату и прячется под тронном. Потом, когда раб, засыпая, жевал мастику, вор засунул ему в рот кончик конского волоса, который у него был при себе. Раб стал жевать мастику с волосом, и потому сон стал одолевать его все больше и больше; он стал зевать, открыл рот, а вор потянул за волос и вырвал изо рта мастику. А раб открыл глаза, одурело поискал мастику там и сям и не мог найти. Прошло еще немного, сон одолевал его все сильнее, и вот он уснул; вор дал ему понюхать эфиру, и тот совсем потерял сознание — упал. Вор тихонько поднял его, положил в корзину, подвесил ее к потолку, а сам стал растирать ноги падишаху. А его приятель наблюдал из-за двери за всем, что он ни делал. Вдруг падишах зашевелился. Вор тихонько сказал: «О шах, если будешь слушать, я расскажу тебе рассказ», а падишах говорит: «Расскажи-ка — послушаю». Лишь только он так сказал, вор начал говорить. Он рассказывал о том, что произошло между ним и его приятелем, а в промежутке приговаривал для сидящего снаружи: «Поворачивай, чтоб гусь не подгорел!»⁴ Рассказывал, как он проник в со-

кровищницу и как он, пока карманник снаружи жарил гуся, ловко и спокойно вытащил мастику у раба изо рта. Не будем затягивать! Все, что они только проделали,— обо всем он рассказал по порядку. По мере того как он рассказывает, приятель его дрожит от страха — тир-тир⁵. Он и дрожит и подает вору знаки: «Эй, пойдём!» — а вор знай приговаривает: «Ворочай, чтобы гусь не подгорел!» Потом он обращается к падишаху: «О шах, у кого же теперь больше ловкости: у карманника или у вора? Кому из них подобает отдать женщину?» А шах говорит: «У вора больше искусства — женщина принадлежит ему». Еще немного растирает он ноги падишаху, делает то, сё, и тот погружается в сон. Вор тотчас бесшумно встает и идет к своему приятелю. «Вот, слышал: шах сказал, что женщина принадлежит вору». А тот сказал: «Ох, слышал!» Вор спрашивает: «Ну что, чья женщина?» — а тот в ответ: «Смилуйся! Пусть будет твоя, пойдём, пока никто нас не заметил, а не то я сейчас с ума сойду». И у карманника от страха помутился рассудок. Вор опять говорит: «Да ты врешь, я вот сейчас пойду и спрошу у падишаха!» А тот говорит: «Сейчас мы попадемся! Ради аллаха уйдем скорее! Пусть не только женщина, но и сам я буду в твоей власти!» Когда он так сказал, они встают, забирают золотые, выходят из дворца и идут к женщине. Когда они рассказали ей всё, это ей понравилось еще больше, и она делает вора своим мужем.

Когда наступило утро, шах, проснувшись, зовет своего раба; ответа нет. Видя, что никто не идет, он ждет немного, снова зовет: раб не является. Тогда он приходит в ярость и вскакивает с постели; ему сразу бросается в глаза корзина, подвешенная на стене. Он думает: «Что это такое?» — спускает ее и, заглянув внутрь, видит, что в корзине лежит раб, потерявший сознание. Быстро созывает он слуг; раба приводят в чувство. Падишах спрашивает, как это с ним случилось, но раб ничего не знал и потому не может дать ответ шаху. Шах подумал про себя и понял, что тот, кто вечером рассказывал ему рассказ, был вор. Сейчас же всходит он на трон и велит созвать своих везиров; и вот, сколько там ни было везиров, беев,— все они приходят к падишаху. Шах рассказывает им, что произошло ночью, и все ошеломлены: должно быть, это был вор. «Пусть телляли в городе кричат: «Кто бы ни сделал это, пусть идет ко мне; клянусь аллахом, я не сделаю ему вреда! Червонцы, взятые из моей сокровищницы, пусть будут ему во благо⁶, я дам ему еще вот столько жалованья!» И вот телляли кричат на улицах и объявляют каж-

дому, что сказал шах. Слышит это и вор. «Падишах клянется, что ничего не будет!» — и с этими словами он идет, открывается им и говорит: «Это сделал я». Телляли тут же берут вора и приводят его к падишаху. Шах спрашивает его, а он говорит: «О шах! Хочешь — казни, хочешь — милуй, это сделал я.» — «А зачем ты это сделал?» — спросил падишах, и вор рассказывает все по порядку, с начала до конца. Падишах очень его хвалит, жалует ему все взятые им вещи, назначает ему месячное жалованье, обручает его с той женщиной, а вор, получив от шаха столько милости, от всей души дает зарок больше не воровать. И вот он до самой смерти живет со своей женой, и оба возносят шаху благодарность.

77. Сказка о «шап» и «шекер»

 Когда время во времени стало, когда решето да в котел упало¹, когда верблюд теллялем был, а вол хамалом² был, когда я белобородым старцем³ был, когда я зыбку отца моего — тынгыр-мынгыр⁴ — качал; кто бегом бежит, кто валом валит, а тому, кто в харчевню без денег залетит, — о его башку разбивают бутылку весом в окку. Тогда я встал, оделся⁵, к воротам крепости пошел, осмотрелся⁵: добрые вестиносящий⁶ явился⁵ — твой, мол, отец да сегодня родился⁵. Руку я в карман совал⁵, между ягодиц попал, вынул я три денежки: у одной нет краев, у другой — середины, у третьей — ни того, ни другого. Ту третью я вестнику тут же вручил⁵, а сам на отца посмотреть поспешил⁵, смотрю: в колыбели отец мой лежит. «Добро пожаловать, родимый!»⁷, а он встал да как даст мне по голове дубиной!⁷ Я разозлился и вскипел⁵, пошел и дверью загремел⁵; оттуда кади вылезает⁵: «Чего ты хочешь?» — вопрошает⁵. «Отец мой вздумал народиться⁷, послушай сказку-небылицу».

Было — не было, а в прежние времена была одна бедная женщина, и был у нее сын по имени Ахмед, — ну такой бездельник, что дальше некуда. Как бы там ни было, а эта женщина не могла прокормить своего сына. «Отдам-ка я его в ученье какое-нибудь», — думает она, ведет мальчика и отдает его в ученики⁸ к одному портному. Портной спрашивает мальчика: «Как тебя зовут?» — а тот отвечает: «Режь-Крой»⁹. И вот мальчик там

живет. Подходит пятница¹⁰. Мастер говорит: «Режь-Крой, подмети лавку, мусор вынеси, дверь запри, сходи ненадолго домой, а потом опять приходи». А мальчик говорит: «Очень хорошо, дорогой хозяин», и мастер уходит гулять. И вот мальчик берет в руки ножицы и сколько ни было в лавке сукна,— все кромсает на мелкие кусочки, потом подметает лавку, выносит мусор, запирает дверь, отправляется играть вместе с ребятами и целый день играет. К вечеру приходит в лавку хозяин, глядь! — а мальчик еще не пришел. Он идет искать мальчика и находит его. «Режь-Крой, ты еще будешь играть? Как это так? А лавку ты вымел?» А тот говорит: «Дорогой хозяин, что было в лавке, я все покроил и изрезал, лавку вымел, мусор вынес». А мастер спрашивает: «Ты что говоришь? Что изрезал?» — «Как что? Разве ты не сказал мне: «Режь-Крой»? Я все, что было, порезал, покроил и другие работы исполнил». Хозяин остолбенел: «Фу, мальчик! Разве твое имя не Режь-Крой? Я не говорил тебе: «Режь, крой все, что есть в лавке». А мальчик отвечает: «Ах, имя мое Ахмед, а не Режь-Крой». Портной говорит: «Пойди-ка сюда, посмотрим, что ты натворил». С этими словами он берет мальчика, и они вместе идут в лавку. Мастер входит в лавку, и что же он видит? Все, что только было в лавке, изрезано на мелкие куски — вот сколько он понес убытку! Что тут делать? Портной отлупил мальчика покрепче и выгнал из лавки. А мальчик в слезах приходит к своей матери. Видя слезы сына, мать спрашивает: «Ну что случилось, что ты опять наделал?» А тот говорит: «Ничего я не делал, а мастер меня побил и из лавки выгнал». Мать говорит: «Ах, я прямо не знаю, что мне с тобой делать!» Она берет его и отдает учеником в лавку горшечника. Горшечник спрашивает его: «Мальчик, как твое имя?» А тот говорит: «Мое имя — Ломай-Бей». Тот спрашивает: «Разве бывает такое имя?» — «А я почему знаю? — мать меня так зовет».

Как бы то ни было,— не будем затягивать,— он служит там несколько времени. Однажды была пятница. Мастер говорит: «Ломай-Бей, я пойду, а ты вымети лавку, запри дверь, сходи ненадолго домой». Затем этот человек уходит, а мальчик берет сколько ни было в лавке горшков и мисок и — пат-кют!¹¹ — бросает их о землю, ломает и бьет все, что было, а потом запирает лавку и идет домой. И вот, когда он играл вместе с ребятами своего квартала, он попался на глаза хозяину. Лишь только увидал его хозяин, он тут же спрашивает: «Ломай-Бей, ну как, лавку вымел?» А мальчик отвечает: «Вымел, дорогой хозяин; все, что

было в лавке, все поломал, побил». Мастер говорит: «Что ты говоришь? Я разве так тебе сказал? Вещи, которые в лавке,— разбить?» А мальчик говорит: «А разве не так?» — «А разве твое имя не Ломай-Бей?» Мальчик говорит: «Нет, разве бывает имя Ломай-Бей? Мое имя — Ахмед». Бедный человек одурел. «Пойди-ка сюда, посмотрим, что ты наделал», — говорит он, берет его, и они приходят в лавку. И в самом деле, этот негодяй всю лавку опустошил, все переломал. Отколотив его хорошенько, мастер выгнал его за дверь, а мальчик, весь в слезах, пришел к матери. «Матушка, хозяин меня побил да из лавки выгнал», — говорит он. Лишь только мать увидела это, она и говорит: «Ах ты, бездельник! Мне из-за тебя столько горя, словно меня в сорока возах хвороста жгли!»¹² Я прямо не знаю, что мне делать с тобой!» Она берет его за руку, ведет и отдает в ученики к котельщику. И вот и там он, сколько ни было котлов и кастрюль, — все продырявил, и оттуда его тоже выбрасывают за дверь.

Не будем затягивать! Этот мальчик проходит ровно через тридцать два ремесла, и каждый раз он делает какую-нибудь пакость. Его бьют палкой и выгоняют. Наконец он опостылел своей матери. «У тебя нет желания стать человеком, отдам я тебя хоть в разбойники, научись хоть грабить», — говорит она. Она берет мальчика, ведет и отдает его атаману разбойников¹³. После этого проходит несколько дней. Однажды главарь разбойников берет его с собой, чтобы научить воровству. На конце трубы птица аист свила гнездо, нанесла там яиц и сидит на яйцах. Атаман и говорит мальчику: «Гляди-ка, как я выкраду сейчас яйца из-под аистихи: она даже и не заметит». И с этими словами он приставляет к трубе лестницу. Тихонечко влезает он наверх, и, пока забирает яйца, мальчик, поднявшийся вслед за ним, стаскивает с ног атамана штаны и спускается вниз. А тот даже и не заметил. Как бы то ни было, атаман, выкрыв яйца, спускается вниз, глядь! — а на ногах нет штанов. «Ну и дела! Пока я лез наверх, штаны были у меня на ногах, как же это вышло?» — думает он, а мальчик вытаскивает штаны. «На, возьми, вот я снял их у тебя с ног, а ты и не заметил», — говорит он. Парень видит, что этот мальчик — вор не хуже его; он отлупил его хорошенько и прогнал. Мальчик заплакал и опять пошел к своей матери. Женщина видит, что мальчик пришел, и спрашивает: «Ты опять пришел?» А мальчик говорит: «Что мне делать? Я украл штаны у моего учителя¹⁴, он меня за это и прогнал». Мать его говорит: «Ох, клянусь аллахом, чем тебя родить, лучше мне было бы ро-

дить камень!» Снова берет она его с собой, обходит всех мастеров: ни один его не принимает. И вот, когда она возвращалась, глядь! — на углу сидит старик — варит кофе в золе. Она подходит к нему и спрашивает: «Дед-кофейщик, не возьмешь ли ты моего сына в ученье?» Напрасно старик говорил: «Милая! Я — бедный человек, продаю кофе всего на пять пара, самого себя еле могу прокормить, что я буду с ним делать?» — женщина говорит: «Дорогой мой, я уже не хочу, чтобы он зарабатывал деньги: только бы пристроить его к месту!» Старик говорит: «Ну, ладно» — и берет мальчика.

И вот пусть мальчик живет у того человека. А в один из дней была пятница, и весь народ шел в мечеть. Этот старик и говорит мальчику: «Сынок, у меня есть кое-какое дело, я пойду; пока я не приду, ты здесь посиди». С этими словами он насыпает в носовой платок немного золы и уходит, а мальчик видел, что он делает. «Уж этот человек что-нибудь да будет делать!» — думает он, берет в тряпку немного золы и идет вслед за тем стариком. Тот человек идет-идет, входит в переулочек и прячется в уголок, а мальчик, притаившись недалеко, на углу улицы, наблюдает за хозяином. И вот народ вышел из мечети. Все идут по домам. Один богатый человек свернул в тот переулочек, и когда он шел, этот старик выскакивает из-за угла и бросает тому человеку в глаза платок с золой; пока тот протирал глаза, старик похищает у него кошелек с часами и скрывается. Видя это, мальчик прячется на дороге, по которой должен пройти старик, а старик обобрал того человека и идет себе на радостях. В это время перед ним выскакивает мальчик и бросает в него тряпку с золой; пока тот протирал глаза, мальчик забирает у него украденные им вещи, а сам немедленно отправляется на свое место и садится. Спустя некоторое время и старик, протерев глаза, является домой. Мальчик и говорит: «Хозяин, что случилось?» А тот говорит: «Оставь, сынок! Когда я шел по дороге, какой-то мерзавец выскочил, насыпал мне в глаза пыли, украл немного денег, что были при мне, и скрылся». Мальчик усмехнулся и вытаскивает взятые им вещи: «Не эти ли?» — и показывает старику. Только старик увидал эти вещи, он и говорит: «Эй, мальчик, да ты еще искуснее меня!» Мальчик говорит: «Не бойся, хозяин! Наши звезды столкнулись одна с другой; мы будем жить и работать вместе, только смотри — никому ничего не открывай». Вот какое занятие было, оказывается, у старика.

И вот — не будем затягивать! — оба они живут бок-о-бок и проводят время в том, что грабят народ. Однажды мальчик и говорит старику: «Хозяин, что мы заработаем, если будем так обирать того и другого? Пойдем-ка да ограбим сокровищницу падишаха — тогда это будет на что-то похоже». А старик и говорит: «А если нас поймают?» Мальчик отвечает: «Дорогой мой, а тебе-то какая беда?» И старик соглашается. В тот день мальчик идет к кузнецам и заказывает для них обоих по мешку гвоздей, длиною в один аршин каждый гвоздь. Лишь только наступил вечер, он взваливает их на спину, и они вместе с хозяином идут ко дворцу падишаха. А сокровищница-то была позади дворца, и вверху ее было железное окно. Они идут туда. Мальчик вбивает в стену гвоздь и лезет на него. Вбивает еще один — хватается за него, и так вот он, вбивая гвозди, лезет вверх, пока не доберется до окна.

Подрезав железную решетку окна, он выламывает ее и проникает внутрь. Наполнив два мешка золотом до самых краев, он по веревке спускает их вниз хозяину, а сам вылезает из окна и, спускаясь вниз, попутно вытаскивает из стены гвозди; потом они вместе с учителем взваливают деньги на спину и складывают их в доме старика. Никто их не видит. Старик смекает, что это хорошая прибыль. На другой день вечером они снова идут вместе с мальчиком. Мальчик, вбив в стену гвозди, как он делал и в первый раз, проникает в сокровищницу, наполняет золотом два мешка, спускает их вниз, и они вместе со стариком приносят их домой и прячут.

Утром падишаху понадобились деньги. Он посылает своего казначея, чтобы тот принес денег. Казначей идет и, только он вошел в сокровищницу, глядь! — казна опустошена. Он тотчас возвращается обратно и докладывает об этом падишаху. А падишах собирает свой меджлис и объявляет, что обокрали казну. «Кто же это сделал? Как бы нам его найти? — думают они. — Раз вор повадился ходить, он непременно придет еще раз. Пусть поставят перед окном казнохранилища котел со смолой, а под ним пусть разожгут огонь; когда вор через окно проникнет внутрь, он попадет в котел и там сварится, тогда мы его и поймем, а другого способа нет», — решают они. И падишах велит сделать так, как они сказали.

А здесь в тот вечер мальчик со стариком снова собираются и приходят к казнохранилищу. На этот раз мальчик говорит старику: «Хозяин, ступай на этот раз в казну ты, возьми, что най-

дешь: меня что-то ломит, я не сумею влезть на стену». А тот отвечает: «Хорошо, сынок, полезу я; ты только объясни мне». И мальчик объясняет, как вбить гвозди в стену и как за них держаться. Старик карабается на стену, как объяснил ему мальчик, влезает на окно и думает: «Дай-ка я прыгну в середину!» И вот — шлоппадак!¹⁵ — попал в котел со смолой и там сварился, не успев даже и пикнуть.

Мальчик внизу ждет-пождет — ни звука. «Что же случилось?» — беспокоится он. И он влезает вверх по лестнице, но лишь только он дополз до окна, как изнутри до него дошел запах смолы; он тихо-тихо влезает через окно внутрь, глядь! — хозяин его попал в котел и сварился. «Вай анасыны¹⁶, что мне теперь делать? Когда настанет утро, придут¹⁷, его здесь найдут¹⁷, потом его опознают¹⁷, и меня тогда поймают¹⁷. Лучше всего отрежу-ка я своему хозяину голову, возьму и унесу: тогда никто его не сумеет опознать, да и я сберегу свою шкуру». Рассуждая так, он вытаскивает нож, отрезает голову своему хозяину, тихонько вылезает оттуда, а голову зарывает в землю. Жене старика он говорит: «Вот какие дела, ты смотри — никому ни звука! Вот что: хозяин мой умер, но у нас так много денег, мы и вдвоем проживем где-нибудь». А женщина отвечает: «Ах, дитя мое, да разве я скажу? Никому не открою».

А там, во дворце, наступает утро. Падишах посылает чело- века: приходил ли, мол, вор. Люди открывают казну, входят внутрь, глядят: в котле — человек, но голова у него отрезана, и они не знают, кто это. Они приходят и докладывают об этом падишаху, а падишах приказывает: пусть повесят его на виселице при дороге, а часовые пусть караулят издали и хватают того, кто к нему подойдет. И они поступают, как приказал падишах: вешают старика на виселицу, а сами наблюдают издали. Только мальчик это увидел — он идет к жене хозяина и говорит: «Тетушка, хозяина моего вздернули на виселицу, возьмем-ка его оттуда, унесем и схороним, но только там стоят сторожа, я не могу к ним подкатиться, ступай-ка ты: принарядись немножко, пойди к сторожам и перемигнись с ними. А когда наступит вечер, ты пойдешь к ним, а в это время я и украду хозяина: мы его унесем и похороним». А женщина говорит: «Хорошо», чуть натирает себе лицо белилами и румянами, надевает передке и направляется прямо туда, где находились сторожа. Прогулываясь взад и вперед, она подмигивает сторожам. Сторожа видят — всё у нее как полагается; они делают женщине знаки и,

наконец, уговариваются, чтобы та пришла к вечеру. Тогда женщина идет домой и ждет наступления вечера. Когда наступает вечер, после ятсы, женщина облачается в фередже, идет к сторожам; идет разговор, заигрывания, шум,— и они забывают, что им надо сторожить повешенного человека. А здесь мальчик, уловив момент, приходит, похищает хозяина с виселицы, приносит домой и зарывает. Тогда женщина под благовидным предлогом встает, отходит в сторону и удирает. А сторожа после этого опаматовались; когда посмотрели, глядь! — человек-то похищен с виселицы. Они направляются к падишаху и докладывают, что сегодня вечером вор украл вора, который был повешен на виселице. Падишах опять собирает свой меджлис. «Как бы нам поймать этого вора?» — спрашивает он их. А те и говорят: «Пусть рассыплют перед дворцом один-два мешка золота. Всякий, кто нагнется и возьмет из тех денег одну монету — и будет вор: его мы и схватим». И падишах велит сделать так, как они объяснили, но всякий, кто проходил мимо, боится нагнуться и поднять с земли золотой.

А тот мальчик, проходя мимо, видит золотые, хочет взять, но замечает, что из дворца следят. Не издав ни звука, он идет в дом своего хозяина и спрашивает женщину: «Нет ли какой-нибудь старой пары сапог у моего хозяина?» А та отвечает: «Не знаю. Поднимись на чердак, посмотри». Он поднимается на чердак и, роясь там в старье, находит пару рваных-прерванных сапог. Он берет их и направляется прямо в лавку смолокура. «Смолокур, эти сапоги совсем пересохли, я суну их в котел со смолой, чтобы они немного отмякли, а тебе дам десять пара». Смолокур соглашается. Мальчик кладет сапоги в котел, и все они покрываются смолой. Он надевает их на ноги и идет на базар. Там он за сорок пара покупает пару голубей и приходит прямо ко дворцу. Он выпускает голубей из рук, кричит: «Ой, мои голуби улетели!» и начинает их догонять. Он бежит по золоту, которое было рассыпано по дороге, к его просмоленным сапогам прилипают с земли одна-две окки золота, а мальчик знай кричит: «Ага, ну!» — и бежит вслед за голубями. Никто не обращает внимания на сапоги, что были у него на ногах, и он преспокойно убегае оттуда.

А здесь золотые лежат на улице один-два дня, потом их собирают, глядь! — недостает двух окк золотых. Падишах удивляется этому: «Никто не нагибался и не поднимал золота с земли, — как же это случилось?» — думает он, собирает меджлис

и спрашивает их. В меджлисе говорят: «На этот раз вели повесить по одному золотому на каждый волосок верблюда и выпустить его на улицу, а позади пусть кто-нибудь следит за ним: всякий, кто сорвет с верблюда золотой,— тот и есть вор». И падишах делает так, как они сказали: верблюда выпускают на улицу. Верблюд, долго бродя, подходит к дому мальчика; пока мальчик старался загнать его в дом, он замечает сзади надсмотрщика. Он тотчас оставляет верблюда, идет к надсмотрщику: «Ты здесь прогуливаешься с верблюдом, чтобы поймать вора, а вора-то уже поймали, отвели к падишаху»,— говорит он. А надсмотрщик говорит: «Ну, не ври, правду ли ты говоришь?» — «Правда — вот я сейчас оттуда пришел». Когда он так сказал, надсмотрщик говорит: «Эх, и я бы его посмотрел, что он за человек, да что делать мне с этим верблюдом?» А мальчик говорит: «Оставь — я посторожу, ты иди, а потом, когда придешь, возьмешь верблюда и уведешь». Надсмотрщик и говорит: «Ах, разве это можно? Да где я тебя найду?» А мальчик говорит: «Ну и дурень же ты! Вот мой дом здесь, если хочешь, сделай пометку на двери: когда придешь, отсюда и возьмешь». Говоря так, он убеждает надсмотрщика идти, а на дверь кладет пометку. Надсмотрщик передает верблюда мальчику, а сам бежит бегом. Пока он ходил, мальчик загоняет верблюда в дом, обирает с него золотые, потом закалывает его, кладет в котел, делает хорошую кавурму¹⁸, потом выходит на улицу и, сколько ни было дверей, на всех делает пометку.

А тут надсмотрщик, высунув от бега язык до сапог¹⁹, прибегает во дворец: «Какого вора поймали, где он? И я посмотрю!» — кричит он. А те, кто сидел там, спрашивают его: «Какой вор?! Что ты сделал с верблюдом?» А он говорит: «Я оставил верблюда на одного мальчика, он мне сказал, что вора, мол, поймали». — «Ага, тот, кто взял верблюда, и есть вор. Беги скорей! Кому отдал верблюда, того и приводи»,— говорят ему. А тот говорит: «Коли он — вор, он уже пойман» — и радостно бежит обратно; входит в квартал, глядь! — дверь с пометкой. «Вот верблюд здесь»,— говорит он и колотит в дверь. Изнутри выходит человек. «Где верблюд, которого я тебе отдал, давай, я его отведу назад»,— говорит надсмотрщик, а тот в ответ: «Проваливай отсюда! Ты что, меня погубить хочешь?» — и прогоняет его. Надсмотрщик уходит оттуда, глядь! — и на другой двери пометка. «Ага, это здесь; значит раньше была ошибка»,— говорит он, стучит в дверь, но его и оттуда выгоняют. Когда взгля-

нул он: сколько было дверей в квартале,— все с пометкой. Он и теряет голову: в какой же двери спрашивать верблюда? Наконец он возвращается назад, идет к падишаху и рассказывает все, что случилось, а падишах видит, что таким способом вора не поймать. Он велит теллялям прокричать: «Кто бы ни был вор, пусть явится: я его простил, я хочу только посмотреть, что он за человек, да и дочь свою отдам за него». Так вот телляли и кричат.

Как только мальчик это услышал, он встает, идет к падишаху и говорит: «О падишах, вор — это я». Падишах смотрит на его обличье: «Пошел отсюда! Чтобы ты да был этим человеком?!» — говорит он и не верит ему. А мальчик клянется: «Я и есть тот человек». А падишах говорит: «Ну, если ты вор, так укради у падишаха Хинда²⁰ его кошку и собаку и принеси мне,— тогда я поверю». А мальчик говорит: «Очень хорошо, ваша воля для меня закон»²¹. Он делает дорожные приготовления и отправляется в путь. За немного времени прибывает он в Хиндистан. Там он заказывает себе шкуру, привешивает на каждый волосок той шкуры по бубенчику и заказывает плотнику сундук. В тот вечер он идет ко дворцу падишаха, вбивает в стену гвозди, влезает наверх и пробирается во дворец. Бродя по дворцу, он попадает в покои, где спал падишах. Глядь! — а падишах спит в колыбели, и девушка с мастикой во рту, которую она жевала, качает падишаха в колыбели. Он ждет-пождет, чтобы девушка уснула и чтобы ему войти внутрь, а девушка даже глаз не смыкает. Что ему делать? Он старается украсть мастику из рта у девушки. Он вырывает из головы волосок и начинает просовывать его в комнату через щелку двери. Протягивая волосок, он всовывает его в рот девушке. Волосок прилипает к мастике, он тащит волосок вместе с мастикой и крадет мастику из рта у девушки. После этого проходит немного времени, и девушка погружается в сон. А мальчик скорее входит в комнату и будит падишаха. Падишах проснулся и видит — полночь, а у изголовья кто-то стоит. Мальчик встряхнул шкуру на своей спине и лишь только бубенчики, подвешенные на спине, начали звенеть — джынгыр-джынгыр²², — он и говорит падишаху: «Я — Азраил²³, я пришел взятъ твою душу; если ты хочешь еще жить, то вставай, лезь в этот сундук: тогда не возьму твою душу». А падишах, только его увидел, со страху не знает, что и делать. Азраила он никогда не видал, да и как ты его узнаешь? «Может, Азраил такой и есть», — думает он, со страху встает и лезет в

сундук. А мальчик закрывает крышку, взваливает сундук на плечи и выходит из двorca.

Мало ли идет, долго ли идет, после одного-двух дней пути он спускает со спины на землю сундук и говорит: «Эй, падишах! Если ты хочешь, чтобы я не брал твою душу, то, когда я скажу тебе: кочы-кочы²⁴, ты лай по-собачьи, а когда я скажу тебе: писи-писи²⁴, ты мяучь по-кошачьи». А падишах говорит: «Хорошо, милый! Что хочешь, то и буду кричать, только не бери моей души». — «Эх, если ты будешь так делать, тогда души не возьму», — отвечает он, снова взваливает на спину сундук и отправляется в путь. Идет он, идет, подходит к окраинам города; он ставит на землю сундук, говорит: «кочы-кочы» и прикладывает ухо к сундуку: изнутри падишах лает, как собака: «хав-хав»²⁴, потом он говорит «писи-писи», и падишах мяучит: «мрнау-мрнау»²⁴. «Ага, вот так. Когда я тебя окликну, ты подавай голос», — говорит он, берет сундук и предстает прямо пред очи падишаха. «Вот, о падишах, я принес кошку и собаку, которых ты пожелал: они в сундуке», — говорит он. А падишах говорит: «Пошел отсюда, кто знает, где ты поймал эту собаку и кошку». А мальчик говорит: «Дорогой мой²⁵, ты их узнаешь по голосу, кликни-ка их разок». Падишах подходит к сундуку; когда он сказал «кочы-кочы», оттуда послышался лай — «хав-хав»; потом он кричит «писи-писи», и снова оттуда раздается голос, как кошачье мяуканье — «мрнау-мрнау». Но так как этот голос был не очень-то похож на голос этих животных, то падишах приказывает открыть крышку сундука, глядь! — а в сундуке падишах Хинда в ночной рубашке сидит, забившись в угол. Увидев его, падишах и говорит: «Эй, негодяй! Я разве сказал тебе «Доставь мне самого падишаха», что ты отправился и принес его?» — выговаривает он мальчику. А мальчик говорит: «О падишах, что мне делать? Если бы я не принес его самого, а принес бы кошку и собаку, тогда бы ты мне не поверил, и вот я нарочно принес его, чтобы ты потом не разводил лишних разговоров». И падишах со словами «Ла хавле»²⁶ вытаскивает падишаха Хинда из сундука. «Прости, о султан: бьемся мы вот у нас с таким шарлатаном — он над нами разные шутки шутит». Говоря так, он успокаивает сердце падишаха Хинда, дает ему в сопровождение немного воинов и отправляет снова в Хиндистан.

А теперь мы здесь перейдем-ка к мальчику! Он говорит падишаху: «О падишах, вот твое приказание я выполнил, теперь и ты исполни свое обещание: выдай за меня свою дочь». А пади-

шах думает: «Как выдать дочь за такого разбойника?» — и говорит: «Я выдам за тебя дочь, но сперва я тебе дам сорок штук зайцев. Ступай, попаси их в горах, а через сорок дней пригони их снова во дворец, как стадо баранов, и чтобы все видели! Если хочешь одного упустишь — сниму с тебя голову». Мальчик говорит: «Хорошо» — и соглашается. Затем он собирает зайцев в мешок, идет в горы, спускает мешок на землю, открывает его, и все зайцы разбегаются, прячутся по одному в корнях кустарника. Мальчик, увидев это, растерялся: «Ах, вот когда мы судьбу свою нашли!» Чтобы поймать их, он бежит туда, бежит сюда: только одного поймает — другой убегает. И так вот мальчик бежит по тем горам ровно тридцать девять дней, а сам и двух зайцев не может принести в одно место. Он думает, что если завтра он придет к падишаху, тот велит его схватить и убить. «Лучше всего сбега-ка я отсюда», — думает он и, задрав пятки — хабири! ²⁷ — удирает.

Идет он, идет и в тот же день приходит на горную цепь ²⁸. Глядь! — огонь охватил дерево: оно горит, а на ветке дерева обвилась змея; медленно-медленно огонь приближается к ней. Мальчик, увидев это, останавливается и смотрит, как будет гореть змея. Вдруг эта змея заговорила по-человечьи: «Эй, сын человека! Если ты спасешь меня из этого огня, я исполню всякое твое желание». Мальчик испугался того, что змея заговорила. «Это что же такое? Змея говорит», — думает он и хочет бежать, а змея кричит ему вслед, умоляет: «Смилуйся, не бросай меня так в огне на глазах у себя! Не бойся: тебе не будет от меня вреда, а, может быть, будет добро». В сердце мальчика входит жалость; он привязывает к концу шеста шапку с головы, протягивает ее, и лишь только змея с ветки шипя заползла в шапку, мальчик потянул шест и спас змею. Змея говорит: «Ах, сын человека, ты меня спас из огня; проси у меня, чего хочешь». А тот в ответ: «Чего я буду просить? Ничего я не хочу, хватит с меня моих бед! Падишах дал мне сорок зайцев, чтобы я их пас, а потом пригнал бы их по городу во дворец стадом; если их не пригону, срубят мне голову, а я их здесь выпустил, и все разбежались. Сегодня исполнилось тридцать девять дней, а мне еще и двоих в одно место не удалось пригнать. Вижу, что тут ничего не выйдет; тогда я покинул город и бежал, чтобы падишах меня не схватил». А змея и говорит: «Человек, да разве это работа? Я тебя научу кое-чему, ты их всех поймаешь». А мальчик и говорит: «Помилуй, только ты и можешь помочь» — и начинает умо-

лять змею. Змея говорит: «Ты теперь ступай, ищи их, и если где увидишь, то, чуть только скажешь: «шап»²⁹, — как они прирастут к тому месту, где были, а скажешь: «шекер»³⁰ — они начнут идти; так ты всех их соберешь и отведешь, куда хочешь». Мальчик услышал это и обрадовался; он берет толстое полено и начинает перерывать в корнях кустарника. И вот — только зайцы начали прыгать из кустов, мальчик говорит «шап», и зайцы прирастают к тому месту, где были. И вот в тот день он таким образом собирает всех зайцев и сгоняет их в одно место. На другой день, собрав все стадо перед собой, он говорит: «шекер» — зайцы начинают идти; но если какой-нибудь из них пробует убежать, он говорит «шап», и тот остается на месте.

Не будем затягивать! Таким вот образом пригоняет он зайцев в город: скажет «шап» — те стоят на месте, скажет: «шекер» — начинают идти. Он приводит их прямо перед очи падишаха. Падишах, увидев это, изумился, а мальчик говорит: «О падишах, вот я выполнил твое приказание, теперь обручи со мной твою дочь». А падишах говорит: «Сынок, я не думал, что ты приведешь так своих зайцев, и потому дочь свою обручил с другим». Мальчик видит, что с падишахом ничего не поделаешь. «Эх, очень хорошо ты сделал, — просто твоя дочь мне не под стать была, — но сколько ты меня заставил перенести! Сделай меня хоть капыджы-башы³¹ во дворце — с меня довольно этой должности». Услышав это, падишах говорит: «Хорошо, такие люди, как ты, мне нужны» — и делает его капыджы-башы.

Пусть он там останется. А здесь кончается свадьба дочери падишаха, и девушка остается наедине с женихом. В ту ночь мальчик просверливает дыру в потолке той комнаты³², где находились молодые, и оттуда смотрит вниз: молодой и девушка раздеваются, ложатся в постель и крепко обнимают друг друга. Видя это, мальчик говорит: «шап», и оба остаются приклеенными³³ друг к другу. Наступает утро, падишах ожидает, что придет молодой; проходит кушлук: ни зятя, ни дочери нет. «Что за чудеса, что с ними случилось?» — говорит он и посылает человека, чтобы посмотреть. Пришедшие люди слушают из-за двери — внутри никто не подает ни звука. «О горе, что же случилось — умерли они, что ли?» — говорят они, ломают дверь, и только вошли внутрь, глядь! — молодой и его жена склеились друг с другом. «Что с вами случилось, что это за несчастье?» — спрашивают их, а те говорят: «И мы не знаем: вот так с самого вечера мы склеились друг с другом». Что тут делать? Люди идут

к падишаху и докладывают, что нынче ночью в невесту и жениха вселились джинны, и вот они не могут встать со своего места. А падишах встает, идет туда, где были молодые, старается их высвободить, но ничего не может сделать. А мальчик-то сидел на потолке. Он говорит «шап», и на этот раз прирастает к месту и падишах. Тогда мальчик спускается оттуда и идет к падишаху. Падишах старается себя освободить, все время бьется, но никак не может освободиться. Лишь только он увидел мальчика, он говорит: «Сынок, ступай: в таком-то квартале есть старуха-ворожея; сила ее велика, позови ее, пусть она почитает над нами, может, и спасет нас». А мальчик говорит: «Очень хорошо, о падишах»,— идет, находит дом той женщины, стучит в дверь и говорит: «Матушка, скорее бери свои книги, иди почитать над падишахом, потому что его схватили эджинны». А женщина говорит: «Очень хорошо, сынок» — надевает фередже, берет под мышку свои книги и отправляется вместе с мальчиком.

На пути, по которому они идут, был мост. Мальчик через мост не идет, а идет другим способом: бросается в воду и переправляется через речку вплавь, а женщине говорит: «Матушка, подними немного подол и переходи». Женщина думает, что вода мелкая, поднимает подол и входит в воду. Она прошла немного,— вода доходит ей до колен. «Помилуй, да здесь никак глубоко, я вернусь назад»,— говорит она, но мальчик советует: «Подними еще немного подол, не бойся» — и заставляет женщину еще больше поднять. Только она, подняв до самого пояса подол, с трудом перебралась на ту сторону реки, как мальчик говорит «шап», и подол женщины прилип к ее поясице. Мальчик начинает подгонять женщину кулаками совершенно открыто: «Ну-ка, иди передо мной» — и заставляет идти, а женщина — что делаешь? — идет. Они входят на торговую площадь, и мальчик говорит народу: «Поглядите: эта женщина с ума спятила — открыла себе задницу; плюйте в нее!» Каждый начинает плевать в старуху, а он все время угощает ее тумаками и вот этак доводит бедную женщину до самого дворца. Только они пришли туда, как он говорит «шекер», и подол женщины опустился. Женщина говорит: «Ох, слава аллаху» — оправляет на себе одежду, входит во дворец и направляется к падишаху. А падишах, только увидел женщину, тут же и говорит: «Смилуйся, дорогая, посмотри, какое с нами произошло несчастье: все мы здесь приросли к месту. Иди, почитай над нами; твое дуновение властно, и мы спасемся». Женщина говорит: «Не бойся, о падишах: сей-

час я почитаю, и ты освободишься». Она открывает свою книгу и только начинает читать, как мальчик с другой стороны говорит «шап», и женщина с книгой в руке прирастает к тому месту, где находилась. Увидела это женщина и начинает кричать: «Ох, и со мной приключилось! На какую беду я сюда пришла?» Все, кто ее слышит, собираются туда, а мальчик говорит «шап, шап» — и пришедшие остаются на месте.

Не будем затягивать! Дворец наполняется людьми, и все прирастают к месту, никто не может и пошевелиться. Тогда мальчик становится против падишаха и говорит: «Эй, падишах, видел, какую беду наслал на тебя аллах? Ты сперва пообещал мне свою дочь, но слово свое не сдержал, за это и попал в такую беду». А падишах говорит: «Смилуйся, сынок! Только освободи меня, а уж дочь-то мою я за тебя отдам»,— клянется он. А мальчик поверил. Он делает вид, будто что-то читает; лишь только он стал говорить «шекер», освобожденные убегают, и, сколько там ни было человек,— все освобождаются. Приходит очередь падишаха, он и ему говорит: «шекер» — и тот освобождается. «Ох, благодарение аллаху»,— говорит он. Тогда мальчик освобождает невесту и жениха. Лишь только молодой освободился, он говорит: «Проклятие вам! Ни тебя не хочу, ни твоей дочери» — и убегает. А падишах идет на свое место и садится. Он велит созвать хаджи и ходжей и велит обручить свою дочь с мальчиком. После праздника свадьбы в сорок дней, сорок ночей мальчик становится молодым, остается наедине с девушкой, достигает своего желания и живет в покое до самой смерти. Они достигли своих желаний,— достигнуть бы и нам!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сказка о сыне падишаха

¹ Стереотипное начало турецких сказок, соответствующее русской сказочной формуле: «жили-были».

² Дословно: «весь мир перемешался» (пришел в беспорядок).

³ По-русски сказали бы: «пускается бежать во все лопатки».

⁴ Звукоподражание, образованное по типу парных словосочетаний (ср. русское: «бум-бум», «трах-тарарах» и т. д.), которыми турецкий язык очень богат. Данное выражение как бы картинно передает звуки колебания и падения. В других турецких сказках употребляется также тогда, когда речь идет о качании колыбели или люльки.

⁵ По старым представлениям на Ближнем Востоке, гость обязательно является на ночевку и чаще всего на несколько дней. Поэтому как в арабском, так и в старом турецком языке «гость» и «путешественник» обозначались одним словом. Распространенное на Кавказе выражение *кунак* (турецкого происхождения) также происходит от глагола «ночевать», «останавливаться на ночь».

⁶ В переводе сохранена турецкая рифмовка 2-го и 3-го элемента фразы. ⁷ Волшебная птица, помогающая герою. Само название (более известна форма *Симург*) и образ — иранские (по указанию А. А. Фреймана, встречаются еще в Авесте). В наших сказках та же птица называется еще *Изумруд-Анка* (см. сказку 3).

⁸ В турецком фольклоре междометие *гак* соответствует нашему «карк» (воронье карканье).

⁹ *Плешак*, «плешивый», «паршивый», «лысый» — колоритная фигура турецких сказок. Этот внешний атрибут (парша или экзема), по представлению сказки, всегда типичен для плута, пройдохи и ловкого мошенника, — поэтому все другие персонажи относятся к *плешаку* с недоверием и осторожностью. Иногда *плешак* прикидывается дурачком, но под конец неизменно надувает других героев сказки.

¹⁰ В Турции ремесленники издавна объединялись в *цехи*. Цеховая организация при централизованном султанском аппарате была подчинена нуждам армии; тем не менее, цехи имели свое управление.

¹¹ В оригинале *чырак*, цеховой термин для обозначения подмастерья или ремесленного ученика (первая ступень в турецкой цеховой организации).

¹² Это выражение во всевозможных вариантах (*в той стороне, с той стороны и т. д.*) надо отнести к числу таких сказочных формул, которые предупреждают о переходе рассказчика к другому месту действия и, следовательно, к другим действующим лицам. Само выражение *в этой стороне* и близкие ему по существу заменяют деление на главы и представляют собою продолжение персидской традиции (ср. персидское: *аз ин джани́б* — с этой стороны), на что указал еще В. Д. Смирнов («Очерки истории турецкой литературы», стр. 447). Хотя подобные выражения и являются как бы ино-родным телом в организме сказки, мы в переводе точно сохраняем их как типичную особенность турецкого сказочного стиля.

¹³ Дословно: «он (т. е. лысый) брызгает воду на сердце ювелира».

¹⁴ *Буза* (по-турецки *боза́*) — особый напиток, готовится из проса, — нечто вроде старинного русского сбитня.

¹⁵ Мастерская ремесленника и лавка торговца обозначаются по-турецки одним и тем же словом *дюккян* (из арабского; ср. слово «духан» в языке русских Закавказья).

¹⁶ Звукоподражание. Отдельно *так-так* как бы передает звуки ударов молотка, который очевидно понадобился парню только для того, чтобы разбивать им орехи. Все сочетание указывает на беспечность и беззаботность парня; это нечто вроде «тра-ля-ля!»

¹⁷ Характерная вставка от имени рассказчика.

¹⁸ Обычный эпический срок для празднования пышной свадьбы, после чего жених входит в брачную комнату.

¹⁹ Идиоматическое выражение. Смысл его: «разбила бы мне голову в кровь». В быту виноградный сок (*пекмэз*), сваренный в сахаре, широко распространен не только в Турции, но также в Закавказье и в южном Крыму.

²⁰ Стереотипная фраза; ею герой хочет сказать, что он не помнит зла.

²¹ Стереотипная концовка сказки. Целью каждой сказки как бы является рассказ о том, как герои *достигли своих желаний*. Казахские сказки часто оканчиваются такой фразой: «голова его достигла желания». То же заключение встречается и в азербайджанских и крымскотатарских сказках. Характерны в этом отношении турецкие заглавия отдельных сказок: «Девушка, достигшая своего желания» и т. д.

2. Трехлапый дэв

¹ Обычное занятие дурачков и простачков в сказке.

² Первоначально это слово (иранского происхождения) обозначало упряжку в два вола, а потом — количество собственной земли, которую хуторянин (*чифтчи́*) мог обработать, владея двумя волами. Официально такой земельный участок назывался *чифтлик*. Слово попало в болгарский, сербский и целый ряд других языков.

³ По восточному представлению, душа, покидая тело, уходит именно через нос, а не через рот. «У него душа в нос ушла» (т. е. близка к тому, чтобы выйти из тела), — говорят турки в тех случаях, когда по-русски говорят: «Душа в пятки ушла».

⁴ Междометие *аман* (из арабского) означает: «помилуй, пощади, смилуйся!» Второе слово (*маман*) самостоятельного значения не имеет и только усиливает выразительность первого.

⁵ Имеется в виду бассейн или водоем (*хаву́з*), который на жарком во-

стоке устраивается во дворе дома. Слово существует в языке русских, живущих в Средней Азии (однако с перенесенным ударением: *хавуэ*).

⁶ Обычный атрибут сказочного араба.

⁷ *Турушуджү* — торговец всякими соленьями и маринадами.

⁸ По-турецки дословно: «на голову кладу я ваше желание» (т. е. охотно его выполняю).

⁹ Или: «одна» (грамматически женский род в турецком языке не выражается).

¹⁰ Соответствует русскому: «разлетается в пух и прах».

¹¹ Радостная весть (*мюждэ*). При отсутствии газет эти и другого рода вести распространялись устным путем, и принесшему радостную весть полагалась денежная награда от того, к кому эта весть непосредственно относилась.

¹² *Кантáр* — мера веса (около 100 кг); так же называются и весы (точнее: «безмен»). Слово попало и в некоторые русские диалекты (под формой: *кантарь, кентарь*).

¹³ См. прим. 8 к сказке 1.

¹⁴ Многоженство, разрешаемое исламом, в турецких сказках все же упоминается редко.

3. Дэв Рюзгяр

¹ В начале сказки весьма затейливая присказка. В переводе сделана попытка, сохраняя рифмы там, где они есть в подлиннике, передать нарочито составленный «набор слов» турецкого текста. Настоящая присказка сложнее, чем те, которые обыкновенно встречаются и которые входят в данную как ее составные части.

² Звукоподражание. См. прим. 4 к сказке 1.

³ *Бекүр-Мустафа*. В турецкой фольклорной традиции известен некий Бекүр-Мустафа — тип пьяницы, о котором существует ряд анекдотов. Один из таких анекдотов введен турецким писателем (XIX в.) Ахмедом Мидхатом в его роман «Сквозь щель шкафа». См. также крымскую сказку о *Бекри-Мустафе* в журнале «Литература и искусство Крыма», № 2, 1935.

⁴ Дословно: «розовая» (от окрашивания хенной).

⁵ Звукоподражание, как бы передающее колебание чего-то дрожащего.

⁶ Специфическое фольклорное выражение для описания страстной любви.

⁷ Здесь имеется в виду птица-самец. В переводе, по требованию русского языка, эта птица формально фигурирует в женском роде.

⁸ То же, что *Сумуранка* (см. прим. 7 к сказке 1).

⁹ Слово *рюзгяр* означает: «ветер», «вихрь» (а также «судьба» и «эпоха»). С этим прозвищем согласуется и описание самого дэва, которое см. ниже в тексте сказки.

¹⁰ Дословно: «ставят в положение только что поженившихся».

¹¹ Обычная сказочная формула, указывающая на быстрое течение времени.

¹² Сказочная формула, которой описываются долгие странствования героя. Рифмующиеся части в переводе сохранены.

¹³ По-турецки *кёшк*, откуда через греческое посредство общеизвестное слово «киоск». Однако, ввиду узкоспециального значения, которое в современном русском языке имеет слово «киоск», мы в переводе предпочитаем слово «зáмок» (в ряде случаев «беседка», «павильон»).

¹⁴ Здесь впервые упоминается имя *шахзадэ*.

¹⁵ Соответствует «живой воде» русских сказок.

¹⁶ Кроме обычного своего значения в русском языке, это турецкое (а не татарское и пр.) слово означает «оголовье» конской уздечки, или особое приспособление, которое летом надевают на головы лошадям для защиты их от мух.

4. Два брата

¹ В данном месте сказка пользуется словом *vapór* (из итальянского) — парокход, а дальше всюду стоит слово *гемí* — корабль.

² Т. е. выполняет роль глашатая или *телляля*.

³ См. прим. 9 к сказке 1.

⁴ Звукоподражание.

⁵ См. прим. 4 к сказке 2.

5. Сказка о дровосеке и волке

¹ Турецкое площадное ругательство

² См. прим. 4 к сказке 2.

6. Сын рыбака

¹ Кофейня, как и баня, в старой Турции заменяла клуб.

² *Эфенди ты мой* — обращение рассказчика к слушателю (читателю).

³ Отсюда и далее — характерная концовка. Мотив о трех яблоках часто встречается и в азербайджанских сказках. Хюснi — имя собственное.

7. Бедный мальчик

¹ По-турецки *кону-комшу*, т. е. «соседи-соседи». Грамматически мы имеем здесь парное словосочетание, в котором только второй элемент имеет полное значение, а первый является своего рода усилителем. Подобные сочетания (разных типов) очень распространены в турецком языке, особенно в разговорной речи.

² *Чин* — Китай, в турецких сказках изображаемый далекой и благодатной страной.

³ В оригинале парное сочетание двух синонимических глаголов (*битмэз-тюкенмэз*): «не кончается» плюс «не истощается».

⁴ Здесь имеется в виду старинный восточный обеденный стол (*софра*) в виде широкой, покрытой скатертью доски на полу. Стол на четырех ножках, появившийся в Турции позднее, называется по-турецки *масá* (по-видимому, из румынского *masa*).

⁵ По-арабски это обозначает особый тип приветствия (нечто вроде «отдания чести» в военном обиходе): правая рука прикладывалась к губам, ко лбу и сердцу в знак того, что уста, ум и сердце отдающего *теменнá* настроены благожелательно к его собеседнику. Первоначальное слово *теменнá* обозначало именно «благожелание», «доброе пожелание» (конечно, с религиозным оттенком).

⁶ Дословная передача турецкого парного сочетания отглагольных прила-

гательных пассивного значения: *йыртък пыртък*. К последнему слову имеет отношение *пыртби* (лохмотья, рвань), от которого проф. Ж. Дени производит русское «порты» и все его лексические разновидности.

⁷ См. прим. 12 к сказке 1.

⁸ Обычно сказка называется своей героиней девицей (а героя — мальчиком) на протяжении всего рассказа, нисколько не считаясь с тем, что героиня вышла замуж, а герой уже вошел в зрелый возраст.

⁹ В оригинале *лалé* — железное кольцо, которое надевали на шею преступникам.

¹⁰ Сказочная гора, которая якобы находится на краю света. Название арабское.

8. Сын падишаха и дэв

¹ Перевод точно передает рифмованную прозу турецкого оригинала.

² Здесь кончается присказка с двумя рифмующимися частями. *Каван* — котел.

³ Более или менее точный перевод турецкого идиома: «о девушке нельзя прийти ни имени, ни молвы».

⁴ Или гадателей по «знамениям небесных светил». Колоритная для Востока фигура звездочета выведена в сказке 74.

⁵ Так обычно гадали гадатели по песку (*реммáль*).

⁶ См. прим. 10 к сказке 7.

⁷ Характерная рифмовка передана в переводе совершенно так же, как это имеет место в турецком тексте.

⁸ Так описывает турецкая сказка внешнее проявление испуга.

⁹ См. прим. 6 к сказке 1.

¹⁰ См. прим. 5 к сказке 3.

¹¹ Дракон, названный в оригинале *ажджерхá*, *эждерхá*, *эждэхá* (слово иранское), в турецких сказках упоминается сравнительно редко.

¹² Дословно: «да будет (к тебе) любовь» (как бы: «ото всех»). Обычное в старом турецком языке выражение; ср., например, в рифмованной пословице (книжного происхождения): «Мир — это белый курдюк: хвала тому, кто сумеет его куснуть»; «Мир — это колесо судьбы: хвала тому, кто сумеет его повернуть».

¹³ В мусульманском быту пятница *соответствовала* христианскому воскресенью.

¹⁴ *Кафтан* — верхняя одежда (почетная), нечто вроде халата.

9. Волшебная роза

¹ Очень интересная присказка, отдельные элементы которой уже встречались в предыдущих сказках. В первых двух частях встречаются характерные рифмы.

² См. прим. 4 к сказке 1.

³ Сказочная страна, якобы примыкающая к Китаю.

⁴ Так мы переводим идиоматическое турецкое выражение: «та сторона — твоя, а эта — моя», что означает: «мне до тебя дела нет». Иногда мы переводим это же выражение через русское «была не была».

⁵ По-турецки тоже синонимическое сочетание двух слов, значит оно: «голодный и обнаженный (раскрытый)».

⁶ См. прим. 13 к сказке 3.

⁷ В подлиннике: «родил девять раз».

⁸ По-турецки *дюшкюн адәм*, что значит «падший, опустившийся человек» (глагольный корень *дюш* — падать).

⁹ *Джады́* (из иранского) — колдунья.

¹⁰ Дословно: «на боку».

¹¹ Характерная рифмованная вставка от рассказчика. Словам *в беду влеглим* по-турецки соответствуют «поднимем кутерму (переполох)».

¹² Кофейня заменяла для посетителей не только ресторан, но и гостиницу; сказка не раз упоминает о том, что какой-то герой останавливается в кофейне.

¹³ Совершенно точный эквивалент турецкого проклятья *кёр оласы́* — ослепнуть бы ей (ему)!

¹⁴ См. прим. 5 к сказке 3.

¹⁵ Дословно: «желаешь».

¹⁶ См. прим. 5 к сказке 2.

¹⁷ См. прим. 8 к сказке 8.

¹⁸ Рифмованная концовка.

10. «Сорок»

¹ Под названием «сорок» (*кырклар*) суевская масса старой Турции подразумевала особую группу сорока «неземных» или сорока «святых», причем эти «сорок» относились к людям далеко не всегда благожелательно: в частности, была опасность утратить человеческий облик и слиться со средой этих «сорока», т. е. навсегда погибнуть для «жизни этого мира», как выражаются турецкие сказки. Этот последний мотив, связанный с мотивом превращения, и лежит в основе нашей сказки.

² В дословном переводе — «пупочный камень» (пупок — центр). Так называется большой каменный помост посреди старой турецкой бани, на котором сидели и «парились»; в нижней части *гёбек-ташы́* находился камин.

11. Цветок повилики и сын падишаха

¹ Здесь явное противоречие с началом сказки, где говорится, что отец именно советовал ехать по левой дороге. Однако дальнейший ход действия согласован именно с такой трактовкой, а не с той, которая дана в начале сказки.

² В оригинале популярная поговорка (правда, с внутренней рифмой, а не с ассонансом) на ту тему, что «сперва привет, а потом (самый) разговор». Есть вариант: «сперва обед, потом разговор», соответствующий русскому: «соловья баснями не кормят».

³ См. прим. 12 к сказке 1.

⁴ В оригинале слово *халляль*. См. Указатель.

⁵ Своего рода «черный алфавит», буквы которого, по поверью, заключают в себе волшебную силу.

12. Гюль-султан

¹ Рифмованная присказка.

² По-видимому, испорченная в устах неграмотного сторожа, не знающего по-арабски (надо: *билляхи*), религиозная мусульманская формула: «клянусь аллахом!».

³ Дословно: «султанша-роза».

⁴ Звукоподражание.

⁵ По-турецки дословно: «тяжелые» (в противоположность «легким»). Вся фраза также относится к числу сказочных шаблонов или формул.

⁶ Звукоподражание.

⁷ Дословно: «то садясь, то вставая».

⁸ См. прим. 11 к сказке 2.

⁹ В оригинале совершенно непереводимое на другие языки выражение того же значения.

13. Салкым-зюмбюль

¹ См. прим. 11 к сказке 3.

² Звукоподражание, передающее плеск воды.

³ Дословно это сказочное имя обозначает «кисть гиацинта».

⁴ Или мастику (*sakız*), которую жевали: это была такая же привычка, как в старину у нас привычка нюхать табак.

⁵ Холодные северо-западные ветры (*kará eľ*), дующие зимой в бассейне Черного моря.

⁶ Турецкий порядок слов.

⁷ Рифмованная сказочная формула, при посредстве которой рассказчик переводит описание с одного героя на другого. Игру слов подлинника (*кысá* — короткий и *кыссá* — рассказ) в переводе не удалось сохранить.

⁸ Так мы передаем турецкое выражение *амбэр сүб*, что значит «вода с амброй».

14. Сказка о сыне купца

¹ Рифмованное начало сказки. Сочетание *эс-пэс* особого значения не имеет.

² В турецком оригинале — парное словосочетание (*мал-манáл*), в котором второй элемент не имеет никакого логического значения.

³ По-турецки *дал каву́к*, что, собственно, значит: «лысая чалма», а конкретно: «паразит», «прихлебатель», «подхалим».

⁴ В оригинале ошибочно: «вытащишь».

⁵ Собственно, переметная сума (*хэйбэ*), которая свешивается по обе стороны выючного животного.

⁶ В оригинале не слово *одá*, которым всегда обозначается комната, а *собá*, что в турецком языке значит «печка», и только в венгерском (и отсюда по-сербски) означает комнату. Эта особенность свойственна языку только адакалийских сказок, в лексике которых заметно влияние южнославянских языков.

⁷ Красивая женщина в турецких сказках всегда сравнивается с «луною 14-го дня»; в иранской поэзии известен эпитет «лунолика».

⁸ См. прим. 10 к сказке 7.

⁹ См. прим. 8 к сказке 8.

¹⁰ В оригинале слово «*бахшиш*» (из иранского), которое означает также всякого рода подношения, чаевые и даже взятку (*бахшиш*).

15. Падишах Чина

¹ Рифмованная присказка. Непереведенные слова не имеют реального значения. *Кёстёк*, оставленное без перевода для рифмы, означает «цепочка» и «путы». *Агá* — старший брат (в старом языке также: «барин, господин»). *Рассказам дается имя, кто слушает, тот доволен ими*, — более точно: «Я назвал это рассказом; кто слушает, тот знает его вкус». *Гюль-ханым* или *Гюль-ханым* (в оригинале синонимичное *Гюль-кадын*) значит «женщина-роза» или «женщина роз».

² См. прим. 2 к сказке 7.

³ В оригинале *налбын* (переделано из арабского слова «*налэйн*» — в двойственном числе, т. е. «две туфли», собственно: «две подковы»), что означало род сандалий, которые, между прочим, полагалось надевать при входе в мечеть, оставив у порога свою собственную обувь.

⁴ По-турецки также двойное словосочетание (*аслыны — нэслини*, дословно: «его происхождение и поколение»).

⁵ См. прим. 1 к сказке 10.

16. Дочь падишаха Чина

¹ См. прим. 3 к сказке 9.

² См. прим. 2 к сказке 7.

³ Отчасти эквивалентно русскому «полезет на стену».

⁴ См. прим. 7 к сказке 14.

⁵ Звукоподражание, которое как бы передает звуки храпа.

⁶ Т. е. погубить нас.

⁷ По-турецки эквивалентное выражение: «слова, которые не идут ни к веревке, ни к рукоятке (топора)», т. е. бессмысленные слова. Турецкое выражение возникло, по-видимому, из арго дровосеков.

⁸ В оригинале арабское слово *qurban* (жертва, жертвенное животное). Имеются в виду мусульманские ритуальные жертвоприношения.

⁹ Рифмованная шаблонная вставка, которая попадает в турецких сказках довольно часто.

¹⁰ По-турецки дословно: «твоя кровь пусть будет на твою (же) шею!»

¹¹ Чтобы девушку не видел в лицо посторонний мужчина (врач).

¹² Звукоподражание шуму и звону.

¹³ См. прим. 13 к сказке 8.

¹⁴ Рифмованная концовка.

17. Джейлен-ханым и сын падишаха

¹ По-турецки *чешмэ* (из иранского), т. е. источник, отделанный камнем и имеющий вид каменной плиты с краем, откуда берут воду. Помимо Турции, слово это распространено повсюду на Балканах. Слово и предмет, им

обозначаемый, на каждом шагу встречаются в пределах Крыма. По своему типу к *чешмэ* относится и знаменитый Бахчисарайский фонтан, воспетый Пушкиным и Мицкевичем.

² Этот мотив в турецких сказках встречается неоднократно.

³ Дословно: «Газель-ханым». *Джейлэн*, или, правильнее, *джейран*, означает «газель».

⁴ Рифмованная стереотипная фраза, которая постоянно встречается в сказках.

⁵ Так же дословно и по-турецки (*кулак-тан ашык олдум*), что может, однако, обозначать и «влюбился понаслышке».

⁶ Поговорка.

⁷ В подлиннике *бэйитлёр*, что, собственно, означает двустишия (по литературной традиции). На самом же деле, как можно убедиться ниже по тексту нашей сказки, девушка читает импровизированные четверостишия скорее фольклорного стиля.

⁸ По-турецки *тюльбэнт*, что означает «тонкий батист».

⁹ В оригинале «арин» девушки написаны восьмисложными четверостишиями с порядком рифм *a — a — a — b*. Все три строфы, которые произносит девушка, хотя и разобщены прозой, но все же представляют собой нечто цельное.

¹⁰ Слово это здесь поставлено, очевидно, для рифмы: лед (*буз*) — звезды (*йылдыз*). Это — довольно шаблонная для турецкого фольклора рифма.

¹¹ Собственно, «обруч». Так называется женская повязка на лбу. *Чембёр* фигурирует в свадебном обряде (ср. хотя бы известную крымско-татарскую песню, в переводе звучащую так: «Не плачь, невеста, не плачь! На голову себе *чембёр* не повязывай»).

¹² См. прим. 5 к сказке 12.

18. Три померанца

¹ См. прим. 2 к сказке 17.

² Мусульманская формула: «Клянусь аллахом!»

³ Переведено: «которых» (а не «которые»), так как под померанцами подразумеваются девушки (т. е., грамматически выражаясь, одушевленный предмет).

⁴ Перевод отражает ту непоследовательность конструкции, которой отличается эта фраза в оригинале.

⁵ Стереотипная фраза с рифмовкой (*сатёр-мы — катёр-мы*), которую обыкновенно обращают к разоблаченному злему гению сказки.

⁶ Дословный перевод.

⁷ Рифмованная концовка.

19 Сказка об одном дервише

¹ Ну, а вечером как? В переводе сохранены толкование и пунктуация, которые предлагает И. Кунош. Иначе этот оборот можно понять как одну из форм обстоятельства времени в отношении последующей фразы.

² В подлиннике мусульманские термины *халъль* и *харам*. См. Указатель.

³ Собственно, «отец-дервиш» (форма обращения к дервишам).

⁴ В записи Куноша, очевидно, ошибка: «когда прикажет» вместо предлагаемого нами «вырастет». Разница в начертании этих двух слов, если учитывать притом особенности адакалийского произношения, сводится к одной букве *ρ*.

⁵ Обычное описание детской красоты.

⁶ Т. е. закалывает баранов по мусульманскому ритуалу.

⁷ См. прим. 12 к сказке 1.

⁸ В Турции различаются: крытые торговые ряды (*чаршб́и*) и открытый рынок (*пазар*). В этих торговых рядах, кроме собственно лавок, находились и мастерские ремесленников.

⁹ *Сарра́ф* — меняла. В виду особенностей финансовой политики старой Турции размен денег всегда представлял там затруднения. Этим пользовались частные предприниматели (*саррафы*), которые сидели на рынках и на улицах и производили размен денег за довольно высокий комиссионный сбор.

¹⁰ На Востоке мясо прежде именно варили, а не жарили. Однако несколькими строками ниже сказка употребляет совсем другой глагол в такой же комбинации, и его мы переводим словом «жарить».

¹¹ Так называют по-арабски известного библейского царя Соломона (*Сулейман* — *Соломон*; *хазрёт* — титул царя).

20. Ленивый мальчик

¹ См. прим. 3 к сказке 9.

² В оригинале парное словосочетание *чолу́к-чоджу́к*, где второе слово означает: «ребенок» («дети»), а первое не имеет специального значения и служит только усилителем второго.

³ См. прим. 8 к сказке 19.

⁴ Соответствует русскому выражению «засучивает рукава».

⁵ Точнее, подарок при обручении (*ниша́н*), который должен был поднести жених.

⁶ Т. е. мусульманскую религиозную общину («приход»).

⁷ Один из моментов в ритуале старой турецкой свадьбы.

⁸ В оригинале *харам* (см. Указатель), т. е. запрещенное исламом (и, следовательно, шариа́том).

⁹ См. прим. 20 к сказке 1.

21. Сын пастуха

¹ Луна в восточной (иранской, турецкой) поэзии — идеально красивый предмет, и потому человеческая красота всегда сравнивается с луной. См. прим. 7 к сказке 14.

² Ходячая поговорка, смысл которой — «мне с тобой не по пути».

³ В старой Турции это было весьма нелегким делом: при вопиющей неграмотности населения особенно ценились люди, которые знали не только всевозможные «формы» канцелярских бумаг, но и различные типы арабско-турецких почерков, которыми надлежало пользоваться в этом случае. Существовали специальные лавочки (на базарах, площадях и т. д.), где за особую плату писали всякого рода прошения.

⁴ По-турецки *гелін* (от глагольной основы «приходить»), т. е. как бы «пришлая» в дом мужа и его родных (ср. русское областное «влазень» в отношении зятя, который селится в доме тестя).

⁵ См. прим. 8 к сказке 19.

⁶ См. прим. 12 к сказке 1.

⁷ Так мы передаем турецкое парное словосочетание *изинд-тююнд*, дословно: «следа-мледа», т. е. всяких, каких бы то ни было следов.

⁸ По-турецки дословно: «волосы и бороду» (*сачыны-сакалыны*). Стереотипное парное сочетание, в котором второй элемент имеет чисто формальное значение усилителя. Поэтому все сочетание может быть применено и к женщине, как это видим в нашей сказке.

22. Рассказ о плачущем гранате и смеющейся айве

¹ Т. е. рассказчики устного материала и хранители письменных традиций. Оба термина — арабо-иранские. Вычурность языка данной сказки объясняется тем, что она представляет собой продукт полуфольклорного, полукнижного творчества. В турецком фольклоре такого рода полукнижные образцы особенно резко выделяются по языку (обилие арабских и иранских лексических элементов, обилие украшающих эпитетов, замысловатые конструкции и т. д.).

² Здесь — обряд обрезания. В широком смысле *суннет* означает так называемую сунну пророка, предания о жизни Мухаммеда и связанные с этим юридическо-бытовые предписания для мусульман-суннитов.

³ В оригинале это же книжное выражение (по происхождению — арабское). См. прим. 1.

⁴ Звукоподражание плачу.

⁵ Мусульманская формула. В прямом смысле означает искреннюю готовность пожертвовать за кого-нибудь жизнью, но чаще употребляется в смысле «почтенный», «любезный».

⁶ Сказочная формула, возвещающая «перемену декорации», т. е. перевод рассказа с одного действующего лица на другое. Героиня сказки в оригинале (а отсюда и в переводе) называется непоследовательно то *девочкой*, то *шахзадэ*.

⁷ Стереотипный оборот. Смысл его: «после аллаха я не рассчитываю ни на кого другого, как только на тебя».

⁸ Девушка и девочка по-турецки выражаются одним словом, что создает большие затруднения при переводе таких частей сказки, где *девочка* выступает уже именно как *девушка*.

⁹ От удивления.

¹⁰ Дословный перевод оригинала.

¹¹ Звукоподражание падению грузного тела (вроде русского: «плюх-плюх!»).

¹² Турецкий оригинал в дословном переводе звучит: «у того, кто посмотрит, рассудок треснул бы на куски» (от страха).

¹³ Речь идет об особой «почтительной позе», в которой, скрестив руки, должны были стоять просители перед «сильными мира сего» в старой Турции.

¹⁴ См. прим. 1 к сказке 21.

¹⁵ Т. е. молодца. По обычаю новейших времен, следовало бы написать «йнгита» в кавычках, поскольку это фактически относится к девушке.

¹⁶ Обычный в фольклоре эпитет героя.

¹⁷ Сказочный камень. Попытка Th. Menzel'я читать здесь *Säbelstein* (т. е. по-турецки *шимширйн ташы*) опровергается нормами турецкой грамматики.

¹⁸ Дословно: «кусочек моей печени» (обычная метафора в иранской и турецкой поэзии средневековья). В основе этого ласкательного обращения лежит то, что в те времена печень считалась более важным органом человеческого тела, чем даже сердце.

¹⁹ Выделанная баранья шкура употребляется как ковер. Воссесть на такой шкуре было одной из привилегий для главы религиозных дервишских орденов, цеховых организаций, которые были связаны с этими орденами, гадателей и т. п. людей. Отсюда постоянный эпитет всех таких «старцев» — *постнищйн* (т. е. «восседающий на шкуре»).

23. Шах Шабур и шах Бухары

¹ Обычная формула повиновения на Ближнем Востоке старого времени.

² Здесь имеется в виду не крестьянин, а мелкий земельный собственник или хуторянин — *чифтчи*. См. прим. 2 к сказке 2.

³ В оригинале *кары-паша*, т. е. как бы «жена-паша».

⁴ *Шабур* — сказочная страна. Название — искажение имени иранских царей (сасанидов) или названия города Нишапура.

⁵ См. прим. 12 к сказке 9.

⁶ Старший ученик (*калфа*) заменял репетитора и в старой турецкой школе являлся своего рода начальством для младших учеников.

⁷ Как известно, в старину в Турции учителями были только представители мусульманского духовенства.

⁸ См. прим. 12 к сказке 1.

⁹ Точная передача турецкого выражения *янын-кбичын*.

¹⁰ У мусульман, как и у христиан, существует обычай посещать могилы родственников. Это носит арабское название *виярэт* (по-татарски и по-башкирски это слово обозначает «кладбище»).

¹¹ Мусульманский обычай.

24. Сказка об Искендер-бее

С нашей сказкой почти дословно совпадает азербайджанская «Сказка об Искендере, знающем птичий язык» (см. «Азербайджанские тюркские сказки», изд. «Academia», 1935).

¹ См. прим. 12 к сказке 1.

² Или фаворитом. Турецкий термин *чырак*.

³ См. прим. 13 к сказке 22.

⁴ См. прим. 3 к сказке 21.

⁵ В том факте, что арабский падишах открыл у себя во дворце нечто вроде школы и туда съезжаются ученики из разных стран, можно видеть намек на влияние старой арабской культуры на турецкую.

⁶ Перевод турецкого термина *килерджи-башӣ*.

⁷ См. прим. 6 к сказке 13.

⁸ Турецкий термин *капыджи-башӣ*.

⁹ См. прим. 5 к сказке 22.

¹⁰ Т. е. к сердцу.

¹¹ См. прим. 11 к сказке 2.

¹² Т. е. повидаясь с ним еще при его жизни. Обычное выражение в турецких сказках.

¹³ Обычная для турецкого языка метафора. Ср. русское «поднял как перышко».

25. Мальчик и дэв

¹ *Куриц-муриц* — точный сколок с турецкого парного словосочетания. Смысл его: «куриц и прочего, разных там ваших куриц» (с оттенком пренебрежения). См. прим. 1 к сказке 7.

² Или: «и будь здоров!» Вполне эквивалентный по содержанию перевод арабо-турецкого *весселья!*

³ Звукоподражание храпу. Встречается и в форме *хыр-мыр*.

⁴ См. прим. 1 к сказке 5.

⁵ См. прим. 12 к сказке 9.

⁶ *Стих-бэйит*. См. прим. 7 к сказке 17.

⁷ В оригинале — *тюркю*. Так называется в фольклоре песня, состоящая из нескольких стрóf определенного силлабического размера и по содержанию своему чисто лирическая.

26. Сын старого рыбака

¹ Здесь начинается присказка. Рифмы проставлены там же, где они имеются в оригинале. По размеру эта присказка — одна из самых длинных в сборнике. Перевод подобных мест на другой язык представляет иногда значительные трудности. В частности, данная присказка была неверно понята и самим Куношем, судя по принадлежащему ему немецкому переводу в одном из его изданий.

² Точнее: подмастерьем (*чыра́к*). См. прим. 11 к сказке 1.

³ Род игры, вроде русского «чижика» Игра и название известны также в Крыму, Азербайджане и Туркмении.

⁴ В турецком языке нет слова, обозначающего сарай вообще. Сарай всегда называется по тому, что в нем хранится («соломник», «угольник», «фруктовник» и т. д.). Само же слово «сарай» в иранском и заимствованном его турецком языках значит «дворец»; в русский язык оно попало через татарский.

⁵ См. прим. 11 к сказке 2.

⁶ Сказочное дерево.

⁷ Речь идет о бабке рассказчица.

⁸ Дословно: «свиной щенок». Свинья в мусульманской Турции считалась нечистым животным.

⁹ В оригинале несогласованность («друг друга ты зашибешь»), нами в переводе исправленная. Это же замечание относится ко всей данной фразе

¹⁰ См. прим. 4 к сказке 1.

¹¹ Звукоподражание, сконструированное по способу повторения одного и того же слова (ср. русское: «бум-бум»), что так же распространено в турецком языке, как и парные словосочетания.

¹² В оригинале дословно: «горела да утюжилась».

¹³ Пословица, известная в нескольких вариантах. Приблизительно соответствует русской: «Где тонко, там и рвется».

¹⁴ В оригинале, собственно, сказано: «сил не будет терпеть голод, жажду, бестабачье и бескофейщину». Кофе, по представлению турок, относится к предметам первой необходимости.

¹⁵ Т. е. пожелтела и высохла. Обычный образ в турецком фольклоре, вроде русского «пожелтел как лимон».

¹⁶ В подлиннике — стихотворение, построенное по всем правилам фольклорной метрики: первые три строки содержат по 11 слогов, последние две — по 7, иногда по 8. Принцип турецкой фольклорной версификации — силлабический. Порядок рифмы в каждой строфе: $a - a - a - b - c$, причем рифмы b и c заканчивают собой каждую из шести строф стихотворения. По языку и композиции стихотворение относится к тому отделу фольклора, который испытал особенно сильное влияние литературных образцов.

¹⁷ По содержанию первая строка строфы часто не имеет ничего общего с остальными строками.

¹⁸ В оригинале: до восьмидесяти — ста лет, т. е. извел меня до того, что я превратилась в старуху.

¹⁹ Здесь впервые упоминается имя героини. В классической иранской и турецкой поэзии имя автора упоминалось в последнем двустишии (так называемом *шах-бэйт*).

²⁰ В оригинале *бэййт*, что, собственно, означает «двустиише».

²¹ Так в подлиннике.

²² Свадьба в сказках празднуется сорок дней и сорок ночей.

²³ Термины, указывающие на мусульманский обряд брака (оба — из арабского). Первый означает то же, что и в дореволюционном русском взятое из еврейского языка через посредство греков слово «аминь», а второй, собственно, «величание», т. е. произнесение мусульманской формулы «аллах велик».

²⁴ Нечто вроде «художественной концовки» сказки. Встречается и в азербайджанских сказках. В оригинале слова: «сказывал», «записал» и «перевел» рифмуют между собой.

27. Птица Зеленый Орех

¹ Здесь начинается присказка. Рифмы оригинала отражены и в переводе. Слово, не имеющее смысла, оставлено без перевода (*харанй*). *Боранй* — шпинат, приготовленный с рисом.

² См. прим. 9 к сказке 19.

³ *Ада-калэ* — остров на Дунае (недалеко от Белграда), где Кунош записывал сказки.

⁴ Дословно: «от ее уст».

⁵ Что такое Зеленый Орех — сказка не объясняет. В некоторых случаях и сама птица называется просто Зеленый Орех.

⁶ В подлиннике — *кальон* (из исп. *galeón*).

⁷ По-турецки: *курт-куш* (собственно, «волк» плюс «птица»). Обратное

сочетание *куш-курт* («птица» плюс «волк») означает: «все живое, органическая природа».

⁸ Слово *татар* в Турции означало не только «татарин», но и «гонимец», «курьер», так как они в старое время комплектовались из татар. Это специальное значение слова «татарин» из турецкого быта и фольклора перешло и в сербские сказки.

⁹ *Тавáf* (арабское слово) обозначает мусульманский обряд обхождения вокруг Каабы (см. Указатель).

¹⁰ В подлиннике — *камара*, т. е. «камера», «палата», а также «каюта». В турецкой морской терминологии очень много слов, заимствованных из европейских языков.

¹¹ По-арабски это слово значит «земледелец, крестьянин», в турецком быту — «египетский араб, негр».

¹² По-турецки также парное сочетание двух глаголов: *йыкансýн-паклансýн*.

¹³ В новом языке это (арабо-иранское) слово означает: «зал», «коридор», «приемная».

¹⁴ Здесь начинается стереотипное описание пути, выполненное рифмованной прозой. Рифмы в переводе стоят на тех же местах, где они имеются в подлиннике. Вставлено в описание и слово «курить», тем более что «курить» и «попивает» по-турецки выражаются одним словом, т. е. турок говорит: 1) пить воду и 2) пить табак.

¹⁵ «Горная цепь» по-турецки *балкán*, отсюда же название Балканских гор и всего полуострова.

¹⁶ Имя мифического арабского мудреца и врача. Вся фраза построена на известной турецкой пословице: *Локманбиле чарь булмаз* («Даже Локман не сможет найти средства»).

¹⁷ Известная пословица.

¹⁸ По-турецки та же тройная рифма. Любопытно, что *ин* и *человечий сын* — собственно одно и то же. Поэтому в большинстве сказок эта формула встречается в двучленном виде. См. прим. 6 к сказке 1.

¹⁹ Звукоподражание храпу. Варианты см. прим. 3 к сказке 25.

²⁰ Точная передача содержания и формы турецкого оригинала (рифмованного); *хеким-им хеким-им кимсэ вильмэз бэн ким-им* (дословно: «врач я, врач я, никто не знает, кто я такой»).

²¹ Перстень был именной. На нем вырезалась обычно какая-нибудь мусульманская религиозная формула с включением имени того лица, которое носило данный перстень. Отпечаток такого перстня на официальной бумаге придавал ей юридическую силу, так же как наша круглая и иная печать.

28. Сказка о Мурад-шахе

¹ Попытка передать образное турецкое выражение: «в обстоятельствах одного времени».

² По-турецки *кёшк*. См. прим. 13 к сказке 3.

³ Род шапочки, которую носили девицы.

⁴ По-турецки *хамамджы-башы*.

⁵ *Мимар* — архитектор (слово арабское).

⁶ См. прим. 4 к сказке 1.

⁷ Любопытно, что ворота здесь названы не обычным турецким словом,

а по-итальянски: porta Лишнее указание на особенности языка адакалийских сказок.

⁸ В турецком языке употребляются оба выражения: «лицо неба» и «лицо земли».

⁹ Так в оригинале.

¹⁰ Обычное в сказках описание красоты ребенка.

¹¹ *Нежная моя!* По-турецки: *Назджаз*, что можно понять и как собственное имя женщины.

¹² По-турецки *нинни*. Колыбельные песни составляют особый жанр турецкого фольклора, интересный, между прочим, тем, что в нем отразились особенности так называемого «детского языка».

29. Сказка о девушке-сиротке

¹ По-турецки *мусхаф* или *мусаф* (из арабского), что означает, собственно, «свиток Корана», который в старых школах употреблялся в качестве учебника.

² Хотя слово *лалá* (см. Указатель) обыкновенно относится к мужчине (дядька, гувернер), но в сказках иногда этим словом обозначают няньку, как здесь. Грамматический род в турецком языке отсутствует, и потому одно и то же слово (*лалá*) может относиться и к мужчине и к женщине.

³ Дословно: *алыш-вериш*, т. е. купля-продажа.

⁴ В оригинале *кальон* (из исп. *galeón*), что может обозначать только «плавучую крепость», вернее, «судно», «корабль». Слово, по-видимому, не было ясно самому рассказчику.

30. Девушка и Мискембер

¹ Верблюды, из которых составлялись караваны с товарами, на старом Востоке служили своеобразной единицей измерения, вроде того, как мы, например, говорим по-русски: «сорок вагонов зерна».

² По-арабски «луна». В турецких сказках известна фигура *Камер-тая* — «луноликого жеребца», по переводу В. А. Гордлевского.

³ Более близкий перевод: «с той стороны» или «с другой стороны». См. прим. 12 к сказке 1.

⁴ Дословно: «ягненок мой» или «ягнята мои». Это ласкательное обращение соответствует русскому «голубчик».

⁵ Дословно: *эфенди* (см. Указатель). Так жена называет мужа в разговоре с посторонними.

⁶ См. прим. 16 к сказке 26.

⁷ В оригинале тоже ассонанс, а не рифма.

31. Сказка о девушке и печенке

¹ Заглавие, которое дает Кунош: «Бедная женщина и ее дочка».

² *Аттар* (арабск.) — торговец благовониями и москательными товарами.

³ По-турецки: *кундурá* — то же слово, что и известный античный термин «котурны», к которому турецкое *кундурá* и восходит.

32. Девница-бей

¹ См. прим. 2 к сказке 23.

² Далее идет знаменитая песня «туркменской девушки», неоднократно переводившаяся на другие языки, и в частности на русский. Песня составлена в духе типичных для турецкого фольклора диалогов парня с девушкой.

На русском языке имеются три стихотворных перевода этой песни: старый — В. Д. Смирнова в его «Очерке истории турецкой литературы», новый — в «Восточном сборнике в честь А. Н. Веселовского» (М., 1914) и новейший (1937) — Н. Ф. Лебедева.

³ Туркмены, кроме Туркменской ССР, живут еще на Северном Кавказе, в Сирии и Анатолии. К туркменам, по-видимому, относится особая народность, живущая в Дагестане и Азербайджане — так называемые *теркемэ* или *теракемэ* (по-арабски это, собственно, множественное число от слова «туркмен»), хотя в настоящее время язык их ближе подходит к азербайджанскому языку. Что же касается анатолийских туркмен, то некоторые образцы их фольклора записаны Фр. Гизе в его известной работе «Erzählungen und Lieder aus dem Vilayet Qonjah» (1907).

⁴ В турецком эпосе, как и в эпосе некоторых других народов, богатырский конь часто питается жемчугом.

⁵ Т. е. согласно предписанию шариата и по связанному с этим обряду.

⁶ Противоположное предыдущему шариатское юридическое понятие *харам* (см. Указатель).

⁷ *Да-да, эфенди*. Почтительная форма разговора в докемалистской Турции (*mutatis mutandis* может быть сопоставлена с английской *yes, sir* и существующим фактически глаголом *to yessir*). Употребляется в смысле слова «подакивание».

33. Сын дэва — Узун-чаршы

¹ В дословном переводе: «сын дэва».

² Дословно это имя означает «длинные торговые ряды» (*чаршы*).

³ Звукоподражание храпу.

⁴ Турецкое поверье, которое довольно часто упоминается в сказках. Более точный перевод: «всегда бывают шайтанами».

⁵ См. прим. 12 к сказке 1.

⁶ Т. е. два коленапреклонения.

34. Сказка о трех сестрах

¹ Т. е. делают ей пышный свадебный наряд.

² См. прим. 4 к сказке 33.

³ Стереотипное выражение, не всегда подходящее к контексту.

⁴ *Шамдан* — подсвечник; *шах-мердан* — благородный шах. В оригинале та же рифмовка.

⁵ Разновчик (-ица), мелочной торговец (-ка).

⁶ См. прим. 11 к сказке 17.

35. Ночной муж и бедная девушка

¹ Метафоры восточной поэзии для обозначения самого дорогого, что только есть у человека.

² *Хырка́* — короткая верхняя одежда вроде куртки, которую носили деревни.

³ Так в подлиннике.

⁴ Мусульманские четки.

⁵ Особая комната, где складывалось приданое невесты и где она принимала поздравления.

⁶ Нечто вроде судебного пристава в дореволюционной России.

⁷ См. прим. 8 к сказке 8.

36. Юрем-бей и дочь падишаха

¹ См. прим. 1 к сказке 29.

² Т. е. узнала об этом путем гадания по книге.

³ Т. е. в известном помещении и на определенное время.

⁴ Идиоматическое выражение. Смысл его: «поставить кого-нибудь в тяжелое положение, погубить».

37. Дочь кади

¹ См. прим. 13 к сказке 22.

² Дословно: «смотри за своим весельем».

³ См. прим. 5 к сказке 7.

38. Золотой бык

¹ Кроватей в старой Турции не было: постель устраивали на полу, а на день все эти тюфяки, подушки и одеяла убирали в стеной шкаф; туда же убиралась и одежда.

² Т. е. перстень с именной печатью. См. прим. 21 к сказке 27.

³ Собственное имя женщины.

39. Сказка о черной корове

¹ Так называется копченое или вяленое мясо.

² Так в оригинале.

³ В оригинале — *пабу́ч* (см. Указатель).

⁴ Соответствует русскому «кукареку!»

40. Девушка-сиротка и мачеха

¹ Перевод отражает рифмовку оригинала.

² Звукоподражание.

³ Дословно: «желай от меня, если чего пожелаешь».

⁴ См. прим. 6 к сказке 14.

41. Чанга-чунга

¹ Дословно: «стань (достоянием) ада».

² Приблизительный перевод непередаваемого турецкого идиома: «ты — слово кол».

³ Дословно: «денег-менег». Об этой конструкции см. прим. 1 к сказке 25

⁴ Ничего не значащие условные слова, которые производят определенное магическое действие. С внешней стороны слова соединены по типу так называемых «парных словосочетаний».

⁵ Звукоподражание.

42. Падчерица

¹ Несколько распространенный, но точный перевод соответствующей турецкой сентенции.

² В подлиннике рифмованная формула, которая часто употребляется при описании странствий героя.

³ См. прим. 18 к сказке 27.

⁴ Сказочная формула типа поговорки. Рифмующие в ней арабские слова нами сохранены. *Камёт* — молитвенный призыв; *кьямёт* — воскресение мертвых и (переносное значение) суматоха, кутерьма, переполох.

⁵ Этимологически слово *яйла* означает «летнее кочевье» или «летнее пастбище». В настоящее время в Анатолии это слово понимается как «плато-горье, горное плато».

⁶ Так в турецкой и иранской поэзии описывают выражение сильного горя.

⁷ *Пир* — так называется в мусульманском быту «старец», глава религиозной секты или покровитель какого-нибудь ремесла, которое, по преданию цеховой организации соответствующего типа, ведет свое начало именно от такого-то «старца».

⁸ Звукоподражание.

43. Дильрукеш

¹ Рифмованная присказка.

² В переводе точно отображены глагольные рифмы оригинала.

³ Известный сказочный мотив, встречающийся не только в турецких сказках.

⁴ *Векиль-хардж* (арабск.) — своего рода эконома.

⁵ Придворный гардеробщик.

⁶ См. прим. 4 к сказке 33.

⁷ Вежливое обращение к повивальной бабке (*эбё*).

⁸ Дословно: «как шар света» (*нур топү*) — образное описание детской красоты.

⁹ Дословно: «(у него) душа прыгнула в голову».

¹⁰ В переводе точно переданы рифмы оригинала.

¹¹ В оригинале здесь тоже рифмующиеся слова.

¹² Имя сверхъестественной сказочной красавицы. Само слово иранское; значение его: «привлекающая сердце и лицо».

¹³ Поговорка с рифмующимися частями.

¹⁴ См. прим. 6 к сказке 33.

¹⁵ Образное выражение, которое по смыслу соответствует русскому: «пускается во все тяжкие».

¹⁶ Дословный перевод турецкого образного выражения, которое часто встречается в турецкой и иранской поэзии.

¹⁷ Перевод соответствующей турецкой поговорки с двумя рифмованными частями.

¹⁸ См. прим. 18 к сказке 27.

¹⁹ См. прим. 3 к сказке 15.

²⁰ Характерное обращение сказочника к слушателю (читателю). В наших сказках встречается один раз.

²¹ Этот «канцелярский» оборот является точной передачей турецкого оригинала.

²² Иначе: «еду воздержания». Термин применяется в отношении мусульманских отшельников.

²³ Мужская половина двorca.

²⁴ Дословно переведенная здесь сказочная формула в турецких сказках встречается много реже, чем в русских.

44. Гранатовые яблоки

¹ Звукоподражание.

² Т е. весь мир по сравнению с ней не имеет для меня никакого значения.

³ Дословно: «душа у него пришла ему в нос». См. прим. 3 к сказке 2.

⁴ Выражение, соответствующее русскому «сами расхлебывайте кашу».

⁵ Т. е. «серого дэва» или «степного дэва».

⁶ См. прим. 18 к сказке 27.

⁷ Звукоподражание, которое как бы передает в одно и то же время и движение воды и ее шум.

⁸ По-турецки также парное словосочетание; дословный перевод его: «без конца и угла».

⁹ Так в оригинале.

45. Девушка-кофейщица

¹ *Mollá* (арабское слово; татарское произношение его, проникшее в русский язык, — *мулла́*) означает: «руководитель, наставник» (духовный).

² В подлиннике — нечто вроде четверостишия. Тема его — постоянство девушки в противоположность изменчивости природы.

³ См. прим. 7 к сказке 22.

⁴ Стереотипный оборот. Часто употребляется в сказках, когда речь идет о неожиданном исчезновении героини.

⁵ См. прим. 12 к сказке 1.

⁶ См. прим. 12 к сказке 9.

⁷ Дословно: «о долинах и о холмах»; ср. сербское «не о граду, не о винограду».

⁸ Дословно: «если куда идешь, так иди».

46. Сказка о красавце-водоносе

¹ Стереотипное начало сказок, стиль которых находится под влиянием книжной литературы. Образец такой «книжной сказки» нами уже дан в сказке 22.

² Дословно: *бит пазары́*, т. е. «вшивый базар». Так назывался базар, где продавали старье и всякий хлам.

³ Характерная черта старого быта: женщина не должна была показывать мужчинам свое лицо.

⁴ Дословно: «на конце удочки», хотя только что перед этим было сказано, что рыбу ловили сетями.

⁵ В оригинале парное словосочетание (*дүйю́н-дэ́рнэ́к*), что, собственно, значит: «свадьба и собрание», т. е. «свадебное собрание».

⁶ Свадебная комната. О подробностях см. статью В. А. Гордлевского «Османская свадьба» («Этнографическое Обзорение», кн. СIII—CIV, М, 1914).

47. Брат и сестра

¹ Рифмованный зачин сказки.

² Любопытное указание на веру в могущество слова (добраго и злого).

³ См. прим. 2 к сказке 35.

⁴ Звукоподражание детскому плачу.

⁵ Турецкое слово *одалы́к* (откуда: *одалиска*) происходит от *ода́* (комната) и обозначает: «горничная», «комнатная прислуга» и в переносном смысле «наложница», «содержанка».

⁶ При этом сознательно сохранена тавтология турецкого подлинника.

⁷ В оригинале тоже два рифмующихся слова.

⁸ См. прим. 6 к сказке 42.

⁹ Обычное бытовое выражение о голоде.

¹⁰ Рифмованная сказочная формула.

¹¹ Звукоподражание.

¹² В оригинале также рифмованная поговорка из двух частей.

¹³ В подлиннике: «...ел ...съест».

¹⁴ *Солуксув*, по переводу В. А. Гордлевского, — «бездушный».

¹⁵ В оригинале частая в сказках формула с двойным рядом рифм (или — ассонансов), что мы и пытались передать в переводе.

48. Девочка Халиме

¹ По-турецки: *баш-калфа́*. Так назывались ученики, исполнявшие обязанности репетиторов.

² См. прим. 6 к сказке 1.

³ Ночь, в которую производился особый обряд сурмления.

⁴ Звукоподражание.

⁵ В турецких сказках часто упоминается особый символический камень терпения (как бы вместилище людского горя). Называют его *сабу́р* (от арабского *сабр* — терпение). Постоянный его эпитет — «желтый» (*сары сабу́р*).

⁶ По-турецки *эрмиш*, т. е. «достигшие степеней» духи.

⁷ См. прим. 1 к сказке 10.

49. Девушка и бей

¹ Кунош дает этой сказке заглавие «Слуга-арабка».

² Базар был средоточием торговой жизни, там же ютились мелкие ремесленники и кустари, вплоть до прачек. Там же находили себе и «подедную» работу, так как базар по тому времени был своего рода биржей труда.

³ Турецкое звукоподражание, как бы передающее взмах крыльев.

⁴ См. прим. 1 к сказке 38.

⁵ По-турецки дословно: «посохни» или «отсохни».

⁶ В подлиннике такая же фаталистическая поговорка с двумя рифмующимися словами. Дословный перевод ее: «Случилось то, чему быть,— сломался обух у топора» (*олдү оладжак, кырылды наджак*).

⁷ См. прим. 5 к сказке 48.

⁸ См. прим. 5 к сказке 18.

50. Девушка и конь

¹ В оригинале *бейгир*, что означает рабочую или ломовую лошадь.

² Дословно: «если твоя голова соскучится».

51. Дочь дервиша

¹ Или ворожеей, по-турецки: *бююджю*.

² Дословный перевод турецкого обращения *джаным*.

52. Сказка про аллём-каллём

¹ Дословно: «этого (т. е. такого случая) и лица нельзя найти».

² Шутливые слова (построенные по типу парных словосочетаний), которыми обозначается то, что в русских сказках известно под названием «хитрая наука». Оба слова встречаются в жизни в таком, например, выражении, как: *аллём эдёр каллём эдёр* — «и так крутит и этак крутит», т. е. прибегает ко всякого рода ухищрениям.

³ См. прим. 8 к сказке 8.

⁴ В оригинале *шиник*, что по-ирански означает меру объема около декалитра.

⁵ Черта старого мусульманского быта.

53. Колдовство

¹ См. прим. 8 к сказке 19.

² Гадатель по песку.

³ В подлиннике арабское слово *мемлекёт*, что означает «город», «государство».

⁴ Слово это по-арабски означает «влюбленный». В Турции и на Кав-

казе употребляется в смысле «бродячий певец», своего рода трубадур, распространяющий старый фольклорный материал и зачастую составляющий новые песни из старых композиционных элементов. *Ашык* — одновременно и поэт и музыкант. В Армении также широко известно творчество *ашугов* с их богатым репертуаром. Одним из самых ранних упоминаний *ашыков* в русской литературе является «Ашик Кериб» Лермонтова (заглавие перделано из *ашык гарип* — «ашык-скиталец»).

⁵ Рифмовка оригинала.

⁶ Название лирических фольклорных песен (*тюркю*) и четверостиший (*манй*), причем первые отличаются от вторых наличием нескольких строк и размером. См. прим. 7 к сказке 25.

54. Рассказ про али-дженгиз

¹ См. прим. 1 к сказке 22.

² *Али-Дженгиз* — по-видимому, собственное имя. Никаких более ясных указаний на эту личность в турецком фольклоре не содержится. Название *али-дженгиз*, по-видимому, происходит от имени этого загадочного героя и является условным обозначением игры, связанной с превращениями, т. е. с тем, что в русских сказках называется «хитрой наукой».

³ *Оба глаза, как колоды*. С этим поэтическим описанием идут в сравнение не столько «очи синие бездонные» А. Блока, сколько (из более близкой области) приводимые ниже строки из поэмы армянского писателя О. Туманяна «Взятие крепости Тмук» (русск. перевод С. А. Укше):

У пери Джевахка, что море, глаза,
И в них утонуть счастливец готов.

⁴ См. прим. 18 к сказке 27.

⁵ Бытовая деталь. Во время уроков учитель и ученики старой школы сидели на полу, точнее, на подушках и коврах, причем, конечно, ученики пользовались гораздо меньшим «комфортом», чем учитель.

⁶ Арабское название буквы *а* (старого арабо-турецкого алфавита). По форме начертания *эльф* представлял собой вертикальную черту с небольшим наклоном, и потому в бурсацком быту старой турецкой школы *эльф* воспринимался как своего рода «кол» или «бревно».

⁷ Начертание буквы *б* (*ба*) напоминало чашечку или миску — по терминологии турецких «бурс».

⁸ По-турецки *коч*, т. е. «опытный» племенной баран, вожак стада овец. Подобного рода бараны в старину разводились и для особых «бараньих боев».

⁹ Дословный перевод.

¹⁰ См. прим. 13 к сказке 3.

¹¹ В оригинале традиционное окончание литературно обработанной сказки *васселям*.

55. Дровосек и его жена

¹ Сказка из цикла о «злых женах». Кунош в своем оглавлении дает ей едва ли удачное (венгерское) заглавие: «Дровосек и черт».

² В оригинале, по-видимому, ошибка: если муж говорил, что соли нет, то жена, верная своей тактике, должна была в следующий раз подавать все пересоленное.

³ Дословно: «на гору» (*даа*), но в наших сказках «лес» и «гора» часто передают одно слитное понятие «гора-лес», поскольку леса, главным образом, сохранились на горах.

⁴ В конце сказки характерное заключение с частичной рифмовкой.

56. Два падишаха

¹ В тексте сказано именно города (*шэхёр*), а не страны или государства.

² См. прим. 6 к сказке 13.

³ См. прим. 13 к сказке 3.

⁴ См. прим. 5 к сказке 2.

⁵ Так как грамматического рода в турецком языке нет, это обращение может относиться и к женщине.

⁶ См. прим. 12 к сказке 1.

⁷ По-турецки тоже два синонимичных глагола, означающих одно понятие.

⁸ Т. е. хватает так же легко и бесцеремонно, как берут в руки плетеную корзину.

57. Сказка о юродивом Мехмеде

¹ См. прим. 1 к сказке 5.

² В оригинале: *карби-паша*.

³ Когда в разговорной речи хотят узнать о новостях, то часто так и спрашивают у собеседника: «Ну, что есть, чего нет?»

⁴ В оригинале — *дэли*, что чаще всего значит «сумасшедший». В старинном эпическом произведении «Сказание о моем деде Коркуде» слово *дэли* означает «удалой» и прилагается как постоянный эпитет к имени богатыря Домрула (*дэли Домрул*). В нашей сказке *дэли* означает именно «юродивый». Вообще *дэли* часто фигурирует как составная часть собственных имен или как прозвище: ср. хотя бы прозвище турецкого поэта XV века *Дэли бирадёр* («Безумный брат»). То же слово фигурирует в заглавии Пушкинского стихотворения «Делибаш» (собственно, «безумная голова» — *дэли баш*).

⁵ См. прим. 2 к сказке 2.

⁶ В лицо ей и смотреть невозможно от ее ослепительной красоты.

⁷ См. прим. 1 к сказке 38.

⁸ Я (а не «мы»). Так в оригинале.

58. Жена бая

¹ См. прим. 12 к сказке 1.

² Тебя... вы. Явная непоследовательность оригинала.

³ В оригинале «недоговоренность» («не поверю тому, чтобы это была ты»), которая, естественно, сохранена и в переводе.

⁴ Место жены — ветер гуляет. См. прим. 4 к сказке 45.

59. Сказка о соседской девушке

¹ Как и в других местах, большую часть женщин-гадалок в Турции составляли цыганки.

² Гадать — *фал ачма́к*, т. е. открывать судьбу. Гадание в старой Турции было сильно распространено. Помимо общераспространенных способов гадания, по *харэмам* ходили целые сборники гадательных *манí* (четверостиший).

³ Перифраз известного рода пословиц грубоватого содержания.

⁴ Вид круглого хлеба.

⁵ В оригинале — рифмованная проза.

⁶ Кольцо или какие-нибудь драгоценности (*ниша́н*).

⁷ Этот русский идиом вполне соответствует стоящему в оригинале турецкому: «ты ляг на то ухо».

⁸ Пословица.

⁹ Пословица.

¹⁰ Собственно, «одеяние невесты» (*гелинли́к*).

¹¹ Так и полагалось по ритуалу старой турецкой свадьбы.

¹² Дословно: «ей (это) даже и в ухо не входит».

¹³ Или покрывало для лица.

60. Дочь торговца базиликом

¹ Душистый цветок (*фэслийён*).

² См. прим. 4 к сказке 33.

³ По-турецки здесь рифмы.

⁴ В оригинале тот же шахматный термин.

⁵ В подлиннике: «с бубенцами-мубенцами». См. прим. 1 к сказке 25.

⁶ Звукоподражание звону.

⁷ Звукоподражание кашлю.

⁸ Ангел смерти, по представлению мусульман. (Очень картинно обрисован в старинном «Сказании о моем деде Коркуде»).

⁹ Так в оригинале.

¹⁰ См. прим. 19 к сказке 1.

¹¹ Так называлась отгороженная часть комнаты, где и помещалась невеста перед свадьбой.

¹² Так называется покрывало невесты, которое в брачную ночь должен снять жених.

¹³ В оригинале — рифмованная концовка.

61 Дровосек и его три дочери

¹ Дословно: «осталось только покрывало на тазик (чашку)». Этим выражением дочь хочет сказать, что она вполне созрела для замужества. Отец понимает ее намек и сердится. В связи с этим эпизодом стоит вторая загадка дровиша (о трех дочерях) и самый конец сказки.

² Главный маринадщик (придворная должность).

³ Старший мясник (придворная должность).

62. Сэйлемез-султан

¹ См. прим. 2 к сказке 17.

² Собственно, Неговорящую или Молчаливую.

³ См. прим. 5 к сказке 12.

⁴ Намек на мусульманское представление о том, что судьба человека написана у него на лбу. Ср. следующее турецкое народное четверостишие:

Я — длинный камыш,
Я прислонилась к твоим дверям;
Хочешь — возьми меня, хочешь — не бери,
Но я уже написана у тебя на челе.

⁵ См. прим. 18 к сказке 27.

⁶ Т. е. о всяких пустяках (дословный перевод).

⁷ Таково же обращение и к женщинам, так как грамматический род в турецком языке отсутствует.

⁸ *Балджы-оглу* значит: «сын пчеловода»; *Ягджы-оглу* — «сын торговца маслом», а *Тиреджи-оглу* — «сын ниточного мастера». Подобного рода сочетания в старой Турции (и в Крыму) заменяли современные фамилии.

⁹ Перевод рифмованной сказочной формулы оригинала.

¹⁰ Ученик медресэ — нечто вроде мусульманского семинариста.

63. Сказка о плешаке

¹ См. прим. 9 к сказке 1.

² Дословно: «как зольная кошка».

³ В оригинале тоже рифма из двух *равносильных* грамматических элементов.

⁴ См. прим. 4 к сказке 1.

⁵ Дословно: «конечно, какой-нибудь конец этого выйдет (наружу)».

⁶ См. прим. 12 к сказке 1.

⁷ Т. е. от падишаха.

⁸ Дословно: «из нижней части шальвар».

64. Сын богача

¹ См. прим. 3 к сказке 14.

² По-турецки *финджан* (из иранского), что означает: «чашечка, чашка для кофе». Слово вошло во многие языки, в частности в польский.

³ По-турецки дословно: «бейте так, чтобы трещало, играйте так, чтобы звенело!» (*вурун патласын, чалын ойнасын*). Так обыкновенно кричат музыкантам на шумных свадьбах в Турции и в Крыму.

⁴ Дословно: «(коли) день, (так) этот день».

⁵ Смысл этой поговорки: где можно поехать на даровщинку, туда ходят, «не стесняясь расстоянием» и неудобствами пути.

⁶ По-турецки: *табур* (в современном языке: «батальон») — то же, что мы имеем и в русском «табор», проникшем к нам, очевидно, из венгерского.

⁷ См. прим. 4 к сказке 7.

⁶ Турецкий средневековый юридический термин, обозначающий особое право на владение землей, которая давалась «служилому люду» за военную службу. Документ на владение ею и всякой недвижимостью также называется *тапú*.

⁹ Турецкое слово *султáн* (из арабского), которое мы перевели словом *султаниша*, применительно к женщине, может означать не только жену, но и дочь султана.

65. Сказка о дровосеке

¹ Поговорка. Смысл ее: «к обеду ровно ничего не готово».

² Буквально так в оригинале (*сэрмайё* — капитал).

³ Выражение, соответствующее русскому: «остаться у разбитого корыта»

66. Три плута

¹ Турецкое площадное ругательство.

² См. прим. 12 к сказке 1.

³ В этой нарочито туманной фразе, составленной в форме рифмованной скороговорки, слово *сиях* (иранск.) означает: «черный», *кюлях* — шапка остроконечного типа (старинный фасон); *кютах* по-ирански значит: «короткий, короткий». *Кейд* означает: «плут, мошенник». *Кейдихáн*, по некоторым данным, — прозвище персидского губернатора, который стоял во главе Хорасанского вилайета еще до Надир-шаха. *Кейд-и бутан* означает «обманщик «кумиров» (красавиц)». Та расшифровка непонятных иранских слов, которую дает сама сказка, малоадекватна: если *кейдихáн* (как имя нарицательное) и могло бы означать «плохой человек», то слова: «деньги взял, не знаю, в какую сторону ушел» — добавлены турецким сказочником от себя.

⁴ Эта фраза (в связи с предыдущим примечанием) означает: «Кейдихан, обманщик красавиц, из вилайета Хорасан». В дальнейшем плуты продолжают изъясняться загадочными фразами из иранских слов, обязательно рифмующихся между собой. Возможно, что этой понятной только для посвященных речью сказочник намекает на существование особого воровского арга. Возможно и то, что в основе сказки лежит иранская версия (ср. указание на Хорасан), из которой при переделке на турецкий лад и были извлечены все прибаутки и поговорки.

⁵ *Хаджй-Хасáн... арка бань*. В подлиннике также ассонанс, а не рифма, как и у нас: (*Хасан — бань*). «*Арка бань*», т. е. та арка, под которой помещались бани.

⁶ Так мы предположительно переводим гадательное слово *килидхáн*, первая часть которого значит: «замок».

⁷ В оригинале рифмовка. Слово *читхáн* предположительно переводим: «спусти».

⁸ В оригинале также игра рифмами. Вместо «по лопатке» по-турецки, собственно, сказано: «по затылку».

67. Сказка о девяти безбородых

¹ *Безбородый* (*кёсё*) — человек, у которого на лице почти отсутствуют растительность; любимый герой турецких, азербайджанских, крымско-татар-

ских, казахских и вообще тюркских сказок. Безбородый отличается хитростью, находчивостью и плутовством. Сказки о безбородых составляют особый цикл.

² См. прим. 1 к сказке 5.

³ См. прим. 1 к сказке 7.

⁴ См. прим. 3 к сказке 65.

⁵ См. прим. 3 к сказке 23.

⁶ См. прим. 12 к сказке 1.

⁷ Т. е. захлебываясь; *гыр-гыр* — удвоенное звукоподражание (ср. по-русски: «буль-буль»).

68. Сказка о сорока небылцах

¹ Точнее: сказка о сорока «лжах». Так называется определенный цикл тюркских сказок (см. «Живая Старина», 1912, стр. 477—484).

² По представлению хотя бы азербайджанских сказок, человек с голубыми глазами (*гэй гэй*) является опасным человеком, которого следует избивать.

³ О безбородых см. прим. 1 к сказке 67.

⁴ Дословно: «под его тенью (сенью)». Иранская метафора.

⁵ Т. е. радостная весть. См. прим. 11 к сказке 2.

⁶ Торговец бузой. См. прим. 14 к сказке 1.

⁷ По-турецки: *бостан* (из иранского), что может означать также «баштан».

69. Дровосек

¹ Звукоподражание, «передающее» беззаботность, веселье. Приблизительно соответствует «тра-ля-ля!»

² Старшим привратником.

70. Кель-олан

¹ Дословно: «лысый (плешиный) парень» — излюбленный герой сказок, которые наделяют его плутовством, а иногда, наоборот, рисуют в образе доверчивого простака, которого судьба неизменно награждает.

² Звукоподражание скрипу, образованное по типу парных словосочетаний.

³ Звукоподражание, «передающее» звон монеты.

⁴ Звукоподражание, «передающее» грохот, падение тяжелого тела.

Интересно, что в фольклорных песнях этими же словами описаны тяжелые, неуклюжие шаги тещи, к которой песня относится резко отрицательно.

Что надо сделать с тещей?

С лестницы ее сбросить — вот что!

Пока она ходит себе, — палдыр-кюльдыр, —

За ней надо (во как) присматривать!

⁵ См. прим. 1 к сказке 67.

⁶ См. прим. 11 к сказке 1.

⁷ Дословно: «пятерка», т. е. монета в 5 пиастров.

⁸ По-турецки: *лсблбй*.

⁹ Звукоподражание, «передающее» треск или сильные удары.

¹⁰ *Ам́н-зам́н* — парное словосочетание, дающее более сильное впечатление, чем одно *ам́н*. Вместо *ам́н-зам́н* говорят также *ам́н-мам́н*. См. прим. 4 к сказке 2.

71. Богатырь

¹ В оригинале — иранское слово *пейлив́ан* (*пехлив́ан*), что значит: «атлет», «борец»; в частности, уличный борец — типичная бытовая фигура старого Востока.

² В оригинале парное словосочетание: «вооруженный одоспешенный».

³ См. прим. 8 к сказке 8.

⁴ Звукоподражание (о сильной струе воды).

⁵ Дословно: «облегчи себя».

⁶ Известная пословица.

⁷ Кожаный мех, бурдюк для воды.

⁸ *Колáч* — мера длины: нечто вроде сажени.

⁹ Как известно, черешневые деревья бывают больших размеров (ср., например, в Крыму).

¹⁰ См. прим. 20 к сказке 1.

72. Две старухи

¹ Женский рот в турецком фольклоре всегда сравнивается с чернильницей, по-арабски *хокка́*, что означает также «круглая коробка» и «шкатулка». Ср. выдержку из колыбельной песни:

Нос у нее — как финик Каабы,
Рот у нее — как шкатулка для сахара.

Или другая выдержка:

Рот у нее — чернильница,
Губы — садовая черешня,
Зубы — индийский жемчуг,
Нос — финик Медины,
Щеки — яблоки Муската,
Уши — птичье гнездо,
Глаза — миндаль,
Ресницы — цветок нарцисса,
Брови — камышовое перо писца.

² Обычное сравнение. Ср из песни «Мельник», известной в Турции и в Крыму:

Мои черешневые губы твоими пусть будут,—
Смели-ка пшеницу!

³ См. прим. 7 к сказке 14.

⁴ В тексте — *кяйя кадыны́*. Должность, приблизительно соответствующая ключнице в дореформенной России.

⁵ См. прим. 5 к сказке 19.

⁶ Так в оригинале.

⁷ Так называлась верхняя накидка (плащ), которой окутывались в старой Турции женщины, выходя из дома на улицу. В нашем контексте это обозначает покрывало, которое отгораживало часть комнаты, чтобы скрыть невесту от взоров посторонних мужчин.

⁸ См. прим. 12 к сказке 60.

⁹ Кавычки, конечно, принадлежат переводчику.

¹⁰ В восточном фольклоре часто проводится мысль, что дэвы, пэри и другие волшебные существа бесстрастны: им чужды и радость и горе, которые могут по-настоящему переживаться только человеческими существами.

¹¹ Или «чтоб ей ослепнуть!» — обычное проклятие.

¹² См. прим. 15 к сказке 1.

73. Хитрая женщина

¹ См. прим. 3 к сказке 14.

² По-турецки *балама́*, что в фольклоре обозначает рефрен.

³ Т. е. извела меня. В подлиннике — также двойная рифмовка, как у нас.

⁴ В оригинале — соответствующая по смыслу поговорка: «Он понимает, что (ему своя) туфля дорога».

74. Звездочет

¹ Придворный звездочет.

² См. прим. 12 к сказке 1.

³ Т. е. уже, так сказать, матрона (*лоху́са*). Родившая женщина пользовалась большим почетом, чем еще не рожавшая.

⁴ Дословно: «знающий скрытое».

⁵ См. прим. 19 к сказке 22.

⁶ Гаданье по песку было очень распространено на Востоке.

⁷ Этой сказке («Об удачливом самозванце») посвящена специальная работа В. Ф. Миллера и дополнительные соображения А. Е. Крымского (в «Юбилейном сборнике в честь В. Ф. Миллера», М., 1900, стр. 219—224).

75. Сказка о циновщике

¹ См. прим. 1 к сказке 28.

² Купеческий старшина.

³ Пословица о зазнавшемся человеке («свинья за столом»).

⁴ См. прим. 2 к сказке 58.

⁵ См. прим. 14 к сказке 8.

⁶ Так в подлиннике.

⁷ Дословно: «с воздуха».

⁸ Рифмы оригинала.

⁹ Это значит, что совсем не осталось мешков, на которые мышь могла бы свалиться, не разбив себе головы.

¹⁰ *Хинд* (или *Хиндистан*) — Индия.

¹¹ Поговорка. Смысл ее: «тогда уже нельзя поправить ничем».

¹² *Пешкеш* — подношение, подарок.

76. Вор и карманник

¹ Сказка на тему из «1001 ночи». В турецком фольклоре известно несколько вариантов этой сказки.

² Род лепешек из пресного теста.

³ См. прим. 4 к сказке 13.

⁴ Эта поговорка имеет в Турции особое значение: «делай все шитокрыто».

⁵ Звукоподражание.

⁶ *Во благо: халъяль*, см. Указатель

77. Сказка о «шап» и «шекер»

¹ Сложная рифмованная присказка.

² Рифмы подлинника.

³ См. прим. 7 к сказке 42.

⁴ См. прим. 4 к сказке 1.

⁵ Целый ряд глагольных рифм оригинала мы также передаем глагольными рифмами.

⁶ См. прим. 11 к сказке 2.

⁷ В оригинале тоже ассонанс, дающий комический эффект. То же и в оттошении: *народиться* — *небылицу*.

⁸ См. прим. 11 к сказке 1.

⁹ *Резь-Крой*. Подобное же использование специально придуманных шуточных имен есть и в гагаузском фольклоре.

¹⁰ См. прим. 13 к сказке 8.

¹¹ Звукоподражание, соответствующее русскому: «трах-тарарах!»

¹² Идиоматическое выражение.

¹³ В подлиннике *хайдút* — ед. ч. от слова *хайдúk* (так назывались повстанцы против султанской Турции XIX в. на Балканах).

¹⁴ Собственно: «мастера» (*устá*).

¹⁵ Звукоподражание звону, своего рода «динь-динь!»

¹⁶ См. прим. 1 к сказке 5.

¹⁷ В переводе соблюдены рифмы подлинника.

¹⁸ *Кавурма* — жареное мясо.

¹⁹ Дословный перевод образного турецкого выражения.

²⁰ См. прим. 10 к сказке 75.

²¹ См. прим. 8 к сказке 2.

²² Звукоподражание звону, своего рода «динь-динь!»

²³ См. прим. 8 к сказке 60.

²⁴ Различные звукоподражательные элементы: *кочы-кочы* и *писи-писи* употребляются, чтобы подозвать собаку и кошку, а *хав-хав* и *мрнау* как бы передают самые звуки собачьего лая и мяуканья.

²⁵ В оригинале, собственно, «душа мяся». Редкий случай такого «фамльярного» обращения к падишаху в турецких сказках.

²⁶ Арабское изречение о всемогуществе аллаха.

²⁷ Междометие: «эй ты, э-эх!»

²⁸ См. прим. 15 к сказке 27.

²⁹ Собственно, «квасцы».

³⁰ Собственно, «сахар».

³¹ Главный привратник.

³² В оригинале: *собá*. См. прим. 6 к сказке 14.

³³ В гагаузском фольклоре также упоминается «склеивание» парня и девушки в связи с магическим словом.

УКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ В СКАЗКАХ ВОСТОЧНЫХ СЛОВ¹

Azá (монг-тюркск.) — господин, барин, начальник; *ага-бей* — старший брат. Старый титул, который, в противоположность *эфенди*, указывал скорее на богатство, чем на образованность его носителя. Отменен наряду с другими турецкими титулами.

Акче́ (или *акча́*) — старинная серебряная монета.

Байра́м — праздник (религиозный)

Бей (более старая форма — *бей*) — феодальный термин: «князь», «господин». В быту (до отмены титулов) слово *бей*, часто указывавшее на родовую аристократию, употреблялось в разговоре с любым собеседником как знак уважения к нему. То же слово под формой *бек* употреблялось до революции в Азербайджане.

Бей-о́глу́ — сын бей, княжич, барчук

Бесмелé (арабск.) — произнесение последующей формулы.

Бисмилла́х (арабск.) — мусульманская религиозная формула: «во имя аллаха».

Вези́р (арабск.) — министр, советник султана. Широкой публике более известна другая (неправильная) форма этого термина: *везирь*, *визирь*.

Веки́ль (арабск.) — уполномоченный, доверенный. В новом языке — министр, заместитель.

Гавáз (вернее: *кавас* — из арабск. *кавас*, «лучник, стрелок из лука») — прислужник, посыльный, курьер. В новое время *кавасами* особенно часто назывались технические служащие в иностранных посольствах.

Гуру́ш (иначе *куруш*) — монета «пиастр», составляющая одну сотую турецкой лиры. По преданию, чеканка этой монеты по заказу турецкого прави-

¹ В указатель вошли слова, постоянно встречающиеся в сказках и типичные для быта старой Турции. Слова редкого или единичного употребления объяснены в примечаниях. При нетурецких словах вкратце отмечено их происхождение.

тельства (еще в средние века) производилась во Франции, где эта монета по своей грубой выделке получила название *grossus* (грубый — лат.), откуда будто бы и произошло слово *гуруш* (*куруш*).

Джинн (арабск.) — злой дух, бес. Часто выступает как своего рода *genius loci*. К герою сказки относится чаще враждебно, чем благожелательно. См. *эджинны*.

Дэв (в акалийских сказках так же, как и в сербских *див*) — слово иранского происхождения, по своему значению приближающееся к слову «гигант». В частности, то же значение сохраняется за ним (с теми или иными вариациями) в усвоивших его поволжско-татарском и крымско-татарском языках («большой, огромный»). В казахском языке *dev* и в киргизском *döv* означают: «великан, гигант».

Икинди — так называется время между полуднем и заходом солнца и мусульманская молитва, которая читается в это время.

Имам (арабск.) — «предстоятель», глава мусульманской религиозной общины. Во время молитвы имам стоит впереди мусульман, и те повторяют его действия и движения.

Ин — человеческий род в противоположность джиннам.

Иншаллах (арабск.) — «если угодно аллаху» — мусульманская фаталитическая формула.

Ифрит (арабск.) — демон, злой дух. Нечто более могущественное и страшное, чем *джинн*. Упоминается всегда в единственном числе. К сказочным героям относится враждебно.

Ийит — молодой храбрец, смельчак (в других тюркских языках перешедшее так же как и в русском в *джиит*).

Кааба (арабск.) — мусульманское святилище в Мекке, где находится «черный камень», главная «святыня» мусульман. В Мекку совершали паломничество (*хадж*), после чего получали звание *хаджи* (см.).

Кади (арабск.) — мусульманский духовный судья, разбирающий дела по *шариату* (мусульманское религиозное право).

Кары-ходжа — собственно, «женщина-учитель» (ср. женщина-врач), т. е. учительница. Дальше (после первого упоминания) *кары-ходжа* называется в сказках просто «ходжа» (см. сказку 36).

Кафес (арабск.) — собственно, «клетка». В старину означало еще «комната с решеткой на окнах», где жили невесты и султанские принцы. Характерно, что в сербских сказках молодых девушек до их замужества также держат «у кавезу».

Кебан — жаркое.

Конак — особняк, вилла, казенное учреждение (первоначально: место ночлега). На Кавказе в форме *кунак* означает: гость, связанный с хозяином узами кровной дружбы.

Кушлук — время между восходом солнца и полуднем, когда дают корм птицам (*куш*). В переносном смысле означает «завтрак».

Лалá — воспитатель султанских сыновей (т. е. губернёр или дядька). Эти воспитатели часто оказывали большое влияние на своих царствующих воспитанников, и потому один из периодов турецкой истории носит название «периода дядек» (*лалá дэври*).

Луку́м, или *локу́м* (арабск.) — род сладости, наподобие пастилы с орехами.

Махаллэ — квартал.

Машалла́х (арабск.) — дословно: «чего только ни пожелает аллах». 1. «Вот так так! Что за чудеса!» 2. «Какая прелесть!» — мусульманская формула, сильно распространенная в быту старого Востока.

Меджли́с (арабск.) — по-арабски значит «место сидения» («заседание»), а по-ирански и по-турецки — «парламент, совещание при шахе или султানে». Бытовое значение (известное, в частности, в поволжскотатарском и других тюркских языках): «собрание, совещание, компания, вечеринка».

Минаре́т (арабск.) — дословно: «место огня». Так называется башня над мечетью (своего рода колокольня), откуда *муэzzин* (см.) возглашает свой призыв на молитву (см. *эзан*).

Миндэ́р — подушка или тюфяк для сидения на полу.

Муэzzин (арабск.) — дословно: «призывающий на молитву» (см. *эзан*).

Нама́з (слово иранского происхождения — первоначальное значение: «привет») — мусульманская ритуальная молитва, которую предписывалось совершать 5 раз в день.

Окка́ (из лат и греч.) — мера веса, несколько больше, чем килограмм (около 3 фунтов).

Пабу́ч, *папу́ч* (иранск.) — особый вид обуви — туфли без каблуков и задников.

Пара́ — мелкая монета (1/40 пиастра — см. *гуру́ш*); деньги вообще.

Паша́ — турецкий генерал (слово, по мнению проф. Дени, происходит из *баш* плюс *ага*, — главный *ага*). Титул отменен около тридцати лет назад.

Питэ́ — плоская лепешка большого размера. Произносится также *пидэ́*.

Пэри́ (слово иранского происхождения) — волшебное существо иранского и турецкого фольклора. В русскую литературу это слово (с измененным ударением: *пэри*) особенно широко входит в эпоху Пушкина и Лермонтова. Как слово, так и выражаемое им понятие известно еще в языках поволжскотатарском, узбекском, башкирском. В последнем существует сложный термин *дэв-пэри*, обозначающий одно волшебное существо.

Рамаза́н (арабск.) — 9-й месяц арабского лунного календаря. Во время *рамазана* мусульмане днем должны были соблюдать строгий пост, а вечером и ночью могли вознаграждать себя обильными яствами.

Саз (иранск.) — щипковый музыкальный инструмент, очень распространенный на Ближнем Востоке.

Селя́м (арабск.) — собственно: «пожелание мира, привет». Слово *селям* входило в состав мусульманских приветственных формул (на арабском языке): основной — «да будет над вами мир» (*селям алейкюм*) и ответной — «и над вами мир» (*ве алейкюм селям*). Поэтому турецкое выражение «дать селям» означает «приветствовать кого-либо» (по 1-й формуле), а «принять селям» — «ответить на чье-либо приветствие» (по 2-й формуле).

Султан-ханым (иногда *ханым-султан*) — султанша, т. е. жена султана.

Иногда, в зависимости от контекста, может означать и «принцессу», «дочь султана».

Таа́ф (арабск.) — мусульманский обряд обхождения вокруг *Каабы* (см.). Входил как составная часть в обряд паломничества в Мекку, так называемый *хадж* (см.).

Телля́ль (из арабского *дэлляль*) — глашатай, или бирюч, который сообщал населению приказы властей. С другой стороны, *телляль*, заменяя отсутствующие газеты или объявления, исполнял обязанности комиссионера или маклера: принимал коммерческие поручения, выступал посредником в сделках, осуществляя продажу с торгов и т. д.

Тюрбэ́ (арабск.) — мавзолей, гробница

Фераджэ́, или *Фереджэ́* (арабск.), — старинная женская верхняя одежда вроде накидки или плаща.

Хадж (арабск.) — мусульманский обряд паломничества в Мекку.

Хаджи́ (арабск.) — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку. Слово часто входит в состав имен: *Хаджи-Ахмед*, *Хаджи-Сулейман* и т. д.

Халя́ль (арабск.) — «дозволенное, разрешенное шариатом» (см *кади*). Термин мусульманского права. Охватывает собою все те предметы, действия и вообще явления жизни, которые не стоят в противоречии с нормами *шариата*. Полярной противоположностью термину *халяль* является мусульманский термин *харам* (см.).

Хамáл (из арабск. *хаммáл*) — носильщик, грузчик. В Азербайджане *амбáл*.

Хамáм — баня.

Хан — 1. (монг.-тюркск.) князь, феодал; 2. (иранск.) постоянный двор.

Ханы́м (монг.-тюркск.) — «дама», «госпожа». В обращении к ней и в вежливом рассказе в отношении ее употреблялась форма *ханы́м-эфенди* (как бы «дама-господин»), что по нормам турецкой грамматики означает: «госпожа».

Ханы́м-султа́н — см. *султан-ханым*.

Хара́м (арабск.) — «запретный, запрещенный шариатом». Термин мусульманского права. По содержанию является полной противоположностью термину *халяль* (см.). Ср. распространенную формулу проклятия: «все, что было тебе *халяль*, пусть станет для тебя *харам!*»

Харе́м (арабск.) — «неприкосновенное или запретное (для чужих) место» — женская половина дома, недоступная для посторонних мужчин. В старой Турции у богатых турок дом делился на две половины: мужскую и женскую. Кроме того, *харем* служит для обозначения жены или жен (если их было несколько).

Хеки́м (из арабск.) — «доктор», «врач» восточной старой школы, однако более квалифицированный, чем простой знахарь — *ходжа* (см.). *Хеки́м-башы́* — главный врач (придворная должность).

Хенна́ (арабск.) — краска растения *Lausonia inermis*, употреблявшаяся в косметических целях. В ритуале старой турецкой свадьбы входила так называемая «ночь хенны», когда хенной окрашивали волосы, руки и ноги невесты. Слово *хенна́* более известно в своем узбекском произношении: *хна*.

Ходжа́ (иранск.) — духовное лицо и одновременно учитель мусульманской духовной школы старого типа. Он же выступает в сказках как врачев-

ватель, по существу «знахарь», и в качестве такового противопоставляется хекиму, так сказать квалифицированному врачу. От слова *ходжа́* через татарско-мишерское посредство (сдвиг значения, а также иное произношение) произошло русское слово «хозяин».

Ходжа́-ханым — знахарка (см. *ходжа́*).

Ху́рия (арабск.) — «райская дева» в предполагавшемся мусульманами раю Мухаммеда.

Чары́ки — простая крестьянская обувь из бараньей кожи.

Чау́ш — унтер-офицер или фельдфебель в турецкой армии.

Чорба́ (м. б., из арабск.) — суп, похлебка.

Шальва́ры (иранск.) — род панталон или брюк (носили одинаково и мужчины и женщины с небольшими отличиями в покрое). Отсюда же происходит и русское «шаровары».

Шахзаде́, или *шехзаде́* (иранск.) — сын шаха, падишаха или султана, «царевич».

Шейта́н (арабск.) — дьявол, сатана.

Шейхульисла́м (арабск.) — высшее духовное лицо мусульман.

Шербет (арабск.) — напиток в виде сиропа; жидкое лекарство. Отсюда же французское *sorbet*.

Эджи́нны — другая грамматическая форма *джинны*.

Эва́н (арабск.) — призыв мусульман к молитве, который нараспев провозглашает с минарета (см.) *муэzzин* (см.).

Эйвалла́х — арабская религиозная формула со значением «до свидания», «спасибо».

Эйва́х — увы!

Эмане́т (арабск.) — юридический термин, означающий акт препоручения кому-нибудь чего-нибудь или самый объект, который доверяют или оставляют на хранение. Вещь оставляли на хранение обыкновенно у частных лиц.

Эфе́нди (из греч.) — «господин», «барин» Титул этот (уже отмененный) указывал скорее на образованность его носителя, чем на происхождение (*бей*) или богатство (*ага*). При обращении говорили *эфендим* (т. е. мой эфенди, ср. *monsieur*, *mein Herr*, *my lord* и т. д.). Женщин из круга эфенди называли *ханым-эфенди* (в обращении: *ханым-эфендим*).

Ятси́ — дословно: «время сна» — вечер. *Ятси́ намаз* — мусульманская молитва (*нама́з*), которую предписывалось совершать в это время (примерно через два часа после заката солнца).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Уже Т. Бенфею, заслуженному исследователю древнейших памятников повествовательной литературы, его многочисленным последователям, и среди них И. Куношу, венгерскому ученому, собравшему и опубликовавшему материалы, впоследствии вошедшие в настоящий сборник, было ясно, что османский фольклор заслуживает выдающегося места в науке не только в силу богатства его содержания и формы, но еще и потому, что турецкий репертуар чисто географически как бы воссоединяет Восток и Запад, сохраняя притом и выраженную эпохальную преемственность культур Индии, Ирана и всего мусульманского мира. Таким образом, фольклор Турции незаменим в географо-исторических исследованиях любого сюжета, жанра, как весьма важное звено в культурном наследии человечества.

Специальное значение повествовательный репертуар Турции имеет для советских ученых из сопредельных, особенно тюркоязычных республик, как материал для непосредственного сопоставления.

Н. К. Дмитриев, опираясь на наблюдения В. Д. Смирнова, обращает внимание на поразительное сходство мотивов и сюжетов отдельных турецких сказок с рассказами других народов (см. стр. 18 наст. изд.). «От детального сопоставления подобного рода моментов» Н. К. Дмитриев либо сам отказался, либо в этом ему отказало издательство. Но, по-видимому, редактор все же желал видеть такое сопоставление сюжетов в международном объеме, согласно системе Аарне—Томпсона. Этот пробел издательство решило восполнить во втором издании книги.

Теперь имеется гораздо больше сведений о географии и истории сюжетов. Исследование сказок превратилось в наши дни в самостоятельную науку, со своими методами, понятиями, особыми задачами и значительными успехами. Это сугубо международная наука, и исследование турецких сказок занимает в ней видное место. Поэтому настоящая книга, рассчитанная на взрослого любителя сказок, снабжена более обстоятельным, чем это намечалось в примечаниях самого Н. К. Дмитриева (например, к № 67, 74), типологическим анализом.

Аналізу подвергаются ниже исключительно лишь сюжеты рассказов. Содержание каждого опубликованного здесь текста рассматривается как

вариант (т. е. пересказ) повествовательного типа (т. е. однажды, где-то и кем-то самостоятельно сочиненного рассказа).

Каждый вариант определяется, т. е. относится к соответствующему типу, по существующим каталогам типов, иногда и по индексам мотивов (т. е. более дробного материала, из которого сложен сюжет). В некоторых случаях сюжеты описаны согласно широкоизвестным литературным памятникам, которые в свою очередь тоже аннотировались указаниями на варианты и параллели. Список условных сокращений часто привлекаемой литературы дан на стр. 456—459.

Когда соответствие типу в определяемом рассказе обнаруживается частично, — формула типа или определения дана в круглых скобках. Более отдаленное сходство фиксируется буквами «ср.» («сравни») перед данным определением.

Контаминации и конфабуляции (т. е. более или менее устойчивые сочетания разных типов) показаны знаком + («плюс»). Формулы для большей четкости иногда заключаются в квадратные скобки. Знаком равенства (=) отмечены определения одного содержания, но по различным справочникам, в каждом из которых читатель найдет указания на варианты. Так как установленные типы сюжетов на деле существуют лишь в конкретных пересказах, т. е. вариантах, более или менее точно отражающих исходное произведение или отдельную его редакцию, то уже в целях лучшего определения уместно указать на близкие по происхождению варианты в других печатных источниках, сборниках. Эти указания расположены в комментариях к текстам настоящего сборника (стр. 460—475).

В конечном счете благодаря этим ссылкам исследователь получит ключ к весьма значительному сравнимому материалу. Однако примечания эти отнюдь не претендуют на исчерпывающую полноту, они даются в качестве ориентирующей информации, полезной для дальнейших фольклористических разысканий.

Во многих случаях, когда это представлялось интересным для любителя народной словесности, предлагается характеристика географии и литературной истории и рассказа, отмечаются специальные исследования по данному сюжету и резюмируется состояние сказоведческой науки по изучению того или иного типа, в надежде, что это будет стимулировать интерес читателей к своеобразной, весьма сложной отрасли знания.

Определения типов (но не варианты!), данные в комментариях к текстам (стр. 460—475), вынесены в конце книги в сводный регистр по порядку привлеченных справочников, согласно внутренней их системе (стр. 476). Пользуясь определениями типов из сводного регистра, интересующийся легко сможет отыскать по каталогам и сборникам нужный сюжет и получить указания на его варианты в настоящей книге, провести сопоставление с репертуарами других регионов, сравнить эту книгу с другими сборниками народных рассказов, издаваемых у нас и за рубежом с подобными же аппаратами. По указанным типам (нередко с теми же условными сокращениями) читатель найдет в ежегодных типологических регистрах журнала «Fabula» ссылки на рассматриваемые в этом сказоведческом журнале источники. Большой типологический анализ, и в частности сводный регистр, дает представление о том, что рассказывалось и, вероятно, еще рассказывается среди населения Малой Азии.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ¹

- AaAn — Н. П. Андреев, *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*, Л., 1929.
- AAK — *Турецкие сказки*. Составители Р. Аганин, Л. Алькаева, М. Керимов. Предисловие Р. Моллова, М., 1960. [Рец. Dömötör, «Fabula», 6, 77—78].
- AaTh — *The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antli Aarne's Verzeichnis der Märchentypen* (FFC № 3). Translated and Enlarged by Stith Thompson, Second Revision, Helsinki, 1961. (FFC 184).
- AD — О. Alparslan et G. Dumézil, *Le parler Besney de Zennun köyü*, — «Journal Asiatique» (1964), 355—357*.
- Anderson, Novelline — W. Anderson, *Novelline popolari sammarinesi* — «Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)», В 10,5: 19,3; 31,2, Tartu, 1927, 1929, 1933; Riproduzione anastatica, Torino, 1960.
- Арм — *Армянские сказки*. Второе, значительно дополненное и исправленное издание, М., 1933.
- Ar — Yacoub Artin Pacha, *Contes populaires inédits de la vallée du Nil*, Paris, 1895.
- At — L. Frobenius, *Atlantis, Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas*, Jena, 1921.
- АТС — *Азербайджанские тюркские сказки*. Перевод, статьи и комментарии А. Багрия и Х. Зейналлы, М., 1935.
- Az — Ali Aziz Efendi, *Muhayyelât-i ledün-i ilâhi*, Istanbul, 1268.
- Ba — R. Basset, *Mille et un contes, récits et légendes arabes*, vol. 1—3, Paris, 1924—1926.
- Basile, Pentamerone — Giambattista Basile, *Il Pentamerone*, Napoli, 1634—1636 [ср. ВР 4, 184ff].
- Be — G. Bergsträsser, *Neuaramäische Märchen und andere Texte aus Ma'lu-la*, Leipzig, 1915.
- Benfey, Pantschatantra — *Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen*. Aus dem Sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen von Theodor Benfey, Bd I—II, Leipzig, 1859.
- Bi — Micha Josef Bin Gorion, *Der Born Judas*, Berlin, 1934 [Ausg., Wiesbaden, 1959].
- Биллюр кёшк — *Billür köşk hikâyesi*, Istanbul, 1339.
- BoB — Pertev Naili Boratav, *Türkische Volksmärchen*, Berlin, 1966**.
- BoP — P. N. Boratav, *Contes turcs*, Paris, 1955. [Рец. Anderson, Hess. Bl. 46, 170].
- BoTk — P. N. Boratav, *Le «Tekerleme». Contribution à l'étude typologiques et stylistiques du conte populaire turc*, Paris, 1963 («Cahiers de la Société Asiatique» XVII).

¹ Настоящий список содержит расположенные в алфавитном порядке названия литературы, неоднократно упоминаемой в настоящем типологическом анализе сюжетов. Читателя, специально интересующегося новейшими данными об изучении турецкой сказки, мы отсылаем к труду П. Н. Боратава (Pertev Naili Boratav, *Le conte et la légende*, — «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. II, Wiesbaden, 1964, pp. 44—67). Там же имеется подробная библиография. Звездочкой в списке помечены источники, любезно указанные мне П. Н. Боратавом (Париж), двумя звездочками — источники, находящиеся в печати.

- Boz — P. N. Boratav, *Zaman Zaman içinde*, Istanbul, 1958. [Рец. Ranke, «Fabula» 3, 310]
- Бритаев, Казбеков — Бритаев, Казбеков, *Осетинские сказки*, М., 1951.
- BP — J. Bolte, G. Polivka, *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*, Bd 1—5, Leipzig, 1913—1931.
- BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London Institution (University of London)».
- BTT — М. А. Васильев, *Памятники татарской народной словесности*, Казань, 1924.
- Bu — E. A. Wallis Budge, *Egyptian Tales and Romances*, London, 1931.
- Calvino — Italo Calvino, *Fiabe italiane* [Torino, 1956] [Рец. Anderson, «Fabula» 1 (1957), 283ff].
- Сб. кавк. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- Ch — G. Chalatzianz, *Märchen und Sagen*, Leipzig, 1887.
- Chauvin — Victor Chauvin, *Bibliographie des ouvrages arabes*, 1—12, Liege, 1892—1922.
- Chavannes — Edouard Chavannes, *Cinq cent contes et apologues extraits du Tripitaka chinois*, I—IV, Paris, 1910—1934.
- Ci — Чечено-ингушский фольклор, М., 1940.
- Ср — A. Christensen, *Märchen aus Iran*, Jena, 1939.
- Cr — C. M. Crews, *Recherches sur le judéo-espagnol dans les pays balkaniques*, Paris, 1935.
- Da — R. M. Dawkins, *Modern Greek in Asia Minor*, Cambridge, 1916.
- D — Georges Dumézil, *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase*, II, Paris, 1962*.
- DD — G. Dumézil, *Documents...*, III, Paris, 1965*.
- DDD — G. Dumézil, *Textes lazes*, Paris **.
- Di — A. Dima, *Rumänische Märchen*, Leipzig, 1944.
- Df — R. M. Dawkins, *Modern Greek Folktales*, Oxford, 1953.
- Do — R. M. Dawkins, *Forty-five Stories from the Dodekanese*, Cambridge, 1950.
- Долидзе — Н. И. Долидзе, *Грузинские народные сказки (Сто сказок)*, Тбилиси, 1956.
- EbBo — W. Eberhard, P. N. Boratav, *Typen türkischer Volksmärchen*, Wiesbaden, 1953. [Рец. Anderson, Hess. Bl. 44, 111ff. Рец. Tietze, «Oriens» 7 (1954), 141—152].
- Fabula — «Fabula», Zeitschrift für Erzählforschung hrsg. von Kurt Ranke, Berlin, 1957 ff.
- Fe — *Ferec ba'd eş-şidde*, ed. Tietze, «Oriens» 7, 141 ff.
- Fundamenta — *Philologiae Turcicae Fundamenta*, t. 2, Wiesbaden, 1965 [P. N. Boratav, pp. 1—170 (pp. 44—57, 57—67)].
- Ha — J. G. von Hahn, *Griechische und albanesische Märchen*, Bd 1—2, 2. Aufl., München, 1918.
- HDM — *Handwörterbuch des deutschen Märchens* hrsg. von Lutz Mackensen, Bd I, II (A—G), Berlin, 1930—1940.
- Henning — *Tausend und eine Nacht*. Aus dem Arabischen übertragen von Max Henning, Bd 1—8, Leipzig, [o. J. Reclam].
- Hess. Bl. — «Hessische Blätter für Volkskunde».
- Honti FFC 81 — H. Honti, *Verseichnis der publizierten ungarischen Volksmärchen*, Helsinki, 1928.

- Jm — Alfred Jahn, *Die Mehri-Sprache in Südarabien*, Wien, 1923.
- Jü — B. Jülg, *Die Märchen des Siddhi-kür*, Leipzig, 1866.
- Jx — G. Jacob, *Xoros kardasch (Bruder Hahn), ein orientalisches Märchen- und Novellenbuch*, Berlin, 1906.
- Jz — Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. 2, М., 1949, стр. 140—182; Н. А. Баскаков, *Об особенностях говора северо-кавказских туркменов (трухменов)*; стр. 248—295; М. К. Милых, *Ногайские тексты*.
- KAd — I. Kunos, *Türkische Volksmärchen aus Adakale*, Leipzig, 1907 (цитируется по стр. гурецкого текста).
- KGy — I. Kúnos, *Oszmán-török népköltési gyűjtemény*, I—II, Budapest, 1887—1889 [приводится по номерам текстов].
- Kh — I. Khatchatrianz, *Armenian Folk Tales*, Transl. N. W. Orloff, Philadelphia, 1946 [Ср. Арм.; В расказоведческой литературе, в частности у Титце, ссылки даны на английское издание книги].
- Ki — *Tarih-i Kirk Vezir*, Istanbul, 1303.
- KK — Elsa Sophia von Kamphoevener, *An Nachtfeuern der Karawan-Serail. Märchen und Geschichten alttürkischer Nomaden*, Hamburg, I, 1956, II, 1957. [Рец. Tietze, «Fabula» 1, 294; рец. Anderson, «Fabula» 2, 292.— За редкими исключениями, все тексты являются плагиатом и мистификацией. Главным источником служило издание KAd].
- Korfu — Jacques Boulanger, *Les contes de ma cuisinière*, Paris, 1935. [Рец. Ranke, «Fabula», 6, 260, № 3].
- Köhler — R. Köhler, *Kleinere Schriften* (ed. J. Bolte), Bd 1—3, Weimar, 1898—1900.
- KSt — I. Kunos, *Türkische Märchen aus Stambul*, Leiden, 1905.
- Kt—KSt.
- Kr — P. Kretschmer, *Neugriechische Märchen*, Jena, 1917.
- Krzyżanowski — J. Krzyżanowski, *Polska bajka ludowa*, T. II, Warszawa, 1963.
- La — M. Lambertz, *Die geflügelte Schwester und die Dunklen der Erde, albanesische Volksmärchen*, Eisenach, 1952.
- Laz — G. Dumézil, *Contes Lazes*, Paris, 1937. [Рец. Ranke, «Fabula» 6, 260, № 4].
- Lb — E. Laoust, *Contes berbères du Maroc*, t. I—II, Paris, 1949.
- Le — A. Leskien, *Balkanmärchen aus Albanien, Bulgarien, Serbien und Kroatien*, Jena, 1925.
- Левченко — Микола Левченко, *Казкі та оповідання з Подилля в записках 1850—1860 рр.*, вып. I—II, Київ, 1928.
- Li — E. Littmann, *Die Erzählungen aus den tausendundein Nächten*, Bd 1—6, Leipzig, 1924.
- Liungman — W. Liungman, *Die schwedischen Volksmärchen*, Berlin, 1961.
- Lm — E. Littmann, *Arabische Märchen*, Leipzig, [s. a.].
- Lombardi — Lombardi Satriani, Raffaele, *Racconti popolari calabresi*, t. I—II, Napoli, 1953; Vibo Valentia, 1956. [Рец. Anderson, Hess. Bil. 47, 120ff].
- Ma — A. Mazon, *Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale*, Paris, 1923.
- Megas — Μέγας. Γ. Α. 'Ελληνικά παραμύθια, 'Αθήναι, 1956². [Рец. Petropoulos, «Fabula» 6, 275—276].
- MEV — *Märchen der europäischen Völker. Von Prinzen, Trollen... 1956* — [В этих изданиях Общества любителей европейской сказки тексты публикуются в оригинале и последующем немецком переводе].
- Mf — C. Meinhof, *Afrikanische Märchen*, Jena, 1921.

- MMM — J. Miliopulos Paraskevas, *Mazedonische Märchen*, Hamburg, 1951.
[Рец. Ranke, «Fabula» 6, 260, № 5].
- MSFOu — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
- Мр — Henri Massé, *Contes en persan populaire*, Paris, 1925.
- Ne — Ahmed Ben Hemdem Süheyli, *Acaibülmeasir ve garaibünnevadir (Nevadir-i Süheyli)*, Istanbul, 1256.
- Noy — Dov Noy, *Folktales of Israel*, Chicago, 1963.
- Oe — J. Oestrup, *Contes de Damas*, Leiden, 1897.
- Paasonen, Mordw. — H. Paasonen, *Mordwinische Volksdichtung*, I—IV, Helsinki, 1938, 1939, 1941, 1947 (MSFOu 77, 81, 84, 91).
- Parallele — J. Krzyżanowski, *Parallele*, Warszawa, 1961.
- Плутовка — *Плутовка из Багдада*, М., 1963. [Предисловие Ю. Боршевского].
- R — W. Radloff, *Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme*, T. VIII, St.-Petersburg, 1899, pp. 185—310 (Mundarten der Osmanen gesammelt und übersetzt von Dr. Ignaz Kúnos).
- Ra (Pa) — *Образцы народной литературы тюркских племен*, изданные В. Радловым, т. I—X, СПб., 1866—1904.
- Sc — H. Schmidt, P. Kahle, *Volkserzählungen aus Palästina*, Göttingen, 1918.
Se — *Sergüzešt-i Ra'ná vu Zibá*, Istanbul, 1289.
- Sd — Subhi Muhtedi, *Dastanha-e milel* [s. l.], [s. a.].
- Si — *Sinbad-name*, ed. Ahmed Ateş, Istanbul, 1948.
- Sp — G. Spitta-Bey, *Contes arabes modernes*, Leyde, 1883.
- Su — Subhii, *Efsaneha*, I—II, Tahrán, 1324—1325.
- Straparola — G. F. Straparola, *Le piacevoli notti*, ed. G. Rua, t. I—II, Bologna, 1899—1908.
- Swahn — J.-Ö. Swahn, *The Tale of Cupid and Psyche*, Lund, 1955.
- Шевердин — *Узбекские народные сказки*, ред. М. И. Шевердин, т. I, Ташкент, 1955, т. II, Ташкент, 1960.
- Шукасапгати — *Шукасапгати*, перевод М. А. Ширяева, М., 1960.
- Тат — X. X. Яурмухамедов, *Татарские народные сказки*, Казань, 1957. [Рец. Anderson, «Fabula» 6, 259.]
- Tauscher, Jeypore — R. Tauscher, *Volksmärchen aus dem Jeyporeland*, Berlin, 1959.
- Tietze — A. Tietze — «Oriens», vol. 7 (1954), № 1, 141—152 [cp. EbBo].
- TFA — «Türk folklor arařtırmaları», Istanbul, 1949, № 1—197*.
- Текерлеме — Tekerleme.
- ThFt — Stith Thompson, *The Folktale*, New York, 1946.
- ThMot — S. Thompson, *Motif-Index of Folk-Literature*, I—VI, Copenhagen—Bloomington, 1955—1958.
- Tk — Naki Tezel, *Kelođlan*, Istanbul, 1945.
- Tu — *Tuti-Nameh, das Papageienbuch*. Nach der türkischen Fassung übersetzt von Georg Rosen, Leipzig, [1958].
- Ubyk — G. Dumézil, *Contes et légendes des Oubykhs*, Paris, 1957. [Рец. Ranke, «Fabula» 2, 192 ff.]
- Vi — Fr. Vincze, *Beiträge zur Kenntnis des anatolischen Türkisch*, Budapest, 1908 [«Keleti Szemle» IX, 141—179.]
- We (Wesselski, Hodscha) — Albert Wesselski, *Der Hodscha Nasreddin*, Bd I—II, Weimar, 1911.
- Wesselski, Versuch — A. Wesselski, *Versuch einer Theorie des Märchens*, Reichenberg, 1931.

Wm (Wesselski, Märchen) — A. Wesselski, *Märchen des Mittelalters*, Berlin, 1925.

Хаханов — А. С. Хаханов, *Очерки по истории грузинской словесности*, т. I—IV, М., 1895—1906.

Ye — *Yedi âlimler hikâyesi*, 1289.

Zs. f. Vkke — «Zeitschrift für Volkskunde», Berlin.

Zs. des Vereins f. Vkke — «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», Berlin, 1891 ff.

№ 1, ср. № 2.

Источник: KAd2, 28 № 5, ср. KSt 94.

Тип: AaTh 301 = EbBo 72.

Варианты кавказские и арабские, а также библиографию см. ВР 2, 313 Chauvin 6. 1 № 181; 7, 10; 6, 3.

Дополнительно: R № 23. Ch № 3. Da 370—374, 448—452. Df № 26. La 37—49. Le № 18. Oe № 6. Lm 136—159. ATC № 9.

Юнгман (Liungman sub AaTh 301) относит рассказ к Византии I тысячелетия н. э. О более древних «шаманских» элементах сюжета см. Levin в «Fabula», 8 (1966), 1—63. Ареал универсален.

№ 2, ср. № 1.

Источник: KGy 65.

Тип: AaTh 301 A = EbBo 72.

№ 3

Источник: KGy 2.

Тип: (Honti FFC 81. Тур 727—728) + (AaTh 304) + AaTh 552 (302) = (EbBo 363 V + (EbBo 213 IV 1+2) + EbBo 215 + EbBo 218).

Варианты, в частности кавказские, см. ВР 2, 454.

Дополнительно: KGy 66, 90, 96, 74. KAd 2, 281 № 41. KSt 297, № 39. Tietze 141 ff.

Насколько обозримо, настоящий рассказ примыкает к выраженной малоазиатской версии перечисленных сюжетов, встречающихся на Кавказе в устойчивой контаминации.

№ 4

Источник: KGy 20.

Тип: (AaTh 518) + AaTh 306 = (EbBo 84 IV + EbBo 183).

Варианты: Kt 107. Tk 3—14. Ha № 114. Le № 64.

О турецких свидетельствах сюжета см. AaTh 306, Liungman (sub).

Часто встречающийся в этой книге тип AaTh 518 рассматривается ThFt 76 как весьма древний восточный мотив, известный уже по китайским сборникам буддийской литературы.

№ 5

Источник: KAd 184—185 № 37.

Тип: AaTh 834 + AaTh 834A = EbBo 123.

Варианты: J. Polívka, *Roztancovane stfevice*, Praha, 1904.

Хаханов, Т. I, стр. 360 и сл. D. C. Graham, *Songs and Stories of the Ch'uan Mia*. Washington, 1954, p. 27, № 149.

Ареал сюжета весьма ограничен. Известен по единичным записям на турецком, новогреческом, венгерском и украинском языках, засвидетельствован также на Кавказе, в Прибалтике, а также в штате Джайпур (Индия), в Китае и в одном варианте в Латинской Америке. Генетическая связь этих рассказов подтверждается деталями.

№ 6, ср. № 10, 11

Источник: KGy 17.

Тип: AaTh 465 A, ср. AaTh 402 + AaTh 561 = EbVo 86 + EbVo 180,
Варианты: Vi 158—161. Da 340—342. Df № 18a, 18b. La 113—120. Le
№ 31. Cr 152—162. Ag 103—114. ATC 2, 4, 5.

Тип AaTh 465A, встречающийся в этой книге часто как эпизод, пред-
стает в настоящем рассказе в его специфически восточной версии,
известной и по литературным памятникам, напр. по древнеиндий-
скому «Океану сказаний» и по персидско-арабскому своду «Тысячи
и одной ночи».

№ 7

Источник: KAd 204—210 № 41.

Тип: AaTh 560 = (EbVo 58).

Варианты: дополнительно: Ki 221—228. Da 328—330. Da 456—464. Kh
63—67. Df № 9. Lb № 100. — Ra I, 88 ff.

Монография: Aarne — MSFOu XXV 3—82.

№ 8

Источник: KAd 4—7 № 2.

Тип: AaTh 738* = (EbVo 80).

Варианты: R 7.

Ср. Tietze № 80.

№ 9, ср. № 21

Источник: KGy 1.

Тип: (EbVo 363 V) + (EbVo 202 III).

Варианты: KAd 151—156. Tu 320—328.

№ 10, ср. № 6, 11

Источник: KGy 3.

Тип: (AaTh 465A + AaTh 400) = EbVo 83.

Варианты: ATC № 2, 4, 5.

№ 11, ср. № 6, 10

Источник: KAd 76—79 № 18.

Тип: AaTh 465A = (EbVo 215 III j) + (EbVo 72 III, 3).

Варианты: ATC № 2, 4, 5.

№ 12

Источник: KGy 76.

Тип: EbVo 211.

Варианты: R 16.

В турецком каталоге под типом 211 отмечены лишь три варианта.
В данном случае этого мало для выделения особого типа. Даже
В. Андерсону рассказ не поддавался определению ни по системе
Аарне, ни по другим справочникам. Между тем, ведущий эпизод
EbVo 211 I, 1 отражен в средневековой еврейской легендарной ли-
тературе. Изложение сюжета у Левнера (*Кол агадот йсраэл*, т. III,
изд. 4 Тушия, колона 288) восходит, видимо, к Ялкут Шимеони
(Сам. 2, § 155). Другие версии см. Вавилонский талмуд 95—99,
также ссылку Левнера в списке источников.

№ 13

Источник: KGy 80.

Тип: (EbVo 72 III, 8—9) + ср. EbVo 212.

№ 14

Источник: KAd 52—56 № 12.

Тип: EbVo 198 = ВР 3,412; ВР 2,331 = Chauvin 7, 29.

«Хасан из Басры» — знаменитый рассказ из «Тысячи и одной ночи», все еще не занявший подобающего места в каталоге АаTh: Li V, 329. Li VI, 724. Henning 13, 132; 14, 107.

Мотив: «полет Синдбада» см. Chauvin 7, 10; 7, 35.

Древнейшее турецкое свидетельство: Fe XXXV.

№ 15

Источник: KAd 57—60 № 13.

Тип: АаTh 518 = (EbVo 97 III, 6).

Варианты: R № 9. Df № 46. Ha № 58. Kг № 56.

№ 16

Источник: KAd 7—13 № 3.

Тип: EbVo 208.

Варианты: Jm № 25. Az 3 sq. Li I, 260 ff. Li II, 392 ff. Cp. Boratav в «Revue de la Faculté d'Ankara», т. 3, № 3, 329—330 = EbVo 208 V.

№ 17

Источник: KAd 34—37 № 8.

Тип: (EbVo 212 III).

Варианты: Tietze № 212; EbVo 212 V.

№ 18

Источник: KGy 24 (= KSt 4).

Тип: АаTh 408 = (EbVo 89).

Варианты: KGy 12 (= KSt 26). KGy 85. АТС № 78. Da 304—314. Ha № 49. Df № 1. Cr 83—86. Cp № 4. Su II, 71—84; 86—90.

Монография по знаменитому сюжету «Любовь к трем апельсинам», с учетом всех имеющихся источников, письменных и устных, а также литературных обработок и переделок сюжета, включая и историю одноименной оперы С. Прокофьева и инсценировку-пародию в театре под руководством А. Райкина (СССР), готовилась покойным В. Андерсоном. Работа будет завершена в порядке международного сотрудничества. Сообщение о монографии см.: W. Anderson, *Le conte des Trois Oranges*, — Separata das Actas do Colóquio de de Estudos Ethnográficos «Dr. José Leite de Vasconcelos», vol. I, Porto, 1959.

№ 19

Источник: KAd 137—143 № 30.

Тип: Tekerleme + АаTh 567 = (EbVo 363 V) + (EbVo 174).

Варианты: Tietze № 174. Tu 400—410. Jx 102—113. Da 410—418; 478—482. Df № 22. Cr 100—104. Bu 376—383. At III № 54. Cp № 13. Su I, 49—61. Ra IV, 477 ff.

Сюжет рассмотрен подробно ThFt 28, 30, 75, 281, 444.

№ 20

Источник: KAd 79—86. № 19.

Тип: АаTh 0 + (АаTh 738*) = EbVo 66.

Рассказ встречается в «Тысяче и одной ночи».

№ 21, ср. № 9

Источник: KAd 108—112 № 24.

Тип: EbVo 202.

Варианты: Tietze № 202 считает, что весь рассказ или, по крайней мере, адакалийский вариант восходит к Tu 320 ff.

№ 22

Источник: Биллюр кёшк.

Тип: AaTh 514 + AaTh 518 = EbBo 97 + EbBo 97 III, 6 + EbBo 374 III, 3—7.

Варианты: R 9.

Ср. Chauvin 7, 29, 38; *Kathūsaritsāgara* (ed. Tawney) I, 11f.; Wesselski, Versuch 164.

№ 23, ср. № 24

Источник: KAd 25—31 № 6.

Тип: (AaTh 516 I + II) + (AaTh 930 I + II) = ср. EbBo 222 + EbBo 214 I, 1—5 + EbBo 214 III j 5.

Варианты: «Мир ислама» I, 322—344. W. Ruben, *Ozean der Märchenströme, I. Die 25 Erzählungen des Dämons. (Vetālapancavimsati)*. Mit einem Anhang über die 12 Erzählungen des Dede Korkut, Helsinki, 1944, 41—53.

Монография о древней истории сюжета и турецких вариантах AaTh 930 см. Tille = Zs. des Vereins f. Vkd. XXIX (1919), 22 ff.

Монография AaTh 516: E. Rösch, *Der getreue Johannes*, Helsinki, 1928. Географо-исторический очерк см.: ThFt 111, ср. Chauvin 4, 8, 57; 7, 98. Wm 222 № 34.

№ 24 ср. № 23

Источник: KAd 211—218 № 42.

Тип: (AaTh 725 + AaTh 517 + AaTh 516) + ср. AaTh 930 = (EbBo 214) + EbBo 214 IV e.

Варианты: ATC № 3, 10, 15, 18, 22.

№ 25

Источник: KAd 172—177 № 34.

Тип: AaTh 315 = EbBo 149 + (EbBo 146 III + V).

Варианты: KGu 71. Le № 63. Fe XXXV. Da 550. La 9—13.

Монография, хотя и устаревшая: O. Hackman, *Die Polyphemsage in der Volksüberlieferung*, Helsingfors, 1904

Также и П. П. Остроумов, *Новые варианты сюжета о Полифеме*. — Киргизские рассказы, [1891]. Новое, но далеко не полное разыскание турецких материалов этого типа: C. S. Mundy, *Polyphemus and Teregöz* — BSOAS, vol. XVII (1956), № 2, pp. 279—302; Fundamenta, 39.

К географии и истории рассказов о Полифеме: ThFt 181, 200, 249, 278, 406.

№ 26

Источник: 261—265 № 51.

Тип: (EbBo 363 V) + EbBo 232 = (не AaTh 570 + AaTh 850).

№ 27, ср. № 28

Источник: KAd 70—76 № 17, ср. KGu 51.

Тип: AaTh 432 = (EbBo 102 III a) + (EbBo 308 III f) + ср. EbBo 46 IV + EbBo 93).

Варианты: Kúnos в «Ungarische Revue» 8, 437. Vi 149—158. Ha № 7. M. Stokes, *Indian Fairy Tales*, Calcutta, 1879, p. 195, № 25. R. Th. Christiansen, *The Tale of the Two Travellers or the Blinded Man*, Helsingfors, 1916.

№ 28, ср. № 27

Источник: KAd 112—118 № 25.

Тип: (AaTh 432 + AaTh 434) = EbBo 93; ср. BP 2,451.

Варианты: Kt 282 ff. Df № 12. Ha № 102. R. 13. KGu 37.

- Монографический очерк: Liungman sub AaTh 432. ThFt, 102.
- № 29
 Источник: KAd 1—4 № 1.
 Тип: EbBo 192 V + (EbBo 193); ср. EbBo 71.
 Варианты: Tietze 147 ff.
- № 30
 Источник: KGy 32.
 Тип: Basile, Pentamerone V, 3 = BP 4,250 = EbBo 105 I, 2 + (EbBo 186 III a + EbBo 186 I, 6 + 187 I, 1—2 + EbBo 188 III om + EbBo 102 I, 5).
 Варианты: Kг № 53. Na 5—9. Do № 7. Lombardi, № 13. Calvino, № 140 + p. 1016, № 140.
- № 31
 Источник: KGy 46 (=KSt 14).
 Тип: AaTh 2032 = EbBo 29 V.
 Монографию этой кумулятивной сказки, на основе 136 вариантов см М. Хаавио, *Kettenmärchenstudien*, II, Helsinki, 1932.
 Дополнительно исследованы 24 весьма важных литературных варианта: А. Wesselski, в Hess. Bl. 32.
 Приведенный здесь рассказ восходит, видимо, к литературной версии.
- № 32
 Источник: KGy 26.
 Тип: ср. AaTh 884A; BP 2,58 без пробы пола!
 Рассказ дан в оригинале в значительной стилизации и плохом изложении.
- № 33
 Источник: KAd 118—123 № 26.
 Тип: (AaTh 363 + AaTh 311 + AaTh 956B) = (EbBo 157 III + EbBo 152) + EbBo 153—I, 3—7.
 Варианты: Tietze.
- № 34
 Источник: KAd 186—189 № 38.
 Тип: AaTh 425A = EbBo 95.
 Варианты: KGy 37. Kt 332 ff. Cr 139—141. La 124—134. ATC № 23. R 13 (Swahn, Subtyp D); R 22 (Swahn, Subtyp L). Ср. Swahn 188—196, *Tur* 1—75.
 Монография: Swahn, где анализу подвергнуто свыше 1000 вариантов. Важные рецензии см: W. Anderson в Hess. Bl. 46, 118—129. К. Ranke в ARV vol. 12 (1956), 158—167. Liungman sub AaTh 425 ABC.
- № 35
 Источник: KAd 97—102 № 22.
 Тип: EbBo 224 = ср. AaTh 900.
 Вариант: Do № 28.
- № 36
 Источник: KAd 124—128 № 27.
 Тип: AaTh 433B = EbBo 106 I, 1—7; EbBo 106 III j. Ср. EbBo 101.
 Варианты: KGy 44 (KSt 29); R 5, 8, 13. Kt 221 ff. Do № 36. Cr 128—131. Maharanee Sunity Devee, *Indian fairy tales*, London, 1923, 70—84.
 Специальные исследования: W. Anderson в «Philologus» 66 (1907), 606—608. А. Orlík, *Kung Lindorm*, — «Danske Studier» I, 1 ff.
 А. В. Waldemarsson-Rooth, *Kung Lindorm, en orientalsk Saga i*

Danske-Skånsk Sagotradition, — «Folkkultur» (1942), 172—245. Liungman sub AaTh 433AB. Cp. ThFt 101.

Сюжет встречается уже в *Панчатантре*, откуда и начинается его литературная история, хотя он безусловно старше. Родину рассказа ученые склонны видеть в древнем Иране.

№ 37

Источник: KAd 64—67 № 15.

Тип: AaTh 870 II b = (EbVo 225) + EbVo 227.

Варианты: Do № 29.

№ 38, ср. № 39

Источник: KAd 181—184 № 36.

Тип: AaTh 510 B = (EbVo 189 + EbVo 244).

Варианты: KGu 62. Da 444—446. Da 510—514. Ha II, 364—366. Do № 14. Ha № 27. Su I, 17—26. Cp. Df № 40. Be № 14.

Монография: A. B. Rooth, *The Cinderella Cycle*, Lund, 1951. Lingman 125—135.

Рут пришла в своей диссертации к выводу, что этот сюжет, являясь одним из древнейших и все еще живых рассказов международного репертуара, сложился 4000 лет тому назад на Ближнем Востоке. Юнгман видит родину сюжета в Византии, во всяком случае, в южной Европе раннего средневековья. Расхождения в определении возраста вызваны, очевидно, различным подходом к оценке мотивов, содержащихся в этом рассказе. Наличие сюжета в Китае некоторые сказазоведы склонны расценивать как критерий его исключительной древности. Во всяком случае, данный рассказ, как, впрочем, и другие варианты, записанные на Балканах, сохранили весьма существенные древние черты архетипа. Многие его элементы вообще встречаются довольно часто в турецком репертуаре (ср. EbVo 188 III, 245 III, BP 2,50). Не считая следов рассказа у Геродота (кн. II) и в других источниках, древнейшим свидетельством сюжета на европейской почве все еще считается изложение: Noël du Fail, *Propos rustiques et facétieux*, chap. V, [Paris, 1547].

№ 39, ср. № 38

Источник: KAd 252—255 № 49.

Тип: AaTh 510 A = EbVo 60 III k; ср. EbVo 240 III.

Варианты: Kh 83—90.

Монографический очерк: Liungman 125—135.

№ 40

Источник: KAd 49—52 № 11.

Тип: AaTh 431 = EbVo 59 III l.

Варианты: Da 334, 346, 398—400. Df № 11. Cr 74—76. Sc № 45. Lb № 124. Mf № 65. Cp. № 7. Su II, 24—47.

Ареал сюжета в сущности весьма органичен и ограничен за некоторыми второстепенными исключениями странами, соседствующими с Турцией.

№ 41

Источник: KGu 42 (= KSt 30).

Тип: AaTh 676 = EbVo 179 = Chauvin 5,79 + Chauvin 4,86.

Варианты: BP 3,144. Kt 231, Da 362—364; 446—448; 514—518. DI № 53. Kr № 7. At II, № 13. Henning 21, 59.

Монографический очерк: ThFt 68—69. Nöldeke в «Zeitschrift f. Assyriologie» 28, 250 видит родину рассказа в Сирии.

Вариант KGy 42, видимо, не восходит к изданию Галлана книги «Тысячи и одной ночи», служившему источником многочисленных европейских, африканских и американских пересказов. Приведенный здесь рассказ почерпнут, вероятно, из арабского источника и, будучи передан устно, имеет большую ценность для исследователя.

№ 42, ср. № 45

Источник: KGy 77.

Тип: AaTh 883A = (EbBo 245 III e + EbBo 167 III, 2j).

Варианты: KGy 68 + R 15 = KSt 49. KAd 142—150. Münir Selâmi, *Resimli Billâr köşk hikâyesi*, Istanbul, 1940, S. 21—36. ATC N 45. Левченко 460, № 547. Долидзе 316—321, № 64. Jacob в «Keleti Szemle», I, 328.

Ср. EbBo 137 III; 236 V; 245. R 251—257. Kt 383 ff. Ch № 4. Da 360—362. Cr 122—125. Df № 57. Bu 353—362. Lb № 96. Jm № 5.

№ 43

Источник: KGy 75

Тип: Текерлеме + AaTh 707 = (EbBo 363 V) + EbBo 239 III a, ak, al + EbBo 239 IV, 7.

Варианты: Lm 320—331. Se № 46. Ar 265 ff. Bu 394—403. R 4. Ra 7, 92—95, № 1. ATC № 17. KGy 29 (= KSt 9). Ci 117 сл. Lb № 106. B. Munkacsi, *Blüten der ossetischen Volksdichtung*, — «Keleti Szemle», 20—21 (1927—1928), 72 ff.; Li 5, 159—228. Kt 63—75. Da 316—326. Df № 31. Le № 57. La 156—159. Ma 28. Cr 63—65.

Монографические очерки: Сумцов, *Этюды о Пушкине*, — «Русский филологический вестник», 1897; М. К. Азадовский, *Источники сказок Пушкина*, — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР», т. I, Л., 1936, стр. 134—161. ThFt 121 с учетом 414 вариантов со всего света. Богатая библиография вариантов, в частности русских, украинских и белорусских, кавказских, татарских и других народов СССР, а также и турецких, дана в справочнике ВР 2, 380—394, где содержится и предварительный анализ элементов сюжета. Ценные соображения по географии и истории этого знаменитого сюжета сообщил Liungman sub AaTh 707, по мнению которого рассказ возник в Византии (300 г. до н. э. — 300 г. н. э.). Сюжет широко известен русскому читателю как «Сказка о царе Салтане» по А. С. Пушкину и опере Н. А. Римского-Корсакова. Очень серьезную попытку выяснить источники этой литературной версии сюжета предпринял М. К. Азадовский, *Литература и фольклор*, Л., 1938, стр. 89 и сл. Ср. его же, *Сказка о царе Салтане и ее источники*, — «Сказка о царе Салтане — опера Н. А. Римского-Корсакова», Л., 1937, стр. 3—16. По этому же вопросу в разное время и по разному поводу высказывались и другие соображения, которые, однако, рассказоведческого значения не имеют. Истоки пушкинской версии, ее отношение ко всем другим вариантам сюжета могут быть выяснены лишь по ходу тщательного, монографического исследования этого повествовательного типа, на основе детального анализа всех мотивов и эпизодов, составляющих данный сюжет независимо от того, где, когда, кем и по какому поводу они высказывались. Эта задача становится все

более сложной, так как уже установлено, что пушкинская обработка очень содействовала популярности сюжета на значительной территории СССР, оказав заметное влияние на многочисленные изустные варианты, записанные фольклористами за последние годы. Литературовед П. Н. Берков в устном выступлении (ИРЛИ, Ленинград, 1965) высказал некоторые соображения относительно русского происхождения сюжета. Ожидается специальная работа этого маститого ученого в сб. «Festschrift H. Bielfeldt». (Предварительные сообщения: О. А. Пини — «Известия АН СССР», Отд. лит. и яз., 1965, № 6; В. Э. Вацуро — «Русская литература», 1965, № 4). С благодарностью ссылаюсь на письменное сообщение П. Н. Беркова от 20 марта 1966 г.

№ 44

Источник: KGy 98.

Тип: ср. (AaTh 315) = (EbVo 215) + (EbVo III, 9—10).

Атипичская конфабуляция разных мотивов слуховых страхов.

№ 45, ср. № 42

Источник: KAd 102—108 № 23; ср. KGy 68.

Тип: AaTh 883 A = EbVo 245 ср. BP 1,305, Fußnote 1. Chauvin 6,159 № 323.

Варианты: KGy 68 + R 15 = KSt 49. KGy 77. R 251—257. Kt 383 ff. Cl № 4. Da 360—362. Cr 122—125. Jm № 5. Bu 353—362. Lb № 96. ThMot K2112; T320.1. Ср. AaTh 881 + AaTh 712 (Crescentia). Ср. EbVo 137 III; 236 V. Lombardi II, 1956, 130—137, № 67, 227—231, № 87. Tauscher, Jeurope 13. Дюлидзе 316—321 № 64. Левченко 460 № 547.

№ 46

Источник: Биллюр кэшк.

Тип: AaTh 881 = EbVo 195 ср. AaTh 883A; AaTh 712.

Варианты: Ne 325—330. R № 25. Ср. Kr № 42. Le № 56.

№ 47, ср. № 43

Источник: KGy 81.

Тип: (AaTh 707 + AaTh 300) ср. EbVo 239.

Варианты: sub AaTh 707.

№ 48, ср. № 49

Источник: KAd 60—64 № 14.

Тип: AaTh 363 = EbVo 154 + (EbVo 104 IV).

Варианты: BP 1, 19. BP 2,276. BP 4,214 ff. Ha № 66. Ar 77—83, Lb № 94.

№ 49, ср. № 48

Источник: KGy 59.

Тип: EbVo 185 = Basile, Pentamerone V, 10 = BP 4, 189 ff. BP 4 259.

Варианты: KGy 43 (= KSt 28). Ra 2,24.

№ 50, ср. № 51

Источник: KGy 23 (= KSt 12).

Тип: AaTh 425A + AaTh 428 + (AaTh 313) + (AaTh 400) = (EbVo 83) + EbVo 84 + EbVo 98

Варианты: R 8. Da 554 (змея). Df № 13. Di № 11. Ср. № 1.

Монография по древнейшему сюжету «Магическое бегство» AaTh 313 см. Aarne FFC 92.

№ 51, ср. № 50

Источник: KGu 5 (= KSt 10).

Тип: (AaTh 400 + AaTh 313C) = EbVo 83 + EbVo 84 + (EbVo 249).

Варианты: KGu 3, 6, 23. R 8.

Монография: AaTh 313; Aarne FFC 92.

№ 52, ср. № 53, 54

Источник: KAd 13—17 № 4.

Тип: AaTh 325 = EbVo 169.

Варианты: KGu 84 (= KSt 36). Ki 229—232. Kt 277 ff. Da 364—368.

Df № 24. At III № 29. Lb № 103. Mр № 28. Cp № 11. Su II, 121—134. Ci 145—149. Jz 122 f. Jü 51 ff.

№ 53, ср. № 52, 54

Источник: KGu 84.

Тип: AaTh 325 = EbVo 169.

Варианты: BP 2, 60 ff. Chauvin V, 147 sq, 197 sq; VIII, 148. J. Polivka в «Bulg. Sbornik» 15, 393 ff. Wm 246 (№ 55). Calvino, № 128, Noy, № 55.

Этот рассказ послужил Бенфею (1859 г.) в его исследовании литературной истории сюжетов древнеиндийской книги *Панчатантра* образцовым примером того, какими путями рассказ, возникший в начале нашей эры в Индии, распространяется по всей Европе. Это дало ему повод к выдвиганию знаменитой теории об индийском происхождении всех европейских сказок. Современное сказковедение больше не придерживается подобных обобщений и исследует каждый сюжет в отдельности, на основе совокупности всех доступных вариантов, без каких-либо предвзятых мнений. На основании более тщательного изучения сюжета и дополнительных материалов Юнгман пришел к выводу, что этот весьма популярный в Малой Азии сюжет возник в районе расселения носителей хеттско-микенской культуры не позже чем за 1000 лет до н. э., а оттуда рассказ проник в Индию, где и началась его, относительно поздняя, литературная история.

Специальные очерки: ThFt 69. Liugman sub AaTh 325.

№ 54, ср. № 52, 53

Источник: Биллур кёшк.

Тип: AaTh 325 = EbVo 169.

Варианты: Бритаев, Казбеков, № 10. Е. Дружинина, *Курдские сказки*, М., 1959. № 3. Швердин. т. I, № 47; т. II, № 68, 119. Афанасьев, *Нар. русск. сказки*. т. II, М., 1938, стр. 625, прим. к № 249—253.

№ 55

Источник: KGu 78.

Тип: AaTh 1164 = EbVo 377.

Варианты: «Сборник сведений о кавказских горцах», 8, 4, 26 № 4. Ра 9,276, № 185. Ki 262—265. Kt 244 ff. Cp № 6. Calvino, № 162.

Древнейшее свидетельство этой знаменитой повестушки содержится в индийском сборнике *Шукасаптари* (№ 46—47). Она стала широко известной по книгам «Тысячи и одной ночи». Европейская литературная история анекдота начинается от Страпаролы и Маккьявелли, Ореге 1799, 8, 31 как сюжет новеллы Бельфагор. Специальное разыскание: Ахон, *The Story of Belfagor in Folk-lore and Literature*, 1902. С XVII в. сюжет бытует на сцене, в частности кукольного театра,

в целом ряде обработок. Кржижановский считает рассказ еврейским: J. Krzyżanowski sub AaTh 1164; Parallele 430.

№ 56, ср. № 57

Источник: KGy 19.

Тип: ср. EbVo 275 + 0 = BP 4,397 = Chauvin V, 181—188. Chauvin VIII, 59.

Варианты: KAd 245—250. Li 1, 20—22. Li 4, 365 ff. Be № 9. Wm 185, № 1.

Рассказ известен как вступление канонического персидского сборника «Тысячи и одной ночи». Это «История о царе Шахзамане из Самарканда и его брате, индийском и китайском царе Шахриаре, которым изменили их жены». В первых веках нашей эры рассказ уже засвидетельствован в китайской письменности. Если считать его родиной Индию, то сюжет должен был, вероятно, возникнуть до новой эры. К истории книги «Тысячи и одной ночи» см. Enno Littmann, *Zur Entstehung und Geschichte von Tausendundeiner Nacht* = Li 6, 681 ff.

№ 57, ср. № 56

Источник: KAd 177—181 № 35.

Тип: ср. EbVo 275.

Библиографию см. к № 56.

№ 58

Источник: KAd 133—137 № 29.

Тип: EbVo 267 = ThMot K1523.

Варианты: R. Köhler, Kl. Schriften I, 393f. Benfey, FFC 98, 152—160. Li 6, 451—532. Ye 110—125. Se 96—103. Da 296—298. Df № 60.

At I, № 30a. Ra 4, 393 ff.

Рассказ с XVI в. бытует в Европе. Сюжет многократно обыгрывался в немом кино.

№ 59

Источник: KAd 243—246 № 47.

Тип: (AaTh 870 II b) = EbVo 225 + ср. EbVo 227.

№ 60

Источник: KGy 30.

Тип: EbVo 192 Gr 2 + (ср. EbVo 230 IV, 4 + EbVo 235 III + EbVo 369+374 III). Basile, Pentamerone III, 4 «Sapia Liccarda» = BP 4, 222 ff.

Варианты: А. Розенфельд, *Персидские народные сказки*, Ташкент, 1958, стр. 77 (но в другой контаминации!). W. Anderson, FFC 42, 166 Fußn. I. Calvino 21, 88, 195; G. D'Arconco, *Indice delle fiabe toscane*, Firenze, 1953, 919 а—с; 920 а—с; Lombardi, № 37, Kf 159 ff. Be № 3. Sc № 92. Ar № 20. Jm № 22. Lb № 99.

Эпизод: «убийство» куклы, наполненной сиропом, — весьма распространен в новеллистической литературе. Библиографию см. Zs. des Vereins f. Vkde 6, 73, № 35.

№ 61

Источник: KGy 10.

Тип: AaTh 875 = EbVo 235 III, 1+7. Ср. AaTh 922; ThMot H1050 + ThMot J1191 + ThMot J1545.4.

Варианты: Хаханов I, 268. Ср. Б. Рифтин, *Китайские народные сказки*, М., 1957, стр. 131—133. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл.», [1896], 2—75—77. D'Arconco, *Indice delle fiabe io-*

scane, Firenze, 1953, 875a—g. Calvino, № 72. R № 21. Vi 167—170. Df № 65. Do № 20, 21, Le № 1. Di № 22. Sp № 3. At I, № 50. Bi № 177. Ci 155—157. Ra I, 197 ff. R 21.

Монографии: J. DeVries, *Das Märchen von klugen Rätsellösern*, Helsinki, 1928 (FFC 73); A. Wesselski, *Der Knabenkönig und das kluge Mädchen*, Prag, 1929; W. Anderson in Hess. Bl. 28 (1929), 206—214. Древнейшая запись — в Норвегии XIII—XIV вв.; см. BP 2, 355. Рассказ в оригинале сокращен и искажен.

№ 62

Источник: KGy 83 (= KSt 7).

Тип: AaTh 653 + (AaTh 945 II: ThMot H343 + ThMot H621) + (AaTh 1406); ср. AaTh 505—508. = (EbBo 202 IV) + EbBo 291 + (EbBo 63) + (EbBo 271).

Варианты: Долидзе 220—224, № 40. Бязиров, *Осетинские сказки*, Сталинири, 1960, № 14. Шевердин, т. I, № 54. Е. Дружинина, *Курдские сказки*, М., 1959, № 10. Kt № 41. Df № 48. Si № 30. Ha № 47. Le № 66, Ci 153 сл. Se 95—132. Ar 25—61. Lm 378—384. Noy, № 53.

Специальные исследования: W. Ruben, *Ein indisches Motiv bei Goethe und Thomas Mann*, — «Indoloji Araştırmaları», 1940, Istanbul, 1941, p. 629—667.

Монографический очерк: Liungman sub AaTh 653. ThFt 81, 143, 174, 194.

№ 63

Источник: KAd 128—133 № 28.

Тип: AaTh 675 + (AaAn 707) = EbBo 69.

Варианты: Ra 4, 7. Ra 4, 405. Le № 5, A. Wesselski, Hodscha II, 214 Zs. f. Vkde 6,69 ad Gonzenbach № 25.

Ряди курьеза: B. Stern, *Fürst Wladimirs Tafelrunde*, 1892, p. 160.

Монографический очерк: ThFt 67. Liungman sub AaTh 675.

Этот сюжет подвергся известной литературной обработке: Straparola III 1, а также Basile, *Pentamerone*, I, 3, что оказало влияние на последующую устную традицию в Европе.

Рассказ весьма распространен в России. О ранних обработках и лубках см. Афанасьев, *Народные русские сказки*, т. I, М., 1938, стр. 635. Сюжет положен в основу сценария популярного фильма «По чудьему велению» (Союздетфильм, 1938; сценарий О. Леонова и Е. Тараховой, режиссер А. Роу). Фильм в свою очередь повлиял на устные варианты. Мотив: «компрометация мнимой кражей столовой посуды» довольно распространен, теснее связан с этим рассказом, нежели предполагали Н. П. Андреев и М. К. Азадовский (это подтверждается, кстати, и турецкими вариантами!). Мотив засвидетельствован уже в Библии (Бытие 44), а затем в библейских легендах агады: Мидраш берешит рабба 92, Мидраш Танхума, где рассказ приурочен Иосифу Египетскому и его брату Вениамину.

Судя по ареалу всего рассказа типа 675, по предварительному просмотру многих вариантов, можно считать древний Египет его родиной.

№ 64

Источник: KAd 43—49 № 10.

Тип: (ср. AaTh 562) = ср. EbBo 138 + (EbBo 219) + (EbBo 215 III, 2a) + (EbBo 215 IV, 2).

Варианты: Chauvin 7, 100 № 376. Kúnos в «Ungarische Revue», 1893, 308. KSt 297. Ra 4, 275.

Древнейшие турецкие свидетельства эпизода: «дух-помощник приводит девушку прямо в постель» — см. Fe XLI. Мотив получил распространение благодаря роману «40 везиров» (ed. Bergauer p. 253; ed. Gibb p. 244).

Следы рассказа наблюдаются в древнеегипетской сказке о Рампсините AaTh 950 + AaTh 954.

Европейская история сюжета: BP 2, 538.

Эпизод: следы на всех дверях — засвидетельствован уже у мейстерзингеров (в печати с 1530 г.); ср. Görges, *Meisterlieder*, 1817, S. 195; BP 2, 539. В Европе сюжет бытовал в целом уже в XIV в., будучи связан с именем Альберта Великого (ум. 1280 г.). Юнгман видит родину сюжета AaTh 562 в Византии середины I тысячелетия н. э.

№ 65, ср. № 70, 75.

Источник: KAd 31—34 № 7.

Тип: AaTh 563 = EbVo 176.

Варианты: BP I, 346. Мотив помощника по имени Ох ср. BP 2, 63; BP 2, 253 — см. здесь № 75. В обзорах BP отмечены записи, сделанные и на территории СССР.

Дополнительно: варианты турецкого и восточного происхождения хранятся в Фольклорном архиве Израиля. Отчасти опубликованы и снабжены комментариями в кн. Nou, № 20, 21.

Восточные записи: KGu 13 (= KSt 6). Ср. EbVo 258 III. Da 374—378. Ha № 43. Ha № 125. Kr № 13, Cr 106—109. Se № 87. Lb № 109. Su I, 27—39.

Монографические исследования: A. Aarne, *Die Zaubergaben*, — «Journal de la Société Finno-ougrienne», XXVII (1909), 1—96. Ср. K. Krohn FFC 96, 48 ff. Структурно-стилистическое исследование даров в сказке: Max Lüthi, *Die Gabe im Märchen und in der Sage*, Bern, 1943.

№ 66

Источник: KAd 67—69 № 16.

Тип: EbVo 347 = Ср. AaAn 925*; ср. AaTh 655 + AaTh 1525 F.

№ 67 ср. № 73, 76

Источник: KAd 38—42 № 9.

Тип: AaTh 1535 + AaTh 1537 + Ср. AaTh * 1360B = (Ср. EbVo 274 + EbVo 351 I, 5+6 + EbVo 351 III, 2 j).

Варианты: «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1907, стр. 31—37, № 2. АТС № 66. «Живая старина» 19, 238. Долидзе 155—161, № 29; 304—306, № 61. Ср. Chauvin 5,247. Ra 10, 107 № 4. E. Bleichensteiner, *Gurier* в «Caucasica» I, № 1. Tk 35—53. Da 518—520. Kh 13—18. Ha № 42. Kr № 22. Ma № 25. At I, № 39.

Монография: Suchier, *Der Schwank von der viermal getöteten Leiche*, Halle, 1922. На основании анализа преимущественно литературных источников автор не без колебаний признает родину рассказа Индию раннего средневековья. К этому мнению присоединяется и Юнгман, указав, что рассказ о многократно «убитом» содержится, вероятно, и в персидском изводе «Тысячи и одной ночи» («Хезар афсапэ»), куда сюжет попал, между прочим, из Индии. Если, однако,

стать на точку зрения Шовена, то родину рассказа надо видеть в Египте. В этом случае ряд западноевропейских вариантов следует отнести к версии, восходящей непосредственно к Ближнему Востоку, Египту.

Публикуемый здесь турецкий вариант содержит много черт, свойственных предполагаемой западноевропейской версии. Арел сюжета охватил весь мир, многократное возникновение его представляется гораздо более невероятным, чем самый сюжет.

№ 68

Источник: KAd 234—236 № 45.

Тип: AaTh 1920C + AaTh 1960D + (AaAn 1920*D) + AaTh 1920H = EbVo 358 IV g + EbVo 358 I, 4 + ср. EbVo 363 V.

Варианты: R 182—184 № 1 (= KSt 51). Ra 10, 203 № 135b. Da 534. Df № 68. Di № 4.

K AaAn 1920*D: «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1907, стр. 37, № 3. Чубинский, *Труды этно-стат.-экономической экспедиции*, СПб., 1878, 2, № 13. Сержпутовский, *Сказки и рассказы белорусских полещуков*, СПб., 1911, № 20.

Специальные исследования: ВР 2,514—516. Сумцов, *Разыскания в области анекдотической литературы*, — «Сб. Харьковского ист.-филол. о-ва», т. XI (1899), стр. 181. О необылицах: Müller-Fraureuth, *Die deutschen Lügendichtungen, (1881)* — специально турецких: Boratav, *Tekerleme*, — «Cahiers de la Société Asiatique», № XVII, Paris, 1963. Нет сомнения, что жанр *текерлеме* (небылиц) распространился в России из Малой Азии, где он достиг расцвета и совершенства.

№ 69

Источник: KGy 8 (= KSt 20).

Тип: AaTh 1736A = EbVo 309.

Варианты: Chauvin 5,173 № 96. A. Wesselski, *Erlesenes*, Prag, 1928, 115 ff.

Долидзе 373, № 81. Швердин, ч. II (1961), № 132, 137. Noy, № 30 (запись со слов выходца из Афганистана). Kt 156 ff. Jm № 13. Sd 108—118. Sd 101—107. Lb № 58.

S. Neumann — R. Wossidlo, *Volksschwänke aus Mecklenburg*, Berlin, 1964, S. 113, № 402. L. Dégh, *Folktales of Hungary*, Chicago, 1965, p. 161, № 15. Krzyżanowski sub 1736A.

Специальное исследование: HDM I, 114; II, 242 f.

Этот повествовательный тип, включенный лишь во второе издание каталога Аарне — Томпсона (1961 г.), исследователями давно замечен. Рассказ бытовал в Европе и как предание, приуроченное известным царям-полководцам, напр. королю Матьяшу Венгерскому, Францу-Иосифу II Австрийскому, Фридриху II Прусскому, Петру Великому, а также библейскому царю Соломону.

№ 70, ср. № 65

Источник: KGy 13.

Тип: AaTh 1643 (= EbVo 323) + AaTh 1013 + AaTh 1009 (= EbVo 324) + AaTh 1653B + AaTh 1000 (= EbVo 357) + AaTh 1007 + AaTh 1012 (= EbVo 357 III) + AaTh 1132 + AaTh 563 (= EbVo 176).

Варианты: По AaTh 563 см. библиографию здесь к № 65.

По AaTh 1643 (= EbVo 323): Calvino 1028, № 190—I. ВоР, № 15, 19. MEV, II, 128—131. R 279—282. We № 277. Da 326—328; 330—332.

- Kr 19. Ba I, № 63. We № 347; 383; 412—415. At I, № 37. Jz II 167-f. Левченко 575, № 629.
- По AaTh 1000 (= EbBo 357): Da 370; 574—578. Kh 57—62. Df № 69. Ma № 25. Oe № 1. Jz 79—83.
- По AaTh 1007: Paasonen, Mordw. III, 332—334. А. Ахундов, *Азербайджанские сказки*, Баку, 1955, 289—295. Левченко 292 № 452.
- По AaTh 1012 (= EbBo 357 III): Ortutay Gyula, *Ungarische Volksmärchen*, Berlin, 1957, pp. 448—461. № 32.
- По AaTh 1653A: W. Anderson, *Novelline*, № 103, 116. Lorimer, *Persian tales*, London, 1919, pp. 70—78, № 12
- Литературная история сюжета AaTh 1643 начинается в Европе с *Vasile, Pentamerone I*, 4 (Италия, 1636 г.) = BP I, 60. Cp. Chauvin 6, 125, № 280.
- Сюжет AaTh 1653 засвидетельствован в Индии начала нашей эры. В целом рассказ является характерным конгломератом весьма распространенных эпизодов. Данная контаминация свойственна восточной версии.

№ 71

Источник: KAd 166—172 № 33.

Тип: AaTh 1640 + AaTh 1049A + AaTh 1060 = EbBo 162 + BP I, № 20.

Варианты: Сб. кавк. 22, 2, 4 № 3; 21, 2, 181 № 3; 20, 1, 21 (1); 23, 3 13 № 2; 12, 1, 137; 13, 2, 28 № 3; 24, 2, 39 № 12; 24, 2, 248. R 207—212. Kt 56 ff. № 8. Da 550—554. Kh 43—51. Ha № 23. Benfey, *Pantscha tantra* 1, 508; 2, 550. Malcolm, *Sketches of Persia*, 1828, 2, 58.

Монографические очерки: J. Polivka, *Märchenwissenschaftliche Studien*, 1904, p. 3 («Národopisný Sbornik Československý», 10); BP I, 164. Liungman sub AaTh 1640.

Древнейшая запись AaTh 1640 восходит через китайский перевод к Индии начала нашей эры. Cp. Chavannes, II, 205, № 301.

Поливка в своей монографии высказал предположение, что сюжет возникал в разное время, многократно, независимо, в Германии, России, на Кавказе и в Индии. В свете этой гипотезы турецкие варианты имеют особое значение. Между тем на современном уровне информации можно заметить, что предполагаемая как независимая как в кавказской версии тесно примыкает к турецким записям, а эти варианты несомненно генетически связаны с персидскими источниками, устными и письменными, которые в свое время были в генетической зависимости от индийских. Русские же варианты, судя по имеющимся вследствие необозримости архивов далеко не полным данным, отнюдь не возникали в порядке *generatio aequivoca*, независимо, вне мировой традиции. Они восходят либо к западноевропейской, либо к азиатской версии, иногда представляют собою промежуточную, локальную редакцию относительно позднего происхождения. Окончательно же гипотеза о многократном возникновении сюжета может и в данном случае быть подтверждена или, гораздо вероятнее (вопреки оживленным рассуждениям о так называемом «типологическом сходстве»), отвергнута только на основе тщательной монографии о сюжете, где придется особенно строго учитывать характер, последовательность и систему контаминаций, хорошо известных по другим типам, эпизодов и мотивов.

№ 72

Источник: KGy 50.

Тип: EbVo 226 = Basile, Pentamerone I, 10 «La vecchia scortecata» = BP, 4, 203.

Варианты: Древнейший европейский вариант, послуживший началом литературной истории сюжета, у Basile (Италия 1634—1636 гг.). Современные записи на языках народов Средиземноморья — G. D'Agonco, *Indice delle fiabe toscane*, Firenze, 1953, 868 a, b; 886 a—c. Calvino, № 29; в комментарии (стр. 987) указаны лишь четыре варианта. J. B. Rael, *Cuentos Españoles de Colorado y de Nuevo Mejico*, California, № 24. Lm 412—415. Boz № 7.

№ 73, ср. № 67, 76, 77

Источник: KAd 86—91 № 20.

Тип: EbVo 368 = (AaTh 1750 + AaTh 1537 + AaTh 1536A + ср. AaTh 1737 + AaTh 1525).

Варианты: Плутовка, стр. 43 (вместо мертвого ребенка—кукла из теста). S. Neumann — R. Wossidlo, *Volksschwänke aus Mecklenburg*. Berlin, 1963, № 56.

№ 74

Источник: KGy 94 (= KSt 251—255).

Тип: AaTh 1641 = EbVo 311.

Варианты: Ra 10, 128, № 69. Lb № 78. Su I, 111—121. Jü № 4. Мартинович, — «Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина», СПб., 1909, стр. 87—89. Tauscher, Jeupor, № 36. Zs f. Vkke 20, 323. Malcolm, *Sketches of Persia*, 1828, 2, 212.

А. Крымский, *По поводу сказки № 94, послужившей темой первого ученого труда В. Ф. Миллера*, — «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», М., 1900, 219—224. Сб. кавк. 13, 2, 295 № 1. Персидские сказки, М., 1956, стр. 84—93.

Этот сюжет занял видное место в фольклористике как своего рода хрестоматийный пример. Бенфей в свое время анализом ряда ярких свидетельств, письменных памятников этого рассказа, продемонстрировал главный путь перехода в Европу зародившихся, по его мнению, в Индии сказок. По следам Бенфея, но уже с учетом русских изустных вариантов, В. Миллер, еще будучи студентом, под руководством своего учителя Ф. Буслаева, в 1870 г. сочинением об этом сюжете, по свидетельству А. Крымского, привлекательным образом популяризовал в России сравнительный метод. Эта студенческая работа еще теперь выгодно отличается редкой для фольклориста филологичностью аргументации. Через тридцать лет, чувствуя В. Миллера, А. Крымский на более широком и весьма ценном материале заново пересмотрел историю этого сюжета и блестяще продемонстрировал успехи русской фольклористики, овладевшей всею суммой информации, поступившей в науку как с Запада, так и с Востока.

Какое значение для науки имели дальнейшие усилия по записыванию вариантов хорошо известного, казалось бы всесторонне изученного, сюжета, показывает монографический очерк Юнгмана. Он считал возможным сделать некоторые выводы даже из того, что данный сюжет не был записан у современных греков. (Ныне, однако, известны варианты, записанные и на новогреческом языке).

Когда некоторые районы Средней Азии будут лучше изучены в отношении повествовательного репертуара, станет возможным написать монографию об этом замечательном сюжете и, опираясь на тысячи вариантов, осветить его историю. Liungmann sub 1641. G. Megas, *Pinakes*, Athinai, 1964, p. 505.

№ 75

Источник: KAd 143—151 № 31.

Тип: EbBo 287 + ср. EbBo 180 V.

Варианты: «Тысяча и одна ночь» — рассказ о башмачнике Мааруфе Li 6,599—675; Henning 17,115—172. А. Титце указывает на арабский рассказ — Ag 251 ff. Полноценные варианты сюжета в данной последовательности мне неизвестны. В. Эбергард и П. Н. Боратав в примечании к № 287 V отмечают влияние книги «Тысячи и одной ночи» на этот повествовательный тип. В их распоряжении был всего лишь один, публикуемый здесь, рассказ, что слишком мало для выделения особого типа.

Мотив: дух-помощник, отзывающийся на междометие вздоха «ох!», описан в справочнике BP 2, 63 и 2,253. П. Н. Боратав в комментарии к сказке № 10 в сборнике, готовящемся к изданию на немецком языке в ГДР («Türkische Volksmärchen», Berlin, Akademie—Verlag, 1966), указывает на специальную статью, посвященную этому мотиву: Osman Balkir, *Balikesir'de halk âdetleri*, — «Kaunak dergisi», Balikesir, 1935, s. 567, № 27. В нашем сборнике мотив о помощнике-арабе по имени «Ох» встречается часто. Этот мотив вошел в ряд сюжетов, ср. EbBo 102 III; 104—III; 117; 176; EbBo, Motivindex sub Of-Lala.

Ареал мотива универсален, но если на Востоке помощник обычно негр-великан, то в центральной и северной Европе он предстает в образе карлика, обитающего под пеньком у дороги.

№ 76, ср. 73, 67, 77

Источник: KGy 79 (= KSt 38).

Тип: EbBo 340 I + EbBo 340 III,5 = AaAn * 1525 I = AaTh 1525E + (AaTh 1525K *).

Варианты: BP 3,393 (в особенности у народов СССР). Плутовка, стр. 27. Ki 233—241. Kt 290 ff. A. Caferoğlu, *Anadolu dialektolojisi üze-rine malzeme*, Istanbul, 1940, s. 116—118.

Ссылка на книгу «40 везиров», весьма существенную для исследователя турецкого репертуара, дана в библиографическом примечании: EbBo 340 V.

№ 77, ср. № 73, 76

Источник: KAd 189—201 № 39.

Тип: Текерлеме + AaAn * 1701 + (AaAn * 1527 I) + AaTh 1525E + AaTh 950 + AaTh 1737 + (AaTh 1525A) + (AaTh 570) + (AaTh 571) = (EbBo 363 V) + EbBo 342 + EbBo 342 III, 5 + (= EbBo 340 III, 5) + EbBo 342 IV + EbBo 182 I + EbBo 182 III, 1a + 2a. Ср. ThMot K602.2 + ThMot J2496.2.

Варианты: BP 3,393 Fußnote 1; Chauvin 8,136.

AaTh 1525E: Liungman sub AaTh 1525A—D. Сб. кавк. 24, 2, 53.

AaTh 950: BP 3,395—406; Chauvin 8,185. Liungman sub AaTh 950.

Долидзе 333—339 № 69. BTT № 49; ср. W. Anderson = Zs.f.Vkde, 35, 36 (1925, 1926), 78. Левченко 303, № 467; 529, № 587. Ra 4, 193—201.

Df № 56. (At I, № 36). Mf № 66. Lb № 79. Cp. G. Jarring, *Uzbek texts from Afghan Turkestan*, — «Lunds Universitets Arsskrift», 34, № 2, № 8. Сб. кавк. 24, 2, 53—56.

Эпизод: деньги прилипают к просмоленной подошве — Ra 3,332. Специальные исследования с учетом русских вариантов: В. Клинггер, *Сказочные мотивы в истории Геродота*, Киев, 1903, 168. Веселовский-Галахов, *Ист. русск. словесности* (3 изд.), I, 442; он же: «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1882, (ноябрь), 160 сл. W. Aly, *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*, Göttingen, 1921. HDM I, 24 ff — Agyptische Motive; HDM I, 81 ff — Antike Motive. Fr. v. d. Leyen, *Das Märchen*, 1958, p. 122 f. ThFt 171, 199, 276, 278. Новейшую библиографию см. E. Brunner-Traut, *Altägyptische Märchen*, Düsseldorf, 1965, 287 № 27.

AaTh 1737: ВР 3,379—389; Ra 9,333 № 290. А. Л. Мельков, *Материалы по киргизской этнографии*, 1922, стр. 172—174 № 12. Древнейшее свидетельство: Straparola, I, 2. (Италия, 1550 г.)

AaTh 571: J. Polivka, *Pohadkoslovne studie*, — «Národopisny Sbornik Ceskoslovensku», 10, 2 (1904), 67—106. Древнейший вариант в Европе (Англия XV в.) — «The tale of the basyn» (ВР 2, № 40). R 7. Kt 370. Su II, 135—141.

Перед нами в сущности древнейший криминально-детективный роман. В основном это знаменитый рассказ о похищении сокровищ Рампсинита, приуроченный Геродотом (кн. II, гл. 121) Египту. Многочисленные известные варианты во всем мире сохранили черты, засвидетельствованные знаменитым греческим историком (IV в. до н. э.), однако устная традиция не восходит к Геродоту, он ее относительно поздно о т р а з и л. Хотя иероглифических записей в Египте не найдено, однако на основе ареала и других показателей считается правдоподобным, что рассказ был сложен именно египтянином не позже чем 2500 лет тому назад. Ни один писатель, даже классик, не смог бы похвалиться тем, что устно изложенный им занимательный рассказ сохранится (без каких-либо записей) в обиходе людей во всем мире в течение тысячелетий. Между тем это свойство присуще почти всем основным типам повествовательного репертуара современных народов. Распространяясь устно, они тем не менее сохранились. Интерес к этим сюжетам еще жив, иначе бы не была прочитана и эта книга, включая и комментарий.

СВОДНЫЙ РЕГИСТР

ЛаАп 707: 63. — 925*: 66. — * 1525: 76. — * 1527: 77.

AaTh 300: 47. — 301: 1. — 301A: 2. — 302: 3. — 304: 3. — 306: 4. — (311): 33. — 313: 50. — 313C: 51. — 315: 25; 44. — 325: 52; 53; 54. — 363: 33; 48. — 400: 10; 50; 51. — 402: 6. — 408: 18. — 425: 34; 50. — 428: 50. — 431: 40. — 432: 27; 28. — 433B: 36. — 434: 28. — 465A: 10; 11. — 505—508: 62. — 510A: 39. — 510B: 38. — 514: 22. — 516: 24. — (516 I+II): 23. — 517: 24. — 518: 4; 15; 22. — 552 (302): 3. — 560: 7. — 563: 65; 70. — 567: 19. — 570: 77. — 571: 77. — 653: 62. — 655: 66. — 675: 63. — 676: 41. — 707: 43; 47. — 712: 46. — 725: 24. — 738*: 8; 20. — 834: 5. — 834A:

5. — (850): 26. — 870**IIb**: 37; 59. — 875: 61 — 881: 64. — 883: 42; 45.
46. — 884**A**: 32. — 900: 35. — 922: 61. — 930: 24. — (930 **I+II**): 23. —
945 **II**: 62. — 950: 77. — (956**B**): 33. — 1000: 70. — 1007: 70. — 1009.
70. — 1012: 70. — 1013: 70. — 1049**A**: 71. — 1060: 71. — 1132: 70. —
1164: 55. — * 1360**B**: 67. — 1406: 62. — 1525: 73. — (1525**A**): 77. — 1406:
62. — 1525: 73 — (1525**A**): 77. — 1525**E**: 76; 77. — 1525**F**: 66. — 1525**K**:
76. — 1535: 67 — 1536**A**: 73. — 1537: 67; 73. — 1640: 71. — 1641: 74. —
1643: 70. — 1653**B**: 70. — 1736**A**: 69. — 1737: 73; 77. — 1750: 73. — 1920**C**:
68. — 1920***D**: 68. — 1920**H**: 68. — 1960**D**: 68. — 2032: 31.

BPI № 20: 71. — *ср.* **BPI, 305 Fußnote 1**: 45. — **BP2, 58**: 32. — (**Honti FFC 81 Typ 727—728**): 3. — **BP2, 331**: 14. — *ср.* **BP2, 451**: 28. — 3,412: 14. — 4,189ff: 49. — 4,203: 72. — 4,222ff: 60. — 4,250: 30. — 4,259: 49. — 4,379: 56

Basile, Pentamerone I, 10: 72. — **III, 4**: 60. — **V, 3** 30. — **V, 10**: 49.

Chauvin 4,86: 41. — 5,79 41. — 5,188: 56. — 6,159 **№ 323**: 45. — 7,10: 14. — 7,29: 14 — 7,35: 14. — 8,59: 56

EbBo 29 V: 31. — 46 **IV**: 27. — (58): 7. — 59 **III**: 40. — 60 **IIIk**: 39. — (63): 62. — 66: 20. — 69: 63. — *ср.* 71: 29. — 72: 1; 2 — (72 **III, 3**): 11. — 72 **III, 8+9**: 13 — 80: 8 — 83: 10; 50; 51. — 84: 50; 51. — (84 **IV**): 4. — 86: 6. — (89): 18. — 93: 27; 28. — 95: 34. — 97a: 22. — 97 **III, 6**: 15; 22. — 98: 50. — *ср.* 101: 36 — 102 **I, 5**: 30. — 102 **IIIa**: 27. — (104 **IV**): 48. — 105 **I, 2**: 30. — 106, **I, 1—7**: 36. — 106 **IIIj**: 36 — 123: 5. — 138: 64. — (146 **III+V**): 25. — 149 25. — (152): 33 — 153 **I, 3—7**: 33. — 154: 48. — (157 **III**): 33 — 162: 71. — (167 **III, 2j**): 42. — 169: 52; 53; 54. — (174): 19. — 176: 65; 70. — 179: 41. — 180. 6. — 180 **V**: 75. — 182 **I**: 77. — 182 **III**: 77. — 183: 4. — 185: 49 — 186 **I, 6**: 30. — 186 **III a**: 30. — 187 **I, 1—2**: 30. — 188 **III om**: 30 — (189): 38. — 192 **Gr 2**: 60. — 192 **V**: 29. — (193): 29. — 195: 46 — 198: 14. — 202: 21. — 202 **III**: 9. — (202 **IV**): 62. — 208: 16. — 211: 12. — *ср.* 212: 13. — 212 **III**: 17. — (214): 24. — 214 **I, 1—5**: 23. — 214 **IIIj 5**: 23. — 214 **IV e**: 24. — (215): 3; 44 — (215 **III, 2a**): 64. — (215 **III**): 11. — (215 **III, 9—10**): 44. — (215 **IV, 2**): 64 — 218: 3. — 219: 64. — 222: 23. — 224: 35. — 225: 37; 59. — 226: 72. — *ср.* 227: 37; 59. — (230 **IV, 4**): 60. — 232: 26. — (235 **III**): 60. — 235 **III, 1+7**: 61. — 239: 47. — (239 **III a, ak, al**): 43. — 239 **IV, 7**: 43. — 240 **III**: 39. — (244): 38. — 245: 45. — (245 **III e**): 42. — (249): 51. — 267: 58. — (271): 62 — (*ср.* 274): 67. — *ср.* 275: 56; 57. — 287: 75. — 291: 62. — 308 **III f**: 27. — 309: 69. — 311: 74. — 323: 70. — 324: 70. — 340 **I**: 76. — 340 **III, 5**: 76; 77. — 342 **IV**: 77. — 347: 66. — 351 **I, 5+6**: 67. — 351 **III, 2j**: 67. — 357: 70 — 357 **III**: 70 — 358 **I, 4**: 68. — 358 **IV g**: 68. — 363 **V (Текерлеме)**: 3; 9; 19; 26; 43; 68; 77. — 368: 73. — (369): 60. — 374 **III**: 22. 60. — 377: 55.

Th, Mot H343: 62 — **H621**: 62. — **H1050**: 61. — **J1191**: 61. — **J1545, 4**: 61. — **J2496, 2**: 77. — **K602, 2**: 77. — **K1523**: 58.

Текерлеме: 3; 9; 19; 26; 43; 68; 77.

Исидор Левин
(Ленинград)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От издательства	5
<i>Н. К. Дмитриев. Турецкие сказки</i>	6
Турецкие народные сказки	
1. Сказка о сыне падишаха	31
2. Трехлапый дэв	39
3. Дэв Рюзгяр	48
4. Два брата	58
5. Сказка о дровосеке и волке	63
6. Сын рыбака	65
7. Бедный мальчик	68
8. Сын падишаха и дэв	75
9. Волшебная роза	78
10. «Сорок»	84
11. Цветок повилики и сын падишаха	87
12. Гюль-султан	91
13. Салкым-зюмбюль	94
14. Сказка о сыне купца	99
15. Падишах Чина	104
16. Дочь падишаха Чина	108
17. Джейлен-ханым и сын падишаха	114
18. Три померанца	118
19. Сказка об одном дервише	126
20. Ленивый мальчик	132
21. Сын пастуха	140
22. Рассказ о плачущем гранате и смеющейся айве	144
23. Шах Шабур и шах Бухары	155
24. Сказка об Искендер-бее	161
25. Мальчик и дэв	169
26. Сын старого рыбака	175
27. Птица Зеленой Орех	180
28. Сказка о Мурад-шахе	186
29. Сказка о девушке-сиротке	193
30. Девушка и Мискембер	196
31. Сказка о девушке и печенке	200
32. Девушка-бей	202
33. Сын дэва — Узун-чаршы	206

34. Сказка о трех сестрах	212
35. Ночной муж и бедная девушка	216
36. Юрем-бей и дочь падишаха	220
37. Дочь кади	226
38. Золотой бык	229
39. Сказка о черной корове	232
40. Девушка-сиротка и мачеха	235
41. Чанга-чунга	238
42. Падчерица	241
43. Дильрукеш	247
44. Гранатовые яблоки	260
45. Девушка-кофейщица	266
46. Сказка о красавце-водоносе	272
47. Брат и сестра	275
48. Девочка Халиме	283
49. Девушка и бей	287
50. Девушка и конь	290
51. Дочь дервиша	294
52. Сказка про аллем-каллем	297
53. Колдовство	302
54. Рассказ про али-дженгиз	305
55. Дровосек и его жена	307
56. Два падишаха	311
57. Сказка о юродивом Мехмеде	316
58. Жена бея	320
59. Сказка о соседской девушке	324
60. Дочь торговца базиликом	326
61. Дровосек и его три дочери	329
62. Сейлемез-султан	331
63. Сказка о плешаке	340
64. Сын богача	345
65. Сказка о дровосеке	351
66. Три плута	355
67. Сказка о девяти безбородых	357
68. Сказка о сорока небылицах	363
69. Дровосек	365
70. Кель-олан	367
71. Богатырь	373
72. Две старухи	378
73. Хитрая женщина	381
74. Звездочет	387
75. Сказка о циновщике	390
76. Вор и карманник	398
77. Сказка о «шап» и «шекер»	403
Примечания	417
Указатель общеупотребительных в сказках восточных слов	449
Типологический анализ сюжетов	454

ТУРЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РНЦО
Академии наук СССР*

Редактор *И. Л. Елевич*

Художник *Л. С. Эрман*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Э. Ш. Язловская*

Корректоры *А. В. Попкова* и *Л. И. Романова*

Сдано в набор 29/III 1966 г.

Подписано к печати 17/XII 1966 г.

Формат 60 × 84^{1/16}. Печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 28 69,

Тираж 100 000 экз. Изд. № 1542. Зак. № 4071.

Индекс $\frac{7-3-4}{169-66}$ Цена 1 р. 61 к

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва Краснопролетарская 16.

